

XXIX МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки

АЗИЯ И АФРИКА: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

21–23 июня 2017

Том 1

Vol. 1

21–23 June 2017

XXIX International Congress
on Historiography and Source Studies of Asia and Africa

ASIA AND AFRICA: THEIR HERITAGE AND MODERNITY

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
THE FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

XXIX International Congress
on Historiography and Source Studies
of Asia and Africa

**ASIA AND AFRICA:
THEIR HERITAGE AND MODERNITY**

Vol. 1

21–23 June 2017

Proceedings

St. Petersburg
2017

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

XXIX Международный конгресс
по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки

АЗИЯ И АФРИКА: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Том 1

21–23 июня 2017 г.

Материалы конгресса

Санкт-Петербург
2017

ББК 63.3(5)+63.3(6)

А35

*Издание материалов конгресса осуществлено
при финансовой поддержке:*

Штаб-квартиры Институты Конфуция,

Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии Корееведения (AKS-2016-OLU-2250002),

РГНФ, проект № 17-01-14039г

А 35 Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. — СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2017. — Т. 1. — 452 с.

Asia and Africa: their Heritage and Modernity. XXIX International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa. 21–23 June 2017: Proceedings / Ed. by N. N. Dyakov, A. S. Matveev. St. Petersburg: NP-PRINT, 2017. — Vol. 1. — 452 p.

ББК 63.3(5)+63.3(6)

ISBN 978-5-901724-35-4 (т. 1)

ISBN 978-5-901724-34-7

© Авторы сборника, 2017

© СПбГУ, 2017

Касевич В. Б. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Восток и Запад, гуру и реформаторы

В последние десятилетия термины *Восток* и *Запад* ушли, кажется, со страниц серьезных научных изданий, ими почти полностью завладели публицисты (в меньшей степени — политики).

Отказываясь от этих обозначений, многие начинают с того, что педалируют неоднородность культур и цивилизаций, относимых к Востоку или к Западу. С этим нельзя не согласиться: различий между мусульманским и буддийским Востоком, вероятно, больше, чем между протестантским Западом и, скажем, Египтом времен фараонов.

Не забывают упомянуть и о том, что современные представления о Востоке и Западе возникли благодаря геополитическим факторам, связанным с интенсивной колонизацией, когда в значительной степени оказались приравненными «Восток» и «объект колонизации». Причем «придумали» Восток представители стран-колонизаторов, для которых была просто «удобна» генерализация, результатом которой Восток оказывался монолитом, противопоставленным такому же монолиту с обратным знаком — Западу¹.

Наконец, можно утверждать, что даже с логической точки зрения оппозиция «Восток ~ Запад» не выглядит сколько-нибудь строгой: в отсутствие разработанной системы дефиниций мы рискуем оказаться в ситуации, когда на вопрос «Что такое Восток?» будет получен ответ: «Это то, что не есть Запад», а аналогичный вопрос относительно Запада получит ответ: «Это то, что не есть Восток».

И все же, несмотря на известную убедительность кратко изложенных здесь доводов против содержательной наполненности понятий «Восток» и «Запад», трудно отказаться от ставших привычными стереотипов; согласно последним, все-таки есть Восток, который пробуждает в памяти представления

¹ Ср.: Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., 2006.

об утонченности, духовных исканиях вместе с пренебрежением человеческой жизнью и т. п., а есть суровый и энергичный Запад, стремящийся к постоянному обновлению технологий, прогрессу в удовлетворении материальных потребностей человека и т. п. Вопреки изложенному выше, дихотомия «Восток ~ Запад» была известна уже античности. Вспомним, что, скажем, Иудея была *восточной* провинцией Римской империи, и эта ее характеристика отнюдь не исчерпывалась географическими координатами.

Разумеется, указанные выше признаки носят, скорее, коннотативный, нежели денотативный характер; они не могут заменить собой определений, которые зиждутся на более глубинных основаниях. Нижеследующие размышления имеют своей целью развить некоторые из положений, сформулированных в связи с рассматриваемыми здесь проблемами в предыдущих публикациях автора¹.

Имея дело со сложными культурологическими понятиями, к которым принадлежат и рассматриваемые в данном сообщении, полезно обратиться к методике, наиболее известной благодаря трудам по теоретической лингвистике: мы имеем в виду анализ по дифференциальным признакам. Несмотря на все его недостатки, он позволяет дать многомерную, стереоскопическую картину сложного объекта.

Как уже говорилось в упомянутых выше публикациях автора, мы предлагаем считать определяющим признаком восточных сообществ *традиционализм*. Понятно, что без опоры на традиции не может существовать ни одно общество, забвение традиций отрицает преемственность поколений и пагубно для общества. Это самоочевидно, и не об этом идет речь. Традиционализм, о котором говорим мы, — это *иерархия ценностей*: при принятии решений, как повседневных, так и жизненно важных для судеб популяции в целом, выбирается то, которое в наибольшей степени соответствует традициям. Небольшой пример: когда в 70–80-е годы в Бирме (Мьянме) рассматривалась орфографическая реформа, в основу был положен принцип «чем ближе предлагаемая орфограмма к тому, что засвидетельствовано в древних текстах, тем она предпочтительнее». Чем древнее текст, тем больший пиетет он вызывает.

Ниже мы рассмотрим перечень основных дифференциальных признаков, которые представляются полезными для характеристики Востока в сравнении с Западом. Это именно перечень, а не структура, поскольку в нашем распоряжении нет еще средств, позволяющих фиксировать организацию, тем более — формализацию исследуемых объектов. Для удобства признаки пронумерованы.

В паре (1) «**традиционализм ~ новаторство**» первый член выступает немаркированным, второй — маркированным. Если бы предметом нашего

¹Касевич В. Б. Востоковедение как наука // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. Языкознание. Литература. 2001. Вып. 3 (#18); Касевич В. Б. Востоковедение как комплексная наука // Введение в востоковедение: Общий курс. СПб., 2011.

внимания были лингвистические категории, то именно маркированный член оппозиции требовал бы особого внимания: немаркированный член оппозиции сродни теме и данному в информационной структуре высказыванию, маркированный — реме и новому. Но в культурологическом дискурсе, как мы видим, могут складываться и иные отношения, нас больше занимает традиционализм, поскольку это, в сравнении с новаторством, более сложно устроенная категория.

У признака «традиционалисты ~ новаторы» нетрудно увидеть значимые параллели с признаком (2) «**архаисты ~ новаторы**», известным преимущественно благодаря литературной полемике русских литераторов XIX века.

По словам Ю. Н. Тынянова, «„Беседа“ (главный печатный орган архаистов под редакцией адмирала Шишкова. — *В. К.*) соединилась с общественной реакцией, окрасив до наших дней в одиозный цвет и самую литературную теорию архаистов и сделав непонятной для исследователей связь младших архаистов, бывших в общественном и политическом отношении радикалами и революционерами, с их старшим поколением, по преимуществу общественными и политическими реакционерами»¹. Этот пример важен уже потому, что показывает нетривиальность дифференциальных признаков, которые, попав в соответствующий контекст, могут приобретать дополнительные толкования, подчас радикально меняющие их трактовку. «Учились бы, на старших глядя», — говорит Чацкому Фамусов, и в его устах это означает отрицание всякого движения вперед, воспроизведение застывшего прошлого.

Признак «традиционализм (архаизм) ~ новаторство» другой своей ипостасью связан с признаком (3) «**коллективизм ~ персонализм**», где маркировано значение «персонализм». Здесь тоже обнаруживается противоречивая внутренняя природа обсуждаемых понятий. С одной стороны, коллективизм, спаянность некоего сообщества делает это сообщество многократно сильнее по сравнению с каждым его членом; уже стадные животные, начиная с муравьев и кончая приматами, демонстрируют возможность добиваться принципиально нового качества, коль скоро соответствующих целей добивается коллектив. С другой стороны, для коллектива характерны уравнилельные тенденции, не способствующие развитию общества: великие прорывы во всех областях требуют «пассионариев», духовных, интеллектуальных и социальных лидеров.

Возможно, плюсы коллективизма наиболее заметны на заре данной цивилизации. Но там, где коллективизм — это не только новые свершения за счет преимуществ разделения труда (в широком смысле термина), но и отрицание индивидуальности, там позитивный ресурс коллективизма подвергается эрозии и возникает угроза интеллектуальной и социальной стагнации.

Еще один признак, который определенно соотносится с традиционализмом (и коллективизмом), — это (4) «**единое ~ множественное**». Не

¹ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники, М., 1969. С. 67.

занимаясь здесь собственно философским анализом соответствующих представлений, отметим лишь, что одно из ранних детальных исследований в данном направлении принадлежит Плотину — самому известному из неоплатоников. Плотин связывает рассматриваемые категории с категориями времени и порядка. «Пока Душа взирает на то, что было до нее, она мыслит; когда она взирает на саму себя, она хранит себя; по отношению к тому, что после нее, Душа несет порядок, поддерживая и направляя»¹. Иначе говоря, Единое — это целостность и порядок, эксплицирующий временные соотношения. «Рассыпанное», раздробленное, не связанное друг с другом — это множественность.

В учениях гностицизма проблема Единого приобретает свою окраску, она (проблема) толкуется как соотношение Я и Мир. Об этом пишет М. К. Трофимова: «Проблема „я“ и „мир“ сопряжена с вопросом о том, что есть познание мира. Размышляя о мире, человек может отделять себя от него как познающий от познаваемого. Такое отделение и противопоставление себя ему необходимо аналитическому мышлению. Вместе с тем своей жизнью, существом, деятельностью человек включен в мир»².

Как это нередко случается в гносеологических исследованиях, здесь не учитывается, что человек противопоставляет себе не только мир, но и другому Я, что вводит в гносеологию социальное измерение³.

Подытоживая, можно сказать, что традиционализм ассоциируется с целостностью как мира, так и общества, синтез противопоставляется анализу.

Признаки, сжато представленные выше, характеризуют прежде всего мировоззренческие аспекты традиционализма в его противопоставленности новаторству. К ним можно прибавить два признака, которые связаны, условно, с социальной технологией. Первый из них — (5) **статус обычного права (*lex non scripta*) в его соотношении с формализованным, «писанным» правом (*lex scripta*)**. В архаических сообществах на первый план выдвигается обычное право. Формализованный закон не пользуется должным уважением, за ним не признается сила справедливости⁴. В отличие от признаков (1–4), признак (5) даже формально отличается, выделяется своей формулировкой. Здесь лишь с некоторым трудом просматривается структура бинарной оппозиции, логически объединяющая признаки (1–4). Содержательно признак говорит о том, как видят члены социума свое общество с этической точки зрения. В качестве

¹ Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 2. Средневековье. СПб., 1995. С. 246.

² Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979. С. 7.

³ Ср.: Бубер М. Я и Ты. М., 1993.

⁴ См., например: Бочаров В. В. Антропология, социология и востоковедение // Введение в востоковедение: Общий курс: Общий курс / под ред. Е. И. Зеленева, В. Б. Касевича. СПб., 2011. С. 170–184.

типовой ситуации, обнажающей статус данного признака, уместно вспомнить знаменитое латинское выражение «Пусть погибнет мир — лишь бы торжествовал Закон (*Fiat jus et pereat mundus*)». Такой тезис никогда не возник бы в традиционалистском, архаическом сообществе, ориентированном на «преданья старины глубокой». Его значение, далеко не всегда толкуемое корректно, в действительности говорит нам: локальное нарушение Закона *здесь и сейчас* не угрожает существованию мира с его системой этических императивов, хотя «гибель» Закона как такового — это гибель мира, который без Закона, равно приложимого для всех, просто не может существовать.

Еще один признак (6), который трудно обойти в настоящем обсуждении, с одной стороны, относится, подобно признакам (1–4), к области гносеологии. С другой, философский прагматизм (инструментализм, экспериментализм), к которому мы здесь адресуемся, по-своему трактует задачи поиска истины. Согласно учению прагматистов (особенно в редакции Дж. Дьюи), человек не занят поисками объективной истины — он решает соответствующие *проблемные ситуации*, с которыми сталкивается в реальной жизни. Наличие проблемной ситуации создает напряженность, которую нужно снять, разрядить. Выработка рекомендаций по разрешению проблемных ситуаций и составляет основное содержание прагматизма.

Как видим, здесь вряд ли можно заметить некую (бинарную) оппозицию, признак, в сущности, отвечает на вопрос: «Что есть истина?».

Еще более своеобразен признак (7). Его вводит американский философ, религиовед, культуролог Дж. Табер, который делит религиозные (религиозно-философские) учения на «трансформативные» (*transformative*) и «нетрансформативные». Основание для деления и здесь носит по существу этический характер: для последователя трансформативного учения важно, чтобы его миро-созерцание, правила жизни не расходились с теоретическими представлениями той религиозно-философской системы, с которой он себя отождествляет. Иначе говоря, адепта трансформативного учения это последнее **трансформирует**, что выступает непременным условием подлинности веры¹. Сказанное может показаться тривиальностью, однако, если мы сравним, например, сколько жителей России считают себя православными и сколько регулярно исповедуются и причащаются, проблема, как нам кажется, перестает быть тривиальной.

Практически об этом писал и Ю. М. Лотман, когда он объяснял смысл знаменитого европейского путешествия Н. М. Карамзина. По словам Лотмана, Карамзину «нужно было встретиться с европейскими знаменитостями, чтобы оценить „теории и системы в связи с оценкой личности их авторов“»². И далее: «Это отличалось от западного подхода, при котором читатель „Эмиля“ никогда

¹ *Taber J. A. Transformative philosophy: A study of Sankara, Fichte and Heidegger. Honolulu, 1983.*

² *Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина, М., 1987. С. 60.*

не отбрасывал книги со словами: „Не верьте этому человеку: он проповедует одно, а делает другое!“»¹ (ярким примером философа, чьи «теория и практика» существенно расходились, может служить, вместе с Руссо, и Сенека²). «В России же, — продолжает Лотман, — по отношению к русскому писателю (который традиционно занимал и место философа. — В. К.) вопрос ‘како живеш?’ был неотделим от вопроса ‘како веруеши?’» (Там же).

Разумеется, можно сказать (и это будет вполне оправданным), что речь здесь должна идти не только о разных учениях, но и о разных отношениях к данному учению в рамках разных культур, разных популяций. Различие, где учитывалась бы и специфика учения, и специфика следующего учению сообщества, можно описать таким образом. Некоторые учения **более склонны** к тому, чтобы в определенных исторических условиях выступать в качестве универсального регулятора жизни общества — не требуя специфических регуляторов, т. е. покрывая законы экономики, права и т. п. Вряд ли можно отрицать, что это архаическая черта. В сегодняшнем мире этому описанию в наибольшей мере отвечает ислам (и любое теократическое государство).

Соответственно, одни сообщества более склонны вырабатывать, принимать, распространять учения, идеологически тоталитарные (в широком смысле слова), другие — менее.

Именно первый тип учений, где обычно есть взаимное тяготение типа общества и типа учения (трудно сказать, что играет детерминирующую роль — тип общества или тип учения), обычно выступает как трансформативный, второй — как нетрансформативный. Трансформативные учения ассоциируются с **Востоком**, а их идеологические антиподы — с **Западом**.

Типичный духовный лидер трансформативного толка — (индийский) *гуру*, типичный лидер нетрансформативного «образца» — это революционер и реформатор.

Своеобразен в данном отношении буддизм. С одной стороны, буддизм предполагает, что его последователь всю свою жизнь должен посвятить улучшению кармы, что, в конечном итоге, должно привести его к Нирване. С другой, буддизм ничего не добавляет к тому, что в любом случае должен делать человек, который живет в ладу со своей совестью (ср. знаменитое «пары Паскаля»).

В том контексте, который нас интересует, стоит особо выделить отношение нашего общества к марксизму.

Славянофилы отвергали марксизм, в частности, потому, что считали его сугубо западным учением, плохо соответствующим специфике России. Неосла-

¹ Там же. С. 61.

² Характеризуя времена первых веков Римской империи, М. К. Трофимова пишет: «Учения, занимающие людей времен Империи, — зачастую лишь предмет тренировки ума, не влияющий на выбор жизненных установок, на нравственный облик» (Трофимова М. К. Указ. соч. С. 8).

вянофилы, евразийцы и неоевразийцы объясняют крах социалистического/коммунистического проекта в России этим же: согласно соответствующим авторам, марксизм в России не мог привиться именно в силу его западной природы.

Но верно ли, что Маркс — мыслитель западного типа? Здесь уместно вспомнить знаменитый 11-й тезис работы раннего Маркса «Тезисы о Фейербахе»¹, где говорится: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Взгляды молодого Маркса свидетельствуют о том, что ситуация сложнее, чем ее рисовали славянофилы и евразийцы. С одной стороны, здесь Маркс действительно показывает себя как **западный** мыслитель, подходящий к миру как «технолог», стремящийся к его (мира) переустройству. (Напомним, что Будда также стремится к переустройству, но не мира, а человека.) С другой, переустройство мира должно, вероятно, привести к устранению «двойственности», идеологических «ножниц» между миром и философом, т. е. философия Маркса оказывается, в терминах Табера, трансформативной, а мы видели выше, что это — специфическая черта **восточных** учений.

¹ Эта работа была посмертно опубликована Энгельсом в 1888 г.

СЕКЦИЯ I.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЯ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ПАМЯТИ ПРОФ. АННЫ АРКАДЬЕВНЫ
ДОЛИНИНОЙ (1923–2017)
HISTORIOGRAPHY
OF THE MIDDLE EAST
IN MEMORIAM OF PROFESSOR
ANNA A. DOLININA (1923–2017)

Çetin Aykurt (Bozok University, Yozgat, Turkey)

The Official Chroniclers in the Ottoman Historiography

The tradition of chronicle writing in the Ottoman Empire entered a new stage with the creation of the office of chroniclers (*vak'anüvislik*) at the beginning of the 18th century by the Grand Vizier Amcazade Hüseyin Köprülü Pasha who was in office from 1697 to 1702.

It is not possible to determine the main reason for the decision to establish the office of chroniclers. It might have resulted from the previous practice when Ottoman sultans used to encourage history writing. In addition, it can be argued that such an office could be considered helpful for the state itself. At the beginning of the 18th century the Ottoman Empire confronted serious problems. For this reason revealing prestigious and positive sides of the past by the chroniclers could be regarded helpful for the consolidation of the state.

In this study the peculiarities of the office of chroniclers and its contribution to the Ottoman historiography will be evaluated.

Christides V. (Institute for Graeco-Oriental and African Studies,
Kryoneri Attikis, Greece)

Hagiographical Works as Historical Sources in the Arab-Byzantine Relations

A General Survey concerning (a) the nature of Judaism in the Kingdom of the Himyarites and the Role of Indians and their Naval Technology in the Seafaring of the Red Sea and the Indian Ocean as reflected in the Martyrdom of St. Arethas and his Companions; (b) Hagiographical Works within a Legendary Frame: The Narration of the Discovery of the Relics of Saint Valerius, the Bishop, Vincentius, the Deacon, and Eulalia, the Virgin (P. Peeters, Analecta Bollandiana 30.1 (1911), 301–304).

(a) The nature of Judaism in the Kingdom of the Himyarites and the Role of Indians and their Naval Technology in the Seafaring of the Red Sea and the Indian Ocean as reflected in the *Martyrdom of St. Arethas and his Companions*

There is little doubt that hagiography, which belongs to the realm of Christian edification, abounds with numerous spurious passages, miraculous events and other material. However, according to the present author's view, the incidental historical information should not be lightly dismissed since it can illuminate historical details omitted in the solid information provided by archaeology and epigraphy¹. Thus, for example, the hagiographical work *The Martyrdom of St. Arethas and his Companions*, written by an unknown author, while describing the resistance of the Christians of the semi-independent province of Negran in the Himyarite Kingdom in Yemen against their Jewish king Dhū Nuwās in the sixth century, is simultaneously a significant source of multi-faceted information about this kingdom². The most significant information we gain from this source is that it illustrates the socio-political structure of the Himyarite Kingdom³ and demonstrates the unique freedom of international navigation in the Red Sea and beyond at this period⁴.

In the first part of the present study, two brief discussions will be undertaken concerning the contribution of *The Martyrdom of St. Arethas* relevant to the

¹Needless to say, archaeology and epigraphy remain the main indispensable sources in the service of History.

²The text was edited with an excellent French translation: *Le Martyre de Saint Aréthas et de ses compagnons (BHG 66)*, ed. by Marina Detoraki, trans. by Joëlle Beaucamp, Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 27, Paris 2007.

³Christides, "The Dawn of the Urbanization in the Kingdom of the Himyarites in the 6th century and in the Light of Byzantine Hagiography", in *Interrelations between the Peoples of the Near East and Byzantium in Pre-Islamic Times*, ed. V. Christides, Cordoba 2015. P. 33–36 (article: P. 25–48).

⁴V. Christides, "The Himyarite Kingdom on the Eve of and after the Ethiopian Dominance in the Sixth Century A. D. in the *Martyrdom of St. Arethas and his Companions* and in the *Acts of St. Gregentius*", *Journal of Semitics* 24.2 (2015). P. 678–700, especially 685–686.

struggle between Christians and Jews in the sixth century Himyarite Kingdom preceding its subjugation by the Ethiopians (ca. 525 AD). The nature of Judaism in Himyar during this period, as reflected in *The Martyrdom of St. Arethas*, is examined in the first part and, in the second, the role of the Indian technology in the development of navigation in the Red Sea will be examined as it is reported in the same work.

Unfortunately, the paucity of the relevant sources does not provide us with any concrete information about the nature of Judaism which existed in the Kingdom of the Himyarites. In addition, there is no archaeological evidence to reveal the type of Judaism which was spread in the 4th century AD before the advent of Christianity in South Arabia¹. Certainly, there are frequent references to the pre-Islamic times in the Arabic sources, but, as Robin suggests, we are not sure whether these people were actually real Jews². There are no archaeological remains at all to corroborate the literary sources. Bowersock's assumption that a building found in Qāni of South Arabia was a synagogue³ is not persuasive⁴. The general impression we can mainly glean from the epigraphic evidence is that Judaism was practiced in an unusual way in the Himyarite Kingdom and, as characterized by Robin and Gajda, it was a unique type of Judaism⁵, the nature of which still remains unclear.

The *Martyrdom of St. Arethas* corroborates the peculiarities of the Himyarite Judaism which was practiced in the Himyarite Kingdom in the 6th century with the vague reference that the Jews of Himyar “did not live according to the Law”, without reporting which parts of the Law were violated⁶. It should be noted that an Arabic translation of the *Martyrdom* states that “the Himyarites did not strictly follow Moses' Law save for some dietary matters”⁷.

¹ Ch. Julien Robin, “Introduction”, in *Judaïsme ancien et origines du christianisme*, ed. J. Costa, D. Hamidovic and P. Piovaneli, *Le judaïsme de l'Arabie antique*, Actes du Colloque de Jérusalem (février 2006), Turnhout 2015. P. 8 (article: P. 7–11).

² Robin, “Introduction”. P. 7.

³ G. W. Bowersock, “The New Inscription from South Yemen”, in J. S. Langdon, S. W. Reinert, J. Stanojevich, and Ch. P. Ioannides, eds., *ΤΟ ΕΛΛΗΝΙΚΟΝ. Studies in Honor of Speros Vryonis, Jr., Volume I, Hellenic Antiquity and Byzantium*, New York 1993. P. 3–8; likewise Y. Tobi, “The Jews of Yemen in Light of the Excavation of the Jewish Synagogue in Qani' (poster)”, *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 43 (2013). P. 354 (article: P. 349–356).

⁴ Aisha Abuljadayl, “The Death of King Dhū Nuwās (ca 517–525 CE) in the Himyarite Inscriptions, Syriac, Greek and Arabic sources: His Military and Religious Policy”, in *Interrelations between the Peoples of the Near East and Byzantium in Pre-Islamic Times*, ed. V. Christides, Cordoba 2015. P. 14 (article: P. 11–23).

⁵ Ch. Robin, “Le judaïsme de Himyar”, *Arabia* 1 (2003). P. 151 (article: P. 97–172); I. Gajda, *Le royaume de Himyar à l'époque monothéiste*, Paris 2009. P. 239.

⁶ *Martyrdom of St. Arethas*, p. 185, lines 11–12: οὐκ κατὰ τὰς ἐντολὰς τοῦ νόμου ζῶντες...

⁷ J. P. Monferrer-Sala, *Redefining History on Pre-Islamic Accounts. The Arabic Recension of the Martyrs of Najrān*, Piscataway, NJ 2010. P. 41.

It is also necessary to point out that the controversial, Byzantine hagiographical source, *The Acts of St. Gregentius*, describes certain characteristics of the Himyarite Jews, i.e. common habitations, inter-marriages, etc., but it is not clear whether it reflects the actual situation of the Himyarite Jews in the 6th century or whether it was a later interpolation¹.

Regarding the second discussion of this study, the role of the Indian mariners in the Red Sea and the Indian Ocean international sea trade acquires great significance at the turn of the sixth century A. D., as reflected in the hagiographical source *The Martyrdom of St. Arethas*. Indian ships from the Hellenistic times were engaged in the lucrative silk trade which, starting from Klysmā near present Suez, reached India and expanded even further to China². Additionally, Indian sailors-merchants frequently traded in the port of Alexandria³ and held a key position in the Roman maritime trade⁴.

As Casson correctly pointed out, even at the peak of the Roman — Indian trade in the 2nd and 3rd centuries it was carried out by individual Roman or Indian merchants without any governmental coordination or support⁵. As I also previously mentioned, “there were no ethnic [Roman] merchant fleets [in the Indian-Arabian maritime trade routes], but only merchant ships owned by individual Roman owners, and we can only speak about Roman trade preponderance based on the maritime activities of the individual Roman merchants”⁶. By the 6th century AD while the supremacy of the Byzantines’ naval power (the successors of the Romans) in the Red Sea and the Indian Ocean was lost, overshadowed by the newly developed Ethiopian navy, still the Indo-Arabian sea trade continued to be left in the hands of the individual Roman and Indian merchants⁷.

¹ V. Christides, “The Dawn of the Urbanization in the Kingdom of the Himyarites in the 6th century”. P. 44–45.

² For the early activities of the Indians in Socotra (Greek *Dioscourides*), located close to the Yemenite coast, see A. Wink, *Al-Hind, the Making of the Indo-Islamic World*, vol. I, Leiden; New York; Köln 1996. P. 45; A. Ubaydli, “The Population of Sūqutrā in the Early Arabic Sources”, in *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 19 (1989). P. 137–154.

³ L. Casson, trans. and commentary, *The Periplus Maris Erythraei*, Princeton 1989. P. 34.

⁴ For the Indo-Arabic trade see E. Heldaas Seland, “The Indian Ships at Moscha and the Indo-Arabian Trading Circuit”, *Proceedings for the Seminar for Arabian Studies* 38 (2008); idem, *Ports and Power in the Periplus: Complex Societies and Maritime Trade on the Indian Ocean in the First Century AD*, Oxford 2010, with an exhaustive relevant bibliography; E. H. Warmington, *The Commerce between the Roman Empire and India*, New Delhi 1995.

⁵ L. Casson, *The Periplus Maris Erythraei*, 36–37, where he refutes M. Charlesworth’s opposite view, in P. Coleman-Norton, ed., *Studies in Roman Economic and Social History in Honor of Allen Chester Johnson*, Princeton 1951. P. 135–136.

⁶ V. Christides, “What Went Wrong in the Long Distance Roman Naval Power in the Red Sea and in the Indian Ocean in the Late Third Century AD?”, in *Graeco-Latina et Orientalia Studia in Honorem Angeli Urbani Heptagenarii*, ed. S. Khalil Samir and J. P. Monferrer-Sala, Cordoba 2013. P. 75 (article: P. 63–85).

⁷ V. Christides, “What Went Wrong in the Long Distance Roman Naval Power.” P. 73–75.

It should be noted that the *Martyrdom of St. Arethas* indicates that in ca. 525 AD, a great number of Indian merchants possessed ships which anchored in the port of Adulis¹. Nine of these ships were confiscated by the Ethiopians and were used for their invasion of the land of the Himyarites in the same year². More important details are found in the *Martyrdom* about the type of ships used for the transportation of the Ethiopian army in this invasion. It reveals that ten of the ships made in Adulis were built according to the local Indian sewn boat method³. Likewise, the nine Indian ships were undoubtedly also constructed according to the Indian method while we can assume that the rest of the ships, owed by traders from the Byzantine ports of Bereniki and Klyasma, were of the Mediterranean type⁴.

Recent, significant, underwater archaeological discoveries have amply demonstrated that in ancient and medieval times many ships, sailing in the Red Sea and the Indian Ocean, were constructed according to the Mediterranean design with few differentiations. Thus the insufficient iconographic evidence is augmented with the reliable archaeological finds⁵. Unfortunately, concerning the sewn boats used on the silk route, only the iconographic evidence enhances our literary sources⁶. The

¹ *Martyrdom of St. Arethas*, p. 263, §29, line 4: “πλοῖα τῶν ἐμπόρων ... Ἰνδοῶν”.

² *Martyrdom of St. Arethas*, p. 263, §29, line 6: “ἀπὸ Ἰνδίας ἐννέα». For this Ethiopian expedition see a detailed description in Christides, “The Dawn of the Urbanization in the Kingdom of the Himyarites in the 6th century”. P. 40–44. For the trustworthiness of the above passage of the *Martyrdom*, see Detoraki’s (editor) comment, *Le martyre de Saint Aréthas*, p. 262, note 177: “L’auteur du *Martyre* montre sa familiarité avec la terminologie et les coutumes navales à plusieurs reprises dans le texte.”

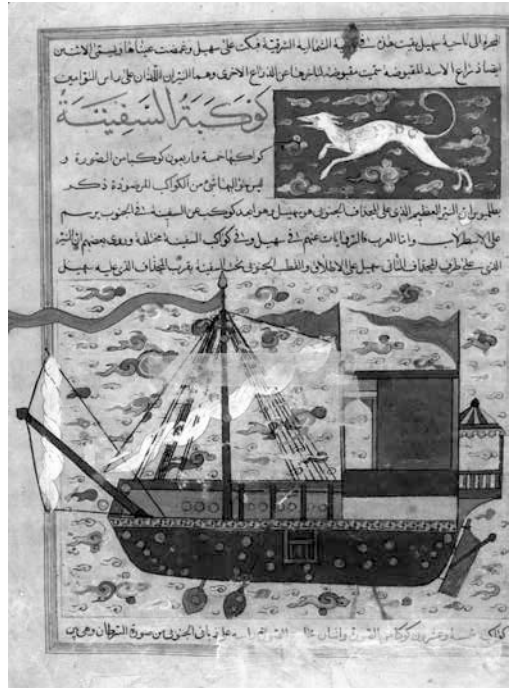
³ *Martyrdom of Saint Arethas*, p. 263, §29, line 9: “Ἰνδικὰ δέκα πλοῖα”.

⁴ For the Mediterranean type of construction we do have ample information from the shipwrecks of Yassiada and Serçe Limani; see D. N. Carlson, J. Leidwanger and S. M. Kambell, eds., *Maritime Studies in the Wake of the Byzantine Shipwreck at Yassiada Turkey*, College Station, TX, 2015; F. H. van Doorninck, Jr., “The Byzantine Ship at Serçe Limani: An Example of Small-Scale Maritime Commerce with Fatimid Syria in the Early Eleventh Century”, in *Travel in the Byzantine World*, ed. R. Macrides, Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications 10, Aldershor 2002. P. 137–148.

⁵ J. Whitewright, “Roman Rigging Material from the Red Sea Port of Myos Hormos”, *The International Journal of Nautical Archaeology* 36.2 (2007). P. 282–292; L. Blue, J. Whitewright and R. Thomas, “Ships and Ships’ Fittings”, in *Myos Hormos — Quseir al-Qadim. Roman and Islamic Ports on the Red Sea, Volume 2: Finds from the Excavations 1999–2003*, ed. D. Peacock and L. Blue, BAR International Series 2286, Oxford 2011. P. 179–205; L. Paine, “The Indian Ocean in the Seventh and Eighth Centuries”, in *Maritime Contacts of the Past*, ed. S. Tripathi, New Delhi 2015. P. 37–53.

⁶ For the various types and names of sewn boats see N. Chittick, “Sewn Boats in the Western Indian Ocean and Survival in Somalia”, in *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*, 9.4 (1980). P. 297–309; D. Agius, *Classic Ships of Islam: From Mesopotamia to the Indian Ocean*, Leiden 2008; Z. A. Shaikh, “A Study of the Sewn-Plank Boats of Goa, India”, *The International Journal of Nautical Archaeology*

Fig.1. *Zakariyā al-Qazwīnī*'s illumination of an Arab ship of the Indian Ocean. Clear depiction of the stern rudder. From his work: *'Adjā'ib al-Makhlūqāt*, MS B-370 (fol. 23r). Courtesy of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Manuscripts, St Petersburg

best depictions of the sewn boats (whose main characteristic is the stitching of the outside planks instead of fastening them with iron nails) are those illustrated in the well known manuscript known as “*Hariri’s Maqamāt*”¹. No doubt more iconographic evidence can be found; for example I noticed the illumination of a sewn boat in another Arabic manuscript (Fig. 1)². It is hoped that more attention will be paid to the research concerning the archaeological finds of the sewn boats³.

(b) Hagiographical Works within a Legendary Frame: The Narration of the Discovery of the Relics of Saint Valerius, the Bishop, Vincentius, the Deacon, and Eulalia, the Virgin (P. Peeters, *Analecta Bollandiana* 30.1 (1911), 301–304)

I have repeatedly suggested that hagiography should not be neglected as a historical source and should be used properly taking into consideration that its main aim is didactic⁴. Needless to say, legendary digressions frequently appear which

41.1 (2012), 148–157; L. Paine, “The Indian Ocean in the Seventh and Eighth Centuries”. P. 48–51.

¹ This manuscript is found in the National Library of Paris (Arab MS 5847).

² *Zakariyā al-Qazwīnī*'s illumination of an Arab ship of the Indian Ocean with a clear depiction of the stern rudder. From his work *'Adjā'ib al-Makhlūqāt*, MS B-370 (fol. 23r). Courtesy of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, St. Petersburg.

³ For a comparison of the construction of the two types of ships, i. e. the Mediterranean and the sewn boat, and the superiority of the latter in the Red Sea and the Indian Ocean, see V. Christides, “What Went Wrong in the Long Distance Roman Naval Power”. P. 80–81.

⁴ V. Christides, “The Martyrdom of Arethas and the Days after: History vs. Hagiography”, *Graeco Arabica* 7–8 (2000). P. 51–91 ; idem, “The Himyarite Kingdom on the Eve of and

can be easily ignored. Even when such passages can be overwhelming in a source, their sparse (but highly valuable) information should not be overlooked. A typical example is a hagiographical source preserved in its Arabic version: *The Narration of the Discovery of the Relics of Saint Valerius, the Bishop, Vincentius, the Deacon, and Eulalia, the Virgin* (P. Peeters, *Analecta Bollandiana* 30.1 (1911), 301–304). It is an Arabic translation of an original Greek work, now lost, written by an unknown Greek author, perhaps the 10th century author Paul of Monemvasia, who had written similar narrations, as suggested by H. Kalligas¹. Most probably, it was translated into Arabic by an Arab monk who used a simplistic style of Arabic for the benefit of his fellow Christian monks. The translator was obviously a Christian monk whose native language was Arabic, but according to an exaggerated statement by Peeters, it was semi-barbaric².

The theme of the narration is the shipping of the relics of the Spanish saints Valerius, Vincentius and Eulalia from Barcelona of Spain to a Greek island. Transportation of relics was not uncommon in medieval times, but this shipment is of particular importance because it is placed approximately within the chronological frame of the Arab conquest of Crete (ca. 823–825 AD). Barcelona had already been taken by Louis, the son of Charlemagne, king of Aquitaine, in 801/H 185³; therefore, there was no reason for the Christians to send away the relics of these saints to safeguard them from the Muslims⁴. In addition, as I pointed out⁵, the coffin with the relics of St. Eulalia still resides in Spain (Fig. 2).

In spite of the fabricated legend concerning the removal of the relics of these saints, I believe that certain information of particular value can be found in the above narration. The author reports that a new situation prevailed in the southern Aegean after the Arab conquest of Crete. The Byzantine naval supremacy was overturned and the Arabs of Crete expanded their dominion towards the Greek islands. Although a number of the attacks by the Arabs of the Emirate of Crete on the Greek islands

after the Ethiopian Dominance in the 6th century AD in *The Martyrdom of St. Arethas and his Companions* and in *The Acts of St. Gregentius*. P. 678–680.

¹H. Kalligas, *Byzantine Monemvasia. The Sources*, Monemvasia 1990. P. 55 ff.

²P. Peeters, *Le tréfonds oriental de l'hagiographie byzantine*, Bruxelles 1950, p. 187. See the Arabic text with an English translation and preliminary commentary, in V. Christides, *The Conquest of Crete by the Arabs (ca. 824). A Turning Point in the Struggle between Byzantium and Islam*, Appendix C. P. 215–220.

³É. Lévi-Provençal, *Histoire de l'Espagne musulmane, La conquête et l'émirat hispano-umayyade (710–912)*, vol. I, Paris — Leiden 1950. P. 175.

⁴Professor J. P. Monferrer-Sala was kind enough to inform me that Barcelona as late as the year 960 was in the hands of the Christians, specifically in the hands of Borrel II, Count of Barcelona, and that much later, in 985, al-Manşur sacked this city.

⁵V. Christides, “The Maritime Arab-Byzantine Frontier in the Southern Aegean (ca. 824/6–961): Cythera, Naxos, Paros, Elaphonesos, Dia”, in *Η Διεθνής Πανιώνιο Συνέδριο (Κόθηρα, 21–25 Μαΐου 2006)*, *Πρακτικά*, vol. III, Cythera 2009. P. 645 and fig. 3 (article: P. 631–652).

Fig. 2. View of the Cathedral crypt with the sarcophagus containing the relics of St. Eulalia. From: V. Christides, “The Maritime Arab-Byzantine Frontier in the Southern Aegean (ca. 824/6–961): Cythera, Naxos, Paros, Elaphonesos, Dia”, in *Η Διεθνές Πανιώνιο Συνέδριο (Κύθηρα, 21–25 Μαΐου 2006), Πρακτικά*, vol. III, Cythera 2009. P. 649

were raids for plunder, they were also aimed at the expansion of *Dar al-Islām* (area of Islam), reviving the maritime *jihād* of the Umayyads. Unfortunately, a number of modern historians, basing their views on Byzantine hagiographical works, describe the Emirate of Crete as a corsairs’ nest solely engaged in piratical raids and slave trade, confusing the period of the 9th–11th century with the much later chaotic situation in the Aegean, especially during the 13th–15th centuries¹ and the much later period (17th–18th century)². A vivid example of this confusion appears in Mentis’ statement “from the 9th until the 19th century, Germans, Sicilians, Turks, Algerians, Corsicans, French, Spaniards, a. o., were active in the Aegean, among them famous pirates such as Barbarosa, Kourtoglou, etc.”³.

In this narration of the transportation of the relics of the three saints, there is a description of the conquest and annexation of an island to the emirate of Crete, dated

¹ Angeliki Panopoulou, “Episodi di pirateria nello spazio marittimo di Cerigo tra il XIII et il XVIII secolo”, *Venezia e Cerigo, Atti del Simposio Internazionale*, Venezia 6–7 dicembre 2002, ed. Marina Koumanoudi — Chryssa Maltezu, Venice 2003. P. 133–143.

² Maria G. Patramani, “Πειρατεία και κούρσος στα Κύθηρα και η θέση των βενετικών αρχών (17^{ος}–18^{ος} αι.)», in *Η Διεθνές Πανιώνιο Συνέδριο (Κύθηρα, 21–25 Μαΐου 2006), Πρακτικά*, vol. III, Cythera 2009. P. 444–455.

³ C. Mentis, “Η κοινωνικο-πολιτισμική εξέλιξη του Σμιγοπέλαγος Πολιτισμού και η Ένωση του πρώτου κατοικημένου νησιού των Επτανήσων με την Ελλάδα», in *Η Διεθνές Πανιώνιο Συνέδριο (Κύθηρα, 21–25 Μαΐου 2006), Πρακτικά*, vol. III, Cythera 2009. P. 329 (article: P. 325–345). For the confusion of the situation in the earlier period in the Aegean with that of the later period see V. Christides, “Piracy, Privateering and Maritime Violent Actions: Maritime Violent Activities of the Taifa of Denia in Spain (11th c.) vs. the Arab Maritime *Jihād* in the Eastern Mediterranean from the Middle of the 7th–11th c.”, *Proceedings of the International Congress “Endangered Connectivity: Piracy in the Mediterranean in Antiquity, the Middle Ages and the Modern Period”*, May 5–7 2011, Ruhr-Universität Bochum. *Seeraub im Mittelmeerraum*, ed. N. Jasper and S. Kolditz, Paderborn 2013. P. 199–208.

to the time of the reign of the Byzantine emperors Leo VI and Alexander (886–912)¹. The Greek name of the island which is reported vaguely in the Arabic translation as “Ashāb al-Baqr” (the island of “the Owners of the Cows”) is not mentioned². From the various possible topographical locations of this island, the view that the appellation “Ashāb al-Baqr” seems most possible and could be a convenient translation of the Greek word Voiai (loosely connected with the word “βούς” or cow), the name of the coastal area below Monemvasia and across from the tiny island Elaphonesos (now also called “Voiai” or “Vatica”). The term “Voiai” includes both the island Elaphonesos and the mainland across from it³.

The additional remark reported in the narration that the island was devastated and all of its inhabitants “till the last” were killed seems to be an exaggeration, typical in the hagiographical sources. Most probably, because of its significant strategic position, below the famous port of Monemvasia, the island was transformed into a naval Arab base and part of its population was forced to move out. Nevertheless, a number of the local farmers and shepherds remained to serve the conquerors, working and grazing the land of the “cow owners”.

To repeat, the theory that the Arabs of Crete used to either exterminate all their captured Byzantines or sell them (the slave trade being their primary means of enrichment) is unacceptable. It is worth mentioning that in Cameniates’ narration of Leo of Tripoli’s sack of Thessaloniki in 904, it is reported that the inhabitants of Naxos at this period enjoyed excellent relations with the Arabs of Crete with whom they had a special tax arrangement⁴. Recent research by S. Panagiotou, in cooperation with K. Katsourous, has provided further evidence about the peaceful relations between the local inhabitants of Naxos and the Arabs of the Emirate of Crete.⁵ We do not know how long the friendly relations between Naxos and the emirate of Crete lasted. We can only vaguely place them between the year 904, the time Leo of Tripoli sacked Thessaloniki and sailed to Crete after stopping in Naxos, and the year 949 during which the Byzantines undertook an expedition for the recovery of Crete. The exact date of this expedition is reported in a document inserted in the work of Constantine VII Porphyrogenitus, *De ceremoniis aulae*

¹V. Christides, *The Conquest of Crete by the Arabs (ca. 824). A Turning Point in the Struggle between Byzantium and Islam*, Athens: Academy of Athens, 1984. Ar. text p. 216, trans. p. 217.

²Paradoxically A. K. Κυρου, «Περιπλανήσεις αγίων λειψάνων και μία άγνωστη καταστροφή στον Αργολικό», *Πελοποννησιακά* 21 (1995), p. 97–118, does not accept the translation of the Arabic word *baqar* as “cow”, ignoring the commonly known *sūra* (chapter) of the Quran called *baqar* which is universally translated as “cow”.

³P. Peeters, *Analecta Bollandiana*, 30.1 (1911). P. 301–304; M. Kordosis, “Ένα λακωνικό κάστρο του όγδοου αιώνα (Ελαφόνησος)», *Λακωνικάί Σπουδαί* 6 (1982), p. 259–267, but his translation of “baqar” is wrong.

⁴For Cameniates see E. Tsolakes, ed., text and modern Greek trans., *Ιωάννης Καμινιάτης, Εις την άλωσην της Θεσσαλονίκης*, Athens 2000. P. 174, §70, 1–2.

⁵S. Panagiotou, “Some Remarks on the Arab Raid on Naxos during the Dark Ages (7th–10th c.), *Graeco-Arabica* 12, forthcoming.

byzantinae, called *Stadiodromicon*, which demonstrates the itinerary of the Byzantine fleet from Constantinople to Crete via Naxos¹ but it does not mention that the inhabitants of Naxos continued to have the above-mentioned tax arrangement.

No doubt, such friendly stable relations between the local people and the Arabs of Crete were limited to a few islands situated near Crete, i.e. the small island of Dia across Handax, the capital of the Emirate of Crete². On the other hand, the island of Cythera, located at the westernmost corner of the maritime front between Byzantium and the Emirate of Crete, had become a constant battle field³.

To conclude, after careful scrutiny, the often overlooked hagiographical sources, frequently based on eyewitness information, are useful to complete our knowledge about the turbulent situation that prevailed on the Arab-Byzantine maritime front in the southern Aegean from the 9th century until the reconquest of Crete by the Byzantine in 961.

Vera Costantini (University of Venice, Venezia)
Venetian Sources on the Ponto-Caspian Area
(XV–XVII centuries)

The Ottoman conquests of Thessaloniki (1430), Constantinople (1453), and Negroponte (1479) negatively affected Venetian hegemony in the Northeastern Mediterranean region: understandably, the sultans were determined to protect their new capital city from foreign interferences⁴. As a consequence, the *Signoria*'s ruling

¹ See V. Christides, *The Conquest of Crete by the Arabs*, p. 221–224; J. Haldon, “Theory and Practice in Tenth-Century Military Administration: Chapters II, 44 and 45 of the Book of Ceremonies”, *Travaux et Mémoires* 13 (2000), p. 218–235, esp. 234–235 (article: p. 201–352); J. H. Pryor, “The *Σταδιοδρομικόν* of the *De Cerimoniis* of Constantine VII, Byzantine Wars, and the Cretan Expedition of 949”, in *The Greek Islands and the Sea*, ed. J. Chrysostomides, Ch. Dendrinos and J. Harris, Camberley, Surrey 2004. P. 77–83 (article: P. 77–108).

² V. Christides, “The Maritime Arab-Byzantine Frontier in the Southern Aegean (ca. 824/6–961): Cythera, Naxos, Paros, Elaphonesos, Dia”. P. 646–647.

³ For Cythera see M. Leontsini, “Όψεις του κυθηραϊκού τοπίου από τους σχολαστικούς υπομνηματισμούς στην αγιολογική αναπαράσταση» in Α΄ Διεθνές Συνέδριο Κυθηραϊκών Μελετών I, Cythera 2003. P. 310; J. N. Coldstream — G. L. Huxley, eds., *Kythera, Excavations and Studies Conducted by the University of Pennsylvania Museum and the British School of Athens*, London 1972; for a hagiographical source with valuable information about the Arab-Byzantine struggle in the southern Aegean in the tenth century, see N. A. Oikonomides, “Ο βίος του Αγίου Θεοδώρου Κυθήρων (10^{ος} αι.) (12 Μαΐου-BHG³, αρ. 2430)”, *Πρακτικά Τρίτου Πανιωνίου Συνεδρίου*, Athens 1967. P. 264–291.

⁴ K. P. Matschke. Research problems concerning the transition to Tourkokratia: the Byzantinist standpoint // F. Adanır and S. Faroqhi (eds.). *The Ottomans in South-Eastern Europe*. Leiden, 2002. P. 79–113. Th. Stavrides. *The Sultan of Vezirs. The Life and Times of the Ottoman Grand Vezir Mahmud Pasha Angelović (1453–1474)*. Leiden-Boston-Köln, 2001.

class shifted its main interests southward. The island of Cyprus was seized thanks to an astute matrimonial policy and a long season of renovated diplomatic connections was inaugurated, linking Venice to Mamluk Cairo, Aleppo, and Damascus¹.

Nevertheless, the northeastern route, leading to the Black Sea and, ultimately, to Central Asia, never lost its crucial significance in the mentality and cultural framework of the Venetian elites². Pragmatic as they were, the latter were not interested in re-visiting a past Golden Age, when merchants sailed to Tana/Azov and from there, following in Marco Polo's footsteps, departed for the fabulous Cathay, through steppes inhabited by Turkic peoples and rivers omitted by Ptolemaic maps. In the fifteenth and sixteenth centuries, far from arousing nostalgic memories of the city-state's medieval power, the knowledge accumulated by merchants and travelers in their centuries-long acquaintance of the Ponto-Caspian area became an essential reference point in shaping Venice's political and diplomatic intelligence beyond the ever-threatening Ottoman Empire³.

Since both its own economic fortune and the very existence of its state depended largely on the relationship with the Ottoman central government and provincial authorities, the Republic's ruling class placed considerable importance on information concerning the Empire in its broader sense, including those aspects that might be less evident and more difficult to understand, such as the links connecting the Ottomans to "the other Turks", i. e. the diversified spectrum of Turkic and non-Turkic peoples beyond the Ottoman eastern frontier. The Venetian government nourished the same investigative attitude towards the Safavid court, knowing that instability eastward generally meant peace in the Mediterranean. Since the motivation of such investigations derived from the same political necessity, the Venetian reports on both the Uzbeks and the Safavids had the tendency to establish an analogy between these two peoples as well as among any state located around the Caspian Sea: from the Venetian perspective, behind the different color of the respective turbans was hidden a potential Tamerlane, capable of defeating and humiliating the Ottoman Sultan.

In spite of this heavy ideological limitation, which inspired invented genealogies providing Timurid origins to most Ponto-Caspian dynasties, the Venetian secret ambassadors and travelers to Persia, such as Michele Membré, reported precise information concerning the fight over Khorasan in 1510 that had seen the Shiite Safavids (*qızılbaş*) opposed to the Sunni Uzbeks (*yeşilbaş*) (Membré 1542)⁴.

¹B. Arbel. Venetian Cyprus and the Muslim Levant, 1474–1570 // Cyprus and the Crusades. Nicosia, 1995. P. 159–186; F. Rossi (ed.). Ambasciatistastraordinaria al sultanod' Egitto (1489–1490). Venezia, 1988.

²G. Bellingeri. Venice and Central Asia after Marco Polo: Some Notes // S. Pagni (ed.). Italo-Uzbek Scientific Cooperation in Archaeology and Islamic Studies: An Overview. Roma, 2003. P. 197–268.

³Ibid.

⁴M. Membré. Relazione di Persia (1542). Manoscritto inedito dell'Archivio di Stato di Venezia, pubblicata da G. R. Cardona. Napoli, 1969.

A report made forty years later by Giambattista Ramusio described the same fight in even more accurate terms, explicitly mentioning religious differences and territorial claims (“*discordia di confini*”) as the main reasons for the war¹.

The legitimacy of the importance given by Venetians to “the other Turks” is also confirmed in Ottoman sources. *Firmāns* sent by Süleyman the Magnificent to the *bey* of Kefe/Feodosija and to the military staff of the fortress of Azaq/Azov, demonstrate that the alliance with *qıpçaq*-descendant Nogay dynasty was not taken for granted and thus considered particularly important in view of the outbreak of hostilities against the Russians².

While propagating the orientalist invention of the Ottoman diversity westward, the Venetians bore in mind their own political interests in the Sultan’s interactions with his own diversified “Orient”.

Through the interpretation of early-modern reports and descriptions of the Ponto-Caspian area, this paper will try to re-contextualize Venetian cultural position and political interests in a wider Eurasian framework.

Amal M. Elsboki (Banha University, Egypt)

Economic and Social Policy of Ibrahim Pasha in Syria

The present research is dedicated to the measures made by the Egyptian authorities in the 19th C. under Ibrahim Pasha to modernize economic life in Syria: a new fiscal system was created and some old taxes were abolished. All these measures promoted developing of local trade and crafts. At the same time, transit trade expanded: British fabrics were exported to Iran and India across the territory of Syria, and wool and other goods were annually transported to Marseille, Livorno and Trieste from Syria.

In spite of rigid Egyptian regime, Syrian trade has increased ten times and custom revenues — four times. Agricultural reforms led to a considerable growth of arable and sown lands, as well as to revival of old and birth of new villages. It should be mentioned that later, after the restoration of the Ottoman power, most of cultivated land and villages were desolated.

Among significant steps made by the orders of Muhammad Ali was the establishing of the banks in several Syrian towns, the fact that initiated loan issues for purchase of grain and tools. The practice of leasing land to Muslim and non-Muslim subjects has been widely spread.

The Egyptian occupation authorities also provided significant funds for the development of local mining industry in Syria. It was Ibrahim Pasha who began searching for raw materials. The Egyptian authorities in Syria monitored logging and timber export

¹ G. B. Ramusio. Dichiarationed’alcuniluoghi ne libri di Marco Polo con l’Historia del Rheu barbaro // Id. (ed.). *Secondo volume delle navigationi et viaggi*. Venezia, 1583.

² Başbakanlık Osmanlı Arşivi, *Mühimme Defteri 3, hüküm 83*.

from Syrian ports to Egypt (before the occupation of Syria timber was imported to Egypt from Austria). Some officials were involved in search and development of ore deposits, coal and iron mines. They invited foreign specialists — from England, France, Germany — to Syria and generously paid their labor.

Serkan Gul (Bozok University, Yozgat, Turkey)

History of Cevdet Pasha as a Source for the History of Ottoman-Russian Relations between 1774 and 1826

Ahmed Cevdet Pasha (1822–1895) was one of the most distinguished and productive personalities of the Ottoman bureaucracy and administration in the 19th Century. He occupied many significant positions as scholar, jurist, advisor, governor and state minister. In addition to his duties, he became one of the most prominent members of the Ottoman historical school. He was appointed as the official historian of the Ottoman palace (*vak'anîvis*) in 1855. His extensive work called *Tarih-i Cevdet* (History of Cevdet Pasha) can be described as one of the best-known and most-used works of the Ottoman historiography. This work was published between 1854 and 1884 in twelve volumes. It encompasses the history of the Ottoman Empire from 1774 to 1826, and extensively relies on archival sources as well as on chronicles of other Ottoman historians, ambassadorial reports and personal accounts. Cevdet Pasha's comparative and analytical approach makes his history a valuable and noteworthy source for the Ottoman history.

The present study is dealing with the Ottoman-Russian relations as presented and analyzed in *Tarih-i Cevdet*. In the period in question, Russia was considered as the principal enemy of the Ottoman Empire. Such attitude towards Russia played a decisive role in shaping the Ottoman foreign policy at that time. In his work, Cevdet Pasha gives detailed and interesting information on the Ottoman-Russian relations. This study will analyze *Tarih-i Cevdet* from the point of view of main problems between the Ottoman Empire and Russia, the Ottoman conception and perception of Russia, etc. Thus it is aimed at introducing *Tarih-i Cevdet* as a major source for the history of Ottoman-Russian relations in the late 18th — early 19th centuries.

Taha N. Karaca (Bozok University, Yozgat, Turkey)

Ibrahim Effendi of Pecuy and the significance of his work in terms of ottoman historiography

Ibrahim Effendi was born in 1572 in Pecuy, named originally Pecs, that is now in Hungary. Due to the town's name, Ibrahim Effendi was called “from Pecuy/Pecs” (in Turkish ‘Pecevi’). He gave us some information about his life and family in his work

History of Pecevi. His mother's family roots go back to the Bosnian Sokolovics. His paternal roots reach to Kara Davut Agha who once was at the service of Mehmed II. Ibrahim Effendi executed financial office duties (in Turkish 'defterdarlık') in many Ottoman cities during the reign of Sultan Murat IV. He resigned from his duty in 1641 and settled in Pecuy (Pecs) where he began to compile his work.

Apart from his official duties, Ibrahim Effendi is known as an Ottoman historiographer, the author of *History of Pecevi* in which he covers the period from Suleiman II (1520–1566) to Murad IV (1623–1640). To each Sultan's reign a separate chapter was assigned. So he formed his work in eight chapters. The final chapter covers the author's own time. His description of the events is very colorful and informative.

History of Pecevi is a significant work of the Ottoman historiography and can be distinguished from other historical works. Firstly, he uses different narrative historical sources and often refers to them in his work. Celalzade Mustafa, Gelibolulu Ali, Hadidi and Seydi Ali Reis's works have been mentioned. Such way of writing was absolutely new in the realm of Ottoman historiography. Secondly, the author used some official diplomatic documents related to the Ottoman-Iranian War of 1553–1555. Finally, the most distinguished feature of the work is that Ibrahim Effendi was the first who used sources in the Hungarian language and compared them with the Ottoman ones, thus introducing a comparative method into the Ottoman historiography.

In this contribution, we try to explain how Ibrahim Effendi used the historical sources and how he compared them with each other. Also we will discuss some events covered by him on the base of Hungarian and Turkish sources.

Donna Landry (University of Kent, UK)

'The Fellowship of the Horse' and Historiography: Seventeenth-Century Ottoman and Nineteenth-Century British Examples

For centuries one conduit for knowledge circulation between East and West took the form of equestrian culture. 'The fellowship of the horse' could inspire affinities even across national and religious antagonisms. Two important sources for their respective historical moments, the ten-volume *Seyahatname* of Evliya Çelebi (1611 — c. 1687) and the *Journal of the Waterloo Campaign* (1870) by General Alexander Cavalié Mercer (1783–1868), strikingly filter East-West affinities and differences through an equestrian lens. Otherness in both texts emerges through a process of triangulated comparativism within which equestrian, military and aesthetic judgments overlap and over-determine one another. The fellowship of the horse underwrites codes of honour and hospitality that transcend other differences, establishing affinities of superiority bequeathed by equestrian expertise and attachment.

For Evliya, as a hafiz, cavalryman and dervish, the Catholic Austrians and Protestant Hungarians may both be infidels, sometime allies and potential enemies of the Ottomans, but they are in many ways opposites: '[C]ompared to the Hungarians the Austrians are like the Jews: they have no stomach for a fight and are not swordsmen and horsemen'. Despite Muslim-Christian differences, the Ottomans and Hungarians, as people of the horse, share more characteristics than divide them, with Hungarians described as 'more honourable and cleaner infidels' than Austrians. The Royal Horse Artilleryman Mercer, during the post-Waterloo occupation of France, engages in a similar triangulation when he finally meets with Russian, Austrian and Hungarian troops. Unimpressed by the Austrians, Mercer is much struck with the Asiatic exoticism of the Russians: 'Nothing European was there.' His attraction to the Russians echoes his earlier admiration for an elderly Italian aristocrat and officer of Hungarian hussars, who, after seeing the world, had taken to living on his Belgian estate in as 'Turkish' as manner as possible. Mercer's journal is in some ways a romance of the East. A gifted artist and writer, his equestrian affinities draw him to whatever he glimpses of the non-European horseman. Both Mercer and Evliya, two hundred years apart, military men of different formations, evince a certain cosmopolitanism mediated through their attachments to the horse.

A further point of intersection is the figuration of Russia as a compellingly Eurasian space. Mercer's aestheticized fascination bears comparison with a crux in Evliya's text, when, sad to part with the envoy of Muscovy as a travelling companion, Evliya is snidely told by their Crimean Tatar host: 'You have travelled so much in the land of the infidels that you have fallen in love with the infidels'.

Tibor Linke (University of Erlangen-Nuremberg, Germany)

Un-Islamic charges in Islamic Law: Tributes and protection racket in Moorish legal literature

When looking at the pre-colonial Moorish society we encounter repeatedly notes on tributes and protection money collected within the different Muslim groups (Banū Ḥasan and Zawāya et al.). This is probably due to the acephalous segmentary social structure in precolonial West Africa. Since no state institution has been able to maintain law and order the inhabitants were confronted with the law of the jungle and had to manage their live apart from a classical government.

My paper will start with a precolonial *nazila* (*nazila/ nawāzil* [eng. case] as an interchangeable West African term for *fatwa/ fatāwa*) issued by Muḥammad Yahya Al-Walāṭī (d. 1911/12) on the inequity of a monetary charge called *mudārāt*. Following Al-Walāṭī this term denotes «to sacrifice something for the protection of a particular legal interest» and is related to the terms *maks/mukūs*, *mā'ūna* et al., which are all concerning tributes or/and protection rackets.

In the course of his argument, Al-Walātī relies, as usual for legal argumentation, on *Fatāwa* of older *Malikī* scholars, whereby in addition to the “usually” consulted *‘ulamā* of the *madhhab* (Khalīl b. Ishāq, Al-Wanšarīsī, Ibn Rušd Al-Ġadd et al.), also *nawāzil*-collections of lesser-known Muslim-Moorish scholars (back to 16th century) are quoted and interpreted (e.g. Ibn al-Ā‘mash al-‘Alawī, d. 1695-96 in Shinqīt). This mainly, as manuscript preserved material, will provide the basis of my paper. First results show, that the *mudārāh* was in general seen as an un-Islamic charge that had under certain circumstances to be accepted and implemented into Islamic law, but this acceptance and implementation caused several further problems, which needed to be discussed and often decided by judges and *muftis*.

The aim of my project is to trace back the transmission of the legal arguments on these charges and the problems as a consequence of the payments.

Gerald MacLean (University of Exeter, UK)

Kurds and Kurdistan: Earliest British Travellers Accounts in Light of Sharaf al-Din Bidlisi’s *Sharafname* (1597)

Historians of early-modern Kurdistan are remarkably well served by the *Sharafname*, the sixteenth-century history of the Kurds by Prince Sharaf al-Din Bidlisi, and by the seventeenth-century *Seyahatname* of the Ottoman traveller, Evliya Çelebi. Kurds make brief appearances in earlier chronicles and accounts under various names from the *‘popoli curdi’* of Marco Polo back to Xenophon’s *‘Karduchoi’* and other possibilities that continue to be debated by philologists¹. This paper derives from a larger project of examining English writing about the Kurds from their first reports of direct encounters in the 1590s, until the British take-over of Iraqi-Kurdistan following the 1914–1918 War. Here, I wish to focus only on an earlier British take over — that of Mediterranean trade from the Venetians — and the question of what was available knowledge in Britain about the Kurds when those first encounters were taking place. This question brings into focus two broader concerns: the nature and range of early-modern travel writing in the first age of European print culture, and the place of such writing in the contemporary circulation of historical and geographical knowledge and enquiry nationally and internationally.

The first printed report by an English traveller of encountering Kurds appears in Richard Hakluyt’s compendious *Navigations* of 1598, where Ralph Fitch reports noticing the *‘Cordies, or Curdi’* of Mardin while travelling in 1591, at a time when the

¹ *Bois. Th., Minorsky V., MacKenzie D. N. Kurds, Kurdistan // Encyclopaedia of Islam, Second Edition.* Eds. P. Bearman, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs. Brill Online, 2012.

Levant Company was running British shipping through the Ottoman Mediterranean¹. Unsurprisingly, the most extensive accounts of Kurds available in the sixteenth century were in Italian, mostly by Venetian diplomats and merchants, and many of them collected and published in Giovanni Ramusio's *Navigazione* (1555–1559)². Taken together, these provide an often detailed and informed history involving the Kurdish inhabited regions from the Ak Koyunlu confederacy (c. 1378–1501) to the rise of the Safavid dynasty in Persia under Ismael I and the effects of his defeat by the Ottoman sultan Selim at Çaldıran in 1514. With minor changes to the frontiers, the first British travellers arrived to find Kurds divided between these competing imperial states³.

In the light of F. B. Charmoy's scholarly translation of the *Chèref-Nameh ou Fastes de la Nation Kourde par Chèref-ou'ddine, Prince de Bidlis*⁴. I will examine the notices of Kurds in Hayton of Corycus' 1307 history of the Mongol and Islamic invasions of Asia (two separate English translations of which were prepared for Henry VIII in 1520) and in Ramusio's authors, and then show how the first British travellers to write about the Kurds were not only liable not to recognise Kurds when they met them, but also credulous of unreliable informants, prone to exaggeration and generalization, and singularly uninformed by available knowledge. Three centuries later not a lot had changed. In 1921, the first British Political Officer to take over command of Erbil province from the Ottomans, Rupert Hay, blithely observed that 'before the war ... the Kurd we had never heard of, or heard of only as the wildest of brigands'⁵.

Melanie Wood (Zayed University, Dubai, UAE)

Emirates Collection of Zayed University Library, United Arab Emirates

Local history research is important at each campus of Zayed University, in Dubai and Abu Dhabi. The students of Zayed University are primarily Emirati nationals and aside from having an interest in their history and need for current information about the United Arab Emirates there is a required course of Emirates Studies. The UAE became a country in 1971, from the previous Trucial States, the time before nationhood

¹ Ralph Fitch in Richard Hakluyt, *The Principal Navigations: Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation*. 1589; rpt. 8 vols. London: Dent, 1910. Vol. 3, p. 315.

² Giovanni Battista Ramusio, *Delle Navigazioni et Viaggi*, 3 vols. Venice: 1555–1559.

³ Martin van Bruinessen, *Agha, Sheikh and State: The Social and Political Structures of Kurdistan*. London: Zed Books, 1992. P. 144.

⁴ *Chèref-Nameh ou Fastes de la Nation Kourde par Chèref-ou'ddine, Prince de Bidlis, dans l'Iiâlèt d'Arzeroïme*. Trans. François Bernard Charmoy. 2 vols. St Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1868–1875.

⁵ William Rupert Hay, *Two Years in Kurdistan: Experiences of a Political Officer, 1918–1920*. London: Sidgewick and Jackson, 1921. P. 2.

is also part of the class. Emirates Studies students need to explore materials related to topics that have built the region and sustained the livelihood of the nation ranging from the records of ancient tribes to rise of the early crucial states to information about the falaj water channel systems, or economic information about pearl diving and fishing, to the contemporary topics of sustainable architecture and ecological tourism.

The full spectrum of materials that are available in print and electronically are located in our special collections on each campus: Emirates Collection Dubai and Emirates Collection Abu Dhabi. Depending on the material, the minimum we would order of a monograph related to UAE interest (history, culture, etc) would be one circulating copy for each campus and one non-circulating copy for each campus, for a total of four copies. Depending on the price and availability of any UAE related material, we would try to buy more circulating copies. If a popular UAE material becomes out of print, or if all the circulating copies are not returned to us, then we find ourselves with a problem. Out of print monographs have been an on-going problem for us, therefore we need to explore digitization projects in the near future to sustain this much used and important collection.

The library reference interviews with faculty, students, and visiting scholars, have been really interesting and challenging. My challenge as a non-Arabic speaker is to work with the Arabic portion of the collection. Our catalog is very sophisticated and most items are searchable in both Arabic and English, so I can easily direct patrons to the books on the shelf. Our Arabic language electronic resources are nearly impossible for me to assist, because the interface is also in Arabic, yet this is where many of the primary source documents are located.

At this time, few Emiratis want to work in libraries and even fewer are qualified with a master's degree in library and information science from an accredited library program; so there are very few Emirati librarians in university libraries. Yet our staff is lucky to be comprised of half Arabic speakers, so if possible I can refer a student who needs help with research to one of these staff members.

Collection development and reference questions for Emirates History and UAE information is one of my favorites, because of the functional challenge of working with these materials and intellectual inquiry that goes with it. Often the topic is chosen because the patron is deeply interested in the topic, so this is something I hope to share with the participants at the Oriental Congress.

Аверьянов Ю. А. (Институт востоковедения РАН, Москва)

Еретические движения в Османской Турции XVI века на примере суфийского братства байрамии (маламатий)

Суфийское братство байрамии (восходящее к хорасанской традиции маламатий — «порицаемых») было основано Хаджи Байрамом Вели (ум. 1429)

в окрестностях Анкары на территории Малой Азии. Один из двух выдающихся преемников Хаджи байрама — Деде Омер (Амир Сиккини, ум. в 1475) — отказался от внешних атрибутов передачи суфийского «пути», отличавших посвященных суфиев от простых смертных. Его последователям надлежало не общаться с женщинами и не жениться, не занимать должности имамов и муэдзинов, не строить свои собственные обители-текке и не посещать обители других братств (послание Пира Ахмеда Эдирневи). Вообще это братство придерживалось принципа сокрытия своего подлинного учения, поэтому в османских текстах до нас дошли лишь отрывочные сведения о его структуре, доктрине и участии в тех или иных исторических событиях. Члены этого «тайного союза» нередко для вида становились адептами других тарикатов, в том числе и тех, что были близки к султанскому двору в Стамбуле. Ремесленники разных профессий (от портных и изготовителей нижнего белья до молочников и продавцов халвы) составляли основу этого духовного объединения в XVI–XVII вв.

Вера в сверхъестественные способности высших наставников-кутбов и их решающее слово во всех земных делах подтолкнули членов братства байрамии-маламатийа к отказу от признания верховной власти османских падишахов. Один из шейхов этого братства Сунуллах Гайби в трактате *«Сохбет-наме»* («Книга бесед») называл везиров и падишаха «врагами людей Истины». На практике пик выступлений дервишей-меями против османских властей пришелся как раз на излишне «самодержавное» правление султана Сулеймана Кануни (1520–1566).

В то же время шейхи данного братства, например Бекир-ага Сютчю, в своих увещеваниях, обращенных к «пастве», призывали соблюдать осторожность и не высказывать дерзких мыслей, в том числе о переселении душ, в присутствии посторонних. Наставники других братств в своих трактатах иногда заявляли о том, что меями следуют пути «новшества и заблуждений, и отсутствия шариата и пути шайтана и желаниям ветреной плотской души» (Молла Иляхи *«Маслак ат-талибин»* («Убеждения взыскующих»)) закончен до 1491 г.). В XVI в. шейхи других суфийских братств стали даже публиковать письменные «опровержения» (реддийе) на те и иные творения байрами-меями; некоторые из них дошли до наших дней (например, *«Ибтал-и русухи»* Юсуфа Синана).

Султан Сулейман, имевший, как известно, с молодости страсть к переодеваниям, по преданию, тайно посетил кутба меями Пира Али Аксарайи с тем, чтобы убедиться в лживости доносов о принятии им на себя достоинства скрытого имама Махди. Есть основания полагать, что этот шейх все же не избежал тюремного заключения и даже насильственной смерти. Около 1557 г. в Анкаре был казнен путем распятия другой «сельский» шейх байрами — Хусам Анкарави (правда, по мнению его сторонников, он умер естественным образом в тюрьме, при этом сам обмыв свое тело пальмовой мочалкой и завернув его в саван).

В провинциях Османской империи ходили противоречащие друг другу версии гибели маламатийских шейхов, но в столице все происходило на виду у образованного сословия и ход событий находил более явное отражение в источниках. Сын Пира Али — Исмаил Машуки по прозвищу Оглан-шейх (то есть «Юный шейх») очаровал собой стамбульское общество в 30-х годах XVI в., проповедуя в Святой Софии и в мечети Баязида. Спустя какое-то время он был схвачен и осужден шариатским судом, возглавляемым действующим шейх уль-исламом Ибн Кемалем и будущим шейх уль-исламом Эбу-с-Суудом-эфенди, и приговорен к смертной казни. Ему и 12 его мюридам отрубили головы на ипподроме, тела же их были брошены в море.

Судя по источникам, близким к братству («*Самарат ал-фуад*» Сары Абдуллаха), Оглан-шейх фактически пожертвовал собой ради распространения учения маламатийа и привлечения всеобщего внимания, подражая жертвоприношению Исмаила его отцом пророком Ибрахимом (Авраамом). Тем более, что сам султан покровительствовал поначалу юному шейху, привезенному им лично в Стамбул в качестве заложника, и был ему как будто вместо отца. После казни Исмаил Машуки, по сообщению Эвлии Челеби, явился султану Сулейману, отдыхавшему в саду крепости Румели-Хисар, танцующим на поверхности моря вместе с 12 казненными послушниками и стал упрекать его, вследствие чего повелитель, осознав свою неисправимую ошибку, горько заплакал.

Причиной осуждения Исмаила Машуки, по мнению Эбу-с-Сууда, была его излишняя приверженность к суфийским «кружениям» (деверан), попытка возвести радения в ранг обязательного принципа ислама. Также из сохранившегося протокола судебного заседания явствует, что Исмаил Машуки полагал, что для человека нет ничего недозволенного (харам), самого себя считал воплотившимся имамом Махди, разрешал употребление вина (называя его «тростником любви»), отрицал необходимость поста, паломничества и молитв, то есть столпов веры.

Алексеев И. Л. (РГГУ, Фонд Марджани)

Социально-политическая теория Ибн Халдуна в контексте исторической динамики раннего ислама

Теоретическое наследие классической исламской политической и правовой мысли является сегодня, как и в прошлом, инструментом конструирования исторической памяти и точкой референции для современных политических дискуссий в исламе и об исламе.

В этой связи представляет интерес ряд вопросов, связанных со структурными особенностями логики политического развития ближневосточных обществ. К таким вопросам следует, в частности, отнести проблему соотношения исламского социально-политического идеала и династического

автократизма (*султанийа*) и ее теоретическую разработку Ибн Халдуном¹. Более того, по нашему мнению, это и есть центральный вопрос исторической социологии традиционного мусульманского общества, имеющий решающее значение при столкновении этого общества с феноменом модерна. Собственно говоря, весь категориальный аппарат *Мукаддимы* и его ядро ('*умран бадави* — '*умран хадари* — '*асабийа*) представляет собой попытку описания модели динамического взаимодействия этих двух парадигм. Категория '*асабийа* в этом контексте является ключевой для понимания подобной динамики.

«Классическая» исламская социальная модель — это модель городской религии, этики и политической культуры, носителями и промоутерами которой являются '*улама*'. Эта модель базируется на идеале автономной теократической общины (*умма*), управляемой на основе богоданного закона (*шари'а*), трактуемого, в частности, посредством консенсуса (*иджма'*) самой этой общины, выразителями которого в начальный период ислама являлись сподвижники Пророка (*сахаб*а), а в позднейшие эпохи — знатоки шариата ('*улама*').

Раннеисламская модель социальной организации — теократическая община во главе с харизматическим лидером — Пророком, — выступала альтернативой как чистому трайбализму, так и модели политической организации в рамках иерархических структур — «царств» и вожеств [Коротаев, 2003: 23–36].

Это позволило сохранить значительную часть институтов родовой демократии в рамках теократической мединской общины, что непосредственно проявилось после смерти Мухаммада, когда *умма* столкнулась с необходимостью выбора нового руководителя и проблемой преемственности такого руководства и стратегий ее легитимации. Если «праведные халифы» так или иначе утверждались консенсусом ее элиты, прежде всего в лице *мухаджиров*, то уже при Омеййадах возобладали тенденции превращения халифата в автократию (*мулк*), отнюдь не лишённую, вопреки общераспространённому мнению, религиозной легитимации².

В дальнейшем, противостояние Омеййадам со стороны как шиитов, так и составлявших исламский мейнстрим (*джама'а*) кругов ревнителей религиозного благочестия, прежде всего в Хиджазе, обусловило формирование суннитской религиозно-политической доктрины и социальной этики как фактора, сдерживавшего произвол халифской автократии — как при Омеййадах, так и при Аббасидах. Мусульманская правовая доктрина (*фикх*) в том виде, как она формировалась в VIII–IX вв., разрабатывалась не состоявшими на государственной службе частными лицами, которые к тому же нередко были оппозиционно настроены по отношению к этой самой власти. По мет-

¹ Simon R. Ibn Khaldūn. History as a Science and the Patrimonial Empire. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2002. P. 148–166. Ср.: Бартольд В. В. Халиф и султан // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 6. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Наука, 1966.

² Crone P., Hinds M., 1986. God's Caliph: Religious Authority in the First Centuries of Islam. Cambridge: Cambridge University Press (University of Cambridge Oriental Publications, 37).

кому замечанию О. Г. Большакова, мусульманское право той эпохи было «по своему характеру... более буржуазно, чем то общество, в котором оно действовало»¹, а сформированный в рамках этой доктрины социальный идеал ‘улама’ — «представляет своего рода бюргерскую утопию»².

Ибн Халдун, однако, отличает такой «ислам улемов» от ислама Пророка и его сподвижников. Это отличие он проводит именно по линии ‘асабийи. Первые мусульмане — говорит Ибн Халдун — не получали знание *дина* из ученых трактатов путем образования и воспитания. Их *фикх* основывался на том, что им было непосредственно дано Пророком. Авторитет Пророка (*су‘дуд*) и сила их веры делали их не нуждающимися во внешнем императиве (*вази‘*) в виде царской власти и т. п. Этот императив носил у них внутренний характер. С другой стороны, арабы, «по своей природе (*таби‘ийан*)» не способные подчиняться какой-либо власти, могли признать над собой только сакральный авторитет, каковым в итоге и стал пророк Мухаммад³.

Отсюда следует, что в раннем исламе произошла конвергенция двух форм «солидарности» - кровнородственной («племенной», ‘асабийя *кабйалийя*) и религиозной (‘асабийя *ал-ислам*). Однако «исламская ‘асабийя» оказалась недолговечной и уже при Омеййадах — в силу тех же природных причин, по которым арабы, будучи не в состоянии подчиняться кому бы то ни было, склонны, тем не менее, властвовать над другими — была трансформирована в автократическую монархию (*мулк*). При этом религиозная проповедь сохранила свое значение как мобилизующий фактор для новых асабийных групп, в частности, для Аббасидов и Алидов⁴.

Алиева Таира (Институт рукописей НАНА, Баку)

О рукописях произведений Ибн Сины, хранящихся в Институте рукописей НАНА

Институт рукописей им. М. Физули Национальной Академии наук Азербайджана обладает большой коллекцией ценных и редких рукописей на арабском, персидском, турецком и других языках по всем направлениям

¹ Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока (VIII — середина XIII в.). Социально-экономические отношения. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. С. 290.

² Большаков О. Г. Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М.: Наука, 1982. С. 205.

³ Ибн Халдун, ‘Абд ар-Рахмāн. Мукаддимат ибн Халдун / Тахкик дуктур Хамид Ахмад ат-Тахир. ал-Кāхира: Дар ал-Фаджр ли-т-Турāс, 2004. С. 161–175.

⁴ Al-Azmeh, Aziz. Ibn Khaldūn: An Essay in Reinterpretation. Budapest: Central European University Press, 2003. P. 25–29; Simon, Robert. Ibn Khaldūn. History as a Science and the Patrimonial Empire. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2002. P. 152–160.

средневековой науки Ближнего и Среднего Востока — астрономии, математики, поэтики, философии, теологии, права, грамматики, истории, географии и др. Важное место среди них занимают рукописи, переписанные на территории современного Азербайджана, в числе которых имеются и списки сочинений величайшего ученого мусульманского Востока Ибн Сины.

В Институте рукописей хранятся несколько рукописных списков произведений Ибн Сины. Наиболее ценным из них является список II тома сочинения «*Канун фи-т-тибб*» («Канон врачебной науки»), переписанный в Багдаде в 537 г. хиджры (1143 г.), спустя 100 лет после смерти ученого.

Рукопись I тома того же произведения, хранящаяся под шифром D-388, состоит из 126 листов. Переписана черными чернилами, почерком *насх*. Переплет украшен превосходным восточным орнаментом. На полях даны пояснения к тексту. Переписчик — Ахмад ибн Асадуллах Табризи. Дата переписки: 1278/1861–1862 гг. Размеры рукописи 30 × 21 см, текста — 25,5 × 13 см. Число строк — 16. Между строками имеются вставки.

В Институте рукописей также хранятся несколько ценных списков сочинения Ибн Сины «*Китаб аи-Шифа*». Рукопись, хранящаяся под шифром M-102, состоит из 117 листов, переписана на индийской бумаге. Она содержит 3-ю часть данного произведения, повествующую о богословии. Переписана в XVI в. в 997/1588–1589 г. в г. Шахджаханабаде в Индии. Текст написан черными чернилами, заглавия — красными. Размеры рукописи 24 × 16,5 см, текста — 17,5 × 10 см. Число строк — 23.

Рукопись с шифром B-1793 также содержит 3-ю часть «*Китаб аи-Шифа*». В начале рукописи указано имя автора: аш-шейх ар-раис ибн Али ибн Абдаллах Сина ал-Бухари. В конце имеется приписка, сделанная в 1183/1769–1770 г. Рукопись состоит из 203 л., написана черными чернилами, почерком *насх* с элементами *насталика*. Размеры рукописи 20 × 12 см, текста — 13,5 × 5,5 см. Число строк — 20.

В Институте рукописей хранятся также рукописи комментариев к произведениям Ибн Сины. Среди них следует отметить списки знаменитого комментария Насир ад-дина Туси к трактату «*Ишарат*» Ибн Сины под названием «*Шарх-и ишарат*», которые имеют большое научное значение.

Алонцев М. А. (РГГУ, РАНХиГС, Москва)

Источники антологии «Поминание друзей Божиих» Фарид ад-дина ‘Аттара и методы авторской работы с ними

Суфийское агиографическое сочинение Фарид ад-дина ‘Аттара (ум. 1221) «Поминание друзей Божиих» (*Tazkirat al-awliyā*) является уникальным памятником. С одной стороны, эта антология представляет собой продолжение арабо-

и персоязычной традиции составления работ в жанре «разряды» (*tabaqāt*). А с другой стороны, ‘Аттар выступает новатором, значительно отдаляясь от своих предшественников, как с точки зрения композиции сочинения, так и с точки зрения подачи материала. Используя уже существующую традицию суфийских антологий, автор «Поминания друзей Божиих» перерабатывает приведенную там информацию, привлекает целый ряд других источников, а также старается адаптировать материал для современного ему читателя. Например, в его обработке арабские цитаты из Корана и хадисов сопровождаются персидскими переводами, а рассказы о деяниях и речениях подвижников сгруппированы и поданы так, что «сухая» проза, претендующая на историзм и документальность, воспринимается как увлекательное повествование.

До написания «Поминания друзей Божиих» уже было создано большое количество сочинений, посвященных различным аспектам суфизма, как на персидском, так и на арабском языке. Основные источники антологии ‘Атгара приводит иранский исследователь М. Эстелами в предисловии к опубликованному им изданию текста¹: это арабские сочинения ‘Абд ар-Рахмана Сулами, Абу Ну‘айма Исфакхани, ‘Абд ал-Карима Кушайри (по всей видимости, в уже существовавшем тогда переводе на персидский) и Ибн ал-Джаузи, а также персидские работы Абу-л-Хасана Худжвири и ‘Абдаллаха Ансари. Очевидно, что ‘Аттар, ориентируясь на «иранскую» аудиторию, отдавал предпочтение источникам на родном для него языке.

Работая с основными источниками «Поминания друзей Божиих», ‘Аттар уделяет много времени трансформации приведенной в них информации. Во-первых, он полностью отказывается от приведения цепочки передатчиков (*isnād*) тех или иных историй и изречений, тем самым «беллетризируя» житийный нарратив. Во-вторых, помимо крупных сочинений систематизаторов суфийской традиции, он привлекает бытовавшие в то время сборники изречений и жизнеописания отдельных мистиков. В-третьих, приводимая им информация часто сопровождается авторским взглядом: ‘Аттар часто выражает свое мнение по излагаемой теме, а также сопровождает непонятные с его точки зрения места собственным комментарием. В докладе будут рассмотрены эти методы работы ‘Атгара с источниками при создании «Поминания друзей Божиих».

Абделла Ф. Эльсаадани (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Из истории российско-египетских контактов в 1830–1840-е гг.

После того как Мухаммед Али-паша стал правителем Египта (1805–1848), начался новый этап истории этой страны. Турецкий султан Махмуд II (1808–1839) старался использовать египетский потенциал, для решения проблем

¹ Shaikh Farīd al-Dīn Muḥammad ‘Aṭṭār Nišābūrī. *Tadhkiratu-l-awliyā’*. Barrasī, taṣḥīḥ-i matn, tawzīḥāt wa fahāris: duktur Muḥammad Isti‘lāmī. Tihrān, 1386 (çāp-i 16). S. 13–14.

Османской империи. Египет оказался в числе главных поставщиков рекрутов для османской армии в период подавления восстаний греков. Помимо этого Египет оказывал экономическую помощь, включавшую поставки зерна и фуража для османской армии.

Между тем Россия оказывала грекам поддержку и старалась ограничить влияние Османской империи в Черноморском регионе, а также в Средиземноморье. Одновременно турецкие власти начали проявлять активность, направленную против российских дипломатических представителей на Ближнем Востоке, в том числе в Египте, настраивая против них местных египетских правителей.

В 1830-е гг. Россия несколько изменила свой политический курс относительно Мухаммеда Али, стараясь не позволять ему доминировать в регионе и в то же время пытаясь проводить линию на ослабление Османской империи. Россия, таким образом, стремилась сохранить само существование турецкого государства, но сделать правящие круги империи более сговорчивыми и менее амбициозными.

Российская дипломатия в этот период предприняла ряд политических шагов, направив в регион своих представителей, которые должны были обеспечить предсказуемость отношений со Стамбулом и в то же время предотвратить возможную египетскую экспансию в Сирии, Ливане и других частях Ближнего Востока.

В числе наиболее ярких дипломатических посланников этого напряженного периода, предшествовавшего Восточной (Крымской) войне, необходимо отметить Н. Н. Муравьева, А. С. Норова и др. Так, А. С. Норов в середине 1830-х гг. был направлен на Ближний Восток с дипломатической и культурной миссией. Российские представители устанавливали контакты с египетской стороной и по другим линиям. А. А. Рафалович, находясь в Египте в середине 1840-х гг., обсуждал с местными властями возможность сотрудничества в медицинской и санитарной сферах. Он также провел собственные исследования и подготовил ряд публикаций по результатам своей поездки. Лично взаимодействовал с Мухаммадом Али и его представителями Е. П. Ковалевский, который одновременно провел на территории Египта и Судана ряд ценных географических и геологических исследований.

Атнашев В. Р. (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург)

Создание Палестинского государства: международно-правовой аспект

В статье рассматриваются некоторые ключевые вопросы международного признания Палестины как независимого государства и перспективы обретения ею реального суверенитета. Проблема анализируется в контексте международного права и международной политики. Автор пред-

лагает следующие основные тезисы:

Принятие Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 181 (II) в 1947 году заложило основу для решения палестинской проблемы. Вместе с тем, в измененном плане раздела и правовых рамках резолюции в значительной степени игнорировались законные и справедливые интересы арабского народа Палестины в отношении самоопределения. С момента одностороннего создания Израиля на палестинской территории, которое нарушило резолюцию 181 (II), конфликт между израильскими переселенцами и арабским народом Палестины превратился в межгосударственный арабо-израильский конфликт. Однако палестинский народ всегда был субъектом международного права — нацией, борющейся за независимость, которая имеет законное право на сопротивление, борьбу за свободу и полную реализацию своих прав.

В целом многосторонние переговоры и соглашения по палестинской проблеме играли позитивную роль в урегулировании этого конфликта. Это относится к признанию статуса ООП в качестве единственного представителя палестинского народа, а затем — к признанию Палестины в качестве независимого государства, находящегося под оккупацией. Государство Палестина, провозглашенное в 1988 году, в настоящее время признается большинством государств-членов Организации Объединенных Наций (136). Международные соглашения затрагивают не только само существование государства и статус палестинского правительства, но также обеспечивают юридические гарантии для выполнения обязанностей сторонами конфликта.

«Декларация принципов» (1993 год) создала предпосылки для мирного осуществления палестинским народом своего законного права на независимое и суверенное государство. Однако есть сомнения в отношении реального выполнения этих «Принципов». Во-первых, Израиль часто нарушает принципы международного права и гуманитарного права на оккупированных территориях. Во-вторых, нестабильность позиции Израиля демонстрируют политические кризисы израильского правительства, как, например, кризис в мае 1996 года. В-третьих, состояние израильско-палестинского конфликта по-прежнему обусловлено религиозным фактором, действующим с обеих сторон.

В докладе также дается краткий анализ изменений внешней политики США на Ближнем Востоке, которые могут подорвать проект двух государств для двух народов и сделать невозможным создание Палестинского государства в границах 1967 года.

Кроме того, в докладе рассматриваются некоторые социальные и экономические проблемы в Палестине, поскольку их острота дестабилизирует ситуацию и затрудняет проведение необходимых реформ. Между тем деятельность Комитета по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа является примером гибкости, необходимой для улучшения жизни населения Палестины.

Любое оккупирующее государство не имеет права ссылаться на угрозу со стороны населения оккупированных территорий, с тем чтобы оправдать насилие, нарушения прав человека, убийства и саму оккупацию. Только соблюдение норм международного права, стандартов в области прав человека, а также социально-экономическое развитие оккупированных территорий может обеспечить Израилю снижение экстремизма и создать более безопасную ситуацию. Без создания палестинского государства Израиль никогда не будет пребывать в мире с государствами всего Ближнего Востока.

Палестино-израильский конфликт имеет волнообразный характер, поэтому необходимо пользоваться периодами снижения уровня конфронтации, когда обе стороны больше готовы к взаимным уступкам. В любом случае, дальнейшая поддержка государства Палестина на международном уровне будет способствовать мирному процессу и более эффективной защите прав человека и обеспечению безопасности населения в обоих государствах.

Баконина М. С. (Санкт-Петербург)

Эпоха «постистины». Шиафобия в пропаганде ИГ: манипулирование фактами и образами (по материалам глянцевого журнала DABIQ)

Английское слово 2016 года «постистина» стало таковым по итогам политической кампании в Великобритании по выходу из ЕС и предвыборной кампании кандидата в президенты США Д. Трампа. По версии составителей Оксфордского словаря «постистина» (posttruth)¹, это социальные обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям предполагаемой аудитории.

Приемы формирования мнения аудитории в формате «постистины», манипулирование фактами или игнорирование фактов характерны в последние годы для пропаганды ИГ. В частности они широко применяются в ходе антишиитской пропаганды новопровозглашенного халифата. Голословное или подтасованное обвинение в ереси, ужасающая картинка, поданная без всяких комментариев, но играющая на общих настроениях потенциального зрителя или читателя воздействуют эффективнее, чем классический репортаж или доказательный комментарий с фактами и ссылками. Идеологи халифата тоже живут в эпоху «постистины».

¹ Word of the Year 2016 is..., <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016>, обращение 16.01.2017.

Яростная критика шиизма, причем всех его направлений, от зейдизма до исмаилизма, — один из центральных пунктов повестки дня в пропаганде ИГ. Не исключение глянцевая пропаганда и, в частности, журнал DABIQ¹.

Собственно термин «рафидиты» (*rāfidah*) встречается в каждом номере журнала, как в репортажах, так и в «просветительских» статьях DABIQ, причем только в негативной коннотации. Пропагандистские усилия идеологов халифата направлены на то, чтобы разъяснить потенциальной аудитории, почему именно «рафидиты», а не США и прочие «иудеи и крестоносцы» являются первоочередным «ближним» врагом ИГ и истинных суннитов, почему их нельзя считать мусульманами, невзирая на благожелательные высказывания о шиизме авторитетных суннитских богословов прошлого.

С этой целью даже в глянцевом издании обильно цитируется Коран, хадисы и труды мусульманских богословов разных эпох, а также современных факихов и политических деятелей. Задача достаточно сложна. Необходимо внушить читателям отвращение к глубочайшим заблуждениям современных «рафидитов», не опорочив при этом таких авторитетных сподвижников Мухаммада, как Али, его потомков и его сторонников. Следует объяснить, отчего шиитские общины при всем их нечестии мирно существовали рядом с суннитами много столетий, а теперь им объявляется беспощадная война.

Для этого идеологам ИГ необходимо заново «проанализировать» заблуждения шиитов и «открыть глаза» суннитским массам на преступления «рафидитов» против суннитов, совершавшиеся на протяжении столетий и совершаемые в настоящее время.

В сущности, в пропаганде халифата повторяется опыт пропаганды эпохи «постистины» о которой Питер Померанцев писал, что ее задача — отключить критическое мышление, заронить универсальный скептицизм, имитировать эмпатию и единение, дать иллюзию безопасности и «показать путь»².

На практике пропаганда такого рода предполагает стратегию давно известную, как «разделяй и властвуй». С помощью современных медиатехнологий, в том числе социальных сетей, для потенциальных adeptов создается информационный пузырь, куда не проникают аргументы оппонентов. Факты и правдивые комментарии не исчезают вовсе, а превращаются в объект для преднамеренных искажений³. Именно такого рода манипулятивные приемы и технологии используют идеологи ИГ в антишиитской пропаганде: умолчание, устрашение, подмена понятий и фактов, демонизация потенциального врага, ложная

¹ См., например: DABIQ is.13.

² См.: *Pomerantsev P. Nothing Is True and Everything Is Possible: The Surreal Heart of the New Russia*, NY: PublicAffairs, 2014, 256 P.

³ *Harsin J. Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies*, Communication, Culture & Critique, 2015, http://www.academia.edu/9855596/2015_Regimes_of_Posttruth_Post-politics_and_Attention_Economies, обращение 17.01.2017.

визуализация. Технологии предполагают непосредственное обращение к эмоциям, многократное повторение сильных постулатов при полном игнорировании неудобных фактов. Подобный вид пропагандистского воздействия чрезвычайно эффективен, поскольку в полной мере использует значимую личностную составляющую, идеологические представления о предмете потенциальной аудитории с помощью прямого или косвенного воздействия на эмоции.

Башарин П. В. (РГГУ, Москва)

Альтернативная Ка‘ба в средневековой мусульманской культуре: от исторического нарратива к мистическому символизму

По своей смысловой значимости символ Ка‘бы для средневековой мусульманской культуры столь же сложен и поливалентен, как символ Иерусалима для иудейской и христианской традиции. Впервые мотив о постройке альтернативного центра паломничества встречается в сообщении *Сиры* о возведении Абрахой церкви Калис в Сане с целью переключить направление паломничества арабов с Мекки. Данное объяснение, позднее по происхождению и не находящее подтверждения в других источниках по доисламской Аравии, можно увязать с политической борьбой в раннем халифате.

Оценка строительства Куббат ас-Сахра умаййадских халифом ‘Абд ал-Маликом породила в кругах исследователей неоднозначные интерпретации. Позитивистская наука (начиная с И. Гольдциера), опираясь на свидетельства ал-Йа‘куби и Евтихия, расценивала это событие как возведение альтернативного центра паломничества и как попытку заменить Мекку Иерусалимом (Черный Камень — Иерусалимской Скалой), объясняя этот факт захватом Мекки антихалифом аз-Зубайром. Данная гипотеза подвергалась критике, как по текстологическим основаниям (В. В. Бартольд), так и по соображениям, исходящим из архитектурной функциональности Купола Скалы (О. Грабар).

Несмотря на это данный нарратив явно имел основания для своего возникновения. Он опирался на альтернативную традицию Иерусалимского центра, почитаемого иудеями и христианами, и тем самым пытался продемонстрировать статус новой державы. Со временем в правящих кругах появляется мысль о допустимости строительства собственной Ка‘бы вблизи от расположения официальной резиденции. Согласно ал-Мукаддаси, аббасидский халиф ал-Мутаваккил повелел обустроить в Самарре целый комплекс, который позволял бы имитировать полноценный хадж в Мекку. Он построил свою Ка‘бу и установил обход вокруг нее, а также долину Мина и гору Арафат. Вельмож, желавших совершить хадж, он склонял к посещению этой Ка‘бы. Любопытно, что ал-Йа‘куби, детально описывающий постройки Самарры, об этом не упоминает.

Видимо, подобные настроения вызвали определенный отклик в мусульманской интеллектуальной традиции. Например, у Абу Нуваса встречаются следующие строки:

*Не уезжай в Мекку для паломничества даже в том случае,
Если Мекка будет находиться у ворот твоего дома.*

Строительство альтернативной Ка'бы приписывали скандально известному суфию ал-Халладжу, сделавшему Ка'бой свой дом в Багдаде. Из поверья, согласно которому святой чудесным образом может за одну ночь совершить паломничество к Ка'бе (как известный багдадский суфий Ма'руф ал-Кархи), в суфийской среде появляется мотив о том, что святому не нужно совершать хаджж, поскольку сама Ка'ба может выступить ему навстречу. Впервые, видимо, этот мотив встречается в сообщении об ал-Хасане ал-Басри, отправившемся с товарищами к Ка'бе и не нашедшем ее, поскольку та вышла навстречу известной святой Раби'и ал-'Адави, тоже вышедшей в Мекку. В суфийской устной традиции он формируется параллельно с концепцией духовного *ми'раджа*, практикуемого некоторыми мистиками.

Позже разовьется мотив о явлении Ка'бы святому в знак того, что святость позволяет осуществлять духовное паломничество, равноценное по значимости физическому. Особенно этот мотив подчеркивался в том случае, если святой мало путешествовал и постоянно жил рядом с учениками. Согласно традиции, Ка'ба несколько раз в день являлась хорасанскому суфию Абу Са'иду Майхани, так и не успевшему при жизни совершить хаджж, и сама совершала обход вокруг его головы. Позже, с упрочением местных центров паломничества к местам поклонения (*мазарам*) в удаленных от Аравии регионах мусульманского мира, роль новых сакральных центров в глазах местного населения приравнивается к посещению Ка'бы. Один из самых известных precedентов связан с гробницей Баха' ад-Дина Накшбанда около Бухары, троекратное паломничество к которой приравнивалось к хаджжу в Мекку.

Блондин В. Н. (ВФ, СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Позднесредневековый йеменский историк
Йахья ибн ал-Хусейн (XVII в.) как предтеча
арабской публицистики XIX в.**

Академик И. Ю. Крачковский, исследуя различные аспекты арабской средневековой литературы, отмечал, что «целый ряд отраслей арабской письменности представляют значение, выходящее далеко за пределы данной специальности». По его мнению, это касалось прежде всего

арабской исторической литературы. И действительно, средневековая арабская историографическая литература, отличаясь определенным синкретическим характером, с одной стороны, тяготеет к науке, а с другой — к художественной литературе¹. Поэтому изучение жанра арабской исторической хроники как «совокупности литературных произведений» имеет особое значение для выявления процессов формирования современной арабской прозаической литературы (в частности, беллетризации арабской исторической прозы), становления жанров исторического романа и новеллы, современной арабской драматургии и публицистики (особенно в период ее зарождения в конце XIX — начале XX века).

В этом отношении средневековые арабские исторические хроники обнаруживают значительное разнообразие, соответствующее их многоцелевому функциональному назначению. Это в полной мере относится и к сочинению по истории Йемена «Известия современников...» Йахьи ибн ал-Хусейна (XVII в.)². Среди прочих составляющих этой позднесредневековой йеменской хроники — объективированное историческое повествование, фольклорные составляющие, цитаты из исторических, географических, богословских и других источников — хотелось бы особо отметить те фрагменты, которые можно условно назвать «публицистическими».

Как правило, они сводятся к подытоживающим сентенциям и выводам, часто со ссылкой на какой-либо исторический, литературный или богословский источник. Однако это не означает, что Йахья ибн ал-Хусейн не навязывает читателю своей идейно-политической позиции и своего осмысления излагаемых событий или своих взглядов по различным вопросам нравственно-эстетического или религиозно-философского характера. Роль Йахьи ибн ал-Хусейна как публициста особенно ярко проявляется в тех фрагментах, где он выступает как пламенный приверженец «йеменского патриотизма», сочетающего в себе арабизм, «химйаритство» и ислам, гордость своим языческим прошлым. При этом он открыто демонстрирует обостренное чувство справедливости, стремление к независимости и неприятие любых форм тирании, чужеземного политического или военного воздействия на Йемен.

По своему характеру и тематике «публицистические фрагменты» в хронике «Известия современников...» можно разделить на следующие типы:

I. Фрагменты, касающиеся взглядов автора на религиозно-философские и социально-политические аспекты исламской идеологии:

1. Космогонические и географические представления (о сотворении мира, семичленной структуре мироздания, географии земли и пр.).

¹Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Избр. соч. Т. IV. М.; Л., 1957. С. 15–16.

²Эта рукопись хранится в Санкт-Петербурге в Фонде рукописей Российской Национальной библиотеки (РНБ) под шифром АРНС 606/1 и АРНС 606/2.

2. Философско-религиозные представления (о неотвратимости божьей кары за людские прегрешения, неизбежности человеческой судьбы, предначертанной Аллахом, о необходимости творить благодеяния и т. д.).

3. Социально-политические представления (о собственности, о причинах распада государств, природе царской власти, об отношениях между правителем и народом и т. д.)

4. Идеино-политические представления:

а) отношение к авторитетам (религиозным, политическим, историко-литературным и пр.);

б) отношение к религиозно-политическим движениям в исламе (хариджизму, шиизму, махдизму).

II. Фрагменты, отражающие нравственно-эстетические убеждения автора (о любви и браке, об отношении к убийству женщин и детей, о добродетели и пороках, об отношении к пьянству и потреблению вина, о чести и клятвопреступлении и т. д.).

III. Фрагменты, отражающие авторские представления о йеменском патриотизме (прославление доисламского прошлого Йемена, представление о йеменском происхождении основателя ислама пророка Мухаммада и многих героев ислама, о добровольном принятии йеменцами ислама и награждении их пророком Мухаммадом за это особыми «экономическими» привилегиями и т. д.).

IV. Фрагменты, выражающие авторскую позицию относительно арабо-мусульманской историографии (об историческом знании у арабов, рассуждения о священной книге мусульман — Коране как важнейшем источнике исторических сведений, о задачах и составе собственной исторической хроники «Известия современников...»).

V. Фрагменты, представляющие собой авторский комментарий к тем или иным событиям арабо-мусульманской истории.

Говоря о публицистических фрагментах хроники, следует отметить, что они, как правило, сопровождаются эксплицированным обращением автора исторической хроники к читателю. Часто это сопровождается с помощью формул: *и`лам* («знай!»), *култу* («я сказал»), *акулу* («я говорю») и *йузхару лана* («нам представляется» или «нам очевидно»).

Эти части хроники максимально насыщены авторской модальностью и в тоже время непосредственно ориентированы на воспринимающего, они представляют собой ничем не опосредованный диалог йеменского историка Йахьи ибн ал-Хусейна с читателем.

Приведенную тематическую классификацию публицистических фрагментов хроники «Известия современников...» можно проиллюстрировать рядом примеров. В качестве примера авторских рассуждений нравственно-этического и назидательного характера (которые можно было бы рассматривать как непосредственно обращенный к читателю ораторский, собственно

публицистический фрагмент) можно привести следующий отрывок из текста хроники:

...И перешел аббасидский халифат в Египет по причине слабости и немощи в нем из-за произвола правителей. Хвала Аллаху, могущему совершить все, что пожелает!¹ Нет божества, кроме Него² который дарует власть, кому пожелает, отнимает власть, от кого пожелает!³ Истинно в этом заключается назидание для ищущих поучение. Ибо сказал Аллах Всевышний: «Эти дни мы сменяем чередой среди людей»⁴. Тыфу на эту жизнь и мирскую суету! Берегись! Берегись ее превратностей и произвола! Как превосходно сказал поэт о сути этой жизни: «Пусть не вводит вас в заблуждение моя улыбка, ибо слова мои вызывают смех, а деяния вызывают слезы». И если пронизательный поразмыслит о перемене, постигшей это аббасидское государство вместе с его огромной мощью, то станет ему известно, что «обольщение этой жизнью — напрасно». Истинно она остается преходящей и являет собой лишь призрачный мираж. И каждая душа — заложница того, что она приобрела. Истинно деяния свершаются согласно намерениям. Да дарует Аллах удачу!⁵

Следует отметить, что в публицистических фрагментах автор «Известий современников...» проявляет себя не только как ученый-историк, знаток хадисов и богословской литературы, но и как литератор-публицист со своими религиозно-философскими взглядами. Он активно использует разнообразные языковые и стилистические средства, чтобы убедить читателей в своей правоте, заставить его задуматься над своими жизненными поступками и, возможно, изменить свое отношение к тем или иным аспектам окружающей его действительности. В частности, Йахья ибн ал-Хусейн широко использует хадисы, цитаты из Корана, фольклор (поговорки, афоризмы), традиционные формулы-клише, ссылки на историко-литературные и богословские авторитеты. Очень часто в свои публицистические фрагменты он вставляет стихотворные отрывки (цитируя при этом как широко известных в арабо-мусульманском мире поэтов, так и анонимных).

Во второй части своей хроники, где речь идет о современных автору событиях йеменской истории, Йахья ибн ал-Хусейн гораздо активнее выражает свою позицию в собственно публицистических формах обращения к читателю.

¹ Перифраз коранических цитат (см.: Коран, V, 44 (40) и 24, 44 (40)).

² Коран, II, 158 (163).

³ Перифраза коранической цитаты (см.: Коран, III, 25 (26))

⁴ Коран, III, 134 (140).

⁵ АРНС 606/1, л.76.

В силу появления фактора личной причастности автора к описываемым событиям резко меняется и общий эмоциональный фон исторического сочинения. К наиболее ярким образцам публицистики Йахьи ибн ал-Хусейна можно отнести, например, следующий фрагмент: «О, читатель! Я твой советчик. Ибо совет — это вера. Каждый кто управляет делами мусульман из царей и султанов и остальных правителей, не должен препятствовать вакфу и его людям... Тот, кто облечен властью и на словах порицает вакф, то разве не пошатнулись его дела, не увеличились его беды и не разбились его надежды. И пусть предостерегутся те, кто не выполняет свой долг. Ибо поразит их безумие или поразит их мучительное страдание...»¹.

Все вышеизложенное подтверждает тот факт, что коллизии той или иной исторической эпохи всегда оказывают заметное влияние и на характер литературы, особенно исторической. Так, в XVI–XVIII веках Южная Аравия в силу своего исключительно важного стратегического положения явилась ареной острого соперничества между Востоком и Западом, с одной стороны, и полем непримиримого военного противостояния между йеменскими зейдитами и османами-суннитами, с другой. Это не могло не отразиться на усилении роли «публицистической составляющей» в йеменских исторических хрониках данного периода. Этот базовый принцип получил свое дальнейшее развитие и оригинальное преломление в творчестве Йахьи ибн ал-Хусейна, одного из самых ярких и самобытных представителей позднесредневековой йеменской историографии и предтечи арабской публицистики в XIX столетии.

Болдина Юлия (ВФ СПбГУ; Université Paris IV-Sorbonne)

Исторические и социологические аспекты исследования культуры потомков морисков на территории Средиземноморья

Исследование морисков² как особой этнической группы, их места в общественно-политической истории Андалусии и Магриба, а также изучение этнокультурной идентичности современных потомков морисков возможно на основе применения методов этносоциологии, культурной антропологии, культурологии и истории, поскольку данная проблематика находится в плоскости сразу двух гуманитарных наук — социологии и истории. Обращение

¹ АРНС606/2, л. 61б.

² Испанские мусульмане, обращенные, зачастую силой, в христианство, впоследствии изгнанные из Испании и расселившиеся в основном на территории стран Магриба. Мориски сумели сохранить свою особую идентичность благодаря коллективной и семейной памяти, через культурные традиции, музыку, язык.

к методам социологии истории обеспечивает возможность более глубокого понимания и объяснения социальных и экономических феноменов. При исследовании современных общественных явлений социолог, в свою очередь, нуждается в детальном анализе исторических процессов.

Используемый при изучении этнокультурной идентичности современных потомков морисков социологический подход к культуре рассматривает ее как фактор организации общественной жизни, совокупность артефактов, идей, принципов, обычаев, верований, социальных институтов, обеспечивающих коллективную деятельность людей. В традициях, заложенных Э. Дюркгеймом, культура рассматривается как система идеалов, ценностей, социальных норм и правил, регулирующих отношения между людьми. Каждое общество имеет собственную социокультурную систему. Различие этих систем связано с физическими условиями и ресурсами, типом языка, традиций и т. д.

При исследовании культуры морисков и их потомков мы применяем методы социологии: включенное наблюдение (участие в традиционных празднествах и церемониях), глубинное интервью, семейная биография. Кроме того используются архивные документы, а также материалы фестивалей и конференций, организованных по случаю празднования 400-летия появления морисков в городах Магриба после их изгнания из Испании.

Можно выделить следующие аспекты изучения истории и культуры морисков, проживающих в странах южного Средиземноморья в наши дни:

- Анализ межкультурных отношений в многонациональных обществах, возникновение многокультурных обществ как результат контактов между различными этническими группами.
- Социолингвистический аспект: использование нескольких языков (кастильский, арабский, альхамьядо, ладино, португальский) на территории Иберийского полуострова. Исторические памятники альхамьядо.
- Религиозный аспект. Особенности ислама морисков до изгнания.
- Материальная культура морисков в Испании (быт, жилище, одежда и т. п.)
- Этнические группы Испании после Реконкисты. Феномен морисков в социально-политической и культурной истории Иберийского полуострова.
- Мориски в социальной структуре османского Магриба и Марокко после изгнания из Испании. Факторы интеграции морисков в Магрибе. Стратегии адаптации и ассимиляции.
- Наследие морисков в традиционной культуре арабского Магриба в Новое время.

С исчезновением Аль-Андалуса как государственного образования культура его не прекратила свое существование. Возможно, именно благодаря морискам, веками стремившимся после эмиграции в Магриб сохранить там свою этническую самобытность, наследие их предков не будет забыто.

Васильева О. В. (РНБ, Санкт-Петербург)

Турки — первые читатели Императорской Публичной библиотеки

Императорская Публичная (ныне Российская национальная) библиотека была основана в Санкт-Петербурге в 1795 г. по воле Екатерины II, а открыта «на пользу общую» в 1814 г. при Александре I. Между тем с 1805 г. в ней существовало Депо манускриптов — первое структурное подразделение, созданное по случаю приобретения собрания Петра Петровича Дубровского (1754–1816), сотрудника русского посольства во Франции. В коллекции Дубровского, назначенного хранителем отделения рукописей, помимо западноевропейских кодексов и архивных документов, греческих и русских рукописных книг и грамот, насчитывалось 143 единицы хранения на восточных языках, в том числе 59 мусульманских рукописей¹.

10 из них имеют читательские записи, выполненные на турецком языке с 1808 по 1810 г. Они четко делятся на две группы. Первая насчитывает 10 помет, датированных периодом с 26 марта 1808 по 8 июня 1809 г. Их оставили неустановленные лица на одной арабской, одной персидской и четырех турецких рукописях. Это турецкое прозаическое сочинение «*Хумайун-нама*» в списке 1570 г., турецкий богословский трактат «*Анвар ал-ашикин*» Йазиджи-огли в копии XVIII в., свиток-амулет, образчик каллиграфического и декоративного искусства, датированный 1404 г.², «*Гулистан*» Саади 1568 г. (на перс. яз.), «*Хусн ва дил*» Бенли Хасана 1564 г. и турецкий перевод генеалогии мусульманских династий от Адама до Сулеймана II.

Максимально полные приписки содержат название сочинения и имя автора, данные о том, что книга была взята из «Русской библиотеки» (в одном случае — у Дубровского), прочитана за несколько дней и возвращена (в одном случае — Дубровскому), приводится дата по хиджре и по юлианскому календарю и указан город — Петербург. Самые краткие пометы содержат только дату по хиджре. Судя по датам, было 7 посещений. Судя по почеркам, записи принадлежат нескольким лицам, возможно, четверем.

Кто были эти турки, что они делали в Петербурге, почему не оставили своих имен? Известно, что в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. наступило перемирие, длившееся с августа 1807 по март 1809 г., и в это время проходили переговоры для заключения мира (в Париже и Эрфурте). Нельзя исключать, что некие турецкие эмиссары вели неофициальные обсуждения в Петербурге. Читателями библиотеки могли быть и перешедшие на сторону России турецкие военачальники. В любом случае и те и другие имели основания не называть своих имен.

¹ См.: *Васильева О. В., Ришар Ф.* Orientalia Петра Дубровского, дипломата и коллекционера // Восточная коллекция / РГБ. М., 2005. № 1. С. 10–20.

² См. тезисы О. М. Ястребовой в настоящем сборнике.

Что касается витиеватых пространных надписей на двух арабских и двух персидских рукописях, то они все сделаны в 1810 г. известным турецким деятелем, политическим эмигрантом, капудан-пашой Рамиз-пашой (1774–1813)¹.

Запись на персидской истории Тимура 1574 г. датирована 15 (27) января 1810 г. Три записи сделаны 5 (17) апреля 1810 г.: на арабском сочинении по теологии и магии; на сборнике 1530 г., содержащем поэмы персидских авторов Низами «Сокровищница тайн» и Джами «Подарок благородных»; а также на арабо-христианской «Истории» ал-Макина ибн ал-Амида в копии 1672 г.

По иронии судьбы первыми читателями библиотеки были представители восточной страны, с которой Россия находилась в состоянии войны. Их пометы, проставленные, без всякого сомнения, по указанию хранителя рукописей Дубровского, восполняют лакуну в архивных данных, которые на начальном этапе существования библиотеки были крайне скудны.

Возчиков Д. В. (УрФУ, Екатеринбург)

Образ империи мамлюков Египта в трактате венецианского дипломата первой половины XIV века

«Книга тайн верных Креста» (1307–1321) венецианского дипломата Марино Санудо Торчелло (ок. 1270–1343) — обширный историко-географический трактат, построенный на солидном объеме сведений о восточной торговле, — обобщал предшествующий опыт описания исламского Востока и *Pax Mongolica* в европейском нарративе. Трактат включал проект крестового похода против империи мамлюков. Первым шагом перед экспедицией Санудо видел торговую блокаду Египта, после установления которой он считал возможным вторжение крестоносцев в ослабленный Египет в союзе с «черными христианами Нубии и других стран выше Египта» и с ильханом Ирана. Руководство экспедицией Санудо считал необходимым доверить именно венецианцам как самым честным торговцам и искусным морякам.

Среди всех государств мусульманского Востока именно мамлюковскому Египту Санудо уделил наибольшее внимание в своем сочинении. В письме папе Иоанну XXII, предворяющем трактат, Санудо перечислил «главных врагов католической веры»: египетского султана (фигурировал под традиционным воображаемым титулом «султана Вавилонии»), хана Золотой Орды Узбека, турецких беев Малой Азии.

¹ О нем см.: *Миллер А. Ф.* Рамиз-паша в России // Миллер А. Ф. Турция: Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М.: Глав. ред. восточной литературы, 1983. С. 26–44; *Северцев (Полилов) Г. Т. С.* -Петербург в начале XIX в. // Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX в. / Сост., вступ. статья и коммент. А. М. Конечного. СПб., 2002. С. 42–43. Благодарю К. А. Жукова за библиографические сведения.

«Дуб египетский — сердце и жизнь сарацин», — писал Санудо, настаивая, что за сокрушением власти мамлюков, контролировавших Святую землю, Мекку и Медину, настанет конец мусульманской религии. Склонный к «растительным метафорам», венецианец уподоблял торговые пути и торговые пошлины корням египетского «дуба», причем, по оценке Санудо, торговля в землях султана, контролирующего пути пряностями, превосходила торговлю во всем остальном мире.

Санудо утверждал, что Египет получал от стран, подвластных Римской католической церкви, серебро, медь, олово, свинец, ртуть, масло, лесные орехи, шерстяные, шелковые и льняные ткани, кораллы, полотно и другие товары, избыток которых египтяне отправляют в Индию, где закупают перец. Санудо настаивал на необходимости перекрыть Египту торговые пути, снабжающие его рабами из числа христиан и язычников. Для Санудо «мамлюки» — это общее наименование рабов и рабынь, он не использовал этот термин в его узком смысле для обозначения сословия воинов-рабов. Однако Санудо говорил о военных достоинствах воинов султана ан-Насира (1294–1295, 1299–1309 и 1309–1340), одетых в тяжелые шлемы и искусно владевших метанием дротика, в период войны с Газан-ханом. Примечательно, что тему происхождения самих султанов Египта из рабов-мамлюков Санудо сколько-нибудь подробно не затрагивал.

Для традиции описания мусульманского мира в хрониках и других нарративах крестовых походов XI–XIII вв., и особенно в *chansons de geste*, было характерно механическое перенесение европейской титулатуры и феодальной иерархии на реалии исламских обществ. У Санудо эта тенденция отступала. Не раз посещавший владения мамлюков-бахритов, хорошо понимал отличия западного восприятия титулатуры мусульманских государей от реально существовавшей на Востоке. В начале трактата Санудо специально привел достаточно близкий к оригиналу перевод титула ан-Насира.

Марино Санудо подробно описал ключевые направления внешней политики мамлюков: союзнические отношения с Золотой Ордой, противостояние с ильханами, неуклонная экспансия на юг, в Нубию, а также связи султанов с Византией. Последние, по мнению венецианца, необходимо было также перекрыть посредством морской блокады. Обращение в ислам ильханов и Узбека венецианец приписывал влиянию мамлюкского султана, однако Газан-хан в его трактате — неоднозначный персонаж.

В трактате Марино Санудо Египет был представлен наиболее богатым и могущественным мусульманским государством, чье влияние простиралось далеко на север и восток, но чье богатство в большой степени зависело от транзитной торговли, как и у самой Венеции. Настойчивое подчеркивание статуса мамлюкской империи в качестве главного государства мусульманского мира проходило через весь трактат.

Гулькин П. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Средневековая арабская «алкогольная энциклопедия»
«Прояснение умов об именах матери величайших грехов»
Омара ибн ал-Хасана ибн Дихья ал-Кальби**

Малоизвестная рукопись XIII века Омара ибн ал-Хасана ибн Дихья ал-Кальби «Прояснение умов об именах матери величайших грехов» («Танбих ал-баса'ир фи асма' умм ал-каба'ир») была введена в научный оборот израильским исследователем профессором Лутфи Мансуром в 2005 г., впервые опубликовавшим ее на арабском языке с комментариями в Центре исследований арабской литературы. Российский читатель смог познакомиться с описанием этого труда, благодаря небольшой статье профессора О.Б. Фроловой «Книга о вине»: словарь названий вина, составленный арабским ученым XIII в.».

Омар ибн ал-Хасан ибн Дихья ал-Кальби (1151–1235) родился в Андалусии (Валенсия). Его род по матери восходил к 3-му халифу Али ибн Абу Талибу. В Испании он начал изучать исламские науки, грамматику и филологию и продолжил свое обучение, посещая различные города исламского мира в Марокко, Египте, Сирии, Ираке и Иране. Ибн Дихья оставил более 20 работ, в основном на религиозные темы, которые, однако, не пользовались большой популярностью у современников. В начале XIII в. он был воспитателем молодого айюбидского султана ал-Малика аль-Камиля. Умер в преклонном возрасте и был похоронен недалеко от Каира на кладбище у горы Мукаттама.

Труд ибн Дихья ал-Кальби представляет собой настоящую средневековую исламскую «алкогольную энциклопедию». В нем автор собрал 166 названий алкоголесодержащих напитков — вина, ликеров, настоек, браги и т. п. и дал их описания. Это, похоже, один из наиболее полных тематических толковых словарей своего времени. Автор использовал не только многочисленные труды своих предшественников, писавших на «винную» тему, но и те работы арабских составителей, в которых так или иначе упоминались хмельные и алкоголесодержащие напитки.

Однако значение труда ибн Дихья ал-Кальби не исчерпывается «алкогольной» темой. В пояснениях к именованным статьям своей энциклопедии он приводит различные поэтические отрывки, описания, исторические анекдоты, дает грамматические толкования, цитаты из произведений своих предшественников. Исчерпывающая компиляция, составленная, по замыслу автора, для предупреждения мусульман о вреде запрещенных исламом «дурманящих» напитков, благодаря своей тематической целостности, географическому охвату, описанию составов и примеров технологии изготовления хмельных жидкостей в действительности дает представление о масштабе распространения алкогольной культуры в средневековом мусульманском обществе.

Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

В. Р. Бахерахт (1851–1916) — первый генконсул России в Танжере (к 120-летию установления официальных российско-марокканских отношений)

После наметившегося в XVIII в. при Екатерине Великой сближения между Россией и Марокко решение вопроса об установлении двусторонних отношений откладывалось. И вновь оно встало на повестку дня лишь в середине XIX в.¹

В июле 1880 г. для урегулирования возникших между державами противоречий в Мадриде была принята конвенция о режиме капитуляций в Марокко, провозгласившая здесь равенство прав иностранцев. В 1881 г. Россия присоединилась к Мадридской конвенции, развивая официальные связи с Марокко, султан которого Мулай Хасан (1873–1894) высказывал пожелание, чтобы российский представитель был направлен в Танжер — место пребывания иностранного дипломатического корпуса в то время.

20 октября 1897 г. Государственный совет Российской империи принял решение об учреждении консульства в Танжере, утвержденное Николаем II. В декабре 1897 г. генконсулом был назначен статский советник В. Р. Бахерахт — карьерный дипломат, находившийся на службе с 1871 г. По прибытии в Танжер в мае 1898 г. В. Р. Бахерахт вручил копию верительных грамот, заявив о готовности поднять представительство России «на подобающую высоту» и рассеять распускаемые недоброжелателями слухи о «второстепенной роли, которую нашему представительству суждено играть в Танжере...»

В марте 1899 г. в своем донесении в министр иностранных дел В. Р. Бахерахт привел слова султана Абд аль-Азиза (1894–1908), отметившего, что цель российской миссии — «упрочение дружественных связей между нашим шерифским величеством и вашим августейшим монархом, хвалу благородным чувствам коего мы постоянно слышим...»².

Начало XX в. несло тяжелые испытания как для России, так и для Марокко. Между тем двусторонние связи продолжали развиваться. В июле 1901 г. в Санкт-Петербург прибыло чрезвычайное посольство во главе с министром иностранных дел Марокко Абд аль-Каримом б. Слиманом. В ходе аудиенции,

¹ Дьяков Н. Н. Россия и страны Магриба: историко-культурные контакты в Новое время. // Россия и Восток. Феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография. Под ред. Н. Н. Дьякова, Н. А. Самойлова. СПб.: НП-Принт, 2011. С. 176–203.

² Из донесения В. Р. Бахерахта М. Н. Муравьеву о вручении верительных грамот султану Абдельазизу. 30 марта 1899 г., Марракеш. (Мусатова Т. Л. К истории русско-марокканских отношений конца XIX в. // Советские архивы, № 6. 1984. <http://www.magazineconsul.ru/pics/38/image-101.png>, дата обращения: 15.01.2017).

устроенной Николаем II в Большом Петергофском дворце, Бен Слиман вручил послание султана русскому императору — «блистательному величеству царственной империи, жемчужине в короне его славных предков...»

Вскоре «марокканский вопрос» вновь оказался в фокусе мировой политики. В октябре–ноябре 1904 г. в порт Танжера вошли три отряда российских кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры, направлявшиеся на войну с Японией. Их командиры нанесли визит наместнику султана, заявившему, что Марокко, связано узами дружбы с Россией, чьи суда не имеют препятствий «к стоянке и снабжению в портах султаната...»

В январе 1906 г. в испанском Альхесирасе собрались представители 10 европейских стран, а также России, США и Марокко. Генеральный акт Альхесирасской конференции признал особые интересы Испании и Франции, что означало крах германской стратегии и введение нового международного режима эксплуатации ресурсов Марокко.

Прибывший в Танжер поверенный в делах России Е. В. Саблин отметил в мае 1906 г., что на политическом горизонте Марокко вслед за испанцами и португальцами появились такие крупные соперники, как Англия, Франция и Германия. Дипкорпус в Танжере представляли чрезвычайные посланники и полномочные министры десяти держав. Лишь Россия имела в Марокко генеральное консульство, что не соответствовало ни интересам России, ни ее «престижу в общеевропейском концерте».

В этих условиях Россия принимает решение о преобразовании своего генконсульства в Танжере в полномочную дипломатическую миссию. В. Р. Бахерахт получил в 1906 г. назначение в Берн, став последним посланником Российской империи, где служил вплоть до своей кончины в 1916 г.

В 1912 г. Франция и Испания установили в Марокко режим протектората, приняв международный статус Танжера. В декабре 1912 г., с учетом новой международной обстановки, Россия передала свои консульские полномочия в Марокко во французские и испанские консульские учреждения. Наконец, в феврале 1913 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов уведомил Париж об упразднении, «ввиду объявления Марокко под французским протекторатом, российской миссии... с учреждением взамен российского генерального консульства...»¹.

Последний посланник Российской империи в Берне В. Р. Бахерахт скончался в 1916 г., в разгар Первой мировой, и был погребен в «Русском некрополе Швейцарии» — на старом кладбище Сен-Мартэн вблизи г. Веве на Женевском озере, где нашли упокоение многие его соотечественники. Проводы русского дипломата проходили в присутствии президента, высших гражданских и военных чинов Швейцарской Конфедерации.

¹ Там же. С. 473.

*Елистратова Т. А. (Представительство Издательства
Кембриджского университета в Москве)*

Кембриджские издания архивов как важнейший источник по истории становления государств Ближнего и Среднего Востока и развития международных отношений и конфликтов в регионе

Что такое Кембриджские издания архивов? Это программа публикаций Издательства Кембриджского университета, которая представляет собой собрание многотомных коллекций документов-первоисточников из архивов внешней политики Великобритании, включая Национальный архив, коллекции документов Департамента Востока и Индии, хранящиеся в Британской библиотеке, а также коллекции документальных источников университетов Кембриджа, Дарема, Эксетера, Лондона и Оксфорда. Издательские права на большую часть публикуемых материалов принадлежат Британской короне и публикуются на основании лицензии, выданной Национальным архивом Великобритании.

Временной и географической охват документов. Подавляющее большинство документов охватывает период с середины XIX в. по 70–80-е гг. XX в., однако среди публикаций есть и документы середины VIII в. и даже ранее. Например, Собрание договоров и соглашений, относящихся к Персидскому Заливу и Аравийскому полуострову (*Arabian Treaties 1600–1960*), начинается документами XVII в., а Архивы Дубая (*Records of Dubai 1761–1960*) ведут отсчет с 1761 г. Географически документы охватывают практически все страны Ближнего Востока, но не включают арабские государства Северной Африки. Главный фокус, безусловно, составляют страны Персидского залива, Ирак, а также Израиль, Иордания и Палестина. В общей сложности программа архивных публикаций по Ближнему Востоку насчитывает 114 названий и около 1000 томов документов.

Главные проблемы публикации. Кембриджские издания архивов — это сотни тысяч страниц факсимильных документов и карт, освещающих историю политического развития ближневосточных государств. Они содержат особо богатый материал о формировании государственных границ, пограничных спорах и претензиях. Особый интерес представляют специальные собрания, сфокусированные на определенной теме, такие как 12-томное издание «Политическое влияние ислама, 1908–1972» (*Islam: Political Impact 1908–1972*) или серия (около 30 томов), посвященная различным религиозным (христианским и мусульманским) и этническим/этноконфессиональным (друзы, евреи, курды) меньшинствам в странах Ближнего Востока. Исключительную ценность представляют также названия, трактующие истории династий, например, Архивы династии Хашимитов (*Records of the Hashemite Dynasties*) или Архивы правящих семей Аравии (*Ruling Families of Arabia: Documentary records of the*

Dynasties of Saudi Arabia, Jordan, Kuwait, Bahrain, Qatar, UAE and Oman), а также коллекции, содержащие описания племен, кланов, ареалов их обитания и т. д.

Особый тип публикаций — это издания, воспроизводящие во всей полноте бюллетени, журналы и справочники, печатавшиеся британскими эмиссарами в ближневосточных странах в конце XIX — начале XX в. Наиболее известный из них — Бюллетень Арабского Бюро в Каире, основанный Т. Е. Лоуренсом (Аравийским) в 1916 г. и выходивший до 1919 г. (*The Arab Bulletin 1916–1919*)

Для всей программы публикаций в целом наиболее характерны два типа публикуемых коллекций — сборники важнейших документов и серии политических докладов. Коллекции ключевых документов всегда относятся к конкретным, строго очерченным областям, материалы в них располагаются по темам и сопровождаются описанием. Публикации политических докладов прежде всего преследуют цель представить документы во всей полноте и в упорядоченном виде, тогда как изначально они могли быть разрознены, труднодоступны или неизвестны. Публикация документов по той или иной стране обычно начинается с серии политических докладов и лишь затем начинает «ветвиться» по темам.

Язык документов — в основном английский, но некоторые тома включают документы, написанные по-арабски, по-французски, по-немецки и по-турецки. Так, в частности, практически целиком арабоязычной является публикация политической переписки короля Саудовской Аравии Абдул Азиза (*King Abdul Aziz: Political Correspondence 1904–1953*).

Степень доступности Кембриджских изданий архивов. Примерно половина изданных материалов доступна в Государственной публичной исторической библиотеке в печатном формате. В настоящее время началось формирование электронной коллекции.

Жантиев Д. Р. (ИСАА МГУ, Москва)

Арабские источники по истории консервативной исламской мысли в Османской империи в период правления Абдул-Хамида II (1876–1909)

Консервативное течение в исламской мысли в Османской империи последней четверти XIX — начала XX вв. представляется возможным выделить как самостоятельное религиозно-интеллектуальное направление со своей системой тезисов и аргументацией. Несмотря на значительное влияние исламских консерваторов в период правления Абдул-Хамида II, их деятельность и наследие изучены гораздо меньше, чем деятельность их оппонентов-реформаторов (Джамал ад-дин ал-Афгани, Мухаммад Абдо, Мухаммад Рашид Рида и их последователи). Ключевыми фигурами для понимания исламского традиционализма в рассматриваемый период являются два представителя османской Сирии: шейх Абу-л-Худа

ас-Сайяди (1850–1909) и шейх Йусуф ан-Набхани (1849–1932). Биография шейха ас-Сайяди (в сборнике: ‘Абд ар-Раззак ал-Битар *«Хилият ал-баишар фи а’йан ал-карн ас-салиса ‘аишар»*) раскрывает карьеру влиятельного суфийского деятеля и мыслителя, приближенного к султану и оказывавшего протекцию консервативно настроенным *улама*. В их числе — муфтий Халеба Мухаммад ал-Убайси, дамасские шейхи Салих и Ариф ал-Мунайир, шейхи Йусуф ан-Набхани и Хусейн ал-Джиср. Произведения самого шейха ас-Сайяди отражают мистическое представление о сакральности и безальтернативности власти султана-халифа.

Для понимания ключевых теоретических позиций *улама* из числа традиционалистов в их полемике с реформаторами-салафитами особенно важны сочинения видного сирийского *алима* и суфия шейха Йусуфа ан-Набхани *«Худджат Алла ала-л-аламин фи му’джджат сеййид ал-мурсалин»* («Доводы Аллаха, проявляемые в чудесах Пророка»), *«Ал-ахадис ал-арба ‘ин фи вуджуб та’ат амир ал-му’минин»* («Сорок хадисов в доказательство обязанности подчиняться повелителю правоверных») и *«Иршад ал-хаййара фи тахзир ал-муслимин мин мадарис ан-насар»* («Наставление заблудших и предостережение мусульман от обучения в христианских школах»). Указанные источники содержат основные тезисы исламских консерваторов: сакральность власти халифа из дома Османа, недопустимость *иджтихада* и критики суфизма, негативное отношение к европейскому влиянию (особенно в системе образования). При этом поддержка консерваторов со стороны султана Абдул-Хамида II и его двора не исключает самостоятельности исламского консерватизма как значимого религиозно-идейного течения, занимавшего доминирующие позиции в среде османских *улама* в рассматриваемый период.

Жерлицына Н. А. (ИНАФР РАН, Москва)

Война в Рифе (1921–1926) и Советский Союз

Доклад посвящен рассмотрению особенностей освещения в Советском Союзе Рифской войны. Борьба племен горного района Риф в Марокко против французского и испанского колониализма в 1921–1926 гг. широко освещалась молодой советской прессой, ей посвящались научные труды и статьи советских государственных деятелей. Цель данного исследования — установить причины, по которым за событиями в Северной Африке внимательно следили в СССР; провести анализ идеологических постулатов, на которых основывалась советская позиция; определить основные вопросы, привлекавшие внимание советских исследователей Марокко того периода; рассмотреть международную реакцию и последствия занятой Советским Союзом позиции по безусловной поддержке освободительной борьбы марокканцев.

Основой для данного исследования стали работы руководителей страны того периода, документы Коминтерна и публикации востоковедной, идеологической

и военной прессы СССР 1920-х гг., таких журналов, как «Новый Восток», «Восток и колонии», «Борьба классов», «Военный вестник», «Военная мысль и революция», «Международная летопись» и «Большевик».

Скрупулезное внимание со стороны советских специалистов ко всем деталям разворачивавшегося в Северной Африке конфликта было связано с серьезными международными осложнениями и, не в последнюю очередь, с надеждами, которые возлагали в Москве на разрастание революционного движения на арабском Востоке.

Поддерживая борьбу рифского народа за освобождение от колониальной зависимости, советские авторы, руководствуясь идеологическими догмами, исходили из постулата об «антиимпериалистическом» и «национально-освободительном» характере войны в Рифе. Однако такая оценка имела много слабых мест. Феодално-патриархальное Марокко не подходило на роль страны, в которой может произойти пролетарская революция. Ввиду развернувшихся дискуссий вопрос о характере войны в Рифе рассматривался на пленуме Исполнительного комитета Коминтерна. Свою позицию обозначили и руководители молодой Советской республики.

Особое внимание в СССР уделяли таким аспектам Рифской войны, как отсутствие явного религиозного характера у движения под руководством Абд аль-Карима, возможность перерастания войны в Марокко в общепарабское восстание в Северной Африке, и международным последствиям этого противостояния. Открытая официальная позиция Советского Союза по моральной поддержке восставших рифов вызывала в европейских столицах очевидное противодействие на уровне пропаганды. И Мадрид, и Париж были склонны объяснять собственные промахи и поражения в Марокко вмешательством «руки Москвы». Хотя никаких связей, кроме моральной поддержки, между Советским Союзом и Республикой Риф не существовало, СССР был готов отстаивать интересы марокканского народа дипломатическими средствами.

Хотя анализ советской позиции по поддержке освободительной борьбы марокканцев показывает наличие некоторых противоречий и идеологических натяжек, но объективно прогрессивная и гуманная позиция Советского Союза, несомненно, внесла вклад в становление дружественных российско-арабских отношений.

Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Об авторстве книги «Живописное путешествие...». **Соч. Литль-Бой**

В докладе предпринимается попытка установить авторство следующего издания: «Живописное путешествие по европейской и азиатской Турции и в южно-славянские страны: Румынию, Сербию, Боснию, Болгарию,

Герцеговину и Черногорию / С подробным описанием: нравов, характеров, обычаев, законов, правления, войн, торговых сношений, духовных обрядов и характеристических сцен их жителей». Соч. *Литль-Бой*. М.: Издание книгопродавца С. И. Леухина, 1878. 431 с.

Издатель Леухин, прославившийся своими рекламными книжными объявлениями в газете «Московские ведомости», выпускал разнообразную печатную продукцию: наряду с серьезными изданиями печатал литературные мистификации: например, «В небесах 1 000 000 верст». Перевод с последнего английского издания Жули Верно (1882).

Рассматриваемое нами «Живописное путешествие» является переводом (вероятно, с английского языка). Единственное во всей книге «примечание переводчика» (с. 67) дает основание предположить, что переводчик являлся также редактором данного издания. Понятно, что *Литль-Бой*, указанный в качестве автора этого сочинения, не имеет никакого отношения к журналисту Ю. М. Бочарову (1887–1936), использовавшему, согласно словарю псевдонимов И. Ф. Масанова, такой же псевдоним в 1909 г.

Предварительный анализ содержания «Живописного путешествия» позволяет сделать вывод, что перед нами компиляция — соединение частей оригинальных текстов двух или более авторов (с изменением авторской хронологии). На данном этапе нами уверенно идентифицирован один из них. Это американец William Perry Fogg, один из предполагаемых прототипов Филеаса Фогга — героя романа Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней» (1873). В конце «Живописного путешествия» (с. 368–431) помещен отрывок из его сочинения, которое по переводу уже было известно русскому читателю: «Путешествие по Египту, Аравии, Малой Азии и Персии В. Перри-Фогга». Пер. с англ. Борисовской, под ред. В. Ранцева. СПб.: Издание редакции журнала «Русских и переводных романов и путешествий» (1876).

Что касается остального текста, то наиболее информативным в «Живописном путешествии» является описание Черногории осенью 1874 г. (с. 176–203) и особенно Сербии в июне 1875 г. (с. 12–175). В последнем есть авторские отсылки к предыдущим поездкам (в Белград в 1866 г. и приблизительно в 1868–1869 гг.). Позднейшие добавления (с. 310), позволяют отнести окончание авторской работы над текстом не ранее, чем к середине мая 1876 г. Что касается автора, то перед нами предстает обладающий ученой докторской степенью полиглот (владеет древнегреческим, итальянским, английским, французским и немецким языками, турецким будто бы владеет плохо); ему принадлежит авторство заметок «О турках в Европе», переведенных на сербский язык и напечатанных в газете «Черногорец» (с. 56). Он настроен антитурецки (с. 127) и прорусски (185, 189, 203). «Живописное путешествие» содержит большой объем статистического материала и много ссылок на работы авторитетных авторов, ученых и путешественников

(Гаммер, Ранке, Каниц, Дентон, Буэ, Ган, Вилькинсон, Грец, Убичини, Ферлей, С. Робер и др.).

В качестве *рабочей гипотезы* мы можем предположить, что за псевдонимом *Литль-Бой* скрывается приемный сын бывшего османского великого визиря Кыбрьслы Мехмед-паши англичанин Frederick Millingen (Осман-бей), в 1873 г. перешедший на русскую службу и в октябре 1874 г. избранный действительным членом Русского географического общества. В результате затянувшейся распри с М. Т. Лорис-Меликовым по поводу взятия Карса русскими войсками (1877 г.) Осман-бей в 1879 г. временно покинул Россию. Этими долгими публичными спорами может быть объяснен тот факт, что авторство основной части «Живописного путешествия» было затушевано издателем, в частности текст Осман-бея был дополнен отрывками из указанного выше сочинения Фогга. Также был использован псевдоним и подобрано соответствующее название в привычном жанре *voyage pittoresque*.

Зайцева Д. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Уникальный трактат по военному делу С 686 из коллекции Института восточных рукописей РАН: заказчик и владельцы рукописи

В собрании Института восточных рукописей РАН под шифром С 686 хранится уникальный трактат по военному делу под названием «*Китаб ал-махзун джами ал-фунун*» (كتاب المخزون جامع الفنون). В рукопись входит единственное произведение — «Книга-сборник, заключающая в себе (военные) искусства». Рукопись состоит из 109 листов. Размер 20,3 × 30,5 см (размер текста: 25,5 × 15 см). Текст заключен в рамку, образованную золотой (внутри) и синей (снаружи) линиями. 15 строк на странице. Кустоды. Чернила черные, местами немного выцветшие. Почерк: каллиграфический *насх*. Рукопись богато иллюминирована полихромными миниатюрами, помеченными на боковых полях как fig. 1–83. Данный экземпляр является копией более раннего произведения, датировка переписки: 19 рамадана 878 г. х. (= 15 февраля 1474 г.).

Автор рукописи неизвестен. В качестве возможных создателей трактата назывались Шамс ад-Дин Мухаммад б. Аби Бакр б. Кайим ал-Джаузийя (691/1292–751/1350) (Reinaud 1848, p. 197) и Мухаммад б. Йа'куб ал-Хуттали по прозвищу Ибн Аби Хаззам (ум. после 782/1380 г.) (Alikberov, Rezvan 1995, p. 22, 27), но обе гипотезы остались недоказанными.

Заказчик рукописи — эмир Джарбаш ас-Силахдар ал-Малики ал-Ашрафи (последняя четверть XV в.).

На протяжении XVI — (середины?) XVIII вв. трактат находился у нескольких владельцев, три из которых приложили к ней оттиски своих печатей,

в том числе ‘Али б. Мухаммад в 1011 г. хиджры (1607–1608 гг.); *уста* Хосров (середина (?) XVIII в. — конец января 1800 г.), Ибрахим Халифа (с конца января 1800 г.), барон Бернхард Фрайхерр фон Йениш (1734–1807), граф Вацлав Северин Ржевуский (с 1807 по 1831 (?) гг.), посланник Российской империи в Османской империи А. П. Бутенев (с апреля 1832 по 1834 гг.), Азиатский музей (с 1834 г.). В рукописи имеется описание, выполненное Йозефом фон Хаммером-Пургшателем, очевидно, по просьбе графа В. С. Ржевуского л. 107об., которое гласит, что данное произведение «рассматривает вооружение, упражнения и военные секреты Востока».

Эта рукопись — образец руководства по мамлюкскому военному делу, каллиграфически переписанная копия, выполненная для библиотеки приближенного султана мамлюкского Египта — эмира и *силахдара* Джарбаша. Ценность данной рукописи обусловлена, в первую очередь, тем, что это наиболее полный арабо-мусульманский трактат по военному делу, охватывающий различные аспекты военного искусства, выездки лошадей, описания различных видов оружия, способов их применения, а также маневров. Многократно упоминаемый и цитируемый исследователями, прежде всего, как наиболее ранний источник, содержащий описание огнестрельного оружия, он, тем не менее, остается наименее изученным среди подобных произведений, доступных исследователям.

Драматична история этой рукописи. Ее предпоследний владелец, граф Вацлав Ржевуский, известный также как «атаман Ревуха», сгинул без следа в огне Польского восстания в 1831 г. Нельзя полностью исключать его бегства *incognito* на Восток вместе с ценнейшим манускриптом из его частной коллекции, расстаться с которым его могла вынудить нужда в деньгах.

Илюшина М. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Эмир *атāбак* в мамлюкской политической иерархии

Более двухсот пятидесяти лет, с середины XIII до начала XVI в., правителями Египта и Сирии были мамлюки, рабы-воины преимущественно тюркского (до конца XIV в.) и черкесского (в XV в.) происхождения. Высшие офицеры армии составляли политическую элиту Мамлюкского султаната (1250–1517).

Первым мамлюкским султаном стал Айбак (1250–1257), который занимал пост *атāбака* в армии Аййюбидов (1169–1250). При мамлюках *атāбак*, или главный эмир, выполнял не только функции командира армии, но и принимал активное участие в управлении государством.

В период третьего правления ан-Насира Мухаммада (709–741/1310–1341) был создан Консультативный совет, члены которого выбирали главного эмира — *атāбака*. Он был первым лицом в государстве после султана.

Если у власти формально находился малолетний султан, получивший трон по наследству, что нередко происходило в Мамлюкском султанате, *атāбак*, в большинстве случаев, фактически выполнял функции регента и приобретал титул *мудаббир ал-мамлака*, или «управитель государства».

В черкесский период (1382–1517) именно те эмиры, которые становились *атāбаками*, впоследствии добивались трона. Специфика политической карьеры мамлюка связана с самой природой Султаната черкесских мамлюков, в котором наследственный принцип передачи власти не был доминирующим. Напротив, влиятельный и энергичный эмир имел реальную возможность стать султаном. Успех зависел от многих факторов. Собственно, решение о том, кто займет трон (если речь не шла о передаче власти наследнику), и принимал совет наиболее влиятельных эмиров. По сути, это означало, что эмиры по тем или иным причинам отказываются, по крайней мере на время, от намерения бороться за верховную власть и готовы стать опорой избранному султану. Взамен они получали престижные и влиятельные должности и защиту собственных интересов со стороны султана. Нарушение обязательств с той или другой стороны приводило к конфликтам разного масштаба. Поскольку решение совета эмиров отражало текущее соотношение сил, которое могло измениться с течением времени, практически любой влиятельный эмир рассматривался как потенциальный соперник, конкурент султана. Весьма важную роль играл в такой ситуации *атāбак*. Он мог возглавить недовольных эмиров и выступить против султана, либо, напротив, проявить лояльность и поддержать правителя.

Переломный момент в карьере *атāбака* наступал в период перехода власти от одного султана к другому. На протяжении всей своей истории мамлюки демонстрировали некоторую двойственность в подходе к вопросу о принципах престолонаследования. Собственно, династий в полном смысле этого слова были только Калауниды (1280–1382). В черкесский период правление султанов-наследников было, как правило, весьма кратковременным и номинальным, и, по сути, использовалось эмирами как временный «фасад», за которым шла ожесточенная борьба за власть. Если *атāбаку* удавалось одержать победу в этой борьбе, он становился султаном.

Политический успех во многом определялся тем, насколько мощным и влиятельным был собственный «дом» *атāбака*, т. е. коалиция купленных и воспитанных им мамлюков. Большую роль, как говорилось выше, играла поддержка других авторитетных эмиров. Наконец, одним из факторов, которые обеспечивали успех политической карьеры эмиров *атāбаков*, были родственные связи с семьей султана.

Эмир *атāбак* занимал ключевую позицию в политической системе Султаната мамлюков. В XIII и XIV вв., особенно при безвольных наследниках ан-Насира Мухаммада, *атāбаку* довольствовались ролью регентов или ближайших советников султана, в XV в. они активно борются за власть

и становятся султанами. Трансформация политического режима Султаната в черкесский период, связанная во многом с изменением роли эмира *ат̄бака* в мамлюкской политической иерархии, привела к появлению новой политической культуры и формированию политических традиций, которые оказали значительное влияние на всю последующую историю Египта и Сирии.

Куделин А. Б. (ИМЛИ РАН, Москва)

К проблеме становления связного повествования в средневековой арабской историографии

Рассуждения о дискретности арабского доисламского и раннеисламского исторического предания давно стали «общим местом» в востоковедных штудиях. Обычно ее возводят к сборникам сообщений-*хабаров*, скомпилированных приблизительно между 750 и 850 гг. Действительно, при своеобразии тематики, подачи материала, источников каждого из таких сборников им присущ и ряд общих черт, среди которых современные исследователи выделяют, в частности, то, что они были скорее сводами отдельных *хабаров*, относящихся каждый раз к определенному событию из некоего заданного перечня событий, нежели целостными повествованиями о том или ином из этих событий.

Данная особенность сборников *хабаров* во многом присуща и позднейшим авторитетным историческим *компиляциям* ал-Балазури (ум. 279/892) и Абу Джа‘фара ат-Табари (224–5–310 / 839–923). Эти авторы, как принято считать, не предпринимали усилий для создания связного повествования о событиях из разрозненных сообщений: *хабары* в их сочинениях не связываются нарративной нитью, а обычно следуют друг за другом.

Вместе с тем важно отметить, что в этот же период в лоне той же арабо-мусульманской историографической традиции появились труды Ибн Кутайбы (ум. 276/889), ад-Динавари (ум. 281/894), ал-Мас‘уди (ум. 345/956), называемые иногда *историческими энциклопедиями, компендиумами*, которые характеризуются иным отношением к изложению материалов доисламского и раннеисламского исторического предания. Если ограничиться краткой характеристикой данных трудов в интересующем нас ракурсе, то можно сказать, что в них в целом преодолена дискретность доисламского и раннеисламского исторического предания. Авторы *компендиумов*, предлагая исламскую интерпретацию исторических событий, представляли разнообразные материалы, дошедшие до них от ранних собирателей, в рамках единой повествовательной линии.

Дихотомическая классификация по признаку дискретность — континуальность имеет прямое отношение к исследованию становления связного повествования в средневековой арабской историографии. В этом контексте преимущественное внимание в докладе будет уделено «Жизнеописанию

Пророка» Ибн Исхака (ум. 150/767) — Ибн Хишама (ум. 218/833 или 213/828). Главная причина такого выбора состоит в том, что данный труд является репрезентативным объектом для анализа заявленной в названии доклада проблемы.

«Жизнеописание» занимает промежуточное положение между *компиляциями* и *компендиумами*. С одной стороны, оно в полной мере опирается на сборники арабского доисламского и раннеисламского исторического предания, отличительной чертой которых является дискретность. И в этом плане оно сближается с *компиляциями*. С другой стороны, вопреки этому важному обстоятельству, труд Ибн Исхака — Ибн Хишама представляет собой, по мнению авторитетных историков, один из первых образцов связного описания, в центре которого стоит Пророк ислама, его жизнь и деяния. И в данном аспекте «Жизнеописание» может быть соотнесено с *компендиумами*. При этих двух разнонаправленных сближениях важным, определяющим моментом является то, что труд Ибн Исхака — Ибн Хишама хронологически опередил наиболее значимые *компиляции* и *компендиумы* и, таким образом, не мог ориентироваться на них как на образцы для подражания. Такое положение «Жизнеописания Пророка» создает благоприятные условия для анализа важнейших элементов процесса становления связного описания на одном из ключевых этапов в истории средневековой арабской историографической традиции.

Кумеков Б. Е. (ЕНУ, Астана),
Кумекова Р. Б. (КазНУ, Алма-Ата)

К атрибуции авторства сочинения «Зикр ал-масафат ва сувар ал-акалим»

В фонде арабских рукописей г. Каира (Египет) хранится географическое сочинение «*Зикр ал-масафат ва сувар ал-акалим*», автором которого значится Абу Зайд ал-Балхи. Полагают, что труд Абу Зайда, использованный ал-Истахри, до нас не дошел. Однако источниковедческий анализ данной рукописи, связываемой с ал-Балхи, позволяет считать, что мы имеем дело не с редакцией труда ал-Истахри «*Китаб масалик ал-мамалик*», как это раньше неоднократно оказывалось в подобных случаях, когда книгу *приписывали* ал-Балхи, а скорее всего, действительно сочинение самого ал-Балхи.

Сравнительно-текстологический анализ показал отличие структуры труда ал-Балхи от произведения ал-Истахри. Ал-Истахри применил ту же систему описания 20 «климатов» (географических областей), что и его предшественник, но вместе с тем расширил объем сведений ал-Балхи за счет данных, полученных в результате собственных путешествий. Так, ал-Истахри приводит расстояния от Ирака до р. Балха, от Сирии до Египта, от Египта до Магриба, от Византии до *русов*. Дополнительные сведения приводит о расселении киме-

ков и токузогузов. В разделе о Мавераннахре уточняются границы области по четырем сторонам света. Текст ал-Балхи дополнен также информацией о династии Саманидов. В разделе о море Хазар ал-Истахри приводит уточняющие сведения о том, что Мангышлак населен тюркским племенем, отделившимся от огузов. В целом ряде мест материал подается в собственной редакции ал-Истахри. Подвергаются некоторому сокращению отдельные предложения, опускаются отдельные фрагменты. В некоторых местах ал-Истахри помещает сведения, почерпнутые из устных рассказов. Кроме того, многочисленные поправки ал-Истахри носят терминологическую направленность, заменяются слова, уточняются понятия: крепость, а не *кухендиз*; город, а не крепость; «внешние» болгары вместо булгары и т. д. Между тем сам труд ал-Балхи, как показывает анализ, был почти полностью включен в сочинение ал-Истахри.

Авторство ал-Балхи наиболее ярко проявляется в ходе рассмотрения картой Карты мира в «*Зикр ал-масафат*», которая имеет отличия от соответствующей Карты мира ал-Истахри. Карта ал-Балхи более насыщена этнонимическими данными, значительные отличия обнаруживаются в указании мест расселения племен. Так, на карте ал-Балхи между Каспийским и Аральским морями расположены огузы; между этими морями и к северо-востоку от Каспия расположены огузы. С севера в Каспий впадает двумя рукавами река Атиль (Волга); восточное русло Атиля соответствует р. Урал. Между этими реками у ал-Балхи показаны лишь кимеки, а у ал-Истахри — кимеки и огузы. На карте ал-Балхи печенеги расположены к югу от кимеков и к северу от Аральского моря, что позволяет наметить хронологические рамки связанных с ними событий.

В первой половине IX в. огузская военно-племенная знать в союзе с карлуками и кимеками вытеснила печенегов из бассейна Сырдарьи; печенеги расселились к северу от Аральского моря. К концу IX в. печенеги покинули междуречье Урала и Волги и мигрировали на запад. Печенеги, согласно ал-Истахри, расположены по соседству с булгарами, башкирами, бургасами к западу от Итиля, что отражает историческую ситуацию второй трети X в. На карте ал-Балхи к северу от Мавераннахра показаны карлуки; к востоку от карлуков указаны чигили и токузогузы, а на западе от карлуков расселены печенеги. Расположение печенегов на западе Казахстана указывает на то, что эта информация относится к IX в. Вызывает крайний интерес упоминание чигилей: по-видимому, ал-Балхи отразил время усиления чигилей в Семиречье. На карте ал-Истахри чигили не показаны, что также указывает на хронологические отличия карт.

Итак, на основании вышеизложенного можно заключить, что хранящееся в Каире географическое сочинение «*Зикр ал-масафат ва сувар ал-акалим*» действительно принадлежит перу Абу Зайда ал-Балхи, труд которого западная арабистика полагала навсегда утраченным.

Кункова В. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Формирование основ исламской экономики при первых Аббасидах

Эпоха первых Аббасидов (813–833) вошла в историю Арабского халифата как время окончательного формирования институтов исламской экономики и применения их на практике. Особенно ярко этот процесс протекал на городских рынках. Исламская экономика строится на принципах *шариата*, источником которого являются Коран и сунна.

Правовая этика эпохи первых Аббасидов в сфере торговли представляет собой важнейший аспект исламского права, подпадающий под понятие «*муамалат*» (араб. «отношения»), который наряду с «*'ибада*» (араб. «поклонение») составляет основу жизни традиционного исламского общества. Все действия члена исламского общества характеризуются следующими категориями: 1) *халал* — дозволенное, 2) *харам* — запрещенное, 3) *фард* — обязательное, 4) *сунна* — желательное и пр. Так, согласно исламским принципам экономики под категорию *харам*, например, подпадают такие действия, как торговля запрещенными исламом товарами, участие в деятельности организаций, занимающихся производством запрещенных продуктов (например, вина, свинины и т. п.), ростовщичеством, азартными играми и обманывающих покупателей.

В связи с необходимостью контроля исполнения исламских предписаний в повседневной жизни в эпоху первых Аббасидов сформировался институт *хисбы* и был введен пост чиновника-*мухтасиба*.

Лукьянов Г. В. (НИУ ВШЭ, Москва)

Советская и российская историография об исламе и его влиянии на социально-политическое развитие государства в Ливии

События 2011 г. в Ливии, рассматриваемые современной наукой преимущественно в контексте явления, получившего название в историографии «арабская весна» или «арабское пробуждение»¹, не только обозначили начало политического транзита в этой североафриканской стране, но также привели к кризису государственности и поставили под вопрос само существование территориально-политической общности трех исторически связанных областей — Триполитании, Киренаики и Феццана. В этой связи в научно-исследовательском сообществе арабского мира и за его пределами с новой силой

¹ Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Отв. ред. В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. С. 3–20, 221–239.

разгорелись дискуссии о сущности и природе государства в арабском мире, в т. ч. в специфических условиях, характеризующих африканскую его часть, а также о роли ислама в политогенезе арабов, складывании и функционировании современных арабских государств.

Для Ливии, где после 2011 г. произошел крах государственных институтов, а ислам стал одним из немногих факторов сохранения единого политико-правового и политико-культурного пространства для разделенного по линиям этнических, племенных и иных расколов населения, данные обсуждения имеют не только теоретическое, но и сугубо практическое значение.

В этой связи видится уместным вспомнить и актуализировать опыт изучения роли ислама в социально-политическом развитии Ливии на этапе складывания и существования единого ливийского государства — особенно в период после Сентябрьской революции 1969 г., накопленный русскоязычными авторами, представляющими школу советского и российского востоковедения¹. Данный доклад имеет своей целью осветить основные направления изысканий в вопросе изучения политической роли ислама и его влияния как совокупности норм и практик на формирование и функционирование государственных институтов.

В этом отношении условно можно выделить несколько основных тем, так или иначе привлекавших основное внимание советских и российских авторов в период с начала 1950-х до середины 2010-х гг.²

Роль ислама в национально-освободительной (антиколониальной) борьбе и национальной консолидации ливийского народа.

Религиозно-политическое учение объединения последователей Мухаммада ибн Али ас-Сенуси и его влияние на организацию власти в суверенной Ливии.

Влияние ислама на государственную идеологию, а именно на Третью всемирную теорию Муаммара Каддафи.

Влияние ислама на политические институты ливийского государства.

В докладе на основе рассмотрения авторских и коллективных работ А. З. Егорина, Ш. Н. Курдгелашвили, А. В. Малашенко, Н. Н. Прошина, С. А. Товмасына и других авторов представлены основные подходы к определению и описанию роли ислама в политическом развитии Ливии в рамках обозначенных направлений.

¹ Общий обзор зарубежной историографии по теме см.: Лукьянов Г. В. Исследование роли ислама в истории современной Ливии: зарубежная историография // История востоковедения: традиции и современность (Материалы II всероссийской школы-конференции). М.: ИВ РАН, 2015. С. 242–259.

² Более подробный анализ российской историографии см.: Лукьянов Г. В. Эволюция российской историографии Ливийского вопроса: формирование и развитие основных тем исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2015. № 1. С. 74–98.

Матвеев А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)
**Аравийская торговля в VI — нач. VII вв.
 и ее роль в истории Аравии**

Особое значение торговли в истории Аравийского полуострова I тыс. до н. э. — I тыс. н. э., в первую очередь международной транзитной торговли, связывающей юг Аравии с Месопотамией и Средиземноморьем, не вызывает сомнения. Однако наибольший — и вполне заслуженный — интерес исследователей вызывает т. н. «Путь ладана» (соотносимый по значимости для Древнего мира с «Великим шелковым путем» Средневековья), по которому в Средиземноморье поступали благовония из Южной Аравии, в то время как торговля последующего периода привлекает гораздо меньше внимания. Однако аравийская торговля VI в. не менее важна для истории региона в связи с ее особой ролью в возникновении объединенного арабского государства и ислама¹.

Изучение торговли на территории Аравии в VI в. представляет значительную трудность ввиду ограниченного количества источников для этого периода. Значительная часть источников, описывающих трансаравийскую торговлю и «Путь ладана», относятся к античному времени (в первую очередь, это греческие и латинские сочинения I в. до н. э. — I в. н. э., отчасти дополняемые данными эпиграфики), сведения последующего периода гораздо скуднее², а к середине VI в. н. э. они иссякают вовсе. Последний период, широко представленный источниками — это первая треть VI в. Речь идет о сочинениях, в первую очередь, агнографических, а также эпиграфических памятниках, повествующих о событиях, связанных с попыткой установления в Йемене иудаизма как государственной религии химьяритским царем Йусуфом Зу-Нуvasом. Захват им крупного христианского торгового центра на севере Йемена — Наджрана (фактически — торговые ворота Южной Аравии), сопровождавшийся пытками и жестокими казнями местных христиан, в свою очередь, вызвал ответную реакцию главной христианской державы той эпохи — Византии, подтолкнувшей своего эфиопского союзника к вторжению в Аравию, что привело к установлению эфиопского контроля над Йеменом. Хотя сам этот конфликт носил, в первую оче-

¹ Подробнее см.: *Матвеев А. С.* Международная транзитная торговля и миссия Мухаммада: о причинах возникновения ислама и государства в Аравии // *Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по ИИСАА, 22–24 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев.* СПб.: ВФ СПбГУ, 2015. С. 43–44; *А. С. Матвеев.* Трансаравийская торговля и миссия Мухаммада: О причинах возникновения ислама и государства в Аравии // *Арабские маршруты в азиатском контексте. Arabian Routes in the Asian Context.* СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 429–500.

² Наиболее детальный анализ данных античных авторов и данных эпиграфики, а также иных источников по истории торговых путей Аравии дан в выдающейся монографии Михаила Бухарина: *Бухарин М. Д.* Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье: торговые и историко-культурные связи. М.: Восточная литература, 2009. 375 с.

редь, религиозный характер и имел косвенное отношение к борьбе за контроль над торговыми путями (как его пытаются представить некоторые исследователи), он затрагивал и вопросы международной транзитной торговли. В последующий период интерес Византии к Южной Аравии ослабевает, а в середине VI в. исчезают также и эпиграфические памятники на южноаравийских языках¹.

С другой стороны, VI в., особенно его вторая половина, уже в какой-то мере представлен арабскими источниками — знаменитым арабским «эпосом» «Дни арабов» (повествования о различных межплеменных войнах) и доисламской поэзией. Эти источники, зафиксированные несколькими веками позже описываемых в них событий, дают информацию и о торговле в Аравии: например, перехваты бедуинами караванов «Кисры» (полуэпического правителя Ирана, «Хосрова») или лахмидского царя ан-Ну⁴мана. Подобные караваны, перевозившие предметы роскоши, именуются *латйма* (в отличие от «обычных» караванов, называвшихся *ракб* или *'йр*); и номенклатура их товаров вполне вписывается в наше представление о трансаравийской торговле предшествовавшего периода (мускус (*миск*), амбра (*'анбар*), духи (*тйб*), тонкие ткани (*базз*), украшения (*джасухар*), дорогие одежды (например, *қатйфа* — верхняя одежда типа плаща) и др.).

Следующий хорошо документированный период — самый конец VI — начало VII вв. Он представлен источниками уже совершенно иного типа — исламскими, связанными с жизнью Мухаммада. Сложность анализа этих литературных памятников, дошедших до нас в редакциях IX в., в свою очередь базирующихся на сочинениях середины VIII в., т.е. значительно отстоящих по времени от описываемых событий, нередко приводит к их не вполне адекватной интерпретации. Под влиянием гораздо более древней, но яркой античной традиции европейские исследователи ранней истории ислама некритично перенесли картину трансаравийской торговли рубежа I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. на ситуацию VI в., в результате чего Мекка стала прямой наследницей древней торговли благовониями и другими «восточными» товарами. Созданная воображением Анри Ламменса² «мекканская торговая республика» продолжила свое существование в трудах Монтгомери Уотта³ (не говоря уже о более общих или популярных сочинениях по истории ислама) и нашла свое блестящее завершение в книге венгерского исследователя Роберта Шимона⁴. Реакцией на

¹ Для химьяритского периода речь идет уже только о сабейском языке — остальные южноаравийские эпиграфические языки к этому времени уже исчезли.

² *Lammens H. La république Marchande de la Mecque vers l'an 600 de notre ère // Bulletin de l'Institut Egyptien, 5th Series, No.4 1910. P. 23–54; Lammens H. La Mecque à la veille de l'Hégire. Beyrouth, 1924.*

³ *Watt W. M. Economic and Social Aspects of the Origin of Islam // The Islamic Quarterly, Vol.I No.2 July 1954. P. 90–103.*

⁴ *Róbert S. Meccan trade and Islam: problems of origin and structure. (Tr. by Feodora Sos). (Bibliotheca Orientalis Hungarica. Vol. XXXII). 206 p. Budapest: Akadémia Kiadó, 1989.*

такую интерпретацию стала скандальная книга Патришии Кроун¹, убедительно показавшей локальный характер «мекканской торговли», не имеющий никакого отношения к торговле ладаном и другими восточными предметами роскоши. Однако критикуя традиционную теорию «мекканской торговли», Кроун впала в другую крайность: отрицание самого существования в I тыс. н. э. трансаравийской торговли, которая, по ее мнению, полностью прекратилась после открытия греками морского пути в Индию и Южную Аравию.

Более детальный анализ имеющихся источников, однако, показывает, что морской путь не мог в полной мере заменить сухопутный (торговля ладаном со Средиземноморьем в первые века нашей эры вообще осуществлялась только через Аравию — в целях сохранения торговой монополии правителей Хадрамаута, контролировавших сбор и вывоз ладана из ладоносных районов Дофара и восточного Хадрамаута) и существовал *параллельно* с ним. В результате международная транзитная торговля через Аравию просуществовала до конца VI в., пока не была перекрыта персами, взявшими под контроль Йемен в конце 570-х гг. — в рамках борьбы со своим геополитическим противником Византией².

В ситуации коллапса традиционной транзитной торговли через Аравию получает свое развитие организованная мекканцами торговля нового типа, построенная на принципе «*илāф*» — торговых договоров с племенами, по чьей территории проходил торговый маршрут. Если ранее богатые южноаравийские купцы и посредники могли платить арабским племенам деньгами или товарами за защиту караванов и проход по их территории, то мекканцы не имели столь серьезного «стартового капитала». Создание системы договоров-*илаф* сделала бывших платных защитников партнерами, получающими свою *долю прибыли* от торговли, которую вели мекканцы. Такая торговля уже не требовала столь значительных ресурсов для ее организации, как прежняя транзитная торговля.

По всей видимости, на пути в Сирию (это единственный четко зафиксированный источниками маршрут: торговля с Йеменом и Месопотамией, судя по всему, была достаточно эпизодической) мекканцы забирали у своих партнеров по *илāф* произведенные ими товары, продавали их Бусре (Бостре) или Газе в Сирии, а на обратном пути привозили заказанные «партнерами» византийские товары или выплачивали им долю прибыли в какой-то иной форме. Сами «мекканские» товары — это главным образом продукты местного аравийского происхождения: выделанные кожи (*адам*), домотканые шерстяные ткани и одежды (*суйāб*), бурдюки с топленным маслом (*самн*), домашний сыр (*ақит*),

¹ Crone P. Meccan trade and the rise of Islam. Princeton: Princeton University Press, and Oxford: Blackwell, 1987.

² О перипетиях этой борьбы — см. монографию Нины Викторовны Пигулевской «Византия на путях в Индию» (М.; Л., 1951).

стручки аравийской акации для дубления кожи (*қараз*) и т. п. Единственным упоминаемым «предметом роскоши» являются духи (*'имр*) — вероятно масляные смеси, в т. ч. с использованием ладана, которые и сегодня популярны в Аравии. Есть упоминание и о торговле драгоценными металлами, однако едва ли следует рассматривать их как главный мекканский торговый товар, как это пытался сделать Хек¹.

В целом, эта торговля не имеет никакого отношения к прежней международной транзитной торговле и не является ее продолжением. В силу ограниченности масштаба «мекканская торговля» не могла обеспечить необходимыми дополнительными ресурсами всю Аравию, что и послужило толчком к изменению исторической парадигмы взаимоотношений с оседлыми соседями и объединению полуострова под эгидой ислама, что позволило забрать силой у оседлых соседей то, что ранее на протяжении полутора тысячелетий арабы получали в результате участия в транзитной торговле.

В рамках доклада будет рассмотрена аравийская торговля и торговые пути через Аравию и их изменение на протяжении VI — нач. VII вв., а также влияние этих процессов на историю Аравийского полуострова и соседних регионов.

Мещерская Е. Н. (Филологический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сирийские монастыри как центры книжно-письменной культуры

Специфика сирийской средневековой рукописной традиции определялась конфессиональным расколом сирийцев и делением на несториан, монофизитов и мелькитов. Однако это явление не только не обеднило, но, скорее, способствовало расцвету их культуры. В соперничестве между собой, стремясь привлечь на свою сторону большее число приверженцев, различные ветви сирийских христиан открывали учебные заведения, скриптории, библиотеки, формировали разнообразный репертуар сирийских рукописных книг. Ведущая роль в этом на протяжении нескольких веков принадлежала сирийским монастырям разной конфессиональной ориентации. При изучении роли монастырей можно выделить несколько направлений: сирийская грамматическая традиция (создание грамматических школ, грамматик и словарей); сирийская историография (написание монастырских хроник и патериков); монастырские переводческие школы; собиранье библиотек, хранение и реставрация книг.

В докладе будет рассмотрена роль монастырей как центров книжно-письменной культуры. Прежде всего, следует показать их значение в деле

¹ Heck G. W. Arabia without Spices: An Alternate Hypothesis // Journal of the American Oriental Society, Vol. 123, No. 3 (Jul.–Sep., 2003). P. 547–576.

формирования богослужебного ритуала и кодификации богослужебных книг. Такую деятельность можно рассмотреть, основываясь на анализ многочисленных данных рукописной практики, связанной с несторианским монастырем Дайра Эллайта (Высокий монастырь). Он находился неподалеку от Мосула и просуществовал несколько веков. По каталогам сирийских рукописей различных собраний выделяется несколько типов несторианских богослужебных книг (*худра*, *газза*, *кашкул*, лекционари и др.), имеющих в колофонах указание об их переписке согласно уставу монастыря Дайра Эллайта. Эти рукописи обладают рядом кодикологических особенностей, и хотя место переписки их не совпадает, это всегда географический пункт, относящийся к Мосульской митрополии. С этой группой рукописей связаны фрагменты сирийского кодекса, происходящего из Турфана (Восточный Туркестан), ныне они находятся в собрании ИВР РАН. Фрагменты относятся к несторианской богослужебной книге типа *Газа* — Сокровище, которая содержала службы на праздничные дни всего года. Переписанная в пределах Мосульской митрополии, она была принесена в Восточный Туркестан несторианскими миссионерами.

Роль сирийских монастырей в формировании книжно-оформительских стандартов может быть рассмотрена на примере рукописей, происходящих из яковитского диоцеза Гаргар в Мелитене. Здесь находилось несколько яковитских монастырей: монастырь Богоматери и св. Закхей, монастырь Аbugалиба и монастырь Бар Саумы. Интересна рукопись Евангелия (ИВР РАН, осн. ф. № 6), содержащая 4 канонических евангелия в версии Пешитты. Из колофона известно, что ее переписчиком был иеромонах Иоанн. Перу этого же писца принадлежит рукопись Евангелия из Берлинской библиотеки (№ 139). Обе рукописи выделяются миниатюрностью, изяществом художественного убранства, а также рядом особенностей в подаче евангельского текста. К этой же книжно-оформительской школе может быть отнесена и рукопись Парижской национальной библиотеки (№ 395), которая представляет собой служебник по яковитскому чину.

Особой заслугой сирийских монастырей следует признать целенаправленное собиранье библиотек, хранение и реставрацию рукописных книг. Книги поступали в монастыри как от принявших монашество лиц, так и от посторонних богомольцев, желавших оказать благодеяние монастырю. Нам известно, как складывалась богатая библиотека монастыря Пресвятой Богородицы в Нитрийской пустыне Египта, составившая впоследствии ядро сирийской коллекции Британской библиотеки. На примере многих кодексов видно, как в монастыре происходила реставрация рукописей. Такая работа проходила вплоть до XV в. Заметки о ней сохранились в рукописях с упоминанием имен реставраторов.

На примерах этих рукописей видно, что сирийская книжно-письменная культура, сложившаяся в монастырских стенах, оказала влияние на другие страны и народы.

Петрова Ю. И. (ИВ им. А. Е. Крымского, НАН Украины, Киев)
**К вопросу о русском переводе
«Путешествия патриарха Макария Антиохийского»
(на основе критического издания оригинала)**

Уже несколько лет в рамках международного академического проекта арабистами Румынии, Украины и России ведется работа по подготовке полного критического издания знаменитого арабоязычного источника XVII в. «Путешествие патриарха Макария Антиохийского», автором которого является архидиакон Павел Алеппский. К настоящему моменту нами была осуществлена сверка четырех известных рукописей (парижской, лондонской, петербургской и киевской), благодаря чему прояснились некоторые «темные места» и появилась возможность более адекватной интерпретации текста. Русскоязычному читателю содержание источника известно по переводу проф. Лазаревского института восточных языков Георгия Муркоса, опубликованному в 1896–1900 гг. и переизданному в 2005 г¹. На сегодняшний день это самое полное издание текста памятника.

Сам Г. Муркос признавал несовершенство рукописных списков, по которым он осуществлял свой перевод, в связи с чем он был вынужден воспроизвести ряд фрагментов по английскому переводу Ф. Бельфура², выполненному по более полной лондонской рукописи. Таким образом в русское издание проникло множество искажений и ошибок из английской версии — в тех случаях, когда Г. Муркос не имел возможности сверить английский перевод с арабским текстом; кое-где он как носитель арабского языка смог реконструировать исходный вариант и указал на предполагаемые ошибки. Для своего времени перевод Г. Муркоса был выполнен на очень высоком уровне, хотя позже акад. И. Ю. Крачковский указывал на «отсутствие строго филологического научного метода» в его работе и на то, что в связи с открытием более ранних рукописей его перевод «приходится считать в значительной мере устарелым»³.

Выявленные нами дефекты в русском издании «Путешествия Макария» можно разделить на три категории: 1) попавшие в перевод Г. Муркоса из

¹ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / *пер. с араб. Г. Муркоса*. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005. 728 с.

² *The Travels of Macarius, Patriarch of Antioch: Written by his Attendant Archdeacon, Paul of Aleppo, in Arabic / translated by F. C. Belfour*. London: The Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland. Vol. 1, 1833. 421 p.; Vol. 2, 1836. 486 p.

³ *Крачковский И. Ю.* Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII в. // Акад. И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. I. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 270.

английского перевода; 2) восходящие к разночтениям между списками двух разных редакций (петербургской и парижской); 3) ошибки самого переводчика.

К первой — самой многочисленной — категории относятся пропуски текста, допущенные английским переводчиком (в основном в описаниях богослужений), и ошибочные, подчас курьезные, варианты интерпретации: الكلار: *кельи для духовенства* (прав.: *погребя для кладовой*); قوين للمكاييس: *два подвала для темницы* (прав.: *два погребя для заготовок/соленей*); يقندلون: *освящают свечи* (прав.: *помазывают маслом*). Иногда это объясняется и ошибками в лондонской рукописи: المرحوم *покойный* вместо المحرو *отлученный*.

Вторая группа представлена несколькими примерами, восходящими к ошибкам переписчика, например: قرأه خارج *чтение снаружи (алтаря)* вместо قرأه داخل *чтение нараспев*.

Третья группа представляет наибольший интерес и требует тщательного лексико-стилистического анализа текста: جلاي دهره (*был*) *славой своего века* (прав.: *бунтовщиком*); تريد ان تيمني بمفارقتك لي *расставание с тобой убивает меня* (прав.: *осиротит меня*). Некоторые варианты перевода следует пересмотреть также на предмет стилистического соответствия.

Таким образом, будущее критическое издание арабского текста «Путешествия Макария», с указанием всех смысловых разночтений, позволит поставить вопрос о внесении коррективов в ставший уже «классическим» перевод Г. Муркоса, для максимально адекватного воспроизведения содержания важнейшего исторического источника и его языковых особенностей.

Притула А. Д. (ГЭ, Санкт-Петербург)

Халдейские рукописные коллекции.

‘Авдишо’ Газартский: патриарх, поэт, писец и заказчик

Термин «халдейский», первоначально обозначавший население Междуречья (преимущественно арамейского происхождения), стал употребляться европейцами для восточносирийской традиции в целом, поскольку основной ее центр находился в этом регионе. В этом традиционном значении он по-прежнему используется рядом исследователей. Однако более обычным в настоящее время является его применение для обозначения восточносирийской униатской Церкви с центром в Багдаде (официальное название — Халдейский Патриархат Вавилона) для четкого различения с Церковью Востока (так называемой «несторианской»), по-прежнему сохраняющей каноническую независимость и особенности догматики.

До недавнего прошлого у исследователей не было доступа к большинству рукописных собраний так называемой Халдейской Церкви. В результате изу-

чение их ограничивалось описаниями в каталогах, изданных главным образом в начале XX в. Благодаря оцифровке и каталогизации, проводившейся в последние годы HMML (Hill Museum and Manuscript Library), научное сообщество обрело доступ к тысячам рукописей, принадлежащих к этой традиции. Их цифровая съемка и фиксация представляются особенно важным в связи с продолжающимся уничтожением этой книжности на Ближнем Востоке, происходившим в течение веков и продолжающимся поныне.

Данное сообщение, помимо общего обзора истории формирования и характера халдейских коллекций, представляет собой попытку анализа самого раннего этапа существования этой традиции. Он связан с именем ‘Авдишо’ Газартского, второго патриарха этой Церкви (1555–1571), а также первого ее литератора, автора многочисленных литургических и нелитургических поэм, в двух из которых (до сих пор неизданные) описывается его путешествие в Рим. Большинство его произведений теперь доступны благодаря цифровым коллекциям HMML.

Десятки этих текстов — эпиграммы (с заметным влиянием персидской и арабской поэзии), адресованные различным современникам автора. В данном сообщении предпринята попытка идентифицировать этих людей, многие из которых — хорошо известные фигуры той эпохи, а также реконструировать их взаимоотношения с автором. Эти открытия стали возможны благодаря тому, что мне удалось обнаружить несколько автографов этого знаменитого поэта. Используя колофоны и маргиналии, написанные рукой автора с указанием его имени от первого лица, представляется возможным уточнить подробности его биографии, идентифицировать рукописи из его библиотеки, а также определить корпус текстов, повлиявших на его творчество.

Прудников В. В. (ИВ РАН, Москва)

Участие норманнов в Первом крестовом походе в итальянской историографии XX в.

Представитель итальянской исторической школы, медиевист Рауль Манселли (1917–1984) в 1940 г. выпустил в свет работу об участии италийских норманнов в Первом крестовом походе¹. Поводом для написания этого произведения послужило отсутствие, по мнению Манселли, и во французской, и в немецкой историографии полного отражения норманнского взгляда на Первый крестовый поход².

¹ Manselli R. Normanni d'Italia alla prima crociata: Boemondo d'Altavilla // Japigia. 1938. XI. P. 45–79, 147–184.

² Ibid. P. 203.

Главный акцент Манселли сделал на рассмотрении карьеры Боэмунда на Востоке на основании латинских и византийских источников. В целом работа Манселли носит описательный характер и изобилует фактическим материалом, который нуждается в последующей интерпретации.

Э. Понтиери (1896–1980) в статье «Норманны Южной Италии и Первый крестовый поход»¹ уделил большое внимание обстоятельствам, связанным с осадой Амальфи графом Сицилии Рожером. Понтиери рассмотрел интересы и мотивы поведения предводителей южно-италийских норманнов, определившиеся в ходе начала движения крестоносцев. В течение тридцати лет при поддержке римских пап граф Рожер возглавлял «свой» крестовый поход против мусульман Сицилии, фактически создавая уникальное по терпимости к иным религиям государство². Тем не менее Рожер не смог воспрепятствовать уходу большинства италийских норманнов, которые составляли основу его войска, в Первый крестовый поход во главе Боэмундом. Понтиери считает, что Рожер не мог забыть своему племяннику этой сцены под стенами Амальфи, когда он в одночасье лишился всего «своего племени» и проигнорировал просьбы Боэмунда о его выкупе из плена³.

Вслед за Р. Мансели и Е. Понтиери Б. Фиклиоло написал работу с характерным для итальянской историографии названием: «Еще раз о норманнах из Италии в Первом крестовом походе»⁴. Ему удалось идентифицировать двадцать шесть норманнов, которые отправились с Боэмундом на Восток⁵. Все они были молодыми людьми и принадлежали к роду Гвискардинов, некоторые из них были вассалами Боэмунда или Рожера Сицилийского. Только трое из них вернулись в Италию, девять (включая Боэмунда) остались на Востоке, восемь погибли там, а об остальных не осталось сведений⁶.

В своей статье Фиклиоло приводит новые источники (в том числе опубликованные впервые): грамоты, подтверждающие дарения норманнских сеньоров монастырям Южной Италии⁷. На основе этих данных Фиклиоло приходит к выводу, что Первый крестовый поход был «внутренним делом норманнского рыцарства», а точнее, той его части, которая состояла из молодых, беспокойных и не очень богатых рыцарей⁸.

¹ Pontieri E. I Normanni dell'Italia meridionale e la Prima Crociata // Archivio Storico Italiano. 1956. Т. 114. Р. 3–17.

² Ibid. Р. 7–13.

³ Ibid. Р. 17.

⁴ Figliuolo B. Ancora sui Normanni d'Italia all Prima Crociata // Archivio Storico per le Province Napolitane. 1986. 104. Р. 1–16.

⁵ Ibid. Р. 5.

⁶ Ibid. Р. 5–6.

⁷ Ibid. Р. 7–9.

⁸ Ibid. Р. 9–10.

Итальянский исследователь Л. Руссо провел анализ источников по вопросу участия норманнов в Первом крестовом походе и пришел к ряду интересных выводов¹. В частности, он опровергает распространенное мнение о «материальных» устремлениях норманнов в крестовом походе, что, якобы, в отличие от других лидеров крестоносцев, ими двигала только жажда территориальных приобретений².

На самом деле крестовый поход как «рыцарское» мероприятие подразумевал наличие у его участников сложных мотивов, в число которых входили не только достижение некоего духовного идеала, но и вполне земные цели: обретение владений, богатства и высокого социального статуса³. Поэтому в своих устремлениях норманнские лидеры не отличались от предводителей провансальцев или лотарингцев. Участие норманнов в Первом крестовом походе не принесло им никаких плодов хотя бы отдаленно напоминающих результаты их деятельности в Южной Италии и Сицилии. Норманнский характер Антиохийского княжества, столь яркий в самом начале, очень быстро сошел на нет⁴.

Большинство итальянских специальных исследований посвящено участию в Первом крестовом походе норманнов из Южной Италии, а не из Нормандии, что объясняется традиционным вниманием к этой теме итальянских медиевистов. Данные работы очень важны для понимания роли норманнов Италии в Первом крестовом походе.

Пумпян Г. З. (БАН, Санкт-Петербург)

Церковь и общество в Русском государстве XVII в. в «Путешествии патриарха Макария Антиохийского» (рукопись ИВР РАН)

Памятник христианско-арабской литературы «Путешествие патриарха Макария Антиохийского»⁵ был написан его сыном архидьяконом Павлом Алеппским⁶ и посвящен описанию поездки Макария⁷ в Московскую Русь в 1652–1659 гг. с целью сбора милостыни, чтобы выплатить долги епархии. Его

¹ *Russo L. I Normanni e il movimento crociato. Una revisione // Il Papato e i Normanni. Temporale e Spirituale in età normanna, a cura di E. D'Angelo, C. Leonardi. Firenze, 2011. P. 163–174.*

² *Ibid.* P. 163.

³ *Ibid.* P. 166.

⁴ *Ibid.* P. 174.

⁵ *رحلة بطريك ماكارياوس الانطاكي* (далее — *رحلة*)

ИВР РАН Санкт-Петербург, список рукописи 1700 г. Шифр В 1230.

⁶ *بولس ابن الزعيم الحلبي* (р. ок. 1627 г.)

⁷ *بطريك ماكارياوس ابن زعيم الحلبي الانطاكي* (патриарх в 1647(8?)–1667(72?) гг.; ум. в 1675).

сын, архидьякон Павел Алеппский, сопровождал патриарха и записывал впечатления в ходе поездки. Они находились в Московской Руси в 1654–1656 гг. Памятник является важным источником по истории, исторической географии и этнографии Русского государства середины XVII в. При анализе текста нами использовался список рукописи 1700 г., хранящийся в ИВР РАН в Санкт-Петербурге. Это полный список, содержащий одну из кратких редакций. В ходе работы было необходимым обращение к переводу путешествия, выполненному Г. А. Муркосом по рукописи Архива МИД, которая является копией со списка 1700 г.¹ В приведенных примерах сохранены диалектные особенности языка памятника, свойственные среде арабов-христиан Сирии средних веков. Имеются переводы «Путешествия...» на западноевропейские языки².

В записках архимандрита Павла Алеппского о путешествии патриарха Макария Антиохийского получила широкое отражение церковная жизнь в Московской Руси в середине XVII в. Арабские путешественники были свидетелями и участниками эпохальных событий, связанных с церковной реформой и последующим расколом, во многом определившими дальнейшую жизнь России и повлиявшими на особенности общественного уклада. Сочинение Павла позволяет рассмотреть следующие аспекты этой темы:

1. Место церкви в общественной и частной жизни в Московской Руси, в т. ч. в жизни царя и его семьи.
2. Духовенство, прежде всего личность патриарха Никона и его взаимоотношения с царем.
3. Церковная реформа и Московский поместный собор 1656 г., роль патриарха Макария в этих событиях, их оценка церковными историками.
4. Отношения с инославными народами; крещение других народов.
5. Внешние связи церкви, посещения иноземных духовных лиц и правила их пребывания в Москве.
6. Вопросы догматики и описание богослужения, церквей, монастырей, икон, церковной утвари, облачения и пр. Записки Павла дают и некоторое представление об истоках этики старообрядцев, внесших впоследствии заметный вклад в развитие России.

Огромная роль церкви в Московской Руси XVII в. хорошо известна, особенно если добавить к этому глубокий интерес к церковным вопросам

¹ Путешествие патриарха Макария Антиохийского в половине XVII в., описанное его сыном архидьяконом Павлом Алеппским: по рукописи Московского главного архива МИД / пер. с араб. Г. А. Муркоса. Изд. 3-е. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2016. 728 с.

² The Travels of Macarius, Patriarch of Antioch: Written by his Attendant Archdeacon, Paul of Aleppo, in Arabic / transl. by F. C. Belfour: 2 vol. London, 1833–1836; Voyage du patriarche Macaire d'Antioche : Text arabe et traduction française / par Basil Radu // Patrologia Orientalis / R. Graffin, F. Nau (eds). Paris : Firmin-Didot et Cie, Imprimeurs-Editeurs. 1930. XXII, fasc. 1. P. 3–199 ; 1933. XXIV, fasc. 4. P. 203–604 ; 1949. XXVI, fasc. 5. P. 367–481. (B. Radu не успел дойти до описания Москвы).

царя Алексея Михайловича. Религия глубоко проникала во все сферы жизни. Строгие церковные правила поддерживались в повседневной жизни, военных и светских ритуалах, при дворе. В церковном быту был принят самый суровый монастырский устав. Павла поразило количество церквей в Москве (более четырех тысяч, не считая престолов и домовых церквей). Даже самая малая церковь имела над дверьми по десять больших и малых колоколов, звонивших в воскресенье, праздничные дни и в канун больших праздников, не давая путешественникам уснуть. В церковных службах и праздниках принимали участие практически все жители Москвы — это были всенародные акции. Путешественников поражали выносливость в вере и стойкость русских, стоявших часами на службах на сильном холоде и на твердом каменном полу, совершавших до тысячи поклонов. Сами же путешественники умирали от усталости, подражая им против воли¹:

ونحن موتى من التعب و الوقوف و البرد الشديد الذى كان فى هذا اليوم. و سلينا هذا كله بما شاهدهنا من ثبات هؤلاء القوم على قصب ارجلهم فوق البلاط الحديد من باكر الى عشيته

Войска, отправлявшиеся в поход, при виде иконы над дверью церкви и монастыря снимали шапки и молились, несмотря на сильный холод. На военных знаменах были религиозные изображения, били колокола. Религиозный характер носила встреча царя из смоленского похода.

Описан пост. В первое воскресенье Великого поста жители в лучших одеждах шли в церковь. Перечисляются кушанья во время трапез у царя и в монастыре, постная еда простого народа (сравнивается с постом в Сирии): вареные бобы и горох, нет чечевицы (только в домах у франков, по цене дороже перца), соленые капуста и огурцы. Нет ничего дешевого, кроме рыбы. Церковные правила строго соблюдались и при дворе. Приемы у царя и бояр сопровождалась молебнами. В течение первой недели поста, по средам и пятницам, а также на Страстной неделе и в первые четыре дня Пасхи бывал особенно строгий надзор над жителями, чтобы они не пьянствовали, иначе их стегали без всякого милосердия и жалости. Горе тому, кого встречали пьяным или с сосудом вина в руках!²:

و يا ويل ان وجدوا احدًا سكرانا او بيده وعاء مسكر

Для разговения царь и царица посылали своим вельможам сладкий компот (خشاف حلو). В то же время в России славилась монастырская кухня (русские кушанья с царскими пряностями, в сладких соусах с медом, сахаром, миндальным молоком: прекрасная рыба, печенье и жареные блюда с фаршированными яйцами). Многие рецепты были почерпнуты у богатых поляков.

Радостными описываются пасхальные дни. В четверг на пятидесятнице все жители Москвы отправлялись с радостью и весельем за город вместе с царем,

¹ رحلة Л. 217 а.

² Там же. Л. 217а, 20–21.

царицей и патриархом для раздачи милостыни и совершения служб и поминок. Торговлю переносили за город. В остальные церковные праздники питейные дома запечатывали, а в первую неделю поста торговли не было вообще. Никон осуществлял строгое наблюдение за трезвостью духовных лиц¹:

ومتى ما يسمع عن احد خطاء حتى عن السكر ينفي ذلك الانسان للحال لان الينكچاريته دايمة دايما في المدينة متى ما وجدوا احدًا من الكهنة و الرهبان سكران <.....> يسجنونه بكل هوان

Однако в гостях под конец обеда было принято выпить чарку до дна за здоровье хозяев дома. Следует учесть, что русское общество в то время придерживалось старой, или «древлеправославной», веры (термин «старообрядчество» появился в XIX в.). Правила поведения старообрядцев, как известно, были очень строги, на что указывал и такой знаток старообрядчества, как П. И. Мельников-Печерский (1819–1883)². Описания уклада в обществе старообрядцев подтверждают непримиримость в этой среде к пьянству, но это же было зафиксировано и Павлом в его характеристиках московского общества той эпохи. В описаниях иностранцев о Москве бывают упоминания о пьянстве, в частности об этом пишет капитан Жак Маржерет³, но и он говорит о хмельном, что оно «разрешается только для известных годичных праздников»⁴.

Сильное религиозное чувство проявляет и сам царь Алексей Михайлович, которому тогда было 25–27 лет. Будучи человеком светски образованным и в меру склонным к европейским новшествам⁵, он в то же время имел особое пристрастие к выполнению церковных обрядов и правил, хорошо знал богослужение. Записки Павла ярко подтверждают это. Он стоял на службе по 7 часов, на мясопустную неделю сам кадил, во время крестного хода шествовал в церковь с непокрытой головой⁶:

¹ Там же. Л. 1846, 11–12.

² Его дилогия «В лесах» и «На горах» основана на реальных наблюдениях автора в старообрядческих поселениях в Нижнем Поволжье. Будучи чиновником особых поручений Министерства внутренних дел, он руководил статистической экспедицией по изучению старообрядцев Нижегородской губернии в 1852–1853. Участвовал в преследованиях старообрядцев, но впоследствии придерживался веротерпимости.

³ Жак Маржерет (1550-е гг. — после 1618 г.) — француз, капитан отряда иностранных наемников; служил у Лжедмитрия I, командовал отрядом иностранной стражи в Кремле; служил у Лжедмитрия II и затем у Сигизмунда III. В 1611 г. уехал из России.

⁴ *Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского, с присовокуплением известий о достопамятных событиях четырех царствований, с 1590 по сентябрь 1606 г. // Россия XVII в.: воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 15.

⁵ *Ключевский В. О.* Царь Алексей Михайлович — Ф. М. Ртищев // Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 107–120.

⁶ رحلة, Л.3006.

وما كنا متحيرين الا من هذا الملك الذى اتا من مسافه هذا مقدارها ماشى مكشوف الراس و مع هذا

«Особенно мы удивлялись этому царю, который прошел такое расстояние пешком и с непокрытой головой». (При этом он стоял, ожидая, когда ему принесут ключ от ковчега с ризой Господней, и целовал ее и все иконы с огромной благодарностью).

Подчеркивается почтение к духовным лицам. На приеме в царском дворце царь сам подает кубки с вином и кушанья в первую очередь патриархам и боярам. Из уважения к патриархам он от начала и до конца обедни стоит с непокрытой головой на сильном холоде¹:

ولكنه كان مكشوف الراس لاجل احترام البطاركه من اول المايده الى آخره فى هذا البرد الشديد

Отмечены прекрасное знание им богослужения и даже умение поправить тцета. Так, во время службы он указал на неправильное обращение к патриарху: правильно не «Благослови, отче!», а «Благослови, Владыко!», потому что здесь присутствует патриарх²:

ولماذا تقول بلاغوصلوفى اوچه و طوت يسد باطريارخ سكاچو بلاغوصلوفى فلاديكو .اعنى لماذا تقول بارك يا اب و ها هاهنا حاطر بطريك و لكن قل و هى سكاچو بارك ياسيد و هى فلاديكو

У каждого царя было казнохранилище, особенно ценились древние греческие иконы, святыни.

Алексей Михайлович не только сам был ревнителем веры, но и проявлял строгость, доходящую до жестокости, по отношению к боярам, не проявившим должного религиозного рвения. Так, «нам рассказали», что он жестоко наказал бояр, опоздавших к заутрене, — велел привести их из дома со связанными руками, отвел на берег Москвы-реки и велел бросить всех в реку, схватив за руки и за ноги, в парчовой одежде и со всем, что было на них, говоря: «Вот вам награда за то, что вы предпочли спать со своими женами до позднего утра этого благословенного дня и не пришли отстоять заутреню вместе с царем»³:

واخبرونا عنه انه حضر كعادته فى احد الحدود صلاة سحر وعادة الاكابر انهم يحضرون من بيوتهم للصلاه معده فاتفق انهم لم يعلموا بصلاته فى ذلك اليوم و تنحوا فى الجئ فكتب للحال اسما من لم يحضر منهم . وارسل لحضرمهم من بيوتهم مكتوفين اليدين . و اخذهم الى عند حافة نحر المصكوف. الجارى بقرب السراى. و اطرح جميعهم فيه من يديهم و ارجلهم بتيابهم وصرصراتهم وكل ما لهم قايلًا. هنا جزاكم الذى فضلتم النوم مع نساكم الى ضحوة هذا النهار المبارك. وما اتيتم حَضروا فيه الباكره مع الملك

¹ Там же. Л.174а.

² Там же. Л. 313б.

³ Там же. Л. 215а–215б

Можно отметить, что, хотя царь Алексей Михайлович известен в истории как «тишайший», однако это не указывает на его личные качества. Наименование «тишайший» (на латыни «*serenissimus*» — «обладатель тишины», «устроитель порядка и государственного благополучия») входило в неофициальную титулярную формулу монарха, у которого был порядок в государстве¹.

В записках Павла много места отводится церковному и политическому деятелю Никону (Никита Минаев, 1605–1681), патриарху с 1652 г., который провел реформу церкви, приведшую к расколу. Изначально Никон пользовался расположением царя. Его влияние при дворе связано не только с незаурядностью его личности, но и с тем положением, которое занимали в Русском государстве люди его ранга до уничтожения патриаршего престола Петром Великим. Павел пишет о его образе жизни, остроте ума, любви к грекам и их обряду. Многократно подчеркивается высокий статус Никона, его определенная независимость и самостоятельность, управление страной в отсутствие царя, умение спорить и даже быть резким с царем. Ни одно дело — важное или незначительное — не делается иначе, как с его совета и по докладу ему каждое утро. По словам Павла, значение патриарха здесь равно царскому. Он отмечает, что предшественники патриарха Никона никогда не занимались государственными делами, но этот патриарх, благодаря своему проницательному уму и знаниям, искусен во всех областях, духовных, государственных и мирских, т. к. был женат и на опыте ознакомился с мирскими делами. Сказано и о возникших еще тогда разногласиях и ссоре Алексея Михайловича с Никоном, вызванной его высокомерием и грубым обращением. Этот эпизод отсутствует в рукописях МИД и ИВР РАН, но был включен Г. Муркосом в свой перевод по переводу *F. C. Belfour*² и заключен в квадратные скобки². В дальнейшем, добиваясь независимости церковной власти от светской, Никон вступил в конфликт с царем, был лишен сана на Соборе в 1666 г. и сослан в Ферапонтов, а с 1676 г. — в Кирилловский монастырь, где и умер.

Павел Алеппский пишет о важном событии в Московской Руси той эпохи — Московском поместном соборе в 1656 г. Инициатива в проведении церковной реформы принадлежала царю Алексею Михайловичу и его духовнику протопопу Стефану Вонифатьевичу. Ее целью было приведение русской церкви в полное единообразие с греческой, что во многом объяснялось политическими задачами русского государства, стремлением упрочить свой статус среди православных государств («Москва — третий Рим!»). Единообразие было необходимо и для унификации богослужения с тем, которого придерживались в Малороссии, присоединенной

¹Панченко А. М. Русская культура в канун петровских эпох /АН СССР, Ин-т русской литературы, Пушкинский дом; ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1984. 208 с. (Гл. Первая. Бунташный век).

²Путешествие патриарха Макария Антиохийского... / пер. с араб. Г. Муркоса. С. 530.

к Российскому государству в 1654 г. по решению Переяславской Рады¹. Основные стороны реформаторства, которые вводились в то время и против которых протестовали приверженцы старой веры, сводились к следующему: «книжная справа» — то есть редактирование текстов Священного Писания; замена двуперстного крестного знамения трехперстным; отмена «метаний», или малых земных поклонов; крестные ходы в обратном направлении — против солнца, а не посолонь; трехкратное произнесение «аллилуйя» во время богослужения вместо двукратного. Реформаторская деятельность Никона в церковной историографии оценивалась по-разному — от в основном полной поддержки до весьма критического отношения к ней со стороны Н. Ф. Каптерева. По его мнению, ко времени реформ греки уже далеко отошли от византийского канона, подвергнувшись латинскому и турецкому влиянию (то есть русская богослужебная практика не была искажением византийского канона). Павел Алеппский подробно описал эти важные события в жизни Московской Руси, включая Поместный собор. В них приняли участие восточные иерархи, в т. ч. Макарий Антиохийский². Говорится о заметной роли Макария в осуществлении церковных реформ, что отмечено и Н. Ф. Каптеревым (поддержка Никона в уничтожении икон «фряжского письма», т. е. написанных под влиянием западноевропейской живописи, переходе к трехперстному крестному знаменю, «книжной справе» и пр.)³. Во время второй поездки в Москву он присутствовал и на Соборе 1666 г., осудившем Никона.

В сочинении Павла Алеппского есть также описания или упоминания разных народов, например казанских и сибирских татар, черемисов, калмыков, башкир, мордвы, монголов, ногаев, черкесов, проповедь среди них русских священников, крещение их, иногда «от всего сердца») (من كل قلوبهم), но часто — за вознаграждение⁴:

و هو لاى الامم المذكورين عمالين بيكرزوا عليهم روسا كهنة الموصوكوفيين و كهنتهم. و هم يتفاطرون الى المعمودية للايمان من كل قلوبهم. كما شهدنا معموبيه كثير منهم فى النهر امامنا. اكثرهم رغبة فى تياب و هبات الملك من الاموال و العلوفه

Русская православная церковь имела контакты с зарубежными православными престолами. У Макария и Павла были предшественники, посещавшие

¹ На ее территории православная литургия проводилась по греческим канонам.

² На записи Павла об этих событиях неоднократно ссылается известный историк церкви митрополит Макарий (М. П. Булгаков). См.: *Макарий (М. П. Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский*. История Русской Церкви. В 8 кн., 12 т. Кн. 7. Т. 12. СПб.: Тип. ИАН : Ю. А. Бокрама : Р. Голике : С. Добродеева, 1857–1883. Гл. I. Патриарх Никон до оставления им кафедр: время управления его Церковью.

Л. 1636

³ Каптерев Н. Ф. С. 152–205.

⁴ Л. 1636

Москву, в частности, при Федоре Иоанновиче — Иоаким Доу', Иерусалимский патриарх в 1582–1592 гг. и сопровождавший его митрополит 'Иса, также написавший записки об этом путешествии в виде поэмы¹, о чем упоминает Павел. Раз в несколько лет приезжали высокие церковные чины с Востока, имевшие разрешительные грамоты — хрисовулы, позволявшие получать милостыню от монастырей и дававшие право на беспошлинный провоз товара через приграничный город Путивль с юга, чем пользовались для провоза ценных мехов на продажу. Многие окружали себя многочисленными «псевдородственниками» с целью увеличить милостыню на всех сопровождающих лиц. Обычным местом остановки патриархов было Кирилловское подворье в Кремле, где они жили в одной из келий монастыря. До представления царю и допущения к его руке путешественники не могли выходить из дома и принимать гостей, поэтому они смотрели тайно из окон своей кельи на въезд царя, возвращавшегося из смоленского похода.

Отмечается настороженное отношение к представителям других конфессий. Посла Турции вели к царю так, чтобы он не проходил через Благовещенскую церковь. Царь возлагал руки на голову посла в знак приязни, но потом мыл руки с мылом, а священники служили в этом месте чин водоосвящения. Примерно то же описано и у Олеария², и у Мейерберга, правда, у них речь идет о представителях инославных государств вообще, включая западноевропейские. Боялись турецкого языка, который ассоциировался с враждебной стороной. Но в то же время патриарх Никон приглашал Павла и Макария служить по-гречески и по-арабски (!), то есть язык Корана враждебных ассоциаций у русских той эпохи не вызывал. Это свидетельствует о том, что подобные настроения рождались скорее именно на политической почве, а не из-за ксенофобии или враждебности к иным конфессиям. Позже, отмечает Павел, привыкли к иностранцам. Это был период весьма боязливой отношения к иноверцам, что в общем можно объяснить сложным политическим положением России, исторически сложившимися непростыми отношениями с мусульманским и католическим миром, агрессивностью с их стороны. Недаром автор восклицает: «Говорят, что христиане не умеют управлять, я согласен, мы и греки не умеем, греки упустили земли туркам... но московиты умеют».

В тексте памятника многочисленны описания церквей, монастырей, икон, церковных служб. Павел Алеппский — единственный из иностранцев, писавших о России, мог посещать православные храмы. Интересны описа-

¹ *Крачковский И. Ю.* Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII в. // *Крачковский И. Ю.* Избр. соч. В 6-ти т. Т. 1. М. ; Л. : Наука, 1955. С. 261, 264, 265.

² *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / пер. А. Ловягина. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1906. Кн. I, гл. 7. Как нас в Москве принимали.

ния церковных праздников и церемоний, не дошедших до наших дней. Так, описывается «шествие на осляти» с участием царя в Вербное воскресенье (الشعائين) в подражание входу Господню в Иерусалим. На самом деле в Москве шествие было на лошади, на ней боком сидел патриарх. Этот обычай исчез уже к XVIII веку. Его изображение на гравюрах дано и в других известных записках о Москве той эпохи — Адама Олеария, в альбоме Мейерберга¹. Говорится об использовании на Вербное воскресенье вместо пальмы веточек вербы, называет ее «особое дерево» и один раз — فايئون (грецизм, ср. с русским: вайи). Пальмовая ветвь (عرق من النخل) имела только у царя. Автора поразил обычай христосоваться на Пасху, когда священников целовали в уста не только мальчики и взрослые, но и женщины («Мы горели от стыда»).

Описаны нововведения, сделанные по настоянию Никона: крестный ход с участием царицы и ее присутствие на служении патриархов в Соборе. Когда царица спустилась из своего дворца, стрельцы разогнали народ с двух сторон. Впереди шли жены бояр парами в одинаковых в каждой паре одеждах из черного или фиолетового бархата, с покрывалом поверх шапок, с лопастями из соболя или чернубурой лисицы, прикрепленными к голове и свисающими сзади²:

نعاهد. و سحر احد الاجداد استدعا البطرک لمعلمنا و قدسوا جميعًا فى الصبور بحضور الملك و الملكة. لان كان لها من حين خروج الملك من العام الماضى فى العنصره ما نزلت الى الكنيسة و هذا البطرک الذى امر الملكة والنزول. و عمل لها كرسى مختص بها. و لان فى القديم لما كان للملكات عاده ان يزلوا للكنيسة نهازًا و لكن ليلاً. ولما نزلت من قصرها كانوا الينكجاربه يطرد و الحلايق من الجهتي. [الجهتين؟]. و دخلت نسا الاكابر كلهم امامها اجوارًا اجوارًا بطقس عجيب مثل الشطار او السلاقيه امام الملك. و كل اثنتان لابستان شكل و اكثرهم مخامل سود و البنفسجي. و على روسهم فوق القلب غطا ابيض صغير و مرخى فوقه صفة مقلبان من سمور و من تلعب اسود ثمين. و مخروق فى روسهم. و مدلاً لورى

Рассказывается о рукоположении духовных лиц высокого сана, в котором участвует и царь. Рукополагаемые делали дары царю, царице, царевичу, за их счет приобретались ткани из парчи, фиолетового и черного бархата и зеленого сукна, которыми устилали трон и дорожки для царя, государственных чиновников и архиереев. Но потом, из экономии, все ткани использовались: парча и красное сукно — для царя, бархат — для патриарха, зеленое сукно — для протопопа и служителей собора и т. д.

В целом записки Павла Алеппского позволяют получить весьма многогранное и полное представление об одной из важных сторон жизни Русского государства — церковной — в эпоху до завершения раскола, в преддверии петровских реформ, а в чем-то и отказаться от некоторых стереотипов.

¹ *Олеарий А. С.* 151. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Объяснительные примечания к рисункам составлены Ф. Аделунгом, просмотрены и дополнены А. М. Ловягиным. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1903. С. 115, рис. 73.

² رحلة ل. 3026–303а.

Рифаат Г. аш-Шейх (Егунет)

Река Нил и сельское хозяйство Египта в эпоху правления Мухаммеда Али

Сельское хозяйство в Египте всегда было основой процветания страны и приносило значительную долю национального дохода. Мухаммед Али предпринял ряд мер по развитию этого сектора экономики: от экспроприации всех земель с/х назначения в пользу государства и до конфискации владений мамлюков и уничтожения концессионного режима. В результате в период с 1808 по 1814 год государство стало единственным владельцем сельскохозяйственных угодий.

Мухаммед Али принял решение начать новые проекты в сельском хозяйстве с посадки тутовых деревьев для разведения шелкопрядов в Вади ат-Тамилат (провинция Шаркия). Для создания более эффективной оросительной системы, способной обеспечить водой тутовые и другие деревья в 1816 году паша пригласил специалистов из Леванта. В 1820 году Мухаммед Али посетил регион Вади ат-Тамилат, чтобы оценить результаты работ. Состояние созданной с/х инфраструктуры было сочтено удовлетворительным. Далее в регионе были созданы поселения и возникли крупные тутовые плантации.

Развитие также получили плантации хлопка. Сельскохозяйственные проекты были реализованы в провинциях Дахилия, Мануфия, Харбия, Кальюбия, Дамьетта, Рашид и Гиза. Мухаммед Али начал поставлять на международный рынок новые сорта египетского хлопка, которые теперь могли соперничать по качеству с хлопком из Индии и Америки и позже стали использоваться в качестве сырья текстильными фабриками стран Европы.

При Мухаммеде Али новый импульс получила культивация ряда других видов с/х культур: оливковых деревьев, индигоносных растений из Индии, мака, сахарного тростника, некоторых видов овощей и фруктов, пальм, а также злаков — маиса, проса, ячменя, риса, пшеницы и др.

Вопрос орошения земель стал другим важным направлением развития сельского хозяйства Египта. С целью создания ирригационной системы были проведены работы по рытью каналов, из которых самыми крупными были канал Махмудийя, ныне известный как Александрийский канал и искусственное озеро Ашрафийя. Основной целью создания канала было соединение прямую Александрии и Нила. Работы по его строительству начались в апреле 1817 года, а в 1820 году состоялись торжественные мероприятия по случаю открытия новой водной артерии. Осуществление этих проектов перевело приморские территории с периодического полива из резервуаров на постоянное орошение — с использованием воды, хранящейся в шлюзах, расположенных в дельте Нила.

Родионов М. А. (ВФ СПбГУ; МАЭ РАН)

Источник к характеристике сайида ‘Али б. Хасана ал-‘Аттаса (XII/XVIII в.)

‘Али б. Хасан б. ‘Абдаллах б. Хусайн б. ‘Умар б. ‘Абд ар-Рахман ал-‘Атас (1122/1710–1172/1758), выходец из Хурайды, богослов, суфий, поэт, известен как основатель священного анклава (*hawṭa*) в вади Дау‘ан, юго-западном притоке вади Хадрамаут. Сайид ‘Али б. Хасан хотел посвятить эту *хауту* памяти своего прапрадеда, шайха ‘Умара, но за ней закрепилось имя Машхад ‘Али в честь ее основателя.

С первого полевого сезона (1983 г.) Российско-йеменская комплексная экспедиция (СОЙКЭ) проводила археологические раскопки на городище Райбун рядом с Машхадом ‘Али, поэтому история святилища, запечатленная в местной устно-письменной традиции, и ритуалы, связанные с ежегодным паломничеством, не могли не заинтересовать этнографа. Бесценную помощь в разысканиях оказали нам с йеменским исследователем ‘Абд ал-‘Азизом Бин ‘Акилем члены семьи сайидов ал-‘Атас, особенно тогдашний мансаб (старейшина) Хурайды ‘Али б. Ахмад б. Хасан и мансаб Машхада — ‘Али б. ‘Абдаллах, цитировавшие стихотворные и прозаические фрагменты из семейных рукописей. Работа продолжалась в последующие полевые сезоны — 1985, 1986 и далее вплоть до 2006 г. Особенно полезными оказались материалы из рукописной библиотеки Мактаб ал-Ахкаф г. Тарим, на которые указал нам ее директор ‘Али Салим Са‘ид Букайр, разрешивший в 1985 г. сделать ксерокопию рассматриваемой рукописи, и сменивший его на этом посту Хусайн ‘Умар ал-Хади, подаривший мне цифровую копию данной рукописи в 2006 г. Сегодня, когда радикальные исламисты стремятся искоренить любые свидетельства, не вписывающиеся в их представления о «правильном» исламе, исследование истории Машхада было бы невозможно.

Рукопись зарегистрирована в Мактаб ал-Ахкаф под номером 2179; ее название *Kitāb al-maqṣad fī shawāhid al-Mashhad*, что можно перевести как «Книга стремления к свидетельствам Машхада». Далее поясняется: «Продиктовал ничтожнейший из людей ‘Али б. Хасан <...> ал-‘Атас, да простит его Аллах по милости, великодушию и щедрости Своим, аминь! Записал уповающий на Аллаха Салим б. Мухаммад б. ‘Абдаллах б. Мухсин ал-‘Атас по прозвищу Хубхуб [Удод], да смилостивится над ним Господь его, аминь!» На последней странице повторено имя переписчика и приведена дата окончания работы — 13 раби‘ ал-аввал 1361/ 1 апреля 1942 г.

В рукописи 477 стр., текст написан аккуратным почерком насх, черными чернилами с выделением некоторых элементов красным. Современный краевед ‘Абд ар-Рахман Джа‘фар Бин ‘Акил сообщает, что Салим Хубхуб (1303/1885–86–1388/1968–69), уроженец Садбы, расположенной северо-

восточней Машхада, жил в Джакарте. Он был квалифицированным переписчиком, стремившимся сохранить прозаическую и поэтическую продукцию сайида 'Али б. Хасана как часть обширного наследия семейства ал-'Атмас. Так он выполнил 20 копий «Китаб ал-максад», сочинения, автор которого повествует от первого лица не только о своих деяниях, но и о своих помыслах и вещих снах. Это превращает текст из традиционной биографии-*тарджамы* в новый для Хадрамаута XVIII в. жанр автобиографии. Каким предстает перед нами строите Машхада?

Он суфий, вдохновленный примером своего предка шайха 'Умара и других южноаравийских сайидов, опирающийся на мистические традиции Машрика и Магриба. Он ссылается на авторитет родившегося в Иране багдадского шейха 'Абд ал-Кадира ал-Джилани (1077–1166) [с. 9], магрибинца Абу-л-Хасана аш-Шазили (1196–1258) [с. 10–11] и выходца из ал-Андалус Ибн 'Араби (1165–1245) с упоминанием его известной работы «Ал-Футухат ал-маккийя» [с. 46]. Суфийские мотивы заметны и в сопровождающих прозаический текст многочисленных стихотворениях сайида 'Али б. Хасана и других авторов.

С самого начала объясняются причины основания святилища, неоднократно повторяемые в ходе повествования [напр., с. 3, 123–124, 416]. Их пять: помощь верующим, объединение разобщенных, утоление жаждущих, безопасность боящимся и приручение одичавших.

Чтобы дать безопасность боящимся, сайид 'Али в 1160/1747 г. начал строительство святилища на перекрестке дорог, где хозяйничали разбойники, в этом он руководствовался чудесными знаменьями [11, 16, 18, 40–43]. Он сумел приручить беспокойные племена, объединить разобщенных и утолить не только их духовную жажду, но и дать воду безводной земле, выкопав колодцы [22–26, 55–59, 68–71, 94, 105–107, 126 и др.]. Его интересовали развалины древнего Райбуна, жители которого были наказаны Аллахом за гордыню [65, 180–182, 190–195, 270–271, 390–391 и др.]. С чувством исполненного долга сайид 'Али описывает колодцы, питьевые резервуары, мечеть, куббу, дома и склады построенного им на голом месте Машхада [420]. Наш источник рисует живой образ одного из самых выдающихся сайидов Хадрамаута.

Розов В. А. (В. Ф. СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Путешествие ученого в страны Востока»: путевые записки шведского ориенталиста Маттиаса Норберга

Дневники европейских путешественников, посетивших Ближний Восток, являются ценным историческим и этнографическим источником. К жанру путевых заметок относится и рукопись Ms. O. 1238 из Восточного отдела Научной библиотеки им. Горького СПбГУ. Эта рукопись содержит записи шведского

ориенталиста Маттиаса Норберга (Matthias Norberg, 1747–1826), сделанные им во время путешествия из Италии в Стамбул в 1779 г. Из числа других документов подобного рода этот дневник выделяет то, что он, вероятно, с целями совершенствования языковых навыков, был написан ориенталистом по-арабски. Дневник озаглавлен как «*Таваджджух ал-му'аллим ила бил'ад аш-шарк*», что может быть переведено как «Путешествие ученого в страны Востока». На форзаце размещен экслибрис, из которого следует, что манускрипт попал в библиотеку Восточного факультета из собрания инженер-генерала графа П. К. Сухтелена (1751–1836), занимавшего в 1816–1836 гг. пост посла России в Швеции. Текст дневников занимает 14 из 34 листов рукописи (остальные оставлены пустыми) и снабжен постраничным переводом на шведский язык.

В дневнике подробно изложены события, произошедшие с автором на пути из Милана в Венецию, где ученый сел на корабль, чтобы отправиться в Стамбул. К сожалению, рассказ прерывается на описании подготовки отплытия из Салоник, где Маттиас Норберг пробыл некоторое время, гостя в доме шведского консула, на пути к конечной цели своего путешествия. Автор рассказа большое внимание уделяет описанию морского плавания. Также в тексте ясно ощущается страх ученого перед возможным нападением сухопутных разбойников и морских пиратов: автор подробно пересказывает истории о подобных опасностях, услышанные в ходе путешествия от его спутников. Весьма интересным представляется и часть дневника, посвященная встречам ученого с архиепископом (в тексте — «*аркитискупс*») города Салоники, выражавшего опасение по поводу возможных враждебных действий со стороны турецких властей. Автор описывает и свою методику изучения турецкого («османского») языка, которым в начале путешествия не владел.

Особенный интерес представляет анализ лингвистических особенностей арабского текста. Овладев арабским языком лишь частично, посредством самостоятельного изучения, Маттиас Норберг последовательно допускает ряд характерных ошибок в области грамматики, словоупотребления и орфографии. В частности, он крайне редко и нерегулярно использует знак *хамза*, заменяя его на *йā'*, *'алиф* и *вāв* соответственно, испытывает трудности с написанием артикля *'ал-*, не всегда последователен в использовании указательных местоимений. Большую сложность для ученого, видимо, представляли и эмфатические звуки. Для него характерны также ошибки в использовании глагольных моделей. Ряд синтаксических и грамматических конструкций показывает сильное влияние арабских диалектов, в частности египетского. Текст отмечен и влиянием родного для автора шведского языка на построение арабских фраз и предложений. Стиль речи ученого характеризуется широким использованием не только арабских, но и неарабских (персидских, греческих, итальянских и др.) слов, в первую очередь топонимов.

Принимая во внимание все изложенное выше, можно утверждать, что дневник Маттиаса Норберга представляет собой ценный источник по истории

европейской ориенталистики. В нем также содержится ряд данных о межконфессиональных отношениях и подробностях быта жителей Восточного Средиземноморья во второй половине XVIII в. Текст дневника может быть интересен и лингвистам, занимающимся проблемами изучения иностранного языка, а также специалистам в области когнитивной лингвистики.

Рыженкова Т. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Положение египетских мамлюков в первое столетие после османского завоевания 1517 г.

После турецкого завоевания 1517 г. Египет из самостоятельного централизованного государства превратился в провинцию Османской империи, каким оставался на протяжении следующих трех столетий — вплоть до вторжения в Египет французской армии во главе с Наполеоном Бонапартом в 1798 г. Приход турок коренным образом изменил систему управления в Египте, где до этого правила бурджитская династия мамлюков — представителей военного сословия, имевших кавказское происхождение.

Сразу после османского завоевания Египта начались массовые репрессии против мамлюков. Ибн Ийас — историк XVI века и сам сын мамлюка — говорит о 10 000 убитых, хотя эта цифра явно преувеличена. Он описывает ужасы и зверства, сопровождавшие убийства мамлюков и простых жителей, в чьих домах мамлюки находили убежище и скрывались под видом обычных крестьян. Однако расправы вскоре закончились, после чего мамлюки смогли остаться в Египте и даже войти в состав османской армии в качестве отдельного черкесского корпуса (*оджака*). Есть свидетельства о том, что мамлюки служили также и в других корпусах¹.

Мамлюки получили помилование от султана Селима в сентябре 1517 года, незадолго до его отъезда из Египта. Источники не называют причин, по которым были остановлены гонения на мамлюков, однако есть письменные свидетельства о том, что один из мамлюков по имени Ха'ир-бей ходатайствовал от их имени о помиловании. Османы сочли разумным не лишать свою армию и египетские гарнизоны таких превосходных воинов, которые, помимо прочего, были тюркоговорящими и исповедовали ислам суннитского толка.

Интересна личность Ха'ир-бея, мамлюка по происхождению, чьи контакты с османскими властями позволили ему стать первым наместником Египта. Ха'ир-бей перешел на сторону османов еще во время одного из важнейших сражений осmano-мамлюкской войны 1516–1517 гг. — битвы

¹ The Cambridge History of Egypt. Vol. 2. Modern Egypt from 1517 to the End of the Twentieth Century. Ed. by M. W. Daly. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P.11.

при Мардж-Дабике (24 августа 1516 г.). Назначение губернатором провинции представителя прежней правящей элиты входило в принципы административного управления турок-османов на завоеванных территориях, что несколько смягчало последствия резких политических изменений в этих странах. Ха'ир-бей оставался преданным османским властям вплоть до самой своей смерти в октябре 1522 г.

Вскоре после его смерти в Египте произошел ряд восстаний против османской власти, в которых мамлюки принимали активное участие. Самым мощным из них стало восстание 1524 г., организованное османским наместником Египта Ахмедом-пашой. После подавления восстания и убийства Ахмеда-паши османский султан Сулейман Кануни (1520–1566 гг.) назначил в 1525 г. наместником Египта для наведения порядка в стране великого визиря Ибрагима-пашу¹.

Несмотря на то, что политическая роль мамлюков в управлении страны стала усиливаться только с XVII века, но и на протяжении XVI века мамлюки занимали важные административные посты в Египте. После османского завоевания Египта мамлюки уже не носили турецкие имена, что раньше отличало их от арабоязычного населения. Теперь они являлись частью большой правящей военной элиты, говорившей на турецком языке, и использовали исламские, т. е. арабские имена, так как сами султаны носили арабские имена. Еще одно изменение касалось порядка наследования. Если до завоевания дети мамлюков не могли наследовать статус мамлюка и имели более низкий социальный ранг, то в османском Египте дети мамлюков очень часто наследовали ранг, имущество и социальное положение своих отцов.

Сатаров А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Суакин как форпост Османской империи в Красном море в XVI — начале XIX вв.

В начале XVI в., после завоевания мамлюкского Египта в 1517 г. Османской империей, Суакин попал в сферу ее интересов и вскоре был присоединен к ней. В тот период это был один из крупнейших портов на Красном море: через него проходил большой поток мусульманских паломников, а из Индии и Юго-Восточной Азии прибывали торговцы с пряностями, ценными сортами деревьев, тканями и драгоценными камнями.

В 1555 г. Суакин становится столицей новообразованного *эялета* Османской империи Хабеш. Отдаленность Суакина стала причиной проблем в управлении им: распоряжения доходили до провинции с большой задержкой (только

¹ *Winter M.* Egyptian Society under Ottoman Rule: 1517–1798. London and New-York: Taylor & Francis, 2005. 324 p., p.15.

спустя 5–6 месяцев). Еще одной проблемой порта была постоянная угроза нападения: турецких войск здесь было мало, поэтому власти были вынуждены нанимать солдат из местных племен. Сначала Суакину угрожали португальцы, которые в 1541 г. даже захватили порт; также нападения можно было ожидать со стороны пиратов, местных племен и региональных держав — Эфиопии и султаната Фундж. Появление португальцев в Индийском океане также негативно повлияло на торговлю в регионе. К XVII в. Османская империя из-за внутренних проблем отказалась от идеи расширения своих территорий в регионе, а Суакин выступал в это время в роли главного порта вывоза для султаната в Сеннаре и Эфиопии (хотя для нее был важнее порт Массауа).

Важным источником сведений о Суакине XVII в. является десятая часть книги «*Сейахат-наме*» известного османского путешественника Эвлии Челеби, побывавшего там около 1671 г., во время своего путешествия в Египет и Судан. Из рассказа Эвлии Челеби становится ясным, что город был действительно важным торговым центром: здесь можно было встретить купцов из Индии, Йемена, Сеннара, Эфиопии. Он указывает, что общее число строений в городе достигало 260, на которые приходились одна мечеть, несколько молитвенных домов и 20 торговых лавок, что показывает, что Суакин был достаточно большим для региона городом.

В XVIII в. эялет Хабеш стал терять свое прежнее значение и был переподчинен Джидде в статусе *санджака*. Шотландский путешественник Джеймс Брюс, который лично не посещал Суакин, в 1769 г. пишет об упадке торговли в нем; в 1814 г. швейцарский путешественник Иоганн Людвиг Буркхардт подтвердил эти сведения.

В 1811 г. египетские войска экспедиционного корпуса Мухаммада Али установили контроль над Суакином, после чего его связь с Египтом стала намного более тесной, хотя османы формально не уступали порт Египту до 1865 года. На протяжении всего османского периода Суакин был далек от остальной империи. Местная элита — *хадариба* (результат смешения коренного населения беджа с выходцами из Хадрамаута) — оказывала существенное влияние на бейлербеев и местный гарнизон янычар. Янычары настолько срослись со средой, что стали отстаивать интересы местного населения. Так, в 1655 г. они подняли восстание, протестуя против изменения формы налогообложения торговцев, что доказывает тесную связь между ними.

Во время посещения города Иоганном Людвигом Буркхардтом османское управление им было только номинальным, в своей книге «Путешествие по Нубии» он пишет, что даже на таможне не использовался турецкий язык. Османской империи не удалась культурная интеграция Суакина: в религиозной сфере большинство населения продолжало придерживаться шафитского мазхаба, что же касается архитектуры, то здесь не появилось характерных для Османской империи зданий. Несмотря на 300 лет османского владычества, присутствие

иностранцев и обширные торговые связи сохранили Суакин таким, каким он был и прежде: контролируемым *хадариба* портом, чья экономика была тесно связана с внутренними частями Африки, Красноморским бассейном, Индией и Юго-Восточной Азией. За время своего господства Османская империя не расширяла и не развивала Суакин, кроме того в XIX в. изменился и тип судов, которым стало неудобно заходить в узкий пролив с опасными рифами, поэтому в 1909 г. англичане начали строительство нового города — Порт-Судан, а Суакин утратил роль главного порта в регионе.

Соколов О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Арабская историография Крестовых походов в XX–XXI вв.: классификация работ

Несмотря на то, что эпоха Крестовых походов закончилась более 700 лет назад, ее наследие до сих пор сохраняет высочайшую релевантность, как на Ближнем Востоке, так и в Европе. В XX веке на Ближнем Востоке возникло множество организаций и движений, направленных против Запада и его действий, считающихся в мусульманском мире непосредственным продолжением феномена Крестовых походов.

Арабская историография Крестовых походов изучена сравнительно мало: среди работ на данную тему следует назвать монографию Э. Сивана «*A Modern Arab Historiography of the Crusades*» (1973) и диссертацию Дж. Чемберлена «*Imagining defeat: an Arabic historiography of the crusades*» (2007). Также данная тема кратко освещается в монографии К. Хилленбранд «*The Crusades: Islamic Perspectives*» (1999). Необходимо отметить, что данные работы охватывают лишь часть арабских исследований, посвященных Крестовым походам, а публикации в этой области за последние десять лет и вовсе пока находятся вне поля зрения историографов.

В работах вышеупомянутых авторов предлагается две основные классификации арабских исследований Крестовых походов. Согласно первой (Хилленбранд), они делятся на описательные и политически ангажированные работы и на те, в которых предпринимаются, как правило, слабые попытки объективного анализа, опирающегося на «западную» научную традицию. Вторая классификация (Чемберлен) делит арабскую историографию Крестовых походов на работы, построенные на поддержании и развитии идей арабского национализма, и на те, в основе которых лежит интерпретация событий Крестовых походов как одного из этапов борьбы мусульман против неверных.

Более широкое рассмотрение корпуса арабских исследований, посвященных Крестовым походам, показывает, однако, что подобное деление далеко

не всегда объективно отражает ситуацию в арабской историографии, так как многие работы, в особенности опубликованные в XXI в., сочетают в себе доскональное изучение и анализ широкого спектра исторических источников (как арабских и тюркских, так и европейских) с частым использованием излишне эмоциональной происламской либо антиколониальной риторики. Арабская историография Крестовых походов также отличается отсутствием унифицированной системы используемых терминов, что усложняет классификацию относящихся к ней исследований. В этой связи целью настоящего исследования является всестороннее изучение и создание адекватной классификации арабской историографии Крестовых походов, начиная с ее возникновения и вплоть до настоящего времени.

Сулаймонова Х. М. (ТашГИВ, Ташкент)

Антология «Канз ал-куттаб» ас-Саалиби как источник по арабоязычной поэзии Мавераннахра

Известный ученый, поэт и писатель Абу Мансур ас-Саалиби (961–1038) является автором более 200 произведений. Они посвящены языкознанию, литературе, риторике и другим отраслям филологической науки, а также истории и мусульманскому праву (*фикх*).

Ас-Саалиби считается одним из основателей жанра антологии (*тазкира*) в арабской литературе. Он широко известен благодаря своему знаменитому труду «*Йатимат ад-дахр фи махасин ахл ал-аср*» («Редкостная жемчужина о лучших людях своего времени»), где приводятся ценные сведения о большом количестве поэтов, как в самом арабском мире, так и за его пределами, и даются образцы из их произведений.

Научное изучение антологии первым осуществил узбекский ученый Исмадулла Абдуллаев, издавшей в 60-х годах XX в. источник с его переводом и комментарием. Затем он провел исследование логического продолжения «*Йатимат ад-дахр*» — «*Татиммат ал-йатимат*» («Дополнение Йатимата»).

В рукописном фонде Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН Узбекистана хранится ряд неизученных рукописей ас-Саалиби, не уступающих по значению вышеупомянутым трудам ученого. Они представляют большой интерес не только для изучения арабоязычной литературы Мавераннахра, но и арабского Востока в целом. Среди этих трудов в первую очередь следует упомянуть антологии «*Канз ал-куттаб*» («Сокровищница секретарей»), инв. номер 1848/II, и «*Китаб ал-мухадарат ва-т-тамсил*» («Книга остроумных бесед и притч»), инв. номер 1848/III.

Рукопись «*Канз аль-куттаб*» написана мелком *насхом* на белой бумаге хорошего качества, на каждой странице по 27 строк. Сочинение входит

в состав рукописного сборника вместе с двумя другими произведениями того же автора — «*Мунтахаб аль-ижаз ва-л-и'жаз*» и «*Китаб аль-мухадарат ва-т-тамсил*»; переплет кожаный, бордового цвета. Дата списка — 1140 г.х. (1727) — указана в конце всего сборника (л. 193б). Объем сочинения — 93 л. (л. 26^б–118^б). Размер 14 x 20,5 см. Рукопись «*Канз аль-куттаб*» имеется также в Венской библиотеке, аннотация к ней приводится в каталоге, составленном Г. Флюгелем¹.

В процессе изучения антологии «*Канз аль-куттаб*» особое внимание мы уделяли арабоязычным поэтам из Хорасана и Маверауннахра, в том числе уроженцу древнего очага культуры — Хорезма — Абу Бакру аль-Хоразми. Он является современником и учителем ас-Саалиби, между ними сложился своего рода тандем — «учитель–ученик», сыгравший важную роль в формировании личности этого арабского ученого. В своей антологии «*Йатимат ад-дахр*» ас-Саалиби называет своего учителя «Мудрейшим человеком своей эпохи, морем в „адаба“»², а в антологии «*Канз аль-куттаб*» приводит довольно много его стихов в различных жанрах.

Так, в антологии приведены стихи Абу Бакра ал-Хорезми в жанре *мадх*, которые начинают так:

وقال ابو بكر الخوارزمي

كملت بنائك الشرفا 3 بنيت الدار عالية

И сказал Абу Бакр ал-Хорезми:
Воздвиг ты дом так же высоко,
Как высок твой благородный род.

В жанре «хикма» ас-Саалиби приводит следующее изречение ал-Хорезми:

4 فنذل الرجال كندل النباتات لا للثمار ولا للحطب

Низость мужчин, как низость травы —
Нет плодов у нее, и на дрова она не годится.

Помимо Абу Бакра аль-Хорезми в антологии «*Канз аль-куттаб*» помещены стихи и других поэтов из Мавераннахра, таких как Абу Наср ал-Джавхари, Аль-Матрани, Аль-Лаххам, Аль-Хазин и др.

¹ Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien / Vom. Prof. Gustav Flügel, Wien, 1865. B. 1. 232, № 242.

² Абу Мансур ас-Саалибий. «*Йатимат ад-дахр*». Перевод, исследование, составление комментария и указатели И. Абдуллаева. Фан, 1976. (на узб. яз.). С. 227.

³ Рукопись «*كنز الكتاب*» («Сокровищница секретарей»), инв.номер 1848(II), рукописный фонд Института востоковедения АН Узбекистана. С. 35.

⁴ Там же. С. 70.

Туманян Т. Г. (Институт философии, СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу об атрибуции трактата *ал-Ахкам ас-султаниййа*

Исследованию властных отношений в исламе посвящено немало трудов средневековых мусульманских ученых, правоведов и богословов. В зависимости от конкретных социально-политических условий они создавали свои теоретические модели государства, где ключевой категорией был халифат. Одним из тех, кто положил начало традиции разработки теории государства, его политических и правовых институтов, был средневековый шафиитский факих Абу-л-Хасан ‘Али б. Мухаммад б. Хабиб ал-Басри ал-Багдади ал-Маварди¹ (974–1058). Принято считать, что государственно-правовые взгляды этого багдадского ученого, нашедшие наиболее полное отражение в трактате *ал-Ахкам ас-султаниййа [ва-л-вилаййа ад-диниййа]*, оказали заметное влияние на формирование политической доктрины ислама.

По всей видимости, свое признание это ставшее знаменитым сочинение получило еще при жизни ал-Маварди. Однако уже тогда трактат *ал-Ахкам ас-султаниййа*, а точнее вопрос атрибуции этого произведения, стал предметом серьезных споров и дискуссий. Все дело в том, что примерно в те же годы, когда появилось это сочинение, стало известно еще об одном трактате со схожим названием и, что, пожалуй, более важно, — с аналогичным содержанием и структурой. Труд принадлежал перу другого авторитетного факиха из Багдада, представителя ханбалитской правовой школы, Абу Йа‘ла ибн ал-Фарра’ (990–1066). Этот современник ал-Маварди в своей книге, по сути дела, дословно воспроизводил главные положения теории государства, разработанные шафиитским правоведом, что не только подтверждало значимость трактата *ал-Ахкам ас-султаниййа*, но, возможно, даже свидетельствовало о некотором сближении политико-правовых позиций двух мазхабов. Вместе с тем, факт схожести текстов Абу-л-Хасан ал-Маварди и Абу Йа‘ла ибн ал-Фарра’ стал причиной научной полемики относительно авторства *ал-Ахкам ас-султаниййа*, продолжающейся по настоящее время.

Туманян Т. Г. (Институт философии, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Армянский квартал Иерусалима: религиозная жизнь и культурные традиции

Среди многообразия этнических и конфессиональных групп, представленных на Святой Земле, армянская христианская община занимает особое

¹ См.: Туманян Т. Г. Абу-л-Хасан ал-Маварди: теоретик права и политический мыслитель. Вопросы философии. 2016. № 8. С. 194–203.

место. История ее существования насчитывает многие столетия. Источники сообщают, что уже в первые века новой эры армянские монахи и паломники посещали Иерусалим. Со временем общепризнанным центром духовной жизни армян Иерусалима, а также Палестины, Сирии и Египта становится Армянский Патриархат и его монашеский орден — Братство Святых Иакобов.

Особенность современной жизни армян Иерусалима, а точнее Восточного Иерусалима, или Старого города, заключается в том, что, как и тысячу лет назад, их большая часть проживает в пределах монастыря, образуя национальную, и, как многие полагают, закрытую общину. Однако такую точку зрения едва ли можно назвать справедливой. Армянская община, признаваемая одной из наиболее ранних христианских групп Иерусалима, во многом сохранив свой консервативный характер и культурные традиции, уже давно рассматривается как одна из самых открытых и восприимчивых для модернизации групп населения Старого города.

Армянский квартал Иерусалима, благодаря его христианским святыням, является не только духовным центром, но и объектом культурного наследия армян с его музеями, библиотеками и учебными заведениями. В Старом городе осуществляет свою деятельность армянская духовная семинария, основанная в XIX в., а также общеобразовательная школа Таркманчац, названная в честь основателя армянского алфавита Месропа Маштоца и других просветителей, переводчиков Библии. На протяжении долгого времени и семинария, и школа использовали свои собственные национальные книги, учебники и иные образовательные материалы. Это не удивительно, если учесть, что армянская типография, созданная в середине XIX в., является старейшей в городе. Особой популярностью среди жителей пользуется журнал «Сион», издающийся с 1866 года и положивший начало периодической печати в Иерусалиме. Наряду с издательской деятельностью армяне профессионально занимаются фотографическим искусством. Во многом благодаря первым армянским фотоаппаратам, их мастерским и салонам, мы имеем возможность видеть историю развития Священного города.

Иерусалимские армяне по праву гордятся своими ремесленниками, прежде всего специалистами гончарного дела. Армянская керамика — это неотъемлемый атрибут современного Иерусалима, его «визитная карточка». Талантливые мастера сегодня, как и сто лет назад, изображают на кувшинах, тарелках, столбах и подносах разнообразные библейские сюжеты, иллюстрации с древних манускриптов, украшая их яркими изображениями флоры и фауны.

Национальный колорит и самобытность армянского квартала во многом отличает его от других мест в Старом городе. Это находит свое выражение и в культуре, и в искусстве, и в богослужении. Известно, что Иерусалим, его различные части не раз подвергались полному разрушению и уничтожению. Армянский квартал за долгие столетия своего существования смог выстоять

в самые мрачные годы истории города. Сегодня, несмотря на проблемы и трудности, Армянский квартал продолжает жить своей самостоятельной жизнью, оставаясь духовным и культурно-историческим центром армянского народа на Святой Земле.

Царегородцева И. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Троцкизм на Ближнем Востоке (на примере «Революционных социалистов» в Египте)

В политике стран Ближнего Востока левые движения, в общем, и троцкистские, в частности, играют относительно небольшую роль. Внимание исследователей, как правило, привлекают исламские политические движения, которые в ряде стран региона являются правящими партиями и/или активно участвуют в местной политической жизни. Троцкизм на Ближнем Востоке традиционно был представлен маргинальными группами, так и не признанными официально.

Между тем протесты так называемой «арабской весны» обнаружили, что в ряде стран троцкизм не просто жив, но и играет особую роль в социальных движениях. В авангарде протестного движения в Египте в самом начале находились не исламисты, а многочисленные молодежные группы, немалую роль в которых сыграли троцкисты из «Революционных социалистов» и союзные им движения. Точно оценить, какое влияние та или иная группа оказала на развитие протестных настроений, не представляется возможным. Однако даже беглый взгляд на историю социальных протестов рубежа XX–XXI вв. показывает, что троцкисты всегда были не просто их активными участниками, но и в большинстве случаев их двигателями и организаторами. В то время как участие или неучастие исламистов в социальных протестах не в последнюю очередь зависело от их отношений с официальными властями в конкретный период, у троцкистов никогда не было подобных сдерживающих факторов. В результате, все наиболее мощные протесты конца XX — начала XXI веков неизменно происходили с их участием. Можно говорить о том, что в этот период троцкисты и близкие им революционные молодежные группы были связаны с «египетской улицей» в большей степени, нежели исламисты¹.

Случай «Революционных социалистов» в Египте интересен и тем, что сегодня это по сути единственное более-менее крупное движение, поддержи-

¹ Мнения о том, что резкий рост популярности исламистов в конце XX века стал возможен во многом благодаря их активной вовлеченности (иногда даже более активной, чем у государства) в решение насущных проблем населения этих стран, придерживались ряд западных исследователей конца 1990-х — начала 2000-х годов. См., например: Wickham C. R. *Mobilizing Islam: Religion, Activism and Political Change in Egypt*. Columbia University Press, 2005.

вающее опальных «Братьев-мусульман» и выступающее вместе с ними против власти действующего президента Абдель Фаттаха ас-Сиси. И хотя на нынешнем этапе их усилия по противодействию властям не представляются действенными, опыт подобной кооптации весьма показателен. Он показывает, что исламисты, в силу своего запрещенного статуса и опального положения, а также благодаря своей синкретической идеологии, готовы искать себе союзников даже среди радикальных левых движений (хотя, надо признать, делают это очень неохотно). Принципиальная же поддержка «Революционными социалистами» запрещенного исламского движения и резкое неприятие ими власти ас-Сиси показывают, что они настроены на дальнейшую борьбу. Таким образом, протестное движение в Египте хотя и заметно утихло в последние годы, все же сохраняет свое ядро.

Стратегический союз исламистов и левых движений — не новое явление в революционном движении на Ближнем Востоке. Так, например, именно левые партии и группы оказали важную поддержку сторонникам аятоллы Хомейни во время исламской революции в Иране. Опыт прошлого и текущие реалии заставляют исследователей присмотреться поближе к тем группам, чей политический потенциал ранее казался незначительным.

Цибенко В. В. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Османские очаги: история и истоки возникновения

Неоосманизм как комплексное социально-политическое и культурное явление получил распространение в Турции на рубеже XX–XXI веков. Идея возрождения Османской империи (султаната и халифата) в прежних или расширенных границах с центром в Стамбуле оказалась привлекательна как для политических элит, так и для рядовых турецких граждан. Неоосманизм стал особенно популярен на фоне кризиса проекта турецкого национализма, в течение XX в. задававшего жесткие идеологические рамки. В противовес ему неоосманизм отличается крайней синкретичностью, включая в себя не только элементы пантюркизма и панисламизма, но и самого турецкого национализма. Чаще всего в исследовательской литературе неоосманизм рассматривается как внешнеполитическая доктрина современной Турции, однако он ориентирован на применение и во внутренней политике. Это наглядно демонстрирует пример организации «Османские очаги».

Османские очаги были созданы в 2009 г. на базе выпускавшегося с 2005 г. одноименного журнала. В настоящее время они функционируют уже во всех областях Турции и за пределами страны — в США, странах Европы, Крыму, насчитывая более 2 млн членов. Вступление в организацию формализовано и сопровождается принесением клятвы, однако доступно для всех желающих

через Интернет при предоставлении паспорта. Тем не менее руководителями очагов, как правило, становятся достаточно влиятельные люди, имеющие связи с правительством и правящей партией. Османские очаги поддерживают все инициативы Партии справедливости и развития, а их акции нередко осуществляются совместно с молодежным крылом ПСР.

Стремительное продвижение Османских очагов произошло на фоне острого внутривластного кризиса — внутриэлитного раскола после конфликта турецкого президента с влиятельным исламским проповедником Фетхуллахом Гюленом, утраты правящей партией монополии на формирование правительства после парламентских выборов июня 2015 года, роста межэтнической напряженности и террористической активности. Консолидация молодежных движений вокруг президента страны Реджепа Тайипа Эрдогана как харизматического лидера была призвана обеспечить патриотическую мобилизацию молодежи в русле неоосманства, создать альтернативу протестному движению Гези, аккумулировавшему значительную часть турецкой молодежи, ослабить оппозицию и обеспечить поддержку правительственным инициативам.

Османские очаги являются неофициальной и во многом виртуальной сетевой структурой, однако, несмотря на свой небольшой возраст, они опираются на развитую в Турции и ставшую традиционной систему. Очаги существовали уже в Османской империи как отдельные корпуса в армии и при дворце, однако близкая к современной форма появилась с образованием в 1912 г. организации «Турецкий (Тюркский) очаг», подразделения которой вскоре начали открываться по всей Османской империи и за ее пределами. Первоначально занимаясь распространением пантюркизма, в Турецкой Республике очаги были превращены в центры по укоренению идей турецкого национализма.

Их последователями в идейной среде стали появившиеся в 1966 г. «Очаги идеала». Они создавались в студенческой среде ультранационалистически настроенной молодежью. Эту линию продолжили открывшиеся в 1992 г. «Очаги мирового порядка», которые развивали концепцию тюркско-исламского идеала, предложенную в 1970-х гг. одним из крупнейших идеологов турецкого национализма Ахметом Арваси (1932–1988). Именно выходцы из Очагов мирового порядка возглавили неоосманское движение в турецкой молодежной среде и встали во главе Османских очагов.

Таким образом, проследив линию преемственности структуры Османских очагов, истоки их возникновения можно отнести к началу XX в. Что касается их идейной направленности, то сформулированные в XXI в. положения неоосманства также имеют долгую историю развития, включающую циркулировавшие в молодежной среде исламистские, пантюркистские идеи и их синтезированные концепции, ориентированные на воссоздание Османской империи как султаната и халифата с доминированием тюркского этнического компонента.

Чепильченко Е. И. (ИСАА, МГУ, Москва)

Везират Кёпрюлю (1656–1718) в истории Османской империи

Вторая половина XVII в. в истории Османской империи известна как эпоха правления великих везиров (*садразамов*) из династии Кёпрюлю. Она отсчитывается с сентября 1656 г., когда на этот пост был назначен ее основатель — Кёпрюлю Мехмед-паша (1575–1661), находившийся у власти вплоть до самой своей смерти. Преемником стал его старший сын — Фазыл Ахмед (1635–1676), правивший до 1676 г. Следующим великим везирем из семьи Кёпрюлю стал зять Мехмед-паши — Мерзифонлу Кара Мустафа (1634–1683).

Не все великие везиры из династии Кёпрюлю были кровными родственниками: тот же Кара Мустафа родился в турецкой семье, а впоследствии был принят в семью Кёпрюлю, имевшую албанские корни. Неудачная осада Вены в 1683 г. стоила ему жизни. С 1687 г. в течение нескольких месяцев на этом посту находился еще один зять Мехмед-паши — Сиявуш. В 1689 г. садразамом стал младший сын Мехмед-паши — Кёпрюлюзаде Фазыл Мустафа (1637–1691), который пытался исправить неудачное начало войны с государствами «Священной лиги», но погиб в сражении с армией Габсбургов. С 1697 по 1702 г. великим везиром был Амджазаде Хусейн-паша (1644–1702), племянник Мехмед-паши. Эпоху великих везиров Кёпрюлю завершил в 1710–1711 гг. внук Мехмед-паши и зять османского султана Мустафы II Нуман-паша (1668–1718), пробывший на этом посту всего несколько месяцев и отправленный в отставку в связи с началом Русско-турецкой войны 1711 г. Впоследствии отдельные представители семьи Кёпрюлю принимали участие в государственном управлении, но уже не оказывали прежнего влияния.

В XVII в. очевидными стали признаки ослабления военного могущества Османской империи, в том числе разложения государственного аппарата из-за распада тимарной системы. Она сложилась в XIV–XVI вв. и представляла собой основу социальной структуры османского общества. Однако с конца XVI в. противоречия, присущие этой системе, делали ее, особенно в условиях «революции цен», все менее эффективной. Это не могло не вызывать озабоченности в османской правящей среде, что отразилось в целом ряде дидактических трактатов, которые призывали султанов восстановить жизнеспособность системы, обеспечить ее успешное функционирование в интересах казны и военной мощи государства (например, трактаты Кочибея Гёмюрджинского). Подобные идеи разделялись многими представителями османской военной и управленческой элиты и, в первую очередь, членами клана Кёпрюлю.

В своей административной деятельности они пытались с помощью жестких репрессивных мер преодолеть упадок центральной власти, восстановить

прежний порядок, поднять, путем возвращения к изначальной тимарной системе, боевой потенциал османского конного (сипахийского) войска, а также восстановить боевую мощь янычарского корпуса. Численность янычарского войска резко выросла за счет ремесленников и торговцев, никак не связанных с военным делом. К этому времени янычары превратились в подобие «преторианской гвардии»: свергали и возводили на престол султанов, смещали неугодных им государственных деятелей.

Усилия династии Кёпрюлю по восстановлению государственного порядка и поднятию военной мощи Османской империи получили широкий отклик в османском обществе. Они придавали членам династии ореол успешных и справедливых государственных деятелей. Однако все начинания везиров Кёпрюлю позволили обеспечить лишь краткосрочное торможение кризисной ситуации, но не смогли остановить процесс разложения сипахийской системы и связанного с ним падения военной мощи державы. Поражение турецких войск под Веной в 1683 г. и заключение в 1699 г. в Карловицах мирных договоров, по которым Османская империя впервые понесла крупные территориальные потери, — все это продемонстрировало крах концептуальных основ (возвращение к «золотому веку») такой политики.

Юлгушева А. Х. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Война в Альпухаррах (1568–1571 гг.) как реакция на политику католических монархов

2 января 1492 г. католические монархи Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская получили ключи от Гранады, последнего мусульманского эмирата на территории Иберийского полуострова, история которого насчитывала более двух с половиной веков. Теряя Гранаду, мусульмане лишились последней надежды на возвращение и восстановление былого могущества ал-Андалуса, но, находясь в осаде и не имея никаких шансов на победу, вместе со своим эмиром Абу́ Абдалла́хом они выбрали «меньшее из двух зол» (ал-Мак³к³ари, 525). Подписанный обеими сторонами договор о капитуляции города гарантировал неприкосновенность жизни и имущества, свободу вероисповедания, обеспечивал мусульманам статус религиозного меньшинства и безопасное существование в качестве верноподданных христианских королей. Однако «политика первоначальной „благодарности к побежденным“ сменилась жестким курсом на «христианизацию» (Ланда, 39). И, если поначалу христианское население даже «ревновало и завидовало» мусульманам, поскольку король выказывал им уважение и почтение: «Вы теперь для нашего короля благороднее и дороже нас» (*Хубзат*, 43), то впоследствии 67 пунктов условий договора были «аннулированы условие за

условием, пока не были отменены все» (*Нубзам*, 44); «путем элементарной провокации короли и духовенство Испании избавились от связывавших им руки условий 1492 г.» (Ланда, 39).

Тактика обращения с побежденными вскоре поменялась кардинальным образом с гуманной (Э. де Талавера выступал против насильственного обращения в христианство, настаивая на необходимости проповедей и убеждения, предлагая обучать мусульман католицизму на их языке) на более жестокую по инициативе Ф. Х. де Сиснероса. Восстание, вспыхнувшее в Альбайсине в 1499 г. и распространившееся в Альпухарры, было подавлено в 1501 г.: побежденных мусульман поставили перед выбором — крещение или изгнание; де Сиснерос в один день принудительно крестил несколько тысяч человек, а также приказал публично сжечь тысячи арабских рукописей. В его отчете было сказано, что в городе не осталось ни одного иноверца, а все мечети превратились в церкви. «И стал весь ал-Андалус христианской страной, и не осталось там никого кто говорил бы — „Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад (да благословит его Аллах и да приветствует!) — посланник Аллаха“, кроме тех, кто произносил это про себя, в сердце своем, или скрывающая от людей» (*Нубзам*, 44).

Восстания прокатились и по другим областям страны, но все они не были организованными, и властям не составляло труда их подавить. Гонения, дискриминация, слежка и подозрения стали постоянными спутниками бывших «андалусцев»: одни соглашались принять христианство, другие восставали, остальные были вынуждены покинуть родину. Те, кто принимал христианство, попадали под церковное следствие: обвинения в ереси влекли за собой жесткие штрафы, заключение, конфискацию имущества, изгнание и смертную казнь.

Однако меры, проводимые с целью христианизации населения, не приносили ожидаемого успеха: новообращенные христиане — мориски тайне исповедовали ислам (криптоислам). Наряду с фетвами муфтия Феса ал-Ваншари\си\ (ум. в 914/1508), который был крайне обеспокоен возможными негативными последствиями происходящего для религии мусульман и, понимая, что теряя язык, они утратят и свою религиозную самобытность, призывал мусульман к безоговорочной эмиграции, провозглашая переселение долгом, который незамедлительно следует исполнить. Однако существовала и альтернатива. В 1504 г. появилась фетва муфтия из Орана Ах³мада б. Аби Джум³а ал-Маг³ра\ви (ум. в 917/1511 г.), которая легализовала практику сокрытия веры (*так³уййа*). Ее арабский оригинал и копии на *алхамьядо* (известны копии 1563 и 1609 гг.) распространились в различных регионах страны, что свидетельствует в пользу ее важности для мусульман Испании вплоть до их изгнания. *Так³уййа* позволяла мусульманам не соблюдать исламские обряды и внешне демонстрировать принадлежность

к католицизму, при условии, что в сердце человека сохранялась искренняя приверженность исламу.

Разумеется, Церкви было об этом известно, и проводимые меры в отношении морисков — «недобитых остатков побежденных иноверцев, которым из милости разрешили проживать на землях христиан» (Ланда, 139), все больше ужесточались; все новые и новые запреты (напр., *Pragmatica anti-morisca* 1567 г. при Филиппе II) были направлены не только против религии морисков, а против всех проявлений их традиционной культуры. Мориски не только были подвержены крайним лишениям, они должны были полностью отказаться от своей идентичности — от убеждений и обычаев, традиций и ритуалов даже бытового уровня, а также от устного и письменного использования арабского языка под угрозой смерти. Несмотря на проверки, досмотры и доносы, они продолжали «цепляться за все, что еще осталось от прежней жизни, ностальгию по которой они испытывали особенно сильно» (Ланда, 140). Не желая терпеть такое положение, многие уходили в горы (*monfies*).

В конце концов в ответ на все ограничения, оскорбления и репрессии мориски восстали, что явилось для испанцев почти полной неожиданностью (Ланда, 114). Война в Альпухаррах (1568–1571 гг.) потрясла страну, заставив власти впоследствии прибегнуть к крайним мерам.

Ястребова О. М. (ВФ СПбГУ; РНБ, Санкт-Петербург)

Свиток-амулет 1404 г. из собрания П. П. Дубровского

Свитки с текстом всего Корана или отдельных наиболее почитаемых сур и аятов получили распространение в XV в. и играли роль своего рода защитных и магических амулетов¹. Свиток (шифр АНС 223), поступивший в Императорскую публичную (ныне Российскую национальную) библиотеку в 1805 г. с собранием П. П. Дубровского, относится к наиболее ранним рукописям такого типа. Он переписан каллиграфом Хасаном ибн ‘Абд ал-Каримом ас-Синуби в конце месяца зу-л-хиджжа 806 г.х. (середина июля 1404 г. н.э.).

Содержание манускрипта распадается на две части. Первая, традиционная, включает в себя полный текст священной книги, таблицу с именами Аллаха (*al-asmā’ al-ḥusnā*) и дополнительно отдельные фрагменты из Корана, в т. ч. суру «*Йа син*», образующую рамку для всего свитка. Необычной особенностью является то, что часть текста начертана тайнописью.

Вторая часть содержит ряд небольших текстов — молитв и заклинаний на арабском, турецком и персидском языках: семичастная молитва «семь хай-

¹Резван Е. А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 322, 326.

калей»; текст на тюркском языке, озаглавленный «Иснад величайшего имени Бога» (*isnād-i ism-i a'zam*); текст с персидским вступлением, перечисляющий со слов Хасана Басри 40 действенных имен Бога, которые были открыты Идрису; молитва «Курсийа» (*qurthūyā*) с перечислением имен ангелов; арабские «Молитва света» (*du'ā-yi nūr*), «Талисман Хасана и Хусайна» (*bāzūband-i Hasan va Husayn*) и краткая молитва с изображением лука и раздвоенного меча («Свойства лука, стрелы и меча» — *Ṣifat-i kamān va tūr va shamshīr*).

Качество каллиграфии и разнообразие почерков (*губар, сулс, рик 'а, куфи, насх, та'лик*, ранний *наста'лик*) свидетельствуют о том, что Хасан ас-Синуби вряд ли учился своему искусству в провинциальном Синопе. Упоминание имен Хасана и Хусайна указывает на то, что заказчик мог быть шиитом и, вероятно, персом, так как в заключительной молитве звучит просьба защитить владельца от клинков индийцев, египтян, сирийцев и тюрков, а заголовки большинства молитв написаны на персидском языке.

Французская запись на обороте гласит, что рукопись была изъята из кабинета императора Священной Римской империи (возможно, Фердинанда II, император с 1619 по 1637 г.) его камердинером. Тот оставил рукопись по завещанию Даниэлю де Вассану, аббату Сен-Мемэн с 1613 по 1642 г., который подарил ее коллежу иезуитов в Париже в 1639 г. После изгнания иезуитов из Франции в 1762 г. и банкротства ордена обширная библиотека коллегиала была перемещена в аббатство Сен-Жермен-де-Пре. О том, что свиток был среди арестованного имущества, свидетельствует одна из приписок чиновника Мениля (*Mesnil*), датированная 5 июля 1763 г. Составленный перед продажей каталог коллекции упоминает подобный нашему арабский свиток¹. Известно, что большинство рукописей было продано в 1764 г. голландскому коллекционеру Герарду Меерману (1722–1771)², впоследствии они разошлись по библиотекам Европы.

Обстоятельства приобретения свитка Дубровским неизвестны. Мы знаем, что библиотека Сен-Жермен-де-Пре была одним из важных источников формирования его коллекции, но на свитке отсутствуют какие-либо пометы, которые могли бы свидетельствовать о его вхождении в собрание монастыря³. Если рукопись была все же куплена Меерманом, то русский собиратель мог обрести ее, например, во время одной из поездок в Голландию.

¹ *Clément F. et al. Catalogus manuscriptorum codicum collegii Claromontani. Parisiis, 1764. P. 8.*

² *Franklin A. Les anciennes bibliothèques de Paris: églises, monasteres, collèges, etc. Paris: Imprimerie nationale, 3 vol., 1867–1873. Vol. 2, p. 245, 259–260; vol. 3, p. 303–304; Cataldi Palau, A. Catalogue of the Greek manuscripts from the Meerman collection in the Bodleian Library. Oxford, 2011. P. 1, 29–31, 34.*

³ *Васильева О. В., Пушар Ф. Orientalia Петра Дубровского, дипломата и коллекционера // Восточная коллекция. 2005. № 1 (20). С. 12–13.*

Яфия Юсиф Джамиль (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Список рукописи «Сборник пословиц» Хамзы ал-Исфахани

Хамзал-Исфахани родился примерно в 280 году по хиджре (соответствует 893 г.), скончался в 360/970 г. Он родился в Исфахане — одном из крупнейших научных центров своего времени, где и провел большую часть своей жизни. В целом сведения о жизни ал-Исфахани весьма ограничены, однако некоторые данные о биографии ученого могут быть извлечены из его сочинения под названием «Летопись царей земли и пророков».

Хамза ал-Исфахани — автор, по разным данным, двенадцати или четырнадцати сочинений, большая часть которых не сохранилась до настоящего времени. Ал-Исфахани обучался у крупнейших ученых своего времени — у поэта Ибн ал-Аллафа, грамматика ал-Ахфаша ал-Асгара, поэта Мухалхала б. Йамута и других. Он неоднократно посещал Багдад, где были написаны некоторые из его работ.

Сочинения ал-Исфахани охватывали различные аспекты средневековой науки: историю, литературу, языкознание, фольклор. Арабский историк ал-Кифти писал, что простые жители Исфахана называли работы ученого еретическими, хотя специалисты считали произведения ал-Исфахани наиболее полными и достоверными среди аналогичных сочинений.

В предисловии к своему сборнику пословиц ал-Исфахани не дает никакого названия сочинению, отмечая лишь, что в нем собраны наиболее распространенные арабские пословицы; название сочинению было дано позднее. Интересная особенность собранных в книге пословиц заключается в том, что все они содержат слова, образованные по модели *'аф'ал*. Так, Ибн ал-Надим упоминает его как «Сборник пословиц по модели *'аф'ал*», а ал-Багдади называет это сочинение «Прекрасная жемчужина», «Пословицы по модели *'аф'ал*» или «Пословицы Хамзы».

Большое количество пословиц, собранных в книге, ал-Исфахани заимствовал из работы ал-Джахиза «Книга о животных». Пословицы в сборнике расположены по алфавитному порядку. Общее количество глав — 30.

Изученный список рукописи ал-Исфахани хранится в Институте восточных рукописей РАН. Список находится в хорошем состоянии. Бумага европейская с филигранями, переплет кожаный. обороте первого листа украшен орнаментом. Список содержит 115 листов. На листе 1 в экслибрисе присутствует информация об одном из владельцев сочинения. В колофоне указаны переписчик и дата окончания работы над списком.

Название рассмотренного списка ошибочно указано переписчиком как «Сборник пословиц ал-Замахшари». Эта ошибка была повторена в каталоге арабских рукописей Института народов Азии А. Б. Халидова за 1960 год¹.

¹ Халидов А. Б. Каталог арабских рукописей института народов Азии. Вып. 1. М.: Издательство Института восточной литературы, 1960, С. 68.

Впоследствии в списке была сделана запись, указывающая, что текст сочинения «безусловно, принадлежит Хамзе ал-Исфахани». Данное исправление было позднее внесено в следующее издание каталога в 1986 г¹.

Сочинение ал-Исфахани переиздается до сих пор, что может свидетельствовать лишь об одном — интерес к данному произведению не ослабевает и сегодня. Большинство пословиц, которые автор включил в свое сочинение несколько веков назад, употребляется и по сей день. Изучение сохранившихся списков данной рукописи позволяет составить более полное представление об одном из наиболее крупных и значимых сочинений Хамзы ал-Исфахани, чей труд дает возможность исследователям взглянуть на целый культурно-исторический период сквозь призму употребляемых в живой речи пословиц.

¹Халидов А. Б. Арабские рукописи Института востоковедения: краткий каталог. М.: Наука, 1986, С. 416.

СЕКЦИЯ II.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
АФГАНИСТАНА И ИРАНА
HISTORIOGRAPHY OF IRAN AND AFGHANISTAN:

Cancian Alessandro (The Institute of Ismaili Studies, London)

**The Ni‘matullāhi Writings as a Source for the Intellectual
History of Early Modern Iran**

The social, political, religious, and intellectual history of Iran in between the late 18th and early 20th centuries presents us with a rich picture of trends, a wealth of debates and a variegated palette of influential thinkers whose influence would be felt well into the 21st century. In spite of this thriving environment, however, the sources historians have traditionally used remain limited, as they have not kept up with the dramatic proliferation of new written documents.

Among the ‘new sources’ that are currently being looked at, one should mention works written in the vernacular languages of India that have an uninterrupted dialogue with their counterparts in Persia; diplomatic sources from the Russian, British, French and Ottoman archives; the travelogues (*safarnāma*) redacted by the Shi‘i clerics and Sufis; the polemic literature represented by, among other genres, the ‘refutation of Henry Martyn’ (*radd-i pādri*), British missionary to Iran; the *waqf* (endowment) documents. To the list, far from being comprehensive, one should add the voluminous literature produced by the Perisan Sufi masters, with particular reference to the Ni‘matullāhi ones, who gave birth to a veritable renaissance of Sufism in the 19th century. Not limited to strictly religious themes, the works in question span from travel literature, philosophy, exegesis and include a hitherto unexplored number of epistolary exchange.

In this presentation, I intend to illustrate the main themes and areas of enquiry that this literature opens up to the scholar, its contribution to the intellectual and social history of Shi‘ism, Sufism, and Iran, and the role the writings of the Ni‘matullahi master Sulṭān ‘Alī Shāh (d. 1909) play in this picture.

Ioannesyan Yu. A. (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St Petersburg)
**Some Peculiar Traits Common to Certain Persian and Other
 Western Iranian Dialects Reflected in the Language
 of the “*Tabaqat as-sufiya*” by A. Ansari**

The study considers certain peculiarities shared by a number of western Iranian dialects and, not observed in the three modern literary forms of New Persian: literary Iranian Persian (Farsi), Afghan Persian (Dari) and Tajiki. These peculiar features go back to Medieval Times and are attested by an 11th century treatise “*Tabaqat as-sufiya*” consisting of utterances of A. Ansari, the outstanding mystic and commentator of the Qur’an, whose language reflects some traits of the old Herati dialect. The language of the treatise was studied by the famous iranologist W. A. Ivanow. The present study analyzes some dialectal features common to Khorasani Persian varieties, including Herati, the Sistani dialect, the Tati varieties in the Caucasus, the dialects of central Iran spoken by Zoroastrians and some others.

Among the features of the language of the “*Tabaqat as-sufiya*”, W. A. Ivanow indicates a striking tendency towards an enclitic use of personal pronouns as well as combinations of prepositions, conjunctions etc. with the 3rd person pronoun singular employed enclitically. This tendency is expressed in writing of a preposition, a conjunction, or a particle jointly with the 3rd person pronoun. Ivanow suggests that this phenomenon may be partly caused by some peculiarities of the Khorasani phonetics. The most convincing examples of these combinations found in the “*Tabaqat as-sufiya*” are as follows: برو (برای او) جزو، جزو (جزو) جنو، (چون او) جنو، همو،. All of these are combinations of a preposition, a conjunction or a particle (*juz*, *bā/bāz*, *barāyi*, *čun*, *ham*) with the 3rd person pronoun singular *ū/ō* employed enclitically. Moreover, جزو is, apparently, a triple combination, because it also contains preposition *az*: *juz + az + ū/ō > juzzū/ō*.

A remarkable feature of the present-day Herati dialect (less frequently observed in other Khorasani dialects) is the enclitic use of the 3rd person pronouns both singular and plural. In Herati these have fully replaced the 3rd person pronominal enclitics *-eš/-aš*, *-ešān*. The 3rd person pronouns when used enclitically are not stressed and may undergo certain qualitative and quantitative changes. The enclitic use of personal (and demonstrative) pronouns is not a rare phenomenon in Iranian dialects of the southwestern type. Cf. the Sistani variety of Persian (including the dialect spoken in Serakhs): *sar-n-a* (*-n < on* “this; he”) “his head”, *bré-y-u* (*u* “he”) “his brother”, *psé-y-u* “his son” etc. A similar situation is observed in the Tati dialects of the Caucasus in which 3rd person singular pronominal enclitics have originated from demonstrative/personal pronouns: *bælÿq di ki kar i pîs-y* “the fish saw that things (lit. his things) were not going well for him.” That the enclitic here is originally the respective personal pronoun is confirmed not only by the fact that the former is phonetically identical to the latter but also by an analogy with other pronominal enclitics in Tati varieties in which all

enclitic pronouns are related to respective personal pronouns: *mæncē kitáb mæn, tǵræ kitáb tǵ, kitáb i*, (northern dialects) *kitáb yu, kitáb yǵ; kitáb mun, kitáb šmun, kitáb šun* “my, your, his/her, our, your, their book”. Cf. personal pronouns *mæn, tǵ, i*, (northern dialects) *u, ǵ; (i)mu(n), (i)šmu(n), (i)šun*; demonstrative: *i(n), u(n)*. Grünberg considers the [y] sound before the pronominal enclitic (*yu/yǵ*) a remnant of the original *ezâfe*.

The use of preposition *xod-e/xodê/xod* “with” and the verbal suffix *-i/-ê* which presumably expresses duration is also considered.

Melville Firuza (University of Cambridge, UK)

Contemporary visual interpretation of Persian literary classics: case study of Firdawsi’s Shahnama

My paper will focus on modern interpretation of the Iranian epic poem which was compiled a thousand years ago and immediately became a symbol of Persian national identity. I shall try to explain why it is mainly the Shahnama imagery paradigm that has been used for many centuries in Iran and in Iranian communities outside the country to express the cultural, social and political idea of the nation.

Contemporary Iranian art has a lot in common with the national classics, both in literature and visual art, however, in many cases even in easily recognisable propaganda images it is often deliberately hidden to be revealed not only by the connoisseurs but the common people.

Its exceptional popularity can be witnessed through various means of artistic expression, genres and forms: from traditional visual representations in book art of miniature painting to urban architectural designs, including sculptures and monuments, murals, interiors of the Tehran metro stations, photography, digital collages, comic books, films, animation and video games, as well as theatre, music, opera, ballet, rap, hip-hop, fashion, jewellery, carpets, etc.

Алексеев А. К. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

«Шарх-и зиндагани-йи ман» Абдаллаха Мустауфи как источник по истории Ирана в период Второй мировой войны и послевоенные годы

Мемуары Абдаллаха Мустауфи «*Шарх-и зиндагани-йи ман йа Тарих-и иджтимаи ва идари-йи даура-йи Каджариййа*» («*Рассказ о моей жизни, или История социальных отношений и системы управления в эпоху Каджаров*») — ценное сочинение по истории Ирана конца XIX — первой половины XX вв. Автор мемуаров происходил из семьи чиновников финансового

ведомства (*мустауфи*) провинции Азербайджан. Дед и отец Абдаллаха Мустауфи занимали различные посты в провинциальных администрациях и центральном аппарате правительства Каджаров.

Абдаллах Мустауфи родился 24/25 ноября 1876 г. в Тегеране. Дом его отца Хаджи Мирза Насраллаха располагался в квартале Сар-Чашма на улице Масджид-и Хаджи Шайх ан-Наби. Как сообщает сам Абдаллах, ему дали такое имя с тем, чтобы оно рифмовалось с именами его отца и старшего брата. Его мать Зубайда была третьей женой Мирза Насраллаха.

Абдаллах получил традиционное образование, его готовили к государственной службе. По его словам, работу над мемуарами он начал 25 июля 1942 г. в возрасте 66 лет. Труд был закончен и подготовлен к печати уже после смерти Абдаллаха (15 декабря 1950 г.) его сыном Бакиром Мустауфи.

Сочинение *«Шарх-и зиндагани-йи ман»* получило высокую оценку специалистов как в самом Иране, так и за рубежом. Известный знаток иранской книжности и современник автора проф. Мухаммад Казвини (1874–1949) указывал на большую ценность этого труда. Тематика, которую пытался охватить Абдаллах Мустауфи в своем сочинении, весьма обширна. Повествование о событиях его времени он предваряет долгим рассказом о своих предках, основанном как на документах, так, видимо, и на семейных преданиях. В том же разделе он подробно освещает политическую и социально-экономическую историю Ирана при Каджарах.

Несмотря на то, что сочинение *«Шарх-и зиндагани-йи ман»* было написано в середине XX в., оно представляет собой образец классической персидской мемуарно-исторической литературы. События излагаются по принципу хронологии, но без строгого соблюдения причинно-следственных связей. Хронологический принцип, впрочем, также постоянно нарушается. Исторические факты перемежаются личными переживаниями автора, его идеями, сведениями по этнографии и быту Ирана 20–50-х гг. прошлого века. Для поиска и анализа конкретных исторических сюжетов необходимы определенные усилия.

Тем не менее сочинение А. Мустауфи отличается большой информативностью. Помимо того, что его мемуары содержат многочисленные данные социально-экономического и историко-этнографического характера, они в значительной степени передают настроения иранского политического истеблишмента, его видение внешнеполитических проблем страны и турбулентных послевоенных лет в Иране. Из наиболее существенных вопросов, которые рассматриваются в данном сочинении по указанному хронологическому периоду, но сохраняют актуальное значение и по настоящее время, необходимо отметить следующие:

- история вопроса о «северной нефти» Ирана (40-е гг. XX в.);
- история возникновения и политическая судьба национальных государственных образований на севере Ирана (Азербайджанская Демократическая Республика, Мехабадская Республика);
- развитие и деятельность политических партий.

Абдаллах Мустауфи в 40-е гг. выполнял обязанности губернатора провинции Азербайджан и был хорошо осведомлен о политической ситуации. В результате ввода РККА на территорию северного Ирана граница между советским Азербайджаном и иранскими провинциями носила во многом номинальный характер, что способствовало национальным движениям азербайджанских тюрков и курдов. А. Мустауфи достаточно подробно описывает события, связанные с деятельностью лидера АДР М. Хийабани, и общую обстановку в регионе.

Как сообщает А. Мустауфи, впервые вопрос о северной нефти возник за два года до первого приезда в Иран С. И. Кавтарадзе (1885–1971), занимавшего в 1941–1943 гг. пост начальника Средневосточного отдела НКВД СССР. Истинная задача миссии Кавтарадзе прорабатывалась через агентов влияния в обстановке секретности. Этот вопрос в завуалированной форме был задан А. Мустауфи министром по делам народных промыслов в ходе одного из приемов в Тегеранском клубе офицеров, где собирались представители военного и политического истеблишмента страны. По словам Абдаллаха, министр пытался узнать его мнение относительно того, какой из сторон, действующих в Иране, следовало бы отдать предпочтение в вопросе выделения новых концессий. А. Мустауфи имел опыт взаимодействия с русскими по различным вопросам, что было вполне естественно, принимая во внимание его должность. Он однозначно высказался в пользу выделения концессии или совместной разработки месторождений на севере страны. Последующий отказ иранского правительства был вызван противоречивой политикой СССР по отношению к Ирану.

Амбарцумян А. А. (Санкт-Петербург)

О возможном среднеиранском названии горы Сабалан

Сабалан представляет собой новоперсидское название горы, потухшего вулкана, высочайшей вершины исторической Атропатены (Северо-западный Иран, Иранский Азербайджан) высотой 4811 м. и второй после Демавенда вершины Ирана, расположенной к западу от современного Ардебиля.

Наиболее раннее упоминание новоперсидского названия этой горы встречается в анонимном персидском географическом сочинении X в. *Худуд ал-‘алам* («Границы мира») — в форме Сабалан (Sabalān, в рукописи Sabilān)¹. В арабском географическом сочинении того же времени «Книге путей и стран» Ибн Хаукаля приводится искаженная форма названия — Сейлан (Seilān)². В настоящее время, помимо формы Сабалан, встречается также форма Савалан.

¹ *Minorsky V. Hudūd al-‘Ālam. ‘The Regions of the World’. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. Translated and explained by V. Minorsky. London, 1937. P. 66.*

² *The Oriental Geography of Ebn Haukal an Arabian traveler of the tenth century / Transl. by Sir W. Ously. London, 1800. P. 156.*

В средневековой персидской литературе горе Сабалан стала приписываться особая роль, связанная с известными сюжетами из древнеиранского эпоса, религии и мифологии. Это во многом обязано переносом родины пророка Заратуштры из Восточного Ирана на территорию Иранского Азербайджана. Согласно одной из поздних легенд, Заратуштра получил божественное откровение на одной из ардебильских гор (Сабалан или Саханд), спустившись с нее, предъявил всему миру свою книгу Авесту¹. Армянский автор X–XI веков Григор Магистрос в своих «Письмах» приводит несколько легенд о горе Сабалан, навеянных парфянской традицией: согласно одной из них, гора Сабалан стала местом заточения Спандиара (Спандиادا-Исфандиара, сына покровителя пророка), согласно другой — тот же Спандиар воздвиг на вершине горы статую из сабаланского кедра. С этой же легендой, возможно, связано сообщение древнеримского историка Тацита (I–II вв.) о том, что парфянский царь Готарз приносил жертвы местным богам и Геркулесу на горе Санбул (Sanbulos) (Тацит, *Анналы*, XII.13), название которой также связывают с Сабаланом. Интересную параллель можно найти в одной из рукописей «Украшающей общество насировом словаре» Резакули-хана Хедаята о том, что Савалан — это имя пророка, и одноименная гора почитается магами, а в глубине озера на ее вершине находится статуя пророка².

Вместе с тем в армянских публикациях советского периода было обнаружено еще одно армянское название горы Сабалан — Сахварзан (Sahvarzan) и его вариант — Шахварзан (Šahvarzan). По нашим данным, первая форма названия была впервые приведена на карте «Великой Армении по Ашхарацуицу», изданной в 1979 году в Ереване С. Т. Еремян³. На факт существования такого названия горы обратил внимание также и Роберт Хьюзен⁴. Название Сахварзан также присутствует в среднеперсидском варианте плохо сохранившейся надписи шаханшаха Нарсе (293–302 гг.) в Пайкули (Иракский Курдистан). В списке правителей и царей, поддержавших выступившего из Армении и Асорестана Нарсе во время мятежа и борьбы за иранский престол, упоминается правитель Сахварзана, у Луконина — «хватава Сахварзана (?)» (šhwłč'n MR'HY)⁵. В транслитерации П. Щерве — shwlc'n MROHY⁶. То же самое можно найти и в более ранних интерпретациях Э. Херцфельда и Р. Фрая (šhwł(č')n MR'Ĥ[Y]) [Herzfeld, 1924,

¹ *Minorsky V. Transcaucasica // Journal Asiatique. Tome CCXVII, 1, Paris, 1930. P. 68–69.*

² *Чукасян Б. Л. Отзвуки иранских эпических сказаний в «Письмах» Григора Магистроса // Проблемы востоковедения, №*

³ *Еремян С. Т. Царство Великой Армении в IV веке (298–385 гг.). Масштаб 1: 1250000. Карта, Ереван, 1979 (на арм. яз.).*

⁴ *The Geography of Ananias of Širak (Ašxarhač'oyc'). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and Commentary by Robert H. Hewsen. Wiesbaden, 1992. P. 259.*

⁵ *Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. Москва, 1969. С. 116, прим. 19.*

⁶ *Skjærvø P. O., Humbach H. The Sassanian Inscription of Paikuli. Part 3.1. Restored text and translation by Prods Skjærvø. Wiesbaden, 1983. §93.*

106; Frye, 1957, 706]¹. Этот правитель упомянут между шахрабом Демавенда и правителем Сикана или Мугана, однако, поскольку название Сахварзан не было известно исследователям, они оставляли его без интерпретации. Так, П. Шерве воспроизводил его в переводе как «правитель Сахвала» (Lord of Sāxwal(?)).

Очевидно, что иранская по своему происхождению форма Sahvarzān (от др.-арм. *Sahwarzan) представляет собой более раннюю ступень фонетического развития в сравнении с поздней формой Sabalān, с закономерным переходом др.-ир. -rd-/-rz- в -l- и озвончением v//b. Объяснить этимологию этого названия можно с учетом местных иранских диалектов, ср. талыш. saḡ «камень», совр. талыш. səḡ «камень», səḡin «каменный», ср.-перс. sagēn (skyn, sygun) «каменистый» от др.-ир. *sikā- «камень, скала» с последующей трансформацией в sī-, sīg-, səḡ-² отсюда можно предположить словосочетание saḡ + warzān «место, изобилующее камнем; место добычи или сбора камня, и т. д.» или saḡ + barzān, burzān «высокий камень, высокая скала», ср. парф. burz (bwrz) «высокий» (гора Сабалан со стороны действительно напоминает громадную скалу). Вышеупомянутые диалектные формы могли быть уже не совсем понятны представителям как древнеперсидской, так и парфянской администрации, так как на древнеперсидском камень — asan-, а на парфянском — asang. Этим можно объяснить ошибочную замену исходного -ḡ- на -h- в названии горы (ср. название близлежащей горы Саханд — Sahand — «каменистая»).

Багиров А., Гезалова Н. Р. (Институт Истории НАНА, Баку)

Бахман-Мирза Каджар и его наследие (об азербайджанской коллекции рукописей)

Доклад посвящен исследованию жизненного пути принца Бахман-Мирзы Каджара (1810–1884) и уникальной коллекции документов, хранящихся в Институте рукописей имени М. Физули Национальной Академии наук Азербайджана.

Бахман-Мирза — четвертый сын Наиб ас-Салтана Аббас-Мирзы (1789–1833), внук Фатх-Али-Шаха Каджара (правил 1797–1834) и единоутробный брат Мухам-

¹ Herzfeld E., Paikuli. Monument and Inscription of the Early History of the Sasanian Empire by Ernst Herzfeld, in 2 Volumes, Volume II Containing 228 Plates, Berlin, 1924; Richard N. Frye. Remarks on The Paikuli and Sar Mašhad Inscriptions // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 20, No. 3/4 (Dec., 1957). P. 702–708.

² Kirakosian H. Les traces de l'iranien ancien *sikā- «pierre» dans la toponymie iranienne // Iran and the Caucasus, Vol. 19. Yerevan, 2015. P. 269. А. Киракосян недавно предложила значение названия горы «покрытая льдом» от др.-ир. *si-ta- > *sah- (см.: Киракосян А. Диалектные лексемы в иранских топонимах // Вопросы востоковедения, № 12, Ереван, 2016. С. 249–254 (на арм. яз.). С. 252.).

мад-Шаха Каджара (правил 1834–1848). Он был одним из самых способных и пользующихся большим авторитетом в каджарском Иране и особенно в Азербайджане сыновей Аббас-Мирзы. Его мать принцесса Асия Ханум была из знатного каджарского рода Давалу. В 1831 г. Фатх-Али Шах назначил Бахман-Мирзу правителем Ардебилля. После смерти Фатх-Али-Шаха в 1834 г. Бахман Мирзу и других сыновей Аббас-Мирзы арестовывают, их обвиняют в заговоре против только что коронованного Мухаммад-Шаха. Однако в том же году, по ходатайству матери, Бахман-Мирзу освобождают и назначают правителем Тегерана (1834 г.); ему присваивается звание фельдмаршала. Правителем провинции Азербайджан Мухаммад-Шах назначает другого своего родного брата — Кахраман-Мирзу. Есть сведения, что Бахман-Мирза затем становится правителем Боруджерда. После смерти Кахраман-Мирзы (1841) управление Азербайджаном переходит в руки Бахман-Мирзы. Будучи правителем Азербайджана, он считался главнокомандующим каджарских войск. В 1842–1845 гг. он провел ряд удачных походов против Османской Турции. Именно в период управления Азербайджаном в 1841–1847 гг. принц Бахман-Мирза был пожалован орденом Белого Орла Российской империи. Однако в результате заговора Бахман-Мирза был вскоре смещен со своего поста, и вместо него правителем Азербайджана был назначен наследник престола Насир ад-Дин-Мирза. По ходатайству русского посла князя Д. И. Долгорукова, Шах разрешает ему выезд в Россию. Относительно причин опалы Бахман-Мирзы в Иране и его эмиграции в Россию существуют различные мнения.

В начале мая 1848 г. Бахман-Мирза, сопровождаемый четырнадцатью слугами и отрядом русских солдат, покинул Тебриз и прибыл в порт Энзели. Обеспечив себе официальное покровительство России, он, на правах ее почетного гостя, поселился в Тифлисе. Царское правительство встретило Бахман-Мирзу с большими почестями — ему была назначена пожизненная пенсия в шесть тысяч червонцев в год и дано право на проживание в любом месте России. Более трех лет Бахман-Мирза, оставаясь в Тифлисе, вел переговоры с шахским правительством о возвращении на родину. Условия, на которых ему было разрешено вернуться на родину, оказываются очень жесткими и унижительными. Бахман-Мирза решает остаться на Кавказе и принять русское подданство.

После недолгих колебаний Бахман-Мирза просит разрешения поселиться в Шуше и 4 октября 1851 г. переезжает туда со своим большим гаремом, детьми и приближенными. В Российской империи за Бахман-Мирзой и его потомками официально сохранили титул принцев персидских, который при написании прибавлялся к их именам, повторяя уже имеющийся персидский титул «Мирза». На русский манер Бахман-Мирза при обращении именовался «сиятельством», а с 1887 г., по Высочайшему повелению, — «светлостью», как император и великие князья.

В сентябре 1871 г., во время путешествия Александра II по Кавказу, Бахман-Мирза получил возможность лично встретиться с российским

императором. На встрече, состоявшейся 24 сентября 1871 г., Бахман-Мирза преподнес в дар императору Александру II свое сочинение «*Шукюр-намэ-и Шахин-шахи*» («Книга благодарения царю царей»).

Отношения Бахман-Мирзы с родственниками в Иране долго оставались чрезвычайно натянутыми. В 1873 г. его племянник Насир ад-Дин-Шах (правил в 1848–1896), путешествуя по России, встретился с ним в Тифлисе. Результатом этой встречи стало полное прощение беглецов, все они вновь были объявлены членами царствующего дома. После этого Бахман-мирза продолжал жить в Шуше, беспрепятственно владея недвижимостью и в России, и на покинутой им родине.

Бахман-Мирза прожил в эмиграции более 36 лет и скончался 11 февраля 1884 г. в городе Шуше «после продолжительной болезни». Он был похоронен на кладбище культового комплекса Имам-заде, возле мечети Ибрагима в городе Барда в Азербайджане.

Память о Бахман-Мирзе, талантливым политическом деятеле, полководце и ученом, остается жить в его трудах, а также в разбросанных по многим рукописным хранилищам мира и частным коллекциям рукописных книгах и предметах прикладного искусства Ирана и Азербайджана XIX в.

Базиленко И. В. (ВФ СПбГУ; ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Дело английского капитана Джона Эльтона (John Elton) в истории отношений России и Ирана XVIII в.

Английский капитан торгового флота Джон Эльтон попал в Россию после того, как в 1733 г. обратился к молодому российскому послу в Лондоне князю А. Д. Кантемиру (1708–1744) с предложением отыскать проход в Индию через северные моря. С мая 1734 г. он был включен в состав Оренбургской экспедиции 1734–1737 гг. под руководством известного сподвижника Петра I И. К. Кирилова (1695–1737).

После смерти Кирилова экспедицию было поручено возглавить В. Н. Татищеву (1686–1750), по поручению которого Джон Эльтон составил первую карту Самарской Луки. Татищев рассчитывал, что англичанин составит подробную карту Волги на отрезке от Царицына до Симбирска, но Эльтон успел сделать съемки только до Сызрани, где заболел и, очевидно, покинул состав экспедиции, поскольку в следующем году над картой продолжили работать русские геодезисты. После выздоровления Эльтон некоторое время занимался добычей соли в озерах Заволжья и даже стал владельцем ряда земель в этом крае¹.

¹ Согласно одной из распространенных версий, его фамилией названы самое большое в Европе соленое бессточное озеро на Северо-Прикаспийской низменности (Волгоградская область), воды которого обладают уникальными целебными свойствами, а также бальнеологический санаторий на его берегах.

По возвращении в Санкт-Петербург в январе 1738 г. английский капитан рассчитывал на повышение по службе. Не получив желаемое, Эльтон оставил службу и предложил британским факториям, располагавшимся в российской столице, свои услуги по организации транзитной торговли в Иран и Центральную Азию через Каспийское море. Вместе с молодым шотландцем Мунго Грэмом (Mungo Graeme of Garvock) он взял кредит для приобретения и транспортировки небольшой партии товаров в Хиву и Бухару. Водным маршрутом через Москву, Нижний Новгород и Астрахань компаньоны добрались до Тюб-Караганского полуострова, откуда начинались торговые пути в Азию. Однако, отказавшись от дальнейшего путешествия по степи, Эльтон и Грэм отправились в иранский Решт, где выгодно реализовали все свои товары¹. В 1739 г. Джон Эльтон удостоился аудиенции Надир-шаха Афшара (1736–1747) в Астрабаде, где получил разрешение на свободную торговлю без местных посредников по всей стране.

В 1740 г. капитан Эльтон убедил представителей знаменитой английской Московской компании (The Muscovy Company, The Russian Company, The Muscovy Trading Company)² поддержать его деятельность, направленную на установление постоянного британского присутствия на Каспии. Поскольку с 1734 г. торговцы компании уже имели разрешение торговать с Ираном через Россию, используя российские суда для пересечения Каспийского моря, в 1741 г. британский парламент санкционировал проект Эльтона.

Построив в Казани два судна и набрав смешанный экипаж из англичан и русских, Джон Эльтон отправился в 1742 г. в качестве суперкарга под английским флагом через Каспийское море в иранский порт Энзели с грузом товаров Московской компании. Спустя непродолжительное время выяснилось, что обычные торговые операции в Северном Иране были далеки от истинных интересов английского капитана.

В самом конце 1742 г. в Санкт-Петербург пришло донесение от российского посла В. Ф. Братищева (1742–1748) относительно враждебных намерений Надир-шаха, которому окружение внушало идею о легком нападении на Россию, и между такими находится англичанин Эльтон, построивший себе корабль на Каспийском море; на этом корабле Эльтон изъявлял готовность перевозить людей и съестные припасы в случае похода шаха на Россию³; но, как видно, самым сильным побуждением к походу в Россию служило для Надира желание загладить бесславие неудачного похода против горских народов.

¹Это путешествие легло в основу написанной участниками экспедиции книги Elton J. and Graeme M. *A Journey through Russia into Persia by Two English Gentlemen*. L., 1742.

²Русская, или Московская торговая компания, полное русское название — «Общество английских купцов-искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и досель морским путем не посещаемых».

³*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., Товарищество «Общественная Польза», 1851–1879. Кн. 5. Т. XXI. Глава вторая. С. 202.

Известный российский историк и государственный деятель П. Г. Бутков (1775–1857) пишет: «В 1742, 1743 и 1744 г. Эльтон с Англичанином же Воордоорфом плавал по Каспийскому морю и снял оному карту. Персияне имели только одни сандалы и киржимы¹ на Каспийском море. Шах Надыр много прилагал трудов, чтоб строить корабли на Каспийском море по европейскому манеру, и для сего в 1743 г. принял к себе в службу помянутого Элтона. Первая услуга, какую Эльтон хотел оказать Надыру состояла в том, что он доношением шаху вызывался услужить ему кораблем своим в перевозе провианта и войск в российскую сторону»².

Оставаясь служащим Московской компании и пользуясь всеми привилегиями, предоставленными Россией, Эльтон вскоре открыто перешел на службу иранскому монарху, в интересах которого он дважды осуществлял транспортировку необходимого военного снаряжения в Баку и проводил исследование дагестанского побережья для похода Надир-шаха против лезгин.

В 1743 г. российские власти обвинили Эльтона в шпионаже, осуществлении контрабандных перевозок, строительстве военных кораблей для иранцев по европейскому образцу. В том же году для изучения деятельности на российско-иранской границе Джона Эльтона в Иран из Санкт-Петербурга был отправлен агент компании Джонас Хэввэй (Jonas Hanway, 1712–1786)³. Прибыв в Решт 3 декабря 1743 г., Хэввэй застал Эльтона за деятельной постройкой военных судов для Ирана. Выстроенный 20-пушечный корабль был отдан под командование Эльтона, которому Надир-шах присвоил звание «адмирал Каспийского моря» и приказал принуждать россиян на море и на суше салютовать иранскому военно-морскому флагу.

Опасаясь испортить отношения с Россией, Московская компания в октябре 1744 г. потребовала от своего служащего немедленно покинуть Иран. 10 октября 1744 г., по возвращении в Астрахань из Ирана очередного судна британского подданного Ханса Бардевика «Император России», российских таможенников удивил факт отсутствия Эльтона на корабле. Шкипер Томас Вудро пояснил, что последний задержался в Иране по торговым делам. Однако русские матросы Петр Степанов и Федор Иванов решительно опровергли утверждение английского шкипера и сообщили, что Эльтон активно занимается строительством в Лангеруде 40-пушечного военного корабля для Надир-шаха.

15 марта 1745 г. российский Сенат переслал эту важную новость в Иностранную коллегию. Новый российский канцлер А. П. Бестужев-Рюмин (1693–1766), находившийся, как известно, на содержании западноевропейских

¹ Плоскодонные мелкие суда или небольшие лодки.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 221–222.

³ Hanway J. A Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea, with a Journal of Travels from London through Russia into Persia. London, 1753. Vol. I. P.105–106.

дипломатов (преимущественно британских и австрийских), несмотря на обещания не предпринимал никаких необходимых мер.

В ответ на обращение Московской компании Эльтон прислал приказ Надир-шаха от 19 ноября 1945 г., согласно которому шах запрещал англичанину покидать Иран. Никакого воздействия на Эльтона не возымели последовавшие обещания денежного вознаграждения от компании и предоставления должности в морском флоте от британского правительства. Эльтон утверждал, что у него перед Россией нет никаких личных обязательств, а как британец он может законно служить любому правителю, который находится в дружественных отношениях с Великобританией.

Английская компания оказалась в сложном положении. Джон Эльтон был одним из руководителей гиянской конторы компании, которая владела несколькими судами для перевозки товаров по Каспийскому морю. Одним из руководителей второй конторы, которая располагалась в Мешхеде, был голландец Мартин Куик ван Мироп (Martin Kuuck van Mierop), натурализованный в Великобритании в 1740 г. по решению британского парламента. Джонас Хэнвэй высоко отзывался о деловых качествах голландца, который успешно торговал в Хорасане с 1742 г., и отмечал, что благодаря его усилиям у компании всегда была подробная информация о состоянии торговли в прилегающих к Мешхеду областях Ирана¹.

После того, как из-за Эльтона стали ухудшаться отношения с российскими властями в Астрахани и с российским консулом в Гиляне, учредители компании объединили обе конторы в Иране под руководством ван Мироп и сотрудников, к которым у российских властей не было претензий².

Тем временем в Санкт-Петербурге Бестужев всяческими способами уклонялся от выполнения приказа императрицы от 5 мая 1746 г. пресечь деятельность Эльтона на Каспии. После нескольких безответных обращений членов Адмиралтейской коллегии сенаторы запросили 18 августа 1746 г. у канцлера решительных объяснений, которые также не были даны.

В августе 1746 г. было получено известие, что некий иранский пушечный корабль подошел к Дербенту и потребовал от русских судов салютовать ему, «а командир и его команда били и другие озлобления делали русским купцам»³.

¹ *Hanway J.* A Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea, with a Journal of Travels from London through Russia into Persia. London, 1753. Vol. I. P. 69, 295.

² *Aslanian S.* Trade Diaspora versus Colonial State: Armenian Merchants, the English East India Company, and the High Court of Admiralty in London, 1748–1752 // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. Toronto, 2004. Vol. 13. №. 1. P. 68. *Van Niekerk J. P.* The Development of the Principles of Insurance Law in the Netherlands from 1500 to 1800. Verloren, 1998. Vol. 1. P. 629.

³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., Товарищество «Общественная Польза», 1851–1879. Кн. 5. Т. XXII. Глава вторая. С. 450.

26 августа 1746 г. императрица Елизавета Петровна в ультимативной форме потребовала от Бестужева отменить все привилегии, предоставленные английской Московской компании, и согласовать с Сенатом план действий по уничтожению двух военных кораблей, выстроенных Эльтоном для Надир-шаха: «английскую коммерцию в Персию теперь непременно пресечь и английскому послу о том объявить; а каким бы образом это заведенное у персиян строение судов вовсе искоренить, о том в Сенате вместе с коллегиею Иностранных дел советоваться и меры без упущения времени принимать»¹.

22 сентября 1746 г. российские сенаторы, всерьез обеспокоившиеся происками Эльтона и шаха Надира на Каспии, в очередной раз обратились к императрице, которая наконец дала согласие на кардинальное решение проблемы, превратившейся в угрозу национальным интересам.

Медлить было нельзя, поскольку 11 декабря 1746 г. команда российского гекбота «Рафаил» под командованием мичмана Михаила Рагозео воочию убедилась в реальности иранского военного флота во время встречи у Дербента с одним из кораблей, построенных Джоном Эльтоном. По описанию М. Рагозео, это было 3-мачтовое судно длиной в сотню футов, на котором из 24 пушечных портов было занято всего пять². На корабле, капитаном которого был англичанин «Якоб Британ», а старшим помощником — Андрей Арий, был поднят «флаг синей, в середине желтой лев и над ним солнечные лучи желтые ж, гуис синей з желтым, полосатой с угла на угол, вымпель таким же манером, а хвосты синия»³.

Подготовка операции по нейтрализации деятельности Джона Эльтона заняла около одного года и была крайне затруднена вследствие стремительно менявшейся внутривосточной ситуации в Северном Иране. В июне 1747 г. Надир отправился в карательный поход против своего племянника Али-кули хана, перешедшего на сторону восставших жителей Систана, которые были не в силах заплатить колоссальную подать шаху. 20 июня 1747 г. в военном лагере под Хабушаном Надир заявил о намерении казнить следующим утром свою гвардию, которую он заподозрил в измене и тайном сговоре с мятежным Али-кули-ханом. Ночью в шатер шаха проникла группа офицеров-заговорщиков. Они убили спящего Надира, отрезали ему голову и, водрузив ее на острие копья, доставили Али-кули-хану.

Как только о гибели Надир-шаха стало известно в Санкт-Петербурге, императрица Елизавета распорядилась 1 сентября 1747 г. созвать совет в Коллегии иностранных дел для обсуждения иранских дел и разработки нового плана действий с участием генерала графа П. А. Румянцева-Задунайского (1725–1796), генерал-прокурора князя Н. Ю. Трубецкого (1699–1767), генерал-адъютанта А. Б. Бутурлина (1694–1767), генерал-аншефа С. Ф. Апраксина (1702–1758),

¹ Там же.

² Корабельные пушки были отлиты по чертежам Эльтона.

³ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1747. Д. 15. Л. 36.

тайного советника и кабинет-секретаря императрицы барона И. А. Черкасова (1692–1758).

7 сентября совет принял решение воспользоваться внутренней иранской смутой для искоренения деятельности Эльтона. Члены совета согласились поручить российскому резиденту в Реште Ф. Л. Черкесову нанять местных гилянцев с тем, чтобы последние незамедлительно сожгли или уничтожили все построенные и строящиеся корабли, здание адмиралтейства, склады, подсобные помещения, инструменты и приспособления. Исполнителям этого плана предусматривалось выделить из государственной казны щедрое вознаграждение. В случае возможной неудачи совет предусмотрительно рассчитывал обязать капитанов судов, на которых доставляли российский хлеб в Иран, в случае встречи с кораблями, построенными Эльтоном, тайно или явно способствовать их уничтожению. Командирам малых судов было предписано скрытно или под видом разбойников отправиться в Лангеруд и, обнаружив там находящиеся корабли, сжечь их вместе со строительной верфью и адмиралтейством. В отношении самого Джона Эльтона члены совета распорядились доставить англичанина живым в Астрахань любым способом (уговоры, похищение, выкуп у иранцев).

Непосредственное руководство на месте было поручено осуществлять Ф. Л. Черкесову, который с июля 1747 г. исполнял обязанности посла после отъезда М. М. Голицына (1684–1764)¹. Официальный приказ о начале Лангерудской операции Черкесов получил 2 января 1748 г. Резидент дважды подсылал к Эльтону своего разведчика — грузина Давида Беджанова, который под видом покупки пшена посетил хозяйство англичанина с 12 по 23 января и с 29 апреля по 2 мая 1748 г. и узнал всю необходимую информацию.

Для выполнения важного правительственного задания из Астрахани прибыли два корабля под командой М. Рагозео и И. В. Токмачева. Россияне планировали на двух больших лодках напасть на Лангеруд и, уничтожив корабли Эльтона, уйти в море. Поскольку Черкесов располагал только плоскодонками, на которых выходить в открытое море было невозможно, Рагозео 24 июня вернулся в Астрахань. Он отыскал две восьмивесельные лодки, но погрузить на галиот «Нонпарель» сумел только одну. Заручившись обещанием астраханского губернатора И. О. Брылкина (1709–1788) обеспечить доставку второй лодки, Рагозео отплыл в середине июля в Иран.

В апреле 1748 г., воспользовавшись иранскими беспорядками, Джон Эльтон стал правителем Лангеруда, что значительно осложнило выполнение российского плана по прекращению его кораблестроительной деятельности.

¹ Известный соратник Петра Великого Михаил Михайлович Голицын привез из Ирана персиковые деревья и стал выращивать в своих оранжереях первые в России персики. См. Интродукция растений и зеленое строительство. Издательство АН СССР. М., 1955. С. 31.

Кроме того, во время осенних штормов россияне потеряли одну из лодок, которые были необходимы для осуществления плана. Ответственные за Лангерудскую операцию были вынуждены временно удовлетвориться известиями о том, что все работы на верфи Джона Эльтона прекратились из-за иранских раздоров и боевых действий.

Летом 1750 г. правителем провинции Гилян стал хаджи Ага Джамал-хан Фумани, который по получении информации о значительных денежных средствах, предоставленных Джону Эльтону на постройку флота Надир-шахом, решил завладеть ими. Новый консул Иван Данилов, прибывший в Энзели в октябре того же года, поощрял это намерение в надежде на успешное разрешение проблем с иранскими кораблями для России, которая со времен царя Алексея Михайловича не допускала наличия военных судов иностранных держав на Каспии.

Непосредственный повод для нападения на Лангеруд дал сам Эльтон, занявшийся политическими интригами и вступивший в тайную переписку с правителем Астрабада и Мазандерана кадждаром Мухаммад-Хасан-ханом (1722–1759), который был региональным соперником хаджи Ага Джамал-хана и стремился к захвату Гиляна. В марте 1751 г., когда правителю Гиляна стало известно о секретной переписке англичанина с главой астрабадских кадждаров, которому Эльтон предложил свои услуги, хаджи Ага Джамал-хан приказал своему военачальнику полковнику Ади-беку совершить набег на Лангеруд. В распоряжении Ади-бека был отряд в тысячу человек, которому была поставлена задача, овладев крепостью-адмиралтейством, все возможное уничтожить, а англичанина взять в плен. Боестолкновения не произошло, так как около полусотни наемных армян-охранников, все сотрудники «адмирала» и сам Эльтон отказались сопротивляться и сложили оружие. Ади-бек сжег верфи, мастерские, недостроенный пятый корабль; разрушил адмиралтейские укрепления и дом Эльтона. Лангеруд был разграблен войсками Ади-бека, а арестованный Джон Эльтон был доставлен 18 апреля 1751 г. в Решт.

22 июля 1751 г. астраханский губернатор И. О. Брылкин получил приказ от Иностранной коллегии отправить в Иран два корабля с командой для проведения диверсии против кораблей Джона Эльтона, а самого англичанина доставить в Россию. Командир астраханского порта лейтенант в ранге майора Андрей Абалешев рекомендовал годными к срочному походу два судна: 10-пушечный гекбот «Святой Илья» и 12-пушечную шняву «Святая Екатерина». По понятным причинам Брылкин назначил командовать экспедицией и гекботом мичмана М. Рагозо, а шнявой — мичмана И. В. Токмачева. Набранные экипажи (по 50 матросов на корабль) погрузили порох с ядрами, книпеля¹, картечь из расчета

¹Книпель (книппель, от голландского «knippen» — «дубинка») — снаряд корабельной артиллерии в эпоху парусников, предназначавшийся для разрушения судового такелажа, который обычно состоял из двух чугунных ядер, соединенных железным стержнем, и напоминал по форме спортивную гантелю.

по 12 выстрелов на орудие, 100 трехфунтовых гранат, 30 фунтов иранской нефти высшей очистки и пр. 7 августа Брылкин вручил М. Рагозео инструкцию к действиям из девяти пунктов, и на следующий день корабли взяли курс к иранским берегам.

В самом Иране события разворачивались довольно стремительно. Узнав о набеге на Лангеруд, захвате кораблей и пленении Эльтона, Мухаммад-Хасан-хан Каджар спешно отправился в поход на Решт против местного губернатора. Готовясь к отражению нападения, хаджи Ага-Джамал-хан Фумани призвал на помощь пленного англичанина, очевидно, рассчитывая использовать его способности как представителя европейского военного искусства. Отказавшийся помочь в организации обороны Решта Джон Эльтон был застрелен после известия о подходе к городу сторонников Мухаммад-Хасан-хана¹.

Джон Эльтон был способным и высокообразованным человеком своего века с немалыми познаниями в самых разных отраслях: от картографии, геодезии, фортификации, астрономии до кораблестроения и артиллерии, однако, в международной обстановке и окружавшей иранской действительности он разбирался недостаточно хорошо. Организовав международный скандал с участием по меньшей мере двух великих держав и сознательно ввязавшись в политические интриги в условиях тяжелейшего внутреннего кризиса в Иране, невозможно было рассчитывать на бесконечную благосклонность фортуны. Лучшую характеристику, на наш взгляд, капитану Джону Эльтону дал его знаменитый шотландский тезка и автор плана британской колонизации Персидского залива Джон Малькольм (1769–1833), назвав своего предшественника в Иране «предприимчивым, но неблагоприятным англичанином»².

16 сентября 1751 г. российская экспедиция под началом Рагозео прибыла в Решт, где сотрудники консула Данилова, скончавшегося 1 сентября, сообщили о судьбе Эльтона. М. Рагозео и И. В. Токмачеву оставалось уничтожить четыре корабля, которые, согласно разведанным, захватил победивший Мухаммад-Хасан-хан. Россияне обнаружили точное место стоянки двух крупных судов, находившихся без охраны, и, переодевшись пиратами, в ночь на 28 сентября 1751 г. под началом И. В. Токмачева на двух шлюпках скрытно подошли, облили нефтью и полностью сожгли оба трехмачтовых

¹ *Perry, J. R.* Elton, John (?–1751), English merchant, seaman and shipbuilder for Nāder Shah Afšār. <http://www.iranicaonline.org/articles/elton/>. Дата обращения 22.04.2016. По версии Э. И. Карлайла, Джон Эльтон был застрелен в дороге после известия о том, что значительная часть жителей Решта поддержала сторонников Мухаммад-Хасан-хана Каджара. См. *Carlyle E. I.* Elton, John (d. 1751). *Dictionary of National Biography*. Ed. S. Lee. L., Smith, Elder & Co. Supplement 1901. P.186.

² «Enterprising but indiscreet Englishman». См. *Malcolm J., Sir.* *History of Persia*. L., 1815. V. II. P.102.

корабля Эльтона¹. От поиска двух малых ботов пришлось отказаться, поскольку идти морем на восток к Астрабадскому заливу в сезон осенних штормов на Каспии было опасно. Посчитав задачи экспедиции выполненными, Рагозео и Токмачев приняли решение о возвращении в Россию. Михаил Рагозео заболел и скончался на корабле у иранской Астары 5 октября 1751 г., а Токмачев со товарищи благополучно возвратились в Астрахань 23 октября.

1 ноября 1751 г. И. О. Брылкин послал в Санкт-Петербург реляцию об исполнении высочайшего указа, приложив к ней копию с рапорта И. В. Токмачева. Спустя год 11 сентября 1752 г. астраханский губернатор Брылкин осмелился напомнить о том, что моряки надеются на награду и обращаются к нему с соответствующими просьбами. Очевидно, что кроме Бестужева, с новой депешей Брылкина удалось ознакомиться и императрице. 27 ноября 1752 г. она распорядилась всех участников сожжения кораблей Эльтона повысить в звании на один ранг и положить им денежные премии².

Примечательно, что «дело Эльтона» повлияло не только на российско-британские связи, но и на отношения России с Голландией, правительство которой настойчиво пыталось получить разрешение на транзитную торговлю с Ираном наравне с англичанами и армянами. После того, как англичане лишились права транзита товаров в Иран через Россию из-за военно-политической деятельности Джона Эльтона, торговый договор с голландцами так и не был подписан, несмотря на все усилия голландской стороны и обещания, данные россиянами голландскому послу в феврале 1746 г.

Васильева Д. О. (ГЭ, Санкт-Петербург)

О фрагментах сефевидского бархата на переплете «Хамсе» Низами из собрания Российской национальной библиотеки

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится список «Хамсе» Низами, одна из частей которого датирована 1 зулькада 1058 г. х. / 17 ноября 1648 г. (РНБ, шифр ПНС 66). Книга переписана в Средней

¹ Согласно описанию И. В. Токмачева, один из кораблей при длине около 30,5 м и ширине около 6,7 м был рассчитан на 24 пушки в двух деках, а второй при длине около 27,4 м и ширине около 6,7 м — на восемь пушек. Рапорт мичмана И. Токмачева от 12(23) октября 1751 г. АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1, 1751. Д. 5. Лл. 310–311 об. См. приложение IV.

² *Писаренко К. А.* Вступительная статья: Рапорт мичмана И. Токмачева, 1751 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Вып. 19: [альманах]. М., «Рос. Фонд Культуры», «Российский Архив», 2010. (Новая серия). С. 41–45. <http://feb-web.ru/feb/rosarc/raj/raj-0412.htm>

Азии и включает 61 миниатюру работы нескольких художников¹. Рукопись была поднесена Александру II от имени Бухарского эмира Музаффар ад-Дина и вошла в собрание Императорской Публичной библиотеки в 1876 г².

Наше внимание привлекло необычное текстильное оформление этой рукописной книги. Помимо двух поздних чехлов, одного — выполненного из среднеазиатского полушелкового иката с геометрическим орнаментом желтого, синего, белого и зеленого цвета на малиновом фоне, и второго — из атласа, украшенного растительным узором розового и сиреневого тонов, пущенным по фону из чередующихся узких зеленых и широких кремовых полос и, по-видимому, являющегося образцом ткани европейского производства, оно включает два панно из разрезного бархата, украшающих внешние крышки переплета рукописи (размер крышек 39,3 × 24,6 см; размер панно 37,7 × 22,6 см).

Панно обеих крышек идентичны друг другу, но составлены по принципу зеркальной симметрии. В центре каждой композиции расположена женская фигура (высота фигур: 33,2 × 19,1 см (верхняя крышка), 35,6 × 19 см (нижняя крышка)), выполненная в трехчетвертном повороте. Она погружена в абстрактное, не заполненное деталями пространство фона, обозначенного глубоким фиолетовым тоном. Женские изображения отличаются чередованием оттенков цветов, используемых для разработки деталей костюма.

На первый взгляд, оба панно кажутся выкроенными из единого куска ткани, однако детальное изучение состояния сохранности данных образцов текстиля позволяет обнаружить значительные потертости ворса на женских фигурах, отсутствующие в фоне. Кроме того, ни насыщенный фиолетовый цвет фона, ни отсутствие заполнения фона стилистически не характерны для предполагаемого времени изготовления бархатов с женскими изображениями этого типа. Как удалось установить благодаря макросъемке, подтвердившей предварительные выводы, полученные в ходе визуального осмотра, фигуры на обеих крышках были аккуратно вырезаны по конуру и вклеены в специально проделанные в прямоугольных фрагментах фиолетового бархата прорези, оказавшись буквально «инкрустированы» в них. Использование этого приема объясняет происхождение неравномерных повреждений фигур и фона и дает веское основание для того, чтобы рассматривать их в качестве тканей, изготовленных в разное время. С известной осторожностью мы можем отнести время производства подложенного фона к второй половине XIX в., однако без учета химического анализа красите-

¹ Акимушкин О. Ф., Иванов А. А. О мавераннахрской школе миниатюрной живописи XVII в. // Народы Азии и Африки. М., 1968. № 1. С. 134–135. Миниатюры этого списка опубликованы в: Миниатюры к «Хамсе» Низами / Сост. и авт. предисл. Ф. Сулейманова. Ташкент, 1985. Ил. 164–206.

² Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1876 год. СПб., 1878. С. 200–201. Благодарю заведующую сектором восточных фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки О. В. Васильеву за предоставленные сведения.

лей установить окончательные выводы об атрибуции и локализации этой ткани затруднительно.

Фигуры, вклеенные в однотонный бархатный фон, выполнены в гораздо более сложной технике. Ткани этого типа относятся к разрезным бархатам с участками без ворса (*voided*). Рисунок создан с помощью дополнительных основных нитей, образующих цветной ворс. Металлические (золоченые) нити, пряденые на желтый и ярко-оранжевый шелк, на лицевой стороне ткани образуют саржевое переплетение Z-направления. Эти нити появлялись на поверхности на участках, не закрытых ворсом согласно рисунку. Сейчас они хорошо просматриваются на участках, имеющих повреждения и потертости ворса, в особенности в тех местах, где когда-то были введены черные шелковые нити, сейчас почти полностью разрушенные. С помощью ворса черного цвета были очерчены фигуры и контуры лиц, а также разработаны складки одежды.

Кроме того, для создания ряда деталей одежды дополнительно введены нити букле из серебряных и золоченых нитей, пряденых на белый и ярко-оранжевый шелк. Нити букле имеют значительные повреждения металла, обнажившие шелковый сердечник. Вытянутые петли этих нитей рельефно выделяются над поверхностью разрезного ворса, придавая разработанным ими деталям объемную фактуру.

Стилистический анализ женских изображений, включенных в декоративное оформление переплета, позволяет отнести их к работе сефевидских ткачей первой половины — середины XVII в., при этом трактовка тканых «портретов» обнаруживает явное европейское влияние. Технологические особенности изготовления данной ткани в целом также согласуются с предложенной датировкой и характерны для бархатов этого периода. Несомненно, ранее оба фрагмента составляли часть рисунка одной и той же ткани.

Тогда как наиболее ранние известные полихромные сефевидские бархаты с сюжетными рисунками восходят ко второй половине XVI в., черты внешности изображенных женщин, их прически и эклектичный стиль одежды находят параллели с обширной группой иранских разрезных бархатов с участками без ворса (*voided*) с отдельно стоящими женскими или мужскими фигурами, относимых к более позднему периоду. Фон этих бархатов оказывается неизменно заткан металлической нитью. Известные образцы таких бархатов, связываемые с твердыми датами, датируются началом — первой половиной XVII в. Трактовка представленных на них персонажей следует традициям иранской художественной школы XVII в., обнаруживая стилистическое сходство с произведениями сефевидских рисовальщиков и живописцев. В то же время их одеяния, прически, а в отдельных случаях и черты лиц зачастую выполнены не в традиционной манере, но в значительной степени стилизованы в подражание европейскому вкусу.

Именно в этот период в Иране получают распространение портретные изображения молодых мужчин и женщин, одетых по европейской моде или

облаченных в восточные костюмы, в том числе с элементами смешения стилей, представленные как в виде отдельно стоящих фигур, так и среди участников многофигурных сцен. Помимо рисунков, выполненных на бумаге, такие изображения включались в программу архитектурного декора столичных дворцовых и парковых ансамблей в виде произведений настенной живописи и панно, выполненных из наборных фаянсовых изразцов. Очевидно, эти своеобразные «портреты» не были призваны воплощать конкретные типы населения, существовавшие в то время в полиэтническом и многоконфессиональном государстве Сефевидов, но, скорее, отражали новые художественные веяния, привнесенные с проникновением в Иран образцов западной живописи и привлечением европейских рисовальщиков.

Костюм девушки на верхней крышке переплета состоит из ярко-желтого платья в пол и надетой поверх него распашной бледно-розовой кофты (лифа), застегнутой на белые пуговицы, в верхней части тесно облегающей и подчеркивающей грудь. Короткие рукава кофты заканчиваются объемными фестончатыми валиками, разработанными нитями букле из белого шелка, спряденного с серебряной нитью. Подобным валиком оформлен и нижний край кофты с клиновидным вырезом спереди. Под грудью пропущена широкая лента, намеченная с помощью нитей букле из спряденного с позолоченной нитью ярко-оранжевого шелка. Из-под горловины кофты выглядывает широкий белый отложной воротник, собранный складками, предположительно обозначающий накрахмаленный стоячий воротник нижней рубашки. Длинные рукава платья украшены белыми фестончатыми манжетами. На девушке надето ожерелье из двух ниток светло-оранжевых бусин с центральной вставкой в виде четырехлепестковой розетки, в ушах красуются золотые серьги каплевидной формы. Золотистые локоны ее волос зачесаны наверх, аккуратно уложены и разделены пробором. Высокая взбитая прическа украшена двумя жемчужинами (?), возможно, являвшимися собой часть головного убора, срезанного на обоих фрагментах, или же схематично обозначающими вплетенные в волосы цветы. На круглом лице выделяются огромные светло-карие глаза с высоко поднятой дугой бровей и глубокой складкой верхнего века, отмеченной розовой линией, и маленький, аккуратно очерченный рот. В руках молодая женщина держит яркую красно-розовую шаль. Дополняет ансамбль предмет песочно-коричневого цвета, напоминающий широкую кисть, который закреплен на длинном лимонно-желтом шнурке у переднего края кофты.

Таким же образом, но с использованием несколько иной цветовой гаммы, решен костюм юной красавицы на парной крышке переплета. Ее платье разработано шелком песочного-коричневого цвета. На кофте бледно-зеленоватого оттенка, подобранной в тон шали, нашиты оранжево-красные застежки-пуговицы. Шею и грудь девушки украшают две низки розовых бус. Кисть, спускающаяся с пояса, окрашена в лимонно-желтый цвет.

Стиль причесок и ряд деталей костюма, изображенных на бархатных панно, подражают образцам венецианской моды второй половины XVI в. В то же время причудливое сочетание деталей одежды, трактовка наглухо застегнутой верхней кофты при одновременном подчеркивании обнаженной груди и глубокого выреза декольте, в действительности отсутствующего, говорят о том, что эскиз рисунка для этой ткани и разработка соответствующей ткацкой схемы выполнялись отнюдь не европейскими, но именно сефевидскими мастерами, вдохновленными работами европейских художников. Постановка фигуры в трехчетвертном повороте, полублегающий силуэт платья, спускающегося мягкими складками и выделяющего округлые формы девушки, изгибы ее тела, изображенного в типично сефевидском вкусе в соответствии со сложившимися в это время в Иране эстетическими канонами, лишь подкрепляют наше предположение. Очевидно, при создании эскиза для ткацкого рисунка ряд деталей в трактовке женских образов был позаимствован из произведений западных живописцев, например, итальянских гравюр или одного из европейских «альбомов костюмов» со сценами венецианской жизни.

Среди изображений дам, встречающихся на иранских сюжетных бархатах XVII в., пока не удалось обнаружить идентичные женские фигуры. Таким образом, мы можем рассматривать данные фрагменты как часть ранее неизвестного рисунка бархата — одного из замечательных образцов художественного текстиля сефевидского времени. Высочайшее качество исполнения этих фрагментов позволяет поставить их в один ряд с наиболее яркими аналогиями, связываемыми как с сефевидским, так и сефевидско-могольским ткацким производством XVII в.

В отдельных случаях такие ткани являлись подписными работами. Появление подписей-меток на иранских фигурных бархатах свидетельствует об исключительной значимости, которая придавалась авторству сюжетов произведений художественного текстиля столь сложной выработки и изящного рисунка самими художниками и мастерами-*накишбандами*.

В основу сюжета, занимающего особое место среди иранских бархатов этого периода, легла сцена с изображением Святого семейства. В настоящее время один фрагмент этого бархата хранится в Museo Civico Correr в Венеции¹. Считается, что эта ткань была поднесена венецианскому дожу Марио Гримани в 1603 г. в качестве дипломатического подарка от Шаха Аббаса I. В этой связи также следует упомянуть два христианских сюжета, включенных

¹ A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present / Ed. by A. U. Pope and Ph. Ackerman. London and New York: Oxford University Press, 1939. Vol. VI. Pl. 1061 B; Mackie, Louise W. Symbols of Power. Luxury Textiles from Islamic Lands. 7th — 21st Century. The Cleveland Museum of Art, 2015. P. 374–375, cat. no. 9.34. Второй известный фрагмент ткани этого рисунка был опубликован в журнале “HALI” в 1999 г. См.: Christie’s. Art of the Islamic and Indian Worlds Including Art from The Collection of Dr. Mohammed Said Farsi. London. 5 October 2010. P. 205.

в уникальную композицию облачения христианского священника из коллекции Музея Виктории и Альберта¹. Здесь в сценах Благовещения и Распятия появляются изображения Девы Марии и Марии Магдалины. Данное облачение, выполненное из шелка, изготовлено, однако, не в технике бархата, а в технике ворсового ковроточного качества.

Прочие известные рисунки иранских бархатов XVII в., на которых присутствуют женские изображения, не имеют прямой связи с христианскими сюжетами. К одной из групп этих тканей относится сцена, возможно, опосредованно все же испытавшая влияние христианского искусства. На ней изображена мать с младенцем на руках, прогуливающаяся на лоне природы в окружении домашних животных — собаки и кошки. Пространство сада обозначено раскидистым плодоносящим деревом граната, покачивающимся на ветру кипарисом и многочисленными цветами, заполняющими фон. Необычная трактовка женского образа: тяжеловесность фигуры, нехарактерный для сефевидского стиля костюм с верхней накидкой, наброшенной на плечи, перехваченной под рукой и задрапированной складками, босые ступни, черные локоны волос, собранные в сложную прическу, головной убор, напоминающий венок, заставляли некоторых исследователей искать в нем индийские черты. Ткань этого рисунка, датируемая началом XVII в., известна в нескольких фрагментах, один из которых хранится в David Collection в Копенгагене². Длинный отрез той же ткани находится в Национальном музее Токио³. Еще один отрез этого бархата был выставлен на продажу на аукционе Christie's в 2010 г⁴. Квадратный лоскут точно такого же рисунка выставлялся в галерее Francesca Galloway в 2011 г⁵.

Схожая трактовка женской фигуры появляется на бархате с именем 'Абдаллах, возможно, являющегося меткой мастера. Один из известных фрагментов этой ткани находится в Текстильном музее в Вашингтоне⁶. Два образца ткани

¹ Stanley T. Palace and Mosque. Islamic Art from the Victoria and Albert Museum : exh. cat. V&A Publications, 2004. P. 40–41, pl. 53–55.

² Sultan, Shah, and the Great Mughal. The history and culture of the Islamic world : exh. cat. The National Museum, Copenhagen, 1996. P. 280, cat. no. 260.

³ URL: http://www.tnm.jp/modules/r_collection/index.php?controller=dtl&colid=TI480&t=type&id=44 (дата обращения 5.04.2017 г.)

⁴ Christie's. Art of the Islamic and Indian Worlds Including Art from The Collection of Dr. Mohammed Said Farsi. London. 5 October 2010. P. 202–205, Lot 248.

⁵ URL: http://islamicartsmagazine.com/magazine/view/islamic_courtly_textiles_and_trade_goods_from_the_14th-19th_century/ (дата обращения 5.04.2017 г.)

⁶ Woven from the Soul, Spun from the Heart. Textile Arts of Safavid and Qajar Iran. 16th–19th Centuries. Ed. by Carol Bier. The Textile Museum. Washington, 1987. P. 239, cat. no. 55. По-видимому, этот же фрагмент опубликован в альбоме, изданном Зарре и Мартином по случаю проведения Мюнхенской выставки шедевров мусульманского искусства 1910 г., как принадлежавший частному владельцу (А. Figdor) в Вене:

этого рисунка, ранее принадлежавшие коллекции Bacri frères, были проданы на аукционе Sotheby's в марте 2017 г¹. Молодая женщина, изображенная на этом бархате, держит в руках бутылку и чашу. Она облачена в накидку, один из концов которой перекинут через руку. Ее темные волосы убраны в подобие шапочки, сплетенной из жемчужной сетки.

Компоновка сцен на другом рисунке, выделяемом в группе этих бархатов, развернута по горизонтали. Технический раппорт рисунка составляет свыше 200 × 70 см. Фигуры представлены в наибольшем масштабе, известном для бархатов этого времени. Считается, что необычное расположение фигур, вытканых по горизонтали, на ширину ткацкого станка, предполагало использование этой ткани в качестве настенного панно. На тканой картине в одном ряду расположены четыре женские фигуры в стилизованных европейских костюмах и головных уборах, разделенные на две пары, обращенные лицами друг к другу и запечатленные в движении. Фигуры отделены друг от друга китайскими облаками *чи*, кустами стилизованных цветов, цветами ириса и гвоздики. Одна из девушек несет бутылку с шаровидным туловом, придерживая фрукты, высыпанные в подол платья. Вторая, обернувшись к ней, одной рукой прижимает к груди широкую чашу, а в другой руке держит кувшин европейской формы. Следующая молодая женщина, надев на руку специальную перчатку, обучает ловчую птицу, в то время как четвертая тянет на поводке заливающуюся лаем левретку. Контуры верхних век на лицах девушек очерчены аналогично тому, как подведены линии век на рассматриваемых фрагментах с переплета рукописи «Хамсе». В целом этот прием нехарактерен для иранского искусства и в обоих случаях использован для придания более выразительных «европейских» черт женским образам. Поскольку при изображении лиц глубокая складка верхнего века иранскими художниками традиционно не обозначалась, более он не повторяется ни в сюжетных тканях, ни в живописных работах этого времени.

Sarre F., Martin, F. R. Die Ausstellung von Meisterwerke Muhammedanische Kunst in München, 1910. München, 1912. Bd. 3. Die Stoffe. Die Waffen. Holz und Elfenbein. Kat. Nr. 2346, Taf. 192.

¹ Sotheby's. Bacri Frères Antiquaires, Paris — Collection Jacques Bacri. Paris. 30 March 2017. Lots 54–55. URL: <http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2017/collection-bacri-pf1719/lot.54.html> (дата обращения 5.04.2017 г.), URL: <http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2017/collection-bacri-pf1719/lot.55.html> (дата обращения 5.04.2017 г.). Еще один из образцов бархата этого рисунка был опубликован А. А. Поупом в 1939 г. как принадлежавший той же коллекции: A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present / Ed. by A. U. Pope and Ph. Ackerman. London and New York: Oxford University Press, 1939. Vol. VI. Pl. 1043. По всей вероятности, именно этот фрагмент был опубликован Мартином в 1899 г. как предмет, хранящийся в Лионском музее тканей: Martin F. R. Figurale Persische Stoffe aus dem Zeitraum 1550–1650. Stockholm, 1899. Taf. 4.

Отрезы ткани с этим сюжетом находятся в музее Cooper-Hewitt в Нью-Йорке¹, Национальном музее в Дели², Королевском музее Онтарио³, Keir Collection в Лондоне⁴. Еще один кусок этой материи был продан в 2009 г. на аукционе Sotheby's⁵ и вошел в коллекцию Музея исламского искусства в Дохе. Л. Макки связывает изготовление этой сюжетной ткани с городом Йазд, прославленным центром текстильного производства Сефевидского Ирана. Бархат с изображением девушки, копирующим в уменьшенном масштабе одну из четырех европейских красавиц, представленных на образцах упомянутого рисунка, находится в собрании Чарторыйских в Кракове⁶.

В отличие от предыдущей сцены, компоновка пар женских фигур следующей группы бархатов располагается по вертикали и развернута вдоль центральной оси симметрии. Один из рисунков этих бархатов подписан тканой меткой с именем Шафи (Сафи). Отрезы этой драгоценной материи принадлежат собранию Keir Collection в Лондоне⁷ и Королевскому музею Онтарио⁸. Еще один отрез этой материи выставлялся на аукционе Sotheby's в 1991 г.⁹ и был продан Музею исламского искусства в Дохе (Museum of Islamic Art, Doha,

¹ Woven from the Soul, Spun from the Heart. Textile Arts of Safavid and Qajar Iran. 16th–19th Centuries. Ed. by Carol Bier. The Textile Museum. Washington, 1987. P. 140, cat. no. 2, p. 141, colorplate.

² The Arts of Islam : exh. cat. Hayward Gallery. The Arts Council of Great Britain. 1976. P. 110, cat. no. 85; *Spuhler F.* Islamic Carpets and Textiles in the Keir Collection. The Keir Collection, 1978. P. 189; Woven from the Soul, Spun from the Heart. Textile Arts of Safavid and Qajar Iran. 16th–19th Centuries. Ed. by Carol Bier. The Textile Museum. Washington, 1987. P. 140–141, cat. no. 2; With Hindsight 1978–1988 // HALI. November–December 1988. Issue 42. P. 100.

³ *Mackie L. W.* Symbols of Power. Luxury Textiles from Islamic Lands. 7th — 21st Century. The Cleveland Museum of Art, 2015. P. 368–369, fig. 9.27.

⁴ *Spuhler F.* Islamic Carpets and Textiles in the Keir Collection. The Keir Collection, 1978. P. 188–189, cat. no. 108; p. 184 (colour plate 108).

⁵ Sotheby's. Arts of the Islamic World. Doha. 19 March 2009. P. 10–13, lot no. 301, cover.

⁶ *Sarre F., Martin, F. R.* Die Ausstellung von Meisterwerke Muhammedanische Kunst in München, 1910. München, 1912. Bd. 3. Die Stoffe. Die Waffen. Holz und Elfenbein. Kat. Nr. 2375, Taf. 193.

A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present / Ed. by A. U. Pope and Ph. Ackerman. London and New York: Oxford University Press, 1939. Vol. VI. Pl. 1063 A; *Melikian-Chirvani A. S.* Le Chant du Monde. L'art de l'Iran safavide, 1501–1736 : cat. d'expo. Paris, musée du Louvre, 2007. P. 411, cat. no. 156.

⁷ *Spuhler F.* Islamic Carpets and Textiles in the Keir Collection. The Keir Collection, 1978. P. 187–188, cat. no. 107; p. 182–183 (plate 107, colour plate 107 (detail)).

⁸ The Arts of Islam : exh. cat. Hayward Gallery. The Arts Council of Great Britain. 1976. P. 110, cat. no. 83, p. 61, colour plate 83.

⁹ Winter Bounty: Auction Previews: Marketplace // HALI. December 1991. Issue 60. P. 159.

ТЕ.204.2010)¹. По мнению Ф. Шпулера, ткань такого рисунка вряд ли предназначалась для использования в качестве материала для изготовления одежды, а, скорее, служила украшением стен². На девушках, изображенных попарно, надеты кофты с кроем переднего края, аналогичным крою женских кофт с переплета «Хамсе», обвязанные под грудью лентой.

Похожим образом скомпонованы сцены на рисунке бархата из Keir Collection³ и Музея искусств округа Лос-Анджелес⁴. Известен еще один фрагмент этой ткани, выставившийся на продажу в марте 1988 г. на аукционе в Hotel Drouot⁵. Ф. Шпулер относил эту ткань к индийской работе, однако вопрос о месте ее производства по-прежнему остается открытым. Аналогичная композиция, представляющая пары юношей в сефевидских костюмах, появляется на рисунке бархата из Кливленда⁶ и музея Виктории и Альберта⁷.

Любопытная деталь одежды молодых красавиц с переплета рукописи «Хамсе», а именно кисть, подвешенная на длинном шнурке у переднего края кофты, не известна по иранским миниатюрам и рисункам и имеет явное европейское происхождение. Этот предмет женского гардероба отчетливо читается на двух рисунках бархатов, хранящихся в Копенгагене. Вместе с другими иранскими бархатами с сюжетными и орнаментальными рисунками, данные ткани составляли текстильное убранство одного из залов замка Розенборг, известного как Башенные покои Кристиана V. Известно, что украшавшие стены этого зала бархатные панели и ламбрекены находились в нем примерно с 1833 г. по 1911 г.⁸ Принято считать, что иранские бархатные панно относятся к дипломатическим подаркам Шаха Сафи I (1629–1642), привезенным Голштинским посольством в конце 1630-х гг. и лишь гораздо позднее оказавшимся в замке Розенборг⁹.

¹ *Thompson J.* Silk 13th to 18th Centuries. Treasures from the Museum of Islamic Art, Qatar : exh. cat. Doha, 2004. P. 40–43, cat. no. 8; URL: <http://www.mia.org.qa/en/textiles/243-textile/651-object4497> (дата обращения 5.04.2017 г.).

² *Spuhler F.* Islamic Carpets and Textiles in the Keir Collection. The Keir Collection, 1978. P. 188.

³ *Spuhler F.* Islamic Carpets and Textiles in the Keir Collection. The Keir Collection, 1978. P. 199, cat. no. 119; p. 209 (colour plate 119).

⁴ URL: <https://collections.lacma.org/node/237698> (дата обращения 5.04.2017 г.)

⁵ Display Advertisements // HALI. January–February 1988. Issue 37. P. 31.

⁶ URL: <http://www.clevelandart.org/art/1932.42> (дата обращения 5.04.2017 г.)

⁷ *Stanley T.* Palace and Mosque. Islamic Art from the Victoria and Albert Museum : exh. cat. V&A Publications, 2004. P. 65, pl. 78; *Wearden J., Baker P. L.* Iranian Textiles. V&A Publishing, 2010. P. 12, fig. 2.

⁸ *Bier C.* The Persian Velvets at Rosenborg. With a contribution by Morgens Bencard, Museum Director. Copenhagen, 1995. P. 61–65.

⁹ Подробнее об истории появления сефевидских бархатных тканей в замке Розенборг см.: *Bencard M.* Persian Textiles at Gottorp // *Bier C.* The Persian Velvets at Rosenborg. With a contribution by Morgens Bencard, Museum Director. Copenhagen, 1995. P. 64–75

На одном из рисунков бархатов замка Розенбург представлены повторяющиеся изображения девушки с распущенными волосами, сложившей руки в молитвенном жесте¹. Головку девушки венчает небольшая шапочка с изогнутым пером. На ней длинное, до пят, платье, поверх которого надета затянутая поясом распашная кофта цветочного орнамента с отложным воротником и длинными рукавами с манжетами. К клиновидному переднему краю кофты, оформленному валиком, прикреплен шнур с кистью.

На рисунке второго бархата изображена фигура девушки в остроугольной шапке с цветком в руке². К ее кофте, имеющей идентичный покрой, подвешен такой же шнур с кистью.

Похожая деталь встречается на одной из настенных росписей дворца Али-Капу в Исфагане. Изображенная на ней молодая девушка придерживает длинную трость. Под изогнутую ручку трости пропущен двойной шнур. Он перекинут через левую руку девушки и заканчивается двумя кистями, спускающимися к краю подола платья.

По-видимому, во всех случаях перед нами представлен небольшой веер — деталь костюма, часто встречающаяся на портретах итальянок (венецианок) второй половины XVI в.

Остается лишь предполагать, каким был раппорт рисунка бархатной ткани, фрагменты которой использованы для украшения крышек переплета списка «Хамсе», и какие именно элементы дополняли его композицию. Женские фигуры, судя по их размеру, могли располагаться как парами, повернутыми друг к другу или друг от друга в горизонтальных рядах, так и поодиночке, развернутыми в одном направлении, со сменой направления поворота фигур в последующих рядах, и в этом случае рисунок мог восходить по диагонали. Утраченный фон, затканый металлической нитью, закрепленной в саржевом порядке, по всей видимости, был покрыт растительным орнаментом, выполненным с помощью полихромного ворса.

Подводя итоги изложенному в настоящем сообщении, отметим, что рассмотренные фрагменты бархата с изображениями женских фигур, бережно сохраненные, вырезанные и наклеенные на крышки рукописного переплета «Хамсе» из собрания Российской национальной библиотеки, являют собой выдающиеся образцы сефевидского ткачества первой половины — середины XVII в. Составляя часть рисунка ткани, разработанного под сильным влиянием произведений европейского искусства, они исполнены в манере, присущей иранской художественной школе этого периода. Включение «европейских» женских фигур в оформление переплета иранской рукописной книги, предна-

¹ *Martin F. R.* Die persischen Prachtstoffe im Schlosse Rosenborg in Kopenhagen. Stockholm, 1901. Taf. II; *Bier C.* The Persian Velvets at Rosenborg. With a contribution by Morgens Bencard, Museum Director. Copenhagen, 1995. P. 20, fig. 7; p. 41–44, fig. 17 (on p. 42).

² *Bier C.* The Persian Velvets at Rosenborg. With a contribution by Morgens Bencard, Museum Director. Copenhagen, 1995. P. 44–46, fig. 19 (on p. 45).

значавшейся в подарок российскому императору, очевидно, не было продиктовано случайным выбором, в то же время программа декора этого необычного переплета представляет собой весьма нестандартное художественное решение.

Васильцов К. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)
Мухаммад Бакир ал-Маджлиси (ум. 1110/1699)
и его сочинения в жанре *ихтийарат*

В ранних мусульманских источниках термины *'илм ан-нуджум* и *'илм ал-фалак* обозначали одновременно и астрологию, и астрономию. Более поздняя средневековая традиция проводит четкое различие между «наукой о звездах» (*'илм ан-нуджум*), «наукой о небесных сферах» (*'илм ал-фалак*), которые служили обозначением для астрологии, и «наукой о структуре [вселенной]» (*'илм ал-хай'а*), обозначавшей астрономию (или в некоторых случаях космографию). Астрономический термин *каваб* (мн. ч. *кавакиб*), который обыкновенно употреблялся в значении «звезда», и слово с аналогичным значением *наджем* (мн. ч. *нуджум*) стали общеупотребительными в астрологических сочинениях (*'илм ахкам ан-нуджум*, *сина 'ат ан-нуджум*, *танджим*). Термин *мунаджежим* относился в равной степени как к астрологу, так и к астроному, и функции того и другого были весьма близки. Часто астролог пользовался научными методами для наблюдения за звездами, что подтверждается словами Джабира б. Хайяна: «Астролог должен быть математиком (*рийади*); ему необходимо обладать искусством в астрономии (*ал-хай'а*), которая является частью астрологии или науки о звездах (*'илм ан-нуджум*)».

Несмотря на то, что на протяжении всего средневекового периода практическое применение астрологии являлось предметом дискуссий и полемики среди мусульманских богословов и ученых (к их числу относятся, например, ал-Бируни, Ибн Халдун и др.), заявлявших, что она противоречит ряду основных положений ислама — представлениям о пророках (*наби*) и пророческой миссии (*нубувват*), о всемогуществе и всеведении Бога и т. д., астрология активно практиковалась в Иране, как и в других землях *дар ал-ислам*. Очевидно, именно благодаря иранскому влиянию «наука» *'илм ан-нуджум* приобрела авторитет и самостоятельное значение в качестве специальной дисциплины в системе средневекового мусульманского знания и стала популярной среди представителей правящего класса: «Стремясь во всем походить на Сасанидских правителей, 'аббасидские халифы (в особенности ар-Рашид и ал-Ма'мун), учителями и наставниками которых большею частью были персы, воспринимали обычаи, мало соответствующие духу арабов и религии Ислама».

Составление гемерологий (*ихтийарат*) получает широкое распространение при дворе 'Аббасидов: определение времени для совершения того или иного

поступка, или же отказ от него, являлось основной прерогативой астролога, который превратился в важную фигуру в окружении халифа, хотя существуют свидетельства, что уже в период Омеййадов многие решения, принимаемые *кади* или *имамом*, основывались на рекомендациях *мунаджжима*.

В основе *ихтийарат* лежал принцип, согласно которому каждый день имел свою звезду-покровительницу (*наджм, тали*'), которая оказывала влияние на его характер (счастливый или несчастливый), на основании чего для каждого дня определялся круг занятий или действий, более всего ему подходящих. Структура большинства подобного рода сочинений сводилась, как правило, к перечислению дней месяца, благоприятных или неблагоприятных для того или иного дела, перечислению поступков, рекомендуемых или нерекондуемых совершать в этот день, и т. д.

К составлению гемерологий (*ихтийарат*) обращались многие средневековые *мунаджжимы*, среди которых стоит отметить 'Умара б. ал-Фаррухана ат-Табари («*Китаб ал-ихтийарат*»), Сахла б. Бишра («*Китаб ал-ихтийарат 'ала-л-буйут ал-исна 'аишар*»), Абу Йусуфа ал-Кинди («*Ихтийарат ал-аййам*»), Абу Ма'шара («*Китаб ал-ихтийарат*»), «*Ихтийарат ас-са'ат*»), Фахр ад-дина ар-Рази («*ал-Ихтийарат ал-'ала 'иййа*») и др.

Перу шиитского богослова Мухаммада Бакира ал-Маджлиси (ум. 1110/1699) принадлежит несколько десятков работ на арабском и персидском языке. Главным трудом его жизни стало создание энциклопедии шиитских хадисов «*Бихар ал-анвар*».

В жанре *ихтийарат* ал-Маджлиси составил одно сочинение в двух вариантах: кратком, под названием «*Ихтийарат ал-аййам ас-сагир*», состоящем из трех глав, и намного более подробном втором варианте, который состоит из сорока разделов (*фасл*).

Две первые главы (*баб*) посвящены основной тематике трактата — выбору дней месяца и недели. В следующих четырех главах речь идет о двенадцати месяцах персидского, тюркского и румского календаря. Одна глава — о четырех временах года. Восьмая глава посвящена описанию часов дня. В девятой главе рассказывается об установлении персидского нового года. В четырех последующих главах речь идет о затмении солнца (*хусуф*) и лунном затмении (*хусуф*), созвездии Стрельца (*гоус*), радуге (*гоус-и гозах*), грозе (*ра'д-у барк*), землетрясении (*залзала*). В других пятнадцати главах приводятся сведения географического характера, говорится о семи климатах, морях, больших реках, источниках, колодцах. Глава двадцать четвертая посвящена краткому изложению выбора благоприятного дня, после чего идет глава о неблагоприятных днях. В дополнении к трактату автор затрагивает различные темы: о сновидениях и их толкованиях, о кровопускании (*фасд кардан*), правилах поведения в путешествии, обычаях совершения *зийарата*, об отправлении *намаза*, наблюдении за луной и др.

В основной части своего трактата, посвященного определению благоприятного/неблагоприятного дня, автор использует в качестве примеров события исторического или религиозного характера, которые имели место в тот или иной день. Таким образом он составляет перечень достойных и недостойных дел, которые случились в определенные дни.

В знаменитом сборнике хадисов Мухаммада Бакира ал-Маджлиси «*Бихар ал-анвар*» существует раздел, посвященный Наврузу, древнеперсидскому празднику Нового года.

По большей части этот раздел представляет собой собрание различных астрологических текстов, приписываемых в шиитских кругах Иمامу Джа'фару ас-Садику. В них, в частности, содержатся два варианта гемерологий, в основе которых, по всей видимости, лежит зороастрийская традиция, известная через пехлевийские тексты. Кроме того, в этом разделе ал-Маджлиси приводит выдержки из трактата по астрологии Абу Насра Йахья ат-Тикрити (XI в.) «*ал-Мухтар фи-л-ихтийарат*».

Материалы, собранные Мухаммадом Бакиром ал-Маджлиси, можно сравнить с приписываемым Джа'фару ас-Садику «*Ихтийарат аййам аш-шахр*», небольшим по объему сочинением, по содержанию близким к хадису Му'алла, за тем исключением, что в нем не приводятся иранские названия дней и месяцы не идентифицируются как иранские. Кроме этого, существует текст Бируни «*ал-Асар ал-бакийя*», где объясняется какие дни месяца иранского календаря считаются счастливыми или несчастливыми.

Общей чертой всех этих текстов является в первую очередь фиксация определенных дней месяца как идеальных, благоприятных или неблагоприятных (*мухтар, са'д, нахс*). Поскольку в текстах приводятся иранские названия месяцев, а также, принимая во внимание утверждение Бируни об иранском происхождении астрологического жанра *ихтийарат*, едва ли можно сомневаться, что в данном случае мы имеем дело с арабской версией доисламской иранской системы гемерологий.

Гезалова Н. Р. (Институт истории НАНА, Баку)

Политика Великобритании в каджарском Иране в ходе Второй русско-иранской войны

С конца XVIII в. Ближний и Средний Восток стал играть особую роль в международной политике. Европейские державы рассматривали расположенные здесь государства как потенциальных союзников или противников в своей дипломатической, военной и политической борьбе за влияние и господство в этом регионе.

В докладе затрагиваются следующие вопросы: 1) можно ли считать Британию виновницей или подстрекателем Второй русско-иранской войны (как это

утверждается практически во всей советской и российской историографии); 2) почему Британия не оказала обещанной помощи каджарскому Ирану по договору 1814 г.

Британия как Евроазиатская держава имела две важные внешнеполитические задачи: первая определялась ее потребностями в Европе, вторая — в Азии. Начиная с 1798 г., в связи с растущим экспансионизмом России и наполеоновской Франции, в Азии возникли новые «узлы» противоречий. В борьбу за азиатские колонии включились другие европейские государства. В этой системе роль каджарского Ирана заключалась в том, что он представлял собой регион, позволяющий Британии изолировать эти две растущие угрозы. С окончанием наполеоновской эпохи на первый план вышли несколько тенденций в британской и, в целом, во всей европейской политике в регионе. Во-первых, в XIX в. торговые интересы европейцев в Иране сменили политические. Уязвимость сухопутных границ Индии вынуждала Британию возвести оборонительную линию как можно дальше от своей самой крупной колонии. Во-вторых, Британия должна была всегда учитывать влияние своей восточной политики на баланс сил в Европе. Особенностью политики Великобритании в регионе было то, что она осуществлялась как непосредственно через британских дипломатов, отправляемых из Лондона, так и через эмиссаров (в основном военных) Ост-Индской компании. Временами несогласованность политики приводила к тому, что в Иране одновременно находились представители обеих сторон, и каджарский двор становился свидетелем открытых разногласий между ними.

Несмотря на значительный военный потенциал, которым обладала шахская армия по сравнению с Первой русско-иранской войной, вторая война началась в достаточно благоприятный для России момент. Перспектива Русско-турецкой войны на тот момент была весьма туманна благодаря эффективному посредничеству Великобритании. Кроме того, Россия не была вовлечена в другие внешние конфликты. Тем не менее в целом сложилась деликатная ситуация, когда Иран, находясь в союзе с Великобританией, согласно договору 1814 г. мог рассчитывать на субсидии и помощь с вооружением. Шахское правительство утверждало, что несправедливая оккупация Гейчи российскими военными дала закономерный *casus belli*, и, следовательно, согласно Тегеранскому договору, подняло вопрос о выплате субсидий Великобританией. Требование субсидий каджарским правительством основывалось на IV и VI статьях договора 1814 г. Согласно статье IV Тегеранского договора, в случае вторжения в Иран любой европейской страны, правительство Ирана могло рассчитывать на помощь Британии. Генерал-губернатор Индии от имени Великобритании брал обязательство удовлетворить просьбу каджарского правительства и предоставить военную помощь (в виде командного состава, военного снаряжения пр.), или вместо этого должен был ежегодно выплачивать Ирану субсидии на военные цели в размере 200 тыс. туманов.

Одновременное обострение «восточного вопроса» и русско-иранских отношений в конечном счете обернулось полным поражением каджарского Ирана. Британское правительство твердо придерживалось курса на сотрудничество с Россией в греческих делах, несмотря на то, что это требовало невыполнения Британией условий Тегеранского договора. Поэтому Ирану было официально отказано в финансовой и военной помощи. Тем не менее Британия не была намерена устраниваться от региональной политики, так как ослабление ее влияния в данном регионе предполагало реальную угрозу Индии, обеспечение безопасности которой было центральной темой ее восточной политики.

С начала XIX в. ирано-английские связи оказались переплетенными с ирано-российскими отношениями. В рассматриваемый период англо-российские взаимоотношения неоднозначны и противоречивы: наблюдается не только соперничество и вражда между Англией и Россией, но и явное взаимодействие и даже сотрудничество.

Григорьев С. Е. (ВФ, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Афганские историки о миссии О. Нидермайера–Хентинга (1915–1916)

Начало Первой мировой войны на Афганистане заметно не сказалось. В конце августа 1914 г. эмир Хабибулла-хан (правил в 1901–1919 гг.) заявил о нейтралитете и верности договорам, подписанным с Англией¹. Ситуация изменилась в ноябре 1914 г. Турция вступила в войну на стороне Германии, Австро-Венгрии и Болгарии. Султан Мехмед V Решад призвал мусульман к джихаду против стран Антанты. Он был морально поддержан в том числе частью жителей Афганистана, а также северо-запада британской Индии. Для уменьшения возникшей опасности британский представитель в Кабуле обещал увеличить ежегодную субсидию афганскому правителю и намекнул на возможность предоставления стране политической независимости в будущем².

Исмаил Энвер-паша, военный министр Турции, предложил отправить в Афганистан турецко-германскую делегацию для втягивания его в войну против Англии, а возможно, и России. Первая попытка, едва начавшись, провалилась. Вторая, предпринятая в 1915–1916 гг., оказалась несколько удачнее. В ее главе были поставлены О. Р. фон-Нидермайер (офицер немецкого Генерального штаба), немецкий дипломат В. О. фон-Хентиг и Казем Орбай (адъютант Энвер-паши).

¹ *Мир Гулам Мухаммад Губар*. Афганистан дар масир-и тарих. Тегеран, 1386/1966–1967. С. 738.

² *Ghaus Abdul Samad*. The fall of Afghanistan. New-York, 1988. P. 25.

В миссию также входили индийцы Махендра Пратап и Баракатулла, выступавшие за независимость Индии, и восемь афганцев (два гражданина США и шесть пуштунов-солдат из числа британских военнопленных, находившихся в лагере в Германии). Делегация везла послания кайзера Германии и султана Турции, адресованные Хабибулла-хану, и многочисленные ценные подарки.

С трудом и потерями миссия через Иран, оккупированный Англией и Россией, прибыла в Кабул в начале октября 1915 г. Осведомленный об этом британский вице-король Индии в письме Хабибулла-хану выразил надежду на то, что Афганистан останется верным заключенным договорам. Эмир пообещал арестовать членов миссии и не вести переговоров. Делегацию держали под жестким надзором, и месяц она не имела контактов с властями. Это время эмир использовал для выяснения ее полномочий и позиции английских властей в Индии. Ситуация осложнялась расколом в высших эшелонах афганской элиты. Эмир был сторонником Англии, тогда как его брат — премьер-министр Насрулла-хан, сыновья Инаятулла-хан (военный министр) и Аманулла-хан были известны своими прогерманскими взглядами. Лишь через месяц эмир принял членов миссии и заявил сначала, что рассматривает их только как немецких и турецких торговцев, а не дипломатов. В. О. фон-Хентиг, вручив послания кайзера и султана, пригласил Афганистан принять участие в войне на стороне четверного союза и, рассказав о ситуации на фронтах, просил эмира объявить независимость от Британии. Баракатулла и Махендра Пратап просили его пропустить в сторону британской Индии германо-турецкие войска, выразив надежду на участие афганской армии в войне и обещав передать афганцам западные районы Индии после победы в войне. Казем Орбай заявил, что султан объявил джихад странам Антанты и хочет избежать войны с мусульманскими нациями. Эмир в ответ заявил, что нахождение страны между владениями Британии и России, наличие их войск в Иране, а также получение Афганистаном британской субсидии не дают возможности принять эти предложения. Хабибулла затягивал переговоры и еще несколько раз встречался с представителями Германии и Турции.

Опасаясь раскола в королевской семье и племенной верхушке из-за возможной резкой смены внешнеполитического курса, он строго придерживался выжидательной политики и намекал членам миссии на благосклонность к Германии и Турции. Однако в январе 1916 г. Хабибулла все-же подписал прелиминарный договор с представителями держав. Договор предусматривал вступление Афганистана в войну против Британской Индии в обмен на финансовую, политическую и военную помощь. Устно эмир обещал объявить войну в апреле того же года¹. Однако, зная об ухудшении положения Турции и Германии и понимая, что без подписей кайзера и султана этот документ — лишь соглашение о намерениях, он вскоре на джирге заявил о необходимости соблюдения договоров

¹ Панин С. Б. Россия и Афганистан. Иркутск, 1995. С. 40.

с Британией, укрепив слухи о том, что он «продал страну англичанам». Это стало одной из причин его убийства в 1919 г. Миссия, потерпев неудачу, в мае 1916 г. покинула Кабул.

Рассмотренные выше события сыграли определенную роль в восстановлении Афганистаном в 1919 г. политической независимости. Одним из афганских историков, описавших эти события и деятельность германо-турецкой миссии, был Мир Гулам Мухаммад Губар (1897–1978). Он занимал высокие государственные и общественные должности (в 20-е гг. XX в. был начальником полиции Кабула, сотрудником афганских посольств в Париже и Берлине, депутатом парламента нескольких созывов) редактором газет, членом афганского литературного и исторического обществ). По политическим обвинениям он был дважды приговорен королевскими властями к высылке из Кабула и тюремному заключению.

Главный исторический труд Губара — «Афганистан на пути истории» («*Афганистан дар масир-и тарих*») — имел сложную судьбу. На 1967 г. было запланировано его издание в Кабуле тиражом 3000 экземпляров. Однако из-за неправильного (с точки зрения членов правившей династии) изложения ряда этапов истории страны выход ее в свет был остановлен. Автор успел получить 40 экземпляров. Другие напечатанные к тому времени тома и типографский набор книги были уничтожены. Несколько экземпляров тайно вынесли из типографии. В 1974 г. афганские студенты, обучавшиеся в Германии, напечатали в Гамбурге и Бонне 100 экземпляров книги¹. Часть их попала в Афганистан, и они таким образом стали, насколько нам известно, первым примером афганского «самиздата».

Книга Губара повествует о событиях, имевших место в стране с древнейших времен до 1929 г. Особую ценность имеют разделы, посвященные истории Афганистана в 1901–1929 гг. Они написаны в том числе на основе наблюдений автора и уникальных материалов личных архивов видных деятелей младоафганского движения, активным членом которого был сам М. Г. М. Губар. Полный текст сочинения Губара увидел свет в Афганистане после его смерти и смены власти в 1978 г., когда там произошел государственный переворот — т. н. «апрельская революция», осуществленная НДПА. Впоследствии труд был издан в Исламской Республике Иран (Тегеран, 1376/ 1956–57). Есть его переводы на другие языки, включая и русский (М., 1987). Русский перевод выполнен М. Давлятовым и снабжен комментариями, вводной статьей.

Касаясь деятельности германо-турецкой миссии в Афганистане, М. Г. М. Губар больше внимания уделил оценке того влияния, которое присутствие посольства оказывало на настроения жителей страны. По его мнению, миссия усилила стремление части религиозных авторитетов, представителей

¹ www.facebook.com/notes/mgmghobarghobargobar.The Man Behind the Epic:Mir Ghulam Muhammad Ghoobar. By Mir Hekmatullah Sadat. P. 2–3.

пуштунской племенной элиты по обе стороны границы и членов правящей династии использовать предложения Германии и Турции для ведения джихада против Англии и возвращения Афганистану земель, ранее входивших во владения кабульских правителей. Среди 540 участников джирги, состоявшейся в Кабуле в 1915 г. уже после отъезда миссии, М. Г. М. Губар особо отмечает наличие значительного числа влиятельных богословов (он приводит их список), а также вождей племен Вазиристана и руководителей отрядов повстанцев, выступавших против британских властей в северо-западной пограничной провинции Индии. Тогда же в Кабуле было напечатано воззвание с призывом к населению страны повиноваться властям и следовать проводимой ими политике (имелось в виду сохранение приверженности союза с Англией). Его текст был зачитан в мечетях и солдатских казармах, а также опубликован в «*Сирадж ал-Ахбар*» — по сути единственной газете страны. М. Г. М. Губар высказывает сожаление, что хотя британские власти и обещали предоставить Афганистану политическую независимость после окончания войны, одновременно выплатить 60 млн индийских рупий-«*кальдар*», ежегодно платить по 2 млн 400 тыс. рупий (и даже отправили в Пешавар 20 млн рупий для передачи их эмиру), но не выполнили своих обещаний из-за убийства эмира Хабибулла-хана.

Афганский историк совершенно справедливо отмечает, что «такое поведение эмира вызвало внутри Афганистана рост глубокого недовольства и прежде всего среди интеллигенции и сторонников независимости, послужив причиной возникновения противоречий». Усиление этих противоречий в конечном итоге привело к убийству эмира, смене политического курса и восстановлению Афганистаном независимости в 1919 г.

Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Герат «на стыке»: разные аспекты особого политического положения области в первой половине XIX в.

С точки зрения исторической географии и исторического районирования очень интересны достаточно обособленные и четко определяемые, но при этом пограничные (транзитные) территории, вовлекаемые ходом истории в разные государственные образования и разделяющие какое-то, порой весьма долгое, время их судьбу. Город Герат (с оазисом в долине Герируда, сформировавшим древнюю Арейю и ставшим одной из коренных арийских, а затем иранских областей) относится к числу таких своеобразных территорий. Несмотря на сложную историческую судьбу, Герат сохранял и сохраняет до сих пор не только своеобразие, отражаемое в его политико-географическом образе, но и *de facto* особый статус (в наши дни в рамках Исламской Респу-

блики Афганистан). Мы хотим рассмотреть то особое положение, которое город/оазис занял «на стыке» трех больших регионов, сформировавшихся на Среднем Востоке к началу XIX в., то есть к началу т. н. «Большой игры» европейских колониальных держав. Речь идет о раннекаджарском Иране, позднедурранийском Афганистане и состоявшей формально из нескольких отдельных «ханств» и территорий, но воспринимаемой соседями как единый «Туркестан» Средней Азии. В предыдущие эпохи политическая судьба Герата была различной: город либо входил в состав более крупных государств — «держав» или «империй» (например, империи Сафавидов), либо сам был центром подобного государства (держава Тимуридов). Все эти государства занимали территории, никак не совпадающие с границами современных государств и регионов, а потому в настоящее время их история является историей сразу нескольких государств (Ирана, Афганистана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и др.).

В периоды кризисов и распада крупных государств Герат образовывал самостоятельное владение. Начало XIX в. было таким временем: афганская империя садозайских шахов Дуррани распалась на ряд мелких владений, власть в которых захватили политические противники Садозаев — Баракзаи. Герат оказался единственной областью, сохранившей власть Садозаев, и это способствовало его обособлению даже на фоне общей фрагментации бывшей империи.

Обособленное положение «на стыке» могло быть только временным и продолжаться до усиления любого из более крупных соседей. Усиления Бухарского эмирата в конце XVIII в. хватило лишь на восстановление власти Бухары над Мервом. Усиление Ирана при Каджарах и стремление последних к собиранию «государственной территории» (кавычки связаны с тем, что последним крупным иранским государством была необъятная империя Надир-шаха, собрать которую было уже невозможно) привели к реваншистским планам в отношении Герата, мыслимого как коренная иранская область. Эти планы привели к неудачной кампании 1837–1838 гг. Усиление Афганистана при Дост-Мухаммад-хане и его стремление консолидировать, по крайней мере, афганские области бывшей Дурранийской империи, также не могли обойти Герат. Это привело к воссоединению Герата с Афганистаном.

Наложение на вышеназванные стремления держав интересов еще более крупных участников исторического процесса, а именно Российской и Британской империй, сделало «стыковую» ситуацию с Гератом еще более сложной. Герат, рассматриваемый как «ключ» (не важно — «к Индии» или «к Каспию»), обладание которым могло повлиять на конфигурацию сфер влияния в Азии, превратился в объект большой мировой политики.

В историко-географическом и политико-географическом планах интересны как положение Герата внутри Афганистана и внутри т. н. Большого

Хорасана (как одного из двух главных «афганских» городов последнего, наряду с Балхом), так и соотношение «афганского», «иранского» и других элементов в политико-географическом образе Герата, а также применяемые к области определения («вилаят», «княжество», «ханство» и проч.) и характеристики в персидских, афганских и европейских источниках и историографии.

Зуб (Руденко) Н. Н. (ИВ НАНУ, Киев)

Русский консул в Персии Д. Ф. Козинец и его записки в собрании Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского

XIX в. стал важным этапом в отношениях России и Ирана. Он ознаменовался как войнами (1804–1813; 1826–1828), так и укреплением многих связей, в том числе дипломатических и торговых. Многие для этого сделали российские дипломаты. К сожалению, часто их наследие остается не только малоизученным, но и неизвестным, как и их биографии. Имя Дмитрия Федоровича Козинца (1796–1857) знакомо немногим. Но и сегодня те, кто изучают историю торговых отношений России и Ирана 30-х гг. XIX в., пользуются его официальными консульскими донесениями как содержательными документами. Возможно, знакомо оно и кавказоведам — исследователям Керченско-Бугазской торговли. Однако вся его жизнь и деятельность остались лишь за короткой подписью под официальными бумагами — «дейст. ст. советник Козинец».

Д. Ф. Козинец происходил из рода казачьего старшины Полтавской губернии, закончил Харьковский университет. В 1818 г. был принят на службу при Одесском градоначальнике А. Ф. Ланжероне. Затем был помощником Р. де Скарри, позже временно заведовал попечительством Керченской торговли с черкесами и абазинцами (1829–1831). В 1832–1838 гг. занимал пост генерального консула в Тавризе. В 1841 г. был направлен со специальным заданием в Болгарию с целью сбора сведений о притеснениях христиан после Нишского восстания.

Наиболее интересным представляется персидский период деятельности Дмитрия Козинца. Он был дружен с представителями русской миссии — консулами и драгоманами, в том числе с Иваном Бларамбергом, Александром Ходзько, Климентом Бодэ. Примечательно, что эта плеяда дипломатов впоследствии подготовила много работ по изучению и исследованию Персии в области этнографии, литературы, географии. Некоторые из них стали на стезю академической науки, оставив большой корпус работ востоковедческого характера.

Судьба Д. Ф. Козинца сложилась несколько иначе. После государственной службы он вернулся в родное имение в с. Рокиты, занимался благотворительностью — учредил стипендию «Воспитанник Козинца» для учеников Петровского

Полтавского кадетского корпуса, осуществлял попытки освободить крестьян еще до реформы 1861 г.

В Институте рукописи Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского нам удалось отыскать уникальный фолиант-рукопись — дневник Д. Ф. Кодинца «Записки въ Персиі. 1832–1838». Исследования показали, что библиотека приобрела ее в 1935 г. у букиниста.

Эта рукопись представляет собой довольно внушительный и красочно иллюстрированный сборник разного рода материалов. Основу тома составляют описания двух путешествий русской миссии, совершенных из Тавриза в Тегеран — «Краткия замечания деланные мною на пути из Тавриза в Тегеран, куда отправился я с Российским посольством в 1833 году» и «Путевые Записки во время вторичной поездки моей из Тавриза в Тегеран в марте месяце 1837 года». Материалы сборника включают разделы: «Изчисление кочующих племен в Хорасане», «Формы Персидского ордена при первоначальном учреждении», «Имена сыновей покойного Фетх-Али Шаха», «Имена сыновей покойного Аббас-Мирзы бывшего наследника персидского престола», «Названия персидских кушаньев», «Названия одежд персидских. Женския. Мужеския», «Ткани разного рода с вариантами», «Некоторые замечания о Тавризе. Названия 8 городских ворот», «Замечания о доходах получаемых Персидским правительством в главных городах Азербейджана, и вообще Азербейжанской провинции». Входят сюда и статьи из других источников: «Выписки из Истории военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. Полковника Ушакова», «Выписки из статьи о Туркменцах, п. Казанцева, помещенной в С. П. бур. ведомостях 1840 года», «Из Записки о внешней торговле Сирии Бейрутского консула Базили» (ИР НБУВ. Ф. I, 6797).

Кроме того, в рукописи содержатся сведения о социально-политической жизни Персии, национальном менталитете и народных традициях, деятельности А. С. Грибоедова, представлены портреты государственных деятелей и чиновников, описания архитектурных памятников и маршрутов и др. Как уникальный источник документальных материалов о Персии первой половины XIX в. рукопись дневника Д. Ф. Кодинца нуждается в дальнейшем изучении и введении в научный оборот.

Моисеева А.В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу о выделении типов личных глагольных окончаний в гиланском языке

Гиланский язык или *гиляки* является языком неофициального общения на территории провинции Гилан на южном побережье Каспийского моря в Иране. Согласно общепринятой в современном отечественном языкознании точке

зрения, гилянский язык относится к северо-западным иранским языкам, а по территориальному признаку его причисляют к прикаспийским языкам. Гилянский язык не имеет литературной нормы и официальной письменности (хотя для записи может использоваться арабский алфавит). Будучи бесписьменным языком, *гиляки* представлен рядом диалектов. Большинство исследователей выделяет в гилянском языке два диалекта, – западный и восточный – граница между которыми проходит по реке Сефидруд¹. Как правило, объектом исследования оказывался западный диалект, т.е. диалект Решта – административного центра провинции Гилян, как наиболее распространенный и доступный для изучения.

Наиболее полным исследованием *гиляки* на данный момент является коллективный труд отечественных авторов «Гилянский язык» под ред. В. С. Расторгуевой². В данной работе система личных глагольных окончаний представлена следующим образом:

Тип окончаний	Единственное число			Множественное число		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
I	-əm	-i	-e	-im/imi	-id/-idi	-id/idi
II			-ə			
III			-i			

Как видно из данной схемы, авторы выделяют три типа окончаний, основываясь на их фонетических различиях. Окончания первого типа используются при образовании форм настоящего-будущего времени, второго типа – при образовании форм прошедшего нейтрального времени и аориста и при спряжении недостаточного глагола, не имеющего формы инфинитива, с основой настоящего времени *dər-* со значением ‘находиться, иметься’, третьего типа – при образовании форм прошедшего длительного времени.

По-другому взглянуть на диалектное деление гилянского языка и, следовательно, его фонетический состав предлагает иранский исследователь Махмуд-Паянде Лангаруди, автор «Словаря поговорок и фразеологизмов Гиляна и Дейлема»³. В данном сборнике гилянский язык представлен примерами на трех диалектах: западном, восточном и так называемом *дейлеми* или *галешу*. На

¹ *Manučehr Sotude*. Farhang-e gilaki. Gardāvarande-ye Manučehr Sotude. Tehrān: Anjoman-e irānšenāsi, 1954. 272 p.; *Stilo D*. Gilān X. Languages // Encyclopaedia Iranica. Vol. X, Fasc. 6. P. 660-668.

² *Расторгуева В. С., Керимова А. А. и др.* Гилянский язык / Отв. ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1971. 319 с.

³ *Mahmud Pāyande Langarudi*. Farhang-e masalhā va estelāhāt-e Gil va Deylam. Tehrān: Entešārāt-e Soruš, 1995. 275 p.

основе лингвистического материала данного сборника мною была составлена следующая таблица глагольных окончаний:

Диалект	Тип	ед. ч.			мн. ч.		
		1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Галешы	I	-am	-i/-y	-ə	-im	-	-
	II	-ām/-am	-i/-ay	-e/-ē	-im	-	-ān
Восточный	I	-am	-i	-ə/-ē	-im	-	-an
	II	-am	-i/-ay	-ə/-ø	-ym/-im	-	-
Западный	I	-ət	-	-e/-ə/-ē	-im	-	-an
	II	-ət	-i	-ə/-ø	-	-	-

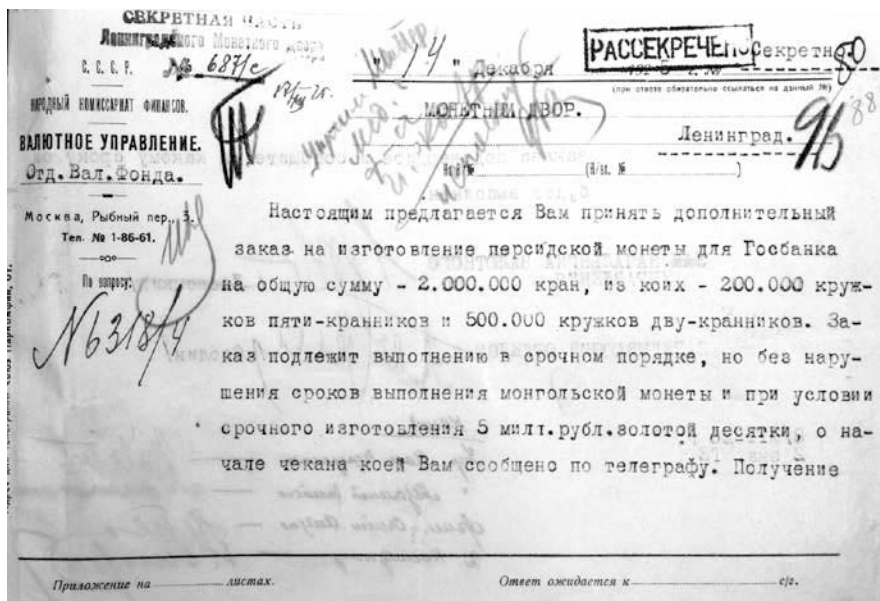
Как видно из данной таблицы, различия между типами личных окончаний, которые, согласно В. С. Расторгуевой проявляются только в 1-м и 3-м лице ед. ч., вовсе нивелируются в разговорном произношении, где окончания 3 л. ед. ч -e, -ə и -I представляются скорее инвариантным чередованием в рамках одного и того же форманта, чем окончаниями разных типов. Примеров же употребления личных окончаний третьего типа в сборнике Лангаруди найдено не было. Таким образом, в свете данных, полученных на основе анализа фразеологических единиц из сборника М. П. Лангаруди, деление личных окончаний на типы, во всяком случае, на синхронном уровне, представляется достаточно сомнительным.

Моисеенко Н. С. (Санкт-Петербург)

История изготовления персидских монет в России по документам петербургских архивов

Эмиссия крупных серебряных персидских монет (*кран*) на Санкт-Петербургском Монетном дворе (СПМД) в XX веке осуществлялась, как минимум, несколько раз. Впервые по просьбе персидского правительства чеканка пятикрановых монет производилась в 1902 году. Автором штемпельного инструмента являлся известный медальер А. Г. Грилихес.

Заказ на 10 миллионов двухкрановых монет (с последующей заменой части из них более крупным номиналом) поступил от председателя Правления Учетно-ссудного банка Персии в Особенную канцелярию по кредитной части Министерства финансов в середине мая 1915 г. Серебро для его выполнения поставлялось на Монетный двор тем же Правлением. Указанное ходатайство было удовлетворено и, согласно предписанию № 11941 от 21 июля 1915 года, на

Заказ Валютного управления на чеканку монеты 14.12.1925 г.

СПМД штемпелями, изготовленными М. А. Скудновым, началась чеканка монет достоинством в 2 и 5 кран из серебра 900 пробы.

Позже, в связи с необходимостью обеспечения нужд русского Экспедиционного кавалерийского корпуса в Персии под руководством генерал-лейтенанта Н. Н. Баратова, наряд был увеличен почти в полтора раза отношениями от 18 и 19 января и 31 августа 1917 г. Из-за необходимости увеличения выпуска мелкой разменной монеты, усиленно тезаврируемой населением России во время Первой мировой войны, выполнение этого заказа затянулось вплоть до временного закрытия завода. К 22 февраля 1917 г. на СПМД было выпущено 2416784 двухкрановика. Последние из суммарно выпущенных 11 142 784 пятикрановиков были отчеканены 27 [14] февраля 1918 г.

Примерно с середины февраля и до конца 1922 года выпуск монет номиналом в 2 и 5 кран был продолжен. После небольшого перерыва, в январе 1925 г. на Ленинградский Монетный двор (ЛМД) поступил запрос от заместителя главы Наркомфина СССР Р. Я. Карклина о возможности чеканки серебряной персидской монеты на 45 млн кран (7,5 млн монет в 2 крана и 6 млн монет в 5 кран). В переводе на советскую валюту (исходя из массы содержащегося драгоценного металла) монета в 5 кран соответствовала 1 р. 15 коп., а 2 крана — 46 копейкам. 20/21 марта из отдела Валютного Фонда Наркомфина на ЛМД было отправлено поручение приступить к изготовлению «персидской серебряной монеты по при-

лагаемым образцам на сумму 10.000.000 кран», но вскоре объем заказа удвоили.

После выполнения заказа на чеканку 10 июля 1925 г. «во избежание подозрения Персидского Правительства о возможности пользования» в СССР инструмента для изготовления персидского серебра, представителю Эмиссионного отдела Валютного управления Наркомфина СССР Ф. И. Котову были сданы 15 ящиков с 3000 «персидских штемпелей» и 1 ящик с базовым инструментом. Вероятно, инструмент предполагалось использовать для чеканки монеты на территории Персии. На самом ЛМД продолжал оставаться большой запас аналогичных предметов. Отметим, что во время принятия первой партии в 10 млн кран, возникла конфликтная ситуация, связанная (по мнению Министерства финансов Персии) с занижением пробы и массы монет.

Предположительно, в январе 1926 г. правительства СССР и Персии договорились о чеканке 3 млн туманов (30 000 000 персидских кран) для нужд Русско-Персидского банка. 2 февраля банк заключил договор с Наркомфином, а в середине весны 1926 г. стало ясно, что вскоре на ЛМД поступит официальный заказ на изготовление этой партии. С учетом прошлых проблем в Персию был направлен специальный запрос о характеристиках серебряной монеты, а полученный ответ 14 августа из Наркомфина препровожден на Монетный двор. К монете предъявлялись более жесткие требования; в связи с переходом на метрическую систему потребовалось утвердить допуски, выраженные в новых единицах.

Чеканка монет нового образца, с портретом Реза Пехлеви, исполненного известным медальером А. Ф. Васютинским, началась в сентябре 1926 г., но значительная часть монет в этом году чеканилась с портретом бывшего султана Ахмад Шаха, втайне от персидского правительства. Завершилась эмиссия персидских монет на ЛМД 11 мая 1928 г.

Пелевин М. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Живая история афганцев: военные рассказы хатакских вождей

Категоричное утверждение Дж. Дармстетера о том, что «у афганцев нет истории, поскольку анархия ее не имеет» (*Chants populaires des Afghans*, 1888–1890), с одной стороны, выражало очевидную этатистскую идеологию XIX в., с другой, свидетельствовало о поверхностном знакомстве с афганской письменной литературой XVI–XVIII вв. Хотя это мнение позднее было опровергнуто О. Кэроу, последним британским губернатором Северо-западной пограничной провинции (с 2010 г. Хайбер-Пахтунхва), его детальное эссе *The Pathans* (1958) посвящено только восточным паштунским племенам и неприкрыто проповедует другую политическую идеологию, связанную с обоснованием «исторической неизбежности» линии Дюранда. Работа О. Кэроу фак-

тически закрепила традицию изучения паштунских племен в рамках истории Афганистана или истории СЗПП Пакистана, но по разным причинам не стала стимулом к полноценному исследованию письменных первоисточников по истории афганцев. В числе слабоизученных сочинений такого рода по-прежнему остаются исключительно важные памятники афганской историографии на языке пашто *Тарих-и мурасса'* (1724) и *Тарих-и Хафизрахматхани* (1767).

В компилятивном труде *Тарих-и мурасса'* наибольшую историографическую и одновременно литературно-художественную ценность имеет раздел, составленный из хроникальных и дневниковых записей хатакских вождей — автора компиляции Афзал-хана (ум. ок. 1740/41) и его деда Хуш-хал-хана (ум. 1689). Поскольку тексты этого раздела относятся преимущественно к жанрам дневников и мемуаров, в них отображена живая племенная история, рассказанная непосредственными участниками и свидетелями описываемых событий.

В потоке лаконичных и часто дискретных сведений хатакской хроники заметно выделяются фрагменты, которые имеют признаки коротких рассказов: в них присутствуют необходимые для нарративной стилистики элементы детализации, описательности и эмотивности, широко используется прямая речь, акцентируется внимание на личностях участников событий, что в отдельных случаях приближается к психологическому портретированию. Соединение в этих рассказах исторической фактологии и квазихудожественной повествовательности ставит хатакскую хронику в один ряд с персоязычной историографией, которая, по обоснованному мнению Б. Фрагнера (*Die "Persophonie"*, 1999), с момента своего возникновения имела черты не только ученой, но и развлекательной литературы.

Основную массу нарративных фрагментов хатакской хроники составляют военные рассказы, особенно важные для хронологизации и самого построения племенной истории, стержнем которой является конфликт. Военные рассказы хроники в меньшей степени затрагивают крупные конфликты регионального уровня с участием могольской имперской администрации, но описывают главным образом перманентные разномасштабные меж- и внутрплеменные военные столкновения, в которых участвовали хатакские вожди и их союзники. Именно военные рассказы благодаря отмеченным выше художественным элементам позволяют адекватно понять сущность, причины, динамику и логику конфликтных столкновений. Рассказы являются уникальными источниками сведений о реалиях племенных войн, в том числе относящихся к географическим и погодным условиям, тактических приемах, составе и численности боевых единиц, вооружении, потерях и трофеях и т. д. Акцентированное внимание к отдельным участникам конфликтов помогает восстановить пеструю картину межличностных взаимоотношений, игравших заметную роль в развитии военно-политических событий. Кроме того, именно рассказы в большей степени

раскрывают идеологию и этническое сознание афганских вождей, а также показывают функциональные задачи хроники, подтверждая ее исключительное значение в развитии паштоязычной историографии и литературы в целом.

Мехмет Тезкан (Mehmet Tezcan) (Uludagh University, Bursa, Turkey)

Сасанидская концепция отношений между религией и государством и ее влияние на мусульманские концепции государства

В истории ислама отношения между религией и государством во многом следуют тем принципам, которые были выработаны школой ал-Газали. Неоднократно встречающаяся в произведениях ал-Газали максима «Религия и Государство — братья-близнецы» уже в начале XII приобрела широкое признание и впоследствии нашла свое отражение в идеологии мусульманских тюркских государств. Однако известно, что поучения мусульманских правителей своим сыновьям, так называемые «книги советов и наставлений» (*панд-нама, насихат-нама*), нередко начинающиеся со слов «Эй, сын!» и содержащие рекомендации по управлению государством, имели более древние корни и, согласно некоторым письменным источникам, были заимствованы из литературной традиции эпохи Сасанидов.

Несмотря на то, что в некоторых мусульманских источниках есть сведения и даже цитаты из рекомендаций, которые оставил Ардашир I, основатель и первый правитель государства Сасанидов, своему сыну Шапуру I, вероятно, эти тексты прямо не восходят к оригинальным источникам на пехлеви. Сведения о «советах» сасанидских правителей встречаются не только в сочинениях, переведенных в период Аббасидов с пехлевийского языка на арабский и персидский, но также и в произведениях на арамейском языке. О переводе с пехлеви книги «*Хвадай-намак*», выполненном Ибн ал-Мукаффа, упоминают авторы «*Сийар ал-Мулук*» и «*Нихайат ал-араб фи ахбар ал-фурс ва-л-'араб*» (IX в.). В тексте «*Ахд-и Ардашир б. Бабак*» («Обещание Ардашира») в идеализированной форме описываются тесные «братские» взаимоотношения между религией и государством. Судя по всему, правители эпохи Сасанидов, такие как Ардашир I и Хосров I Ануширван, давали советы своим сыновьям именно в такой форме, и их слова были переданы в более поздних мусульманских источниках. В эпоху Сасанидов государственные деятели использовали как официальную религию Ирана маздаизм, так и другие религиозные течения для того, чтобы успешно управлять государством и расширять свои земли. Древняя сасанидская традиция опираться на религию для укрепления государства в более поздний период была использована правителями мусульманских государств, возникших на территории Ирана и сопредельных областей.

Чунакова О. М. (ИВР РАН; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Неопубликованный согдийский фрагмент из ИВР РАН

Рукописный фонд Института восточных рукописей (ИВР) РАН хранит немало манускриптов из Восточного Туркестана на иранских языках, обнаруженных в начале XX в. и относящихся преимущественно к VIII–IX вв. Почти все согдийские документы как религиозного, так и светского характера были изданы А. Н. Рагозой¹. Однако несколько согдийских фрагментов остались неопубликованными, и среди них фрагмент под шифром Дх 12954, который представляет собой обрывок правого края свитка размером 14,5 × 12,5 см. Бумага серая, тонкая, абсорбирующая. Текст нанесен черной тушью с одной стороны и содержит 9 неполных строк. Почерк крупный, четкий, небрежный, высота букв 0,6 см, расстояние между строками — 1,0 см. Согласно шифру, фрагмент происходит из Дуньхуана.

Сохранившиеся слова довольно хорошо читаются, но перевести фрагмент однозначно непросто из-за сходства написания некоторых согдийских букв и отрывочности текста, в котором трудно определить грамматические формы сохранившихся лексем.

Транслитерация: 1 [?] (t)(1)(s) (1) [] 2 γr'm'k w'nw (k)(2–3) [] 3 m'tmn sytm'n δ'wn хур(δ) [] 4 γr'm'k pr'yw wyspw (1) [] 5 хурδh βwδ'ntk pz'(t) [] 6 šw'yumn rty'wy хурδ(t) [] 7 pnt γwtmt ZY pr(y) [] 8 šyrxwz'k mrtxm'yt [] 9 (cšn)t'y'my'm (')(?) (wx)(1) [].

Перевод: 1 []... [] 2 имущество таким образом ... [] 3 мы были (?) все со своим [] 4 с имуществом (?) весь [] 5 свой благоуханный дом (?) [] 6 мы пошли и в собственные [] 7 родные и близкие [] 8 друг людей [] 9... [].

Аналогичного сочинения среди изданных согдийско-буддийских текстов парижского и лондонского собраний, а также среди размещенных на сайте группы Турфанских исследований Берлин-Бранденбургской Академии наук нет. Но в Сериндийском фонде ИВР имеется изданный А. Н. Рагозой согдийский фрагмент SI 4784 (старый шифр — SI O/120), привезенный С. Ф. Ольденбургом из экспедиции в Дуньхуан в 1914–1915 гг. Его размеры — 9,5 × 6,0 см, количество строк — 6. Судя по бумаге и почерку, это обрывок левого края того же списка, что и фрагмент Дх 12954.

Транслитерация: 1 [] t'wr z'm p [] 2 [(m)(n)tyr(β)'k CWRH 3 [] cr(1–2) γ'k 't4 [] (1)rt pts'r cnn 5 [] (1) βγ'n 6 [] (w) (ZK)(2) [].

Перевод: 1 []... прекрасный(?) [] 2 [] +неразумное тело 3 [] ... и 4 []... затем из 5 [] богов 6 []... [].

¹ Рагоза А. Н. Согдийские фрагменты Центральноазиатского фонда собрания Института востоковедения. М.: Наука, 1980. 183 с.

Два фрагмента не соединяются друг с другом. Более того, они представляют собой фрагменты именно левого и правого краев, между которыми должна быть часть свитка, представляющая собой его середину. Скорее всего, ширина свитка была традиционной — около 13 см.

Идентифицировать эти тексты не удается: в них нет редких лексем, числительных или имен собственных, которые помогли бы их отождествить. Однако сохранившиеся слова позволяют предположить, что речь идет о земных благах, привязанность к которым осуждается как в манихействе, так и в буддизме. При этом лексика и грамматические формы дают возможность утверждать, что это отрывки согдийского перевода именно буддийского сочинения. Об этом свидетельствуют, кроме характерного содержания, почерк «буддийских сутр», тот факт, что свиток исписан только с одной стороны (манихеи обычно писали на обороте китайских свитков), а также типичная для буддийских сочинений терминология: pnt γwtmt «родные» (ср. pnt γwt'mt в согдийском буддийском тексте P 6), šyγxwz'k mrtxm'yt «друг людей» (ср. šyγwz'yt mrtymyt в согдийском буддийском тексте P 12), +mntγβ'k CWRH (ср. «неразумное тело» в речи Бхагавана в русском переводе тибетского текста Сангхатасутры), имя существительное βγ'n во втором фрагменте, которое может быть частью распространенного выражения βγ'n βγtm «из богов самый главный бог», обозначающего Будду (см. это выражение в согдийском переводе Падмачинтамани-дхарани-сутра). Грамматические особенности текста — глагольные окончания I Sing. и Pl. — свидетельствуют о том, что это могут быть отрывки буддийской сутры, поскольку в сутрах нередко встречаются диалоги и рассказы-джатаки от первого лица. В частности, в Сангхатасутре, особенно популярной среди согдийских буддистов и известной по тибетской, санскритской, хотаносакской и китайской версиям, приводится речь умирающего человека, раскаивающегося в том, что при жизни он «присваивал имущество других», «заблудился в низменных нуждах своих сынов и дочерей, а также братьев и сестер, своих родителей, друзей и родственников многих», душил «свое тело благовонною водой» и т. д.

Таким образом, неопубликованный согдийский фрагмент из ИБР РАН принадлежит той же рукописи, что и изданный ранее документ SI 4784, является фрагментом буддийского сочинения и, скорее всего, представляет собой согдийский перевод (с китайского или санскрита) некой буддийской сутры.

СЕКЦИЯ III.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
НАРОДОВ КAVKAZA
HISTORIOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Алибекова П. М. (ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала)

**Персидские литографированные книги
в дагестанских книгохранилищах**

Существование в Дагестане на протяжении многих веков богатой книжной культуры нашло свое отражение в частных книжных коллекциях и собраниях мечетей, содержащих многочисленные рукописные и старопечатные книги, эпистолярные и прочие документы на арабском, персидском и тюркском языках, которые сегодня хранятся в рукописном фонде Института истории, археологии и археографии ДНЦ РАН. Ежегодно проводимая археографическая работа с экспедиционными поездками по разным районам Дагестана свидетельствует о существовании множества неоткрытых письменных источников по истории дагестанской книжной культуры. Актуальными задачами на сегодняшний день остаются выявление, фиксация и кодикологическое описание рукописей и старопечатных книг, так как время и условия хранения этих книг работают против них.

Одним из видов старопечатных книг, представленных в дагестанских хранилищах, являются персидские литографированные книги. Работа по описанию персидских литографий нами ведется в указанных ниже дагестанских книгохранилищах.

1. Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Персидские литографированные книги этого фонда отличаются тематическим разнообразием, среди них имеются широко известные сочинения по истории («*Насихат таварих*»), мусульманской агиографии («*Бахр ал-маса'иб ва канз ал-гара'иб*» и др.), суфизму («*Мирсад ал-'убад*», «*Шарх-е Голиан-е раз*»), морально-этическим предписаниям («*Абwab*

ал-джинан», «Джаме'-е 'Аббаси»), художественная проза и поэзия. Владельческие записи, записи о купле-продаже, дарственные надписи на книгах дают нам информацию о спросе на персидские книги в Дагестане. Надо отметить, что среди печатных книг изданий местных типографий почти не встречается, за исключением сборников лексикографических работ. Печатная продукция была в основном привозная, изданная в Тегеране, Тебризе, Стамбуле и Египте.

2. Библиотека Иранского кабинета Факультет востоковедения Дагестанского государственного университета. В ней хранятся книги, подаренные факультету известным ученым-иранистом М.-Н. О. Османовым, среди которых — украшенная множеством иллюстраций «*Шах-наме*» Фирдоуси, изданная в Тебризе в 1858 г.

3. Отдел редкой книги Научной библиотеки ДГУ.

4. Библиотека Джума-мечети г. Дербента. Фонд восточных рукописей и старопечатных книг Джума-мечети г. Дербента складывался путем заказов и закупок книг из Ирана, Турции, Каира, передачи книг в *вакф* мечети горожанами или служителями мечети и путем передачи мечети персидских книг Духовным управлением мусульман Северного Кавказа. Собрание дербентских литографированных книг численно невелико (55 книг), но его отличают тематическое разнообразие и географическая широта мест издания книг. В Джума-мечети Дербента хранятся труды по всеобщей истории, истории Ирана, жизнеописания пророка Мухаммада, праведного халифа Али и имамов, суфизму, ритуальным предписаниям; художественная проза и поэзия, хадисы, шиитские *ривайаты* (рассказы о святых), сочинения по медицине, грамматике арабского языка, просодии, метрике. Они изданы в Тегеране, Тебризе, Каире, Бомбее, Лакхнау, Стамбуле, Ташкенте. В библиотеке хранится сочинение по мусульманской догматике «*Джавахи́р ал-иткан ва сейр-е майе-йе иман*» дербентского ученого правоведа имаμίта XIX в. Ага б. Абида б. Рамазана б. аз-Захида аш-Ширвани ад-Дарбанди.

Персидские литографированные книги содержат «дагестанский материал»: памятные записи, имена дагестанских ученых, переписчиков, владельцев книг, многие из которых имеют нисбу «Дарбанди». Эти сведения важны для изучения и понимания путей становления и формирования книжной культуры Дагестана, духовного развития его народов.

Гасанзаде Т. Д. (ИР НАН Азербайджана, Баку)

Произведения Льва Николаевича Толстого в Азербайджане в конце XIX — начале XX века в коллекции Института Рукописей НАНА

Сочинения выдающегося русского писателя Льва Николаевича Толстого (1828–1910) хорошо знакомы азербайджанскому читателю: с 80-х годов

XIX века его произведения переводятся на азербайджанский язык, публикуются в периодической печати, а с начала XX века издаются как на русском, так и азербайджанском языках.

Как известно, в 1851 году Лев Николаевич Толстой приехал на Кавказ, чтобы посетить Староголадковскую станицу, где проходил военную службу его старший брат. В период пребывания на Кавказе он написал такие произведения, как «История вчерашнего дня», «Детство», «Отрочество», а также участвовал в военных действиях против горцев. Двухлетний период (1851–1853 гг.) своей жизни, проведенный на Кавказе, Л. Н. Толстой считал исключительно значимым для своего духовного развития. Он был хорошо знаком с Азербайджаном и имел тесные связи с азербайджанскими мастерами пера. Многие азербайджанские просветители вели переписку с Л. Н. Толстым, а некоторые не раз встречались с ним лично. Среди них можно назвать основоположника азербайджанской национальной печати писателя Гасан бека Зардаби, филологов Фиридун бека Кочарли и Султан Меджида Ганизаде, которые находились в переписке с Л. Н. Толстым, а известные азербайджанские писатели-филологи А. Касымов (Али Сабри) и Гаджи ага Аббасов были лично знакомы с русским писателем.

Большой интерес к творчеству Л. Н. Толстого в Азербайджане начал проявляться в конце XIX в., когда на Востоке стали распространяться его общественно-философские, педагогические взгляды, чем и объясняется появление переводов многих произведений Л. Н. Толстого на азербайджанский язык.

В научных архивах Института рукописей НАН Азербайджана хранятся книги с переводами сочинений Л. Н. Толстого на азербайджанский язык, напечатанные арабской графикой. Это, например, комедия «Первый винокур», которая была переведена Султан Меджидом Ганизаде и напечатана в 1896 году в типографии Ведомства Бакинской Губернии. В Институте имеются переводы на азербайджанский язык, сделанные Гаджи Ибрагимом Гасымовым, Гафур Рашадом Мирзазаде, а также учениками Бакинской реальной школы Абдуллой, Таги и Гашимом. Особый интерес представляет автограф основоположника азербайджанской советской драматургии Джафара Джаббарлы в переведенной им книге «Детство» и подаренной известному азербайджанскому кинорежиссеру А. А. Туганову: «Дорогому другу, лично видевшему Л. Н. Толстого и рассказавшему любезно мне, как очевидец, о гениальном художнике, А. А. Туганову. Дж. Джаббарлы. 6.XII.28 г.».

Как мы видим, произведения великого русского писателя Льва Николаевича Толстого были настолько известны и популярны в Азербайджане уже с XIX в., что многие они были переведены на азербайджанский язык, а благодаря тому, что эти сочинения были напечатаны арабской графикой, с ними смогли ознакомиться и многие народы мусульманского Востока.

Зельницкая (Шларба) Р. Ш. (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург)

Махаджирство второй пол XIX в. Абхазии и его отражение в российской периодике

Переселение в страны Ближнего Востока, особенно в Османскую империю, на протяжении XIX в. широко распространившееся на всем Кавказе и имевшее определенную специфику, так как было отчасти насильственным, получило в исторической литературе название *махаджирство*. Для Абхазии махаджирскими годами стали: 1810, 1821, 1824, 1830, 1837, 1840–1841, 1850, 1864, 1867, 1877, из которых самым массовым было последнее переселение, когда выселилось 2/3 населения¹.

Главной исследовательской проблемой в изучении этого вопроса является то, что сведения о махаджирстве исходят исключительно от служивших на Кавказе, в частности в Абхазии, и корреспондентов периодических изданий «Кавказ», «Голос», «Тифлисский вестник». Сведениями же, оставленными самими абхазами, мы не располагаем. Соответственно, в распоряжении исследователей есть только рапорты начальников штабов, чиновников и газетные статьи.

Опираясь на сообщения в документах, можно выделить несколько причин выселения. Первой причиной было недовольство имперской колониальной политикой, а также последствиями крестьянской реформы, в результате которой все абхазское население было лишено личных наделов и личных прав на землю, были оставлены только общинные наделы. После проведения крестьянской реформы в 1870 г. настроения в лучшую сторону не изменились: «Абхазы в последнее время не только оскорблены, но и обмануты. Для абхазов земельный вопрос один из самых жизненных, и он был разрешен несправедливо: благодаря многим ходам, у абхазцев отрезаны лучшие земли и отданы тем фамилиям, которые ненавидимы в Абхазии»².

Вторая причина это административные злоупотребления и ошибки имперских чиновников. К началу последней Русско-турецкой войны в Абхазии вспыхнуло восстание. Основной причиной в официальных документах была названа противоречивость имперской политики. «Беззащитность края и волнения наиболее мирного и наполовину христианского населения, которое мы не смогли расположить к себе, наводит на грустные размышления мирного времени. Если мы внимательно всмотримся в причины волнения, то увидим нашу бестактность и неумение общения с инородцами. Сначала мы поддерживали князей и дворян, рассчитывая на поддержку. Затем мы от деликатных мер перешли к репрессивным — к военной силе, отбиранию оружия, ссылке».³

¹Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми.: Алашара, 1990. 153 с.

²К вопросу о причинах абхазского возмущения // Кавказ. Тифлис: 1877 г. № 182

³Кавказский берег Черного моря // Отечественные записки. Т. 237. № 3. Санкт-Петербург: Типография А. А. Краевского, Бассейная № 2, 1878.

Третьей причиной были обвинения в измене местного населения со стороны администрации. Последнюю Русско-турецкую войну, которая стала трагической, согласно сообщениям и донесениям военных и чиновников, абхазы воспринимали по-разному. С одной стороны, в исторической литературе говорится о негативном отношении абхазов к Российской империи, чиновникам и русским, поселявшимся весь XIX в. на опустевших землях. С другой стороны: «В Сухуме туземная молодежь абхазов воспламенилась желанием ехать волонтерами в Сербию и принялась приглашать желающих»¹. Более того, в Сухуме для пользы империи собрали около 900 р.

Если настроения были неоднородными, то почему же 2/3 населения выселилась в Турцию? Возможно, это было связано с военным командованием, оставившим население лицом к лицу с турецким десантом, который к тому же состоял из абхазов-*мухаджиров*, выселившихся ранее.

Четвертая причина — религиозная. Судя по противоречивым данным XIX в., среди абхазского населения встречались и христиане, и мусульмане; и, как говорилось в одной статье: «В связи с этим напрашивается вопрос, почему абхазцы не оказали должного сопротивления высадившимся в их страну туркам? Будь Абхазия магометанская, еще было бы понятно поведение ее населения, но в Абхазии магометанский элемент весьма слаб (ок. 30% являются мусульманами; вдобавок абхазы плохие мусульмане). Далее абхазы не имеют ничего общего с турками. Турки не пользовались в Абхазии особенною симпатией»².

Пятая причина — взаимоотношения сословий: крестьяне и дворяне были связаны аталычеством, а кроме того, знать обязывалась защищать своих крестьян, а они, взамен, выполняли повинности в течение года, то есть знать выступала в качестве патрона. Несмотря на то, что большая часть крестьян Абхазии являлись лично свободными, они выселились вместе с недовольными российским владычеством дворянами-патронами.

Ибрагимова З. Б. (ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала)

Богословская полемика советского периода в Дагестане как продолжение исламского дискурса начала XX в.³

Арабографические сочинения дагестанских авторов советского периода представляют собой особый интерес, являясь важными источниками по изу-

¹ РО ГПБ. Ф. 73 — Бильбасова В. А. и Краевского А. А. Д. 844. Л. 14/7.

² По поводу последних событий в Абхазии // Газета «Тифлисский вестник». Тифлис, 1877. 9 сентября, № 195.

³ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 15–01–00389.

чению религиозной жизни региона. В них находит отражение основной спектр проблем, которые актуальны и в настоящее время.

В основном рассматриваемые сочинения написаны в жанре традиционной мусульманской полемики. Примечательно, что в дагестанских полемических сочинениях советского периода освещались вопросы, находившие отражение в произведениях местных авторов и на страницах арабоязычной прессы уже в начале XX в., такие как разделение богословских школ на *мазхабы*, «лжешейхство», уплата *закята*, проведение *мавлидов*, *иджтихад*, идеология ваххабизма и т. д.

Исследования Р. С. Абдулмажидова и М. Г. Шехмагомедова посвящены критике ваххабизма в сочинениях суфийского шейха Мухаммада ал-Асали (из с. Ассаб) *«ал-Аджвиба ал-асалия фи радди шубах ал-ваххабийя»* («Ответы ассабца для опровержения ваххабитских сомнений»), *«ал-Аджвобату ал-бахийя фи исбат шафаат хайр ал-барийя»* («Великолепные ответы в подтверждение заступничества лучшего из людей») и *«ал-Фараид ал-вахбийя фи радд шубухат ал-ваххабийя»* («Божественные дары в опровержение ваххабитских смут»), которые были созданы в 20-х гг. XX в.

Предположительно в 40–60-х гг. на арабском языке было создано сочинение *«ал-Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-мусаллах»* Абд ал-Хафиза ал-Ухли (из с. Охли). Ш. Ш. Шихалиев отмечает, что в то время шла полемика «вокруг толкований установлений и обрядовой практики в мусульманском праве, а также «легитимности» суфизма и мусульманского обновленчества досоветской эпохи».

Проблеме «лжешейхства», также активно обсуждавшейся в начале XX в., посвящено арабоязычное произведение Мухаммада ал-Хабши (из с. Апши) *«Макалат ал-валийи Мухаммад б. Ахмад ал-Хабши ли масали ал-ариф Шуайб афанди ал-Багини»*, которое также было написано в советский период, но не позднее 1975 г., судя по дате переписки дошедшего до нас списка.

Большой интерес представляют и так называемые «Ответы на вопросы Нигматуллы ал-Аймаки» Абдуррахима ал-Аймаки (из с. Аймаки), в которых автор выражает свои симпатии к основателям идеологии ваххабизма. В вышеупомянутых «Ответах» также нашла отражение полемика по проблемам, которые были актуальными еще в досоветском Дагестане (деление на *мазхабы*, *иджтихад*, *таклид*, идеи ваххабизма, выплата *заката* и *кафарата*, а также распределение этих средств и т. д.). Опираясь на имеющиеся сведения, можно утверждать, что данное арабографическое сочинение на аварском языке было написано не позже 1982 г.

Идеи, совершенно противоположные воззрениям Абдуррахима ал-Аймаки, выражены в другом небольшом арабографическом сочинении, написанном на аварском языке в форме вопросов-ответов неким Мухаммадом (*нисба* автора неизвестна). В нем рассматриваются проблемы, относящиеся к истории ислама и разделению мусульманской богословской школы на *мазхабы*, идеологии

ваххабизма и т. д., а также вопросы, касающиеся мусульманской практики (правила исполнения *мавлидов*, *зикра*, чтения Корана и др.).

К сожалению, в настоящее время полемика в богословской среде стала уже переходить за рамки богословского диспута, более того — стала применяться как средство разжигания конфликтов между верующими.

Магамадов С. С. (Чеченский ГУ; Институт гуманитарных исследований АН ЧР, Грозный)

Историография истории народов Северного Кавказа 20–30-х гг. XX в.: достижения и спорные вопросы

Историография Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе очень богата, но львиная доля ее сегодня, разделив участь всей исторической науки, ждет своей переоценки с новых методологических позиций.

Широкое поле деятельности для исследователей представляет история Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горской Республики (1918–1920 гг.). До сих пор сложнейшие общественно-политические и межнациональные процессы, происходившие в 1917–1920 гг. на Северном Кавказе, сводились к противостоянию двух политических сил — «революционеров» и «контрреволюционеров», «большевиков» и «меньшевиков», «красных» и «белых».

В последнее десятилетие появилось большое количество изданий по истории региона. Тем не менее исследователи едины во мнении, что история народов Северного Кавказа 20–30 гг. XX в. изучена все еще крайне слабо. Эта оценка относится к 1917–1922 гг. Все это время Северный Кавказ оставался ареной ожесточенной борьбы, которая в отечественной историографии определялась как «повстанчество», «политический бандитизм», «бело-зеленое движение», «крестьянские и кулацко-крестьянские восстания», «контрреволюционные мятежи», «мелкобуржуазная контрреволюция». Сейчас некоторые исследователи пытаются отказаться от этих понятий, предпочитая пользоваться тоже не безупречным, но более нейтральным определением — «повстанчество».

В последние годы появился ряд работ, в которых предпринята попытка рассматривать антисоветские выступления с новых позиций. Серьезное значение для исследования рассматриваемой темы имеют обобщающие работы Е. Ф. Жупиковой, Г. В. Марченко, А. Ю. Безугольного, Н. В. Кратовой, Т. П. Хлыниной и др., которые с привлечением нового документального материала рассматривают причины повстанческого движения на Северо-Западном Кавказе и Предкавказье в начале 1920-х гг., социальный состав участников, идеологию и военную организацию формирований, ими реконструированы наиболее масштабные военные операции повстанцев.

Анализируя события революции, Гражданской войны и упрочения власти Советов в 1920–1925 гг., историкам пришлось столкнуться с огромным своеобразием материалов, связанных с этнической пестротой, влиянием ислама и исторических традиций в регионе. В научный оборот введен огромный пласт документов, проведена серьезная исследовательская работа. Вместе с тем, проблема повстанческого движения на Северном Кавказе в 1920–1930-х гг. еще нуждается в дальнейшем изучении.

Внимательного изучения требуют также позиция Советской власти на Северном Кавказе в решении аграрного и казачьего вопросов, организация местных органов власти, вопросы национально-государственного и культурного строительства, религиозные и бытовые особенности горского населения. Одной из наиболее слабо разработанных проблем является история становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа.

Среди многочисленных проблем, привлекающих в настоящее время внимание исследователей, одна из самых актуальных — аграрная политика в национальных районах юго-востока России. Это и понятно, ведь речь идет о политике, затрагивающей интересы крестьянства, составлявшего к началу XX в. подавляющее большинство населения страны, в том числе на Северном Кавказе. С этой политикой связаны как несомненные достижения, так и немало ошибок, просчетов, имевших порой трагические результаты и продолжающих поныне влиять на положение дел в жизненно важной отрасли экономики страны.

Думается, что современному прочтению истории периода 20–30-х гг. XX в. будет способствовать и изучение национальных проблем, и отдельных аспектов истории народов Северного Кавказа и сопредельных регионов, прежде всего тех, которые в прошлом не изучались или были сфальсифицированы. Очень важно, в частности, выяснить, насколько широко было сопротивление крестьянских масс в национальных районах юго-востока России. Слабым звеном в историографии этой сложной проблемы остается освещение форм и методов борьбы горского крестьянства, начиная от скрытых форм неповиновения и кончая открытыми протестами, вплоть до вооруженного сопротивления.

Накопленные материалы по 20–30 гг. XX в. ставят перед исследователями задачу комплексной разработки указанных выше проблем.

Фидана Мусаева (МГУ, Бакинское отделение, Баку)

Художественное произведение как исторический источник (по роману «Али и Нино» Курбан Саида)

Если задача историка — определить поворотные события и их роль в истории общества, то писатель изображает эти, а также не очень значимые для общества события через призму восприятия конкретных людей,

с помощью художественных образов отражает психологию описываемого времени и окружающую атмосферу.

В этом плане литературные произведения также выполняют функцию источника незарегистрированных исторических фактов, которые в современных терминах можно назвать устной историей (oral history). Роман К. Саида «Али и Нино», изданный в 30-х годах XX века и изображающий судьбу влюбленной пары накануне событий, связанных с установлением Азербайджанской Демократической Республики в начале XX века, занимает особое место в истории мировой литературы.

Это произведение можно рассматривать как исторический роман, отражающий неоднозначный период в истории Азербайджана, мастерски передающий все противоречия, существовавшие в этот период. В романе наряду с описанием истории любви Али и Нино повествуется об их путешествиях в соседние Дагестан, Карабах, Грузию и Иран. Автор не скрывает своего сочувствия к народному освободительному движению, он дополняет повествование романа картинками из повседневной жизни Азербайджана.

Именно этот роман, по-нашему мнению, является художественным произведением, которое дает наиболее полную и соответствующую истине разностороннюю информацию об общественно-политической ситуации начала XX века в Азербайджане, в частности, в Баку. Это произведение также может в определенной степени служить источником информации, необходимой для воссоздания, а возможно, и переоценки сложного и болезненного периода в истории Азербайджана начала XX века.

Овсянников Д. В. (Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Аслан-хан Кюринский и Казикумухский и его роль в военно-политических событиях на Северо-Восточном Кавказе в первой трети XIX в.

В начале XIX в. Россия начинает утверждать свое господство в Дагестане. Этот процесс проходил на фоне противостояния с Персией. При этом Российская империя искала опору в регионе в лице местных феодалов, которые предпочитали русскую службу беспокойству междоусобий и угрозе персидского нашествия. Одним из таких владетелей в Южном Дагестане был Аслан-хан Кюринский. В отечественной историографии эта личность освещена весьма скупо¹, хотя влияние и роль хана на события в данный период были весьма существенными.

¹ *Курбанов А. Д.* Деятельность Аслан-бека Кюринского в контексте политической истории России на Кавказе (конец XVIII — начало XIX века) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 89; Мантилова З. З. Кюринское ханство и его вхождение в состав России. Диссертация на соиск уч. ст. к. и. н. Махачкала, 2003.

Кюринское ханство, объединявшее территорию Кюринской плоскости, Агульского, Кошанского, Курахского и Ричинского сельских обществ, до начала XIX в. входило в состав Казикумухского ханства. Но в 1812 г. Кюринское ханство выделяется из последнего и Аслан-хан в чине полковника русской армии назначается его правителем. Такое отношение со стороны русской военной администрации в регионе объяснялось его лояльностью по отношению к России, особо заметной на фоне непримиримости и последовательного сопротивления со стороны Сурхай-хана, правителя Казикумуха и дяди Аслана.

После назначения А. П. Ермолова командующим Отдельным кавказским корпусом летом 1818 г. дагестанские правители объединяются в военный союз против России. Так называемое «ханское движение» возглавили Султан-Ахмед-хан Аварский, его брат Гасан-хан Мехтулинский и Сурхай-хан Казикумухский. Характерным было их обращение к религиозному фактору (призыв к *газавату*), чтобы сплотить вокруг себя народные массы¹. После поражения от русских войск коалиция распалась, а Сурхай-хан бежал в Персию. В январе 1820 г. ханом Казикумухским назначается проявивший верность и оказавший помощь русским войскам Аслан-хан².

Укрепив свою власть благодаря русской поддержке, Аслан-хан активно пытался поставить в зависимость от себя горцев-крестьян. Так, в течение почти 20 лет он опаривал в Кубинской провинции хлебопахотные участки в свою пользу³. Жестокость и безнаказанность хана были широко известны⁴. А. Омаров упоминает о пире в одном лакском ауле, где хан и его нукеры «таскали баб, отнимали курей у горцев и бражничали»⁵. Безнаказанность и вседозволенность хана не имели границ и способствовали тому, что конце 1820-х «Дагестан представлял из себя кучу сухих стружек, куда нужно было упасть только одной искре, чтобы она вспыхнула»⁶.

Большой интерес вызывают сюжеты, связанные с действиями Аслан-хана в отношении *мюрида тариката* Накшбандийа Магомеда Ярагского, и вопрос о степени влияния, которое на него оказывал «письмоводитель» Джемалэддин Казикумухский, будущий преемник Магомеда Ярагского и тесть имама Шамиля.

Ну и наконец, в отечественной историографии не поднимался вопрос о том, какое влияние имел Аслан-хан на дальнейшие события, связанные с переделом власти в Нагорном Дагестане. Есть основания полагать, что истребление

¹ Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. М. 2005. С. 19.

² ЦГИА Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1009. Л. 1; Волконский Кавказский сборник. Т. 10. С. 9.

³ ЦГИА Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 774. Л. 2–55.

⁴ Омаров А. Т. 2. С. 23–24.

⁵ Омаров А. Воспоминания муталима. С. 30–31.

⁶ Алферьев П. Кази-Мулла и мюридизм. Казань, 1909. С. 20.

аварской ханской династии, выгодное Аслану, было осуществлено при его косвенном участии. Так, племянник Аслана — Хаджи-ягья совершил акт убийства последнего отпрыска ханского рода Булач-хана, а позже стал одним из наибов Шамиля и управлял Аварией¹.

Все эти проблемы мы постарались рассмотреть и проанализировать на основе как опубликованных, так и неопубликованных архивных материалов и источников и сделали попытку прояснить некоторые недостаточно изученные вопросы Кавказской войны.

Османова М. Н. (ФГБУН ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала)

Торговые каталоги типографии «ал-Матба'а ал-исламийя» как источник по истории культуры Дагестана начала XX века

В начале XX века в Дагестане открылось несколько типографий, выпускавших литографированную продукцию на арабском языке. Крупнейшей из них была исламская типография М. Мавраева «ал-Матба'а ал-исламийя», открывшаяся в 1907–1908 гг. в столице Дагестанской области Темир-Хан-Шуре, благодаря которой Дагестан становится центром арабографического книгопечатания на Северо-Восточном Кавказе. В это же время в Темир-Хан-Шуре открываются и несколько книжных магазинов, торгующих печатной продукцией на восточных языках, в том числе и на арабском: «Дар ал-кутуб» М. Мавраева и «Иттихад» М.-Х. Асадова. Для рекламы издаваемой и продаваемой печатной продукции использовались торговые каталоги «Фихрист ал-кутуб» («Список книг»), датируемые разными годами — 1908, 1911, 1914, напечатанные литографским способом на арабском языке. Несколько экземпляров «Фихристов» хранятся в Фонде восточных рукописей Института ИАЭ ДНЦ РАН. Подобные каталоги, будучи публикациями сугубо утилитарного назначения, сохранились в Дагестане в очень небольшом количестве.

Источниковедческая значимость «Фихристов» безусловна — они могут рассматриваться не только как образцы рекламной и коммерческой деятельности, но и как научно-исторические документы, дающие представление о состоянии науки, образования, идеологии и культуры региона в целом. Интерес представляет само использование слова «Фихрист», которое первоначально возникло как термин, означающий перечень-опись книг при передаче их в *вакфные* библиотеки. Такой перечень служил одновременно юридическим документом и своего рода каталогом. Списки трудов отдельных авторов, или библиографию, тоже называли *фихристами*. К числу наиболее ценных и знаменитых

¹ Волконский Кавказский сборник. Т. 10. С. 11.

фихристов в арабо-мусульманском мире относят «*Фихрист*» Ибн ан-Надима (X в., Багдад) и «*Кашиф аз-зунун*» Хаджи Халифы (XVII в., Турция). В Дагестане также были свои *фихристы* или *сиджиллы* — перечни-описи рукописных собраний при мечетях, большинство из которых, к сожалению, не сохранились, а из сохранившихся «*фихристов*» самый ранний датируется XVIII веком.

Классификация наук в таких каталогах происходила по историко-иерархическому принципу, т. е. в соответствии с тем, как они оценивались в средневековом мусульманском обществе: Коран, его толкования, догматика, *фикх*, *мазхабы*, грамматика, логика, риторика и т. д.

Те же самые черты присущи и дагестанским «*фихристам*» XX века, проводящим своего рода классификацию местных и привозимых из стран Востока книг. Эти каталоги в полной мере отражают интерес дагестанцев к классической литературе на арабском языке, религиозным и суфийским сочинениям, которые переводились на национальные языки и неоднократно печатались в дагестанских типографиях.

Каталоги «*Фихрист ал-кутуб*» типографии «*ал-Матба 'а ал-исламийа*» видоизменялись со временем: «*Фихрист*» 1914 г. значительно отличается от «*Фихриста*» 1908 г. Расширяется тематика издаваемых произведений (указываются книги всех суннитских *мазхабов*), появляются исторические сочинения, художественная литература, немалое место отводится точным наукам (арифметика, астрономия). Издатель делает попытки регулировать ценовую политику: указывается цена в рублях и копейках, чего не делалось раньше. Это дает возможность сделать соответствующие выводы о соотношении цен на книги и товары народного потребления.

В оформлении «*фихристов*» более поздних годов прослеживаются европейские тенденции. Так, названия книг указываются в алфавитном порядке, напротив каждого названия книги в отдельной графе отмечается область наук — «*'илм*», к которой относится данная книга, место ее издания, язык, *мазхаб*, цена в рублях и копейках.

Перевод «*фихристов*» с арабского языка и их детальное изучение дает более четкое представление о многих аспектах культурной жизни дагестанского общества начала XX века.

Сулаев И. Х. (ДГУ, Махачкала)

Официальное мусульманское духовенство города Дербента и власть (со времени присоединения к Российской империи до 1917 г.)

В покоеённых Россией мусульманских территориях постоянно возникал вопрос регулирования ислама и установления контроля за его служителями.

Как известно, к исламу стали относиться более терпимо при Екатерине II, когда выборных духовных руководителей среднего и низшего звена власти поставили под свой контроль, чтобы отсеять «неблагонадежных» лиц. Учреждением в 1788–1789 гг. в г. Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания, в 1831 г. в г. Симферополе — Таврического и в 1872 г. в г. Тифлисе — Закавказских (шиитского и суннитского) духовных управлений мусульман порядок назначений мусульманского духовенства на большей части территории России был в определенной степени регламентирован на основе светского законодательства, учитывавшего некоторые важные шариатские нормы, а также местные обычаи и традиции¹. Для Северного Кавказа и Дагестана создание Духовных управлений мусульман затянулось вплоть до свержения самодержавия, соответственно избранные мусульманскими общинами суннитов и шиитов духовные главы — кадии и муллы утверждались в должностях царской администрации.

Дербент вошел в состав Российской империи в 1806 г. и управлялся комендантом. Царская администрация утверждала в должностях выборных мусульманских духовных лиц города. В 1820 г. глава шиитов Дербента Хаджи-Касим Казем-бек, отец будущего известного ученого-востоковеда Мирзы Казем-бека, был обвинен в нелояльности к России и выслан из города². После этого своим духовным главой шииты Дербента выбрали ахунда Мугида-хана, утвержденного в этой должности главнокомандующим на Кавказе генералом А. П. Ермоловым. Его после смерти в 1848 году заменил житель города Шемахи Аджи мулла Садых³.

Постановлением Совета Главного управления наместника Кавказа от 4 января 1847 года одно духовное лицо назначалось на 80–100 дымов. Согласно инструкции наместника Кавказа от 13 марта 1863 года муллы выбирались обществами в присутствии полицейских чинов или других представителей власти⁴.

После завершения Кавказской войны юрисдикция Закавказского магометанского духовного правления суннитского и шиитского учений была распространена и на Южный Дагестан⁵. Это подтверждается инструкцией исполняющего обязанности Наместника Кавказа от 1862 года⁶. Так как большинство жителей Дербента были шиитами, то эти законы касались прежде всего духовных глав шиитов.

¹ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. С. 51, 165.

² Гусейнов Г. Энциклопедия города Дербента. Махачкала, 2015. С. 345.

³ Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.

⁴ Газимагомедов Р. И. Государственная политика в отношении ислама в Дагестанской области (1860–1920 гг.). Автореферат канд. дис. Махачкала, 2014. С. 24.

⁵ Алов А. А., Владимиров Н. Г. Ислам в России. М. 1996. С. 98.

⁶ ЦГА РД. Ф. 15. Оп. 4. Д. 110. Л. 4–5.

Избранные мусульманскими общинами кадии (казии) и муллы с конца XIX в. и до 1917 г. проходили испытания на знание своих обязанностей в Дагестанском «народном» суде и получали аттестат (свидетельство), а главные кадии шиитов города Дербента — в Закавказском магометанском духовном управлении шиитов, расположенном в Тифлисе. Повышенное внимание властей и более высокие требования к главным кадиям шиитов города Дербента можно объяснить и тем, что они получали от правительства жалованье в сумме 200 рублей в год, 16 рублей 66 копеек в месяц. По некоторым данным, главный кадий шиитов города Дербента начал получать жалованье не позже, чем с 1893 года¹. На должности кадиев Дербента могли претендовать авторитетные мусульманские ученые-алимы старше 30 лет.

Избранные мусульманами кадии находились под пристальным вниманием царской администрации. Прежде чем утвердить их в должностях, власти собирали о них всю информацию: когда, где и в какой семье родились, к какому сословию принадлежали, выясняли не только уровень их образования и религиозной подготовленности, но и принадлежность претендента на духовную должность к «вредным» мусульманским течениям, каковым считался «мюридизм». Путем оперативной информации выяснялась также их политическая надежность и лояльность русской (царской) власти. Недаром все избранные кадии и муллы должны были дать подписку о своей лояльности властям.

В начале XX в. к кадиям и муллам городов Дагестанской области стали предъявлять более высокие требования. Для проверки их деятельности военным губернатором была создана административная комиссия, куда вошли члены Дагестанского областного народного суда. В начале XX века одних только мулл в шиитских мечетях Дербента было 38 и в дополнение к этому несколько мулл суннитов².

Тимохин Д. М. (ИВ РАН, Москва)

Южный Кавказ в годы монгольского нашествия в зарубежной историографии: на примере исследования Д. Байарсайхан «Монголы и Армяне (1220–1335)»³

В первой половине XIII в. Южный Кавказ становится объектом экспансии со стороны хорезмийской державы Джалал ад-Дина Манкбурны, а также со стороны монгольских завоевателей. Если последнему хорезмшаху не удалось

¹ Газимагомедов Р. И. «Я не принадлежал к недозволенным правительством обществам или учениям» // Исторический архив. 2014. № 4. С. 196–202.

² Гусейнов Г. Ук. соч. С. 345.

³ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16–01–50028.

надолго удерживать этот регион под своей властью и полностью завоевать все его земли, то монголы сумели включить Южный Кавказ в состав Монгольской империи. Несмотря на значимость данного события для истории Южного Кавказа и сопредельных регионов, мировая историография не обладает большим количеством специальных исследований по данной научной проблематике. При этом отечественная наука в постсоветский период не может похвастаться практически ни одним специальным исследованием монгольского и хорезмийского завоевания Южного Кавказа¹, особенно в сравнении с советским периодом отечественного востоковедения². Поэтому важно обратить внимание на зарубежный опыт исследования данной научной проблематики и указать основные тенденции в изучении и осмыслении истории Южного Кавказа в первой половине XIII в.

В качестве примера современного зарубежного исследования указанной научной проблематики хотелось бы взять монографию Д. Байарсайхан «Монголы и Армяне (1220–1335)»³, которая, с нашей точки зрения, наилучшим образом иллюстрирует сложившиеся в зарубежной историографии тенденции и подходы к изучению Южного Кавказа эпохи монгольского и хорезмийского завоевания. Безусловно, заявленная автором этого исследования научная цель несколько шире интересующей нас проблематики, в связи с чем мы сосредоточим свое внимание на тех разделах монографии, которые посвящены хорезмийскому и монгольскому завоеванию Южного Кавказа.

В рамках представленного доклада будет уделено особое внимание анализу тех разделов монографии Д. Байарсайхан «Монголы и Армяне (1220–1335)», где автор касается корпуса источников по истории Южного Кавказа в указанный исторический период. Нас будет интересовать не только полнота представленного корпуса памятников, но и те авторские оценки информационного потенциала того или иного исторического сочинения, которые можно найти в пред-

¹ См.: *Шагинян А. К.* Армения, Азербайджан и Южный Кавказ в древности и средние века: Учебник. СПб., 2012. 214 с.; *Тимохин Д. М.* Хорезмийское государство Джалал ад-Дина Манкбурны и Южный Кавказ 1225–1231 гг. // Транскавказика. Южный Кавказ и сопредельные регионы в эпоху монгольского владычества XIII–XIV вв. М., 2013. С. 7–39.

² См.: *Аветисян В.* Монгольское нашествие на Армению (XIII в.) // Московский институт востоковедения. Труды. Сб. № 1. М., 1939. С. 125–143; *Али-Заде А. А.* Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII–XIV вв. // Вопросы истории. 1952. № 8. С. 59–65; *Галстян А. Г.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 166–186; *Петрушевский И. П.* Из героической борьбы Азербайджанского народа в XIII–XIV веках. Баку, 1941. 64 с.; *Цулая Г. В.* Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980. М.: Наука, 1981. С. 112–128.

³ *Bayarsaikhan Dashdondog.* The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden, Brill, 2011. 268 p.

ставленном исследовании. В виду того, что вокруг целого ряда исторических источников до сих пор возникают научные споры, нам хотелось бы обратить внимание на их освещение в работе Д. Байарсайхан, а также сосредоточить внимание на выделении собственно авторской позиции по данным вопросам.

Также внимание будет уделено анализу той части исследования, где Д. Байарсайхан обращается к анализу историографии: здесь важно выделить полноту освещения историографических дискуссий по различным вопросам истории Южного Кавказа в указанный исторический период и авторскую позицию в связи с этим. Наконец, в этом докладе мы, естественно, наибольшее внимание уделим той части труда Д. Байарсайхан, где описываются монгольское завоевание Южного Кавказа и его последствия. Не меньшее внимание будет уделено и анализу описания хорезмийского вторжения в регион в виду его значимости, а также в связи с тем, что именно это событие позволило второй волне монгольских завоевателей почти без усилий окончательно захватить Южный Кавказ в 1230-е годы.

Фарзалиев А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Источники по административно-территориальному делению Азербайджана в составе Османской империи в конце XVI в.

Стамбульский мирный договор 1590 года положил конец 12-летней османо-сефевидской войне за Южный Кавказ. По этому договору все земли, занятые османскими *аскерами*, перешли к Османской империи. Сюда входили почти все территории Сефевидского Азербайджана (кроме Ардебилля и области) — области Тебриз, Караджадаг, Гянджа, Карабах, Нахичевань, Чукур-Саад, Ширван, Дагестан с прилегающими районами, а также области Грузии, Нихавенда, Луристана.

Определение османо-сефевидской границы с османской стороны было поручено *бейлербею* Ревана и Нахичевани Хызыр-паше и одному из *мутеферриков* «Высочайшего Порога» Хусейну. В первую очередь было проведено административно-территориальное деление земель, перешедших к Османской империи. Административное деление Ширвана было проведено еще в 1578 г., после завоевания его Лала Мустафа-пашой. Данные об этом имеются в «*Нусрет-наме*» и «*Кунх-ал-ахбар*» Мустафы Али-эфенди. Так, Ширван был поделен на два *бейлербейликства*: Ширван и Дербент. Ширван с центром Шемахи состоял из нижеследующих *санджаков*. По «*Нусрет-наме*»: 1. Ареш; 2. Кабала; 3. Акташ; 4. Шабуран; 5. Зардав; 6. Садеру; 7. Баку; 8. Сальян; 9. Хафзи-Ллахыч; 10. Кара-Улус; 11. Шеки; 12. Ахты и Ихир; 13. и «еще один санджак». По «*Кунх-ал-ахбар*»: 1. Ллахыч; 2. Акташ; 3. Кабала; 4. Сальян; 5. Зардав; 6. Шеки;

7. Баку; 8. Худад; 9. Хырз; 10. Садеру; 11. Сирхан; 12. Ассани; 13. Ареш; 14. Махмудабад.

Сопоставляя эти сведения Али-эфенди, можно сделать вывод, что Ширван сначала был поделен на 19 *санджаков*. Однако после проведения нового административного деления Дербентского вилайета два *санджака* — Шабурани и «Ахты и Ихир», упомянутые в «Нусрет-наме», перешли к дербентскому *бейлербейству*. Дербентский *эялет* с центром Дербент в свою очередь был поделен на следующие 7 *санджаков* (по «Кунх-ал-ахбар»): 1. Шабурани; 2. Ахты; 3. Куба; 4. Мускур; 5. Куре; 6. Чираг; 7. Руста.

К сожалению, сведения об административно-территориальном делении остальных районов Азербайджана в трудах Али-эфенди и в других нарративных источниках отсутствуют. Однако такие источники, как «реестры», так называемые «*дефтеры*», составленные после Стамбульского мирного договора, позволяют восполнить эти пробелы. В одном из этих *дефтеров*, составленном в 1590 г., даны названия семи *санджаков* и их *нахийе*, в том числе Шарура, Нахичевани и Ордубада.

I. Нахичеванская область (*каза*): 1. Нахичевань; 2. Мевази-и-Хатун; 3. Арсланлу-мюлку; 4. Карабаг (ныне Карабаглар); 5. Дерешам; 6. Дерешахбуз; 7. Базар-чайи.

II. Шарурская область: 1. Шарур; 2. Зар; 3. Зибил; 4. Алинджа; 5. Сисян.

III. Ордубадская область: 1. Ордубад; 2. Джулха (Джулфа) — «имеет 54 квартала (*махалле*) и огромные сады и огороды»; 3. Азад-Джейран; 4. Шорлут; 5. Норкют.

Другой подробный *дефтер* под названием «*Иджмал-и вилайет и Гянджа Карабаг*» («Обзор вилайета Гянджа-Карабаг») был составлен 21 марта 1593 г. *дефтердаром* финансов Гянджи Имамзаде Мехмедом. По этому источнику Гянджа состояла из семи следующих *санджаков* и *махалле*:

I. *Санджак* Гянзека: 1. Гянзека; 2. Гянджа-Араны; 3. Гянджа-Дагестаны; 4. Шемкюр-Араны; 5. Сонкур-Дагестаны; 6. Кюрбасан-Араны; 7. Шутур; 8. Данки; 9. Зегем-Араны; 10. Евлах; 11. Тавус; 12. Темирхасан.

II. *Санджак* Барда: 1. Барда; 2. Сир; 3. Петеклик; 4. Инджеруд; 5. Улусат-и Йигирмидорглу.

III. *Санджак* Хачын: 1. Хачын; 2. Караагач; 3. Тайфе-и Улусат-и Хаджилу; 4. Акчабеди; 5. Чалаберд-Дагестаны; 6. Чалаберд; 7. Тайфе-и Улусат-и Отузилу; 8. Гаргар; 9. Мафавез (=Чоллер).

IV. *Санджак* Акстабад: 1. Акстабад или Бююкчай; 2. Кузей; 3. Гюней; 4. Индже-Дагестаны; 5. Индже.

V. *Санджак* Дизах: 1. Арасбар; 2. Дизах-Дагестаны; 3. Дизах.

VI. *Санджак* Хакари: 1. Кюштасб; 2. Хакари; 3. Харп; 4. Алапаут.

VII. *Санджак* Варанда: 1. Варанда (названия остальных *нахийе* в *дефтере* отсутствуют).

В *дефтере* («Обзор тебризского эялета»), датированном январем 1601 г., указаны *санджаки* и *нахийе* тебризской области:

I. *Санджак* Тебриз: 1. Рудекаат; 2. Эрванк; 3. Анзаб; 4. Шаха; 5. Меренд; 6. Серд-Сахра; 7. Видхер; 8. Дихкаркаан; 9. Пир-Чобан; 10. Диреджруд; 11. Хой; 12. Мевази-и Хан; 13. Михранруд или Саидабад; 14. Хештруд; 15. Улжан.

II. *Санджак* Дизмар; Дизмар (=Йылан Калеси); 2. Мердан-имер; 3. Синдиян; 4. Узумдил; 5. Гаргар; 6. Зунуз.

Вследствие перехода территории Азербайджана к Османской империи шах Аббас I был вынужден перенести столицу сефевидов вглубь территории Ирана и готовиться к новой войне с Османской империей с целью отвоевания утраченных территорий.

СЕКЦИЯ IV.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
HISTORIOGRAPHY OF CENTRAL ASIA

Detlev Quintern (Fuat Sezgin Foundation, Istanbul)

Alexander von Humboldt and his Arabic Sources

During his research trip in Central Asia in 1829 Alexander von Humboldt compared geographic locations determined by himself, with Arabic coordinates calculated by *Abū al-Fidā* (1273–1331) around 500 years ago. Not only Arabic sources, accessible to him in various European languages, were of great importance for orientating himself in the geography of Central Asia, but far beyond this, Alexander von Humboldt acknowledged Arabic Sciences as forerunners of modern approaches in a number of scientific disciplines. Thus, he contradicted the Renaissance model which tended to marginalize the Arabic contributions to the history of sciences.

Gözde Sazak (Institute of Turcology, Istanbul University)

**From the First Gender Studies Archive in Central Asia:
Pendant on the Hun Khatun's Temple**

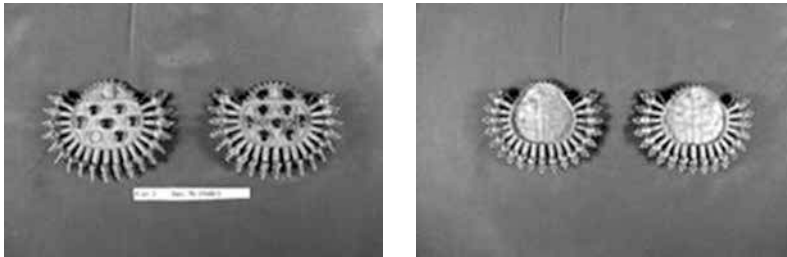
As the famous historian Z. V Togan asserts¹, concrete materials are of great importance in history for their role in determining and endorsing written sources. These tangible materials are for the most part appear to be archeological artifacts or monumental buildings. Cognitive anthropology and cognitive psychology enables us to analyze the metaphysical background of these archeological artifacts through examination of motifs and symbols of the period along with the culture they belong to. In this communiqué, as an example of “Gender Studies Archive”, we will examine

¹Z. V. Togan, *Tarihte Usûl*, Enderun Kitabevi, İstanbul 1985.

the pendant (култ) (Hermitage State Museum inventory record:1948/1)¹, which is a part of Golden Hunnic Khatun's treasure coincidentally found in a necropolis in Verkhne-Yablchnoe near Verhne- Kurmoyars in Volgograd (Oblast) region in 1902.

According to Zasetzkay, this ornament- pendant, is an object uniquely belonging to the Hunnic period. Six golden *pendants* were excavated with other treasures in the steps in Southern Russia and one was found in Central Asia. They have an ecliptic shape with a flat surface and framed with height up to 2mm on back side. Except the top part, the entire object is embowered by pendulums (18–26). The body of these pendulums is groomed and pyramid-shaped granules form triangles to complete its round tips. The front face of the pendant is completed with amber that are soldered and placed inside 10 nests on each pear. The gaps between the nests and the sides of the oval are decorated and encircled with triangles that are formed by granules. It is also ornamented with a filigreed gold. On the back side of the pendant there appears to be animal figures which are also soldered by granulation technique² (Picture 1).

The analysis of the metaphysical background of the symbols on this treasure through cognitive anthropology and cognitive psychology has brought about the following result.

Picture 1. Pendant

Cognitive Analysis: “The continuity of life protocol”, which is the extract of the security paradigms in Turkish (Hun) civilization, unites all levels of meaning through the motifs and symbols adorned inside this object. To be more specific, two meanings can be derived from the number of stones and how they are placed. Initially according to Malayev, the number 10, symbolizes women and also women's loyalty to her husband³. In other words, ten symbolizes completeness in terms of loyalty and integrity. Secondly, garnet stones and the granulized triangles between them are lined up in a way to form *four-directions motif*. Placed on top of each other, 10 garnet stones, while symbolizing the loyalty of the Khatun also portrays the *four-directions*

¹ОАК: Отçети Археологиçеской Комиссии (Data from Archeology Comission) за 1902 г., Spb., 1903. P.126–127.

²Засецкой И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Ленинград, 1975. С.14.

³А. К. Malayev. Алматы, 2004. P. 38, 85, 87, 205, 418.

motif, which constitutes the second meaning as mentioned above. So these front side ornaments as a whole represent the integrity of hierarchical structure of the state, and emphasizes the importance of Turkish family unity as an instrument for this integrity, therefore the continuity of the state and life in general.

On the back face of the pendant, we can see the tree of life made of granules, bird/eagle, deer, goat and wolf motifs. The back face being encircled with a concave framework describes both the *cope of heaven* (gök kubbe) and *yurt* (family tent). If this portrayal is interpreted as a *cope of heaven*, then it would exhibit the spiritual roof, protecting the state; if it is interpreted as a *yurt*, then it would represent the spiritual roof that protects the core family¹. Because the back face is the hidden side and forms a concave shape that evokes *cope of heaven /yurt*, it reflects the spiritual dimension of the *continuity of the state protocol*. *Tree of life motif* defines the fact that earthly life blossoms under the *cope of heaven* beneath the protection of Gok-Tengri and by its blessing. On the other hand cognitive analysis of *tree of life motif* is the constitute of mind that can grasp all abstract concepts. The concept of loyalty, which is essential for the continuity of life and state, is symbolized with *goat-deer motifs*. Furthermore, *wolf motif* communicates the ability to put the abstract concepts into action by analyzing meaning. The eagle that is seen on top of the tree of life symbolizes the fact that the *hero* (khan or khatun), who abided all hardship of life and as a result of integrity attains *superconscious* (high cognitive skills), therefore, becomes the state's all seeing eye and sword of justice.

In conclusion, this object, itself in its entirety, is a symbol as a whole. On the front side, the number 10 and the *four directions motifs*, portrays the nation as *a one big family under the roof of the state*. On the back side, the ruling dynasty is described as the core family of the all nation. The khan is represented as an *eagle*; the khatun is represented as the *tree of life*, daughters are represented as *deer-goat motifs* and sons are represented as *wolves*. The back side and the front side are created by two different plates and soldered back to back to symbolize support and mutual loyalty for each other. This unity is ornamented by pendulums that notions the sunlight (*hun/gun/gün- hun/day*) which spectacles the attribute of having *kut* as well. In a sense, this object itself is the harbinger of *kut* that glorifies the Turkish State and the Turkish dynasty.

More over, in perspective of the gender studies', this valuable piece from the Khatun's treasure exhibited in the State Hermitage Museum concretely proves that women were valued highly in the 5th- and 6th centuries by the Huns. Women formed one of the most important pillars that ensured the continuity of the state and family, their mission in keeping the integrity of social structure passed down to next generations for centuries to come ultimately influencing the western society.

¹ The relation between dome&yurt and state&family is detailed in the "Family" chapter of our book, *Zasetskaya-Sazak*, St. Petersburg Ermitaj Devlet Müzesindeki Altın Hun Hazinesi ve Kutlu Manalar. İstanbul, 2017.

Аманжолова Д. А. (ИРИ РАН, Москва)

Некоторые проблемы изучения истории восстания 1916 года в Степном крае и Туркестане

Историография преддверия и истории революции 1917 г. отличается развитием и пересечением, в т. ч. конфликтным, разнонаправленных тенденций. Новое встраивание в мировую науку сопровождается активной мифологизацией истории, когда 1916 год выступает одним из значимых сюжетов в реконструкции судьбы и памяти народов Центральной Азии как национального страдания. Публичное обсуждение прошлого часто оказывается привязанным к актуальным политическим интересам, что затрудняет анализ сложной и противоречивой проблемы, способный внести конструктивное и примиряющее начало в научные дебаты и общественное сознание.

Одной из задач остается более полный анализ динамики и характера кросс-культурного взаимодействия коренного населения и переселенцев периода столыпинской реформы. При этом для понимания причин постепенного нарастания межэтнической напряженности необходимо учитывать, проводились ли предварительно, какими структурами власти или общества и какие именно меры для социально-культурной подготовки и адаптации переселенцев в процессе обустройства в новом регионе к конструктивному межэтническому диалогу с кочевниками и др. Требуется основательный подход к анализу причин восстания, действий органов власти на местах и в центре, поведения и роли национальной общественности и интеллигенции (в том числе лидеров), межэтнических конфликтов в условиях восстания и после него, данных о потерях и жертвах в ходе и вследствие восстания в соотношении с этническим составом населения наиболее пострадавших регионов, мер по социальной реабилитации пострадавших, иностранного влияния на ситуацию в регионе и др. В изучении Тургайского очага восстания стоит обратить внимание на их этносоциальную динамику, в частности: какое значение имели внутриэтнические противоречия между кипчаками и аргынами, вылившиеся, как считают некоторые казахстанские историки, в затянувшийся конфликт и взаимную месть между сторонниками А. Иманова и А. Жанбосынова, с одной стороны, и Оспана Шолака, с другой. Конкуренция между претендентами на лидерские позиции в отдельных областях и волостях возникала не только на социальной основе. Почти повсеместное избрание ханов вряд ли можно расценивать как стремление к самоопределению, скорее, это был один из этапов организации в рамках традиционных представлений о системе управления.

В казахстанской историографии нет ясности по поводу оценки поведения национальной интеллигенции в связи с восстанием. Лишь констатируется факт поддержки интеллигенцией «колонизаторской царской» власти. Актуальной проблемой является уточнение роли и характера системы управления в регионе,

которая, несмотря на предложения ряда чиновников, оставалась военной вплоть до 1917 г., как и в Туркестане, причем религиозное и традиционное право как регуляторы внутриэтнических отношений сохранялись. Среднеазиатские окраины центральная бюрократия считала самыми спокойными территориями империи. В какой степени именно такой подход центральной власти и региональной администрации был оправдан и как военная система управления повлияла на масштабы восстания и крайние формы насилия его участников?

Одной из проблем изучения событий начала XX в. оказался переход от признанной ничтожной советской историографии к попыткам создать новую объяснительную версию, которая могла бы связать прошлое с современным нацистроительством. При этом события 1916 г. расцениваются как пролог к подлинной истории, начавшейся после распада СССР. В то же время произошла своеобразная сегрегация исторического пространства, когда исследователи Казахстана и республик Центральной Азии пытаются рассматривать прошлое своих стран отдельно от прошлого Российской империи и СССР. Более продуктивным представляется признание специфической этносоциальной, экономической, политической и культурной сложности ситуации в Казахстане и Средней Азии в период Первой мировой войны и революции в контексте общероссийских процессов.

Аминов Б. Б. (МВССО РУз, Ташкент)

Надгробные надписи *саййидов-мусавийя*

Саййидах всегда занимали важное место в истории Мавераннахра. В трудах историков Мавераннахра и Хорасана часто встречаются краткие упоминания о некоторых представителях благородного семейства — потомков Пророка. Однако роль и значение *саййидов* в социальной и общественной жизни государств этого региона недостаточно освещены в исследованиях в связи с отсутствием достаточного количества источников.

Саййиды как «религиозные аристократы» считали свой статус более высоким, чем статус рядовых мусульман завоеванных земель. Претензии влиятельных лиц этого сословия на реальную власть в Мавераннахре не прослеживаются, однако должность *накиба* предоставила им большие возможности, начиная уже с X в.¹ Авторитет, духовные и культурные функции *саййидов* постепенно привели к наделению их образов сакральными чертами. Родство с Пророком, образованность², высокие моральные качества, правильный образ жизни превратили их в объект поклонения.

¹ *Сурдель Д.* Имамитские концепции в начале XI в. в характеристике аш-Шайха ал-Муфида/ Мусульманский мир, 950–1150. М.: Наука, 1981. С. 207.

² *Bernheimer T.* The rise of Sayyids and Sadat: he Al Zubara and other Alids in ninth to eleventh century Nishapur // *Studia Islamica*, No.100/101 (2005). P. 43–69.

Начиная с XI в., места погребения потомков Пророка стали считаться местами мученической кончины святого (*маишад*) и местами поклонения (*мазар*). Территория *мазар* расширялась вследствие желания мусульман быть похороненными ближе к имаму, и постепенно такой погребальный комплекс превращался в святое место, где паломник, переступив определенную границу, мог считать себя на священной земле.

В Мавераннахре, с преобладающим суннитским населением ханафитского толка, к представителям дома *саййидов* также относились с особым уважением. Здесь существовали несколько ветвей *саййидов*, живших в определенных селениях, специально отведенных им местными правителями. Наиболее известная из ветвей именовалась *термезскими саййидами*. Кроме того, в Мавераннахре существовали и другие ветви *саййидов*, которые, согласно данным источников и материалов погребальной эпиграфики, были известны под нисбами *касбави* (*касбази*), *нахиаби*, *насафи*, *самарканди* и т. д.

Как показали исследования надгробных надписей, в период XVI–XVIII вв. в Самарканде жила одна из ветвей потомков Пророка — *саййиды-мусавийя*, происходившие от Джа‘фара ибн Ибрахима Мусы¹. Ранее здесь локализовался другой род этого семейства — род Хасана Абу Мухаммада². Среди потомков Джа‘фара ибн Ибрахима известно имя Аджала Маджид ад-Дина ‘Али ибн Джа‘фара Мусави — седьмого *накиба* в период после падения династии Саманидов. Надо отметить, что основная генеалогическая линия самаркандской ветви *саййидов-мусавийя* по восходящей линии идет к Хамзе, сыну седьмого имама Мусы ал-Казима (745–802 гг.)³.

Существует мнение, что *саййиды-мусавийя* — это отдельная ветвь термезских саййидов, на что указывает имя их эпонима⁴, хотя в текстах надписей надгробных плит *саййидов-мусавийя* нисба *термизи* отсутствует. Однако если речь идет о переселении потомков Джа‘фара ибн Ибрахима в Самарканд, то, вероятно, это произошло в эпоху Тимура, известного своим уважительным отношением к *саййидам*. Согласно хронологическим данным надгробных надписей, переселение представителей этого рода, почитавшегося узбекскими правителями, происходило в период узбекских ханств. Одним из аргументов в пользу этого может быть традиция, повествующая о перенесении в Самарканд узбекскими

¹ *Мирзаев Дж.* Роль термезских саййидов в истории Центральной Азии. www.kitab.uz/cms/files/%20Саййиды.doc. С. 4.

² Там же. С. 4

³ Муса ал-Казим, сын имама Джа‘фара Садика от его наложницы-берберки Хумайда Берберий, считался великим ученым и святым (*вали*) своего времени. Муса ал-Казим, как передают религиозные источники, имел 20 сыновей и 18 дочерей. Среди его сыновей более известен ‘Али ар-Риза, с именем которого связана вышеупомянутая святыня в Мешхеде. Имам Муса ал-Казим умер в багдадской тюрьме, куда был брошен по приказу халифа Харун ар-Рашида. Похоронен в квартале Казимийа в 10 км от Багдада.

⁴ *Мирзаев Дж.* Роль термезских саййидов в истории Центральной Азии. С. 4.

правителями праха сына Джа'фара Садика или каких-то его личных предметов. Другая версия событий отражает представление о том, что некая святыня, связанная с шестым имамом, появилась на территории Регистана стараниями самаркандских *саййидов*, влиявших на общественно-политическую жизнь государства. Для уточнения вопроса о времени и путях переселения *саййидов-мусавиййа* важные сведения могут предоставить сохранившиеся надгробные надписи.

Источником изучения генеалогии *саййидов-мусавиййа* в Мавераннахре служит погребальная эпиграфика комплекса Шах-и Зинда, расположенного на востоке современного Самарканда. По словам Абу Тахира Х^ваджи, жены, сестры и сподвижники Тимура предпочитали быть захороненными именно здесь. Они выбирали для себя место вечного упокоения на территории священного комплекса и начинали строить свои усыпальницы еще при своей жизни¹. Таким образом, сформировался своеобразный и уникальный ансамбль мавзолеев эпохи Тимуридов.

Слева и справа от главного узкого прохода комплекса Шах-и Зинда сконцентрированы надгробные плиты с надписями, большинство из которых имеет форму параллелепипеда. В каждой группе их разное количество: от 3 до 30 и даже более. Иногда встречаются отдельно стоящие надгробия. Направо от главного входа в комплекс, на возвышенной площадке, примыкающей к мечети с юга, находятся более 30 надгробий разной формы и размеров с надписями, которые представляют большой интерес с точки зрения истории и генеалогии *саййидов*. Они были выявлены в ходе ремонтно-реставрационных работ и археологических раскопок, проведенных на территории некрополя Шах-и Зинда накануне 2750-летнего юбилея города Самарканда².

Материалы погребальной эпиграфики были исследованы осенью 2006 и в начале 2007 года благодаря поддержке фонда Макса Ван Бершема. Тогда автором этих строк были проведены копирование, фотографирование и частичная расшифровка надписей. Эпитафии локализованы по месту их нахождения и соответственно разделены на четыре группы — всего 63 эпитафии. Каждая надгробная плита пронумерована согласно своему расположению в комплексе³.

¹ *Абу Тохир Хожя Самарқандий*. Самария (Самарқанд мазорлари зикри // Тарихи Муллозада. Самария. Форсчадан Абд ул-Мўмин Сатторий таржимаси, нашрга тайёрловчилар Б. Аҳмедов, А. Жувонмардиев. Тошкент: Янги аср авлоди, 2009. С. 133.

² Летом 2004 года Духовное управления мусульман Узбекистана, администрация Самаркандской области и Министерство по делам культуры выступили с инициативой о создании общественного фонда «Шахи-Зинда» с целью проведения в архитектурном комплексе восстановительных и реставрационных работ, а также работ по благоустройству. См. Андрей Кудряшов, Фергана.Ру (Ташкент–Самарканд) ferghana.ru/article.php?id=3584.

³ Нумерация надгробных плит дается латинскими буквами и арабскими числами в соответствии с их расположением на территории комплекса Шах-и Зинда. Например, Sh-1, Sh-2, Sh-3 и т. д.

Результаты исследований показали, что основная часть этих надгробных плит принадлежит представителям дома *саййидов*. В генеалогической цепи надгробных надписей насчитывается от 2 до 29 имен.

Текстологический анализ эпитафий *саййидов-мусавийя*.

В ходе расшифровки и чтения этих работ основное наше внимание привлекали приемы или методы составления эпитафий, порядок и расположение слов и фраз в тексте.

Строки на плоских поверхностях хорошо отшлифованных мраморных плит располагаются горизонтально или вертикально. Они помещаются внутри прямоугольной или арочной рамки, картуша, или внутри круга, их число составляет от 2 до 20 строк. Количество слов, фраз и строк зависит от размеров и формы поверхности надгробного памятника. Например, эпитафии очень часто написаны на торцах надгробий; на стелах они помещаются на лицевой поверхности и занимают гораздо большее пространство.

Расположение фраз и слов имеет определенный порядок. Существуют стандартные модели словосочетаний, широко применяемых в надгробных надписях. Большое внимание уделяется цитатам из Корана и другим сакральным текстам ислама. В большинстве случаев коранические цитаты помещены на верхней части надгробных плит. Обычно первые строки текста представляют собой посвятительные формулы в честь Аллаха и Пророка. Как и в книжной традиции, начальная фраза каждой эпитафии — это *басмалла*, т. е. произношение фразы «во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного»; *басмалла* — *сура ал-Фатиха*, которая повторяется в каждом *ракате* обязательной молитвы. Далее помещается одна из сур Корана или цитата из хадисов, иногда высекается *ду‘а* (молитва, прошение). Широко распространено упоминание 99 прекраснейших имен Аллаха. Наиболее распространенный коранический стих — *айат ал-Курси* — занимает центральное место на памятнике. Каллиграфы и резчики помещали священные фразы на верхней плоскости памятника, на самом видном месте. Целый ряд памятников комплекса имеют подобную структуру надписей: ниже *айата ал-Курси*, сверху вниз, помещались *басмалла*, *Калима-и тавхид*; по боковым граням надгробия также высекался *айат ал-Курси*.

На боковых плоскостях некоторых сундукообразных надгробий исследованных объектов высечены традиционные *марсийи* — лирические посмертные элегии духовного характера. Их чаще всего выбирали из произведений классиков персидско-таджикской поэзии.

В содержательной, «исторической» части надписи содержится информация о смерти, датах жизни, имени исторического лица, его генеалогии и почетных титулах. Таким образом, эпитафия в кратком виде содержит в себе элементы ономастики, хронологии, генеалогии и т. д.

«Исторический» текст большинства эпитафий начинается простым указательным местоимением *هذا* *этот* в ед. ч. м. р. или *هذه* *эта* в ед. ч. ж. р. Они обычно ставятся перед словом *مرقد* *усыпальница* или *قبر* *могила*. Как правило, указательное местоимение согласуется с последующим именем, имеющим определенный артикль, в роде и числе. Например: *هذا المرقد* *эта усыпальница* или *هذا القبر* *эта могила*. Эта формула, распространенная почти во всех текстах надгробных памятников Средней Азии, построена по грамматическим нормам арабского языка.

На эпитафиях в составе имен отдельных лиц из дома *саййидов* указывается их принадлежность к алидскому роду — *саййид ал-мусавиййа*, *мусави*. Примеры показывают, что строгие правила при составлении текста родовых соблюдалась не всегда. Сопоставительный анализ показывает, что при высечении имен представителей дома *саййидов* в ряде случаев допущены неточности. Как правило, ошибки или слияние имен имели место в том случае, когда на ограниченном пространстве каменной плиты не хватало места для нанесения полного текста.

Надо отметить, что среди *саййидов* были наиболее популярны определенные имена, поэтому характерно неоднократное повторение одних и тех же имен в цепочке предков погребенного. Можно предполагать, что в процессе ‘*акика* — церемонии присвоения имени новорожденному, соблюдались семейные традиции *саййидов*, где старейшины рода давали имена продолжателям рода¹. Среди имен *саййидов* нередко встречается имя их предка — *Мусы ал-Казима*. Главные представители рода *алидов*, упомянутые в генеалогических цепочках, как правило, обозначены титулом *имам*.

Антропонимический и терминологический анализ имен в текстах надгробий *саййидов-мусавиййа* дает представление об их социально-политических и религиозных функциях. В составе имен погребенных присутствуют почетные титулы, относящиеся к системе управления, такие как *амир ал-кабир* (*амир-и кабир*), *амир*, *султан*, *мир*. Как было установлено, родовыми почетными титулами (*лакаб*) *саййидов-мусавиййа* являются *амир* и *султан*, присутствующие в составе собственных имен многих из них. За свои заслуги и достоинства отдельные лица из сословия *саййидов* получали и другие высокие титулы, такие как *ал-амир ал-кабир*, а также *ал-вали*, *ас-саййид*, *ал-фазил*, *ал-а лим*.

Ключевыми фигурами среди представителей ветви *саййидов-мусавиййа* в Самарканде XVI–XVIII вв. можно считать тех лиц, которые были похоронены здесь. Локализация надгробных плит неподалеку от главной святыни

¹Потомки термезских *саййидов*, которые ныне живут в одном из селений недалеко от Термеза (Сурхандарьинская область), сохранили эту традицию вплоть до настоящего времени. Сообщается, что если человек не из рода *саййидов* даст своему ребенку имя, характерное для *саййидов*, присутствующие при церемонии сразу потребуют поменять это имя на другое, профанное.

некрополя Шах-и Зинда, тщательно обработанные искусными мастерами массивные каменные блоки, специально подготовленные для *саййидов*, служат указателем их высокого социального статуса.

В результате изучения и сопоставительного анализа генеалогий *саййидов-мусавийя* на основе погребальной эпиграфики стало возможно составление их родословной, хронологически охватывающей период со времени Аббасидского халифата до эпохи узбекских ханств XVI–XVIII вв., когда *саййиды-мусавийя* оформились как отдельная ветвь *саййидов*, проживавшая в Самарканде. Подобные эпиграфические исследования дают возможность систематизировать родословные среднеазиатских аристократических династий, являющиеся важным источником для дальнейшего изучения социальной истории позднесредневекового среднеазиатского общества.

Болашенкова Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Отсылки к эпохе Саманидов (IX–X вв.) в текстах современных таджикских поэтов

В 2011 г. в Таджикистане был издан большой сборник стихов современных таджикских поэтов, приуроченный к 20-летию независимости республики и получивший название «*Эъчози Раҳмон*» («Чудо Рахмона»). В нем представлены произведения 148 авторов, различные по объему, стилю и тематике. Тем не менее в них выделяется несколько наиболее популярных мотивов. Один из них — эпоха Саманидов.

Обращают на себя внимание частые параллели между президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном и эмиром Исмаилом Самани (849–907). Так, Рахмон называется и Исмаилом нашей эпохи (*Исмоили даврони мо*), и его преемником (*чонишин*), и новым Исмаилом (*Исмоили нав*), и Исмаилом Вторым (*Исмоили Сонӣ*), и славным наследником (*вориси нек*) рода Самана. Он нередко называется эмиром и еще чаще — шахом.

Исмаилу Самани приписывается фраза «Пока я жив, я — стена Бухары». Эмомали Рахмон, в свою очередь, называется поэтами и архитектором (*меъмор*) всего Таджикистана, и создателем «Исмаиловой стены сердец» (*девори Исмоили Сомониш дилҳо*).

В ряде стихотворений Рахмон уподобляется другим выдающимся личностям эпохи Саманидов. Например, врачу и философу Абу Али ибн Сине (Авиценне), который десятью пальцами мастерства (*бо даҳ ангушти хунар*) умело вправляет кости нации (*шикастабандии устухони миллат*).

Обороты, напоминающие о средневековой персидской поэзии и при этом содержащие современные слова и выражения, вообще встречаются довольно часто. Еще один яркий пример: «Когда благородный шах взошел на

престол, / Кубок до краев наполнился медом независимости» (*Чу шоҳи бомурувват сӯи тахт омад, / Лаболаб чом шуд аз шаҳди истиқлол*).

О наследии классической поэзии напоминает и жанровое разнообразие стихов в сборнике. Здесь есть и четверостишия-рубай (*рубоиҳо*), и тексты, стилизованные под эпос (например, о строительстве Рогунской ГЭС на реке Вахш), и объемная поэма-маснави (*маснави*) о городе Душанбе, и панегирики-касыды (*қасида*), очевидно, вдохновленные средневековыми касыдами, прославлявшими шахов. Особенный интерес представляет небольшое стихотворение «*Ояд ҳама*», явно отсылающее к знаменитому «*Бӯи чӯи Мулиён ояд ҳама*» («Ветер, вея от Мульяна») Абу Абдаллаха Джафара Рудаки (858–941). По легенде это стихотворение Рудаки в свое время заставило саманидского эмира Насра вернуться в столицу — Бухару — после долгого отсутствия. У современного же поэта Зафара Ахмада шах приходит из Хатлона (*аз Хутталон*), то есть с родины Рахмона. Слова «*бӯи чӯи Мулиён*» упоминаются и в другом стихотворении (автор — С. Хисори). В нем Душанбе Рахмона сравнивается с Самаркандом и Бухарой саманидских эмиров и даже уподобляется сказочному саду (*боғи Ирам*).

Интересна и символика короны (*точ*), встречающаяся у многих поэтов. Корону с семью звездами (*ҳафт сипеҳр*) можно увидеть и на флаге Таджикистана, и на ряде эмблем. Иногда можно встретить этимологию (не признаваемую, впрочем, большинством лингвистов), возводящую слово «таджик» (*точик*) к «точ».

Еще один популярный мотив: Исмаил Самани — воин и боец (*марди майдон*) и всадник (*савор*).

Наконец, отдельного интереса заслуживает использование в новой поэзии идеи *фарра* (понятие, возникшее еще в древнем Иране и означающее некую божественную сущность, обладание которой дает право на царскую власть и дарует счастье и могущество) применительно к нынешнему Таджикистану.

Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург) **Каркаринское (Албанское) восстание 1916 года и его последствия**

Каркаринское (иначе — Албанское, по названию казахского рода *албан*, поднявшего его) восстание июля–сентября 1916 считается крупнейшим в цепи массовых волнений казахов и кыргызов Семиречья, следовавших за царским указом о призыве мусульманского населения Туркестана на тыловые работы. Семиреченские восстания, в свою очередь, были частью восстаний, охвативших в 1916 году весь Туркестан.

Горная река Каркара, на которой расположен одноименный аул, отделяет кыргызскую территорию от казахской в крайней юго-восточной части Семиречья.

Выйдя из гор, она течет по широкой, покрытой альпийскими лугами долине на высоте 2200 м. Представляя собой идеальное место для выпаса скота в летнее время (жайлау), долина была в конце XIX — начале XX в. местом расположения крупнейшей в Туркестане Каркаринской ярмарки (впервые проведена по распоряжению местной администрации в 1893 году). Будучи преимущественно животноводческой (лошади, овцы, коровы — разнотравье жайлау позволяло одновременно прокормить десятки тысяч голов скота, в том числе перегоняемого из Китая), ярмарка предлагала широкий ассортимент привозных товаров (из России — мануфактура, бакалея, скобяной товар, вина, стекло и фарфор, деревянные изделия, земледельческие орудия, из Средней Азии — шелковые и хлопчатобумажные ткани, одежда и проч.) и имела оборот до 1 млн рублей золотом (1908). В 1914 году на Каркаринской ярмарке действовало 229 ярмарочных лавок.

Восстание началось по инициативе старейшин рода *албан*, собравшихся на жайлау Каркара и провозгласивших: «Пусть лучше погибнут старики, чем дети [т. е. мобилизуемые молодые казахи]!» Во главе восстания стояли Узак Саурыков, Жаманке Мамбетов, Турлыкожа Жансеркин, Аубакир, Серикпай, Бекдайыр. В первый же день восстания, 11 июля, они поднялись на сопку Ереуылтобе и водрузили знамя, после чего объявили о неповиновении царскому указу и сожгли списки мобилизованных. Затем восстание переросло в разгром Каркаринской ярмарки (торговых лавок). Последовавшая за этим карательная экспедиция (пулеметы и штыки против плеток и холодного оружия) привела к аресту, отправке в тюрьму в Каракол и казни руководителей восстания, а также к откочевке (фактически бегству) десятков тысяч кочевников в соседний Китай. Возвращение беженцев-албанов на родину длилось не одно десятилетие.

Обстоятельства восстания 1916 г., последовавших карательных мер царского правительства и последствий вынужденной откочевки и возвращения остаются не до конца проясненными, несмотря на опубликование в последнее время новых документов. Историография вопроса обнажает проблемные зоны, поскольку та или иная интерпретация документов может порой задевать национальные чувства. В течение ста лет ведутся и дискуссии о причинах восстания и его характеристики как антиколониального движения. Причины восстания были гораздо глубже, чем послуживший к нему повод (царский указ о мобилизации), и, очевидно, были связаны не просто с неверной политикой царизма на одной из окраин империи, но с самим фактом колонизации края. Непонимание царской администрацией негативных факторов колониализма и преувеличение т. н. «благ» колониализма, вкупе с верой в «миссионерство» русских в Туркестане, привели к полному или значительному игнорированию прав коренных жителей края и к жестокому конфликту между колониальной властью и русскими земледельцами-колонистами, с одной стороны, и местным кочевым и полукочевым населением, с другой. Последствия этого конфликта были унаследованы советской властью и ощущаются по сей день.

Дробышев Ю. И. (ИВ РАН, Москва)

К вопросу об изображении птицы на головном уборе Кюль-тегина и на плите из Ихе-Асхете

На некоторых каменных изваяниях, датируемых древнетюркской эпохой (VI–IX вв.), имеется изображение птицы. Большинство таких изображений обнаружено на землях, входивших в состав Западно-Тюркского каганата, и лишь два достоверно известны с территории Восточно-Тюркского каганата. О последних и пойдет речь в данном сообщении.

Широкую известность приобрела изящно высеченная из камня голова Кюль-тегина, найденная в Хушо-Цайдаме (долина р. Орхон, Монголия) чехословацко-монгольской археологической экспедицией в 1958 г. Руководитель раскопок — известный чешский археолог Л. Йисл выдвинул несколько гипотез относительно семантики птицы на головном уборе Кюль-тегина, в частности, провел параллели с птицей на коронах сасанидских монархов. Еще он предположил, что мы можем иметь дело с китайской мифической птицей *цзиньбу*. Пытаясь найти собственно тюркские истоки образа птицы, Л. Йисл полагал, что, скорее всего, она символизировала душу человека, но признал, что доказать эту версию пока невозможно. В заключение он предложил еще один вариант интерпретации — в качестве символа высокого социального статуса умершего (Jisl, 1997). Э. Кагеяма считает, что «крылатый» головной убор Кюль-тегина напоминает сасанидскую корону «типа Пероза», получившую свое название по короне, которую носил шаханшах Пероз I после 476/477 г. Ее образ скопировали эфталиты, а у них позаимствовали согдийцы (Kageyama, 2007), и уже отсюда несложно предположить ее рецепцию тюрками. Аналогичная тиара, выполненная из золота, была обнаружена также при раскопках мемориального комплекса Бёгю-кагана. С. Старк склонен видеть в птице на «крылатой тиаре» тюркских вождей китайского феникса (Stark, 2010). Аргументация С. Старка достаточно убедительна и вполне согласуется с предположениями Л. Н. Ермоленко (1998).

Совершенно иначе выглядит изображение птицы на памятнике из Ихе-Асхете, датируемом серединой VIII в. и посвященном Текешу и его двум безвременно скончавшимся сыновьям. На каменной плите высечены три мужские фигуры: скорее всего, сам Текеш и его сыновья, как полагают исследователи, в сцене заупокойного пира, а справа вверху, над тамгой Текеша, помещено довольно схематичное изображение птицы, похожей на сокола.

Чаще всего эти изображения птиц трактуются как символ отлетающей души, в пользу чего говорят как лингвистические данные (в древнетюркском языке, особенно в орхоно-енисейских памятниках, глагол *иç-* ‘летать’ регулярно используется в значении ‘умирать, скончаться’), так и этнографические материалы, касающиеся верований современных тюркоязычных народов. Однако это не объясняет, почему птица встречается весьма редко, причем

в типичном случае занимает место кубка или чаши в правой руке, тогда как ее, казалось бы, должны были изображать на всех без исключения древнетюркских изваяниях.

Есть мнение, что изваяние с птицей ставили в память о тех знатных тюрках, которые прославились соколиной охотой (Бернштам, 1952; Симаков, 1998). Охота с ловчими птицами была излюбленным развлечением кочевников с древности и до наших дней. Коксеу-Сабрах упрекал предводителя найманов Таян-хана: «Но ты, хан мой Торлук-Таян, ты больно изнежен. Нет у тебя других ни забот, ни сноровки, кроме птичьей охоты да звериных облав!» (Козин, 1941). Вспомним беседу (возможно, легендарную, но это не меняет сути дела) Чингис-хана со своими соратниками и родичами, когда на вопрос великого хана «В чем заключается высшая радость и наслаждение для мужа?» все сошлись во мнении, что это, безусловно, соколиная охота (Рашид ад-Дин, 1952).

Представляется, что птица на некоторых изваяниях означала именно охотничью птицу, которая сопровождала душу своего хозяина в иной мир и служила для нее своего рода «ангелом-хранителем». Поэтому она занимает свое привычное место на правой руке памятника охотнику-беркутчи. Учитывая, что основной ареал находок изваяний с птицей — Семиречье (Шер, 1966), можно предположить, что традиция изображать птиц шла оттуда и могла быть связана с верованиями коренного (в отличие от тюрков, появившихся там в VI в.) населения. Возможно также, что здесь наблюдаются какие-то отголоски древних хорезмийских представлений о душе, покидающей тело в виде голубя (Снесарев, 1969), но не исключено и влияние согдийцев или других ираноязычных народов с их традицией изображать царственный *фарр* в виде сокола.

Итак, можно заключить, что птица на тиаре тюркских вождей из клана Ашина и птица на плите из Ихе-Асхете имеют различную семантику, причем в первом случае, по-видимому, следует отказаться от версии, что она символизирует душу или вообще как-либо связана с душой либо умиранием.

Кукина Д. А. (ИИМК, Санкт-Петербург),

Сутягина Н. А. (ГЭ, Санкт-Петербург)

Коллекция находок из курганов Ноин-Улы (северная Монголия) на выставке в Берлине в 1929 году¹

Раскопки богатых захоронений хунну в горах Ноин-Ула, проведенные второй Монголо-Тибетской экспедицией под руководством П. К. Козлова в 1924–1925 годах, сразу же привлекли внимание отечественных

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 15–31–10162а(ц).

и зарубежных археологов и востоковедов. Итоги работы нашли отражение в небольшом выпуске кратких отчетов о работе экспедиции и научно-популярных статьях П. К. Козлова¹. Представление о найденных вещах могли дать только некоторые опубликованные фотографии наиболее красивых предметов.

Интерес к сделанному экспедицией открытию побудил немецких специалистов из Общества Восточно-Азиатского искусства обратиться к правительству СССР с запросом о возможном участии находок из Ноин-Улы в выставке китайского искусства. Проведение этой выставки было запланировано на январь–апрель 1929 года в здании Прусской Академии художеств в Берлине. После согласования организационных вопросов между Государственной Академией истории материальной культуры (ГАИМК) и Монгольской комиссией Академии наук СССР последовал положительный ответ на запрос из Германии. К открытию выставки в Берлин прибыл Г. И. Боровка, участник раскопок в Монголии. В официальном докладе и в прессе он представил результаты развития востоковедения в СССР (Архив ИИМК, ф. 2, Д. 86)².

Для участия в выставке было выбрано 100 наиболее интересных и хорошо сохранившихся находок. Шерстяные и шелковые ткани занимали основное место (более 70 предметов). На экспозиции демонстрировались предметы одежды (шаровары), детали обуви, шерстяные вышивки с изображением всадников и отдельные фрагменты вышивки с изображением мужских лиц. Разнообразие китайских шелков, найденных в захоронениях кочевников, нашло отражение в широком спектре представленных полихромных тканей, вышивок, газа.

На выставке в Берлине экспонировалась знаменитая шелковая ткань с изображением гор, птиц, дерева и грибов (MP-1330). В литературе существует устойчивое представление о том, что она происходит из знаменитого «Верхнего» кургана (№ 6)³. Однако учетная документация коллекции и подпись на фотографии предмета, сделанной в Берлине, свидетельствуют о том, что эта

¹ Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Ленинград: АН СССР. 1925. 58 с.; Козлов П. К. Ноин-Ульские курганы // Вестник Маньчжурии (Manchuria Monitor). 1926. № 1–2. С 51–56.

² Архив ИИМК РАН. Об отправке предметов из коллекции Монголо-Тибетской экспедиции П. Козлова на выставку в Берлин. Переписка. 1928/9 г. Ф. 2. Д. 86. 1928–1929 год. 37 л.; Yetts W. P. Chinese art in Berlin // The Burlington Magazine for Connoisseurs 1929. Vol. 54. № 312. P. 128–139.

³ Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: АН СССР. 1962. 206 с.; Меньшикова М. Л. Полихромная ткань из Ноин-Улы с композицией со скалами, деревом, грибами и птицами. Возможная интерпретация // Сообщения Государственного Эрмитажа. 2011. С. 30–35. Елихина Ю. И. Бактрийские ткани из коллекции Государственного Эрмитажа // Древние культуры Евразии. СПб: Инфо-ол. 2010. С. 153–156.

ткань происходит из другого захоронения. Ее обнаружили в ходе раскопок кургана № 24, которыми руководил С. А. Теплоухов¹.

Для показа на выставке китайского искусства были отправлены лаковые чашечки из курганов № 6 и № 23, деревянные украшения с лаковым покрытием. Ранее профессор Отто Кюммель прочитал и впервые предложил перевод иероглифической надписи на донце чашечки, найденной в кургане № 6, что позволило датировать его 2-м годом до н. э. (Yetts, 1929, p. 128)². Ощущение богатства и роскоши раскопанных погребений передавали представленные здесь детали китайских колесниц (спицы зонта, покрытые темным китайским лаком, бронзовые навершия разных типов), предметы изобразительного искусства из нефрита и янтаря, серебряные украшения и бронзовые детали конской упряжи, фрагмент бронзового китайского зеркала, косы в шелковых футлярах, деревянные скульптурные изображения, фрагменты знаменитого войлочного ковра.

Выставка китайского искусства в Берлине прошла с огромным успехом. К этому событию организаторы выпустили небольшой каталог «Ausstellung Chinesischer Kunst» (1929)³. Всеобщее внимание привлекли результаты раскопок в северной Монголии. Впервые эти находки стали доступны исследователям из разных стран для изучения. Благодаря документам, сохранившимся в архиве ИИМК РАН, в настоящее время появилась возможность не только изучить процесс организации этой выставки, но и восстановить состав археологических комплексов раскопанных курганов.

Лундышева О. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Роль рукописных материалов в изучении распространения буддизма в Центральной Азии

Археологические открытия в конце XIX — начале XX в. в районе Таримского бассейна (современный Синцзян-уйгурский автономный округ) стали причиной появления новой области науки — центральноазиатской палеографии. Данные, полученные в ходе изучения рукописного наследия, позволили не столько обогатить наши знания о буддийской литературе (значительная часть найденных текстов являлись переводами, уже известными по китайским или тибетским версиям), сколько значительно изменить и уточнить наше представление о том, какой именно путь прошло буддийское учение, покинув терри-

¹ Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 86.; Фотоархив ИИМК РАН. Боровка В. Г. Выставка китайского искусства в Берлине. Ф. 46, д. 226.

² Yetts W. P. Ibid.

³ Ausstellung chinesischer Kunst. Veranstaltet von der Gesellschaft für Ostasiatische Kunst und der Preußischen Akademie der Künste. Berlin. 1929.

торию Индии. Результаты исследований достоверно продемонстрировали тот факт, что на протяжении всего первого тысячелетия именно государственные образования на территории Таримского бассейна были подлинными центрами буддийской учености и культуры.

Население данной области сформировало уникальную культурную общность, ядром которой являлся буддизм, и единственным свидетельством которой стали рукописные источники, дошедшие до наших дней благодаря ряду случайных обстоятельств и настойчивости и целеустремленности целого ряда исследователей, археологов и энтузиастов-коллекционеров. Уникальность данной культурной общности состояла в ее полиэтничности, находившейся в органичном единстве. Культурные единицы, представленные текстами, идеями, образами, перетекали от одного народа к другому. Материальным воплощением этого потока и взаимообмена стало письмо *брахми*, зародившееся в Индии и вместе с буддизмом захватившее огромные пространства, оказав видимое влияние даже на культуры, уже к тому времени обладавшие своей письменностью.

Палеография буддийских источников Центральной Азии I–XVII вв. представлена широким разнообразием письменностей и языков. Синхронический и диахронический анализ рукописных материалов данной местности этого периода позволяет представить, как и когда языки и культуры в целом сменяли друг друга, в каких взаимоотношениях они находились, кто был источником влияния или реципиентом.

Самые ранние рукописи буддийского содержания, дошедшие до нашего времени, относятся к первым векам I тыс. н. э. Они написаны на санскрите письмом *брахми* или же на одном из северо-западных праkritов письмом *кхароштли*. Примерно с V–VI вв. начинают появляться рукописи на тохарских и сакских языках. Они выполнены письмом *брахми*, которое со временем будет все больше адаптироваться под нужды этих языков и визуально видоизменяться по сравнению с индийскими моделями. Примерно с IX в. ведущую роль в регионе начинают играть уйгуры, которые, по всей вероятности, находились под влиянием одновременно тохарского, китайского и тибетского направлений буддизма. Что же касается самого Китая, сначала он активно впитывал буддийские идеи из Индии посредством резидентов центрально-азиатского региона, но потом уже сам стал центром распространения и своеобразным эталоном, что, в свою очередь, не мешало ему находиться под сильным влиянием буддизма тибетского. Определенную сложность в эту систему взаимоотношений внесли монголы, чья династия с XIII в. правила в Китае, а также захватила власть в уйгурских государствах. Они тоже переняли буддизм вместе с письменностью, но теперь от уйгуров, и в своих переводах, как и они, ориентировались на тибетские и китайские оригиналы.

Весь этот сложный клубок взаимовлияний может быть распутан исключительно на основе тщательного, скрупулезного и вдумчивого исследования палеографии рукописных источников.

Мукатаева Л. К., Султангазы Г. Ж. (Университет КАЗГЮУ, Астана)

Документы личного фонда Г. Е. Катанаева — важная источниковая база по изучению истории Казахстана

Тема казахско-русских отношений является одной из самых приоритетных в исследованиях казахстанских историков. Таковой же она является и сегодня, когда Казахстан и Россия стали независимыми суверенными государствами. Историками по-новому расставляются акценты в различных аспектах этой темы. В связи с установлением взаимоотношений двух стран на новой основе внимание историков обеих стран привлекают такие сюжеты указанной темы, которые ранее находились на обочине магистрального пути развития исторической науки.

В архивах Российской Федерации отложились документы, отражающие историю взаимоотношений казахско-русских, казахско-казахских взаимоотношений на протяжении более чем трех столетий. В Государственном архиве Омской области интерес для исследователей представляет личный фонд генерал-лейтенанта казахских войск, сибирского краеведа Степного края Георгия Ефремовича Катанаева (Ф. 366). основополагающая тема — история государственно-политических и этнокультурных контактов русских и казахов в Центральной Азии в «новейшее», как тогда было принято писать, время. Часть его трудов написана на архивной источниковой базе — фонда Главного управления казахских войск, Азиатского департамента МИД в Петербурге, МАМЮ в Москве. Тогда же Г. Е. Катанаев задействовал не только библиотеки, но и свои личные (чаще заочные) связи посредством переписки с непосредственными участниками событий, связанных с движением Кенесары Касымова, кокандских и хивинских походов в 40–70-е годы XIX века в Центральную Азию.

Опубликованные в 1908 году «Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 гг.», «Западно-Сибирское казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии (конец XVI — нач. XVII ст.)» свидетельствуют о том, что он — авторитетнейший знаток бурных событий на казахско-российских рубежах Центральной Азии. В этих трудах Г. Е. Катанаева, «официально» посвященных казачеству, столь же большое место отводится и всем реалиям исследуемого времени в жизни казахского народа как контрагента русских в регионе. Обращение к ним — насущная необходимость для казахстанских ученых, занимающихся историей, правоведением, этнологией Степного края в данный период¹.

О втором направлении его научных исследований позволяют судить подготовительные материалы. Г. Е. Катанаев начал крупномасштабную работу с рабочим названием «Сибирь эпохи Петра Великого (правление Матвея Петровича, князя Гагарина... и вся Сибири губернатора)». Здесь наряду с внутрисибирскими сюжетами, такими как исследование коллизий между центральной

¹ ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 359. Л. 1 0.

и региональной властью (за что и погиб князь Гагарин). Большое внимание уделено центрально-азиатской политике петровской России и, в частности, взаимоотношениям с джунгарами и казахами того далекого времени. Всего он успел подготовить пять глав: 1, 2, 3, 4 и 7-ю своей работы при общем объеме по его плану примерно в 500 рукописных листов¹.

Еще одна фундаментальная работа — исследование под рабочим заголовком «Степной край Азиатской России и его заселение. Исторический обзор оседло-кочевой колонизации края с половины XVII столетия по наши дни», представляющее интерес для исторической науки Казахстана². Но, к сожалению, в личном фонде сохранились лишь черновые наброски 19 глав работы, хотя и не исключена возможность ее реконструкции.

Все три названных пласта научных интересов Г. Е. Катанаева показывают, насколько они актуальны для исследователей Казахстана и в наши дни, так как обращение казахстанского исследователя к российским архивным материалам сугубо имперско-колониального происхождения, какими и являются материалы истории различных казачьих войск, содержит в себе еще мало использованный, но значительный информационный потенциал по истории казахского края.

Нурбаев Ж. Е. (Университет КАЗГЮУ, Астана)

Особенности конфессиональной истории Казахстана конца XIX — начала XX вв. в источниках личного происхождения

Источники и документы, раскрывающие конфессиональную жизнь насельников Казахстана дореволюционного периода, весьма многочисленны. Это нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы, статистические материалы, периодическая печать и другие документы, представленные в казахстанских и российских архивах. Особую роль необходимо отвести источникам личного происхождения, то есть дневникам, мемуарам, путевым записям миссионеров, священников Русской православной церкви различного ранга, которые фиксировали личные впечатления современников, очевидцев и участников общественно и значимых культурных событий.

В архивных документах часто встречаются дневники священнослужителей — регулярные записи впечатлений, наблюдений и мыслей, особенность которых заключается в точной передаче настроений и деталей эпохи. Большой интерес представляет дневник священника Георгиевской церкви г. Тургая за 1906 г. Известно, что главными задачами русско-казахских школ были не только образование, но и воспитание казахского населения. По мнению чиновников,

¹ ГАОО. Ф.366.Оп.1. Д.357.Л.9.

² Там же.

«постоянные школьные сношения детей, воспринимающих быстро общее направление русской государственной жизни способствует к уменьшению мусульманского фанатизма и противодействует сепаративному началу киргизского населения»¹. Священник Георгиевской церкви г. Тургая Алексей Киячков писал в своем дневнике: «...было время, когда киргизы боялись отдавать детей в школу, думая, что их заставят потом принять русскую веру. Но, теперь сами убедились, что русские насильно не крестят...»².

Интерес вызывают записи миссионера Больше-Нарымского стана Киргизской миссии Стефана Борисова за 1892 год о постройках культовых сооружений, о количестве мусульманских школ и мулл, о паломничестве мусульман, ведении метрических книг раскольников, а также «о вредной деятельности сектантов»³. Особую ценность представляет информация о проблемах христианизации казахов и перехода новообращенных обратно из православия в ислам. В этой связи следует отметить записи священника Николая Сейфуллина об отводе земельных участков казахам, принявшим православную веру, и «о мерах по возврату отпавших в лоно православия»⁴. Этот материал позволяет выявить методы христианизации казахов и отношение православных священнослужителей к исламу.

Документы личного происхождения включают материалы личных фондов и опубликованные мемуары. В Северо-Казахстанском областном архиве был рассмотрен личный фонд М. И. Бенюха, представляющий собой весьма обширный материал по межконфессиональным взаимоотношениям в Петропавловском уезде, охватывающий большой временной отрезок с конца XIX до середины XX в.⁵

К опубликованным мемуарам относится работа миссионера Киргизской миссии Е. Елисеева, представляющая интерес в выявлении методов и приемов миссионерской деятельности на территории Казахстана. Миссионер делится не только теоретическими взглядами, но и практическим опытом христианизации кочевников. Много он пишет о трудностях данного процесса, главными из которых являются несовместимость взглядов мусульманина в отношении социально-культурной жизни оседлых поселенцев, огромные пространства степи, малочисленность служителей миссии, находящиеся среди большого числа инородцев, активная деятельность ишанов и мулл и как следствие этого — повсеместное распространение мусульманских начальных школ⁶.

¹ Обзор Тургайской области за 1899 г. Оренбург, 1900. С. 32.

² Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 40. Л. 5–5 об.

³ Алтайская и Киргизская миссии Томской епархии в 1892 г. Бийск. Типолитография И. Д. Реброва. 1893 г. Приложение 5.

⁴ ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 25а. Л. 21–63.

⁵ Государственный архив Северо-Казахстанской области. Ф. 158. Оп. 1. Д. 61. Л. 2–21.

⁶ Елисеев Е. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг. СПб., 1900. 187 с.

Характеризуя источники личного происхождения, хотелось бы отметить их разноплановость. Это и дневники, и мемуары, и путевые записи священников, раскрывающие все палитру конфессиональных отношений в дореволюционный период. В источниках описываются основные факторы и методы миссионерской деятельности, выясняются причины неуспеха православной миссии среди казахов. Совокупность выявленных исторических источников позволяет создать основу для изучения истории распространения христианства и ислама в Казахстане во второй половине XIX — начале XX вв.

*Нургельдыева А. Ю. (Институт археологии и этнографии
АН Туркменистана, Ашхабад)*

Туркменские ковровые изделия: их значение и роль в жизни туркмен

По представлению средневековых европейцев, туркменский ковер представлял собою напольное покрытие или же элемент настенного украшения. Позже, в работах российских исследователей и ценителей коврового искусства, начинают появляться указания на то, что ковер является важнейшим атрибутом в обустройстве интерьера жилища и хранении домашней утвари.

Изделия ручной работы украшают большую часть жилища туркменской семьи. Дверь с наружной стороны украшается накидкой — *энси*, а с внутренней — *гапылыком*. К округлому верхнему отверстию кибитки — *туйнуку* подвешивали полотно — *умурдуман* с многообразными и красочными навивками — *ишме* и плетениями — *орме*. Основу кибитки составляла плетеная изгородь — *тярим*. С внутренней стороны к ней навешивали ковры и разнообразные тюки — *чувалы: гызыл и гарчын*, а также многочисленные сумки для хранения ковриков: *халыторба*, для ложек — *чемчеторба*, для хранения соли — *дузторба*, для веретена — *икселик* или же *икторба*, для посуды — *гапторба* и т. д.

Наружная стороны *тярима* украшалась разноцветным поясом — *голаном*, который крепился к основе при помощи веревок белого и голубого цветов. Деревянные жерди — *ук* обматываются довольно прочными плетеными лентами. На пол стелятся: палас, войлок (с цветочным узором или без узора), коврик возле очага — *оджакбаши*, коврик для почетного места — *дуйпхалы*, большой ковер — *улы халы* и другие изделия. Домашняя поклажа покрывается чехлом — *ортменом*.

Подготовленный для перевозки невесты верблюд украшался по бокам пятиугольным ковром — *асмалыком*. На голову верблюда накидывался маленький коврик, известный как *дубашиллык*. На грудь животного навешивалась тонкая попона *дуюхалык*. Украшающее колена передних ног верблюда ковровое

изделие *дудеызык* представлялось как один из видов *асмалыка*. В некоторых местностях вместо *дудеызыка* использовались кисти-помпоны — *готазы*, прикреплявшиеся плетеными цветными веревками — *ала йун*.

При выдаче девушек замуж все свадебное приданое собиралось в особый тюк — *гарчын чувал*. В приданое входили: дубашлык, ковер, кошма, палас ойдуме, две пары чехольных тюков — *дашлык чувал*, по одной паре красных тюков — *гызыл чувал* и *гарчын чувал* и иная домашнюю утварь. Помимо этого девушки забирали с собой сотканный ими собственноручно венчальный ковер — *ника душер*. Согласно примете, невеста, прибывшая в дом жениха без подобного ковра, могла стать несчастливой в браке — *ника душмез*. По этой причине ни одна туркменская семья не выдавала замуж своих дочерей без этой разновидности ковра.

В приданое невестки обязательно входила коврая сумочка с зеркальцем и расческой — *эльбукджа*. Зеркальце это азывалось «зеркалом счастья». По прибытии невесты в дом девушки старались первым делом раскрыть эту сумочку. Считалось, что девушка, первой увидевшая в этом зеркале свое отражение, становится счастливой. Сумочка эта бережно хранилась на протяжении всей жизни. Даже после смерти женщины она, вместе с другими вещами, оставалась с ней после погребения.

Ковер, играя важную роль в жизни туркмен, является не только неотъемлемой частью духовной культуры народа, но и незаменим в быту и каждодневной практике туркменской семьи, он является самым близким спутником туркменской семьи.

Почекаев Р. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Политика Российской империи в Бухарском эмирате глазами местных авторов второй половины XIX — начала XX вв.

Сочинения бухарских авторов второй половины XIX — начала XX вв. содержат ценные сведения о политике Российской империи в их государствах. Прежде всего эта информация представляет интерес с точки зрения отношения местного населения к действиям российских властей. Анализ этих материалов позволяет сформировать достаточно целостное и объективное представление об этом отношении, поскольку авторы сочинений имеют разное социальное происхождение и принадлежат к самым разным слоям среднеазиатского общества: среди них есть и высокопоставленные сановники, отражающие официальную идеологию ханств (Мирза Салимбек, Мухаммад-Шариф-и Садр-и Зийа), и просветители, нередко критикующие своих монархов (Абдал-Азим Сами, Ахмад Дониш, Абдур-Рауф Фитрат, Садриддин Айни).

Социальное положение авторов нередко обуславливает их отношение к российской политике в Бухарском эмирате. Представители наиболее консервативных слоев общества однозначно негативно воспринимают любые преобразования, проводимые или стимулируемые имперскими властями, критикуя их и с религиозной точки зрения (как противоречащие шариату), так и в качестве своих личных отношений (как неприятие и опасение разного рода технических новшеств и пр.).

Некоторые же современники занимают довольно противоречивую позицию. С одной стороны, будучи патриотами своей страны, они опасаются окончательного захвата Бухары Россией, уничтожения ее государственности, насаждения системы русских ценностей. С другой стороны, они не могут отрицать необходимость перемен и целесообразность восприятия некоторых европейских (и русских) нововведений, сохраняя при этом систему мусульманских и национальных ценностей. Подобный подход наиболее характерен, в частности, для Дониша и Фитрата.

И если современники российского завоевания (1860–1870-е гг.) настроены по отношению к России и ее политике более настороженно (а нередко и прямо враждебно), то со временем присутствие империи в Бухаре, проводимые преобразования и пр. воспринимаются уже как свершившийся факт. А владение русским языком и поездки в имперские среднеазиатские владения даже считались признаком хорошего образования (Айни). Тем не менее патриотические настроения и в сочинениях начала XX в. в Бухаре сохраняются. Например, поражение русских в войне с Японией в 1905 г. давало некоторым авторам надежду на то, что позиции империи и в Средней Азии теперь ослабеют, и Бухара сумеет вернуть себе области, некогда отторгнутые Россией (Сами). Еще в большей степени критика действий российских властей усиливается в 1917 г., когда Временное правительство пыталось провести реформы в эмирате: действия русских и их бухарских сторонников воспринимаются представителями властей как вызов религиозным ценностям, покушение на сами основы государственности (Мирза Салимбек, Садр-и Зийа).

Помимо отражения отношения в эмирате к российской политике, сочинения ряда авторов содержат ценные фактические сведения, отражающие правовой статус Бухары как вассала Российской империи. В частности, упоминаются участие представителей туркестанской администрации и русских политических агентов в судебных разбирательствах, контроль с их стороны бухарской администрации (Сами, Айни). Имеются также сведения о предоставлении российских воинских подразделений для оказания помощи в подавлении беспорядков в Бухаре — в рамках выполнения обязанностей сюзерена (Садр-и Зийа).

Таким образом, сочинения бухарских авторов представляют собой весьма ценные и важные источники, существенно дополняющие информацию рус-

скоязычных источников об имперской политике в Бухарском эмирате в период российского протектората, позволяя взглянуть на эту политику глазами местного населения.

Соболев В. Г. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Влияние ишанов носит несомненно отрицательный с русской точки зрения характер»: русская администрация в поисках внешних и внутренних врагов в Средней Азии в начале XX в.

В 1870–1880-е гг., после образования Туркестанского края в составе Российской империи и образования российских протекторатов в Бухаре и Хиве, российская администрация, как принято считать, проводила в Средней Азии, по выражению генерал-губернатора К. П. Кауфмана, политику «игнорирования ислама». Ситуация начала серьезно меняться после того, как руководители суфийский тарикатов («ишаны») приняли заметное участие в ряде восстаний против русского владычества, особенно в Андижанском восстании 1898 г. Ситуация стала казаться российским властям еще более тревожной после победы в Османской империи Младотурецкой революции в 1908 г., усиления идеологий пантюркизма и панисламизма. Чиновники Министерства внутренних дел начали активный поиск внутренних и внешних врагов в мусульманских регионах империи. «Ишанизм» рассматривался как один из опасных проводников антироссийских настроений.

Цель доклада состоит в том, чтобы выявить характерные особенности представлений российской администрации о суфизме в Средней Азии, на территории Туркестана и Бухарского эмирата, основные тенденции в развитии суфизма с точки зрения российских властей. Доклад основан на архивных, ранее не публиковавшихся материалах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), докладах чиновников особых поручений Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий (ДДДИИ), представивших свои аналитические записки в министерство в 1911–1913 гг. Особый интерес представляет рукопись популярного в те годы бухарского ишана Шаха Йахси (Шаяхсы) о тарикате накшбандийа — ишана, который впоследствии принял активное участие в крупном среднеазиатском восстании 1916 г. Доклады чиновников особых поручений охватывают практически всю «исламскую проблематику» Туркестана: соперничество старо- и новометодных школ, влияние поволжских татар на ситуацию в регионе, проблемы развития русско-туземных школ и контроля над мактабами и мадраса. Поэтому на основе рассматриваемых архивных данных можно сделать выводы обобщающего характера о целях и методах российской политики и представлениях российской администрации об исламе в Средней Азии в начале XX в.

Султанов Т. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Возрастные категории людей в средневековой литературе Средней Азии

В средневековых мусульманских литературных памятниках принято выделять периоды жизни человека и обозначать возрастные категории. Так, Алишер Навои (1441–1501) в своем сочинении «*Маджалис ан-нафаис*» («Сообщество избранных») жизнь человека делит на четыре периода и обозначает их по количеству прожитых лет.

1. Пору детства и юности, длящаяся от семи-восьми лет до двадцати. Это — весна времен жизни.

2. Пору молодости — от двадцати до тридцати пяти лет. Это лето времен жизни.

3. Дни среднего возраста, которые можно сопоставить с годами от тридцати пяти до сорока пяти. Это осень времен жизни.

4. От сорока пяти лет до шестидесяти лет — это зима времен жизни.

Имеющийся в распоряжении востоковеда-медиевиста материал позволяет выделить восемь-девять возрастных категорий, причем термины и понятия для обозначения возрастных периодов мужчин и женщин разные.

Мужчины: *бала* (букв. «дитя», «сын»); *емчек бала* означает — грудной младенец; *кичик бала* — маленький ребенок до отрочества; *боз бала* — отрок; *йаши йигит* — юноша; *йигит* — мужчина в расцвете сил; *йигит агасы* — мужчина лет пятидесяти; *аксакал* или *карт* — человек в возрасте; *кари* или *шал* — старик; *куджаман* — долгожитель.

Женщины: *кыз бала* — дочь; *емчек кыз* — грудная; *жас кыз* — девочка; *тақиалы кыз* — девушка, достигшая нежного брачного возраста; *хатун (кадын)* — молодая женщина; *йигит агасы* — женщина примерно тридцати пяти лет; *кемпир* — пожилая женщина; *карт (кари) кемпир* — старая женщина; *куджакарт* — дряхлая старуха.

Грудной возраст — самый короткий период в жизни человека; его длительность — примерно 10–12 месяцев. Судя по тому, что в гареме мальчики находились при матерях лишь до 7–8 лет, а потом их отделяли, переход к следующему возрастному классу, к *боз бала*, соответствовал возрасту после 8-ми лет. Когда отрок достигал возраста *йаши йигита*, т. е. совершеннолетия, то ему, если он был Чингизидом, по словам хивинского хана историка Абу-л-Гази (1603–1664), требовались *вилайет* (т. е. владение), *иль* (т. е. подданные) и *мал* (т. е. определенное количество скота и имущества). Насколько можно судить по материалам источников («*Тарих-и Рашиди*»), совершеннолетие наступало в возрасте 16–18 лет. После 20 лет начинался возраст *йигита*, т. е. зрелый возраст, а около сорока лет — средний возраст.

Точное определение средней продолжительности жизни в средневековой Средней Азии вряд ли возможно. Продолжительность жизни, несомненно, была

меньшей для людей, занимавших нижнюю ступень общественной лестницы. Тем не менее в текстах средневековых письменных памятников неоднократно встречается упоминание людей весьма почтенного возраста — 70–80-летних и даже лиц, достигших ста лет. В эпоху Саманидов (875–999 гг.), согласно известиям Низам ал-Мулька, существовало правило, по которому в наместники областей не назначались лица моложе 35 лет. Интересно здесь то, что верхний предел возрастного ценза для молодежи составлял и тогда, в конце первого тысячелетия, 35 лет. Учитывая, что для 50-летних мужчин существовало основное обозначение — *йигит агасы*, переход к следующему возрастному классу, *аксакалам* (по-тюркски — «белобородые», по-персидски — *ришсафидан*) соответствовал возрасту после 60 лет. Впрочем, точная граница, очевидно, не устанавливалась и была скорее интуитивной.

Итак, для ранней стадии жизни человека используются два основных обозначения: *бала* (букв.: «дитя») и *йигит* (букв.: «молодец»), для завершающего периода жизни — три обозначения: пожилой, старый, долгожитель, а для жизни между молодостью и старостью — одно понятие: *йигит агасы*. Ныне целая плеяда светлых голов работает над проблемами увеличения продолжительности жизни третьего возрастного кластера. При таком подходе, уже по определению, форма долгой жизни — старость. Негоже. Думается, что формулу долголетия следует перефразировать и работать над вопросами увеличения и качества именно зрелого трудоспособного возраста человека, когда мужчина в периоде «*джигит агасы*», а женщина — «дама ягодка опять».

Сутягина Н. А. (ГЭ, Санкт-Петербург)

«Столики» в элитных захоронениях хунну (по материалам Ноин-Улы, северная Монголия)¹

В 1924–1925 гг. участники второй Монголо-Тибетской экспедиции под руководством П. К. Козлова раскопали элитные захоронения хунну в горах Ноин-Ула. Значительное количество предметов сопроводительного инвентаря из погребений знати составляли предметы китайского производства. В курганах № 6, № 23, № 24 (падь Суцзуктэ) и в Кондратьевском кургане (падь Цзурумтэ) были найдены детали столиков: десять ножек, покрытые темным лаком, украшенные росписью красного и коричневого цвета. Кроме того, в кургане № 24 в гробу и рядом с гробом были найдены три деревянных предмета округлой формы, вероятно, местной работы. В результате исследований Н. В. Полосьмак в 2012 году в кургане № 22 были найдены еще одна ножка с лаковым

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 15–31–10162а(ц).

покрытием и мелкие фрагменты столика¹. В монографическом издании материалов коллекции из Ноин-Улы, которая хранится в Государственном Эрмитаже, С. И. Руденко предположил, что в погребениях хунну могли находиться столики китайской и местной работы². Практика помещения в захоронения ритуальных столиков широко распространена в культуре кочевых народов в древности и средневековье.

Найденные ножи представлены двумя типами. К первому относятся прямые ножи с гладкой поверхностью, круглые в сечении. Вставной штырек подквадратной формы расположен по центру. Высота изделий варьирует от 16,8 до 19 см. Три ножи этого типа были найдены в кургане № 6, еще одна — в Кондратьевском кургане. Под воздействием естественных процессов, которые происходят в погребальных камерах, форма некоторых изделий деформировалась. Ко второму типу относятся фигурные ножи с резным орнаментом на лицевой поверхности. Ярко-красный цвет росписи повторяет и подчеркивает вырезанный по дереву узор. Ножи этого типа в сечении имеют прямоугольную форму. Вставной штырек прямоугольной формы смещен к оборотной, ровной, стороне ножи. Высота изделий различается от 16,8 до 22,4 см. Четыре ножи этого типа были найдены в кургане № 6. Еще два изделия, поверхность которых украшена резным орнаментом, сильно выделяются пропорциями. Один из предметов подобен ножкам второго типа, но имеет очень массивную форму, резной орнамент нанесен по всей поверхности, а прямоугольный вставной штырь расположен в центре. Это изделие было найдено в кургане № 23. Вторая ножка, круглая в сечении, имеет вытянутые пропорции и вставной штырь овальной формы (курган № 24). На поверхности обеих находок сохранились только незначительные фрагменты темного китайского лака. находка из кургана № 22 представляет собой уникальный для могильника в горах Ноин-Ула образец — она выполнена в виде копыта животного.

Все «столешницы» были обнаружены в кургане № 24. Один из предметов состоит из двух равных половин и, вероятно, служил, крышкой сосуда. На другой находке по окружности фиксируются паз и отверстия от гвоздиков. Обе вещи имеют диаметр примерно 20,1–20,3 см. Опубликованный С. И. Руденко деревянный круг с тремя выпуклыми рядами, расходящимися от центра, с пазами прямоугольной формы, имеет диаметр около 25 см. По форме и размерам эти пазы не совпадают со штифтом единственной найденной здесь ножи.

Таким образом, при анализе комплексов ни в одном кургане не было зафиксировано совместное нахождение ножек и подходящих «столешниц».

¹ *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С.* Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Ч. 1. Новосибирск: ИНФОЛИО. 2015. 136 с.

² *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: АН СССР. 1962. 206 с.

Размеры и количество ножек из кургана № 6 не позволяют считать их деталями одного столика. Диаметр предполагаемых «столешниц» ставит под сомнение подобное функциональное назначение. Вероятно, они служили донцами и крышками сосудов. Кроме того, в погребальном обряде хунну отсутствует практика использования в захоронениях специальных ритуальных столиков. Эту функцию выполнял хозяйственный отсек. Можно предположить, что в элитные захоронения хунну были положены только лаковые ножки в качестве подношения дорогих изделий китайского производства. Такое использование находит подтверждение в китайских материалах из северного региона. В гробницах могильника Дабаотай деревянные ножки столиков аналогичных типов также были найдены отдельно. Там вместо столешниц были найдены крупные каменные блюда¹.

Таниева Г. М. (Институт истории АН РУз, Ташкент)

Документы о паломничестве мусульман Центральной Азии в Мекку (по архивным материалам Российской Федерации)

Один из известных маршрутов совершения паломничества из Центральной Азии в Мекку проходил через территорию России. В связи с этим в различных архивах Российской Федерации встречается много сведений о паломнических маршрутах среднеазиатских мусульман через русские земли. Так, в документах фонда № 131 под названием «Татарские дела» Архива внешней политики Российской империи хранятся сведения о разрешении мусульманам Средней Азии паломничества в Мекку в XVIII в. через Астрахань, а также о запрете пересечения границы.

Сведения, приведенные в документах конца XVIII в. из фонда № 109 под названием «Сношения России с Бухарой», служат доказательством того, что вопросы паломничества стали одним из важных вопросов дипломатических отношений России и Бухары. Фонд № 125 под названием «Сношения России с Хивой» из этого же архива содержит официальное письмо посла, отправленного из Хивинского ханства в Россию, с просьбой о разрешении мусульманам ханства поездки в хадж через территорию России. А также в фонде «СПб. «Главный архив» под номером № 161 хранится документ, датированный началом XIX в., где речь идет о бухарцах, которые получили разрешение двигаться в Мекку по следующим городам России: Оренбург, Троицк, Петропавловск и Астрахань. В фонде № 161 «Азиатский департамент» обнаружены сведения о государственном запрете на паломничества в 1822–1842 гг.

¹Dabaotai Western Han tombs excavation group. Western Han Tombs at Dabaotai, Beijing. Beijing, 1989.

Этот же архив содержит множество данных о паломнических маршрутах не только через Россию, но и через территории Афганистана и Индии. Среди этих данных — множество сведений о маршрутах, путях и направлениях, а также об условиях и необходимых удобствах в пути. В другом документе XIX в. («Посольство в Константинополь», фонд № 180), приводятся факты о среднеазиатских паломниках в Мекку, попавших в крайне плачевное и жалкое состояние. В сборнике документов вышеупомянутого фонда приводятся также сведения о государственном урегулировании паломничества среднеазиатов. Богатую информацию по рассматриваемому вопросу представляют фонды Оренбургского областного архива. Это связано с тем, что один из маршрутов паломников Средней Азии проходил через город Оренбург. Необходимо отметить, что документы упомянутого фонда до сих пор не стали объектом исследования. К таким документам можно отнести материалы фонда № 6. В них содержатся ценные данные об условиях предоставления компетентным ведомством Оренбургского генерал-губернаторства специального разрешения мусульманам, выбравшим маршрут в Мекку через Оренбург. Большое значение имеют материалы, содержащие данные о бухарских купцах, получивших подобное разрешение.

Бесценными источниками о причинах разрешения либо запрета паломничества являются решения русского правительства о предоставлении разрешения, отмене или запрете движения среднеазиатских паломников по российским дорогам, а также документы, свидетельствующие о порядке предоставлении заграничных паспортов среднеазиатам. Вместе с этим надо подчеркнуть, что список путешественников или паломников, получивших разрешение на передвижение по российским дорогам, также является важным источником сведений о составе и социальном происхождении путешественников.

Фонды РГИА под номерами 107, 726, 821, 985, 1238, 1298, в том числе и ф. 29 (фонд Военного архива Российской Федерации) предоставляют интересные материалы о том, как был организован хадж, о специальных гостиницах, построенных для таких категорий путешественников, о санитарных условиях и т. п. Они также имеют большое значение для изучения паломничества через русскую территорию и отвечают на многие нерешенные вопросы по этой теме.

Тишин В. В. (ИБ РАН, Москва)

**Тӧлӧс у енисейских племен VIII–IX вв.:
от административно-территориальной
к родоплеменной единице**

Начиная с уже первого переводчика памятников древнетюркской рунической письменности В. Томсена, исследователи отмечали существование

в древнетюркской традиции двукрылой военно-административной системы, состоящей соответственно из восточного – *töläs / töläs̄ ~ tölis / tölis̄* — и западного крыла — *tarduš*. Однако длительное время ученых, начиная с В. В. Радлова, вводила в сторону основанная только на внешнем созвучии гипотеза о сопоставлении этнонима *те-лэ* 鐵勒 китайских источников с *töläs ~ tölis* древнетюркских надписей, соотносимым также с названием подразделения (*сөөк*) *töölös* у алтайцев, и предложенная Ф. Хиртом реконструкция племенного названия *се-янь-то* 薛延陀 как **Sir-Tarduš*. Ошибочность этих гипотез стала ясна после работ И. А. Клюкина, П. А. Будберга, Э. Дж. Пуллиблэнка и К. Цегледи.

Если существование такой двукрылой системы у орхонских тюрков и уйгуров, ставших в VI–IX вв. у основания крупнейших степных политических образований Центральной Азии, очевидно, то этот вопрос не может быть решен относительно племен, населявших в тот период бассейн р. Енисей. Уже К. Цегледи рассматривал сообщение надписи Кюль тегину о прибытии от енисейских кыркызов посланца с титулом *tarduš inanču čor* [Кб, 13] как свидетельство о существовании у последних аналогичной двукрылой системы. Этот момент может быть увязан с упоминанием в енисейских рунических памятниках названия *töläs̄ ~ töläs*: *t²w²P²S̄* [E-48, 7, 8; E-55, 1], *t²w²P²s²* [E-147, 3], которое, например, ведущие исследователи этих текстов И. В. Кормушин и Э. Айдын, однозначно трактуют как этноним. Между тем все эти памятники найдены в разных местах. Так, обнаруженная где-то на территории Тувы плита с надписью, хранящаяся в Минусинском музее [E 55], сохранила остатки начертаний тамги, вероятно, близкой по к форме к тамгам памятников Центральной и Восточной Тувы (дуга над крестом), а также имя меморианта – *qočγ(a)r töl(ä)s tir(i)g*. На правом берегу р. Улуг-Хем найдена другая надпись Ээрбек I [E 147] с тамгой иного типа (крест с уголками в нижних секторах), также характерного для памятников Восточной Тувы. Эта надпись содержит титул *töl(ä)s (a)lp t(a)rq(a)n*. Он может быть соотнесен с именем посланника от енисейских кыркызов к танскому двору в 841 г., погибшего во время нападения уйгуров, Доу-люй-ши Хэ 都呂施合 < **tuo-ljwo-sie-γap* < **tölüs alp* (Г. П. Супруненко, Ю. А. Зуев), с должностью *tarqan* (*да-гань* 達干). Эта транскрипция отличается от стандартной китайской передачи древнетюркского *töläs / töläs̄ ~ tölis / tölis̄* через сочетания *ту-ли* 突利 / *ту-ли-ши* 突利失 и, видимо, отражает фонетические особенности языка-источника заимствования — последовательная лабиализация, что характерно, однако, для памятников с тамгой в виде дуги над крестом, место скопления значительного числа которых [E 5; E 6; E 7; E 54; E 68] любопытно соотносится с территорией расселения тувинской родоплеменной группы *tülüs* (Н. А. Сердобов). Согласно И. В. Кормушину, памятники первой тамговой группы являются ранними относительно памятников других групп на территории Тувы.

Третья надпись найдена в Хакасии, на р. Абакан [E 48]. Здесь сохранились остатки тамги (круг над «вершиной»), присущей для надписей левобе-

режья Верхнего Енисея (у г. Саяногорск) [Е 25; Е 104], с которыми надпись сближают некоторые графические особенности (тип словоразделителя). Мемориант носит должность *totoq*, т. е. 'наместник'.

В. В. Понарядов относит две последние надписи [Е 48; Е 147] к одному диалекту, но нужно отметить различие в написании *töl(ä)ś ~ töl(ä)s*. Данная лексема, расположенная в начале имени меморианта в первом случае, сочетаясь с эпитетом, является составной частью титула во втором, сочетаясь с названием должности — указывает на назначение меморианта.

В целом косвенная датировка некоторых енисейских рунических надписей позволяет говорить о формировании родоплеменной единицы *töläs ~ töläs* (диал. **tölüs* > **tülüs*) в Центральной Туве не ранее середины IX в.

Умурзаков Б. С. (Институт востоковедения АН РУз, Ташкент)

Фахр ад-Дин Али Сафи Херави и его научное и литературное наследие

Литератор и проповедник, известный суфий тариката Накшбандиййа, Али Сафи, который жил и творил в XV столетии, является выдающейся личностью своего времени. В своих сочинениях он именует себя как «Фахр ад-Дин Али ибн Хусейн ал-Ваиз ал-Кашифи, известный под именем «ас-Сафи»¹.

Али Сафи был сыном крупного представителя научной и литературной школы Герата Мавлана Камал ад-Дина Хусейна ал-Ваиза ал-Кашифи², ученика выдающегося ученого и поэта Мевлана Нур ад-Дина Абд ар-Рахмана Джамии. Он родился в Себзеваре в 867/1463 г., однако вырос и получил образование в Герате. Одним из его наставников был брат его матери Джамии. После смерти отца он занял его место в качестве главного проповедника Герата. Автор сочинения «Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад ал-башар» («Друг жизнеописаний в известиях об отдельных людях») Мавлана Хандамир пишет следующее: «В 929 году хиджры (1522 г. — У. Б.) сын Мавлана Камал ад-Дина Хусейни достойный Мавлана Фахр ад-Дин Али занял место своего отца. Каждую пятницу по утрам в самом благословенном месте Герата — Большой мечети он выступал с наставлениями перед правоверными, наводя их на путь истинный. Его речи были столь красивы и приятны, что радовали сердца людей». Это свидетельствует о той значительной роли, которую играл Сафи в духовно-религиозной жизни Герата.

¹ *Фахр ад-Дин Али Сафи. رشحات عين الحيات* (Рашахат айн ал-хайат). Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 33, № 10147. Усманов О. Р. Ахлаки Мухсини Ваиза Кашифи. Введение в изучение памятника XV в. Перевод. Историко-филологический комментарий: Автореф. дис... канд. филол. наук. Ташкент, 1984. Л-16.

² *Усманов О. Р. Ук. соч. С. 17.*

Его перу принадлежит целый ряд произведений, наиболее известным и из которых является «*Раишахат айн ал-хайат*» (Капли из родника жизни), завершённое в 909/1503–4 г. Следует отметить, что историки и литературоведы в своих научных исследованиях использовали только литографические издания, однако имеются серьезные различия между этими изданиями и рукописными образцами данного сочинения.

Али Сафи писал также и стихи «Сафи» — это его поэтический псевдоним. Он в стиле «Лайла и Маджнун» написал поэму-месневи «Махмуд и Айаз». Кроме этого, многие приведенные в «*Раишахат айн ал-хайат*» бейты и рубаи принадлежат Сафи.

Следующие сочинения также принадлежат перу Али Сафи: «*Анис ал-арифин*» («Попутчики просвященных лиц»), «*Хирз ал-аман мин фитан аз-заман*» («Средства избавления от интриг времени»), «Фараснама-йи Сафи» («Поэма Сафи о коне»), «Адаб ал-асхаб» («Книга об уважении друзей»).

Рукописи трудов Фахр ад-Дина Али Сафи хранятся в рукописном фонде Института востоковедения АН РУз и в Музее литературы им. Алишера Навои АН РУз. Наиболее важным является автограф «*Раишахат айн ал-хайат*», который до сих пор детально не изучен (хранится в Государственном музее им. Алишера Навои АН РУз).

Важнейшей чертой интеллектуального портрета Фахр ад-Дина Али Сафи является то, что он ценит истину превыше всего. Он убежден, что знание и «здравая вера» (*'акида-и салим*), совмещение внешнего (*тахарат-и зохир*) и «внутреннего омовения» (*тахарат-и ботин*) — это высший дар Всевышнего, что сама истина важнее всяких убеждений, идеологий и общественного мнения, что он как ученый, летописец и поэт призван проповедовать истину и веру, а значит, иметь учеников и последователей¹. Богатое литературное наследие, которое оставил после себя Али Сафи, нам еще предстоит осмыслить. Жизнь и творчество этого выдающегося проповедника и литератора представляет несомненный интерес для изучения.

Хамидова М. С. (НУУз, Ташкент)

Изучение архитектурных памятников Узбекистана государственными учреждениями в 20–90 гг. XX в.

Архитектурные памятники, созданные узбекским народом, имеют важное значение для культурного наследия Узбекистана. Изучение данного наследия находилось в поле зрения исследователей различных периодов. Актив-

¹ *Фахр ад-Дина Али Сафи. رشحات عين الحيات* (Раишахат айн ал-хайат). Рук. ИВ АН РУз. Инв. № 33. № 10147. Л. 276.

ная организационная работа по изучению и охране памятников архитектуры древних городов Узбекистана начинается с 20-х годов XX в. В эти годы постановлением Центрального исполнительного комитета Туркестанской Республики был создан ряд специальных государственных учреждений, таких как:

- Центральное управление архивами Туркестанской Республики (Цуардел, постановление от 30 января 1920 г.);
- Комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы Туркестанской Республики (Туркомстарис, от 21 мая 1921 г.);
- Среднеазиатский комитет по охране памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис, от 26 декабря 1924 г.);
- Главное управление по охране памятников и изобразительного искусства при Минкультуры УзССР (Узкомстарис, от 19 марта 1929 г.).

Декретом ЦИК Советов Туркестанской Республики от 30 января 1920 г. дело охраны исторических памятников было возложено на комиссию Цуардел. В задачи Цуардела входили: регистрация памятников истории, искусства и природы, их охрана и реставрация¹.

21 мая 1921 г. для объединения и управления музейным делом и охраной памятников в составе Наркомпроса постановлением СНК Туркестанской Республики был утвержден Туркомстарис. В круг ведения Туркомстариса входило: заведование всеми музеями (гуманитарными, естественными, историческими и производственными, центральными и региональными), регистрация, охрана и реставрация памятников. В связи с национально-территориальным размежеванием Средней Азии 26 декабря 1924 г. Туркомстарис был реорганизован в Средазкомстарис. Туркомстарисом и Средазкомстарисом были опубликованы научные работы и отчеты, в том числе в специальном издании комитета — «Известия Средазкомстариса»².

В 1929 г. Средазкомстарис был ликвидирован. Вместо него 19 марта 1929 г. постановлением ЦИК УзССР был образован Комитет по охране материальной культуры (Узкомстарис) при Наркомпросе УзССР. 27 июня 1932 г. комитет передан в ведение СНК УзССР. 6 марта 1946 г. комитет был ликвидирован, а в Управлении по делам архитектуры при СНК УзССР организован отдел по охране памятников архитектуры УзССР. 30 августа 1957 г. отдел ликвидируется и образуется Комитет по охране памятников материальной культуры Узбекистана. 11 мая 1961 г. данный комитет реорганизуется в Главное управление по охране памятников материальной культуры, природы и музеев при Минкультуры УзССР. 1 января 1969 г. он реорганизуется в Главное управление по охране памятников и изобразительного искусства при МК УзССР³.

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-399, оп. 1, д. 82, л. 8.

² ЦГА РУз. Ф. Р-394, оп. 1, д. 407, л. 2–4.

³ Путеводитель по фондам ЦГАРУз. Т. , 1988. С. 77.

Несмотря на многочисленные изменения в структуре и названиях этих госучреждений, основные функции остались теми же: охрана исторических памятников, памятников искусства и природы, а также ведение музейного дела в Узбекистане.

В заключение следует отметить, что в 20–90 годах XX века госучреждениями, такими как, Цуардел, Туркомстарис, Средазкомстарис и Узкомстарис был осуществлен целый ряд значимых работ по регистрации, изучению, охране и восстановлению исторических памятников Узбекистана. В частности, по инициативе специалистов этих госучреждений были созданы ценные архивные документы, в том числе фотоальбомы архитектурных памятников исторических городов Узбекистана. Благодаря усилиям специалистов этих госучреждений коллекция архивных документов была передана в ЦГАРУз и в настоящее время хранится в фондах данного архива.

Шорохов В. А. (Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Арийский миф» и его роль в конструировании идентичности населения Таджикистана

История бытования арийского мифа в современном Таджикистане восходит к XIX столетию, когда представления о «прародине» индоевропейских народов экстраполируются на Центральную Азию представителями европейской и русской академической науки, а вслед за ними и офицерами, администраторами, исследователями империи, такими, как, например, А. А. Семенов. В советское время несколько сглаженная форма этого комплекса представлений легла в основу оправдания создания и существования самостоятельной Таджикской ССР. Одним из наиболее влиятельных протагонистов «арийского мифа» стал научный и политический деятель советского Таджикистана Б. Гафуров. Значительный вклад в его развитие внесли археологи, которые на протяжении большей части советской эпохи интерпретировали следы материальной культуры эпохи бронзы и раннего железа как принадлежащие «индоиранским»/иранским народам.

В постсоветский период в условиях политики «возрождения» идентичности значительная часть интеллигенции педалировала «арийское прошлое» таджиков в противовес исламскому самосознанию. Сегодня официальная историография РТ (в частности, историческая концепция, отраженная в работах Э. Рахмона) пытается объединить представления об автохтонности таджиков и их связи с «арийской цивилизацией» и идею ведущей роли средневековой персоязычной интеллектуальной элиты Центральной Азии в распространении и адаптации в нем ислама.

СЕКЦИЯ V.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА
HISTORIOGRAPHY OF THE ANCIENT ORIENT

Беликов А. М. (Ленинградский областной филиал СПбУ МВД РФ)

**Торговля опиумом в позднем бронзовом веке?
К вопросу о содержимом кипрских кувшинчиков
с круглым основанием**

Широкое распространение получила гипотеза британского исследователя *Р. Мерреллиза* о том, что кувшинчики с круглым основанием (*base-ring juglets*), имеющие форму маковой коробочки, экспортировавшиеся в середине и второй половине II тыс. до н.э. с Кипра и обнаруженные в больших количествах на территории Сирии, Палестины, Египта и Нубии, представляли собой тару для хранения и перевозки жидких растворов, содержащих опиум¹. Под влиянием этой гипотезы Кипр часто воспринимался в качестве своеобразного центра древнего производства и потребления данного наркотического средства. В этой связи многие предметы материальной культуры были ошибочно интерпретированы в качестве принадлежностей для употребления опиума, как, например, найденные при раскопках города Китион трубка и цилиндрический сосуд (а один из слоговых знаков кипро-минойского письма, нанесенный на оба предмета, как идеограмма, обозначающая опиум).

Анализ органических остатков, которые содержат кипрские кувшинчики, подтвердил наличие следов алкалоидов опиума лишь в одном из них, храня-

¹ *Merrillees R. S. Opium Trade in the Bronze Age Levant // Antiquity. 1962. Vol. 36. Issue 144. P. 287–292.*

щемся в коллекции университетского музея Мартина фон Вагнера в Вюрцбурге (Германия), и обнаруженном, по всей видимости, в Египте¹.

Исследование органических остатков, предпринятое в отношении трех кипрских кувшинчиков с круглым основанием, недавно открытых в Тель Бейт-Шамеш (Израиль) в контексте XIV в. до н. э., показало отсутствие в них алкалоидов опиума. Анализ остатков в еще четырнадцати кувшинчиках и кувшинах, происходящих с Кипра, дал аналогичные результаты². Наиболее вероятной в настоящий момент представляется гипотеза о том, что данные сосуды содержали в себе ароматические масла различного вида³. Также следует отметить, что сходство формы кувшинчиков с маковой коробочкой неоднократно оспаривалось.⁴

Таким образом, к гипотезе Р. Мерреллиза следует относиться более осторожно, а сходство кувшинчиков с маковой коробочкой может быть объяснено, например, тем, что при изготовлении ароматических масел, перевозимых в кувшинчиках с круглым основанием, применялось масло, получаемое из семян мака. Заслуживают внимания и сведения Феофраста (*De odoribus*, IX) о существовавшей в период античности практике смешивания ароматических масел с вином для улучшения его вкуса. Именно данной практике может быть обязано появление следов опиума в кувшинчике из вюрцбургской коллекции — содержащееся в нем ароматическое масло могло предназначаться не только для улучшения вкуса вина, но и для усиления его психоактивных свойств.

Емельянов В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Неопубликованные и незавершенные работы В. К. Шилейко из архива РАН⁵

В архиве профессора ЛГУ, зав. Отделом древнего Востока ГМИИ В. К. Шилейко (СПбРАН, Ф. 1059) хранятся неопубликованные статьи

¹ Koschel K. Opium Alkaloids in a Cypriote Base Ring I Vessel (Bilbil) of the Middle Bronze Age from Egypt // Ägypten und Levante. 1996. Bd. 6. P. 161–163.

² Chovanec Z., Bunimovitz S., Lederman Z. Is there opium here? Analysis of Cypriote Base Ring juglets from Tel Beth-Shemesh, Israel // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. 2015. Vol. 15. P. 175–189.

³ Bunimovitz S., Lederman Z. Opium or oil? Late Bronze Age Cypriot Base Ring juglets and international trade revisited // Antiquity. 2016. Vol. 90. Issue 354. P. 1552–1561.

⁴ См. например: Germer R. Einige Bemerkungen zum angeblichen Opiumexport von Zypern nach Ägypten // Studien zur altägyptischen Kultur. 1981. Bd. 9. S. 125–130.

⁵ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ N 16–18–10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX вв.».

и материалы докладов, над которыми он работал в 1927–1930 гг. Из писем Б. Мейснера к Шилейко (1927–1929 гг.) мы узнаем о том, что все статьи посылались немецким коллегам (Б. Мейснеру, Э. Эбелингу и Э. Вейднеру) вместе с фотографиями и автографиями клинописных текстов. Статьи предназначались для публикации в журнале *Archiv für Orientforschung*, однако смерть Шилейко помешала этим планам.

Статья «Ассирийский ответ приверженцам Шамашшумукина» была подготовлена для публикации в журнале ГМИИ им. А. С. Пушкина «Жизнь Музея», однако не вышла. Машинопись ее полного текста и перевод на немецкий язык удалось обнаружить в архиве друга Шилейко коптолога П. В. Ернштедта (СПБРАН, Ф. 877, оп. 1, д. 230, лл. 1–8), но черновой вариант есть и в архиве самого Шилейко (Ф. 1059, оп. 1, д. 12, л. 151–152). Шилейко публикует транслитерацию и перевод аккадского текста, записанного на новоассирийской табличке из собрания ГМИИ. Б. Мейснер (Ф. 1059, оп. 1, д. 19, л. 8) и Шилейко определяют текст как «продиктованную Асурбанипалом отповедь сановников Ассирии на декларацию восставших вавилонян» (Ф. 877, оп. 1, д. 230, л. 1) и датируют его летом 652 г. до н. э., когда Шамашшумукин в союзе с двором Элама провозгласил независимость Аккада от своего брата. Лексика текста не отражена в словарях аккадского языка. Между тем, в нем есть несколько уникальных слов, которые Мейснер в письме по поводу статьи Шилейко не смог перевести адекватно. Немецкий перевод статьи Шилейко выполнен Ернштедтом уже после смерти друга.

Статья «Амулет с изображением Лабарту» представляет собой издание желтого амулета с аккадской надписью, происходящего из собрания В. С. Голенищева, но затем попавшего в ГМИИ им. А. С. Пушкина. Шилейко кратко описывает историю покупки амулета Голенищевым у прежнего владельца, египтолога Urbain Bouriant, перечисляет аналоги данного амулета в других собраниях, а также публикации этих аналогов. Далее следует транслитерация аккадского текста, перевод на русский язык и краткий комментарий по поводу религиозного предназначения амулета. Шилейко предполагает, что, судя по тексту, амулет предназначен против духа болезни Намтара, преследующего человека в кошмарном сне. Но поскольку у Намтара не было образа, то на амулете изображалась функционально подобная Намтару демоница Ламашту (старое чтение Лабарту) (Ф. 1059, оп. 1, д. 12, л. 14, 26, 95–97, 130, 133–134). Отдельный интерес представляет астрологическая интерпретация образов вокруг Ламашту, данная Шилейко на полях статьи. Известно также положительное экспертное заключение Мейснера по поводу чтения и комментариев Шилейко (Ф. 1059, оп. 1, д. 19, л. 5).

В архиве ученого сохранились также материалы доклада «Сузианские чаши первого периода», посвященного изучению структурных элементов эламских чаш IV — начала III тыс. до н. э.: фотографии чаш, прорисовки чаш и их

отдельных элементов, несколько вариантов черновых тезисов о постоянных геометрических элементах и образах чаш (Ф. 1059, оп. 1, д. 9, л. 2, 55–56). Результатом исследования стала классификация чаш по основному элементу: “В основу деления может быть положено наличие широких ломаных перевязок, состоящих из трех, четырех или пяти параллельных лент. Чаши, снабженные этими перевязками, составляют первую группу; чаши, лишенные перевязок, располагаются по группам ii–iv” (л. 55).

Согласно письму Мейснера от 28.11.1927 г., за заслуги перед ассириологией Шилейко был избран членом *Altorientalische Gesellschaft* с правом чтения 5 лекций в Германии в зимний период 1927–1928 гг. (Ф.1059, оп. 1, д. 19, л. 5). Об этом факте не было известно до сих пор.

Козырева Н. В. (ВФ СПбГУ; ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Вавилон и Вавилония при последних царях династии Хаммурапи

1-я вавилонская династия (1894–1595 гг. до н. э.), шестым представителем которой был царь Вавилона Хаммурапи, — одна из самых продолжительных царских династий в истории древней Месопотамии, чье правление было четко зафиксировано многочисленными документами. Однако большая часть сохранившихся текстов относится ко времени Хаммурапи и его сына, последние сто с лишним лет правления этой династии очень слабо освещены источниками и в современной историографии они схематически описываются как длительный процесс возрастания нестабильности, в ходе которого Вавилонское царство постепенно «ослабевало». Нет достаточно четкого ответа на вопросы о том, что вызвало такое ослабление государства и привело династию к падению, кто на самом деле разрушил город Вавилон в 1595 г. до н. э. и каким образом примерно через 100–150 лет после этой катастрофы Вавилон снова вернулся к роли столицы сильного государства, которым правила уже чужеземная (касситская) династия.

Появившиеся в последние десятилетия публикации ранее неизвестных клинописных источников, а также археологических данных значительно расширили возможности изучения этой проблемы. Особенно очевидной стала необходимость исследования происходивших в это время экологических изменений и масштабных миграционных процессов, существенно изменивших демографическую и политическую ситуацию в Южной Месопотамии к середине II тыс. до н. э. Не менее важным представляется правильная оценка той роли, которую в это время в жизни Вавилонского государства стало играть наемное войско, формировавшееся из числа беженцев, переселенцев, депортированных пленных и их потомков. Отрядами наемников заселяли

многочисленные военные крепости, возводившиеся на границах государства и около крупных городов, при этом материальное снабжение наемников в условиях снижения урожайности и сокращения территории государства становилось все более затруднительным для администрации. Предположительно именно восстание наемников и военных поселенцев, приведшее к гражданской войне, способствовало вторжению врагов извне, разрушению города Вавилона и падению 1-ой вавилонской династии.

Корниенко Т. В. (ВГПУ, Воронеж)

Концепция революций В. Г. Чайлда и два этапа в становлении традиции храмового строительства на территории Месопотамии

В докладе рассматриваются взгляды В. Г. Чайлда на развитие ранних этапов истории ближневосточного региона, а также источниковедческие и историографические аспекты археологических исследований древнейшей храмовой архитектуры Месопотамии. Истоки ее формирования фиксируются на этапе перехода населения к неолитическому образу жизни свидетельствами Северного Двуречья, входившего в зону Плодородного полумесяца. По материалам Халлан Чечи, Джерф эль-Ахмара, Гебёкли Тепе, Чайоню Тепеси, Невали Чори и ряда других памятников выделяются характерные особенности строительства культовых сооружений общественного назначения в данный период. В планировке, структуре, семантике первых «храмов» отмечается их тесная связь с древнейшими жилищами эпипалеолита и докерамического неолита А¹.

Интересно, что с распространением сельскохозяйственных практик на обширных территориях раннеземледельческих культур — Умм Дабагия-Телль Сотто, хассунской, самаррской и халафской (эпоха развитого неолита — переход к энеолиту) — традиция храмового строительства на территории Месопотамии на время прерывается, а возобновляется только в предгосударственную эпоху Убейд, достигая расцвета в урукский и раннединастические периоды². Археологические свидетельства Эреду, Урука, Тепе Гавры и некоторых других древнемесопотамских центров документируют тот факт, что к концу периода Убейд на севере и на юге Месопотамии впервые формируется единый тип культового строительства, где закрепляются определенные характеристики,

¹ *Kornienko T. V. Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period // Journal of Near Eastern Studies. 2009. Vol. 68/2. P. 81–102.*

² Корниенко Т. В. Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб: Алетей, 2006. 312 с.

которые стали традиционными для почти всей последующей древнемесопотамской архитектуры, о чем писал еще И. М. Дьяконов¹.

Тесно связанная с социально-политическими и экономическими процессами традиция возведения и функционирование древних храмовых комплексов, на наш взгляд, не случайным образом заметно активизируется в переломные для населения Месопотамии эпохи, которые В. Г. Чайлд в своих работах первой половины и середины XX века назвал неолитической и городской революциями². Кардинальные изменения поселенческих, экономических и политических стратегий выживания, сопровождавшиеся демографическим и социальным стрессом, в эти переходные эпохи, как представляется, инициировали создание сильных храмовых организаций и функционирование сложных религиозно-идеологических систем в качестве важнейших регуляторов общественной жизни.

Москалёва А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Вавилонская кампания Тукульти-Нинурты I

На протяжении II-го тысячелетия до н.э. взаимоотношения между Ассирией и Вавилонией имели сложный характер. В периоды наивысшего могущества государства и усиления армии ассирийские цари стремились подчинить Вавилонию. Вместе с захваченными землями, богатыми трофеями и пленниками в Ассирию проникали вавилонские традиции. Таким образом, будучи в политическом смысле подчиненным государством, Вавилония оказывала сильное культурное влияние на Ассирию.

Во время правления Тукульти-Нинурты I (1243–1207 г. до н. э.) Ассирия провела успешную военную кампанию, покорив Вавилонию (около 1225 г. до н. э.). В Ассирию были вывезены многочисленные богатства Вавилона, статуя верховного бога вавилонян Мардука, крупнейшая в то время библиотека, а также писцы и ремесленники. Влияние Вавилона на ассирийское общество в значительной степени можно проследить по письменным и материальным памятникам, сохранившимся от времени правления Тукульти-Нинурты I: царским надписям, печатям, памятникам (2 пьедестала с изображением Тукульти-Нинурты I), административно-хозяйственным документам, литературным

¹ Дьяконов И. М. Протописьменный период в Двуречье // История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая: Месопотамия / Под. ред. И. М. Дьяконова. М.: Наука, 1983. С. 150–151.

² Childe V. G. Man Makes Himself. L.: Watts & Co., 1936. 275 p.; Childe V. G. The Urban Revolution // Town Planning Review. 1950. Vol. 21/1. P. 3–17; Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 324 с. и другие.

произведениям («Молитва Тукульти-Нинурты к богу Ашшуру» и «Эпическая поэма Тукульти-Нинурты»). В докладе рассматриваются некоторые аспекты вавилонской кампании Тукульти-Нинурты I и ее последствия для Ассирии.

Немировская А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Писцовые приемы записи иноязычных слов в египетских и ханаанских источниках XIV–XIII вв. до н. э.

Ханаанское (западное семитское) консонантное письмо, по всей вероятности, сформировалось в результате адаптации в Ханаане во 2-ой пол. II тыс. до н. э. египетской практики записи неегипетской лексики. Идею происхождения финикийских букв из египетской скорописи (так называемая *иератика*) впервые высказал в середине XIX в. знаменитый французский египтолог Э. де Руже. Развил и популяризировал теорию Э. де Руже (E. de Rougé) английский ученый И. Тэйлор¹. Столетие спустя были сформулированы базовые положения этой концепции (так наз. *иератическая гипотеза* происхождения западносемитского алфавита): а) в репертуар ханаанского консонантного алфавита его создатели включили только те знаки, которые использовались египтянами для передачи иноязычных слов и имен, т. е. в качестве знаков так наз. силлабического письма (альтернативно называемого «новой орфографией»); б) форма консонантных графем восходит не к монументальному письму египтян (так наз. *иероглифика*), а к скорописному². Еще в 1960-х гг., по сути, с этих же позиций некоторые авторы предположили, что: 1) уже древнейший из засвидетельствованных консонантных алфавитов — угаритский (XIII–XII вв. до н. э.) — восходит

¹ Taylor I. The Alphabet. An Account of the Origin and Development of Letters. 2 vols. Vol. 1. Semitic alphabets. London: K. Paul, Trench & co., 1883. 358 p.

² Helck W. Zur Herkunft der sog. ‘phönizischen’ Schrift // Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas. 1972. Bd. 4. S. 41–45; Zauzich K.-Th. Von den Hieroglyphen zum Alphabet // Schrift, Sprache, Bild und Klang. Entwicklung der Schrift von der Antike bis in die Neuzeit / U. Sinn (hg.). Würzburg: Ergon, 2002. S. 48–53; Zauzich K.-Th. Unsere Buchstaben — ägyptische Hieroglyphen // Der Turmbau zu Babel. Ursprung und Vielfalt von Sprache und Schrift / W. Seipel (hg.). Bd. III A. Wien: Milano, 2003. S. 183–189; Zauzich K.-Th. Hieroglyphen mit Geheimnis: Neue Erkenntnisse zur Entstehung unseres Alphabets. Zabern Philipp von GmbH, 2015. 176 S.; Немировская А. В., Сушевский А. Г. О египетском происхождении названий и начертаний западносемитских консонантных графем на примере буквы алеф (‘aleph): филологический и исторический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2015. Сер. 9. Вып. 4. С. 17–34; Nemirovskaya A. V., Soushchevsky A. G. The Egyptian origin of names and forms of the West Semitic (Canaanite) consonantal graphemes illustrated by *mīm / mēm* and *nūn* // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XX (2) (чтения памяти И. М. Тронского) / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2016. С. 765–775.

к египетскому скорописному письму как по начертанию, так и по наименованиям знаков¹; 2) названия букв разновидностей западносемитского алфавита, бытовавших в I тыс. до н. э. (финикийский, палеоеврейский, арамейский), также восходят к наименованиям египетских скорописных прототипов семитских консонантных графем².

В докладе приводятся примеры, способные продемонстрировать использование писцовых (орфографических) приемов чужой системы письма, к которым прибегали писцы Ханаана (т. е. писцы месопотамско-хеттской клинописной выучки), с одной стороны, и Египта (т. е. писцы египетской выучки) — с другой в XIV–XIII вв. до н. э. при записи иноязычных слов. Речь, по-видимому, должна идти не столько о транскрибировании, сколько о транслитерировании (передача графического облика) иноязычных слов в соответствии с их традиционной записью, то есть о преемственности писцовых школ и писцового обучения на древнем Ближнем Востоке во 2-ой пол. II тыс. до н. э.

Николаев А. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)
**Две дощечки с упоминанием бога Тота
 из собрания Эрмитажа**

В Государственном Эрмитаже под инвентарными номерами ДВ-5338 (размеры: 18,5 × 34 см) и ДВ-5339 (22 × 34,4 см), хранятся две древнеегипетские деревянные дощечки с упоминаем древнеегипетского бога Тота. Эти вещи были привезены в 1909 Б. А. Тураевым из Египта, попав в 1910 г. в «Опись коллекции древностей, привезенных из Египта»³. Данные предметы могли привлечь внимание Б. А. Тураева, поскольку несколькими годами ранее этот исследователь закончил и опубликован труд, посвященный богу Тоту.

Деревянные панели имеют правильную прямоугольную форму, каждая из них состоит из трех неровных досок, в некоторых случаях не скрепленных друг с другом.

На доске ДВ-5338 пять столбцов надписи, выполненной черными чернилами по штукатурке, крайне небрежным почерком. Текст читается справа-налево, начинается со столбца 2, затем продолжается в коротком столбце 1,

¹ *Hodge C. T. The Hieratic Origin of the Ugaritic Alphabet // Anthropological Linguistics. 1969. Vol. 11. No. 9. P. 277–289.*

² *Weidmüller W. Phoinikische Buchstaben — ägyptische Bildzeichen. 1. Teil: Herkunft der Buchstabennamen A–K; 2. Teil: Herkunft der Buchstabennamen L–T // Börsenblatt für den deutschen Buchhandel. Frankfurt am Mein, 1960. No. 39 (17.5.1960). S. 733–739; No. 46 (10.6.1960). S. 985–991.*

³ *Тураев Б. А., Фармаковский Б. В. Опись коллекции древностей, привезенных из Египта весной 1909 года. СПб., 1910. С. 12–13.*

читаемом слева-направо, далее — со столбца 3 — опять справа-налево: «(2) ... меня. Произнесение слов Тотом: живи, ... (zz ?), омолаживайся, (1) подобно Ра, вечно. (3) Дан я. Я — восхваляющий его в ... (tHjj (4) Hbjj ?) вечно, вековечно. Живи, (5) будь невредим, будь здоров, живи вечно!»

Всю поверхность оборотной стороны дощечки занимает изображение цветка, выполненное черной краской из длинных вытянутых линий, выходящих из центра.

На доске ДВ-5339 несколько вертикальных столбцов и горизонтальных строк текста; качество иероглифических знаков много лучше, чем на панели ДВ-5338. По центру поверхность делится длинной вертикальной линией, представляющей собой удлинённую часть знака «наест», на котором сверху изображен ибис с пером — священная птица Тота.

«(1 верт.) Произнесение слов Тотом великим, великим, владыкой Гермополя, (2 гориз.) дающим жизнь всякую, здоровье всякое, (3 верт.) радость всякую, подобно Ра, вечно, вековечно. (4 верт.) Произнесение слов Тотом чрезвычайно великим, владыкой Гермополя (5 гориз.), великим богом, сотворившим (6 верт.) себя самого, дающим жизнь всякую, здоровье всякое, радость всякую, подобно Ра».

Красочный слой оборотной стороны сильно разрушен, однако сохранились каплевидные элементы — чешуйки, которыми часто передавалась шкура павиана; возможно, именно это священное животное Тота и было изображено на панели.

С большой долей вероятности оба предмета представляют собой две части одного предмета. Можно предположить, что вещи были аккуратно выпилены из саркофага ибиса или павиана, декор которого был наполнен символикой, связанной с богом Тотом. По очень поздним формам знаков дощечки ДВ-5338 и ДВ-5339 уверенно датируются греко-римским временем.

Попова О. В. (ИЯз РАН, Москва; Université Paris 1)

Функциональная нагруженность нововавилонских семейных архивов (на примере документов семьи Галлабу из Ура)

В результате раскопок Месопотамии первого тыс. до н.э. было найдено большое количество глиняных табличек, представляющих собой семейные архивы. Эти документы были продуманно и последовательно собраны несколькими поколениями семей и по большей части найдены археологами *in situ*. В докладе будет рассмотрено, какие типы документов встречаются в этих архивах, какие социально-экономические функции выполняли эти тексты, почему семьи их хранили в виде единого корпуса. Доклад строится на материале документов

семьи Галлабу из города Ур (576–317 до н. э.), самого протяженного во времени семейного архива Месопотамии I тыс. до н. э.

Сафронов А. В. (ИВ РАН, Москва)

К вопросу о происхождении фараона Сиптаха¹

Доклад посвящен исследованию генеалогических связей предпоследнего фараона XIX династии Сиптаха, правление которого было ознаменовано резким ослаблением центральной власти, что, в конечном счете, привело к падению дома наследников Рамсеса II. Проблема связи этого правителя с домом Рамессидов и легитимности его власти более чем столетие обсуждается в специальной литературе, однако постоянно порождает диаметрально противоположные точки зрения. Рассматривая проблему, автор на примерах показывает, что Сиптах так или иначе был связан с домом Рамессидов генетически (см. надпись начальника казны Баи, утверждавшего, что он возвел фараона на трон его отца). Согласно рентгенографическим исследованиям мумии фараона этот правитель скончался в возрасте не более 20 лет. Поскольку известно, что Сиптах умер около 1202 г. до н.э., возможно сузить круг поиска его царственного родителя до трех фараонов, предшественников Сиптаха — Мернептаха (1224–1214 гг. до н. э.), Сети II (1214–1208 гг. до н. э.), Аменмессу (1212–1209 гг. до н. э.).

В докладе подробно разбираются все три возможности, и демонстрируется, что все аргументы, которые приводились в пользу родства Сиптаха с Сети II или Аменмессу, на деле не выдерживают критики. Например, понятно, что Хорово имя Сиптаха на наосе из Британского музея должно читаться как *xa t bj.tj* «воссявший как царь Нижнего Египта» и не имеет ничего общего с титулом Аменмессу *xa t xbj.t* «воссявший в (городе) Хеммис». В зарубежной литературе вышеупомянутый факт обычно ошибочно приводится как доказательство родства Сиптаха и Аменмессу. Также едва ли представляется возможным считать отцом Сиптаха Сети II, поскольку в тексте остракона CGC 20515, который зафиксировал переход власти после смерти Сети II к Сиптаху говорится: (vs. II.25) «Сокол взлетел (II.26) к небу, тот, который Сети, (II.27) другой взшел на его (II.28) трон». Едва ли писцы Дейр эль-Медина стали бы применять слово *ku* «другой» к законному наследнику умершего фараона.

Путем метода исключения автор приходит к выводу, что отцом Сиптаха был сын Рамсеса II фараон Мернептах, а его матерью — наложница-азиатка Сутарайя, которая известна по рельефу Louvre E. 26901. Полученный вывод

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15–31–01307 «Великие державы и мигрирующие народы: этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье и на Переднем Востоке во второй половине 2 тыс. до н. э.».

позволяет пересмотреть историю конца XIX династии. Очевидно, что все три ее последних фараона — Сети II, Аменмессу и Сиптах, были сыновьями Мернептаха и сводными братьями. Помощь же, оказанная Баи Сиптаху при его воцарении, объясняется шаткими легитимными правами юного фараона вследствие его происхождения от матери-азиатки.

Чехович Н. О. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Передача полномочий в хозяйстве храма Эанна (Урук) и окрестных храмов. Южная Вавилония, VI в. до н. э.

Благодаря публикациям и исследованиям двух последних десятилетий (Р.-А. Beaulieu, G. van Driel, M. Jursa, K. Kleber, M. Stolper, S. Zawadzki и др.) стала яснее картина хозяйственной жизни храмов юга Месопотамии в VI в. до н. э., в первую очередь богатейшего храма Эанна (Урук, южный Ирак) и его округи, где находились тесно связанные с Эанной меньшие храмы. Документация этих святилищ, многие из которых до сих пор не освоены археологически частично стекалась в главный архив Эанны. Таким образом, нам стало известно о храме богини-врачевательницы Гулы, о святилище до сих пор недостаточно изученного божества Бел-ша-нацру(?), о других небольших храмах округи или сферы влияния Эанны.

В данном сообщении делается попытка показать, как работали связи между главным храмом и его сателлитами. Между администраторами святилищ велась переписка, и в течение всего VI века до н.э. и позже здесь поддерживалась клинописная традиция письма на глине, хотя в составе администрации имелись уже писцы *сетуру*, писавшие по-арамейски на кожаных свитках, от которых по условиям природы южного Двуречья ничего не сохранилось.

Помимо сельскохозяйственных работ и производства шерсти храм должен был участвовать в общегосударственных работах (строительство дворцов, ремонт ирригационных сооружений), а также должен был поставлять стрелков из лука в царское войско. Это отвлекало от работ внутри храмового хозяйства большие группы людей. Храм снабжал их на первых порах провизией и снаряжением. Все это требовало посылки курьеров, переписки, учета. Самым трудным для понимания материалом являются письма: содержание их понятно собеседникам, но часто не вполне ясно нам; даты в письмах, как правило, отсутствуют, как и отчества персонажей, а при нередком повторении имен в одной семье (от деда к внуку) датировка вызывает затруднения. Гораздо четче велась документация не эпистолярного характера.

М. А. Дандамаев первым свел воедино материалы отчетности, дошедшие из Урука после 2-го года правления Дария I, когда практически перестал пополняться чрезвычайно богатый старый архив храма. Продолжительное

время в Уруке сохранялась в основном лишь отчетность по садоводству (финиковая пальма) и по птицеводству. Но этот период истории Урука еще ждет дополнительных материалов.

Обратимся к вопросу о способах, при помощи которых администраторы периода расцвета Эанны и их агенты обосновывали свои полномочия при внешних контактах. В документах о передаче храмового скота, о разгрузке прибывших по воде материалов и продуктов упоминается специальный предмет, без участия которого эти операции не могли состояться. Это жезл, в это время уже с арамейским названием *хутару* (с эмфатическим *t*). Таких жезлов в храме имелось несколько, среди них «золотые» (упоминаются в описях). Жезл подтверждал полномочия храмового агента. Видимо, типологически ту же роль играл жезл-кадуцей вестника греческих богов Гермеса. Другим древним предметом, подтверждавшим полномочия, была печать. Именно в середине VI в. до н. э. происходит интересная трансформация старых обычаев. На смену цилиндрической печати приходит штемпельная. Новшество это пришло с запада. В тот период оно было связано с письмом алфавитным, на коже. Существуют письма клинописью на глине, где автор специально указывает, что посылает свою печать, прикладывая оттиски печати (их бывает два): возможно, это примечание адресовалось последующему контрагенту, а не адресату письма, который и без того видел оттиски. Можно привести пример такого документа.¹

Письмо Син-аплу-иддина, управляющего (*šatammu*) храма Гулы, к Набу-мукин-апли, управляющему, и Набу-ах-иддину, распорядителю (*bēl piqitti*) (храма) Эанна, моим господам. (Отсутствует благопожелание, необходимое в этом месте, — возможно, из-за спешки). Бау-акрат, домашняя рабыня Ремута, проживающего в (поселении) Бит-Гула, является храмовой рабыней, она есть в инвентарной записи (богини) Владычицы Урука. Проверь это. (Теперь следующую). (Человека) [название профессии] будут продавать в (этой) округе. Срочно! Хочу видеть твое послание по этому (делу). (Два оттиска штемпельной печати). Смотри: я послал тебе свою печать вместе с посланием (*šipirtu*).

Вероятно, администратор обеспокоен тем, чтобы не была упущена возможность покупки необходимого храму работника. И, конечно, следует разобраться с «двойным подданством» храмовой рабыни. В таких случаях удерживавший ее человек должен был платить арендную плату поденно.

Документ (уже не письмо), также с двумя оттисками печати, и также подлежащий показу за пределами храма Эанна, имеется в позднеавилонской коллекции Гос. Эрмитажа. Речь в нем идет о пополнении отряда солдат из Эанны в результате гибели некоторых из них, возможно, в ходе аравийской кампании царя Набонида.

¹Beaulieu Paul-Alain. The Pantheon of Uruk During the Neo-Babylonian Period. Leiden: Brill, 2003. P.314.

Данные, приводимые в докладе, свидетельствуют о возникновении новых традиций в дипломатике Вавилонии этого времени, о важных переменах, которые, вероятно, можно будет объяснить, предприняв археологические исследования малых храмов в округе Урука.

Шелестин В. Ю. (ИБ РАН, Москва)

Древнехеттские историко-политические тексты в новейшей историографии

Переиздание известных ранее историко-политических текстов Древнехеттского царства и введение в оборот их дополнительных фрагментов в кон. XX — нач. XXI вв. вызвало рост интереса к ним исследователей в последние годы¹. В настоящем докладе рассматриваются некоторые из предложенных после 2014 г. гипотез. Так, один из наиболее значимых вопросов с точки зрения критики наших источников — когда началась практика использования хеттского, а не аккадского языка хеттской канцелярией — породил гипотезу о внедрении такой практики не ранее эпохи Телепину, нивелированную в ходе дискуссии по лингвистическим соображениям². Однако сторонники позднего начала письменного использования хеттским хеттского языка апеллируют к литературоведческой аргументации, лишая такие фрагментарные тексты историко-повествовательного характера как СТН 12 и СТН 13 элементов летописи и понижая их статус источника для изучения хеттской внешней политики.

Более внимательное сравнение этих текстов с другими древнехеттскими произведениями как хроникального, так и назидательного характера, позволяет реабилитировать их в качестве образцов древнехеттского историописания. Большое значение имеет и поднятый А. Гиланом вопрос о цельности избыливающих высказываниями Хаттусили I текстов СТН 5 («Указ Хаттусили») и СТН 6 («Завещание Хаттусили»). В докладе предпринята новая попытка восстановить хронологию стоящих за ними событий с учетом критики достоверности этих источников в новейшей историографии.

¹ *Gilan A.* Formen und Inhalte althethitischer historischer Literatur. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2015. 404 S.; Blasweiler J. The kingdom of Purušanda in the land Luwiya. Arnhem: Boekengilde Enschede, 2016. 133 P.

² *Попова О. В.* Могут ли старовавилонские тексты «Осада Уршу» и «Письмо Лабарны Тунип-Тешубу» считаться переходным этапом между клинописной системой Алалаха VII и хеттской письменной традицией? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. 19. СПб., 2015. С. 767–779.

СЕКЦИЯ VI.
ЛИТЕРАТУРА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
LITERATURES OF ASIA AND AFRICA

Breslavets T. I. (Far Eastern Federal University, Vladivostok)

Okamoto Kanoko's Creative Work¹

Okamoto Kanoko (1889–1939) showed her talent in poetry and prose. Having been influenced by such outstanding people as Tanizaki Jun'ichiro (1889–1965) and Yosano Akiko (1878–1942), she devoted herself to erotic subject in art.

Kanoko admired Tanizaki's conception of the demonic beauty. She lively painted a female body and a sensual attraction, and she showed the portraits of beauties with great passion. Following Akiko who sang passionate love and sexual freedom, Kanoko began to write the poems in a romantic style. She resorts to expressing hedonistic motives in poetry, aspires to creating sensual images, and declines to confirming in narcissism. The confessional feature claimed by the time of feminist awakening from Confucian restrictions is typical of her lyrics.

Kanoko married Okamoto Ippei in the autumn of 1911. In February, 1911 their son Taro was born; however, the relationships of that married couple ended up. Creativity helps her overcome difficulty life situations – *oni no jidai* (hellish times), as she called that period of time (1912–1916) afterwards. Her first collection of poems *tanka* “Mild Jealousy” (“Karoki Netami”, 1912) consisted of seventy poems. Soon after that a second collection of poems “Love's Anguish” (“Ai no Nayami”, 1918) was published. The collection of poems “Bathing” (“Yokushin”) was published in 1925. Finishing her poetic activity Kanoko published “My Last Poetry Collection” (“Wa ga Saishū Kashū”, 1929).

In search of the life support Kanoko devotes herself to Buddhism. She was attracted by Buddhism aesthetics: church decoration and ceremony magnificence. She looked for

¹ The article is written with the support of the “Japan Foundation”.

beauty signs even in religion. The nature of her poetry lost a sensual content. Buddhism motives were found in her poems, and her language and style took on simplicity.

The trip to Europe transforms Kanoko's creative work, and she appeals to prose. The recollections of that time were found in the trip memoirs (*kikobun*) "The Flowers Picked up All over the World" ("Sekai ni Tsumu Hana", 1936).

Being abroad impressed Kanoko's creativity very much; the stylistics of her work became complex. She got a unique chance to study the culture of the Western countries and to realize the features of their developments. In addition, she was able to have a new look at Japan and to penetrate into its national values. As a prose writer, Kanoko became after her acquaintance with the western world, and many of her works were based on the experience acquired abroad. Kanoko had a hard feeling having parted with her son, who remained in Europe to study painting. The special part of her literature heritage constitutes the letters to Taro.

The true success came to her after publishing the story "The Crane Is Sick" ("Tsuru wa Yamiki", 1936) devoted to the untimely deceased writer Akutagawa Ryūnosuke (1892–1927). Kanoko mourns over Akutagawa, so early deceased. She became an acknowledged writer, who successfully worked in the genre of story and essay. Her story "The Unordered World" ("Konton mibun", 1936) was published in the magazine "Bungei" ("Fiction"). Besides, the first collection of her works under the title of "The Crane Is Sick" (1936) and the collection of essays "Woman's Notes" ("Josei no Shō", 1936) were brought out.

So significant became the story "A Mother's Love" ("Boshi Jojō", 1937), which was based on real events. The prototypes of these real events (Kanoko, her husband Ippai and their son Taro) can be guessed in the characters of this story. The motive of erotic connection between mother and son not seldom used in Kanoko's following works can be clearly seen in this story.

The famous story "The Old Geisha" ("Rōgishō", 1938) finished her not long life. Kanoko's many collections of works were published after her death. In her works Kanoko implements the experience, acquired abroad, and also the realization of the Japanese national values.

*Азаркина М. А. (Восточный отдел НБ им. Горького СПбГУ,
Санкт-Петербург)*

**Межкультурная коммуникация как базовый принцип
формирования востоковедного книжного фонда
Научной библиотеки СПбГУ**

В многочисленных публикациях о Санкт-Петербургском университете есть тема, которая, незаслуженно отходит на второй план. Это история создания библиотечного фонда. Но не в цифрах и названиях книг, а в именах людей,

причастных к этому процессу, — профессоров и преподавателей, государственных деятелей и рядовых граждан, ценителей и собирателей книжных редкостей и тех, кто приобретал «нечто по случаю». Судьбы этих людей тесно переплелись с историей библиотеки. Многие имена хранятся в памяти потомков, но большинство кануло в Лету, а в ряде случаев они были неизвестны изначально, поскольку отдельные издания и даже коллекции передавались в библиотеку анонимно. Казалось бы, прежние владельцы забыты. Но нет. Книги, помнят заботливые руки этих людей, помнят и бережно хранят на своих страницах их мысли, сомнения, споры. Книги могут поведать немало интересных фактов о самих владельцах и о событиях, к которым те были причастны.

Таков книжный фонд Восточного отдела НБ СПбГУ, фонд, получивший заслуженное признание в мировых научных востоковедных кругах. На протяжении всей своей истории существования он служил «кладезем знаний» и источником вдохновения ни одного поколения блестящих ученых, видных политических и общественных деятелей как нашей страны, так и зарубежных государств. Каждый, кто прикасался к бесценным фолиантам, погружался в совершенно иной мир — мир мудрости и тайны, жестоких войн и волшебных сказок.

В настоящее время мы приступаем к реализации крупномасштабного проекта, который растянется на многие годы и затронет большое количество ученых-востоковедов России, выпускников СПбГУ. Основная цель проекта — воссоздание истории формирования книжного фонда в именах людей, их судьбах и биобиблиографических фактах.

Восточный отдел Научной библиотеки СПбГУ — одно из старейших в России и мире хранилищ книг на восточных языках. Он насчитывает около 300 тыс. единиц хранения, из которых около 60 тыс. — редкие (до 1900 года выпуска) и более 42 тыс. — рукописные и ксилографические издания. Это уникальный фонд, имеющий почти 200-летнюю историю и хранящий печать межкультурного единства.

Самобытность фонда обусловлена, в первую очередь, тем фактором, что формирование коллекций происходило и происходит при непосредственном участии ученых-востоковедов, преподавателей университета. Благодаря усилиям профессорско-преподавательского состава факультета был заложен фундамент фонда, отвечающего потребностям образовательного и исследовательского процесса. Ученые-преподаватели ставили перед собой задачу изучить самые широкие сферы жизни в восточных странах и передать свои знания студентам. Поэтому литература приобреталась самая разнообразная, в том числе по литературе, истории, культуре, этнографии, искусству, экономике, юриспруденции, военному делу, лексикологии, астрономии, сельскому хозяйству и т. д. Многочисленные и частые контакты с зарубежными коллегами из крупнейших востоковедных центров Европы и мира, поездки по странам Востока увеличивали возможность приобретения редких, а подчас и раритетных изданий.

Вторым, но отнюдь не второстепенным, фактором, характеризующим неповторимость фонда, является наличие в его составе частных собраний ученых-востоковедов, меценатов и обычных собирателей-библиофилов, «очарованных Востоком», переданных в библиотеку в виде дара лично владельцами или, в случае кончины последних, их родными и близкими. Книги снабжены различными владельческими знаками: экслибрисами, личными печатями, дарственными надписями и другими пометами и маргинальными записями. Открывая такую книгу, невольно прикасаешься к истории, вместе с ее бывшим владельцем перечитываешь текст и переживаешь заново события ушедших эпох. Эти коллекции окружают библиотеку некой аурой родства поколений.

Наконец, третьим фактором, позволяющим говорить, что библиотека Восточного факультета — это не только прекрасная база для проведения научной работы, но еще и учебное подразделение, выполняющее все возложенные на него функции, является участие государства в процессе формирования библиотечного фонда. Особенно сильно оно проявлялось в советский период, когда изыскивались всевозможные пути для приобретения современной литературы на восточных и европейских языках, начиная от финансовых вложений и заканчивая трудоемким процессом организации международного книгообмена со странами разных континентов и различных политических систем. Кроме того, большое значение играло и так называемое перераспределение фондов: передача на баланс библиотеки книжных собраний реорганизованных учреждений, участие во внутригородском и всесоюзном книгообмене.

Таким образом, совокупность этих трех факторов, с их очень конкретной, но одновременно взаимодополняющей ролью, дала возможность сформировать библиотечный фонд, способный удовлетворить разносторонние и постоянно возрастающие информационные потребности студентов и преподавателей Восточного факультета.

Наша основная задача на данном этапе не только поддерживать и пополнять его, но вспомнить тех, кто его создавал, сохранял и изучал.

Али-заде Э. А. (ИВ РАН, Москва)

Л. Н. Толстой — мыслитель и писатель в оценке египетского литератора Саямы Мусы

Саяма Муса (1887–1958), известный египетский литературовед, публицист и общественный деятель, в свою книгу «Те, кто учил меня» (*«Хауля 'и аллямун»*), Каир, 1953) включил очерк «Толстой» с подзаголовком «Народный философ» (*«Файласуф аш-ша 'б»*), где затронул все аспекты мировоззрения русского классика, его философские, религиозные, общественно-политические, морально-этические, эстетические воззрения.

Согласно С. Мусе, Толстой был «совестью Европы» для второй половины XIX в. На протяжении своей долгой жизни он видел ужасы людских страданий и испытал многое: участвовал в Крымской войне в 1854 г., вступил в острый и неразрешимый конфликт с церковью и был отлучен от нее, переживал семейный конфликт и был побежден.

С. Муса приводит пять главных принципов нравственно-религиозной философии Толстого, особо акцентируя внимание на учении о непротивлении злу насилием. На этой заповеди и вере в нравственный путь общественного переустройства основано неприятие Толстого социальной революции, утверждает он. С. Муса указывает на сильные и слабые, с его точки зрения, стороны мирозерцания Толстого, рассматривает его как идеалиста.

Идеализм Толстого, пишет он, был близок мировосприятию Ганди, который заимствовал его непротивленческую философию и, в отличие от своего учителя, претворил в реальность.

Говоря о Руссо как о «духовном отце» Толстого, С. Муса отмечает схожесть идей двух великих мыслителей, разделенных и временем, и пространством, заостряя внимание на их критике «украшенной позолотой» цивилизации и возвышении патриархальной простоты жизни, превознесении естественной природы над городской культурой. Такие возможности для сравнения, по словам С. Мусы, дают их «Исповеди», причину написаний которых, как и признаний Ганди, С. Муса усматривает в «тревоге» (*калак*), связанной с поисками всех троих «путей установления спокойствия, мира и счастья на земле».

Искусство Толстого реалистично, оно народно, подчеркивает С. Муса. Отсюда, поясняет он, резко негативное отношение Толстого к Шекспиру и Гете, творения которых изысканны, предназначены «для избранных, а не для народа». С. Муса сопоставляет Толстого с Достоевским — их, по его словам, объединяет всемирная известность, но разъединяет подход к выбору главных персонажей («герой Достоевского оторван от общества, а герой Толстого — включен в него»).

Касаясь размышлений Толстого о смерти и страхе перед ней, С. Муса апеллирует к его рассказу «Три смерти» (1858), в котором, как полагает египетский литератор, выражена мысль о том, что «боязнь смерти, страдание от страха перед небытием нарастают по мере нашей цивилизованности и образованности» и только природе не ведомы эти чувства: смерть дерева в заключительной части рассказа естественна и бесстрашна. Согласно С. Мусе, Толстой не верил в потустороннюю жизнь, «не желал и не ждал блюд со сладостями после смерти», он смотрел на смерть как на конечный путь человеческого бытия, после которого нет иного существования.

Толстой не верил в революцию, довольствуясь верой в христианское всеобщее братство, подчеркивает С. Муса. Однако, отмечает он, было бы несправедливо сказать, что он ничего не сделал для приближения революции.

В действительности, его произведения, в которых показано недовольство окружающей реальностью — притеснения со стороны общества, правительства, церкви — явились толчком для революционного взрыва... Они не были руководством к революции, но вдохновляли на революцию, — подытоживает Саяма Муса.

Аникеева Т. А. (ИВ РАН, Москва)

Сказание о Бейреке в турецком фольклоре и литературе

«Рассказ о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры» является в хронологическом отношении наиболее ранним, сохранившим в себе следы архаической богатырской сказки, сказанием в составе турецкого книжного эпоса «Китаб-и дедем Коркут».

Вплоть до недавнего времени некоторые сказания, относящиеся к «Книге моего деда Коркута», продолжали бытовать на территории современной Турции и Закавказья. К ним относится, прежде всего, и сказание о Бейреке. Оно, будучи одной из самых древних частей «Китаб-и дедем Коркут», в то же время генетически связано с узбекским эпосом «Алпамыш» — данный сюжет известен во многих версиях и относится к числу наиболее распространенных среди тюркских народов. Что касается его бытования в турецкой традиции, то известно о нескольких версиях этого сказания; исследователи сообщают, по крайней мере, о 12 устно бытовавших вариантах, часть которых была записана еще в первой половине XX в. Сказание о Бейреке продолжало свое дальнейшее бытование в рамках совершенно иного, гораздо более позднего жанра турецкой традиционной словесности — жанра турецкой народной повести, в той его разновидности, которую называют «героической» (*kahramanlık*) повестью.

Таким образом, «Китаб-и дедем Коркут» в сюжетном отношении тесно связан с другими жанрами турецкого фольклора и литературы, получившими гораздо более позднее развитие и просуществовавшими вплоть до недавнего времени; вопрос же о прямой преемственности книжного эпоса и жанра народной повести в турецком фольклоре требует отдельного исследования.

Антоненко Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Особенности авторского стиля Сурьякантя Трипатхи Ниралы

Чхаявад — поэтическое направление литературы хинди первой трети XX в., представители которого, в том числе и основатели — С. Пант, Дж. Ш. Прасад,

С. Т. Нирала и М. Варма, стремились преодолеть средневековый канон и выработать собственную стилистику и образно-символическую систему.

В традиции индийской поэзии стиль поэтического творчества зачастую определяет ее содержание. С помощью различных стилистических средств традиционное, стандартное содержание может быть проинтерпретировано нестандартно. Анализ стихотворений Ниралы дает возможность проследить, как интерпретируются традиционные поэтические образы в новой поэзии и как преобразуется поэтический стиль.

Одной из особенностей авторского стиля Ниралы является обилие санскритизмов и сложных слов и возникающий вследствие этого двойной смысл. С помощью ряда отождествлений в стихотворении «Пусть встретится смеющийся Господь в конце» автор демонстрирует сложность и противоречивость жизненного пути: для описания пути Нирала использует сложные слова, благодаря чему в одной словоформе сочетаются два противоположных понятия или определения. Подобный стилистический прием помогает поэту описать многообразие пути минимальными средствами.

Также для творчества Ниралы характерна новая интерпретация традиционных образов. Например, в рассматриваемом стихотворении говорится, что «облака покинули небосклон жизни». В традиционной поэзии облака ассоциируются с сезоном дождей, который неизменно связан с острым переживанием любовного чувства: в это время разлученные влюбленные сильно тоскуют друг по другу и стремятся к встрече. В стихотворении исчезновение облаков может символизировать затухание чувства жизни и потерю любви. Однако далее поэт говорит о рассвете любви, то есть вслед за «темой» облаков и ассоциацией с сезоном дождей возникает традиционная тема любви, таким образом, новое, нетрадиционное прочтение образа сливается с классическим.

Кроме того, в произведениях Ниралы встречаются противопоставления и параллелизмы на разных уровнях. В стихотворении «Пусть встретится смеющийся Господь в конце», к примеру, противопоставлены друг другу три временных плана: настоящее, прошлое и будущее. Также противопоставлены друг другу и два главных образа стихотворения – «путь в будущее» и «бесконечный поток». Будущее воспринимается как нечто неопределенное из-за употребленных форм конъюнктива, а также из-за образа потока, который в первую очередь ассоциируется с рекой. Река играет роль посредника, помогает переправиться в иной мир. Поток и путь противопоставляются друг другу так же, как и настоящее противопоставляется прошлому, и, как и нынешнее состояние и видение мира героем противопоставляется его состоянию и видению мира в прошлом. Автор заостряет внимание на том, что дальнейший путь лирического героя не связан с материальным миром, благодаря чему появляется еще одно противопоставление: мир нематериальный, мир будущего, противопоставлен миру материальному, относящемуся к прошлому. Таким образом, глагольные

формы, наличие или отсутствие определений, использование той или иной лексики может усиливать противопоставления или создавать параллелизмы.

Нирала демонстрирует и значимость любого повтора. Название стихотворения «Пусть встретится смеющийся Господь в конце» является дословным повтором его заключительной строки. В названии Нирала задает «тему» и держит читателя в напряжении до конца стихотворения. Для достижения последних строк читателю необходимо преодолеть вместе с героем его «путь», погрузиться в прошлое героя и только тогда «встретить смеющегося Бога». В названии сказано, что он «встретится в конце», и в заключительной строфе «встреча» осуществляется.

Подводя итог, можно заключить, что для творчества С. Т. Ниралы, как одного из главных представителей направления чхаявад, характерно использование как традиционных, так и новых образов, а также, в большей мере, новая интерпретация классических образов с помощью новаторских стилистических средств.

Ахмедова Ш. (ТашГИВ, Ташкент)

Современная новеллистика Катара

В литературе стран Персидского залива — в Кувейте, Бахрейне, Катаре, Омане, Соединенных Арабских эмиратах — рассказ является самым популярным и развитым современным жанром, который сформировался и достиг определенной зрелости за последние полвека. Развитие литературы в этих странах отвечает положениям теории «ускоренного развития» некоторых литератур, появившихся во второй половине XX в. В Катаре, стране, входящей в число арабских стран Персидского залива (*Халидж-Залив*) стремительное развитие литературы нашло наиболее яркое отражение в новеллистике.

В 60-х гг. XX в. в стране произошли большие перемены, которые изменили сознание и мышление общества. Произошедшие в тот период в жизни народа масштабные социально-политические изменения отразились в различных подходах к восприятию действительности. Впервые современный рассказ в Катаре был написан главным редактором газеты «ал-Аруба» Юсуфом Ньёматом. Эта газета, издававшаяся с конца 1960-х гг., считается первой местной газетой. В 1962 г. в этой газете была напечатан первый рассказ Юсуфа Ньёмата «Дочь Залива» («Бинт аль-Халиджа»). Следует отметить, что, хотя этот рассказ еще не свидетельствует о формировании жанра новеллистики в Катаре, он сигнализирует о появлении нового жанра в литературе страны.

В начале 1970-х гг. в стране предпринимается много попыток писать рассказы. Рассказам этого периода присущи романтический дух и односторонняя композиция, в них преобладают элементы риторики и дидактики, они написаны с использованием методов фотоизображения и прямого изложе-

ния событий. Несмотря на эти недостатки этот этап в истории новеллистики Катара играет исторически важную роль. Именно в это период на литературной арене выступили такие молодые писатели, как Кулсум Жабр, Ахмад Абдул Малик и другие, ставшие впоследствии знаменитыми новеллистами.

В развитии катарского рассказа большую роль сыграла Кулсум Жабр, одна из первых женщин-новеллистов. Стиль писательницы изначально был романтическим, произведения отличались отражением в них мучительных надежд, поиска себя, своего эго. Первый сборник рассказов писательницы начал печататься в 1970-х гг. в местных газетах. Рассказы, написанные ею в этот период, отличаются художественным мастерством, в них живо показана многоликая реальность той среды, которая ее окружает, поднимаются проблемы общества.

В новеллистике 1980-х гг. появились новые творцы в жанре рассказа, примечательно, что большинство из них были женщины. Такие писательницы, как Фотима ат-Турки, Лула ал-Маснад и Маиса ал Халифий внесли большой вклад в развитие литературы Катара. Основные темы, поднятые писательницами в своих произведениях, — это поиск путей освобождения женщин от держащих их в оковах устаревших традиций и обычаев, борьба за право считаться полноценными гражданами страны, за избирательные права. Раскрывая эти темы, авторы ищут интересные сюжеты, имеющие силу воздействия на читателя; создают в новеллах разноплановые образы.

Если проанализировать новеллистику писателей следующих поколений Катара — тех, кто создавал свои произведения в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. — проанализировать их художественную структуру, способы создания образов героев, сюжеты, стиль в отображении действительности, построение диалогов, а также поиски изобразительно-выразительных средств, то можно сделать вывод о том, что в жанре новелл писатели Катара приобрели богатый опыт. Наиболее значительные достижения молодого поколения новеллистов состоят в том, что они имели мужество поднимать важные социальные проблемы, о которых прежде молчали писатели старшего поколения. Произведения молодых новеллистов отличаются непримиримостью и смелостью, в них нет той боязни, которая чувствуется в новеллах писателей старшего поколения.

Например, произведение «405-комната» Ахмада Абдула Малика является лучшим образцом жанра катарской новеллы. Мастерство автора проявляется в художественном изображении, в построении диалогов, в особом отношении к речи персонажей. Он — писатель реалистического направления, который обладает даром воспроизведения сложных отношений в их развитии. Его реализм связан с социальными проблемами, стиль — изящный, богат изобразительными средствами, изложение включает в себя интересные и привлекательные элементы повествования.

В настоящее время новеллистика Катара находится на этапе ускоренного развития, в ней наблюдается стремление к включению в общемировую

литературный процесс. Новеллистов, пишущих произведения в модернистском стиле, в Катаре намного меньше, чем в Кувейте и Бахрейне. Элементы этого стиля встречаются в произведениях таких новеллистов, как Кулсум Жабр, Фатима ат-Турки, Жамал Файиз.

Банит С. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Эволюция женских образов в современной женской прозе Индонезии (на примере романа Айю Утами «Саман»)

Женская проза в Индонезии многие годы оценивалась как проза уровня «ниже среднего», как неуверенное бытописание, ограниченное тематикой и опытом авторов. Однако ситуация резко изменилась в конце 1990-х гг., когда случился бум женской литературы, представлявший собой не только количественный вал произведений, но и качественное изменение привычного представления о женской литературе.

Традиционно женская литература воспринималась как описание опыта девушки, женщины, жены, то есть людей, живущих внутри обыденности (дом, дети, семья), отражение женского опыта и описание женского характера внутри общества патриархальной традиции не вызывала интереса у массового читателя. Самой частой темой становилось ожидание любви, мечты о «принце» и будущем семейном счастье, иногда героини мучились от «неправильной любви» — к женатому мужчине. Женщина виделась всем как человек принимающий (*ngimo*) и всегда готовый принести себя (свои чувства) в жертву.

В литературе конца 1990-х (поколение переходного периода) и 2000-х (поколение Реформации) на смену статическим образам страдающих, обманутых, усталых женщин, как отражения печальной и безысходной судьбы большинства женщин и их комплекса социальной недостаточности, пришли образы деятельных, самостоятельных и даже агрессивных женщин (что отражает действительность). Однако агрессивность следует понимать как защитную реакцию пока что не вполне уверенных в себе людей. Женщины уже понимают, что им тесно в рамках традиционного общества, представляющего женщину зависимой, они стремятся обозначить себя как независимых личностей, субъектов со своими собственными желаниями. Эта новая литература показывает несовершенство общества через несовершенство персонажей, ненормальность их жизни (таковы герои Дженар Маесы Айю), а потому она лишена сентиментальности и «красивости» предшествующей литературы.

Роман «Саман» представляет нам четырех подруг, их сложные отношения с мужчинами и обществом. Это самостоятельные девушки с сформировавшимся мнением обо всем, что их окружает, они получили хорошее образование, успешны в карьере. Они обсуждают не только события и проблемы собственной жизни, но критикуют устоявшиеся общественные нормы, при которых жен-

щина всегда обязана жертвовать своими интересами ради главенства мужчины. Им требуется особенная смелость, чтобы пойти своим путем.

Лайла — фотограф, Ясмин — юрист, Чок — предприниматель, Шакунтала — танцовщица, они современные женщины, чья жизнь складывается не только в стенах дома. Брак для них не становится оковами, мешающими дальнейшей карьере. Их успех помогает и другим двигаться вперед.

Автор ломает все табу, не только описывая сексуальную жизнь героинь, но и заставляя их обсуждать эту тему. Шакунтала не скрывает, что семья считает ее распутной из-за ее свободных отношений с мужчинами и женщинами. Полюбив женатого мужчину, Лайла противостоит собственной семье, которая не одобряет ее любовь. Ее подруга Ясмин тоже в трудном положении: она замужем, но любит будущего священника, с которым вступает в отношения.

Автор переносит действие в США, страну, которая, по представлениям индонезийцев, является символом равенства и свободы, в том числе, свободы отношений. В тысячах миль от Джакарты Лайла избавляется от оков традиции, она больше не видит в своей любви греха: «Встретились, полюбили друг друга, расстались. Не о чем плакать».

На примере этого романа можно проследить историю феминизма в Индии: кризис Лайлы (пример классической истории «неправильной любви») и его преодоление, и свободные отношения Шакунталы и любовь Ясмин (моя жизнь — мои правила).

Бросалина Е. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Сказание о царице Ратне» и «Сказка о Царе Салтане» (к вопросу роли чудесного)

«Сказание о царице Ратне» входит в состав поэмы «Верная Мойна, или Лор и Чандрани» (1638 г.). Автором поэмы был придворный поэт-суфий периферийного по отношению к срединной Бенгалии княжества Аракан (Рошайни, Рошанго) Даулат Каджи (1716–1738).

По жанру поэма является значительно трансформированным вариантом одного из самых самобытных произведений Бенгальской средневековой литературы, «поэм-благодарений» (мангал-каббо). Его трансформация в придворной поэзии Аракана произошла по трем причинам:

- авторами были, в основном, бенгальцы-суфии;
- эпический элемент в их сюжете отошел на второй план, уступив главенствующую роль любовной линии;
- основным источником сюжета, вместо мифов и сказаний, традиционных для Бенгалии, стали пересказы, переложения и переводы сочинений поэтов-суфиев сопредельных регионов, таких как: Садхана, Мулла Дауд, Джаяси, Низами и др.

В бенгальской литературе подобные поэмы получили название «поэм о любви» (проной-каббо).

Авторство «Сказания о царице Ратне» принадлежит, однако, не безвременно умершему Д. Каджи, а другому придворному поэту, музыканту и воину Саеду Алаолу (1607–1775), завершившему труд своего предшественника почти через 30 лет после его кончины.

«Сказание» составляет почти половину всей поэмы. Оно искусно подсоединено в виде вставного эпизода к основному сочинению и представляет собою вполне самостоятельное произведение о праведной царице Ратне, ее сыне, благородном Анандавармане, и мужеством добытой им красавице Маданманджари.

Сказание, очевидно, является одним из вариантов того же бродячего сюжета, что и «Сказка о царе Салтане». На это указывает ряд его ключевых эпизодов, таких как: выдворение царицы с сыном (во чреве) за пределы царства на ладье, рождение и воспитание сына в чужом царстве, спасение им девицы и восстановление в правах наследования на родине.

Это сказание, как и сказка в стихах А. С. Пушкина, представляет собой переплетение множества различных мотивов, и относить его к определенному виду или классу вряд ли целесообразно.

В разработке сюжета, его структуре и деталях «Сказание о Ратне» в силу специфики культурного пространства и исторического времени обладает рядом особенностей. Наиболее ярко они проступают в таком устойчивом для сказания/сказки элементе сюжета, как акт чуда.

В роли исполнителей и инициаторов чудесных деяний выступают птицы, насекомые, фантастические существа, различные предметы, обычно не называемые конкретно божества, а также их «доверенные лица» среди людей.

По частотности проявления чудес их можно подразделить на однократные и многократные; по масштабности — на эпизодические и развернутые в некую картину; по степени фантастичности — на невозможные, но принципиально допустимые в реальной жизни, на невозможные с точки зрения здравого смысла, но искусственно возможные, и на абсолютно невозможные (галлюцинаторные).

Акт чуда является важнейшим моментом не только сюжетосложения, но и композиции «Сказания». Каждая из пяти его частей имеет «свое» чудо или целый набор чудесных явлений, с помощью которых критическая ситуация в данной части разрешается. По мере развития сюжета «набирает динамику» и сам элемент чудесного. Из однократного деяния оно постепенно разворачивается в целые картины; сфера действия чуда последовательно расширяется, охватывая все «три мира»: земной, подземный/подводный и воздушный.

Роль чуда в композиционной структуре, его многочисленные функции в художественной действительности «Сказания» выводят элемент чудесного на принципиально иной, смыслообразующий уровень, более высокий, нежели

чудеса в романтической «Сказке о Царе Салтане». Если пушкинская сказка возникла из шутовской переделки серьезной темы, то сказание Алаола, замешанное на разного рода мифологических реминисценциях, напротив, носит программный и вполне серьезный характер. Для поэта-суфия Алаола акт чуда — не просто один из художественных приемов, имеющий целью продемонстрировать сложности «пути любви», но и способ утвердить мысль об иллюзорности мира вещного и реальности мира высшего.

Букатая А. М. (Белорусский ГУ, Минск)

Национальная специфика оппозиции «свой — чужой» в современной китайской прозе

Идентификация оппозиции «свой — чужой» как проявления национального самосознания исключительно важна в русле исследований национальной специфики китайской литературы. Генезис данной дихотомии воплощается в процессе сложного преобразования от «мы — варвары» к «китаец — некитаец». Более того, даже в рамках современной китайской литературы очевидны колебания и существенные изменения в осознании собственного места и роли в мировой культурной парадигме. Необходимость в выработке новой культурно-идеологической основы возникает вслед за падением династии Цин и образованием Китайской республики. На данном историческом этапе произошли изменения уже сформированного ранее китайского характера и «начался процесс формирования новой «китайскости». XX в. стал временем поисков ее. <...> эти поиски стали насущной проблемой сегодняшнего Китая»¹.

В связи с Движением «4 мая» популярным оказался антитрадиционалистский подход к решению этого вопроса. Движение за новую культуру включало в первую очередь Литературную революцию, которая официально ведет отсчет со статьи Ху Ши «Наброски относительно реформы литературы» 1917 г. Рассказ «Дневник сумасшедшего» (1918) и повесть «Подлинная история А-кью» (1921–1922) Лу Сюня ознаменовали рождение современной китайской литературы и продемонстрировали озабоченность духовным и душевным состоянием китаецца, выявили проблемы китайского национального характера и вновь затронули вопросы национального самосознания.

Особенно острую нужду в возрождении национального величия китайская общественность испытала после «десятилетия бедствий» культурной революции. Это отразилось в том, что в Новейшей китайской литературе пристальное внимание стало уделяться изучению самой сущности «китайской

¹ *Корнилов М. Н.* Сиба Есинобу: существует ли «chineseness»? «Китайский характер» в исторической перспективе // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 10, Китаеведение. М.: ИНИОН РАН, 2001. № 1. С. 79.

специфики» и воспитанию чувства национальной гордости. В художественной и публицистической литературе это выразилось в поиске, анализе, критике и предложениях по преобразованию китайского национального характера. Так, в 1980-е гг. выделяется новое литературное направление, называемое «Большая культурная эссеистика», у истоков которого стоит культуролог и театральный критик Юй Цююй (余秋雨). Его творчество уникально тем, что в нем «гармонично сосуществуют выражение желаний и стремлений индивидуума и выражение высоких идей, осознание себя/своей индивидуальности и восхваление духа национальной культуры»¹. Н. А. Плясенко доказывает, что большое влияние на развитие современной китайской эссеистики оказали идеи западной культуры². Н. К. Хузиятова отмечает, что «произведения, написанные в жанре эссе, стали не только формой рефлексии объективной реальности, но и способом конструирования национальной и культурной идентичности»³. Современная эссеистика чрезвычайно разнообразна, представлена авторами разных поколений и стилей: Ба Цзинь, Ян Ли, Цянь Чжуншу, Ван Сяобо, Цзя Пинва, Ван Аньи, Ван Мэн, Лу Вэньфу, Ма Лихуа и др.⁴

Ли Цзинцзэ пишет, что «литература, про которую забыли в спорах о ее судьбе, продолжает свой рост, а писатели ищут пути переосмысления и отражения самосознания китайцев»⁵. В статье с говорящим названием «Китайская культура на пути возрождения» он развивает тему необходимости возрождения национального величия, которое началось в начале XXI века и обусловлено экономическими успехами КНР⁶.

Устройство китайского государства за последнее столетие прошло путь от монархии до республики, а вслед за этим претерпевало изменения и общественное устройство, и национальное самосознание. Кроме того, как отмечает Юй Хуа в книге эссе «Десять слов о Китае» (2010) «у китайцев моего поколения [Юй Хуа 余华 1967 г. р. — прим. А. Б.] уникальный опыт: за сорок лет мы, не покидая своей страны, оказались в другом государстве»⁷. 1970-е гг. проходили под знаком «культурной революции», затем последовали события Тяньаньмэньского

¹ Плясенко Н. А. Влияние западной литературы на современную китайскую эссеистику // Вестн. Московского гос. лингвист. ун-та. 2015. № 3 (714). С. 180.

² Там же. С. 180.

³ Хузиятова Н. К., Плясенко Н. А. Современная китайская эссеистика как поиск идентичности и «русский» Харбин Чжан Канкан // Проблемы литератур Дальнего Востока. VI Межд. научн. конф.: сб. мат. СПб., 2014. С. 388.

⁴ 王开志. 新时期散文热寻根 / 王开志 // 乐山师范学院学报. 2001. 第五期. 页 60.

⁵ Li Jingze. Speechless Literature [Electronic resource]. Mode of access: <http://english.caixin.com/2010-01-10/100107027.html>. Date of access: 13.02.2015.

⁶ Ли Цзинцзэ. Китайская культура на пути возрождения; пер. И. Чудновой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/e/eudnowa_irina_wiktorowna/lijingze.shtml. Дата обращения: 12.09.2014.

⁷ Юй Хуа. Десять слов про Китай; пер. с кит. Р. Шапиро, М.: Астрель, 2013. С. 75.

В разное время и у разных этносов оно имеет различную степень выраженности, которая зависит как от внутригосударственных, так и от международных политических, социальных, демографических, экономических и прочих процессов. Л. Н. Гумилев утверждает, что «противопоставление „мы — они“ (*conditio sine qua non est*) характерно для всех эпох и стран: эллины и варвары, иудеи и необрезанные, китайцы (люди Срединного царства) и ху (варварская периферия, в том числе и русские), арабы-мусульмане во время первых халифов и «неверные»; европейцы-католики в Средние века (единство, называемое «Христианским миром») и нечестивые, в том числе греки и русские; «православные» (в ту же эпоху) и «нехристи», включая католиков; туареги и нетуареги, цыгане и все остальные и т. д. Явление такого противопоставления универсально, что указывает на глубокую его подоснову...»¹.

Среди приемов, передающих национальные особенности в художественном произведении, З. Р. Саитова называет описание, сравнение и заимствование². Более показательной представляется терминологическая вариация этих же понятий Н. А. Плясенко применительно к изучению национальной идентичности в китайской эссеистике 1980-х гг.: этноописание, этносравнение и этнозаимствование³. Наиболее продуктивным представляется прием сравнения, характерный для всей «заморской» составляющей китайской литературы. Этнозаимствование активно используется в произведениях авторов «пограничья», поскольку именно оно наглядно демонстрирует иностранному читателю «экзотическую», а потому притягательную сторону жизни китайской диаспоры. Современная литература метрополии не делает акцент на изображении оппозиции «китаец — некитаец», поэтому использует этноописание, однако при описании локальных (региональных) идентичностей прибегает ко всем трем приемам.

Противопоставление образов «свой — чужой» наиболее четко прослеживается в т. н. «заморской» литературе (海外文学), которая включает «пограничный» сегмент (представленный в основном англоязычной прозой) и иммигрантскую китайскоязычную составляющую.

Например, в повестях Чжан Лин (张翎), китайскоязычной писательницы зарубежья, данная оппозиция широко представлена следующими парами: Лю Семин — Тами (п. «Бранный мир», «尘世»), Ян Ян — Пол Уилсон, Рут — Джон Уилсон (п. «Овца», «羊»), Сяодэн — доктор Волверкоут (п. «Послешок», «余震»). В творчестве Эми Тан (Amy Tan, 谭恩美), представляющей китайско-амер-

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М.: АСТ, 2007. С. 38.

² Саитова З. Р. Приемы передачи национальных особенностей в художественном произведении. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/ESPR_2006/Philologia/9_saitova%20z.g.doc.htm. Дата обращения: 12.02.2016.

³ Плясенко Н. А. Подходы к изучению национальной идентичности в китайской эссеистике 1980-х гг. // Проблемы литератур Дальнего Востока. V Межд. научн. конф.: сб. мат. СПб., 2012. Т. 1. С. 474.

риканскую литературу, в качестве контрастных пар выступают Кван — Оливия, Нунуму — мисс Баннер (роман «Сто тайных чувств», «The Hundred Secret Senses»), матери и дочери Иннин — Лена Сент-Клер, Линьдо Чжун — Уэверли Чжун, Суюань — Цзиньмэй, Аньмэй Су — Роуз (роман «Клуб радости и удачи», «The Joy Luck Club»), причем дочери являются трансляторами китайской и гибридной национальной идентичности. Для творчества литераторов КНР наличие подобных контрастов не характерно, однако не исключено. Например, магушка Лу — пастор Мюррей в романе «Большая грудь, широкий зад» Мо Яня (莫言, «丰乳肥臀»). Образы иностранцев подтверждают готовность китайского общества к культурному диалогу и взаимодействию. Не являясь отрицательными персонажами, они продолжают вызывать ощущение настороженности и отчужденности.

Так, показательные иллюстрации своеобразного отношения к проявлениям «чужого» в различных видах описаний присутствуют в повести Чжан Лин «А-си идет в школу» («阿喜上学» 2009). Не китайская культура представлена автором как экзотическая, а наоборот, элементы и проявления западной цивилизации выглядят странными, варварскими и неестественными. В отличие от указанных выше («Бренный мир», «Послешок», «Овца») в данной повести отсутствует пара героев, которая могла бы со всей очевидностью демонстрировать дихотомию Восток — Запад в области межкультурного общения. Читатель знакомится с жизнью китайских эмигрантов в Ванкувере начала XX века, опираясь на впечатления главной героини, четырнадцатилетней А-си, которая вслед за родителями-эмигрантами, после девятилетней разлуки, приезжает в Канаду.

Восприятие пейзажа транслирует четко различимый мотив «тоски по родине» (*сянчоу*), ведь, по мнению А-си, хоть эти места во многом и схожие, «только цветы и птицы в Соленой Пристани¹... и в деревенском Кайпине разные. Птички в Сяньшуйбу красивые-то красивые, но кричат как селезни, как будто им шеи крутят, по правде, и слушать неприятно. Грозди цветов в Сяньшуйбу подобны облакам и туману, вот только не успевают раскрыться, порыв ветра — как их уже нет. А-ди говорила, у этих заморских цветов есть название, сакура, это дерево завезли с собой японцы. В Кайпине у всех цветов обычные названия: яичные цветы², банан, собачьи хвостики³, не такие нежные и прекрасные, зато надежно цветут год или около того»⁴ (*здесь и далее*

¹ Сяньшуйбу, досл. «соленая пристань», или «порт соленой воды». В свое время распространенное среди местных китайских эмигрантов название Ванкувера.

² Просторечное название плюмерии.

³ Просторечное название щетинника, чумизы.

⁴ 张翎。阿喜上学 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://blog.sina.com.cn/s/blog_a6f7df760101aqa8.html. Дата обращения: 02.02.2015.

перевод наш — А. Б.) Таким образом, наглядно демонстрируется целый ряд противопоставлений, которые соотносятся с оппозицией «свой — чужой»: деревня — город, родина — чужбина, постоянство — эфемерность, простота — изысканность. Для А-си родной Кайпин предстает благозвучным, а еще важнее — вызывает ощущение ясности, устойчивости, стабильности.

Оказавшись в кабинете директора местной христианской школы А-си подмечает странные (с ее точки зрения) детали интерьера: «В комнате были только стул и стол, заваленный книгами. На стене висела картина больших размеров, настолько большая, что закрывала почти всю стену. На картине не было людей, не было ни гор и рек, ни насекомых и птиц, только облако серого мусора с расплывчатыми очертаниями, текст на иностранном языке, как муравьишки, сплошь покрывал поверхность. Ежели б то не были буквы, то это напоминало бы деревенскую бамбуковую циновку со следами мочи, оставленными ребенком. Склонив голову, А-си и так, и эдак рассматривала, и так и не рассмотрела названия». Так героиня воспринимает наглядное пособие с текстом, на месте которого, в соответствии с ее представлением, должен был бы висеть свиток с традиционной китайской живописью в жанре «горы и воды». Сравнение букв с насекомыми, а плаката с циновкой, на которую помочились, создает комический эффект. Так, уже не девочка-китаянка с ее костюмом и прической смотрится как нечто экзотическое среди других учеников, а наоборот — привычные для западного интерьера элементы выглядят неестественно.

Абсурдным кажется героине общепринятое обращение к учителям. Например, когда А-си узнает, что завуча зовут Мисс Смит (密斯小姐), то незамедлительно проводит параллель: «у нас в деревне такую старую женщину следовало бы называть „матушка“». Использование *сяоцзе* («мисс, барышня, девушка») недопустимо, ведь оно автоматически снижает статус адресата и не выказывает должного уважения.

Перед А-си предстает целая галерея «странных» людей, и показательно, что это не китайцы: преподавательницы в школе с их манерой говорить, одеваться, носить очки; индейцы, которые заглядывали к ее отцу за лекарствами китайской народной медицины; одноклассники. Знаковой фигурой среди последних предстает сосед по парте Уайли (威利). Еще не рассмотрев его как следует, первое, что увидела А-си — черная повязка, которая практически закрывала половину лица. У мальчика не было глаза, но неожиданным образом «его уродство сразу же заставило ее успокоиться», и А-си не отвела взгляд. Показательно, что именно у иностранца оказывается физический недостаток, который превращает его в изгоя (никто не соглашался с ним сидеть), но с ним героиня находит общий язык. Так автор демонстрирует жестокость и нетерпимость западного общества, противопоставляя их непосредственности и отзывчивости девочки, у которой он вызывает сочувствие и даже любопытство, а не страх или отчуждение. Сравнения, используемые в портретной характеристике Уайли, придают его лицу благородство и нивелируют серьезный порок внешности: кожа такая белая,

«словно у фарфоровой вазы в отцовской лавке, куда тот припрятывал лекарство от горла» и такая прозрачная, что под ней «просвечивали сосуды» — оттенок кожи привлекает больше внимания, нежели отсутствие глаза.

Таким образом, через восприятие девочки-подростка автор акцентирует элементы «чуждого» не только в описании людей, но и в пейзаже, и интерьере. С помощью территориальной передислокации Чжан Лин помещает героиню в такие обстоятельства, которые форсируют трансформации в ее характере и самосознании. «А-си идет в школу» является историей не об эмигрантах в Канаде, а о Китае конца династии Цин и процессе эволюции национального самосознания (в т. ч. женского) в указанный период.

Во многих произведениях современной китайской прозы данные идентификационные изменения наблюдаются не только в оппозиции «свой — чужой», «здесь — там», но и в дихотомии «настоящее — прошлое» через призму исторической судьбы Китая. Например, «Устал родиться и умирать», «Большая грудь, широкий зад», «Перемены» Мо Яня, «Жить», «Десять слов о Китае» Юй Хуа, «Золотая гора», «Схватки» Чжан Лин, «Дикие лебеди: три дочери Китая» Юн Чжан, «Воспоминания императрицы» Анчи Мин. Все перечисленные произведения в разной степени сочетают черты летописания и воспоминаний, автобиографической хроники, в целом, не присущей китайской литературной традиции. В настоящее время наследие прошлого переосмысливается, и современная китайская литература не только ярко демонстрирует проявление национального самосознания, но и способствует преобразованию и домыслению национального мифа. В китайской литературе, как и в культуре в целом, продолжается поиск оптимального сочетания проявлений индивидуального и общественного, национального и общечеловеческого.

Грунина Н. С. (ИМЛИ РАН, Москва)

Мотив чудесного рождения героя из ствола бамбука в малайской классической литературе и мифологии народов Нусантары

Описание сверхъестественного происхождения героя из растений, в особенности бамбука, — типичная особенность как устной, так и письменной малайской традиции¹. В обширном регионе Нусантары малайская литература играла роль не только литературы-посредницы с внешним, по преимуществу мусульманским, миром, но и выступала в качестве областной литературы, питающейся местными фольклорными традициями. Несмотря на ярко выраженную мусульманскую окраску произведений классического периода как в жанре

¹ *Парникель Б. Б.* Введение в литературную историю Нусантары IX–XIX вв. М., 1980.

повести (*хикаят*), так и в историческом жанре хроник (*седжарах*), создатели этих произведений часто обращаются к легендам доисламского прошлого.

Одним из наиболее распространенных мотивов, уходящих своими корнями глубоко в анимистические представления как малайцев, так и других народов Нусантары, является мотив чудесного рождения героя из ствола бамбука. Примечательно, что из бамбука может появиться как мальчик Раджа Бетунг (от мал. *Raja Betung* — Принц из бамбука), так и девочка Путри Бетунг (от мал. *Putri Betung* — Принцесса из бамбука). Обычно сюжет о чудесном обнаружении героя или героини в стволе бамбука выглядит следующим образом: местный раджа отправляется на поиски места, где бы он мог основать столицу своего государства. В джунглях он обнаруживает бамбук необычайной величины, который разрубить в силах только меч государя. В стволе раджа находит чудесное дитя (мальчика или девочку), которое впоследствии становится одним из прародителей царской династии. Как правило, если из ствола бамбука появляется мальчик, то его женой становится девочка, которую находят в морской пене или пене местной реки. Если же из бамбука появляется девочка (чаще девушка), то ее берет в жены сам раджа.

Такого рода эпизод встречается в «Повести о Сери Раме» — малайской версии «Рамаяны»: из бамбука появляется царица Манду Дари — будущая мать царевича Рамы. Однако чаще всего данный мотив обнаруживается в малайских беллетризованных хрониках, выполнявших двойственную функцию: с одной стороны, дать наставление правящему государю на примерах царствования предыдущих монархов, а с другой, дать обоснование высокому происхождению правящей династии. Таким образом, изложению непосредственных исторических событий предварял «миф о происхождении», который мог включать в себя различные сюжеты и мотивы фольклорного происхождения, в том числе и мотив о чудесном рождении из бамбука. Подобного рода сюжет обнаруживается сразу в нескольких хрониках: в «Повести о раджах Пасея», повествующей о государстве Самудра-Пасей на северо-востоке Суматры в период с середины XIII до середины XIV в., один из предков царствующего монарха раджа Мухаммад обнаруживает в стволе бамбука чудесную девочку Путри Бетунг. В «Кутейских родословиях», хронике государства Кутей на Южном Калимантане, один из прародителей местной династии также берет себе в жены девушку, найденную в стволе бамбука. Эпизод с появлением принцессы из бамбука обнаруживается в «Повести о Маронге Махавангсе», хронике султаната Кедах на Малаккском полуострове, в хронике его северного соседа «Повести о Патани», наконец, в «Повести об Аче» родословная Раджи Перкасы Алама также восходит к небесной фее, появившейся из ствола бамбука.

Британский исследователь У. Э. Максвелл в своей статье «Два малайских мифа: пеннорожденная принцесса и принц, найденный в стволе бамбука»¹

¹ *Maxwell W. E. Two Malay myths: the princess of the foam and the raja of the bamboo// Journal of the Royal Asiatic Society 13/4, London, 1881. P. 498–523.*

приходит к выводу, что эти два зачастую сопряженных мифа, имеют совершенно разное происхождение. Проанализировав большое количество материала, исследователь приходит к выводу, что миф о принцессе, рожденной из пены, скорее всего, был заимствован из Индии, так как он упоминается в тех районах, где было сильно влияние брахманизма. В то время как миф о принце, найденном в стволе бамбука, обнаруживает себя в тех регионах Нусантары, которые вряд ли могли испытать на себе влияние Индии.

В этой связи мотив о рождении из ствола бамбука имеет более глубокие корни и отсылает к более древнему пласту мифов о происхождении первых людей у различных народов Нусантары. Из бамбука появляется первый человек или первая пара людей у андамандцев, народа бенуа на Малаккском полуострове, у народов группы островов Ментавай на Западной Суматре, народов Сулавеси и Папуа. Подобный миф встречается у многочисленных народов и племен Филиппин, таких как: ами, пунома, ями, пайван, висайя, негрито, моро. Устные легенды и мифы о бамбуке, как вместилище первых людей, бытуют у народов Папуа-Новой Гвинеи, Меланезии и Океании, в целом.

Зидан Ж. Р. (ИСАА МГУ, Москва)

Европа глазами египтян: на примере «Воспоминаний об изгнании» Б. ат-Туниси и «Воспоминаний студента за границей» Л. Аввада

Махмуд Байрам ат-Туниси родился в 1983 г. в Александрии, где провел детство и учился в школе. Поэт в раннем возрасте начал писать стихи, в основном сатирически описывающие события, происходившие в квартале где он известен как «ат-Туниси». В 1914 г. ат-Туниси начал издавать свою газету. Байрам критиковал как оккупацию Египта Англией, так и своих соотечественников. Благодаря успеху газеты, ат-Туниси переехал в Каир. По причине того, что у автора было гражданство Туниса, который в свою очередь находился под протекторатом Франции, его критика долго была безнаказанной, но после того, как стихи коснулись королевской семьи, ат-Туниси был выслан во Францию, где провел двадцать лет, не забывая при этом о родине — Египте. Вернувшись, спустя двадцать лет в Египет, автор продолжает заниматься публицистикой и поэзией.

Ат-Туниси писал стихи на египетском диалекте, что сделало его по-настоящему народным поэтом, так как он писал понятным простому народу языком о проблемах народа, выражал идеи и чувства египтян. В первую очередь, основной жанр поэзии ат-Туниси — сатира.

В ссылке писатель пребывал с 1919 по 1938 г. Большую часть этого периода он провел во Франции и Тунисе. В это время он написал заметки и истории о своей жизни за границей, описывая жизнь иностранца, которому приходится выпол-

нять низкоквалифицированную работу. Также автор продолжает писать поэзию и публикует ее сначала в египетской газете «*al-Shabab*», а затем в журнале «*al-Funun*»¹. С точки зрения восприятия и описания Европы интерес представляет его работа: «*Mudhakkirat fi 'l-manfa*» («Воспоминания об изгнании»).

Луис 'Аввад — египетский филолог, писатель и мыслитель XX в. (1915–1990). В книге «Воспоминания студента за границей» он описывает годы своей учебы в университете Кембридж в Великобритании.

В предисловии к своим воспоминаниям автор осознанно включает свое произведение в ряд произведений жанра *рихла*, сравнивает с лучшими образцами («Описанием Парижа» шейха ат-Тахави, с «Книгой о жизни и приключениях Фарйака» Ахмада Фариса аш-Шидьяка). Но 'Аввад делает важную оговорку: повествование в его мемуарах ведется не на литературном арабском языке, а на египетском диалекте, что ставит его в один ряд с Байрамом ат-Туниси. Таким образом, они подчеркивают свою египетскую идентичность, выделяются среди арабов из других стран.

Продолжая традицию в написании произведений жанра *рихла*, герой и автор произведения начинает повествование с описания отъезда из страны, а точнее бюрократические проблемы, в связи с которыми ему было сложно получить стипендию и уехать. Уже на данном этапе автор отсылает нас к истории Египта и перечисляет факторы, повлиявшие на рост бюрократии в образовательной среде.

Мы видим, что с одной стороны, молодой египтянин хочет, как можно дольше жить в Англии, поэтому делает запрос на получение и магистерской, и докторской степени. С другой стороны, родился 'Аввад в 1915 г., то есть во время протектората Великобритании над Египтом, поэтому отношения к англичанам как к колонизаторам все равно остается в подсознании автора. В этой связи интересно проследить осмысление истории его родины во время пребывания в Англии.

По прибытию в Кембридж 'Аввада поселили жить с семьей Мерсер. Глава семьи служил в Египте во время демонстраций 1919 г. Во время службы он потерял зрение. В этот момент и начинаются внутренние противоречия египтянина. С одной стороны, ему жалко англичанина, с другой стороны, он не может себе представить жизнь в доме человека, который убивал его соотечественников.

В начале 1940 г. 'Аввад покинул университет, так и не закончив диссертацию по причинам, которые нам до сих пор неизвестны. Одно из предположений заключается в том, что в связи с началом Второй мировой войны была урезана стипендия. Но в своих «воспоминаниях» 'Аввад пишет только о том, что это было его личным решением².

¹ Booth M. Bayram at-Tunisi's Egypt: Social Criticism and Narrative Strategies. Exeter, 1990.

² 'Awad Louis. Mudhakkarat Talib Bi'thah. Al-kitab adh-dhahabi. 1965.

Козинцев М. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Творческое наследие Пейами Сафа: турецкие и отечественные исследования

В ряду писателей и поэтов, оставивших наиболее заметный след в истории турецкой литературы первой половины XX века, видное место принадлежит Пейами Сафа (1899–1961). Его творческое наследие обширно и разнообразно. Выбор писателем нетипичных для тогдашней художественной традиции тем и их проработка были часто настолько детальны и обстоятельны, что оказали прямое влияние на литературный процесс в стране в целом. Своим творчеством писатель не только значительно обогатил турецкую литературу, он также не стоял в стороне от активных философских поисков, участвовал в подготовке и проведении реформы алфавита, реформировании языка, за что также снискал почет среди современников и потомков на родине, где он признан классиком литературы и считается видным мыслителем. Подтверждением тому служат, в том числе, сборник статей, подготовленный сотрудниками Университета им. Дж. Баяра в Манисе¹ и выпуск журнала «Эрдем»², полностью посвященный писателю. Оба издания вышли в 2012 г. и приурочены к 50-й годовщине его смерти.

Наиболее полно и подробно творчество Пейами Сафа изучено в Турции, причем в работах последних лет отмечается большое тематическое разнообразие и ряд интересных подходов. Объектами исследования выступает множество произведений. Но поскольку наиболее известен данный автор как романист, романам уделяется наибольшее внимание. Гораздо меньше исследованы рассказы Пейами Сафа, хотя и их турецкие литературоведы (О. Ышыкай, А. Эрсой, Э. Багджи) также не оставляют без внимания. Кроме того, существуют исследования, которые посвящены не только непосредственно художественному наследию Пейами Сафа, но и работы, содержащие обзоры того, какое место отведено данному писателю в истории турецкого романа³. Таким образом, в современной Турции творческое наследие Пейами Сафа является объектом подробного анализа во многочисленных и разносторонних исследованиях и критических статьях.

Что касается отечественного литературоведения, то в нем сложилась прямо противоположная ситуация, когда в течение всего советского периода творчество Пейами Сафа не только не изучалось, но и осуждалось по идеологическим соображениям⁴. В современной России отношение к нему изменилось лишь

¹ Vefâtinin 50. Yılında Peyami Safa Kitabı / Editörler: S. Altıntop, R. Bağcı, C. Şen. Manisa, 2012. 149 s.

² Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi. Ankara, 2012, sayı 62. vii + 326 s.

³ Yetiş, Kâzım. Peyami Safa'nın Türk Romancılığındaki Yeri // Erdem: Atatürk Kültür Merkezi Dergisi. Ankara, 2012, sayı 62. S. 289–297.

⁴ Магазаник Д., Михайлов М. Пейами // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 8. М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1934. Стб. 628–629.

в последние годы, с выходом ряда новых исследований¹. Однако круг изучаемых романов пока остается узким и ограничивается наиболее известными; рассказы Пейми Сафа до сих пор не становились объектом анализа в отечественной науке. Кроме того, массовому российскому читателю его произведения были и продолжают оставаться (ввиду отсутствия переводов на русский язык) совершенно не известными.

Сегодня, по прошествии более чем полувека со дня смерти Пейми Сафа, его произведения едва ли могут удивить искушенного читателя. Однако особенности писательского стиля и интерпретации некоторых философских концепций, содержащиеся в отдельных произведениях (напр., в романах «Мы одиноки» (тур. *Yalnızız*) и «Мы люди» (тур. *Biz İnsanlar*)), по-прежнему способны обратить на себя внимание исследователей.

Кокова Ю. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Гимн в пуранах и религиозно-философских санскритских сочинениях

Гимн — излюбленный жанр индийской религиозной поэзии. Структура древнейших образцов гимна-восхваления (*stuti*.) составляющих большую часть Ригведы, обусловлена отношениями обмена между божеством и его адептом: гимн состоит, по мнению Т. Я. Елизаренковой, из экспликативной и апеллятивной частей. Такой композиционный принцип построения гимна-восхваления наследует литературная традиция классического и средневекового периода.

Санскритская гимнография развивается как в рамках религиозной авторской поэзии, так и в составе эпоса, пуран и больших религиозно-философских текстов, принадлежащих различным направлениям индуизма. Работы, посвященные анализу санскритского гимна, довольно редки. Это разделы в монографических обзорах санскритской литературы, прежде всего, глава «*Stotra literature*» в «Средневековой религиозной литературе на санскрите» Я. Гонды². Исчерпывающим по своей полноте исследованием эпического и раннепуранического гимна является статья С. Л. Невелевой «Моление о даре» (типология эпического гимна)³.

Обращение к средневековым пуранам и текстам панчаратры дает возможность показать, как изменения в религиозной идеологии, совмещение разных

¹ *Образцов А. В., Сулейманова А. С.* Модернизм в турецкой литературе // Модернизм в литературах Азии и Африки. Очерки / Отв. ред. А. В. Образцов. СПб., 2014. С. 94–152.

² *Gonda J.* Medieval religious literature in Sansrit. Wiesbaden, 1977. 294 p.

³ *Невелева С. Л.* «Моление о даре» (типология эпического гимна) // «Стахпакашрад-дха» Сборник статей памяти Г. А. Зографа. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1995. С. 235–257.

жанровых форм, появление литературного канона сказываются на семантике и функции, стилистической тональности и композиционной структуре гимнов, во множестве встречающихся в такого рода текстах.

«Память жанра» (М. М. Бахтин) о мифо-ритуальной первооснове гимна объясняет сопряженность его с ситуацией теофании и мотивом избрания дара. Риши, некое божество или царь (обычные персонажи рассматриваемых текстов) обращаются к верховному божеству с гимном-восхвалением. Адресат гимна — в тексте непременно подчеркивается, что он доволен сказанным — являет свой лик восхваляющему и предлагает ему выбрать дар. Вся ситуация маркируется лексически: во всех текстах непременно употребляются одни и те же глаголы со значением «прославлять», «быть довольным», «показывать», «являть себя», «выбирать». Для гимна обязательно включение формулы со значением «поклон тебе», «кланяюсь». Предложенный дар оказывается судьбоносным для одариваемого и, что немаловажно, для развития сюжетной линии повествования в целом. Хотя такая ситуация воспроизводит на новом уровне ригведийский обмен дарами, адресатом всего текста, в который включен гимн, является, не божество, а аудитория или читатели. Именно изменение адресата порождает новую функциональную нагрузку жанра — дидактическую. В результате гимны нередко представляют собой пространные рассуждения на религиозно-философские темы и только наличие в тексте характерных формул позволяют определить их жанровую принадлежность.

Смена религиозных идей (монотеистические тенденции, стремление к духовному преображению, приобщению к божественному бытию, сотериологические концепции) приводит в существенной трансформации не только характера апеллятивной части гимна, но и подчас его структуры в целом. Стилистика текста в таком случае приобретает черты молитвенного обращения к божеству.

В целом можно утверждать, что для рассматриваемых текстов любая коммуникация персонажа с божеством требует включения гимна, пусть таковой, по сути дела, является либо витиевато-возвышенной просьбой, либо рассуждениями о природе божественного. Гимны в формализованной ситуации общения с божеством, становятся характерным признаком стилистики больших жанровых форм религиозной поэзии, частью своеобразного кода, понятного читателям/слушателям таких текстов и ожидаемого ими.

Мелконян Р. О.; Погосян Н. А. (Ф-т Востоковедения, ЕГУ, Ереван)

Турецкая литература Германии конца XX — начала XXI веков: основные тенденции развития

Турецкая литература Германии, начавшая свое становление параллельно с созданием турецкой общины еще в 1960-е годы, является индикатором

происходящих внутри общины процессов. Последнее десятилетие XX века становится переломным этапом: на литературное поприще вступают новые имена, которые приносят в литературу новые методы, новую проблематику и новый язык. С 1990-х годов основным для творчества турецких писателей Германии становится немецкий язык. Это неудивительно. Ведь большинство писателей нового поколения выросли и даже родились в Германии, а их произведения рассчитаны в основном на немецкого читателя. Вполне логично, что в отличие от приехавших в Германию в зрелом возрасте первых турецких писателей, фокусирующих свое внимание исключительно на Турции, молодые писатели обращаются к проблемам немецкого общества. Особенно важное место в этих произведениях занимает разрушение Берлинской стены. Это событие как точка отсчета, исходный пункт, разделяющий жизнь на до и после, находит свое отражение в творчестве большинства писателей. Например, герой ставшей бестселлером книги писательницы Я. Кара «Салам, Берлин» связывает с разрушением стены все свои неудачи, даже развод родителей¹.

В новой объединенной Германии турецкие мигранты ищут свое место. Писательница Э. С. Оздамар пишет, что в 1990-е годы Берлин стал понимать по-турецки. Однако проблема противоречия двух миров и невозможности интеграции турецких мигрантов не потеряла своей остроты в литературе. Несмотря на то, что определенные атрибуты немецкой жизни, такие, например, как цветной телевизор или празднование Нового Года, постепенно входят в турецкие семьи, в вопросах семьи, брака, морали турки продолжают следовать своим обычаям даже через 30–40 лет пребывания в Германии. Жизнь мигрантов настолько геттоизирована, что немецкие интеллектуалы даже называют «Кройцберг (турецкий квартал Берлина) третьим по величине городом Турции»².

Однако для нового поколения мигрантов многие турецкие традиции не приемлемы. Турция с ее отсталыми нравами чужда им, даже короткие поездки на родину становятся испытанием. Новое поколение писателей уже не мечтает о возвращении, а восстает против необходимости помогать огромному количеству родственников, считая, что хватит быть «машиной для производства валюты»³. Однако и немецкие ценности воспринимаются не однозначно, часто вызывают удивление и даже отвращение. По меткому выражению писательницы А. Текинай, невозможность окончательного выбора делает второе поколение мигрантов «большим и бездомным»⁴. Непринадлежность ни к одному обществу приводит к постоянному поиску своего я. Поэтому проблема трансформации и сохранения идентичности, тесно связанная с вопросом интеграции, занимает центральное место в творчестве турецких писателей.

¹ *Kara Y. Selam Berlin.* Istanbul, 2004.

² *Özdamar E. S. Avludaki ayna.* Istanbul, 2012.

³ *Sonay A. Burada yaşamak istiyorum.* Istanbul, 1999.

⁴ *Göbenli M. Göç ve edebiyat// Multitudes/Altyazı.* Paris, 2003, No. 3–4. S. 3–11.

Интересно, что в поисках идентичности турецкие писатели то обращаются к прошлому, восхваляя былую мощь Османской империи, то яростно отрицают все турецкое, то заставляют героев, порвав все связи, уехать из Германии в третью страну. Своеобразным вызовом кризису идентичности можно считать полный отказ некоторых писателей от каких-либо атрибутов мигрантской тематики. К таким писателям относятся, например, А. Приниччи, героем книг которого стал кот Френсис¹, или Зехра Чирак, не желающая быть замкнутой в «турецкой коробочке»².

Таким образом, турецкая литература Германии меняется и развивается в соответствии с изменениями немецкого общества, а ее связь с турецкими реалиями с 90-х годов постепенно слабеет. Турецкие писатели, являющиеся представители второго поколения мигрантов, в своих произведениях показывают проблемы турецкой общины в контексте современного немецкого общества, а некоторые из них даже полностью отходят от проблем мигрантов. Подчеркнем также, что такие турецкие писатели, как Э. С. Оздамар, Ф. Займоглу и З. Шеноджак получили широкое признание в Германии и были удостоены ряда престижных литературных премий.

Мокрушина А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Реальность и вымысел в романе Мухаммада Рабии «Меркурий»

Египетский прозаик Мухаммад Рабии родился в 1978 г., получил образование инженера в Каирском университете. Мухаммад Рабии автор нескольких романов, два из которых были отмечены престижными литературными премиями для молодых писателей и получили положительные отзывы критиков.

Последний роман прозаика носит название «Меркурий». Произведение представляет собой яркий пример антиутопии. События «альтернативной истории», описанные в нем, разворачиваются в Египте как бы после январской революции 2011 года. Перед читателем предстает Египет в недалеком будущем — 2023 г. Главный герой романа — полицейский по прозвищу Меркурий — становится свидетелем страшных перемен в стране, приведших к беспределу, убийствам и грабежам. Народное сопротивление сражается с непонятными мистическими силами, стремящимися посеять в стране хаос. Однако скоро становится ясно, что сопротивление действует в своих личных интересах, не гнушаясь убийства тысяч мирных граждан. «Белая»

¹ *Ekiz T. Avrupa Türk edebiyatı ve bir temsilcisi: Emine Sevgi Özdamar// Journal of Arts and sciences. Ankara, 2007. S. 33–47.*

² *Dawson J. Redefining Germany: Turkish literature and integration// The literature of identity, The Funnel. Washington, 2003. N2ю Vol. 39. P. 23–25.*

бескровная революция, о которой мечтали египтяне, превращается в массовое истребление собственного народа. Предводитель сопротивления открыто заявляет своим сторонникам, что настает время для второй народной революции — революции против оккупационных сил. Но какой план он предлагает? С помощью СМИ силы сопротивления планируют посеять панику, убедив простых людей в том, что все зло исходит от оккупантов. Предводитель сопротивления делает заключительный вывод: *«Люди поймут, что мы негодяи, что мы их убиваем, но, в конце концов, они предпочтут нас оккупантам. Не потому, что мы патриоты или живем в той же стране, и не потому, что мы говорим на одном языке, а лишь потому, что мы будем их убивать, пока продолжается оккупация»*.

Содержание и форму романа «Меркурий» можно назвать новыми для арабской литературы. Современные арабские писатели стремятся к поиску актуальных тем и нетривиальных способов их изложения. Так, события, связанные с египетской революцией 2011 г. и потрясшие не только Ближний Восток, но и весь мир, в романе Мухаммада Рабии представлены с необычной точки зрения. Автор мастерски вплетает вымысел в реальные события, происходившие в тот период в стране. Герои романа живут в Каире, а улицы, районы и площади города со знакомыми названиями (*Тахрир, Талят Харб, Булак, Корнейш* и пр.) становятся сценой для разворачивающихся событий в альтернативном мире. Автор сознательно упрощает язык повествования, стремясь вызвать у читателя ощущение истории, рассказанной простым человеком, а не писателем.

Необычными для арабской литературы являются и многочисленные натуралистичные картины из жизни полуразрушенного города, в котором царит хаос. В тексте присутствуют детальные описания сцен насилия и откровенных сцен, что дополнительно формирует у читателя образ общества, где отсутствуют основные понятия о законе и морали. Главный герой романа личность неоднозначная: моральные принципы, которым он старается следовать в начале, вскоре оказываются извращены, и бывший полицейский сам становится убийцей.

Вопросы совести и морали являются центральными в романе. Через главного героя автор пытается найти ответы на них. В последнем разговоре со своим другом и соратником Меркурий обсуждает философские вопросы бытия, стараясь понять, что такое смерть и существует ли что-то после нее.

На сегодняшний день внимание молодых арабских авторов привлекают жанры, уже давно полюбившиеся их европейским коллегам. Роман-антиутопия «Меркурий» во многом напоминает аналогичные произведения западных писателей — захватывающий сюжет, короткое запоминающееся название, простой слог. Но вместе с этим автор романа переносит события в реалии египетской жизни, позволяя арабскому читателю почувствовать себя частью выдуманного мира.

Образцов А. В. (ВФ СПбГУ; НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург);
Сулейманова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Факторы формирования культа в турецкой литературе (талант, популярность, телесность)

Понятия «классика» и «культ» и сегодня являются предметом дискуссий¹. При формировании классического канона и при сложении литературного культа играют роль не только эстетические критерии, но и внеэстетические факторы. И то, и другое навязывается социуму в зависимости от прагматики конкретной ситуации. Еще Дюркгейм писал, что сакральное качество (по С. Н. Зенкину, культовое — «небожественное сакральное») приписывается предмету произвольно, т. к. оно не зависит от внутренних качеств самого предмета, и опирается на произвольное приписывание смыслов. Культ в литературе, безусловно, имеет сакральные коннотации, но, одновременно, компенсирует нехватку собственно сакральных ценностей.

Употребление термина культ в нерелигиозном контексте, видимо, относится к 70–90-м гг. XX в. Но само явление фиксируются еще с эпох Просвещения и романтизма, что связывают с процессом переноса сакральных качеств на светскую культуру. Основы литературного культа были заложены, когда персонаж и автор стали сблизжаться до автобиографического отождествления. Первоначально культ подразумевал доходящую до обожания популярность в узком кругу, но сегодня масштабность авторского замысла, широта читательской аудитории стали не менее важны.

После выхода в 1998 г. «Культовой книги»² Ильхана Берка — одного из ярчайших турецких поэтов второй половины XX в. — термин культовый прочно вошел и в турецкую художественную критику и публицистику³.

Культовый автор — это автор культовых произведений, которые наделяются некой символической (сверх)ценностью. Верно и обратное, культовое произведение — это то, что создал культовый автор. Т. е. возможно движение как от текста к автору, так и от автора к тексту. Иными словами, культ — есть продукт символических практик, находящихся в отношениях дополнительной дистрибуции.

В современной турецкой традиции определение культового статуса можно свести к следующим общим дефинициям:

1. Произведения и авторы, что стали культовыми из-за своего воздействия на художественный процесс: Огуз Атай, Юсуф Атылган, Орхан Вели Канык, Бильге Карасу, Пеями Сафа, А. Х. Танпынар, Кемаль Тахир, Сайит

¹ Культ как феномен литературного процесса. Автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011.

² *Berk İ. Kült Kitap (Yazarken Okurken Çizerken)*. İst.: YKY, 1998.

³ *Karataş T. Ansiklopedik Edebiyat Terimleri Sözlüğü*. İst.: Sütun, 2011.

Фаик, Назым Хикмет. В этом же ряду и Орхан Памук, Севги Сойсал, Латифе Текин.

2. Произведения и авторы, почитаемые массовым читателем: И. О. Анар, З. Ливанели, Э. Шафак, А. Умит, отчасти, О. Памук. Это авторы широко популярны, коммерчески успешны и позволяют себе некоторую независимость суждений.

3. Из турецких авторов чаще всего культовыми называют такие имена: Сабахаттин Али, О. Атай, Ю. Атылган, Орхан Вели, Б. Карасу, Я. Кемаль, П. Сафа, А. Х. Танпынар, К. Тахир, Ведат Тюркалы, С. Фаик, Назым Хикмет¹.

Но в этих списках находится место и таким классикам как: Х. Р. Гюрпынар, Якуб Кадри, Р. Х. Карай, Х. З. Ушаклыгиль, Халиде Эдип и др. Есть место и таким именам как: Эвлия Челеби, Шейх Галип, Ахмет Митхат.

Эти перечни имен отнюдь не полные, поскольку в процессе отбора, чтения и адаптации практически любой автор и текст могут стать культовыми. В отсутствии четких критериев, в постмодернистской парадигме равноправия оценок, мы получаем бесконечный открытый список имен и произведений. Не случайно, в Турции эти списки часто идут под заголовками «Лучшее на турецком», «Прочсть обязательно», «Прочти пока не умер» и т. п.

Очевидно, на отбор оказывает давление классический, «школьный» канон, т. е. «культовость для всех», но представляется, что дело не только в этом. Если обратиться к биографиям большинства названных авторов, легко обнаружить, что их жизненный путь, будучи особым образом организован в биографическую историю, полностью или частично укладывается в набор архетипов: трудное детство, конфликты с окружением и властью, непонимание и трудный поиск себя и т. д. Особо подчеркиваются архетипы телесности: тяжелая болезнь, «одинокость в толпе», ссылки и тюрьмы, некоторая экстравагантность поведения, угрозы смерти, ранняя, трагическая кончина и т. д. в разных вариациях. Речь не идет об обвинении в фикционализации фигуры конкретного автора, но исключительно о культосозидательной стратегии, когда автор сам или по воле почитателей становится метаперсонажем текстов, включая и житийно-биографические.

Посохова Е. В. (КФУ, Симферополь)

Автоинтертекстуальность в романистике Орхана Памука

Мир романов Орхана Памука представляет собой сложную художественную систему, складывающуюся в процессе непрерывных творческих поисков и литературных экспериментов автора. Безусловно, многочисленные межтекстовые взаимодействия в пределах корпуса его произведений — результат

¹ <http://www.bursadakultur.org/turkedebeniyi7.htm>.

осознанной стратегии писателя. Автоинтертекстуальность его романов создает единое семантическое поле, что позволяет рассматривать творчество Орхана Памука как структуру, построенную по принципу приращения смыслов.

Учитывая колоссальный объем фактического материала, обозначенная проблема будет рассматриваться экзemplарно, на наиболее показательных образцах автоинтертекста.

Циклообразующим началом для ряда произведений Орхана Памука служит суфийская мифопоэтика. Необходимо отметить, что в каждом из романов суфийский сюжетно-образный материал находит свою оригинальную художественную реализацию. Так, сюжет об убийстве Шемса из Тебриза, друга известного поэта-суфия Мевляны Джелаледина Мухаммеда Руми, обыгрывается и в «Черной книге», одна из вставных глав которой называется «Кто убил Шемса Тебризи?», и в романе «Меня зовут Красный», который начинается с монолога от лица трупа в колодце.

Автоинтертекстуальность в романистике Орхана Памука активно проявляется на уровне персонажей. Нередко главные герои одного романа становятся второстепенными героями следующего, как в случае с персонажами «Дома тишины», Фаруком Дарвыноглу, от имени которого написано «предисловие» к «Белой крепости», и Нильгюн Дарвыноглу, которой посвящена книга. Эпиграф романа «Мои странные мысли» — псевдоцитата из записок журналиста Джеляля Салика, героя «Черной книги». Его имя неоднократно возникает на страницах «Моих странных мыслей» в различных контекстах.

В художественном пространстве текстов Орхана Памука «кочуют» не только герои, но и сюжетные структуры. Так, эпизоды одних романов упоминаются в диалогах между персонажами других. Например, сцена о затонувшем вместе с гангстером «Кадиллаке», описанная во второй главе «Черной книги» под названием «Когда отступили воды Босфора», обсуждается в романе «Снег».

Очевидны сюжетные и мотивные параллели «Черной книги» и «Моих странных мыслей», «Снега» и «Музея невинности»: поиск возлюбленной, скитания по Стамбулу, миражи любимых женщин, неотступно преследующие героев.

Кроме того, заглавия одних романов Орхана Памука присутствуют в текстах других. Так, в «Снеге» фигурирует «Новая жизнь» в качестве названия кондитерской, где встречаются герои, и обсуждается в то время еще не написанный «Музей невинности». Орхан Памук интригует читателя намеками на свой следующий роман, который впоследствии увидит свет в 2008 г.

Итак, автоинтертекстуальные репрезентанты обнаруживаются на идейно-тематическом, сюжетно-образном, персонажном, мотивном уровнях произведений Орхана Памука. Автоинтертекстуальность создает эффект расширения художественного мира произведения и выносит его героев «за пределы» одного романа, актуализирует связи между художественными текстами и акцентирует разветвленные тематические проекции текстов друг на друга.

Данный феномен является отличительной чертой авторского стиля Орхана Памука и определяет своеобразие его романистики.

Соколовский А. Я. (ВИ — ШРМИ, ДВФУ, Владивосток)
**Самодетельный театр вьетнамского искусства
во Владивостоке**

Идея создания Вьетнамского театра во Владивостоке витала в воздухе давно. В Приморье, начиная с 80-х годов прошлого века, в течение многих десятилетий формировалась довольно большая вьетнамская диаспора. Сначала это были вьетнамские рабочие и работницы, которые трудились согласно квоте на разных предприятиях края в Спасске, Находке, Уссурийске, Артеме, Владивостоке и других населенных пунктах. Затем, по истечении срока контракта, какая-то часть возвращалась к себе на родину, а какая-то оставалась в России. В результате к настоящему времени во Владивостоке проживает более 1000 вьетнамцев. Причем многие из них вступили в смешанные браки и имеют детей, которые родились в России, получают среднее и высшее образование в местных школах и университетах и не знают свой родной язык и культуру. Вполне закономерно, что вьетнамская диаспора испытывает естественное желание не отрываться от своей родной культурной среды, а через национальное искусство сохранять свой язык и свою идентичность.

Чтобы хотя бы отчасти удовлетворить это желание, Вьетнамский культурно-образовательный центр, который был создан в 2000 г. во Владивостоке в Дальневосточном государственном университете (слился позже вместе с тремя другими крупнейшими вузами в ДВФУ) при поддержке генерального консульства СРВ и Приморского краевого общества дружбы с Вьетнамом, начал интенсивную работу по созданию Самодетельного театра вьетнамского искусства «Золотой лотос». Его руководителем стала старший преподаватель кафедры Тихоокеанской Азии Восточного института — Школы региональных и международных исследований ДВФУ Елена Андреевна Рыбаченко, которая специализируется на вьетнамском танцевальном искусстве. В свое время она прошла годичную стажировку в Ханойском университете, сама хорошо танцует и знает историю вьетнамского национального костюма *аозай*. В составе театра — российские студенты, изучающие вьетнамский язык в ДВФУ, их преподаватели, а также вьетнамские студенты, обучающиеся в ДВФУ и других Владивостокских вузах, сотрудники генконсульства СРВ, талантливые представители из числа вьетнамской диаспоры.

Репертуар театра «Золотой лотос» включает три направления:

1. Вьетнамское традиционное и современное песенное искусство.

2. Вьетнамский традиционный и современный танец.
3. Сценические постановки из классических вьетнамских произведений.

Первое направление долгое время развивала и поддерживала преподаватель вьетнамского языка университета Наталья Геннадьевна Завгородняя. Она занималась исследованием вьетнамского фольклора, в частности народными вьетнамскими частушками *казао*, и сама их прекрасно исполняла. Ее начинание подхватила сотрудница вьетнамской строительной компании Нгуен Тхи Май Зунг, которая руководит художественным коллективом вьетнамской диаспоры во Владивостоке. Г-жа Май Зунг замечательно исполняет вьетнамские народные песни (Рисовый барабан), а также современные песни.

Большую помощь театру «Золотой лотос» оказывает также супруга бывшего генерального консула г-жа Ле Тхи Минь, которая хорошо известна во Вьетнаме как поэтесса и общественный деятель. Будучи потомком династии Ле, она слывет большим знатоком танцевального вьетнамского искусства той эпохи. Госпожа Ле Тхи Минь осуществила грандиозную постановку королевского танца *кунг динь*, с которым наш самодеятельный театр неоднократно выступал не только во Владивостоке, но и во Вьетнаме — в Ханое и Хайфоне.

Ле Тхи Минь привезла из Вьетнама образцы национальной вьетнамской одежды и преподнесла их в дар городу Владивостоку. Часть этой коллекции хранится сейчас в Приморском краевом музее имени В. К. Арсеньева, а часть находится во Вьетнамском культурно-образовательном центре ДВФУ. Эта часть коллекции активно используется театром при проведении дефиле с демонстрацией вьетнамского платья *аозай*, при исполнении вьетнамских традиционных танцев и театральных постановок.

Первой сценической постановкой Вьетнамского самодеятельного театра стал показ на вьетнамском языке с переводом на русский отрывков из поэмы XVIII века классика вьетнамской поэзии Нгуен Зу «Стенания истерзанной души» (*Ким Ван Киеу*). Премьера состоялась на открытии Второго восточного экономического форума, который проходил во Владивостоке в ДВФУ осенью 2016 года. Затем выступление было повторено на сценической площадке Краевой публичной библиотеки имени А. М. Горького во время проведения Дней Вьетнама, посвященного 45-летию Приморского краевого общества дружбы с Вьетнамом. В спектакле были заняты студенты второго курса кафедры Тихоокеанской Азии ВИ-ШРМИ София Елизарова и Глеб Чуй, изучающие вьетнамский язык.

В репертуаре театра есть две песни, которые написала г-жа Ле Тхи Минь, посвятив их России и Владивостоку. В одной из них говорится:

«Дальневосточный город. Блестит синее море. Город у океана — Владивосток. Полюбуйтесь на статью тигра! Символ города у моря – Владивосток. Традиционное братство Вьетнама и России, Бескрайняя березовая роща встретила нас посреди мягкой осени. Расправил крылья орел из Азии в Европу. Легенда

Востока — священный и великий Дракон. Это молодой город расцветает. Ясное будущее Владивосток ожидает: гости съезжаются сюда. Все лучшее здесь заиграет яркими красками. Новый солнечный день встречает гостей с четырех сторон света. Это молодой город расцветает». Стихи к этой песне написала Ле Тхи Минь, музыку вьетнамский композитор Чонг Дай, а русский текст — известный вьетнамский русист, пишущий стихи на русском языке Ле Ван Нян, работавший одно время в ДВФУ.

Вторую свою песню Ле Тхи Минь посвятила российско-вьетнамской дружбе. Эта песня была написана совместно с другим известным вьетнамским композитором Нгуен Тинем. А впервые ее исполнила летом 2016 г в Центре российской науки и культуры в Ханое в День семьи, любви и верности, который отмечается в России в июне, молодая вьетнамская оперная певица Буй Тху Чанг. Затем эта песня была включена в репертуар театра «Золотой лотос» и ее сейчас исполняет на вьетнамском языке солистка театра студентка 3-его курса Александра Полетаева, а аккомпанирует ей на флейте Пискарева Тамара.

В театре есть также мастера художественного слова. В их исполнении звучат стихи по российско-вьетнамской тематике российских и вьетнамских поэтов: Евгения Долматовского, Евгения Евтушенко, Николая Асеева, Александра Городницкого, а также стихи Хо Ши мина, Минь Тяу и других.

Самодеятельный театр вьетнамского искусства «Золотой лотос» во Владивостоке имеет большое значение для сближения вьетнамских граждан, проживающих во Владивостоке и Приморском крае. Он знакомит вьетнамскую молодежь, родившуюся и живущую в России с момента своего рождения, со своей культурой и искусством. Театр оказывает большую пользу также российским дальневосточникам, так как знакомит их с вьетнамской культурой.

Безусловно, театр оказывает неоценимую пользу и русским студентам, изучающим вьетнамский язык, так как они под руководством своих преподавателей и вьетнамских наставников имеют возможность совершенствовать владение вьетнамским языком, работать над произношением и расширять свои познания в области вьетнамской культуры и искусства.

Сотиболдиева С. Р. (ТГУУЯЛ, Ташкент)

Проблема хронотопа в романе Мохаммед-Казима Мазинани «Шохи би шин»

Сюжет исторического романа иранского поэта и литератора Мохаммед-Казима Мазинани «Шохи би шин»¹ (роман был переведен на русский язык А. Андрюшкиным под названием «Последний падишах») основан на событиях

¹ Мазинани Мохаммед Козем. Шохи би шин. Тегеран, 2010.

конца жизни последнего представителя династии Каджаров Мохаммед-Реза шаха Пехлеви.

Главной нашей целью мы выбрали раскрыть проблему хронотопа, имеющую важное значение в технике написания романа. Вместе с этим попытаемся посредством рассмотрения вопросов хронотопа раскрыть критерии художественности, являющиеся основополагающими в словесном творчестве, своеобразный стиль и мастерство писателя, идейно-художественную и эстетическую ценность произведения.

На первый взгляд, кажется, что основную сюжетную линию романа «Шохи би шин» составляет описание жизни Мохаммед-Реза шаха с момента его рождения и до последних дней. Однако, прочитав роман, становится очевидным, что писатель расставляет акценты на параллельной, сопутствующей главной, сюжетной линии — отношения Мохаммед-Реза и его сестры, Мохаммед-Реза и его отца, Мохаммед-Реза и матери, Мохаммед-Реза и его жен, Мохаммед-Реза и придворных слуг. Именно в этих описаниях раскрывается «истинные» отношения в семье шаха: неумелое правление и хаос, царивший во дворце, аморальность и разврат, социальное неравенство и несправедливость. Кажущиеся набросками эти мимоходные штрихи несут огромную, не побоимся сказать, основную смысловую нагрузку. И вот на этом фоне образ Мохаммед-Реза Пехлеви находит свое воплощение в качестве центральной фигуры, объединяющей в себе все сюжетные линии, которые раскрывают причины падения династии Пехлеви.

С точки зрения пространства события происходят главным образом в двух измерениях: в роскошном дворце шаха и в палате египетской больницы. «Дворец» шаха имеет противоположные друг другу интерпретации. С одной стороны, дворец описывается как родина, место проживания шаха и его семьи, утопающее подобно раю в величии и роскоши, а, с другой стороны, это обитель зла, интриг и козней. Это также место, где главной интригой дня является рождение наследника престола и мучающий всех вопрос — кто же займет трон, бесконечные споры и перепалки соперниц, сплетни и тайные заговоры, пиршества и бесконечные застолья, полные изобилия и расточительства, дворцовую живность, привезенных из-зарубежа — кошек и собак кормят отборными кормами, тогда как на улице царят голод и нищета, изнеженные, капризные дамы утопают в золоте и драгоценностях, а блеск хрустальной и фарфоровой посуды ослепляет взор, втоптана в грязь честь невинных девственниц, принесенная в жертву животным чувствам и страсти, а для утех и развлечений крепкие юноши кастрированы и превращены в шутов.

Больничная палата описывается в необычном ракурсе «закрытого пространства», больше похожего на тюрьму или место отбывания наказания, или же тихое местечко, специально созданное для того, чтобы пересмотреть свой пройденный жизненный путь и допущенные ошибки. Дворец и больница — какими

бы разными она не казались, оба они представляют собой закрытое пространство. Только в одном — жизнь кипит, а в другом — правит тишина.

Многokrатно упоминаемый в романе Нил — это символ очищения, чистоты, смывающий вину и уносящий с течением все плохое, воскрешающий в памяти счастливые дни и пробуждающий чувства, символ простора и свободы. Для героя романа Нил — это символ силы, способной вернуть время вспять и оживить сладкие воспоминания.

Итак, пространство, изображаемое в романе, имеет две стороны. Одно из них, как было упомянуто выше, место, где происходят основные события, непосредственно связанные с жизнью главного героя — шаха и обыкновенного человека (дворец и больница), второе же — отражение эпохи, социальной жизни и жизни самого писателя, средство передачи размышлений о ценностях, жизни и смерти. Например, описываемые в произведении египетские пирамиды, река Нил предстают перед читателем не только как памятники, посещаемые туристами, но и как воплощение философских мыслей писателя о жизни и смерти.

Время в романе полностью теряет границы и измерение. В таких рамках писатель имеет возможность детально описать интересующий его исторический период. Исходя из своего творческого замысла, он может описываемое пространство расширить до «размеров земного шара» или, наоборот, сжать до рамок одной маленькой комнаты. Главная и важная особенность художественного пространства и времени заключается в том, что отражение пространства и времени имеет свое эстетическое содержание и конкретную цель.

Суворов М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Повествовательная манера как основная сфера эксперимента в современной арабской прозе

С конца 1980-х годов стремление многих арабских прозаиков к выработке особой индивидуальной манеры повествования становится фактически их творческой сверхзадачей, оставляющей на заднем плане привычные функции художественной литературы: эстетическую, гносеологическую, гедонистическую и пр. Наиболее заметной эта тенденция становится в рамках идейно-художественного направления, получившего среди западных литературоведов-арабистов название «поэтический модернизм», сущностью которого является изображение субъективной реальности при помощи языковых средств, присущих поэзии. Крайними формами этого поэтического модернизма можно считать тексты, содержание которых читателю не более понятно, чем их общий смысл, такие, например, как рассказы эмирата Мирьям Джум‘а Фарадж и Су‘ад Зайед аль-‘Арими, повесть «Дизель»

(1994) эмиратца Сани ас-Сувейди, роман «Это мое тело» (2000) йеменки Набили аз-Зубейр.

Другим радикальным экспериментом в области манеры повествования стало исключение из сюжета (последовательности сцен, эпизодов, диалогов) его смысловой сердцевины, которая должна была бы сделать смысл этого сюжета ясным. Впервые такую манеру использовал египетский новеллист Дыйа аш-Шаркави еще в 1970-е гг.; позже она была использована в романе «Сын орла: Падение» (2008) йеменца Самира Абд аль-Фаттаха, воспринятом некоторыми критиками в качестве первой части некоего более масштабного произведения, смысл которой прояснится в последующих частях.

Еще одно направление экспериментов — это манера, которую египетский критик Эдвар Харрат назвал «овеществлением» (*ташаййу*), заключающаяся в фиксации мельчайших образов и ощущений, которые постепенно формируют, подобно мазкам на полотне, общую картину. Такая манера присуща, в частности, творчеству йеменских прозаиков Мухаммеда Ахмеда Усмана и Ахмеда Зейна. При чтении романов Ахмеда Зейна «Подтверждение статуса» (2004) и «Война под кожей» (2010) читатель постоянно вынужден понимать смысл написанного как бы «задним числом», после того, как автор завершит формирование очередной своей «картины».

Даже в произведениях, не выходящих в целом за рамки реалистической эстетики, современные арабские авторы часто используют чрезвычайно сложный в лексико-синтаксическом отношении язык повествования, как, например, в двух саудовских романах: «Она мечет искры» (2009) Абдо Халия и «Ожерелье голубок» (2010) Раджи Алем, признанных в свое время лучшими арабскими романами года.

Сулейманова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Концепт «телесности» в турецкой политизированной прозе 1970-х гг.

Драматические события политической истории Турции начала 70-х гг. XX в., а именно переворот 12 марта 1971 г., привели к резкой политизации литературного процесса. Писатели Эрдал Оз, Четин Алтан, Севги Соисал, Адалет Агаоглу, Самим Коджагёз, Ведат Тюркалы, в новом ракурсе показали закрытый для обывателя жестокий мир тюрем и жизнь деморализованного общества за его пределами. Эти авторы пытались найти границу, за пределами которой не только их герои оказываются сломлены, но и сама литература подчиняется желанию читателя отойти от острой социальной проблематики. Развитие политической ситуации в Турции, как показывает время, еще не раз заставит общество столкнуться с механизмами тотального

подавления со стороны государства. Симптоматично, что после всплеска постмодернистского интереса к османскому прошлому, современные литераторы возвращаются к травмам, полученным обществом именно в 70-е гг. Речь идет как о романах (Ойя Бадар. Горячий пепел/ *Sıcak külleri kaldı*. 2000), так и о произведениях «нон-фикшн» от лица «достоверного рассказчика» (Эрджан Кесал. Зеркало зла/ *Cin Aynası*. 2016).

Турецкий исследователь Берна Морна в свое время предсказывал произведениям, которые он выделил в особую жанровую подгруппу «Роман 12 марта», скорое забвение, указывая на их историко-документальный характер, но отказывая им в эстетической ценности. Советский тюрколог-литературовед С. Н. Утургаури, напротив, выделяя идейную составляющую политизированной прозы (иногда искусственно), настаивала на том, что именно эти произведения станут новым этапом реалистической традиции турецкой литературы. Сегодня можно говорить о том, что обе точки зрения оказались правильными, поскольку обе оказались в той или иной степени ошибочными.

Если обратиться к философским терминам, то в турецкой литературе середины XX в. мы наблюдаем торжество «духа» над «телом». Литературные герои отринули свое «физическое тело», но вместе с этим они потеряли самоидентификацию, поскольку, примерив на себя роль «чистого разума», они вольно или невольно были отторгнуты внешним миром. Тема отчуждения, проходящая «красной нитью» сквозь творчество турецких литераторов XX в. и отзвуками которой являются мотивы «одинокости», «тоски», «печали», берет начало в блужданиях и скитаниях (например, между Западом и Востоком) турецкого «духа», что в целом соответствует культуре новоевропейской рациональности, понимавшей бытие как сознание. Гипостазирование только одной стороны бытия неминуемо привело к кризису в экзистенциальном самоощущении отдельной личности и культуры в целом.

Именно этот кризис и пытались преодолеть тур. романисты после 1971 г. Разрешение проблемы сложносоставности человеческого существа (единство духа и тела) — вот, каким мог бы стать основной вектор развития турецкой литературы в конце XX в., но не стал. Изгоняемое «тело», в конце концов, болезненно дало о себе знать, утверждая себя как неотъемлемую часть человеческого существа. Предел терпения боли и страданий, которого достигают герои в результате непрекращающихся попыток, не освободил их дух, точнее не привел к появлению нового человеческого существа, в котором гармонично слились бы сферы чувственного и рассудочного. Напротив, сломленные герои каждой клеткой своего искалеченного физического тела идентифицируют себя как часть большого социума, которую «лечат» перемалывая репрессивной машиной государства, как например, это случилось с героем Эрдала Оза в романе «Ты ранен» (*Yaralısın*, 1974). Концентрация сексуальных сцен в романах также указывает на освобождение «тела», которое манифестирует

себя уже в «зове плоти», которому не может противостоять, например, герой «Дня одиночества» (Bir Gün Tek Başına: 1974) В. Тюркалы.

Очевидно, что актуализация только одной стороны концепта телесности, будь то боль или сексуальное желание, которые переживаются *внутри*, не транслируются *вовне* и, самое главное, не получают ответа *извне*, ведет лишь к еще большему конфликту не только внутри отдельной личности, но и в литературе, как части культуры общества.

Улангина А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Особенности современной арабской исторической прозы на примере романа Мухаммада Хасана 'Альвана «Маленькая смерть»

Жанр исторического романа широко представлен в арабской литературе на современном этапе ее развития. Один из основоположников этого жанра — Джирджи Зейдан, который на рубеже XVIII–XIX вв. писал о жизни Египта VII–XIII вв. Важное место исторический роман занимает также и в творчестве нобелевского лауреата Нагиба Махфуза, который посвятил ряд своих произведений эпохе правления фараонов.

В новейшей арабской литературе авторы чаще уделяют внимание истории XX в., чем полулегендарному прошлому. Фоном для романа может стать Ирак 80-х гг. («И'джам», Синан Антун, 2007) или Палестина начала века («Яффа готовит утренний кофе», 'Анвар Хамад, 2012; «Корни и ветви», Сахар Халифа, 2009). Среди этих произведений выделяется роман Мухаммада Хасана 'Альвана «Маленькая смерть» (2016), написанный от лица крупнейшего теоретика суфизма Мухьи ад-Дина Ибн 'Араби (1165-1240).

Мухаммад Хасан 'Альван — саудовский писатель, автор романов «Предел достатка» (2002), «София» (2004), «Ожерелье непорочности» (2007), «Бобр» (2011), «Маленькая смерть». За роман «Бобр» 'Альван был номинирован в 2013 г. на премию «Арабский Букер», а в 2015 г. получил французскую «Премия в области арабской литературы». Роман «Маленькая смерть» — первый, в котором 'Альван обращается к новому для себя жанру исторического романа, в то время как ключевая тема его предыдущих произведений — человеческие отношения, а их герои живут в современном мире.

«Маленькая смерть» построена на принципе *mise en abyme* или «рассказ в рассказе» — одна часть романа представлена в виде рукописи Ибн 'Араби с его жизнеописанием, а другая рассказывает о том, как эта рукопись дошла до нас. Стоит отметить, что история жизни Ибн 'Араби известна нам достаточно подробно — в том числе из его труда «Мекканские откровения», — поэтому несложно оценить высокую историческую достоверность романа. 'Альван переплетает

реальные исторические события, факты из жизни суфийского богослова и идеи его учения с художественным вымыслом, заставляя ожить далекую историческую эпоху и ее выдающегося деятеля. Бесспорно, «Маленькая смерть» — яркий пример исторического романа, в котором полно отражены основные черты этого жанра.

Успенская Н. А. (МГИМО(У) МИД РФ, Москва)

Роль символа в формировании художественного образа у современных египетских прозаиков

В начале прошлого столетия в египетской литературе происходит зарождение современных литературных направлений. На всем протяжении первой половины века шло становление реализма, основы которого были заложены практически во всех жанрах. Одновременно происходит развитие арсенала художественных приемов, используемых молодыми авторами в своих произведениях. Важное место среди этих приемов занимают образы-символы.

В искусстве и литературе дореалистического периода символ часто был единственным доступным художнику средством. В результате же овладения способами реалистического изображения роль символа существенно меняется, он превращается из единственного в один из многих. В реалистическом искусстве сфера применения «прямых» форм расширяется, а сфера иносказательных, в частности символа, сокращается. Художник-реалист прибегает к нему вследствие соответствия символического способа выражения его художественным намерениям в каком-то особом случае, когда только он «позволяет через предметный или словесный образ передать многозначную, жизненно-универсальную идею, не поддающуюся иному, отвлеченно-логическому выражению; этим, как принято считать, символ отличается от аллегии — условной, произвольной иллюстрации однозначного тезиса»¹.

Уделяя внимание детализированному, правдивому изображению быта своих героев, условий их частной жизни, писатели вместе с тем пытались нащупать общие закономерности. Для этого они прибегали к символу, который не являлся для них самоцелью, а давал возможность углубить содержание, обобщить какое-то явление, достичь определенной масштабности. Характерным примером такого подхода является рассказ Яхьи Хакки «Медная кровать»². Образ кровати в произведении играет значительно более важную роль, чем

¹ Фридендер Г. М. Поэтика русского реализма. Очерки о русской литературе. Л., 1971. С. 121.

² Живи Египет. Сб. рассказов. М., 1973.

любой из персонажей. Ни один из них не удостоен столь подробных, значительных и возвышенных описаний. Описание кровати вырастает в символ уклада, жизни средних слоев.

В другом рассказе «Винтовая лестница» (*Суллам лаулабий*) читателю представлены черные лестницы, предназначенные для прислуги, которые «извиваются, как черви паразиты вдоль стен громадных домов, напоминают гигантские сверла»¹. Параллельно в нем дается образ парадных лестниц, чистых и светлых, с великолепными лифтами для господ. Эти два образа символизируют контраст между жизнью бедняков и богачей.

В рассказе Абу аль-Муаты Абу ан-Нага «То лицо и тот запах» (*Залика ал-ваджх ва тилка ар-раиха*)² запах гари, как от горящего мусора, символизирует прогнившие, лишенные морали отношения в обществе, а образ пылающего в море корабля, подожженного для развлечения публики в казино, завершает картину.

Символы в этих рассказах хорошо понятны, через них просвечивает реальная жизнь. Они помогают автору, как художнику, достичь определенной масштабности изображения, глубины описываемых событий, не разрушая при этом реалистической ткани произведения. «Ведь всякое искусство, даже и максимально реалистическое, не может обойтись без конструирования символической образности»³.

Иная природа символики в другого рода произведениях. Она меняется по мере того, как обостряется интерес к внутреннему миру человека, борьбе добра и зла, светлого и темного начала, «земного» и «небесного». По мнению многих литераторов самые глубокие уголки души невозможно отобразить реалистическими методами, для этого необходим символ.

Наиболее полно подтверждающим это мнение можно считать рассказ «Зеркало без стекла» (*Мир'а била зуджадж*)⁴ Яхьи Хакки. Здесь целый ряд сложных символических образов, когда писатель, по выражению некоторых критиков, достигает высшей степени неясности (*ибхам*). Этот рассказ был написан под влиянием произведения Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Разделение в человеке его хороших и дурных качеств, изображение их в виде двух различных личностей приводит к появлению загадочных двойников героев. Хайд у Стивенсона, является воплощением вселенского зла, аналогично и герой произведения Хакки, Фуад Фахми является символом порока.

Символ дает возможность писателю в одной картине охватить конкретное событие, ситуацию и при этом передать более общие отношения, свойственные египетскому обществу, не прибегая при этом к дидактике.

¹ Хакки Я. Антар и Джульета («Антар ва Джульета»). Каир, 1960. С. 23.

² Журнал «Аль-Арабий» // Кувейт, 1979. Сентябрь.

³ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М, 1976.

⁴ Хакки Я. Мать обездоленных («Умм аль-аваджиз»). Каир, 1955.

Фролова М. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Архаический образ острова Ниас в романе «Люди Неба» (2010 г.) индонезийского писателя Дж. А. Сонджайи

Доклад посвящен актуальному явлению в литературе современной Индонезии — консервации традиционных ценностей, характерных не только для яванцев, но и для других народов полиэтнической и мультиконфессиональной республики. Яванский ученый, археолог и этнограф Джаджанг Агус Сонджайя (род. в 1974 г.) создает художественный роман «Люди Неба» (*Mamusia Langit*, 2010) об уникальных ритуалах и мифах острова Ниас, выполняя тем самым охранительную функцию для культуры малого народа Индонезии. Занимательный в сюжетном плане роман, рассчитанный на массового читателя, представляет собой самоидентификационную культурную модель интереса к первобытному мышлению, магии, «примитивному» искусству, и одновременно, яркое исследование жизни малых народов Индонезии. Полу-автобиографический роман содержит в себе явные черты литературной «робинзонады» как философского нарратива о существовании современного человека вне цивилизации. Главный герой, археолог Махендра, ведет заметки о своей жизни на Ниасе, старается не потерять счет дням, отмечая в своем календаре двухлетнее пребывание на острове. Для яванца Махендры ниасцы — дикари, живущие по странным неписаным законам своего племени. Они пьют пальмовую водку *туак*, едят свинину, практически не пользуются деньгами, все их богатство — поголовье свиней. Ниасцы практикуют страшный обычай охоты за головами, верят в злых духов *тесафо*, их религиозные представления синкретичны, в них пересекаются «официальное» христианство и анимизм, тотемизм, фетишизм (последнее особенно сильно проявлено в культе камней). Махендра, влюбившись в местную красавицу, сожалеет о том, что не может жениться на ней, так как он чужак. Несмотря на свою храбрость, Махендра, ассоциирующий себя с орлом, парящим между двух миров (Ниас и Ява), между небом и землей, не смог «перепрыгнуть камень» (обряд *ломпат бату*), не прошел инициацию, не смог стать «настоящим ниасцем».

Роман построен логично и напоминает научную работу: пролог, восемь равных по объему глав, эпилог, приложение с глоссарием слов на ниасском языке с их переводом на индонезийский. Названия глав отражают принцип мифологических бинарных оппозиций: «Горшок и Младенец», «Вода и Камни», «Я и Она», «Жизнь и Смерть» и т. д.

Концепция разных типов мышления спроецирована в плоскость противостояния первобытного и цивилизованного обществ. Название романа символизирует мир магии, космологический и антропологический миф ниасцев и, одновременно, мир науки, исследования джокьякартского университета («Люди Неба» как метафора кабинетной учености). Два полюса романа показаны в диалогах главного героя и старейшины деревни. В их же спорах

выясняется, что современная наука — прямая наследница магии (научные звания происходят от родоплеменных титулов, отражающих статус, церемония выпуска из вуза — трансформированный обряд инициации). Роман строится на взаимодействии художественных ракурсов: цивилизованное сознание осмысляет мифологическое и переосмысливается в сопоставлении с ним.

Остров Ниас является одним из немногих индонезийских территорий с ярко выраженной мегалитической культурой. Характерно, что большинство менгиров и антропоморфных каменных фигур создаются уже начиная с колониальной эпохи, с XVII в., и постоянно подвергаются вторичной архаизации (новые статуи умерших наделяются функцией оберегов и первопредков рода). Пиры и предшествующий им забой свиней как рудимент великого жертвоприношения, ритуальное исполнение местного фольклора постепенно исчезают. Однако мегалитическая культура живет, продолжает сохранять связь времен. Актуальность романа определяется именно этой идеей необходимости передачи современникам и будущим поколениям древней культуры малых народов, исчезающей под натиском глобализации.

Халлиева Г. И. (Узбекский ГУ мировых языков, Ташкент)

Микрокомпаративистика и сравнительные этюды российских востоковедов XX века

Благодаря настойчивости и энтузиазму российских востоковедов как А. Н. Самойлович, А. Н. Кононов, С. Н. Иванов, Е. Э. Бертельс, В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад, Г. Ф. Благова, И. В. Стеблева, Н. Н. Телицин, А. И. Пылев была проделана значительная научная и научно-организационная работа по изучению творчества классиков тюркского мира.

Объем изданных и нереализованных трудов по тюркской литературе свидетельствуют о сборе и анализе ценных сведений, имеющих важное значение для науки. Но до сих пор существует множество неизученных лакун в научно-исследовательской деятельности российских тюркологов.

Изучение эволюции взглядов российских ученых XX века — новый и актуальный вопрос современной компаративистики. «Компаративистическая методология анализа научной реальности предполагает классификацию объектов сравнения по двум основным признакам масштабности. На уровне микрокомпаративистики предметом сравнения могут быть тексты отдельных ученых (с точки зрения эволюция взглядов); тексты разных ученых для прояснения их взглядов на одну и ту же проблему. На уровне макрокомпаративистики сравниваются концепция школ и направлений науки»¹

¹ *Котенко В. П.* Компаративистика новое направление методологии анализа научной деятельности и развития науки // Библиосфера, № 3, 2007. С. 21–27.

В современной литературе определяется 4 типичных ситуаций сравнительного анализа: сравнение явлений в одном пространстве и времени (1), в одной и той же среде, очень схожих ситуациях, но в разное время (2), в одно время, но существующих в разных средах и пространствах(3), сравнение явлений разных сред, пространств и времен¹.

На примере научных взглядов ученых одного пространства и времени мы ограничимся анализом сравнений на одну и ту же проблему: проблему Ренессанса и творчества Алишера Навои — великого мыслителя Востока².

В. М. Жирмунский (1891–1971) и Н. И. Конрад (1891–1970), известные «титаны» российской науки, чьи труды объективно способствовали росту к изучению истории и литературы народов Востока, а также развитию компаративистических методов исследования. Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур занимали значительное место в интересах ученых.

По своим методологическим *взглядам* В. М. Жирмунский несомненно, близок Н. И. Конраду, но по отношению анализа вышестоящей проблемы их мнения различаются. В некоторых случаях встречаются столкновение парадигм.

Широта взглядов В. М. Жирмунского при анализе позволила выявить вывод о том, что грандиозная фигура Алишера Навои не изолирована в мировой литературе. Творчество великого основоположника узбекской литературы непосредственно перекликается с передовыми идеями его западных единомышленников — поэтов и мыслителей эпохи Ренессанса.

Н. И. Конрад будучи сторонником комплексного востоковедения считает, что Навои принадлежит огромному, разнообразному миру, это поэт, у которого героями может быть кто угодно по происхождению: Фархад — китаец, Шапур — перс, Ширин — армянка, Кайс — араб. Ученый отмечает: «Мне хотелось, чтобы Навои не только читали, не только изучали, но и просто читали. Читали как поэта нужного нам сейчас, в нашей теперешней жизни. Скажем великое спасибо узбекскому народу, принесшему нам в дар такого поэта»³.

Вопрос восточного и западного Ренессанса весьма распространенный и имеет множество точек зрения. Вышестоящие выводы В. М. Жирмунского утверждают некую зависимость Востока от Запада. Н. И. Конрад поддерживает идею Восточного Ренессанса и более склонен к духовному наследию Навои. В. В. Бартольд считает, что на Востоке заимствование касалось только науки, но не культуры в целом, так как имелись собственные традиции широкой

¹ *Кокорин А. А.* Сравнительный анализ: Теория, методология, методика. М., 2009. С. 31–32.

² *Жирмунский В. М.* Алишер Навои и проблема Ренессанса в литературах Востока // Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979. С. 174–185; *Конрад Н. И.* Средне-восточное возрождение и Алишер Навои // Литература и театр. М.: Наука, 1978. С. 90–104.

³ *Конрад Н. И.* Средне-восточное возрождение и Алишер Навои. С. 104.

образованности и эстетического развития¹. Как отмечает А. А. Гаджиев, не античность делала художников ренессансными, а их ренессансность побуждала обращаться к античности².

Анализ научных исследований российских ученых в рамках микрокомпаративистики открывает путь к решению целого комплекса историко-литературных проблем. Появляется возможность более углубленного и точного проникновения в коренную специфику их взглядов на схожие проблемы. Как справедливо отмечено, «сравнительные этюды важны не для целей сравнительного литературоведения, а именно для истории национальной литературы»³.

Ходжаназарова О. (Мин-во культуры Туркменистана, Ашхабад)
**«Искусство Дестана Гёроглы» в системе литературного
и культурного наследия**

Существует много направлений духовно-культурного наследия туркменского народа. К ним относятся произведения фольклора, обряды и традиции, суеверия, национальные праздники и торжества, народные художества, национальные ремесла, охота, рыболовство, земледелие, сельское хозяйство, скотоводство, национальная кухня, искусство накопления и экономии воды, производство одежды и бытовых средств, домостроительство и национальная архитектура, народное знахарство, методы получения красок из местных растений, прогнозирование климатических происшествий, по которым была накоплена практика тысячелетиями.

Изучение многовекового богатого туркменского культурного наследия, накопление материалов и донесение их до народа требует большого труда и всеобщих усилий. Данная деятельность проводится как действующими совместно членами научного сообщества, так и отдельными личностями. Государство поддерживает людей, способных на создание, сохранение и передачу следующим поколениям образцов народной культуры, так как их деятельность направлена на обогащение духовных ценностей⁴. Большая заслуга в этой сфере принадлежит бахши дестанистам, благодаря которым произведения народного творчества передавались из поколения в поколение⁵. Бахши дестанисты хранят

¹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. Ученые мусульманского Ренессанса. М.: Наука, 1966. С. 618.

² Гаджиев А. А. Ренессанс и поэзия Низами Гянджеви. Баку: Элм, 1980. С. 6.

³ Конрад Н. И. Неопубликованные работы Письма. М.: РОССПЭН, 1996. С. 299.

⁴ Görogly ýordumy we gündogar edebiýaty. Daşoguz, Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2009. 290 s.

⁵ Мамедязов Б. Туркменский героический эпос “Гёроглы”. Ашхабад: Ýlym, 1992. 155 s.

разные традиции исполнения – сказительство, пение и игра на музыкальных инструментах. Они донесли до наших дней образцы дестанов, которым присущи национальный колорит, патриотизм и гуманизм.

Туркменские дестаны всегда исполняли бахши. Это искусство за короткое время распространилось среди народа. Дестан и бахши — это отдельные виды искусства. Их соединение породило новый вид искусства. Когда бахши исполняет дестан, он входит в художественный образ. В нем очень хорошо чувствуются элементы драмы. Это обеспечивает лучшее восприятие идейного содержания дестана. Являясь памятником литературы и фольклора туркменского народа, «Гёроглы» стал образцом сказительского жанра дестан и до сих пор украшает репертуары бахши. Занимая достойное место в искусстве туркменского дестана, данный эпос является ценным духовным богатством, прививающим новым поколениям туркмен дух патриотизма.

С обретением «Гёроглы» известности, данный эпос нашел распространение в устном народном творчестве народов Средней Азии, Кавказа и Ближнего Востока.¹ Везде сын нации Гёроглы выглядит опорой своего народа. В «Гёроглы» соединяется образ справедливого правителя, защитника народа и патриота.

С появлением рассказов и песен о легендарном Гёроглы на арабском, азербайджанском, гагаузском, болгарском, дагестанском, армянском, грузинском, казахском, каракалпакском, курдском, татарском, таджикском, турецком и узбекском языках, у каждого народа появился свой «Гёроглы». Именно поэтому, по предложению туркменской стороны «Эпическое искусство Гёроглы» было включен в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО.² Сохранение духовного наследия народа является главным условием стремительного и гармоничного развития общества.

Хронопуло Л. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Цикл новелл «Десять ночей грёз» Нацумэ Сосэки

Цикл «Десять ночей грёз» написан знаменитым японским писателем Нацумэ Сосэки (1867–1916) и состоит из десяти коротких новелл (на русский язык ни одна из новелл цикла не переведена). Цикл был создан в 1908 году, на начальном этапе заимствования из Европы модернистских приемов и принципов построения художественного произведения.

Первый и пятый сны — сны о смерти, разлучающей двух влюбленных при мистических обстоятельствах. В **первом сне** главный герой после смерти

¹ *Bekmyradow A. Göroglynyň yzlary. Aşgabat: Türkmenistan, 1985. 80 s.*

² *Türkmen dessançylyk sungatynyň ylmy ugurlary. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2015. 110 s.*

возлюбленной совершает путешествие длиной в сто лет через пространство и время, ожидая возможности встретиться с ней вновь, как она обещала перед смертью, — и через сто лет девушка возрождается в образе белой лилии, традиционного символа вечной и чистой любви. **Пятый сон** также о любви: смерть приходит к герою в виде воинственного генерала, а любовь — в виде прекрасной всадницы, конь которой навечно впечатывает в скалу следы от копыт, символизируя тем самым любовь, которую не в силах уничтожить время. Главного героя посещает идея, что история как конкретные отрезки времени, прошлое и будущее, есть творение зла.

Образы **второго сна** навеяны опытом пребывания Нацумэ в дзен-буддийском монастыре в Камакура, где в юности он пытался усмирить зов плоти аскетизмом. Герой осознает, что даже буддийские практики не помогают распаленному разуму достичь просветления.

Третий сон содержит аллюзию на поэму «Лесной царь» И. Гете. Дитя, которого главный герой несет на спине, говорит: «Сегодня ровно сто лет с того дня, как ты убил меня», подразумевая, что поступки человека могут находить отражение в судьбе последующих поколений. В конце новеллы ребенок из сна превращается в статую бодхисаттвы Дзидзо — покровителя детей, символизируя будущее, на которое оказывают решающее влияние поступки главного героя в отношении собственных детей.

Четвертый сон показывает разочарование ребенка, которого обманывает фокусник. Змея, с участием которой проводится фокус, символизирует первоначальный грех в его библейском понимании.

Шестой сон представляет собой притчу о великом скульпторе XIII века, чье искусство перешагнуло границы времени. Притча имеет синтоистские корни. Корабль в **седьмом сне** символизирует жизнь; куда он плывет (будущее) неизвестно, и это пугает главного героя настолько, что он решает спрыгнуть с палубы, совершив самоубийство. Другие пассажиры, которых он встречает на корабле и на которых надеется, являются метафорой богов, к которым безрезультатно обращаются с мольбой о помощи в надежде, что во всем происходящем есть смысл. Парикмахерская в **восьмом сне** также является метафорой жизни, в которой главный герой чувствует себя потерянным и беспомощным.

Девятый сон — легенда о любящей жене, которая сто раз вознесла молитвы синтоистским богам о муже, ушедшем на войну, — но ее молитвы остались без ответа, и муж пал на поле битвы.

Десятый сон представляет собой аллюзию на ряд японских сказок и древних буддийских легенд сэцува: это притча о красивом юноше, который все свое время отдавал разглядыванию женщин, отказываясь работать; воздаяние настало его в виде атаки множества свиней, от которых он отбивался в течение семи дней, и в конце концов сорвался в пропасть. Жизнь представлена

в этой притче как цепь бессмысленных поступков и бесперспективной борьбы, в результате которой человек обессиливает и сдается.

Таким образом, можно сделать вывод, что мир фантазий, представленный в снах главного героя цикла «Десять ночей грез», выстроен при помощи целого ряда символов; также выделяются основные мотивы рассматриваемого цикла новелл:

- 1) борьба с собой — столкновение с собственным «я»;
- 2) притчи на религиозно-философские темы;
- 3) испытание смертью.

Обнаруживается, что внутри указанных мотивов писатель использует следующие символы и приемы:

- 1) числовая символика (использование числа 100 в трех новеллах, обращение к символике чисел 7 и 10);
- 2) буддийская и синтоистская символика;
- 3) зооморфная символика;
- 4) символика растений;
- 5) аллюзии на произведения японской и мировой литературы и фольклора.

Цветкова С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Фольклорная формула в религиозной лирике Миры Баи

Средневековое религиозное движение кришнаитского бхакти оформилось в Северной Индии примерно к XV в. и имело ряд особенностей, связанных с историей его развития. Учение бхактов-кришнаитов сочетало в себе два базовых постулата: представление о единой Верховной сущности, во всей полноте воплотившейся на земле в чарующем облике пастуха и правителя Кришны, и идею бхакти — самоотреченной любви и преданного служения этому воплощенному богу. Этот культ первоначально получил распространение в среде простого сельского населения, и его эмоционально-экстатический характер обусловил складывание здесь особых форм поклонения Кришне, развивавшихся главным образом на основе народной песенно-музыкальной культуры. Так сформировались жанры песен-гимнов, славящих благодатные земные деяния бога, и народной религиозной лирической песни. В функциональном плане эти жанровые формы, в особенности последняя, подразумевали внутреннее, психологическое воссоздание адептом ярких эмоциональных состояний любовного общения с Кришной или иступленного томления в разлуке с ним, — своего рода «приношение чувств» в качестве жертвы возлюбленному богу. Складываясь в недрах народной культуры, эти песнопения впитали в себя все черты индийской фольклорной

лирики, — в первую очередь, присущий ей *формульный* характер. Фольклорная формула как своеобразное средство кодирования в традиционных образах и мотивах неизъяснимых душевных состояний бхакта, сделалась основным выразительным средством, формирующим стиль не только народных лирических песенных текстов, но и авторских сочинений ранних поэтов кришнаитского бхакти.

Наиболее отчетливо проявление этой традиции можно видеть в творчестве Миры Баи (вторая половина XVI в.), раджпутской княжны, поэтессы и подвижницы бхакти, поэзия которой тесно смыкается с устной народной песенно-поэтической культурой и почти неотделима от нее. Стихотворения Миры созданы для песенного исполнения и среди них преобладают лирические песни-исповеди о душевных радостях и страданиях самозабвенно любящей Кришну бхактини. «Парадигма» такой лирической исповеди поэтессы складывается по большей части из формул, из которых и выстраивается образ эмоции. Формулы представляют собой словосочетания или, чаще, высказывания («гляжу на твой путь», «сон [ко мне] не идет», «ничто мне не мило» и т. п.), преимущественно заимствованные поэтессой из фольклора. Эти формулы с разной частотностью повторяются в стихах, и формы их словесного выражения широко варьируют, что также весьма характерно для фольклорной песенной культуры.

Тем не менее авторские произведения Миры Баи определенно выделяются из «массы» фольклорных лирических песнопений за счет их особой стилистики и композиции. В песенных текстах поэтессы очевидно осознанное применение ряда стилистических и композиционных приемов. При этом автор выстраивает стилистические фигуры преимущественно *из формул*, таким образом наделяя описание эмоциональных проявлений особой экспрессией, отражая повышенную степень интенсивности эмоции и создавая эффект ее нагнетания.

Основные стилистические приемы, применяемые автором, — это различного рода повторы и несколько разновидностей словесно-образного и композиционного параллелизма: собственно параллелизм, противопоставление, градация. Встречается также несколько примеров хиазма, однако нельзя с уверенностью сказать, что автор осознал этот прием как стилистический. Инверсия также не всегда является стилистической фигурой, но нередко применяется для усиления экспрессивной окраски в сочетании с такими приемами, как параллелизм и градация. Именно благодаря использованию такого рода стилистических средств поэтесса-бхактини создает поразительный образ *чувства*, своей эмоциональной жертвы возлюбленному божеству. И, возможно, именно эта стилистическая окрашенность стихов Миры Баи делает ее на первый взгляд безыскусные и простые песенные тексты выдающимся явлением в поэтической культуре Северной Индии.

Челнокова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Новое литературное направление хинди «Литература нью-эйдж» и его герой

За последние пять лет в популярной литературе хинди на первый план вышло новое литературное течение «литература хинди эпохи нью-эйдж» (New-Age Hindi literature). Этот процесс связан с приходом в литературу плеяды молодых непрофессиональных авторов, литературное творчество для которых — лишь форма социальной активности, возможность заявить о себе. Это Никил Сачан (Nikhil Sacān), род. в 1985, директор по цифровой стратегии в международной компании, написавший два сборника рассказов «Попробуй соль на вкус» («*Namak Swādānusār*», 2013) и «Жизнь как она есть» («*Zindagī Āis Pāis*», 2015), Дивья Пракаш Дюбей (Divya Prakāś Dube), род. 1979, бизнес-тренер, автор сборников «По условиям контракта» («*Terms and conditions apply*», 2012) и «Пряный чай» («*Masālā cāy*», 2015), Ану Сингх Чаудхари (Anu Simh Choudharī), род. в 1980, консультант по коммуникационным технологиям, автор книг «Синий шарф» («*Nīlā Skārf*», 2014) и «Дневник мамочки» («*Mammā kī Dāyaḡī*», 2015), Прачанд Правир (Pracaṇḍ Pravīr), род. в 1983, инженер, создавший роман о студенческой жизни «Абитуриент ИТ. Полуголодный и бездомный» («*Alpāhāḡī Grihtyāḡī: ĀlĀTī Se Pahle*», 2010) и др.

Как правило, их книги изначально издаются скромными (1000–5000 экз.), но переиздаются уже весьма внушительными тиражами и стоят в среднем 100–150 рупий (USD 1,5–2). Указывает на «рыночную» ориентацию авторов и тот факт, что они активно пропагандируют свое творчество посредством Инстаграма, социальных сетей, участия в популярных телепрограммах. Они острее реагируют на нападки на транслируемое их произведениями отношение к жизни, чем на их художественную ценность. Примечательно, что большинство упомянутых писателей публикуют свои произведения в делийском издательстве «Hind Yugm», основанном в 2010 г. молодым инженером Шайлешем Бхаратваси, который разыскивает потенциальных авторов среди студентов технических колледжей и молодых сотрудников крупных корпораций посредством социальных сетей.

Они создают незамысловатые истории из жизни городского среднего класса (как правило, это цикл рассказов, композиционно объединенный одним либо группой постоянных рассказчиков-молодых людей), которые практически вытеснили в последние годы с рынка традиционное псевдо-историческое, криминальное и любовное чтиво. Успех подобной популярной литературы может объясняться, во-первых, точно выбранной целевой аудиторией, когда писатель, его герои и читатели оказываются представителями одного и того же социального слоя, с общими взглядами, интересами и про-

блемами, а во-вторых, эффектом узнавания, обилием «примет времени», ярких бытовых деталей.

Определяя типичного героя писателей хинди новой волны, следует указать на то, что их характерные черты являются общими не только для самих героев, но и для их авторов, а во многом и для читателей подобной литературы, поскольку все они — выбирающие свой жизненный путь студенты колледжей или молодые профессионалы, мобильные, настроенные на карьеру, занимающие активную жизненную позицию, ироничные, смелые в своих оценках, редко оглядывающиеся на авторитеты и традицию, однако, не вступающие с ними в полемику.

Как правило, рассказы и романы этого направления строятся на описании ситуации, вполне обыденной, но часто курьезной, образы же героев раскрываются слабо, отсутствуют психологическое развитие и мотивировки, в результате чего повествование больше всего напоминает классическую комедию положений на новый лад.

У писателей хинди нового поколения, очевидно, нет амбиций войти в историю литературы в качестве классиков, скорее, своим творчеством они выполняют целый ряд актуальных для сегодняшней Индии задач в большей степени социального, нежели художественного характера. Что же касается их героя, вследствие этого он, с одной стороны, оказывается вполне конкретным — молодым, образованным жителем мегаполиса с позитивным жизненным настроем и активной позицией, но с другой — весьма обезличенным, собирательным «индийцем нового поколения».

Шуйская Н. М. (МГИМО(У) МИД РФ, Москва)

**Два романа — два документа эпохи
(роман Синана Антуна «О Мария»
и роман Ахмада Саадави «Франкенштейн в Багдаде»)**

Первый роман вошел в короткий лист Арабского Букера-2013, а второй стал призером этого престижного конкурса в 2014 г. Поэтому оба они хорошо известны в арабском мире, а «Франкенштейн», по правилам конкурса, был оперативно переведен на английский и таким образом вышел на более широкую читательскую аудиторию.

Обращение иракских писателей С. Антуна и А. Саадави к событиям недавнего прошлого (действие первого романа происходит в 2010 г., а второго — в 2005 г.) продолжает писательскую традицию откликаться в своих произведениях на актуальные социально-исторические проблемы, присущие данному времени. Именно образ современной эпохи стал тем центральным художественным образом, к которому стягивается круг волнующих обоих авторов общественно-политических проблем. Иракским прозаикам важно показать, что новая эпоха разительно отличается от прошлой: она знаменует

натиск тирании иного типа — торжества хаоса, нарастающей энтропии социума.

В обоих романах главные действующие лица — представители интеллигенции (врачи, инженеры, журналисты). В обоих присутствуют персонажи — набожные люди, религиозной жизни которых отведено немало романного пространства. В обоих место действия — Багдад и оно не выходит за рамки города, кроме упоминаний, что герои выехали из столицы из соображений безопасности. Оба романа роднит сосредоточенность на внутренней ситуации в стране и ее отражении на жизни героев, преломлении через эту жизнь философской, нравственной и социально-исторической проблематики. В обоих показано, что угроза их существованию не эфемерна: рассказывается о реально случившихся взрывах, унесших жизни одних и покалечивших судьбы других. В романах не найти описаний пейзажа, портретных характеристик, душевных переживаний персонажей (помимо главной, господствующей эмоции — страха). Внимание сконцентрировано по сути на повседневной жизни в сегодняшнем дне, так как завтрашнего попросту может не быть по той причине, что взрывы заминированных автомашин и вооруженные столкновения противоборствующих группировок — это депрессивное повседневье иракской столицы. Данное обстоятельство особенно явственно в «Франкенштейне»: своеобразной экспансией «анатомирования» действий и поступков героев в обстановке ежесекундной вероятностной угрозы жизни автор утверждает ценность каждого проживаемого момента, пребывания среди живых, не стремясь однако его последовательно психологически освоить, исчерпать. Оба романа — открытая инвектива антинациональному курсу властей и хозяйничанью американцев в Ираке, которые своей пагубной политикой «закачивания» демократии в другие государства запускают процессы распада в этих странах. По словам А. Вознесенского, «Все прогрессивное реакционно, если рушится человек».

Но есть и различия. «О Мария» — в значительной степени роман-воспоминание. В нем гораздо более узкая персонажная система (да и по объему он уступает: 150 стр. против 350 в «Франкенштейне»), больше внимания уделяется диспутам персонажей по богословским вопросам. Но главное, этот роман — рвущийся наружу крик о помощи христианскому населению Ирака, вытесняемому с исторической родины. Важное различие и в том, что, по мысли С. Антуна, гонимым христианам Востока, кроме как на высшие силы (название романа и эпиграф/ строка из Евангелия/ аллюзионны) уповать не на кого. А. Саадави дает людям в помощники существо, которое, будучи составлено из кусков тел погибших при взрывах или от пуль людей, вызвано к жизни программой мести тем, по чьей вине эти люди погибли. Однако возникает неразрешимое противоречие: жертва (погибший) получает «сатисфакцию», но забирает свою часть «отмщенной» плоти у нашего «Франкенштейна», и тот

вынужден добывать «запчасти» или из трупов, а если их нет, то и убивать с целью их изъятия и дальнейшей «эксплуатации» во исполнение актов возмездия. Но поневоле становясь убийцей, Шисму (так именуется упомянутое существо в романе) автоматически переходит в разряд тех, против кого он призван бороться, вершить праведный суд. «Око за око», имеющее в случае с Шисму буквальный смысл, здесь имморально.

Сходство, отмечаемое в романах, — результат не подражания, а общего социально-политического контекста эпохи, событий, происходивших в одной и той же стране с разницей всего лишь в пять лет. Романы историчны, воссоздают реалии эпохи. Это произведения единого литературного процесса в арабской словесности, которые, являясь инвективой внутренней и внешней политике властей, воплощают нерасторжимость уз с традицией критического реализма. В этой связи напомним высказывание Андре Жида: «Все это было сказано раньше, но поскольку никто не слушал, сказанное следует повторить». «Повторять и повторять», — словно добавляют от себя авторы анализируемых сочинений.

СЕКЦИЯ VII.
ЯЗЫКИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
LANGUAGES OF ASIA AND AFRICA

Süer Eker (Baskent University, Ankara, Turkey)

Turkic Languages with few speakers in the process of globalization

In course of the last two decades the subject of the ‘endangered languages’ became important intellectually and at the same time popular. It became clear, that the economic and educational side effects of the process of globalization have an increasing impact on minority communities, which could lead to their inability to protect their own linguistic identity.

Despite all differences in the economic and political systems, the multicultural and multilingual entities, such as the European Union or Russian Federation, have a *lingua franca*, which affects the minority languages, even though the latter have a legal right to use their local language in the everyday life. In practical terms, such local languages often fail to maintain their relevance in front of the dominant language, since their communication function reduces drastically. This is also true as regards Turkic Languages with few speakers.

The paper intends to assess the main problems faced by these Turkic ‘endangered languages’, as well as to determine possible ways to preserve them and ensure their competitiveness in front of ongoing standardization and globalization in all areas of life.

Аврутина А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Динамика интеграции иноязычной лексики в систему староанатолийско-тюркского языка в XIII–XV вв.

В докладе сравниваются особенности лексического состава текстов нескольких тюркоязычных памятников, созданных на территории Малой Азии в период

с XIII–XV вв. Первый текст представляет собой самый ранний из известных письменных текстов, месневи суфийского содержания «Колесо судьбы» («Çarh-name»); второй памятник создан на рубеже XIII–XIV вв. — это также месневи на суфийские темы с аллегорией романтического сюжета «Сюхейль и Невбахар»; рукопись третьего памятника «Сказание о Мелике Данышменде» (“Kissa-i Melik Danişmend”, Санкт-Петербургский список) относится к XVII в, однако состояние языка, который он фиксирует, по оценке исследователей отражает более раннее состояние — предположительно, XV вв. Целью настоящего сообщения является оценка скорости проникновения иноязычной арабо-персидской лексики, скорость ее интеграции в языковую систему и особенности воздействия иноязычных элементов на типично тюркские. По очевидной причине нет возможности установить точный момент начала проникновения арабо-персидской лексики в староанатолийско-тюркский язык Малой Азии, однако следует отметить, что в диахронии тексты памятников демонстрируют тенденцию роста нетюркских элементов. Проникновение иноязычной лексики в староанатолийско-тюркский язык очевидным образом привело к проникновению в его фонологическую систему нетюркских единиц, которые с течением времени также интегрировались в фонологическую систему староанатолийско-тюркского языка и, вероятно, в какой-то момент перестали восприниматься носителями как чуждые.

Исследование материала проводится с применением методов количественной лингвистики. Для исследования были взяты выборки транскрибированных текстов размером в 4000 слов (кроме текста «Чарх-наме», который целиком включает 876 слов). Исследование текста ведется на базе инструментария, предложенного Дж. Гринбергом, а также с помощью дополнительного программного обеспечения для количественной оценки фонемного состава — программы The Frquentizer.

Полученные результаты представлены в виде таблиц и диаграмм, которые будут продемонстрированы в докладе.

Авчян А. В. (Ереванский ГУ, Ереван)

Сравнительный анализ глагольных систем ленкоранского и анбаранского диалектов талышского языка

Талышский язык входит в северо-западную группу иранских языков и на основе ряда фонетических, морфологических и лексических критериев традиционно делится на три диалектные группы: северные, центральные и южные¹. Несмотря на тот факт, что на севере талышском говорят в основном в Азербайджанской Республике (в Ленкоранском, Лерикском, Масаллинском,

¹ См. *Bazin M. Le Tâlech. Une région ethnique au nord de l’Iran. T. II. Paris. 1980. 314 p.*

Ярдымлинском районах)¹, некоторые северо-талышские диалекты распространены так же в соседних регионах Ирана, в провинциях Гилян и Ардебиль. На анбаранском диалекте талышского языка говорят в анбаранском *бахше* (район) наминского *шахрестана* (область), в *остане* (провинция) Ардебиль. Хотя и анбаранский, и ленкоранский диалекты входят в одну и ту же северную группу диалектов талышского языка, и они идентичны с точки зрения фонетики, грамматики и лексики, между ними так же выявляются некоторые серьезные различия. Данная статья основана на материале полевых работ, которые проводились в городе Анбаран и в близлежащих селах и посвящена различиям между талышскими диалектами Анбарана и Ленкорани².

В то время, как анбаранский и ленкоранский диалекты отличаются от центральных и южных талышских диалектов общими чертами глагольной системы (например, отсутствием прогрессивных форм глагола, которые присутствуют в центральных и южных диалектах), в этой же глагольной системе между двумя диалектами существуют значительные различия. Например, в обоих диалектах прослеживается тенденция перехода с иранской двухосновной глагольной системы на одноосновную, но этот процесс в двух диалектах развивается не равномерно, в результате чего один и тот же глагол может быть уже одноосновным в одном диалекте, но сохранять две основы в другом диалекте. Например, глагол *doe* «дать» имеет две основы в ленкоранском диалекте, *da* (основа настоящего времени) и *do* (основа прошлого времени)³, в то время как в анбаранском диалекте это одноосновный глагол с основой *do*.

Среди различий между глагольными системами анбаранского и ленкоранского диалектов особенно примечательно различие в формировании настоящего времени изъявительного наклонения. В ленкоранском диалекте настоящее время образуется следующим образом: к инфинитиву присоединяется послелог *-da*, а к последнему — личные окончания⁴, например, *āz še-da-m* «я иду», *ama kārde-da-mon* «мы делаем» и т. д. В анбаранском же диалекте настоящее время изъявительного наклонения образуется от основы настоящего времени (в случае одноосновных глаголов — от единой основы), путем добавления послелога *-na* и личных окончаний, например, *āz šī-na-t* «я иду», *ama kār-na-tun* «мы делаем» и т. д.

Некоторые различия между глагольными системами ленкоранского и анбаранского диалектов выявляются так же при образовании прошедшего времени, а так же отрицательной формы будущего времени изъявительного наклонения.

¹ Clifoton J., Tiessen C., Deckinga G., Lucht L. Sociolinguistic situation of the Talysh in Azerbaijan. SIL International, 2005. P. 33.

² Во время анализа языкового материала ленкоранского диалекта были также использованы работы Б. Миллера и Л. Пирейко.

³ Пирейко Л. Талышско-русский словарь. М., 1976. С. 87.

⁴ Миллер Б. Талышский язык. М., 1953. С. 144.

Айрапетян Д. А. (Ереванский ГУ, Ереван)

Парные словосочетания с синонимичными компонентами в современном турецком языке

Словарный запас, анализ различных проявлений турецкой грамматики по сей день продолжают оставаться в центре внимания тюркологов-лингвистов. На данном этапе развития языкознания повторы и парные словосочетания особенно важны с точки зрения сравнительно-исторической и описательной лингвистики. Повторы и парные словосочетания являются самыми древними способами названия объектов и явлений, а также действенными словообразующими моделями по сей день. На всех этапах развития турецкого языка основным источником пополнения и обогащения словарного запаса являются повторы и парные словосочетания составленные в соответствии с законами турецкого словообразования.

Несмотря на множество исследований на тему повторов и парных словосочетаний, у тюркологов нет единого мнения о классификации этого языкового явления. При помощи генеологического, морфологического и семантического анализа повторов и парных словосочетаний можно составить более глубокое представление о методах словообразования в турецком языке, одновременно получив возможность всесторонне понять и оценить это лингвистическое явление. На основе методов, формулировок и исследований была сделана попытка анализа номинативных именных парных словосочетаний с синонимичными составляющими с точки зрения морфологии, семантики и синтаксиса современного турецкого языка. В ходе исследования был использован аналитический метод сравнительной лингвистики. В работе также было проведено синхронное и диахронное исследование. Синхронический подход дал возможность проанализировать повторы и парные словосочетания на современном этапе развития турецкого языка, а диахронический подход — исследовать историческое развитие столь важного и интересного явления как повторы и парные словосочетания.

В современном турецком а также в других тюркских языках наиболее распространены и употребляемы повторы и парные словосочетания с синонимичными составляющими. На образование парных слов безусловно влияют заимствованные слова, которые во всех тюркских языках составляют большое число. Большое количество слов заимствовано из арабского, персидского, русского, армянского и ряда других европейских языков.

Повторы и парные словосочетания выполняют экспрессивно-стилистическую функцию и широко употребляются в литературном языке для выражения субъективной оценки и эмоциональности. Иногда синонимичные компоненты составляют парные словосочетания, основанные не на смысловом факторе, а на внешней схожести объектов и явлений. Наилучшим примером парных словосочетаний, указывающим на внешнюю схожесть предметов

и явлений, является парное словосочетание *kir pas*, где *kir* означает грязь, а *pas* ржавчина. В данном примере общий смысл словосочетания определяет первый компонент.

На примере *hançer pala*, где *hançer* кинжал, *pala* сабля два наименования оружия придают словосочетанию значение собирательности и множественности.

В османском языке широко употребляемым был персидский изафет. Модели, составленные при помощи изафета, и сейчас широко употребляются, например *kız ü yaz leto u zima*. В некоторых моделях компоненты заимствованы из арабского, а порядок слов в словосочетании соответствует грамматическим нормам персидского языка, например *akraba u taallukati* / родственники, родня. Большое количество повторов и парных словосочетаний употребляется только в составе фразеологических единиц.

При помощи сравнительно-исторического анализа возможно выявить ряд случаев, где один из компонентов парных словосочетаний считается словом-эхом, но на самом деле компоненты являются синонимами, однако один или даже оба составляющих не употребляются в современном турецком языке как самостоятельные лексические единицы. В турецком языке большое число парных словосочетаний составлено из коррелятивных компонентов. Данные сочетания составляются в соответствии со сходствами и различиями составляющих компонентов.

В турецком языке наблюдается тенденция, когда новое слово можно образовать при помощи слова-эха с фонемным показателем *m*, придавая речи экспрессивность и указывая на множественность, собирательность; исключением являются слова, начинающиеся на букву — *m*. Под влиянием языковых контактов, в частности с тюркскими языками, в разговорном русском, армянском языке наблюдаются аналогичные процессы, как и в турецком языке, когда в слове при помощи сонорного *m* заменяют первый согласный звук и образуются новые слова с размытой семантикой.

В рамках доклада повторы и парные словосочетания, которые играют большую роль в формировании словарного корпуса турецкого языка, будут рассмотрены и проанализированы в сопоставлении с другими тюркскими языками с использованием историко-сопоставительного и описательного методов.

Алексеева М. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Особенности употребления аккузативных конструкций в современном разговорном иврите

В течение нескольких последних десятилетий вопросы, связанные с функционированием разговорного языка, все чаще привлекают внимание

лингвистов. На материале различных европейских и восточных языков изучаются лексические, грамматические и фонетические особенности спонтанной устной речи, осуждаются ее функции и место разговорной речи в системе литературного языка, проводятся междисциплинарные исследования с использованием современных компьютерных технологий с целью усовершенствовать наши знания об основном средстве коммуникации человека.

Те же тенденции характерны и для исследований современного иврита, однако в этой области многие вопросы были поставлены относительно недавно и все еще носят дискуссионный характер, а многие — остались незатронутыми лингвистами до сих пор. В частности, достаточно остро стоят как теоретические вопросы, например, связанные с терминологией и жанровой стратификацией разговорного стиля, так и практические, например, наличие адекватного задачам исследования корпуса для изучения.

В данной статье сделана попытка проанализировать методики и подходы к изучению современного разговорного иврита, существующие на данный момент в научной литературе, а также обратиться к синтаксису разговорного иврита на примере изучения функционирования в речи переходных глаголов и особенностей объектного маркирования. Для иврита данный вопрос является особенно интересным для изучения, поскольку в нормативном литературном иврите существуют четкие принципы дифференцированного оформления аккузативных конструкций, основанием для вариантов маркирования которых является, как правило, грамматически выраженная определенность/неопределенность именной группы аккузатива. Однако в современном разговорном иврите принципы определения ИГ зачастую не совпадают с нормативным вариантом, например, когда в речи носителей фиксируются «нарушения» принципов употребления определенного артикля в конструкциях сопряженного состояния, использование определенного артикля для передачи экспрессивной коннотации (что для нормативного употребления нехарактерно), расширение нормативного употребления дативных конструкций и т. п.

Анализ разговорного иврита осуществляется на материале корпуса современного разговорного израильского иврита (The Corpus of Spoken Israeli Hebrew, CoSIH) методом сплошной выборки. Автором выявляются случаи нестандартного употребления аккузативных конструкций и делается попытка а) классифицировать особенности такого рода употребления, б) предложить вариант объяснения зафиксированного употребления.

Результатом анализа является, с одной стороны, подтверждение гипотезы о наличии расхождений между нормативным литературным вариантом употребления аккузатива и его вариантом в разговорной речи, а с другой, предположение о наличии дополнительных факторов, влияющих на выбор варианта маркирования объекта (помимо нормативного), связанных с функциональными особенностями данного вида коммуникации, такими как, например, эмоцио-

нально-экспрессивная окраска речи, ее диалогичный характер, прагматически обоснованные нормы словорасположения, в том числе, свободное соединение частей высказывания, особенности интонационного членения высказывания.

Аликберова А. Р., Урывская Т. А. (К(П)ФУ, Казань)

Опыт преподавания китайской иероглифики в Казанском (Приволжском) федеральном университете

В настоящее время активно увеличивается масштаб преподавания китайского языка в высших учебных заведениях РФ, открываются все новые направления подготовки, разрабатываются новые учебные планы, новые дисциплины.

Несмотря на общую позитивную составляющую, возникают вопросы, с которыми приходится сталкиваться как преподавателю-китаисту, так и студентам, в процессе изучения выбранного им языка. В первую очередь, это касается уменьшения общего объема аудиторных часов на преподавание китайского языка, исчезновение из учебных планов узконаправленных дисциплин.

В процессе исследования качества преподавания китайской иероглифики на первых курсах студентов-бакалавров по направлению «Востоковедение и Африканистика» Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета был выявлен ряд проблем. В представленной работе подробно разобраны вопросы, возникающие во время обучения китайской иероглифики. Кроме того, дается развернутый анализ основных учебных пособий по китайской письменности, которые используются преподавателями с указанием их сильных и слабых сторон.

Также были выделены основные трудности, возникающие у студентов на начальном этапе изучения иероглифики, такие как:

- 1) несоблюдение порядка черт при написании иероглифов;
- 2) наклон;
- 3) желание придать графическим элементам «красоты», вследствие чего студенты искажают черты (волнистая линия вместо горизонтальной, намеренно закругленный крюк, «петли» и т. п.);
- 4) наличие омонимов, которые сбивают цепочку «чтение» — «знак» — «значение».

Выработаны основные правила при изучении и запоминании китайских иероглифов:

- 1) логика;
- 2) последовательность и дозированность;
- 3) от простого к сложному, от элементарного к многоплановому;
- 4) ежедневное прописывание;
- 5) терпимость и терпение;

- б) последовательность черт иероглифа;
- 7) традиционная иероглифика.

Приводятся методики запоминания и отработки написания:

- 1) образно-мнемонический метод;
- 2) карточки, трехмерные карточки;
- 3) «бой с тенью»;
- 4) левша-правша;
- 5) менять орудие письма;
- 6) меловая доска.

Кроме того, предлагается обширный ряд методических рекомендаций для преподавателей, а также практических упражнений для обучающихся, которые могут помочь избежать данных ошибок и неточностей в написании иероглифов. Также, дается основной совет для обучающихся: 15 минут прописывать иероглифы или прописывать в течение дня 150–200 иероглифов. Данная рекомендация это проверенный годами способ, который дает 100% результат запоминания китайских иероглифов, что еще раз доказывает эффективность традиционных методов обучения китайскому языку.

Таким образом, во время преподавания возникает ряд сложностей, что связано с несовершенством учебных планов и учебно-методических комплексов, а также немоти-вированностью большинства студентов. Данные проблемы не столь критичны, но их решение могло бы дать новый толчок для дальнейшего, более глубокого изучения вопроса преподавания и изучения китайской иероглифики в российских вузах. Одним из способов преодоления вышеуказанных слабых мест, на наш взгляд, является организация ведущими китаеведческими центрами России методических семинаров, на базе которых было бы возможно проведение совместных обсуждений основных недостатков учебных планов и учебно-методических пособий, проведение круглых столов, в рамках которых происходил бы обмен преподавательским опытом.

Тагандурды Бекджаев (Туркменский ГУ, Ашхабад)

Фразеологизмы и животноводческая лексика туркменского языка

Животноводческая лексика туркменского языка являлась объектом изучения многих туркменских ученых-филологов. Как самых ранних и самых значительных трудов в этой области можно отметить работы З. Б. Мухаммедовой¹. Позже животноводческая терминология стала объектом отдельных исследо-

¹ Мухаммедова З. Б. Материалы для изучения терминов животноводства туркменской лексики. // ИАН ТССР. СОН. 1961. №2. С. 29–35. №3. С. 30–36.

ваний П. Ашырова¹, Б. Ходжагелдиева². В них названные профессионализмы исследуются с точки зрения их характерных особенностей.

В компонентном составе фразеологизмов туркменского языка встречаются слова обозначающие животных-верблюдов (дүе), бык (окуз), корова (сыгыр), конь (ат), овца (гоюн), ягненок (гузы) и т. п., а также слова, связанные с животноводством. Это объясняется историческим прошлым туркменского народа. По утверждению академика В. М. Массона³, материалы, найденные при раскопках в Аннау, Намазгадепе, Мянэ-Чааче, Дашлыджадепе свидетельствуют о том, на территории Туркменистана занимались животноводством с древнейших времен.

Фразеологизмы, в составе которых имеются слова, связанные с животноводством, по значению и отношению к профессионализмам, можно разделить на две группы.

1. Фразеологизм в своем составе содержит слово, связанные с животноводством, в то же время выступает в сфере деятельности, связанной с животноводством. Если оно употребляется в прямом значении, то это связано с животным миром, в переносном значении-с человеком.

Обратимся к примерам:

Ногтасыны гысга тутмак — не давать волю, подчинить себе. Хөкүмдар Фунтиковың ногтасыны гысга тутмалы диен нетижә гелди (Правитель сделал вывод, что Фунтикову нельзя давать волю). Слово «ногта» (недоуздок) связано с животноводством.

Вышеприведенное словосочетание употребляется как в переносном, так и в прямом смысле.

Овсарыны башына орамак — отпустить на волю, освободить из-под контроля. «Әриңи фронты иберип, овсарыны башына оран хелей диерлер саңа» (Ты-баба, вышедшая из-под контоля, отправив мужа на фронт).

Слова «овсар» тоже верблюдоводческий термин, которое обозначает веревку, сплетенную особым способом, в конце которой имеются железные зубья. С помощью «овсар» подчиняют своей воле верблюдов с норвом.

Есть еще и фразеологизм «овсар салмак» который также обозначает подчинить своей воле и является полным антонимом словосочетания «овсарыны башына орамак». Оба эти словосочетания могут быть употреблены как в свободном, так и в фразеологически связанном словосочетании.

Вышеприведенные словосочетания употребляются как в сфере животноводства, так и в характеристике различных явлений человеческой жизни. Подобные фразеологизмы в туркменском языке встречаются очень часто.

¹ Ашыров П. Животноводческая лексика в туркменском языке (на материалах Ташаузской области Туркменской ССР). Автореф, канд. дисс. Ашхабад, 1971. 26 с.

² Ходжагельдиев Б. Верблюдоводческая лексика в туркменском языке. Рукопись канд. дисс. Ашхабад. Ылым, 1991. 154 с.

³ Массон В. М. Первые цивилизации. Л.: 1989. С.154.

2. Вторую группу составляют фразеологизмы, в составе которых имеются животноводческая терминология, с более развитой образной системой по сравнению с единицами, которые относятся к первой группе. В этих фразеологизмах произошло значительное расширение значения. Они не функционируют в виде свободных словосочетаний. Например:

Дүйә мүнүп, хатаба букмак — делать вид, что делаешь что-то скрытно, хотя это невозможно. Наргүл дүйә мүнүп, хатаба букялардан дәл (Наргул не из тех, которая старается действовать скрытно).

Үзеңиден үч гечмек — заискивать, подхалимничать (Пройти три раза сквозь стремя). Редакторың үзеңисинден үч гечсең, гагы басым халыпалыга етишерсиң (Если будешь лебезить перед редактором, очень скоро станешь наставником).

В приведенных примерах присутствуют слова — животноводческие термины «хатап» (двусторонняя парная деревянная деталь, прикрепляющаяся к передней части верблюжьего седла и удерживающая его), «үзеңци» (стремя, стремена).

В вышеприведенных фразеологизмах степень образности очень высока и они используются при описании человека и его жизни. Как видно из этих фразеологизмов, профессионализмы активно участвуют в описании действия, движения, характер человека. Слова «дүе» (верблюды) в первом фразеологизме обозначает высоту, открытость «хатап»-нечто, за которым стараются прятаться. Значение слова «үзеңци», которое имеется в составе других фразеологизмов, переносится на человека. В результате из образного сравнения появляются фразеологизмы. В образовании фразеологизмов, в составе которых имеется животноводческая лексика, как и в других таких единицах одним из компонентов являются профессионализмы, специальная лексика участвует в различной степени.

Поэтому уместен индивидуальный подход. Животноводческие профессионализмы обозначают предметы, которые мы видим каждый день, пользуемся в повседневной жизни. А это приводит к тому, что эти фразеологизмы, в компонентном составе которых имеются животноводческие фразеологизмы, изоморфны и устойчивы.

Берникова О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербурге)

Арабский язык в программах подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама

В соответствии с Концепцией подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама формирование у обучающихся профессиональных компетенций в области владения арабским языком является одной из ключевых задач соответствующих образовательных программ¹. Вместе с тем

¹ Концепция подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. Ислам в современном мире. 2015;11(4):74. DOI:10.20536/2074-1529-2015-11-4-63-78.

мониторинг учебных планов и учебно-методических материалов, используемых в различных вузах Российской Федерации, продемонстрировал острую необходимость их модернизации с точки зрения качественно-количественного усиления роли арабского языка в указанных программах как в светских, так и духовных образовательных организациях.

С целью определения ключевых тенденций в преподавании дисциплины «Арабский язык» в мировой практике был проведен анализ образовательных программ ряда вузов Российской Федерации, а также мы обратились к опыту School of Oriental and African Studies (SOAS, Великобритания), Stanford University (США), International Islamic University Malaysia (Малайзия). В ходе исследования был сделан акцент на изучении следующих вопросов:

- трудоемкость дисциплины «арабский язык» (количество часов, выделяемых на данную дисциплину в сопоставлении с другими дисциплинами);
- содержание программ по арабскому языку (соотношение различных языковых аспектов, место классического языка, диалектов);
- используемые учебно-методические материалы;
- квалификация преподавательского состава;
- роль ИКТ в преподавании арабского языка.

Результаты исследования позволили прийти к следующим выводам.

Сегодня в мировой практике преобладает тенденция преподавания арабского языка в отрыве от основной специализации обучающегося. Несмотря на то, что глубокое знание арабского языка, понимание его структуры, грамматической «матрицы» является ключевой составляющей подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, зачастую мы наблюдаем акцент на развитии коммуникативных навыков. Известно, что так называемый «grammar-based approach»¹ рассматривается зачастую в качестве устаревшего, уступая место разговорным аспектам. Данный подход кажется оправданным только в том случае, если речь идет об изучении языка с целью обеспечения лингвистических компетенций наряду с основными профессиональными. Однако при подготовке исламоведов именно глубинное изучение языка, включая классические аспекты, должно быть приоритетным.

При анализе трудоемкости дисциплины «Арабский язык», наибольший показатель среди упомянутых вузов отмечен в СПбГУ (более 40% трудоемкости учебных планов в сопоставлении с 20% — в программах большинства других вузов).

Мониторинг учебно-методических материалов, используемых в мировой практике, продемонстрировал закономерность — в большинстве

¹ *Nielsen H. L.* Second Language Teaching, in: Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics, Managing Editors Online Edition: Lutz Edzard, Rudolf de Jong. Consulted online on 20 June 2016. First published online: 2011.

духовных вузов РФ преподавание арабского языка осуществляется на базе изданного в Саудовской Аравии пособия «Al-^carabiyya bayna yadayk¹». При этом данное пособие имеет значительные методологические недостатки (нарушен принцип подачи материала от простого к сложному; основные правила не соответствуют современному уровню развития языкознания, описание современного языка опирается на работы средневековых арабских ученых и т. д.).

В университетах США основное используемое пособие «*Al-Kitaab fi ta^c al-lum al-^carabiyya*»² предполагает развитие коммуникативных навыков и грамматическим аспектам уделяется минимальное внимание.

Кадровое обеспечение учебного процесса зачастую представлено преимущественно носителями языка, не всегда имеющими соответствующую лингвистическую подготовку. Другой тенденцией является тот факт, что зачастую лишь двое или трое преподавателей обеспечивают преподавание всего спектра предметов, относящихся к языку, истории и культуре ислама. Это обстоятельство не позволяет обеспечить комплексный междисциплинарный подход. Очевидно, что для изменения ситуации необходимо осуществлять комплекс мероприятий, включая интенсификацию профессорско-преподавательского обмена, применение инновационных образовательных технологий.

Бобков Д. В. (ИМОИВ КФУ), Мратхузун Д. А. (ИМОИВ КФУ)

Проблема заимствований в хинди: аспекты и подходы

Проблема заимствований является многоаспектной и требует комплексного подхода. Прежде всего, определяются и анализируются заимствования из какого языка (или языков) в какой. Во-вторых, классифицируются группы заимствованных слов по их происхождению. В-третьих, производится статистический анализ заимствований определенного происхождения. В-четвертых, учитывается хронологический срез — когда и из какого источника заимствования проникали.

В данном исследовании рассматривается язык хинди в качестве реципиента и, соответственно, обсуждаются заимствования в хинди из других языков; приводятся примеры заимствованных слов в зависимости от языка, из которого они пришли в хинди; указываются некоторые статистические данные, отражающие ситуацию феномена заимствований.

¹ *Abdul Rahman Ibn Ibrahim al-Fawzan, Mukhtar al-Tahir Hussain, Muhammad Abdul Khaliq, Muhamad Fadhlal. Al-mu³jam al-arabiyyah bayna yadayk. 2008.*

² *Brustad K. Mahmoud Al-Batal, A. al-Tonsi al-Kitaab: A Textbook for Beginning Arabic: Part One. Third Edition. 2014.*

Проблемой заимствований в хинди занимались следующие советские, российские и зарубежные исследователи: П. А. Баранников, А. Н. Шаматов, Хардев Бахри и другие.

Заимствованные слова в хинди традиционно делят на три группы.

К первой группе относят слова *татсам*, взятые напрямую из санскрита и произносящиеся одинаково на хинди и на санскрите (за исключением падежных окончаний): *наам* имя, *праартханаа* молитва, *вимаан* самолет, *сансад* парламент, *швар* бог. Здесь же и новообразования на базе санскрита: *упрааштрапати* вице-президент, *бхуукампвигйааниш* сейсмолог.

Ко второй группе относят слова *видеши* — «иностранные» — слова других языковых семей. Это слова из: персидского — *чаадар* покрывало, *шаам* вечер, *босаа* поцелуй, *майдаан* долина; арабского — *даваа* лекарство, *аббаа* отец, *фаайадаа* выгода, *мухаббат* любовь; английского — *камаан* приказ, *траафши* приз, *лед* свинец, *пийаано* рояль, *блаауз* блузка; португальского — *алмаарши* шкаф, *камраа* комната, *топиш* шапка, *баптисмаа* крещение; французского — *фраанс* Франция, *куупан* купон; русского (через посредство английского) — *руус* Россия, *руубал* рубль, *сааиберишаа* Сибирь, *совийат* советский; тюркского — *чаак* здоровый, *кайнчиш* ножницы, *куртаа* рубашка.

К третьей группе относят слова *деши* — «местные» — слова, взятые из индийских языков, которые не имеют санскритских корней. Сюда обычно относят небольшое количество слов: *тендуаа* леопард, *кхаткхатаанаа* стучать, *кхиркиш* окно и др.

Из перечисленных особо отметим две наиболее многочисленные и во многих отношениях важные подгруппы.

Активное внедрение англицизмов в хинди обусловлено влиянием, которое оказывает до сих пор ситуация двуязычия в стране. Индийский английский отличается местным выговором, законсервировались старые британские формы произношения и конструирования предложений. Но английский стал официальным и академическим языком Индии — языком законодательства, высшего образования, межрегиональной административной системы, науки и техники, торговли и коммерции. Английский язык может использоваться даже для общения в семье.

Арабизмы также активно функционируют в различных областях жизнедеятельности индийцев, в области мусульманских реалий, эмоций и чувств. Язык хинди заимствовал из арабского и прилагательные, наречия, союзы, предлоги, словообразовательные средства (приставки и суффиксы). Арабизмы составляют большой продуктивный пласт лексики. Современные словари хинди выделяют до 1700 слов арабского происхождения.

Таким образом, взаимовлияние и взаимопроникновение языков происходят на разных уровнях и многочисленными способами. Одним из результатов этого процесса и оказывается появление в языке многочисленных заимствований.

Бурыкин А. А. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

Гомогенные субстраты как источник сравнительно-исторического изучения отдельных групп алтайских языков и как средство верификации общеалтайской реконструкции

Алтаистика как теория генетического родства и исторической дивергенции тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков пока не является общепризнанной теорией генезиса этих языков, хотя и не имеет адекватной альтернативы в виде идей о сепаратном генезисе этих групп языков. Гипотеза об алтайских языках как об ареальной общности контактного происхождения, не столько сформулированная В. Котвичем, сколько приписываемая ему исследователями 1950–1980-х годов как альтернатива ортодоксальной алтаистике Г. Рамстедта и Н. Н. Поппе, долженствующая быть более лояльной и менее сложной в теоретическом плане, не является альтернативой идее генетического родства этих языков по той причине, что никто из алтаистов-сторонников генетического родства алтайских языков не отрицал очевидных фактов разнообразных межгрупповых заимствований в этих языках (тюркизмы в монгольских и монголизмы в тюркских языках, монголизмы в тунгусо-маньчжурских языках и корейском языке, якутизмы в эвенкийском языке) и внутригрупповых заимствований (татарские заимствования в чувашском, маньчжурские заимствования в тунгусских языках Приамурья). Эти материалы имеют определенное значение для истории и диалектологии отдельных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, весьма популярны у представителей периферии алтаистики с обозначаемым приоритетом ареальных связей или адептов контралтаистики.

Изучение древних тюркских заимствований в соседних неалтайских языках и отдельных группах алтайских языков в качестве источника по исторической фонетике тюркских языков и относительной хронологии исторических изменений (А. В. Дыбо) корректно и ожидаемо: можно сказать, что именно исследование в этой области не хватало ортодоксальной алтаистике для совершенствования ее методического аппарата. До недавнего времени оставался открытым вопрос об объеме доступного материала ранних межгрупповых заимствований и гомогенных субстратов в алтайских языках, т. е. таких субстратов, которые отражают наиболее архаичные и чаще всего ныне неизвестные языки, не имеющие другой документации.

Свод лексики тунгусо-маньчжурских языков, согласно «Сравнительному словарю тунгусо-маньчжурских языков» (Т. 1–2, 1975–1977), включает около 17 500 слов, из них только менее 1200 слов составляют общетунгусо-маньчжурские лексемы, и около 1000 слов — идентифицированные заимствования, около 400 слов определены как заимствования из чукотско-камчатских языков. Существующий остаток материала требовал новых гипотез и специальных

методов исследования. Наличие столь большого числа редких слов неожиданно при времени распада тунгусо-маньчжурских языков, датируемого по плоттохронологии началом I тыс. до н. э. (3000 лет назад).

Изучение реальных и потенциальных рефлексов общетюркских слов с фонемами, дающими нетривиальные соответствия в отдельных языках — **D*, **z*, **ʃ*, инициального **j*. частично **s* и **ç* позволяет выявить по всей территории распространения тунгусо-маньчжурских языков проявления древнейшего тюркского субстрата, представляющего (по разным соответствиям и их комбинациям) около 30 неизвестных тюркских языков, относящихся ко времени I тыс. до н. э. (от распада общетунгусо-маньчжурского до распада тунгусского и его отдельных ветвей). Часть этих языков близка якутскому, встречаются аналогии древнечувашского с ротацизмом и ламбдаизмом, на новой базе признаваемом собственно тюркским явлением.

Итоги разысканий подтверждают общеалтайскую реконструкцию (не противоречат ей) и дают объяснение фактам ранней истории тюркских языков. Историческое объяснение которых было невозможно без признания самой общеалтайской реконструкции. Тунгусо-маньчжурская группа языков должна быть признана смешанной и роль ее для сравнительно-исторической алтаистики понижается: алтаистика становится преимущественно тюрко-монгольской проблемой

Гаджиева А. А. (НАН Азербайджана, Баку)

Падежи в языке «Дивана» Рухи Багдади

В разные отрезки времени наблюдение за морфологией азербайджанского языка в диахронном аспекте показало, что в морфологии азербайджанского языка части речи, грамматический смысл и функции словообразовательных и словоизменительных признаков устойчивы и нет особых качественных различий. Однако, несмотря на это, можно воспринимать историческую морфологию азербайджанского языка, в целом, как историю фонетических изменений (спряжений), историю образования морфонологической системы.

Среди крупных деятелей XVI века было много авторов, носивших псевдоним Багдади. Среди них особое место занимает Рухи Челеби Багдади, который ярче всех выражавший свои чувства на азербайджанском языке. Исследование наследия Рухи с точки зрения текстологии открывает широкие горизонты для рассмотрения его с точки зрения языкознания, создает неограниченные возможности, тем самым указывая на большую необходимость в этом. Именно поэтому есть все основания считать Рухи Багдади, с высоким мастерством использующего изысканные, общедоступные, изящные, эмоциональные элементы народного языка, поэтом, распространившим и сохранившим особенности развития нашего языка. Наше внимание привлекают стихи Р. Багдади, отличающиеся художественностью и образностью, он использует в своем

«Диване» народный язык в чистом виде, в качестве сырого материала и этим высоко ценится нами.

В докладе диахронному и синхронному исследованию подвергаются падежные показатели, которые фиксируются используемые в «Диване» Рухи Багдади.

Гузев В. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О диатезе

В 1970 г. в отечественном теоретическом языкознании была сформулирована теория залога, претендующая стать универсальной¹. Центральное понятие этой теории, означено термином *диатеза*, которая понимается или как «схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня»² или структура соответствия между «ролями» связанных с действием предметов (производитель действия, объект) и членами предложения, называемыми эти предметы³. Залог определяется как «грамматически маркированная в глаголе диатеза», т. е. выделяется тогда, когда в языке имеются глагольные лексемы, различные словоформы которых соотносятся с разными диатезами...»⁴.

В настоящем сообщении формулируются причины, по которым эта концепция едва ли может быть признана состоятельной.

1. Концепция игнорирует главную — коммуникативную — функцию языка, т. е. не делается попытка установить, какая информация передается залоговой формой.

2. Авторы никак не обосновывают причину, по которой диатеза может оказываться «маркированной» в глаголе.

3. В языках имеются разные категории, отражающие и передающие связи элементов реальности (например, падежи, финитные, временные формы, категория принадлежности агглютинативных языков). Недоумение вызывает то обстоятельство, что для залога сделано исключение. «Соответствие между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня» может быть предметом интереса любознательного исследователя, но не носителей языка. И было бы ближе к истине полагать, что залоговые формы глагола передают связи действия с предметами.⁵

¹ Категория залога. Материалы конференции. Ленинград, 1970. 65 с.; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 161–162.

² Холодович А. А. Залог. I: Определение. Исчисление // Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Ленинград: «Наука», 1979. С. 277–292.

³ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 161–162.

⁴ Там же.

⁵ Подробнее см.: *Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 128–142.

4. С конца XIX века языкознание медленно осознает разграничение понятий «языковая система» и «речь», которое теория, о которой идет речь, совершенно игнорирует. Понятие диатезы включает разнородные единицы — (внутри) языковые значения (семантемы) и синтаксические функции слов и словоформ в речи. *Общеизвестно, что любая форма или категория реализуется в речи.* Смешение единиц языковой системы и речевых единиц трудно обосновать не только теоретически, но и практически.

5. Концепция залога построена на материале русского языка. При этом имеется в виду только форма страдательного залога сказуемого (хотя в алтайских языках имеются еще и взаимный, понудительный, возвратный залого). Однако и в русском языке в форме страдательного залога выступает не только сказуемое. К определительным конструкциям, (например, *строящийся дом*), диатеза попросту не может иметь никакого отношения.

6. Важно отметить, что предлагаемое авторами представление о диатезе никак не причастно к познанию и моделированию строя языка, к структуре языковой системы. Диатеза не более, чем плод воображения исследователей, увлеченных своим ходом рассуждения.

В целом анализируемая концепция не способствует прогрессу теории залога.

Дубровина М. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Отсутствие придаточных предложений как типологическая черта тюркских языков

Вопрос о существовании в тюркских языках сложных предложений, в частности придаточных, неоднократно выдвигался на передний план тюркологических изысканий. На мой взгляд, для этого было, по крайней мере, две основные причины. Во-первых, влияние синтаксиса индоевропейских языков и стремление описать новый язык по уже имеющимся традиционным схемам, а во-вторых, экзотичность самого тюркского материала. Ведь в высказываниях любого тюркского языка обнаруживаются довольно пространственные обороты, вводимые инфинитными формами (причастиями, деепричастиями и т. д.), но могущие иметь своего субъекта. И именно вопрос: что представляют собой эти обороты — придаточные предложения или развернутые члены предложения, продолжает сохранять актуальность и до настоящего времени.

Автор отдает предпочтение точке зрения тех ученых, которые трактуют эти конструкции как компоненты простого предложения¹. Здесь решающим крите-

¹ *Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, Глав. ред. восточной литературы, 1986. С. 272–273.

рием является наличие финитной формы сказуемого (*verbum finitum*). Финитная форма — это морфологическое средство выражения мысли, облеченной в форму суждения.¹ Согласно данным логики, «смысловую» основу предложения как разновидности синтаксической конструкции, составляет именно суждение², т. е. мысль, содержащая информацию о субъекте и предикате одновременно. Но суждение лежит в основе всех предикативных высказываний, которые не обязательно должны быть собственно предложением. По мнению В. Г. Гузева, предикативные словосочетания отличаются от предложений тем, что в них суждение выражается лексическим путем, а не с помощью морфологических средств³. С этих позиций турецкое высказывание *Ahmet asker* ‘Ахмет — солдат’ не представляет собой предложения, так как в нем отсутствует финитная форма. Как представляется, финитная форма глагола или имени сформировалась в языке как маркер двучленной мысли, имеющей субъектно-предикатную структуру и, тем самым, именно финитная форма позволяет коммуникантам кодировать мыслительное содержание максимально точно, максимально однозначно, ведь недаром иностранцам намного проще воспринимать те высказывания иностранной речи, в которых финитная форма присутствует.

Таким образом, все тюркские обороты, построенные на базе инфинитных форм, т. е. причастий, деепричастий и т. д., даже если эти обороты имеют своего субъекта, необходимо отнести не к придаточным предложениям, а к предикативным компонентам простого предложения⁴.

По нашему мнению, отсутствие придаточных предложений, т. е. настоячивое употребление в тюркских языках не финитных, а других глагольно-именных форм в качестве предиката словосочетания может быть связано с типологическим устройством этой группы языков. Другими словами, это является одним из следствий детерминирующего принципа строя агглютинативных языков урало-алтайского типа, экономного употребления служебных элементов в речи⁵. Доклад будет посвящен раскрытию этой темы.

¹ Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: На материале староанатолийско-тюркского языка. Л.: Издательство ЛГУ, 1990. (165 с). С 61.

² Котнин П. В. Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973. (464 с). С. 230–253.

³ Гузев В. Г. Опыт разработки теоретических основ описания тюркского функционального синтаксиса // Востоковедение. Филологические исследования. Вып. 27. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 40–63.

⁴ Гузев В. Г. Опыт разработки теоретических основ описания тюркского функционального синтаксиса // Востоковедение. Филологические исследования. Вып. 27. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 40–63.

⁵ Мельников Г. П. [Рецензия] // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 130. Рец. на кн.: Черкасский М. А. Тюркский вокализм и сингармонизм: (Опыт историко-типологического исследования). М.: Наука, 1965. 142 с; Подробнее: Дубровина М. Э. Морфология языка древнетюркских рунических надписей. Субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. Lambert Academic Publishing, 2010. (239 с). С. 40–49.

Костина Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Нарушение правил согласования глагола с местоимением в текстах хинди

Грамматика хинди подразумевает согласование глагола с местоимением-подлежащим (за исключением предложений, построенных по эргативной модели) в соответствии с категориями лица, числа и субординации. Последние две категории настолько тесно переплетены между собой, что ряд местоимений требует постановки глагола в форму множественного числа вне зависимости от количества референтов (т. н. «уважительное множественное»).

Несмотря на существование общепринятой нормы глагольного согласования, тексты хинди содержат многочисленные примеры ее нарушения. Эти случаи имеют различную природу, и ниже будут произведена попытка осуществить их предварительную классификацию¹.

1. Нарушение глагольного согласования может быть вызвано временем, местом и условиями создания текста, в котором оно зафиксировано. Так архаичные тексты демонстрируют неустоявшуюся норму и переходные формы; ошибочные с точки зрения литературного хинди употребления можно отметить и в диалектных текстах, например, в народных песнях. Распространение цифровых технологий также породило значительное количество текстов, содержащих ошибки в глагольном согласовании. Причиной их появления может становиться как неграмотность автора, так и банальная опечатка.

2. Использование неправильно согласованных глагольных форм в тексте «уважаемого» современного автора может быть стилистическим приемом и осуществляться с целью дать дополнительную языковую характеристику социального статуса или происхождения персонажа. Обычно в неграмотных или имитирующих неграмотную речь текстах наблюдается полное игнорирование согласовательных глагольных категорий и замена всех форм «универсальной» формой 3 лица ед. числа мужского рода.

Характерная черта описанных выше ситуаций — наличие в текстах других ошибок и непоследовательный характер нарушений. Наряду с ними можно встретить последовательный избирательный отход от грамматических норм согласования глагола, демонстрирующий нейтрализацию существующих противопоставлений и актуализацию новых.

3. В случае с лично-указательными местоимениями ближнего плана несогласование может наблюдаться вследствие редкого для хинди явления омофонии, переходящей в омонимию: одинаковое произношение местоимений единственного и множественного числа приводит к замене первого вторым на письме при сохранении формы единственного числа глагола.

¹ Отход от правил согласования глагола по роду рассматриваться не будет, поскольку местоимения хинди категории рода не имеют.

Норма:

yah [ye] karegā «Он сделает»
ye [ye] karēge «Они сделают»

Нарушение:

ye karegā «Он(и) сделает»

Обратная ситуация — использование местоимения третьего лица единственного числа с глаголом в форме множественного числа — производится писателями-экспериментаторами, стремящимися размежевать понятия числа и субординации. В результате комбинация «местоимение SG + глагол PL» становится индикатором повышенного уважения к одному субъекту, а нормативное согласование наблюдается при указании на несколько предметов. Следует отметить, что при таком употреблении в косвенных падежах продолжают использоваться местоименные формы множественного числа.

Норма:

vah (SG) *āegā* (SG), *use* (SG) *dekhūgā* «Он придет, его увижу».
ve (PL) *āēge* (PL), *unhē* (PL) *dekhūgā* «Они придут, их увижу» или «Он (HON) придет, его (HON) увижу».

Нарушение:

vah (SG) *āēge* (PL), *unhē* (PL) *dekhūgā* «Он придет, его (HON) увижу».

Особый интерес представляет неканоническое сочетание онорифического местоимения 2 лица *āp* с глаголом, соответствующим нейтральному местоимению 2 лица *tum*:

Норма:

āp (HON) *jāiye* (HON) «Вы идите».
tum (NEUT) *jāo* (NEUT) «Ты иди» или «Вы (NEUT. PL) идите».

Нарушение:

āp (HON) *jāo* (NEUT) «Вы идите».

По всей видимости, использование такой комбинации (при невозможности обратной) свидетельствует о существовании в хинди еще одной, «скрытой» ступеньки субординации, которую можно назвать «нейтрально-онорифической».

Крамарова С. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербурга)

Балийский язык в современном мире

1. Балийский язык является родным для жителей о. Бали и западной части о. Ломбок. Используется он также и в областях миграции балийцев — на островах Ява, Суматра, Калимантан, Сулавеси, Сумбава и Ириан (Новая Гвинея). По переписи 2000 года всего говорящих на балийском языке было около 3,8 млн¹.

2. Для балийского языка характерно наличие нескольких этикетных регистров. Выделение уровней исторически связано с делением на касты. Три касты привилегированные: брахманы, кшатрии и вайшьи. Четвертая каста — простой народ — составляет большинство. Общепринятым считается выделение 3 уровней: высокий, средний и низкий. Сейчас появилась новая элита, представляющая собой обеспеченных и образованных людей, которая не учитывает употребление уровней соответственно делению на касты.

3. В современном мире балийский язык выполняет несколько функций, среди которых основной является функция общения в семье и функция повседневного общения. В деревнях балийский язык используется в этой функции чаще, чем в городах. Наряду с балийским языком используется также государственный язык — индонезийский, в городе чаще, чем в деревне. Многие дети и молодые люди не могут говорить на родном языке, так как их родным языком стал индонезийский.

4. Исключительно балийский язык используется в религиозных церемониях и на традиционных адатных мероприятиях (например, сватовство, похороны). При этом используется высокий язык, который знают ограниченное количество балийцев.

5. Балийский язык используется в качестве языка обучения в детском саду и в начальной школе (первые три класса) — незначительно в городе, так как дети знают его недостаточно. В деревне он еще используется, преимущественно в детском саду и в первом классе начальной школы.²

6. Балийский язык является обязательным предметом в школе в соответствии с учебным планом местной нагрузки с начальной школы до средней школы второй ступени (до 10 класса) — 4 часа в неделю. Многие авторы указывают на неудовлетворительность состояния процесса обучения балийскому языку³.

¹ *Lauder Multamia R. M. T. Pelacakan Bahasa Minoritas dan Dinamika Kultural // Bahasa, Sastra dan Budaya Austronesia di Tengah Era Global dan Dinamika Multikultural. Program Magister dan Doktor Linguistik, Program Magister dan Doktor Kajian Budaya, Program Pascasarjana [Denpasar]: Universitas Udayana 2006. P. 28.*

² *Suandi I Nengah. Memantapkan keberadaan bahasa Bali sebagai bahasa ibu//Seminar Nasional Bahasa Ibu Bahasa Ibu Fungsi, Kondisi, Revitalisasi: Pemberdayaan Bahasa Indonesia dan Bahasa-bahasa Nusantara sebagai Bahasa Ibu. P. 104, 107.*

³ *Ibid. P. 105.*

7. Современная литература на балийском языке представлена не очень широко. Произведения на балийском языке представлены в отдельных печатных изданиях — газетах и журналах.

8. *Балийский язык (наряду с индонезийским) используется на 15 радиостанциях о. Бали С 2002 г. на местном частном телевидении Bali TV выходит телепередача Orti Bali с новостями и другими передачами на балийском языке.*

9. Балийский, наряду с 7 другими языками Индонезии (индонезийский, ачехский, бугийский, яванский, мадурский, минангкабау, сундский), является языком Интернета¹.

5. В целом, положение балийского языка в современном обществе неустойчиво, нет четкого разграничения функций между балийским и индонезийским языками. Последний теснит балийский язык. Местное население старается осваивать и использовать государственный язык как более престижный и полезный. Большинство балийцев двуязычны, то есть владеют балийским и индонезийским языками, а часть — трехязычны — владеют также и английским — международным — языком, что диктуется большим количеством туристов, посещающих о. Бали.

Кутафьева Н. В. (НГУ, Новосибирск)

Способы выражения единичности в японском языке

В категории количества важную роль играет противопоставление единичности — множественности, с помощью которого можно выделить один предмет из дискретного множества или охарактеризовать это множество. Противопоставление единичности — множественности лежит в основе грамматической категории числа.

Японский язык является нумерально классифицирующим языком.

Японское существительное не имеет противопоставления единичности и множественности, не имеет примет грамматического числа.

В японском языке есть суффиксы множественного числа, которые присоединяются к одушевленным существительным категории лица, и выражают значение обычной или репрезентативной множественности. Однако относить имена, не сопровождаемые этими суффиксами, к единственному числу было бы ошибкой.

¹ *Hamman R. et.al. Indonesian Languages Diversity on the Internet, цит. по: Moedjiono Indonesia country report on local language computing policy initiatives // The Regional Consultation on Local Language Computing Policy in Developing Asia 22nd–24th January, 2007. Thimphu, Bhutan.*

Нарицательные неодушевленные существительные не могут присоединять суффиксы множественного числа. Они не являются индивидуальными именами, а называют одновременно единичный предмет, и множество однородных предметов, выражая при этом понятие о классе предметов. При этом непонятно, какое число они обозначают, единственное или множественное.

Собственные имена — индивидуальные имена, названия отдельных предметов и людей. Аффиксы вежливости *-сама*, *-сан*, *-кун*, *-си* и существительное *сэнсэй* «учитель», присоединяемые к конкретному имени собственному, известному собеседнику, подчеркивают единичность имени.

Грамматическая категория числа существует только у личных местоимений.

Мы предприняли попытку рассмотреть семантическое поле единичности в японском языке. Семантическое поле единичности является многоуровневым и неоднородным по своей структуре и выражаемым значениям. Его структуру можно описать следующим образом: ядро — количественное числительное «один» (причем, само числительное многозначно и выражает около десяти значений), единственное число личных местоимений; центр — слова со значением «один» различных грамматических классов (существительные, прилагательные, наречия), а также словосочетания, в которых выражено значение единичности; далее располагаются слова с морфемами *одно-*, *моно-*, *уни-*, терминология и фразеология; периферию семантического поля составляет лексика с фоновым значением единичности; граница семантического поля сингулярности пересекается с полем множественности.

Для выражения значения единичности используются следующие способы:

- лексический с помощью числительных, существительных, местоимений, наречий и прилагательных, имеющих собственное значение «один, единичный» или имеющих в своей структуре иероглиф «один» с чтениями *хито*, *ити*, *ицу*;
- лексико-грамматический с использованием числительного «один» в квантификационных конструкциях (числительное, классификатор, существительное), в различных словосочетаниях и в сочетании с ограничительными частицами;
- морфологический с использованием аффиксальных существительных, деривационные значения которых связаны с выражением единичности (приставки *ката-*, *тан-*, *до:-*, *доку-*, *моно-*) и суффиксов вежливости, присоединяемых с личным именам.

Семантическая категория единичности выражает значения точного количества; единичности; единственности–исключительности; части целого; совокупности единиц, состоящих из отдельных предметов; фоновое значение единичности, собирательности.

Лебедев Э. Е. (ЧГИГН, Чебоксары)

О составе глагольных форм с модальными значениями в чувашском языке

Изучение глагольных форм с модальными значениями в чувашском языке связано с трудностями, которые характерны для изучения этой области языковой системы в любом другом тюркском (или европейском) языке. Прежде всего, определенные трудности вызывает многообразие этих значений, и, как следствие, невозможность в большинстве случаев приведения всего этого многообразия к какому-либо общему знаменателю. Кроме этого дополнительным фактором, вызывающим трудности в описании указанных форм в чувашском языке, является наличие разных способов их выражения, начиная с морфологического, и заканчивая синтаксическим и лексическим способами¹. В некоторых случаях, как например, в случае с аналитическими формами, действительно трудно провести грань между грамматической формой и синтаксической конструкцией.

Ядро функционально-семантического поля модальности в чувашском языке составляет грамматическая категория наклонения, куда помимо форм изъявительного наклонения входит целый ряд форм косвенных наклонений, среди которых в чувашской грамматике традиционно выделяют следующие: повелительное, сослагательное и уступительное². Формы, входящие в состав этих наклонений передают, соответственно, значения повеления, ирреального условия и безразличия к совершению действия.

Однако на основании изучения языковых фактов мы пришли к выводу о наличии в чувашском языке форм еще двух наклонений: желательного и долженствовательного. Желательное наклонение конституируется целым рядом как синтетических, так и аналитических форм, выражающих значение желания совершения действия. К ним относятся: составной аффикс *-асийн/-есийён* — *Апла эсир корреспондент пулĕ?.. Пăрахут капитанĕнчен интервью илесийĕн ёнтĕ...* (Ефимов) «Так, вы возможно корреспондент? Хотите взять интервью у капитана парохода...»; аналитические формы *-ас/-ес + те* — *Акă мĕн, тăванăм, — тет генерал, хăрушй сьнна пăхса, — сана эпĕ ирĕклĕх парнелес терĕм* (Алексеев) «Вот что, дорогой, — говорит генерал, глядя на страшного человека, — я хотел тебе подарить свободу» и *-ас/-ес + кил* — *Пирĕн а́на, паллах, тата лайăхрах сываттарас килет* (Збанацкий) «Конечно, мы хотим его получше **вылечить**».

Долженствовательное наклонение передается при помощи аффикса *-малла/-мелле* и нескольких аналитических форм: *-ас/-ес + пул*, *-ма/-ме + тив*, *-ма/-*

¹ Федотов М. Р. Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1963. 123 с.

² Сергеев Л. П., Андреева Е. А., Котлеев В. И. Чăваш чĕлхи. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2012. С. 368–375.

ме + лек — *Малтан вӑрҫса Раҫҫей тӑшманне ҫӗнтермелле, унтан патшалӑх ӗҫне тытӑнӑр* (Максимов-Кошкинский) «Сначала **нужно** воевать и **победить** врагов России, потом займемся государственными делами»; — *Кӗрес пулать, пани, кӗрес пулать!* — *яӑрарӗ полицейски сасси* (Ильбек) « — **Надо** **зайти**, пани, **надо** **зайти!** — прозвенел голос полицейского»; *Кунта килсен, хырӑм касӑлса ҫитнипе мӑянпа ыраш ҫӑнӑхне хутӑштарса ҫӑрӑ салма яшкине ҫиме тивет* (М. Ухсай) «Когда приходишь сюда, то проголодавшись, **приходится** **есть** суп с клецками, перемешанный с мукой из лебеды и ржи»; — *Ҫапла вара лагерь хураллама лекрӗм, — терӗ вӑл асаплӑн* (Гордеев) «Таким образом мне **пришлось** **сторожить** лагерь, — с трудом сказал он».

Конечно, указанные выше формы и раньше описывались в грамматиках чувашского языка, но они никогда не включались в соответствующую категорию наклонений и, в связи с этим, всегда находились на периферии грамматических исследований. Причиной этому явилось прежде всего не совсем определенный статус аналитических форм, которые большинство авторов не признают грамматическими. Но, несмотря на это, мы готовы утверждать, что они обладают всеми свойствами морфологических показателей: достаточной степенью лексической десемантизации вспомогательного компонента, тотальностью распространения и др. Таким образом, считаем необходимым включить их в состав форм категории наклонения в чувашском языке.

Микульский Д. В. (ИВ РАН, Москва)

Жанр публичной речи в арабо-мусульманских династийных хрониках IX–X вв.

Династийные хроники – это жанр арабо-мусульманских сочинений, в которых история мусульманской общины излагается в соответствии с правлениями халифов. Настоящий доклад основывается на материалах «Базы данных тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник IX – X вв.», которая составляется автором этих строк с 2009 г. и доступна в виде документа Word на сайте Института востоковедения РАН.

В текстуальной ткани арабских династийных сочинений IX – X вв., имеется блок сообщений, в которых говорится о произнесения теми или иными персонажами исторического предания публичных речей и приводятся сами эти выступления. В нашей «Базе данных...» фиксируются материалы из семи сочинений этого жанра, из них три сочинения содержат 50 сообщений с информацией о 54 публичных речах:

Т: *Та 'рих* ал-Йа'куби (IX в.);

КАТ: *Китаб ал-ахбар ат-тивал* ад-Динавари (IX в.);

КБТ: *Китаб ал-бад'ва-т-та 'рих* ал-Макдиси (X в.).

Табл. 1. Распределение сообщений о произнесении речей между исследуемыми памятниками

Г	34
КАГ	11
КБТ	5

В том варианте арабо-мусульманского исторического предания, который представлен в изучаемых памятниках, публичные речи произносят 29 персон (в том числе — две коллективные («сообщество ансаров»)) и двое видных сподвижников Пророка – Талха и аз-Зубайр (одна общую речь).

Табл. 2. «Герои» арабо-мусульманского исторического предания и распределение между ними публичных речей

1.	‘Али б. Абу Талиб (ум. 661)	14
2.	Пророк	5
3.	Первый омейядский халиф Му‘авия б. Абу Суфйан (661–680)	4
4.	Сообщество ансаров	2
5.	ал-Хасан б. ‘Али (ум. 669)	2
6.	Видный сторонник Му‘авии б. Абу Суфйана ад-Даххак б. Кайс (ум. 684)	2
7.	Омейядский халиф Му‘авия б. Йазид б. Му‘авия (683)	2
8.	Аббасидский халиф ал-Махди (775 – 785)	2
9.	Дядя Пророка ал-‘Аббас (ум. 653)	1
10.	Абу Бакр (632 – 634)	1
11.	‘Омар б. ал-Хаттаб (634 – 644)	1
12.	‘Осман б. ‘Аффан (644 – 656)	1
13.	Талха и аз-Зубайр (погибли 661)	1
14.	Сторонник ‘Али б. Абу Талиба ал-Кака‘ б. Зурара	1
15.	‘Амр б. ал-‘Ас (ум. 663)	1
16.	Мухаммад б. ал-Ханафиййа (ум. 700-01)	1
17.	Сторонник алидов Зухайр б. ал-Кайн	1
18.	Зийад б. Абиhi (ум. 673)	1
19.	‘Убайдаллах б. Зийад (ум. 687)	1
20.	ал-Хадждадж б. Йусуф (ум. 714)	1
21.	‘Омар б. ‘Абд ал-‘Азиз (717 – 720)	1
22.	Видный аббасидский военачальник Кахтаба б. Шабиб (ум. 749)	1
23.	Первый аббасидский халиф ас-Саффах (750 – 754)	1
24.	Видный аббасидский эмир Да‘уд б. ‘Али (ум. 751)	1
25.	Видный аббасидский эмир ‘Абдаллах б. ‘Али (ум. 764)	1
26.	Видный аббасидский эмир Исхак б. ‘Иса б. ‘Али (ум. в VIII в.)	1
27.	Аббасидский халиф ал-Амин (809 – 813)	1
28.	Аббасидский халиф ал-Ма‘мун (813 – 833)	1
29.	Дядя Харуна ар-Рашида и праведник ‘Абд ал-Малик б. Салих (ум. в IX в.)	1

Хронологически последним халифом, которому приписывается произнесение публичной речи, был ал-Ма'мун (813–833). Возможно, что впоследствии традиция произнесения публичных речей отмирает.

*Сафарян Александр (Ереванский ГУ, Ереван),
Саргсян Ани (Ереванский ГУ; Институт древних рукописей
Матенадарана, Ереван)*

Об изучении армянографических тюркоязычных литературных памятников

Важным направлением сотрудничества тюркологических центров СНГ может стать изучение памятников армянографической тюркоязычной литературы. Важность проблематики армяно-кыпчакских исторических и языковых связей (в частности — литературы, созданной ставшими тюркоязычными армянами, которые начали переселяться на просторы Дешт-и Кыпчака еще в XI веке, на протяжении более ста лет подчеркивается армяноведами и тюркологами (Гевонд Алишан, В. В. Радлов, А. Е. Крымский, В. А. Гордлевский, Н. А. Баскаков, Э. В. Севортян, Т. И. Грунин, О. Еганян, М. Кочар, А. Папазян, Я. Дашкевич, Н. Коч и др.). На данном этапе, как указывал наиболее авторитетный исследователь данной проблематики Ярослав Дашкевич (1926–2010), на первый план выдвигается именно задача тщательного анализа языка «армяно-кыпчакских» текстов, поскольку армянская графика лучше отображает фонетику тюркских языков, чем латиница или еврейская письменность. В данном контексте особенно важно сравнение языка вышеупомянутых памятников с языком *Codex Cumanicus*, ранними письменными памятниками языка крымских татар и караимов, что расширит представления об истории тюркских языков (в частности, казахского — кыпчакского языка).

Специалисты Института Арменистики Ереванского государственного университета, Института древних рукописей — Матенадарана (Армения) и туркменского государственного университета имени Махтумкули, Национального института рукописей АН Туркменистана приступили к исследованию и подготовке к изданию со специальным предисловием и подробными историко-филологическими комментариями хранящихся в Матенадаране манускриптов № 7318, № 8540, № 9003, содержащих версии эпоса «Кер-оглы/Героглы» (тюркоязычный текст, армянская графика). Как известно, версии широко распространенного в Средней Азии и на Ближнем Востоке фольклорно-эпического памятника «Кер-оглы/Кероглу/Героглы» исследователи традиционно и условно делят на восточную (туркменская, узбекская, казахская, таджикская) и западную (азербайджанская, турецкая, армянская, грузинская, курдская). Об исполнении песен Кероглу и Коркуд-деде армянскими гуасана-

ми-ашугами, которые сочиняли песни «одинаково легко как на армянском, так и на османском языках, т. е. и для христиан, и для мусульман», как писал основатель московской школы османистов-туркологов, академик В. А. Гордлевский.

Богатая армянографическая литература на турецком языке была создана на протяжении нескольких веков армянами — подданными Османской империи, ставшими со временем туркоязычными, но оставшимися верными последователями Армянской Апостольской Церкви. Сохранились как рукописи, так и печатные издания (книги, газеты и т. д.), уникальные образцы которых хранятся в библиотеках Армении (Матенадаран им. Месропа Маштоца, библиотека Первопрестольного Св. Эчмиадзина, Национальная библиотека Армении) и армянской диаспоры (в библиотеках Конгрегации Мхитаристов — армян католиков в Венеции и Вене, Апостольской кафедры Св. Иакова в Иерусалиме и др.). Известным армянским востоковедом, профессором Асмик Степанян проведена огромная работа по изучению и составлению библиографии армянских рукописей, книг и периодической печати на турецком языке.

Sahatova Gulshen (Hochschule Bremen, Bremen)

Кипрско-турецкий язык в сравнительном освещении

Систематическое исследование турецкого языка на Кипре продолжается до наших дней и пока еще не закончено. Первые научно-филологические исследования, которые отчасти носили сравнительный характер (сопоставление с анатолийскими диалектами турецкого литературного языка), были начаты в 60-х годах XX века (Eren 1964; Islamoğlu 1961). В последующие декады и вплоть до XXI века появляются исследовательские работы по вопросам фонологии/фонетики и морфологии в говорах кипрско-турецкого языка, а также работы, сравнивающие их с появившимися после политических событий 1974 г. на Кипре говорами турецкого языка (Boztaş 1999; Argunşah 2000; Demir 2002, 2003, 2006). Имеется также ряд исследований по вопросам турецко-греческих языковых контактов (Osam&Keleşir 2006, Kappler 2010, 2012 и т. д.).

Во многих исследованиях авторы едины во мнении, что турецкий язык на Кипре является диалектом турецкого литературного языка и наряду с изменениями, например в структуре предложения, связанными с греко-турецкими языковыми контактами, сохранил ряд архаичных признаков, которые отсутствуют, к примеру, в современной литературной турецкой речи, а также в других тюркских языках.

Однако эти, так называемые архаичные или заимствованные из кипро-греческого языка признаки, в особенности в области морфо-синтаксиса, а именно в морфологических и лексико-семантических средствах выражения наклонений глагола или же такой категории, как эвиденциальность, встречаются и в других языках огузской группы.

Так как систематические исследования кипрско-турецкого языка в сравнительном освещении с другими тюркскими языками огузской группы пока еще отсутствуют, настоящий доклад преследует цель на основе результатов собственных исследований и собранных языковых материалов (2007; 2013, 2016) дать общий обзор состояния кипрско-турецкого языка, продемонстрировать выявленные сходства в выше названных областях. Полученные результаты не только являются вкладом в систематическое изучение турецкого языка на Кипре, но и имеют потенциальное значение для сравнительно-исторического изучения тюркских языков и их диалектов.

Стрижак У. П. (НИУ ВШЭ, Москва)

Японский поэтический текст: вариативность когнитивной интерпретации (на материале сборника «Сто стихотворений ста поэтов»)

Известно, что носители разных языков по-разному воспринимают окружающую действительность, и как следствие, разными путями объективизируют ее в языке. Это и обуславливает сложность адекватного перевода, учитывающего особенности интерпретации явлений окружающей действительности в рамках разных лингвокультур. Понимание когнитивного фона рассматриваемых языковых структур, корректная интерпретация авторского замысла помогают избежать конфликта соответствующих когнитивных структур участников коммуникации (автора, переводчика, читателя). Возникающие при прочтении текста у читателя (являющегося интерпретатором) ассоциации, эмоциональные реакции, воспоминания, аналогии и догадки актуализируют принадлежащие собственной картине мира смыслы, необходимые для интерпретации полученного знания и заключения его в соответствующую языковую форму.

В докладе путем когнитивного анализа произведения из японского поэтического сборника XIII века будут рассмотрены существующие варианты перевода поэтического текста с точки зрения интерпретационных возможностей на примере стихотворения № 17 (автор Аривару-но Нарихира-но асон) из японской поэтической антологии 1235 года «Сто стихотворений ста поэтов»: *chihayaburu / kamiyo mo kikazu / Tatsuta gawa / kara kurenai ni / mizu kukuru to ha*. *Век могучих богов / Не слыхал о подобном деянье. / Реку Тацута / Опутали тысячью нитей, / Окунули в дивный багрянец!* (перевод В. С. Сановича)

В комментарии историко-литературоведческого характера В. С. Сановича к данному стихотворению высказывается мнение об использовании гиперболы, связанной с красильным ремеслом, при этом в недавних исследованиях японских филологов мы находим утверждение о том, что составитель антологии Фудзивара-но Тэйка изначально придерживался интерпретации данного стихотворения, предложенной специалистом по стихосложению того времени

(XII век) Фудзивара-но Кэнсё, а именно: рассматривать глагол *кукуру* как *кузуру* (в силу отсутствия знака озвончения для превращения 'к' в 'г' в текстах той эпохи) со значением 'просачиваться, едва струиться', в результате чего поверхность воды приравнивается к парчовой ткани, а узоры воды, струящейся под ней, к просветам на ее полотне.

Помимо этого, в комментированном японском издании данной поэтической антологии, помимо историко-культурного экскурса, описывающего предысторию любовных отношений Аривару-но Нарихира с будущей женой императора Сэйва, в честь которой и было сложено данное стихотворение (учет подобных экстралингвистических факторов всегда способствует более качественному лингвистическому анализу), мы встречаем похожую интерпретацию ключевого момента стихотворения: несмотря на то, что в оригинале встречается глагол *кукуру* (ассоциативная модель «поверхность воды = неравномерно окрашенная ткань»), здесь он трактуется как *кузуру*, что иллюстрирует ассоциативную модель «поверхность воды = переливающаяся материя (парча)». Также в докладе будут представлены варианты трактовки указанного глагола в комиксе, изданном по мотивам данной поэтической антологии и в тексте японского сериала *Chouyaku hyakunin isshu: uta koī* 'Упрощенные сто стихотворений ста поэтов', где интерпретационный акцент смещается с непосредственно описываемого пейзажа на пурпурные одежды главной героини, давая дополнительный простор воображению читателя/зрителя, поскольку выходит за рамки известных ранее толкований.

Таким образом, вариативность интерпретаций ключевого момента данного стихотворения, допускающего различные варианты толкования, продолжает оставаться предметом опосредованной дискуссии филологов различных исторических эпох, демонстрируя многоплановость когнитивной структуры авторского сознания.

Тавастшерна С. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Синтаксическая конструкция с *-bhāva* в языке пали

В древнеиндийском языке зафиксировано большое количество различных типов сложноподчиненных предложений. Однако на ряд способов выражения подчинительной связи наложены ограничения. В частности, в ведийском и классическом санскрите практически не употребляется косвенная речь. Прямая речь, как правило, занимает позицию перед глаголом говорения (т. е. стандартную позицию прямого дополнения), а конец прямой речи маркируется частицей *iti* (примеры для ясности даны в некоторых случаях без *sandhi*):

- (1) *āgamiṣyāmi- ity avādīḥ* (Speyer 1886: 386)
 Прийду так сказал-ты
 Ты сказал, что придешь.

Также ограничено употребление в сложноподчиненных придложениях близких по смыслу определительных придаточных ('подумал, что...', 'увидел, что...', 'понял, что...', 'услышал, что...' и т. д.). Все они оформляются прямой речью с помощью той же частицы 'iti'. Придаточные цели, причины, следствия оформляются подобным образом:

(2) *vaideśiko śmi- iti pṛcchāmi ko punr*
 Иностранец я-есть так спрашиваю кто же

asau jāmātā (Apte 1984: 166)

такой «джамата» (зять)

Я спрашиваю, кто такой «джамата», потому что я иностранец (т. е., данное слово мне не знакомо).

Все сказанное выше в равной степени относится и к ближайшему родственнику санскрита языку пали (в подобных конструкциях употребляется частица 'ti'). Однако, в данном языке появляется альтернативная конструкция, которую условно можно назвать конструкцией трансформации: прямая речь трансформируется в прямое дополнение (в винительном падеже) при глаголе, причем чаще всего это будет глагол со значением 'знания'. Для этого используется отглагольное имя 'bhāva' (в винительном падеже), означающее 'бытие', 'состояние', 'бывание (чем-то)', образующее сложное слово с предикатом (именным или глагольным). Субъект же предиката ставится в родительном падеже: исходная конструкция с прямой речью — 'он обезьяна так я понял', трансформация — 'его обезьяновость я понял'.

В санскрите данное отглагольное имя часто употребляется для образования имен с абстрактным значением: *bāla* ребенок, *bāla-bhāva* детство (букв. 'бытие ребенком'). В пали же композиты с -bhāva имеют только синтаксическое употребление:

(3) *rājā pan' assā pacchā dāsi-bhāvaṃ ñatvā* (Ja. 7)
 Царь же ее после рабыней-бытие узнав
 Царь, узнав впоследствии, что она рабыня...

(4) *rājā tassa natṭha-bhāvaṃ sutvā* (Ja. 92)
 Царь его мертвым-бытие услышав
 Царь, услышав, что он умер....

Интересно отметить, что данная конструкция, зафиксированная несколько сотен раз, встречается только в одном тексте палийского канона — комментарии к стихотворным Джатакам.

Таганова М. А. (НИР АНТ, Ашхабад)
Особенности аффикса -rak/-räk
в туркменском языке

В грамматиках тюркских языков аффикс *-rak/-räk* приводится как средство способов конкретного сравнения¹. В туркменском языке аффикс *-rak/-räk* используется с прилагательными, наречиями и глаголами, точнее деепричастиями. У прилагательных он считается аффиксом сравнительной степени,² у наречий- усилительной степени (*ir* (рано) — *irräk* (рановато), *tiz* (быстро) — *tizräk* (еще быстрее, немного быстрее)³, а у деепричастий этот аффикс может ослаблять, снижать эффективность или темп действия, а может и усиливать его: *açur* (открывая) — *açurprak* (приоткрыв).

В сравнительных конструкциях аффикс *-rak/-räk* известен как показатель незначительной разницы сравниваемых предметов. При этом, во-первых, объект сравнения находится в исходном падеже, а слово с качественным значением имеет аффикс *-rak/-räk* (*Ol senden akylyrak* — Он умнее тебя) имеет факультативную семантику и лишь показывает разницу, возникающую при сравнении двух предметов, где сама оценка заключена не в самой семантике слов, а только в речи говорящего⁴. Во-вторых, сравниваемый объект находится в направительном падеже, а также используется с послелогами *seredeňde*, *garaňda*, *görä*, а определитель качества с аффиксом *-rak/-räk*⁵.

У прилагательных аффикс *-rak/-räk* присоединяется ко всем непроеизводным прилагательным (*gyzylrak* (красноватый, краснее), *agyrak* (беловатый, белее), *yssyrak* (жарковатый, жарче), *süýjüräk* (сладковатый, слаще), множеству производных (*akylyrak* (умнее; менее умнее), *gaharjaňrak* (более (менее) сердитый), *suwlyrak* (более (менее) водянистый, сочный)...). Даже встречаются случаи, когда его можно увидеть после форм прилагательных. Например, *ajumtyk* (горьковатый) — *ajumtygrak* (не очень горьковатый), *sarymtyl* (желтоватый) — *sarymtylrak* (не очень желтоватый) и т. п.

Существует мнение, что аффикс *-rak/-räk* служит также для разграничения прилагательных от других частей речи, что исходит от А. Н. Кононова, который говорил, что «... имена прилагательные качественные в отличие от существи-

¹ Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. С. 112–113; Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948. С. 83–84 и др.

² Поцелуевский Е. А. Сравнительная степень и аффикс -рак // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 184.

³ Гафурова Х. Наречие в современном туркменском языке. Автореферат канд. дисс., Ашхабад, 1959. *Häzirki zaman türkmen dili. Aşgabat, 1960.* Грамматика туркменского языка. Ч. I. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970.

⁴ *Türkmen diliniň grammatikasy. Morfologiýa. Aşgabat, 2000. S. 106.*

⁵ *Ibid. S. 106.*

тельных обладают свойством образовывать степени сравнения и форму т. наз. интенсива»¹.

В туркменском языке аффикс *-rak/-räk* присоединяется к деепричастиям на *-yp/-ip*, при этом происходит озвончение последнего глухого звука: *çyzgap* (засучив) — *çyzgabrak* (немного засучив), *agsaklap* (хромая) — *agsaklabrak* (немного хромая) и т. п.

Исследование разных особенностей аффикса *-rak/-räk* показало, что он служит для выявления отличия от кого- или чего-либо. В зависимости от семантики слова или контекста, это отличие может интерпретироваться по-разному. Поэтому аффикс *-rak/-räk* можно считать показателем отдельной грамматической категории в туркменском языке, подобно категории множественности с аффиксом *-lar/-ler* в тюркских языках, которая используется прилагательными, наречиями и деепричастиями для отличия.

Учитывая семантические и функциональные особенности аффикса *-rak/-räk* можно говорить о самостоятельной формообразующей категории в туркменском языке и назвать ее категорией отличия.

Турапова Н. А. (Ташкентский ГИ Востоковедения, Ташкент)

Семантика соматического фразеологизма с компонентом «као» в японском языке в сравнении с узбекским фразеологизмом «юз»

Во фразеобразовании огромную роль играет человеческий фактор, так как подавляющие большинство фразеологизмов связаны с человеком, с разнообразными сферами его деятельности. Особую роль в этих процессах играют соматические фразеологические единицы (далее — СФЕ). По подсчетам многих исследователей СФЕ составляет около 16% фразеологического фонда. По данным японских ученых количество соматизмов японского языка 955, что доказывает их особую значимость в языке.

Семантика основной массы СФЕ связана с эмоционально-психической жизнью человека, они выражают отношение человека к окружающей среде и к другим людям, дают образную характеристику человека и т. д. Соматическая фразеология включает в себя названия частей тела человека; от важности и значения функций тех или иных органов или частей тела зависит количество и тематическое разнообразие групп фразеологических единиц.

СФЕ с компонентом «као» — «лицо» — «юз» являются одним из тематически разнообразными и имеют следующие значения: **состояние человека** 顔を落ち着ける *као-о отицукэру* — сохранять спокойное выражение лица — узб. *юзидан хотир-*

¹ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. Москва-Ленинград, 1956. С. 61.

жамлик сезиларди. Японцы полагают, что лицо «као» — можно сделать 渋い *сибуи* «терпким», 塩っぱい *сэнтай* — «соленым», 涼しい *судзусий* — «прохладным». Соответственно 渋い顔をする *сибуи као-о суру* имеет значение «хмуриться», букв. «делать лицо терпким», 塩っぱい顔をする *сэнтай као-о суру* — «делать озабоченное лицо, (букв. «соленое» лицо)», 涼しい顔をする *судзусий као-о суру* — «делать безразличное (букв. «прохладное») лицо», или «делать вид, что ничего не знает»; **стыд** 顔から火が出る *као-кара хи-га дэру* — покраснеть от стыда — узб. *уятдан юзлари кизариб кетмоқ*; **недовольство** 顔をしかめる *као-о сикамэру* — нахмуриться — узб. *юзини буриштирмоқ*, *юзини тескари бурмоқ*; **позор, унижение** 顔を汚す *као-о ёгосу* — опозорить, унижить — узб. *шармада қилмоқ*; **характер человека** 顔が厚い *као-га ацуи* — не чувствовать ни стыда, ни совести — узб. *бети қалин*. Из примеров видно, что в японском и узбекском языках употребление семантики «као» — «юз» в целом совпадают, за исключением значений присущих только японскому языку: *престиж, репутация, влияние, популярность*.

Существуют многочисленные СФЕ с тождественным компонентным составом и значением в обоих языках, но также присутствуют и неизбежные различия, обусловленные национально-специфическими особенностями. Это видно из следующих примеров: 合わせる顔がない *авасэру као-га най* — прятать глаза — узб. *кўзини олиб қочмоқ*, いい顔をしないう *ий као-о синай* — быть против, быть недовольным — узб. *норози бўлмоқ*; 顔色をうかがう *каоиро-о укагау* — угадывать настроение кого-л. — узб. *кимнидир кайфиятини аниқламоқ*; 大きな顔 *оокина као* — быть самодовольным — узб. *ўйдан манмун бўлмоқ*; 顔で人を切る *као-дэ хито-о киру* — смотреть свысока, пренебрегать — узб. *менсимаслик*.

Рассмотрим примеры употребления «юз» в узбекском языке: *юз кўрар* — визит родственников мужа к молодой невестке через три дня после свадьбы; *юз очар* — визит свекра или родственников мужа к молодой невестке через день после свадьбы; *юзига оёқ кўймоқ* — игнорировать кого-л., нагло поступать с кем-л., *фарзанд юзини кўрган эмасман* — букв. не видела лица детей, т. е. у меня не было детей; *юзни чидамайди* — совестно говорить об этом.

Примечательно, что в японском языке существует несколько синонимов «као»: «цура» и «мэмбоку», имеющие грубый оттенок, которые переводятся как «физиономия», «морда», «рожа». Данные синонимы имеют просторечный характер, за счет чего создается ярко выраженная экспрессия, как видим мы это на следующих примерах: 面皮をはぐ *цуракава-о хагу* — вывести на чистую воду; 面目を失う *мэмбоку-о усинау* — терять лицо/достоинство. В узбекском языке также можно привести немало синонимов к слову «юз», которые считаются грубыми или просторечными: *бет, афт, башара, турқ, тус* — физиономия, морда, рожа. При использовании в речи данных синонимов, делается акцент на отрицательные стороны характера человека: *бети қаттиқ* — наглый.

Интересно отметить, что в узбекской языковой культуре фразеологизм *юзма-юз гаплашмоқ* — говорить с глазу на глаз, имеет значение «наедине». В японской языковой культуре в данном значении используется *ひざ* *хидза* — колено — *тицца*: *ひざを交えて хидза-о мадзитэ* — говорить об открытости намерений.

На основе проведенного анализа нами были обнаружены сходства и различия между СФЕ обоих языков. Большинство значений *као* и *юз* входят в семантическое поле «человек» и являются близкими как по плану выражения, так и по семантике. Однако имеется ряд значений этих СФЕ в обоих языках, отражающих в оценке качеств человека национальную психологию, обусловленную укладом жизни народа, его традициями и обычаями. Фразеологизмы в обоих языках, таким образом, как бы объединяются в тематический блок «человек» и создают обобщенный портрет представителя каждого из народов.

Фаткулин Б. Г. (ВПО, Челябинск)

Применение методов прикладной лингвистики для сбора информации на специализированную тематику (феномен «Исламской революции» в Иране в источниках на китайском языке)

Источникведение иранистики и китаеведения на Урале имеет ряд особенностей. Так, во времена СССР Уральский регион находился «в глубоком тылу» страны, на удалении тысяч километров от внешних границ. Однако в последние десятилетия произошли следующие масштабные изменения:

1. С 1992 Уральский регион оказался на государственной границе РФ: Челябинская, Курганская, Тюменская области перешли в разряд пограничных. Транзитная роль Уральского региона значительно возросла. Субъекты федерации получили право вести международную экономическую деятельность в пределах своей компетенции. Иранцы, афганцы и китайцы получили возможность работать на Урале, обучаться в ВУЗах Уральского региона. Транзитный потенциал региона получил дальнейшее развитие. Не случайно уже не один год всерьез рассматривается вопрос о проведении саммита государств ШОС в 2020 году в Челябинске.

2. В силу своего геополитического положения (удаленность от российско-китайской границы, но близость к границе российско-казахстанской) уральское китаеведение и уральская иранистика фокусируется на изучении взаимоотношений КНР с Казахстаном и государствами Средней Азии, а также странами Среднего Востока, например Ираном и Афганистаном.

3. В 2015 году КНР официально выступила с идеей возрождения Великого Шелкового Пути: сухопутной (несколько веток) и морской части его. В связи

с этим геополитическое положение Уральского региона изменилось, и резко повысилась актуальность исследований народов Великого Шелкового пути и их взаимоотношений.

На китайском языке регулярно пишутся аналитические статьи и обзоры ситуации в Средней Азии, на Среднем Востоке. Китайские подходы в области истории и геополитики содержат элементы новизны по сравнению с методами, устоявшимися в европейской науке и представляют интерес для российского востоковедения.

Аналитические структуры РФ призваны быть в курсе проектов КНР в отношении общих соседей, и поэтому уральской иранистике и китаеведению следует обратить должное внимание на изучение стран и народов, находящихся в рамках Шелкового пути. Поэтому исследования на стыке китаеведения и иранистики представляют интерес для Уральского региона.

За последнее время было разработано множество новых методов поиска, сбора и анализа информации на восточных языках, в том числе и на языках народов Шелкового Пути (фарси и китайском языках).

Новейшие методы сбора информации тоже могут быть предметом исследования в сфере историографии и источниковедения. Материалом для апробации выделенных нами методов поиска является глава китайской электронной энциклопедии Байду, посвященная феномену «исламской революции» 1979 г в Иране.

В своем исследовании мы апробировали следующие инструменты:

1. Скрипт `baidubaikе`, написанный на языке Python, мы использовали для автоматической выборки данных из Энциклопедии Байду.
2. Стэнфордский сегментер для нахождения границ между словами, стоящими из нескольких иероглифов.
3. Для поиска статей по исламской революции в Иране мы использовали китайскую наукометрическую базу данных CNKI.

В итоге мы выделили в китайском языке массив специализированной терминологии, которую китайская востоковедческая школа использует для описания политических процессов, происходивших и происходящих на Среднем Востоке.

В качестве вывода из проведенного исследования представляется возможным отметить, что китайские специалисты по Среднему Востоку в большинстве случаев используют в своих работах собственную аутентичную терминологию, во многом отличную от терминологии глобальных англоязычных сетевых структур и ее эквивалентов в других европейских языках и русском языке. Источником терминологии выступают термины китайской исторической науки, философия конфуцианства и теоретико-методологические установки КПК. Кроме того, в китайском языке существуют аутентичные термины для обозначения некоторых понятий современного ислама.

Худяков Д. А. (НИУ ВШЭ; ИСАА МГУ, Москва)

Некоторые грамматические особенности тангутских переводов буддийских текстов

В силу как объективных исторических обстоятельств, так и по воле случая, большая часть сохранившихся до наших дней текстов на тангутском языке представляют собой буддийские переводы с китайского или тибетского языков. С одной стороны, на начальном этапе дешифровки тангутского письма буддийские тексты (наряду с лексикографическими источниками) сыграли огромную роль ввиду их близости иноязычным оригиналам. С другой, долгое время буддийские тексты привлекали меньше внимания, чем т. н. «светские» переводы с китайского или тем более оригинальные тангутские произведения, ввиду неоригинальности их содержания и, как полагали исследователи, искусственности языка, механически повторявшего синтаксис источника перевода. Часто «светские» переводы действительно были более вольными, представляя собой скорее пересказы, чем дословные переводы с китайского языка. Иногда тангутский текст помогает прояснить туманные места китайского оригинала, намекая на знакомство переводчика/ редактора с разными вариантами исходного текста, некоторые из которых не дошли до наших дней.

Вместе с тем, в литературе давно отмечено (см., напр., статью К. Б. Кепинг «Имя Чингис-хана в тангутской песне» 2001 г. и др.), что лексика тангутского языка распадается на несколько слоев, неравномерно представленных в текстах разных жанров и содержания. Так, К. Кепинг выделяла в тангутском языке как минимум «обычную» и «ритуальную» лексику. Ряд иероглифов нетерминологического характера (например, передающих в тангутском языке значение, соответствующее китайскому 有³ 'иметь') встречается только в буддийских текстах, но не встречается в «светских» переводах, и т. д.

Все вышесказанное, наряду с признанной исследователями дословностью тангутских буддийских переводов, позволяет поставить вопрос о лексических и синтаксических особенностях переводных текстов, выполненных тангутами с разных языков-источников. Нами будут рассмотрены синтаксические функции некоторых служебных слов ('пустых иероглифов' *сюй цзы* 虛字 в традиционной китайской терминологии) в контексте грамматических концепций проф. М. В. Софронова и Нисида Тацуо, а также проблема сложных слов (*фу хэ цы* 複合詞).

Шатравка А. В. (Амурский ГУ, Благовещенск)

О значимости грамматического критерия при разграничении слов по частям речи в современном китайском языке

В современном китайском языке существует довольно большое количество слов, имеющих одинаковое звучание и сходное основное значение, при

том что их грамматическое значение и синтаксическое употребление сильно между собой различаются. Наличие такие слов вызывает большие трудности при переводе с китайского языка, поскольку при анализе синтаксических словосочетаний, в которых встречаются такие слова, мы можем обнаружить, что у этих слов вслед за изменением функции изменяется и значение слова.

Ученые по-разному решают данную проблему. Одни считают, что в данном случае речь идет об омонимии — о словах, совпадающих фонетически, но значительно различающихся по лексическому и грамматическому значению; другие говорят об одном слове, употребленном в различных функциях. На наш взгляд, в современном китайском языке существуют и омонимы, и бифункциональные слова, поэтому вопрос о переводе таких слов необходимо решать с учетом грамматического критерия, который является основным при разграничении слов по частям речи в китайском языке. О значимости грамматического критерия применительно к языкам изолирующего типа неоднократно писали в своих трудах отечественные китаеведы и китайские лингвисты. Именно грамматический критерий решает проблему о разграничении слов по частям речи. С. Е. Яхонтов дополнил данное положение теорией, согласно которой учитывается вся совокупность синтаксических функций слова в различных типах предложений, одни функции будут основными, характерными для всех слов, входящих в данный класс, другие — дополнительными¹.

Именно грамматический критерий играет важную роль при разграничении знаменательных и служебных слов современного китайского языка. При анализе словосочетаний типа 留学生在 中国 «Иностранные студенты **находятся** в Китае» и 留学生在 中国学汉语 «Иностранные студенты **в** Китае изучают китайский язык» мы имеем дело с омонимичными словами — 在 глагол «находиться» и 在 предлог, который вводит дополнение со значением места. При переводе подобных предложений необходимо учитывать грамматическую функцию слова — если оно употребляется в предложении самостоятельно, то речь идет о глаголе, если же в предложении есть другой глагол, то речь идет о предлоге. То есть в данном случае речь идет об омонимии.

Омонимичные слова встречаются и в словосочетаниях со счетными словами. Например, в словосочетаниях 两块肉 «два куска мяса» и 两块手表 «двое часов» мы также имеем дело с двумя омонимичными словами — существительное «кусочек» и классификатор, который употребляется с существительным «часы». Следуя теории, что счетное слово не класс, а функция, мы можем обнаружить, что данную функцию могут выполнять и знаменательные слова, к которым относятся мерные, и служебные слова — классификаторы. Таким образом, первые необходимо переводить, поскольку они имеют значение,

¹ Яхонтов С. Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании // Вопросы теории частей речи. Л.: Наука, 1968. С. 73.

а вторые лишены смыслового значения, а выполняют лишь грамматическую функцию — соединяют числительное и существительное.

Грамматический критерий помогает решить вопрос и при разграничении служебных слов, например, предлогов и союзов. Так, выделяется группа служебных слов 和, 跟, 同, 与. Принято считать, что данные слова относятся к союзам, однако, на наш взгляд, здесь речь идет о бифункциональных служебных словах. Например, в предложении 云霖也同我们出来, ... «Юньлинь тоже вышла с нами, ...» служебное слово 同 образует подчинительную связь между двумя словами категории имени; перед ним стоит наречие 也 ‘тоже’, ‘также’, относящееся к сказуемому. Таким образом, служебное слово 同 участвует в выражении отношения соучастия. Имена, стоящие между ним, относятся друг к другу как содеятель к деятелю. В предложении 这些女人和孩子们都不是十分健康的脸色, ... «У этих женщин и детей был очень нездоровый цвет лица, ...» служебное слово 和 образует сочинительную связь, на что указывает наличие служебного слова 都 ‘весь’, ‘все’, которое имеет обобщающее значение. Служебное слово 和 соединяет два имени, которые обозначают двух равноправных деятелей. Так, служебные слова 和, 跟, 同, 与 ‘и’, ‘с’ следует считать предлогами, так как их объединяет общая грамматическая особенность, типичная для всех слов, входящих в этот класс — они образуют конструкцию, характерную для предлогов. Кроме того, следует помнить, что сочинительных союзов, которые употребляются только для соединения двух слов категории имени, в китайском языке нет. В функции сочинительного союза употребляются предлоги 和, 跟, 同, 与. Эта функция для них является вторичной.

Итак, значимость грамматического критерия не теряет актуальности в настоящее время. С одной стороны, это облегчает преподавание грамматики китайского языка, с другой стороны, именно учет грамматического критерия позволяет избежать ошибок при переводе текстов с китайского языка на русский.

Янсон Р. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О полифункциональности отглагольных имен со структурой *a-V* в бирманском языке

В бирманистике нет общепринятого представления о природе образований со структурой *a-V*. С одной стороны, во всех учебниках и теоретических работах признается, что *a-* является префиксом, служащим для образования имен от глаголов, и в бирманско-английском словаре все формы *a-V* сопровождаются пометой *n*. и переводятся как имена. С другой стороны, функционирование образований *a-V* столь многообразно, что зачастую оказывается затруднительным идентифицировать их как именные, что приводит к попыткам трактовать такие

образования как особую форму глагола¹. В одной из наших работ мы показали, что во всех случаях употребления формы *a-V* она обладает некоторыми именными признаками и ни одним глагольным². Соответственно, необходимо согласиться с языковым чутьем бирманцев, определяющим такие образования как имена, и попытаться интерпретировать ‘необычные’ функции формы *a-V*, имея в виду их именную природу. Рассмотрим несколько примеров: *thu ein amyan ryan de* ‘он быстро вернулся домой’ (букв. Он — дом — быстрота — вернулся). В данном случае имя, образованное от глагола ‘быть быстрым’, выступает явно в несвойственной именам функции-определения к глаголу; *hle achi hma pyo de* ‘повернулся и взглянув, сказал’ (букв. Поворачиваться — взгляд — в — сказал). В рамках привычных правил интерпретировать функцию слова ‘взгляд’ (*a-смотреть*) в приведенном примере затруднительно.

Именная сущность формы *a-V* оказывается, как минимум, спорной и в тех случаях, когда она выступает в составе словосочетания из двух имен. По общему правилу в таких случаях второй член словосочетания выступает в функции определяемого, а первый — определения, напр.: *ein che* ‘домашняя курица’ (букв. Дом — курица); *ou chaun* ‘кирпичный монастырь’ (букв. Кирпич-монастырь). Однако следующий пример как будто бы не позволяет трактовать синтаксическую связь между компонентами словосочетания в соответствии с существующими правилами: *ein athi shau te* ‘построил новый дом’ (букв. Дом-новость- построил). В соответствии с преобладающими представлениями о роли префикса *a-* слово *athi* необходимо интерпретировать как имя, образованное от глагола *thi* ‘быть новым’, а все словосочетание интерпретировать как передающее смысл * ‘построил новизну дома’. Однако такая интерпретация не только противоречит логике, вытекающей из семантики компонентов, но и восприятию синтаксических отношений между компонентами словосочетания бирманцами, которые воспринимают значение словосочетания в соответствии с логикой, т. е. как ‘новый дом’. Следующий пример: *saou'ahaun pei de* ‘старую книгу дал’ (букв. Книга-старина- дал). В примере слово ‘старина’ представлено отглагольным именем со структурой *a-V* (*a-* быть старым) и по определению должно выступать в функции определяемого, однако отразить в переводе такой характер связи между компонентами словосочетания затруднительно *(старину книги дал — книжную старину дал).

¹ Носова Н. И. Словообразование и формообразование с помощью префикса *A-* в бирманском языке // Страны и народы Востока. Вып. XI. М.: Наука, 1971. С. 230–234; Касевич В. Б., Краткий очерк грамматики бирманского языка // Бирманско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. С. 764; Okell J., A reference grammar of colloquial Burmese. P. 1. Oxford University Press, 1969. P. 80–81, 134.

² Янсон Р. А. Особенности функционирования отглагольного имени со структурой *a-V* в бирманском языке // Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: Материалы XII Международной конференции. М., 2016. С. 259–267.

Приведенными примерами не исчерпываются случаи неожиданного функционирования формы *a-V*, и ниже мы попытаемся проанализировать подробнее некоторые из них.

Как будто бы можно найти объяснение для некоторых случаев, где отглагольное имя выступает в качестве второго компонента словосочетания из двух имен. Такие конструкции довольно широко распространены в языке, и в большинстве случаев не вызывают затруднений в интерпретации значения всего словосочетания. Приведем два примера: *shaya alou' ma chay phu* 'не люблю работать учителем' (букв. Учитель-работа — не люблю). Слово 'работа' представляет собой отглагольное имя со структурой *a-V* (а-работать) и в этом смысле формально не отличается от слова 'новость' в вышеприведенном примере, однако характер синтаксических связей между компонентами в последнем примере не вызывает сомнений и соответствует синтаксическим правилам языка. Еще один аналогичный пример: *panka ashein chaun aei mide* 'простудился из-за сильно дувшего вентилятора' (букв. Вентилятор-быстрота-из-за-простудился). В данном случае, как и в предыдущем, никаких сложностей с интерпретацией конструкции 'вентилятор-быстрота', где компонент 'быстрота' представляет собой отглагольное имя (а- быстрый), не возникает. Отсюда как будто бы вытекает вывод, что и в исходных примерах ('новый дом построил' и 'старую книгу дал') характер синтаксических связей между компонентами соответствует правилам, и значением всей конструкции формально будет именно *'домовая новость' и *'книжная старина'. Предстоит выяснить, в каких случаях могут быть употреблены данные конструкции, и действительно ли бирманцы интерпретируют их как имеющие обратный нормальному характер отношений между компонентами.

Обратим внимание на то, что проблемы с интерпретацией характера связей между компонентами возникают лишь в тех случаях, когда в качестве второго компонента словосочетания выступают имена, образованные от глаголов качества. С именами, образованными от глаголов действия-состояния, таких проблем не возникает. Но и в первом случае вовсе не всегда интерпретация семантики всего словосочетания вызывает сложности. Рассмотрим словосочетание *tau amyin* 'высокое здание ~ высота здания' (букв. Здание-высота). Естественно-логическая интерпретация семантики конструкции будет зависеть от управляющего глагола: при глаголе 'купить' естественным будет первый вариант интерпретации, а, скажем, при глаголе 'быть недовольным' более естественной и формально правильной будет вторая интерпретация.

Сейчас необходимо остановиться на различных возможных способах присоединения определений к именам. Выше отмечалось, что в качестве определения может выступать имя в препозиции к другому имени. Существует также два типа глагольных определений к имени. Глаголы качества-количества могут присоединяться к определяемому имени простым постпозиционным примыканием: *zabwe gyi* 'большой стол' (букв. Стол-большой). Глаголы

действия-состояния не могут присоединяться к именам аналогичным способом. Для них существует специальный формант, с помощью которого они присоединяются к имени, находясь в препозиции к нему. Этим способом могут также присоединяться и глаголы качества-количества: *thwa de lu* ‘идущий человек’ (букв. идти-формант-человек); *gyi de zabwe* ‘большой стол’ (букв. Большой-формант-стол). Возникает вопрос, в каких отношениях находятся все три способа присоединения определений к имени, и в первую очередь, как соотносятся определения со структурой *NV* (стол-большой) и *NaV* (стол-величина). Здесь любопытным представляется анализ особенности функционирования признака цвета. Он выражается при именах только с помощью структуры *NaV*, напр.: *eingyi aphyu* ‘белая рубашка’ (букв. Рубашка-белизна). Казалось бы более естественным было бы использовать для такого словосочетания структуру *NV* — *eingyi phyu* ‘белая рубашка’ (букв. Рубашка-белый), однако такой вариант реально не используется. Невозможно также употребить конструкцию с препозиционным определением, т. е. *phyu de eingyi* (белый-формант-рубашка). Как видим, для цветовой характеристики явлений существует единственная форма выражения, которая, на первый взгляд, не выглядит логичной. Что же касается прочих глаголов качества/количества и образованных от них отглагольных имен в составе именных словосочетаний, оказывается, что они ведут себя значительно свободней глаголов с цветовой семантикой. Скажем, понятие ‘новый дом’ может быть выражено всеми тремя вышеуказанными способами: а) *thi te ein*, б) *ein thi*, в) *ein athi* (новый дом — дом новый — дом новость). При этом далеко не во всех контекстах могут быть использованы все три варианта конструкции, оказывается, что в определенных контекстах используется лишь один из трех. В такой ситуации складывается впечатление, что для дальнейшего исследования специфики функционирования отглагольных имен в бирманском языке необходимо привлечение компьютерных программ.

По-видимому дело здесь в том, что цвет для бирманца оказывается важнее предмета, который он характеризует. Гардероб жителей Мьянмы крайне ограничен — рубашка и юбка, для женщин также иногда легкая накидка. Поэтому для говорящего важной информацией является именно цвет, а не характеризуемый им предмет. Ведь обычно определение и вводится в речи для выделения предмета из некоей массы объектов, здесь же такая задача не возникает. Отсюда и возникают сложности в интерпретации значения высказывания представителями иной языковой культуры, основывающейся на логике, которая опять же базируется на семантике компонентов высказывания. Еще один пример: *cha ban aphyu* ‘белый лотос’ (букв. Лотос–белизна). Опять же вариант *NV* (*cha ban phyu* — лотос белый) не используется. Аналогично ведет себя язык и с категорией качества, когда речь идет об ограниченном наборе характеризуемых объектов, пример: *cha ban ahla* ‘красивый лотос’ (букв. Лотос-красота).

VIII. КРУГЛЫЙ СТОЛ:
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ:
К 200-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ»
ROUND TABLE DISCUSSION:
“HISTORY OF THE ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA:
THE 200TH ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT
OF ASIATIC MUSEUM IN ST PETERSBURG”

Беккин Р. А. (Инафр РАН, Москва)

А. Э. Шмидт и российская школа исламоведения

Как особое направление в российском востоковедении исламоведение сформировалось в начале XX в. благодаря школе барона В. Р. Розена. Один из его учеников — Александр Эдуардович Шмидт — может по праву быть назван основателем российской школы исламоведения. В 1925 г. в «Известиях Академии Наук СССР» была опубликована «Записка об ученых трудах проф. А. Э. Шмидта», подготовленная академиками И. Ю. Крачковским, В. В. Бартольдом и С. Ф. Ольденбургом в связи с выдвижением Шмидта в члены-корреспонденты АН СССР. «Едва ли не единственным ученым, работы которого посвящены исключительно исламоведению, — говорилось в «Записке», — является профессор Средне-Азиатского Государственного Университета в Ташкенте А. Э. Шмидт»¹.

Однако Шмидт был не только ученым-исламоведом, но и организатором науки. В 1918 г. по его инициативе в Петроградском университете была

¹ Крачковский И., Бартольд В., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. А. Э. Шмидта // Известия Академии Наук СССР. Сер. 6. Л., 1925. Т. 19. С. 893.

учреждена кафедра исламоведения¹. В 1920 г. Шмидт переезжает в Ташкент, где принимает активное участие в организации Туркестанского государственного университета (ТуркГУ). Параллельно с работой по созданию ТуркГУ Александр Эдуардович стоял у истоков другого учебного заведения — Туркестанского восточного института (ТВИ). В ТВИ на посту ректора на Шмидта легла большая организационная работа, новое учебное заведение испытывало настоящий кадровый голод. Вот что писал об этом сам Александр Эдуардович: «Ближайшей очередной заботой руководителей Института было во-первых — замещение некоторых пустующих кафедр, и прежде всего кафедры исламоведения, как преддверие к дальнейшему изучению и пониманию мусульманского Востока...»². Весной 1920 г. в структуре ТВИ действительно была создана кафедра арабской словесности и исламоведения. А. Э. Шмидт был избран профессором по этой кафедре.

В докладе предпринята попытка оценить значение научной и организационной деятельности Шмидта для современного исламоведения.

Валеев Р. М. (ИМОИВ КФУ, Казань)

Казанскому университетскому востоковедению — 210 лет: Традиции и наследие (XIX — нач. XX вв.)³

В 2017 г. исполняется 210 лет со дня образования кафедры восточной словесности Казанского университета, в 2018 г. — 200 лет образованию Азиатского музея (Институт восточных рукописей РАН) и в 2019 г. исполняется 165 лет со дня образования восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

Профессиональное образование и наука о Востоке в России — коллективное и индивидуальное творчество практиков и ученых, система социальных и научных отношений и связей и в особенности отличается органичным влиянием на общество и государство. Академическое и университетское востоковедение в России ярко продемонстрировало феномен исследовательских открытий и уникальной психологии научного творчества. Традиции и новации центров российского востоковедения XVIII–XX вв. позволяют провести срав-

¹ Подробнее об этом см.: Кафедра исламоведения Петроградского университета (О малоизвестной странице из биографии А. Э. Шмидта) // *Ars Islamica*: в честь Станислава Михайловича Прозорова / сост. и отв. ред. М. Б. Пиотровский, А. К. Аликберов; Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука, Вост. лит., 2016. С. 77–95.

² *Шмидт А. Э.* Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // *Наука и просвещение. Журнал Народного Комиссариата Просвещения Туркеспублики.* Ташкент, 1922. № 2. Окт.–дек. С. 115.

³ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16–11–16002.

нительный анализ моделей педагогической, научной, просветительской и гуманистической деятельности преподавателей и ученых и особенно их научных образов Востока с современными процессами в данной гуманитарной сфере.

Особое место в истории российского и европейского востоковедения, в истории и культуре народов современной России, Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Украины и других постсоветских государств занимают ключевые центры востоковедения в Москве, Казани и Петербурге — Московский университет, Лазаревский институт восточных языков, Казанский университет, Санкт-Петербургский университет, Азиатский музей, Восточная комиссия Московского археологического общества, Восточное отделение Русского археологического общества и другие институты с их богатыми исследовательскими и гуманистическими традициями и значимым наследием выдающихся ученых и практиков и др. Среди них в особенности основоположников отечественного востоковедения — Х. Д. Френ (1782–1851), Мирза А. К. Казем-Бек (1802–1870), В. П. Васильев (1818–1900), О. М. Ковалевский (1800–1878), В. Р. Розен (1849–1908), Ф. Е. Корш (1843–1915), В. А. Жуковский (1858–1918), С. Ф. Ольденбург (1863–1934), В. В. Бартольд (1869–1930), А. Е. Крымский (1870–1842), И. Ю. Крачковский (1883–1951), Н. А. Медников (1855–1918), П. К. Коковцов (1861–1942), В. Ф. Минорский (1877–1966) и многие другие.

Современная отечественная и зарубежная востоковедная историография истории ориенталистики в Казани включает немало новых оригинальных творческих работ, основанных на разнообразных источниках и проникнутых исследовательскими оценками, новыми подходами и идеями¹. Обобщая итоги и направления отечественной историографии к рубежу XX–XXI вв. проблемы истории российского востоковедения, в том числе казанского центра ориенталистики необходимо сформулировать следующие основные выводы.

¹ *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977; История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997; *Куликова А. М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец ХУП в. — 1917 г.). СПб., 1993; *Валеев Р. М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. — 20-х гг. XX в.). Казань, 1998; *Монголовед О. М.* Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань: Алма-Лит, 2004; Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского 1830–1831 гг. / Подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментарий, указатели И. В. Кульганек, Р. М. Валеев. Казань; СПб., 2005–2006; *Валеев Р. М., Тугужекова В. Н.* и др. Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. Казань; Абакан, 2008–2009; Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу (1831–1846) // Отв. ред. Р. М. Валеев. Вступит. статьи Н. Н. Дьякова, И. Ф. Поповой, И. В. Тункиной. Казань, 2015; Ориентализм vs. Ориенталистика: Сб. статей. М., 2016 и др.

Актуальной остается одна из важнейших задач — историографический и историко-научный анализ работ по истории востоковедения в России XIX–XX вв. Возникновение и развитие нового научного направления — историографии истории отечественного востоковедения — представляет собой важное научное и культурное событие.

К сожалению, обширная литература по истории отечественного востоковедения XVIII–XX вв. не позволяет воссоздать картину углубления профессионализации педагогической и исследовательской деятельности ученых-востоковедов, формирования этого уникального сообщества, институционализации и генезиса различных форм востоковедческого образования и науки о Востоке в России. В особенности взаимосвязи востоковедения с политическими и мировоззренческими идеями и практикой, как исследовательские задачи были созвучны различным историческим периодам имперской России, Советского Союза и Российской Федерации.

В настоящее время также не написаны академические научные биографии многих российских востоковедов XIX–XX вв., в том числе казанских востоковедов XIX — нач. XX вв. Также мало представлен в историографии отечественного востоковедения такой тип биографической литературы, как научно-популярная биография. Интересным представляется изучение типологии биографий отечественных и зарубежных ориенталистов и эволюции историко-научной востоковедной биографии.

Также менее всего воссоздан социокультурный и мировоззренческий контекст жизни и деятельности востоковедов и дан анализ педагогических, исследовательских и культурных традиций и новаций в востоковедческих центрах России, слабо исследована история научной ориентальной мысли. В последующих работах, посвященных истории отечественного востоковедения, представляется перспективным изучение внешних, социокультурных, политических и мировоззренческих факторов, повлиявших на достижения в научных дисциплинах, рост знаний о Востоке и судьбу ориенталиста в развитии востоковедческого познания.

Также перспективными представляются анализ и систематизация природы университетского востоковедения в России — академического (вузовского) статуса; стиля эпистемологической природы «Россия-Восток-Запад»; взаимодействия ориенталистики (ориентализма) и власти имперского/советского государства и общества. Важно уделить внимание осмыслению сформировавшихся универсальных научных и идейных ценностей российского университетского востоковедения на рубежах XIX–XX вв. и XX–XIX вв. — историко-культурной и научной традиции и преемственности, академизма, универсализма, энциклопедизма, просветительства, гуманизма, секулярности в исследовании феномена Востока. Обратиться к анализу и обобщению общего и особенного в развитии ключевых исследовательских принципов и идей отечественных востоковедов — литературоведческого, историко-филологического, срав-

нительно-исторического, источниковедческого, культурологического и т. д. В целом история российского и европейского востоковедения, а также феномен университетской ориенталистики и ориентализма важно изучать в историко-типологическом, компаративном и историко-функциональном направлениях.

Казань — столица современного Татарстана остается одним из исторических городов евразийской ойкумены и уникальным научным и культурным центром цивилизаций Востока и Запада. Этот историко-географический и геополитический город и регион между Волгой и Уралом стал олицетворением исторической Родины тюркских, финно-угорских, славянских этносов и других современных народов Евразии. Также известные средневековые государства и общества Волжская Булгария, Джучиев улус и Казанское ханство представляются историческими символами евразийского мира.

Казань и Казанский университет — колыбель евразийской науки и образования. В XIX–XX вв. здесь сформировались и развивались научные и образовательные школы и направления, получившие международное признание. В XIX — начале XX вв. Казань как место встречи и свидания двух миров — западного и восточного (А. Герцен) стала центром российского и мирового востоковедения. Знания и наука о Востоке являлись органической частью евразийских гуманитарных исследований в России.

В XVIII — начале XX вв. в России формировалась и развивалась система организации востоковедения, углублялись научные и мировоззренческие принципы научно-исследовательской работы востоковедов — ученых и практиков. Знания и наука о Востоке являлись органической частью отечественных гуманитарных исследований. В XIX веке востоковедное знание приобретает подлинно научный характер. Зарождение востоковедения в России было связано, прежде всего, с государственными интересами и общественными потребностями. В генезисе российского востоковедения — научного направления изучения азиатских государств и народов своеобразная научная революция произошла в конце XVIII — первой половине XIX в. В этом процессе важную роль сыграли университеты России. Во второй половине XIX — начале XX вв. активизировалось развитие филологической и исторической мысли в ориенталистике, новых методик и приемов исследования. Научное и общественное значение российского востоковедения, его уровень определялся накоплением объективных знаний о народах и странах Востока и интересом государства и общества к их осмыслению. В XIX — начале XX в. получает развитие научное классическое востоковедение, связанное с восточными языками, литературой и историческими памятниками, древней и средневековой историей и культурой народов зарубежного Востока, азиатских территорий и народов Российской империи. В основе российского востоковедения лежали разнообразные внешнеполитические, торгово-экономические и научно-культурные связи со странами Востока, масштабные

задачи социокультурного освоения Востока России, европейское ориентальное образование и наука и, в особенности, самобытные национальные научные школы и культуры восточных народов России.

В первой половине XIX в. «восточная словесность и древность» олицетворяли понятие востоковедения в России. В последней четверти XIX в. ведущими учеными-ориенталистами была сформулирована основная задача отечественного востоковедения — передавать студентам и обобщать «все знания относительно Востока, добываемые наукой, а не одни только языки его»¹.

В начале XX в. востоковедение в России представляло особую систему знаний об истории и культуре народов Востока. Стержнем сформировавшегося классического востоковедения в России в начале XX в. стали восточное языкознание и исследования памятников традиционной восточной письменности и материальной культуры. Знание и использование классических и живых восточных языков, письменных текстов или памятников материальной культуры народов Востока — ключевые черты российского университетского и академического востоковедения. В XIX–XX вв. академическое и университетское направления отечественного востоковедения характеризуются взаимодействием с государством и обществом, обновлением тематики и изменением пропорций научных дисциплин, появлением новых форм организации исследований и объединения ученых-востоковедов, международными научными и культурными контактами с Азией и Европой.

В истории востоковедения в России в XIX–XX вв. прослеживаются научные школы, имеющие определенное географическое положение — петербургская, московская, казанская школы и др. В этих востоковедческих центрах заметны традиции и новации в систематизации преподавания восточных предметов и организации знания о народах и территориях Азии. Востоковедение, как сформировавшееся специальное гуманитарное образование и наука, структурировалось с образованием восточных кафедр, с появлением соответствующих программ и учебных пособий. Природа востоковедческого знания и науки о Востоке в XIX — начале XX вв. характеризуется возрастающей специализацией отдельных филологических и исторических дисциплин и усилением процесса дифференциации. Заметно возрастание взаимозависимости различных отраслей и дисциплин востоковедения. В современной ориенталистике получили развитие специальные вспомогательные дисциплины — нумизматика, источниковедение, палеография, эпиграфика, археография, сфрагистика, геральдика и т. д. Востоковедческое образование и наука о Востоке приобрели системный, комплексный и интегрированный характер.

В XIX — начале XX вв. петербургский, московский, казанский и другие центры востоковедения оказали решающее влияние на развитие отечествен-

¹ Бартольд В. В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 176.

ной науки, культуры, литературы и искусства. Отечественная наука о Востоке существенно влияла на социокультурные процессы в обществе — ослабевал «варварский образ» Азии, утверждались научные знания об истории и культуре восточных народов, расширялись и углублялись представления об окружающих азиатских странах, усиливались историко-культурные связи народов России с Востоком. Она утверждала в российском обществе уважение к чужой культуре и самостоятельную ценность традиционных культур Востока. Принципы гуманизма, равноправия и равнозначности цивилизаций и культур выделяются в деятельности отечественных востоковедов. Стремление к познанию и признанию культур народов и цивилизаций Востока превращалось в осознанную потребность общества и государства. Образование и наука о Востоке стали важным элементом и продуктом культуры народов, проживающих в России. Особое геополитическое и географическое положение России между Европой и Азией, между Востоком и Западом способствовало развитию феномена научного и практического ориентализма. Синтез историко-географических, этнических зон, культур и религий играл в прошлом и настоящем востоковедения огромную роль.

Университетское востоковедение в Казани занимает особое место в истории отечественной и мировой ориенталистики XIX–XX вв. Преподавание восточных языков и научные востоковедные исследования в университете и в других образовательных и научных центрах представляются феноменом отечественной культуры и науки. Научная и педагогическая деятельность востоковедов значительно способствовали дальнейшему становлению и развитию востоковедения как гуманитарного образования и науки. Их труды до сих пор представляют собой ценнейшие источники научных исследований и истории российского востоковедения. Разряд восточной словесности университета в Казани положил начало систематическому и комплексному востоковедному образованию в России. Университетское востоковедное образование и наука о Востоке в России в XIX — начале XX вв. становится основой и формой развития науки о Востоке и в целом социально-политической и общекультурной деятельности во всех сферах общества и государства.

На протяжении XIX–XX вв. в казанском университетском востоковедении произошли организационные, научно-исследовательские и социокультурные изменения. Этот период, несмотря на переломные вехи истории востоковедения в Казанском университете характеризуется поступательностью и непрерывностью развития образования и науки.

Истоки официального преподавания восточных языков в Казани, в первую очередь, связаны с Первой Казанской гимназией. Преподавателями татарского языка на протяжении многих лет были известные педагоги-просветители Сагит Хальфин, Исхак Хальфин и Ибрагим Хальфин. Первая Казанская гимназия стала крупным светским учебным заведением России, где шло

преподавание ряда восточных языков. Она явилась учебно-педагогической базой становления и развития казанского университетского востоковедения в первой половине XIX века. Изучение восточных языков в этой гимназии тесно связано с формированием системы регулярного преподавания азиатских языков в общеобразовательных светских и духовных школах Российской империи. В 70–90-е гг. XVIII в. преподавание татарского языка в Первой Казанской гимназии не отличалось от других общеобразовательных учебных заведений России, где изучали восточные языки. На протяжении первой половины XIX века во многих российских гимназиях и училищах, за исключением Первой Казанской гимназии, положение с преподаванием восточных языков радикально не изменилось.

В истории преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии и его развитии выделяются следующие значимые периоды и рубежи — до 1836 г.; 40-е гг. XIX в. и 1854–1855 гг., когда Министерством народного просвещения были приняты официальные меры по закрытию восточного отделения Первой Казанской гимназии и разряда восточной словесности Казанского университета.

В 20-х гг. — первой половине 30-х гг. XIX в. в Первой Казанской гимназии формируется система преподавания азиатских языков — арабского, персидского, татарского, монгольского с целью подготовки переводчиков и учителей для государственных нужд империи. Именной указ императора от 2 января 1836 г. «с приложением положения и штата о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков» способствовал сохранению и развитию системы обучения восточным языкам. В 30–50-х гг. XIX в. был сформирован основной преподавательский состав по изучению воспитанниками гимназии восточных языков.

В 20-х гг. — первой половине 30-х гг. XIX в. в Первой Казанской гимназии идет формирование системы преподавания азиатских языков — в 1822 г. было впервые официально введено изучение арабского и персидского языков с преподавателем Ф. И. Эрдманом; в 1826 г. на должность преподавателя мусульманских языков был назначен Мирза Казем-Бек; в 1827 г. и 1833 г. И. Верниковский назначался преподавателем арабского языка; в 1828 г. А. Онисифоров стал преподавателем татарского языка; в 1833 г. К. Фойгт и А. Попов были утверждены преподавателями персидского и монгольского языков; в 1835 г. Мирза Казем-Бек стал преподавать турецко-татарский язык; в июне 1835 г. по докладу министра народного просвещения С. С. Уварова утвержден указ Николая I о введении преподавания в программу гимназии г. Казани арабского, персидского, татарского, монгольского языков с целью подготовки переводчиков для ведомств империи и т. д.¹ Эти официальные мероприятия расширили

¹ Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб, 1993. С. 347–348.

круг восточных языков и определили статус основного востоковедного среднего учебного заведения в России в первой половине XIX в.

В 30–50-е гг. XIX в. был сформирован основной преподавательский состав, который преподавал воспитанникам гимназии восточные языки: в апреле 1836 г. на должности преподавателей и практикантов восточных языков были утверждены — М. Казем-Бек (турецко-татарский язык), К. Фойгт (персидский язык), М. Первухин (арабский язык), А. Попов (монгольский язык), лама Г. Никитугев (практические занятия по монгольскому языку), Н. Сонин (практические занятия по персидскому языку), мулла М. Алиев (практические занятия по турецкому языку); в ноябре 1838 г. в программу гимназии был введен китайский язык и назначен преподавателем архимандрит Даниил; в 1842 г. Г. Гомбоев назначен преподавателем монгольского языка; в октябре 1842 г. введен армянский язык с преподавателем С. И. Назарьянцем; в январе-феврале 1843 г. М.-Г. Махмудов был назначен преподавателем восточной каллиграфии и до 1855 г. преподавал также турецко-татарский язык; в сентябре 1845 г. Абд. Казем-Бек определен сверхштатным лектором турецко-татарского языка; в 1848 г. на должности восточных языков были назначены — В. Михайлов (татарский язык), К. Попов (персидский язык), М. Навроцкий (арабский язык), Г. Гладышев (армянский язык); в декабре 1852 г. Ахмет бен Хусейн назначен надзирателем живого арабского языка; в 1853 г. прекратилось преподавание армянского языка, К. Голстунский стал исполнять должность учителя монгольского языка и утверждена «таблица распределения уроков по классам» с восточными языками — арабский, персидский, турецко-татарский, монгольский, китайский, маньчжурский и т. д.

В Первой Казанской гимназии преподавали восточные языки студенты и кандидаты университета — Ян (Иван) Верниковский (арабский язык), Сергей Рушко (китайский язык), Иван Ладухин (китайский язык), Иван Иванов (персидский язык) и др.

В ходе официальных мероприятий к середине XIX в. разряд восточной словесности Казанского университета стал очагом университетского востоковедения в России и Европе. В первой половине XIX в. формируется высшая востоковедческая школа в Казанском университете. Главной особенностью стало складывание системы отечественного университетского востоковедного образования и науки о Востоке в Казани и в целом важного ориентального центра России.

В 1835–1837 гг. основные курсы восточных языков: арабский, турецко-татарский, персидский и монгольский — были объединены в разряд восточной словесности философского факультета Казанского университета.

Формирование семи восточных кафедр, охватывающих крупнейшие ареалы Востока, явилось значительным научным и историко-культурным событием. История образования и деятельности востоковедных кафедр университета

имеет особое значение. Судьба восточных кафедр университета и их учебно-педагогическая и научная роль была неоднозначной. В первой половине XIX в. ведущую роль играли кафедры, специализирующиеся по мусульманскому Востоку и Центральной Азии.

Основной разряда восточной словесности Казанского университета в 1828–1854 гг. стали арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842), армянская (1842) и калмыцкая (1846) кафедры. В 40-х гг. XIX в. планировалось открытие трех новых восточных кафедр — индостанских, тибетского и еврейского языков.

В 1851–1854 гг. указы Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете и о создании в Петербурге Азиатского института» (ноябрь, 1851 г.) и «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете» (октябрь, 1854 г.) предопределили новую правительственную политику по созданию ведущего востоковедческого центра России во второй половине XIX — начале XX вв. в Петербурге.

В первой половине — середине XIX в. разряд восточной словесности Казанского университета становится учебным и научным центром изучения истории и культуры народов мусульманского Востока. Этот период связан с развитием научных дисциплин — тюркологии, иранистики, арабистики, исламоведения и т. д. Страны зарубежного мусульманского мира — Османская империя, Персия, Арабский Восток и регионы традиционного распространения ислама Российской империи (Поволжье и Приуралье, Кавказ и Средняя Азия, Крым) стали объектом исследования в трудах и статьях казанских университетских востоковедов — Х. Д. Френа, И. Хальфина, Ф. И. Эрдмана, А. К. Казем-Бека, С. И. Назарьянца, И. Н. Березина, В. Ф. Диттеля, И. Ф. Готвальда и др.

Исследование истории и культуры народов мусульманского мира было сконцентрировано по следующим основным направлениям — подготовке и изданию учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; комплектации фонда восточных рукописей и книг; сбору, изучению, и публикации письменных и материальных восточных памятников и источников; переводов восточных авторов; осуществлении научных путешествий на мусульманский Восток; оригинальных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических публикаций и т. д.

В первой половине — середине XIX века в казанском университетском востоковедении история и культура народов Центральной и Южной Азии стали объектом научного исследования. В Казанском университете формировались и развивались монголоведение, калмыковедение, китаеведение, маньчжуроведение и санскритология. Благодаря научным трудам востоковедов О. М. Ковалевского, А. В. Попова, архимандрита Даниила, И. П. Войцеховского, В. П. Васильева, П. Я. Петрова, Ф. Ф. Боллензена и других преподавание и изу-

чение языков, истории, этнографии и культурного наследия народов Монголии, Калмыкии, Бурятии, Китая и Индии получили в казанском востоковедении систематический и интенсивный характер. В их учебной и научной деятельности наиболее заметны изучение и преподавание языков, сбор материалов по географии и страноведению, знакомство и текстологическое исследование рукописей и сочинений, контакты с живыми носителями языков, путешествия в регионы и государства Центральной Азии, составление грамматик, словарей и хрестоматий.

С закрытием разряда восточной словесности в университете научно-исследовательская и педагогическая традиция в области региональных отраслей востоковедения была прервана. Намеченное комплексное и систематическое изучение традиционных обществ и государств мусульманского Востока, Центральной и Южной Азии в Казанском университете фактически прекратилось.

Востоковедение в Казани во второй половине XIX — первых двух десятилетиях XX вв. связаны с организацией и преподаванием восточных языков в Казанском университете, деятельностью востоковедных обществ — «Восточного общества» (1855 г.), «Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (1878–1929 гг.) и новыми востоковедческими учебными заведениями и ассоциациями на этапе становления советского востоковедения в 1917–20-е гг. XX в. На этом этапе характерно желание возродить востоковедческую работу. В эти годы исключительную роль в возрождении востоковедения в университете и в целом в казанском гуманитарном центре сыграли И. Ф. Готвальд, М. Г. Махмудов, И. Н. Холмогоров, Х. Фаизханов, Н. И. Ильминский, В. В. Радлов, Ш. Марджани, Н. В. Крушевский, И. А. Бодуэн де Куртенэ, М. П. Веске, Н. Ф. Катанов, Н. И. Андерсон, Н. И. Ашмарин, К. Насыри, Н. В. Никольский, Я. Г. Калима, Г. С. Губайдуллин, С. Е. Малов и многие другие. Многонациональный характер казанской ориенталистики — важная особенность научного и культурного центра России. С их именами связаны востоковедные исследования в Казани в конце XIX — первых десятилетиях XX в. и тесные научные контакты с российскими и зарубежными востоковедами.

В 60-х — начале 70-х гг. XIX в. преподавание арабского, персидского и турецко-татарского языков в университете вели И. Н. Холмогоров и Н. И. Ильминский. Практика преподавания восточных языков в университете только «для желающих» в 60-х гг. — первых десятилетиях XX в. не позволила полностью возродить уникальное комплексное историко-филологическое и источниковедческое наследие казанского университетского востоковедения. Преподаватель восточных языков профессор Н. Ф. Катанов в 90-х гг. XIX в. и до 1922 г. наиболее полно ощутил в своей педагогической деятельности отсутствие официального статуса востоковедения как предмета университетского преподавания и науки в Казани.

Историко-научным рубежом воссоздания востоковедческих кафедр Казанского университета — угро-финской и турецко-татарской филологии стала середина 80-х гг. XIX в. У истоков этого события стояли И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. И. Ильминский, В. В. Радлов и М. П. Веске. Возрождение традиций тюркологических исследований в университете будет связано с именем выпускника арабско-персидско-турецко-татарского разряда факультета восточных языков Петербургского университета Н. Ф. Катанова. Роль и значение его в возрождении Казанского университета и Казани как крупного российского и мирового востоковедческого центра неocenима.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в Казани кроме университета действовали высшие учебные заведения с преподаванием восточных языков, существовали объединения востоковедов, сохранялись и развивались основные направления преподавательской и исследовательской деятельности казанских ориенталистов. Казанские востоковеды собирали и изучали огромный лингвистический, исторический, археологический и этнографический материал, связанный с народами Востока. Научный фундамент востоковедческих исследований в Казани, сформировавшийся в первой половине XIX в. в университете получил преемственное развитие.

В 1917–1920-е годы происходит становление советского востоковедения в Казани. Новые внутренние и внешнеполитические задачи, поставленные Октябрем, потребовали создания новых и реорганизации системы существующих учебных заведений востоковедения в основных его центрах — Петрограде, Москве, Казани, Владивостоке. В 1920-е гг. в востоковедных центрах России и Советского Союза продолжали работать представители дореволюционных ориентальных школ. В то же время формировалась новая генерация отечественных востоковедов. Важными чертами этих лет становятся — преемственность востоковедных исследований, конфронтация научных и идейных позиций и концепций, изменение направлений изучения Востока и в целом размывание отечественного классического востоковедения.

Становление и развитие советского востоковедения в Казани тесно связано с учебной и научной деятельностью Северо-Восточного археологического и этнографического института (1917–1921), Восточной академии (1921–1922), Казанского университета, Научного общества татароведения (1923–1929) и Общества археологии, истории и этнографии и т. д. На их базе прослеживается тенденция возрождения востоковедного наследия. Деятельность этих учебных заведений и научных ассоциаций — важный показатель новых организационных форм российского востоковедения в 1920-е годы. Научное содружество ученых-гуманитариев из представителей народов России явилось продолжением уникальной традиции, заложенной в казанском университетском востоковедении с первой половины XIX в.

В советскую эпоху востоковедение в Казани было тесно связано с историческими, археологическими, филологическими и искусствоведческими и другими гуманитарными исследованиями. В 20–30-х гг. XX в. традиции казанского востоковедения продолжались в научной деятельности Г. Ибрагимова, Дж.Валиди, Г. Губайдуллина, Х. Атласова и др. Развитие различных отраслей татарского языкознания связано с научно-педагогической деятельностью Дж.Валиди, Г. Алпарова, В. А. Богородицкого, Г. Рахима, М. Курбангаиева, Р. Газизова, Г. Шарафа и др. В 1939 г. организуется Татарский институт языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова, в 1944 г. открывается отделение татарской филологии при Казанском университете, которые стали основными центрами востоковедения.

В 60–90-х гг. XX в. востоковедение в Казани характеризуется новым этапом развития. Развернулись исследования по проблемам истории и археологии, языка, литературы, фольклора, общественно-философской мысли и этнографии татарского народа, проблем взаимосвязи и взаимовлияния культур народов Поволжья и Приуралья. Проводится большая работа по выявлению археологических памятников и составлению археологической карты Татарстана, изучаются археологические памятники, начиная с каменного века до позднего средневековья. Особый интерес имеют многолетние исследования археологами Биляра, Булгар и других центров Волжской Булгарии. Организуются археографические и фольклорные экспедиции. Издается свод татарского фольклора. Составной частью этих исследований стали сбор произведений устного народного творчества, древних рукописей и книг на старотатарском, арабском, персидском, турецком и других восточных языках. Эти рукописи и книги, сосредоточенные в библиотеках Казанского университета и Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова представляют огромный научный интерес для языковедов, литературоведов, историков, фольклористов и философов.

Собрано и сдано на хранение более 13 тыс. рукописных памятников,

Продолжается изучение многообразного наследия выдающихся татарских ученых, литераторов, богословов, поэтов и политиков Кул Гали, Кутб, Мухаммедьяра, Сайф Сараи. Б. Ваисова. Кулшарифа, А. Курсави, А. Утыз-Имяни, Ш. Марджани, К. Насыри, Х. Фаизханова, Г. Баруди, Г. Гумери, З. Камали, М. Бигиева, Р. Фахретдинова, Ф. Карими Г. Исхаки, Ф. Туктарова, Г. Кулахметова, С. Рамеева, Х. Ямашева, М. Султан-Галиева и многих других.

Учеными и преподавателями университета и других казанских гуманитарных центров опубликованы многочисленные работы по истории казанского востоковедения, проблем современного развития стран Азии и Африки и исламоведения, международных отношений эллинистических государств Востока, по источниковедению тюркоязычных письменных памятников, татарскому языкознанию и литературе и т. д.

Современный этап казанского востоковедения характеризуется возрождением преподавания восточных языков в общеобразовательных учебных заведениях и вузах; образованием факультета татарской филологии, истории и восточных языков; воссозданием Института востоковедения (2000 г.) и образованием Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ (2013), активизацией деятельности традиционных мусульманских высших учебных заведений в Казани, расширением научных и культурных (духовных) контактов со странами зарубежного Востока, переориентацией исследований в изучении истории и современности стран Востока, углублением востоковедной подготовки молодых специалистов и в целом обогащением традиций классического отечественного востоковедения.

С рубежа нового века осуществляются комплексные научно-организационные, институциональные, методические и образовательные мероприятия по интенсивному возрождению классического и современного университетского востоковедения в Татарстане.

Валеев Рафаэль М. (КГИК, Казань), Валеев Рамиль М. (ИМОИВ, ИТЭР, Казань), Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Вклад немецких ученых-ориенталистов в отечественные арабо-мусульманские исследования: Санкт-Петербург — Казань (XVIII–XIX вв.)¹

В начале XVII в. официальные мероприятия эпохи Петра I — активизация восточной политики, правительственные указы о преподавании восточных языков и приглашении европейских специалистов и ученых, основания Кунсткамеры (1714) и Академии наук (1725), уникальные академические путешествия в Поволжье, Сибирь и Кавказ (30–70-е гг. XVIII в.) и в целом эпоха евразийской России (соприкосновение границ со странами «Русского Востока» и зарубежного Востока, российско-азиатские военно-политические, дипломатические и культурные отношения) стали внутренними и внешними факторами формирования особой отрасли знаний по изучению Востока в России.

В XIX — начале XX вв. выделяются наиболее переломные этапы и рубежи социального и институционального развития ориенталистики и ориентализма в России и вклада отечественных и европейских (немецких, французских и др.) ученых и преподавателей.

Особое место в истории российского и европейского востоковедения, в истории и культуре народов России занимают ключевые центры востоковедения

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 17–11–16002.

ния — Казанский университет, Санкт-Петербургский университет и Азиатский музей. Они сформировали и развили исследовательские и гуманистические традиции исследования арабо-мусульманского Востока.

В первой половине XIX в. Казань и столица империи Санкт-Петербург продемонстрировали модель формирования университетского востоковедения, где проявились общеевропейские и национальные тенденции и формы ориенталистики и ориентализма. Основным итогом учебно-педагогических, исследовательских и культурных трансформаций стало образование на базе восточных кафедр разряда восточной словесности Казанского университета, педагогического института (1819) крупного центра востоковедения России и Европы — восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1854/55). Важную роль в этом движении сыграли, в первую очередь, достижения и проявившиеся проблемы в деятельности разряда восточной словесности Казанского университета в 1807–1854 г. и других закрытых перспективных университетских центров Российской империи (Институт восточных языков Ришельевского лицея в Одессе (1818–1854), Виленский университет (1803–1832). Кризис российской позитивистской университетской модели востоковедения первой половины XIX в. (разряд восточной словесности) был преодолен развитием имперской (централизованной) и в то же время либеральной институциональной модели развития комплексной системы образования и науки о Востоке.

В первой половине XIX в. отсутствие национальных ученых-востоковедов стало поводом приглашения в 1807 г. в Казанский университет Х. Д. Френа (1782–1851) и в 1818 г. учеников французского ориенталиста Сильвестра де Саси (1758–1838) — Жан Франсуа (Иван Францевич) Деманж (1789–1839) и Франсуа Бернар (Франц Францевич) Шармуа (1793–1868). Данный принцип ориентации на европейскую модель ориенталистики был усилен известной и преемственной традицией активного участия различных представителей восточных народов в университетах России XIX — начала XX вв. В 1819 г. третьим преподавателем арабо-мусульманских языков стал Мирза Джафар Топчибашев (1790–1869). На протяжении XIX в. в Казанском и Санкт-Петербургском университетах особенно выделяется другая европейская этнокультурная линия выпускников Виленского университета — О. М. Ковалевский (Казанский университет), О. И. Сенковский, А. О. Мухлинский, И. Б. Петрашевский (Петербургский университет).

В докладе будут представлены материалы и выводы, посвященные сравнительной оценке вклада немецких ученых, в т. ч. Г. З. (Готлиб Зигфрид Теофил) Байера (1694–1738), Г. Я. (Георг Якоб) Кера (1692–1740), Г. Ю. (Генрих Юлий) Клапрота (1783–1835), Х. Д. (Христиан Мартин) Френа (1782–1851), Ф. И. (Фридрих Франц) Эрдмана (1793–1863), И. Ф. Готвальда (1813–1897), В. В. (Фридрих Вильгельм) Радлова (1837–1918).

Основное внимание уделяется направлениям поиска и систематизации опубликованных и архивных материалов, связанных с ролью немецких ученых

в формировании арабо-мусульманских штудий в основных центрах академической и университетской ориенталистики в Санкт-Петербурге и Казани в XVIII–XIX вв. Данное направление исследований позволит реализовать научные и научно-организационные мероприятия для дальнейшего изучения традиций российских и немецких исследований арабо-мусульманского мира в XIX–XX вв. и в целом развития российско-германских научных и культурных связей.

Васильева Н. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Абдурахман Тагирович Тагирджанов —
110 лет со дня рождения (07.02.1907–18.12.1983)**

В этом году исполнилось сто десять лет со дня рождения Абдурахмана Тагировича Тагирджанова, профессора Восточного факультета ЛГУ, ученого-ираниста, проработавшего на кафедре иранской филологии тридцать семь лет, вплоть до своей внезапной кончины в конце 1983 г.

В детстве А. Т. учился в медресе, затем у частного учителя, где научился читать Коран на арабском языке. В библиотеке учителя Абдурахман прочитал много книг на татарском языке о греческих и мусульманских философах, книги по истории, журналы, подшивки газет. Особое его внимание привлекли критические статьи и книги философа-богослова и публициста Мусы Бигеева, у которого в 1927 г. в Ленинграде он частным образом изучал теорию арабской поэзии и читал с ним образцы древнеарабской поэзии. Занимаясь самообразованием, он изучал разговорный арабский язык, морфологию и синтаксис татарского языка, вопрос об арабских элементах в тюркских языках, книги по истории татарского народа, истории ислама, истории халифата и арабских стран, по истории России и многое другое.

В ЛГУ А. Т. поступил в 1937 г. в возрасте тридцати лет, уже выучив несколько тюркских языков и имея опыт их преподавания. В студенческие годы он проявил интерес и способности к науке. Его дипломную работу «Поэма «Хосров и Ширин» Низами и ее перевод, сделанный Кутбом» его научный руководитель А. А. Фрейман рекомендовал к печати.

В 1941–1942 гг. А. Т. по распределению работал в Москве и Казани в Высшей школе Красной Армии преподавателем персидского языка. Во время ВОВ, в январе 1943 г., по рекомендации Е. Э. Бертельса А. Т. Тагирджанов поступил в аспирантуру ИВ АН СССР, находящемся тогда в эвакуации в Ташкенте. В 1946 г. он с успехом защитил кандидатскую диссертацию «‘Хосров и Ширин’ Кутба».

Работая на кафедре иранской филологии в ЛГУ, он одновременно занимался разбором таджикских, персидских и турецких рукописей рукописного фонда библиотеки ВФ, считая составление каталога рукописей одной из важнейших задач. Его труд «Описание таджикских и персидских рукописей» (1962) получил широкую известность в науке. Большая эрудиция и глубокие

знания позволяли А. Т. на исключительно широкой источниковедческой базе плодотворно заниматься исследовательской деятельностью.

Знание Корана делало его уникальным специалистом в своей области. Его публикации отличаются тонкостью текстологического анализа и обширностью исследуемого материала.

А. Т. углубленно изучал источники, содержащие сведения о жизни и творчестве Рудаки. Книгу «Рудаки. Жизнь и творчество. История изучения» (1969) он защитил как докторскую диссертацию. Это исследование является крупным вкладом в востоковедение. И. С. Брагинский считал критические замечания Тагирджанова в адрес таких авторитетов как С. Нафиси и С. Айни глубоко принципиальными и убедительно аргументированными. Большинство выводов Тагирджанова вошли в мировую науку благодаря книге Я. Рипки по истории персидской литературы, вышедшей на английском языке. Д. И. Кобидзе отмечал, что в своей монографии Тагирджанов представил много новых мыслей и наблюдений о творчестве Рудаки, дал глубокий анализ ряда стихотворений и бейтов поэта, предложил новое понимание и толкование отдельных слов.

В 1976–1980 гг. А. Т. продолжал работу над описанием персидско-таджикских рукописей. Он собрал большое количество библиографических и биобиблиографических сведений о поэтах XIII–XIX вв. и их произведениях; выполнил полное научное описание списков поэм Атгара Нишапури и других поэтов с псевдонимом Атгар, списков поэм Саади Ширази, поэтов Фагани Махмуда, Шараф ад-Дина Бухари, Маулана Адаби, Низами Ганджеви. Эта работа, к сожалению, осталась не опубликованной.

А. Т. Тагирджанов является автором более девяноста научных исследований. Их них опубликовано чуть больше половины, в том числе них пять книг; некоторые труды опубликованы на персидском, таджикском, татарском и азербайджанском языках в переводах автора. Труды А. Т. Тагирджанова по истории арабской, персидской, таджикской литературы и литературе тюркоязычных народов раскрывают ранее неизвестные материалы источников и вводят их в научный оборот.

Василюк О. Д. (ИВ НАНУ, Киев), Валеев Р. М. (ИМОИВ КФУ, ИТЭР, Казань)

Неизвестные письма петербургских востоковедов Агафангелу Крымскому в фондах Института рукописи НБУВ¹

Наследие Агафангела Ефимовича Крымского (1871–1942) многогранно и разнопланово. Его труды по арабистике, иранистике, тюркологии,

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 17–01–00038.

исламоведению составили значительный вклад в развитие российского и становление украинского востоковедения рубежа XIX–XX веков. При этом его научные достижения в украиноведении, поэтические и прозаические произведения представляют его как выдающегося деятеля мировой гуманитаристики. Имя академика Крымского неразрывно связано и с созданием Украинской академии наук. В основанных ним при академии востоковедческих организациях Агафангел Крымский продолжал и развивал свои исследования, начатые в Лазаревском институте восточных языков. При этом он всегда поддерживал тесную связь с коллегами из Петербурга.

В архивном собрании А. Е. Крымского значительное место занимает эпистолярный. Агафангел Ефимович всегда внимательно относился к своей переписке. Многие годы бережно хранил всю получаемую корреспонденцию, забрав ее с собой при переезде из Москвы в Киев.

В фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского находится значительный массив эпистолярного наследия А. Е. Крымского, в том числе письма петербургских востоковедов к нему. Это 9 писем В. В. Бартольда, 3 письма В. Р. Розена, 4 письма П. К. Коковцова, 1 — Н. А. Медникова и 3 — С. Ф. Ольденбурга.

Письма Василия Владимировича Бартольда (1869–1930) охватывают значительный временной период. Первое датировано 1908 годом, последнее — 1928. Письма написаны достаточно разборчивым почерком, черными, синими и одно зелеными чернилами. В письмах коллеги обсуждают не только вопросы науки, но и общественные. Так в 1922 г. с В. В. Бартольдом у них была острая дискуссия по вопросу украинского движения. Эта заочная полемика ярко характеризует авторов и их взгляды на происходящие события, не утратившие актуальности и в наши дни. В то же время они находили взаимопонимание, обсуждая вопросы востоковедения.

Корреспонденция Павла Константиновича Коковцова (1861–1942) написана четким, разборчивым почерком. Письма и 1901 и 1909 гг. посвящены переводу работы Теодора Нёльдеке. Работая над подготовкой этого издания, Крымский консультировался с Коковцовым по многим вопросам, считая его непревзойденным авторитетом, например в арамейском языке. В первом, обширном письме Коковцов дает подробный разбор многих неясных Крымскому моментов, консультирует его, восполняя лакуны и исправляя неточности. Этот перевод вышел в 1903 г. под названием «Семитские языки и народы. Т. Нельдеке в обработке А. Крымского (с участием П. К. Коковцова). [Ч. 1]». Во втором же письме он отказывается от совместной работы, ссылаясь на занятость. При этом подробно описывает над чем сейчас работает.

Письма Виктора Романовича Розена (1849–1908) относятся к 1903, 1904 и 1907 годам. Они написаны трудно читаемым почерком черными чернилами. В тексте писем представлены арабоязычные, немецкие, французские вставки.

Обсуждаются различные рабочие вопросы, как то нюансы публикаций в изданиях «Трудов» по востоковедению, или поиск нового лектора арабского языка (Розен сообщает, что уже наняли Антония Хашабу). В то же время Розен волнуется в 1903 году по поводу диссертации А. Е. Крымского, надеется на ее скорейшее завершение, хвалит его учеников.

Единственного сохранившееся письмо Николая Александровича Медникова (1855–1918) относится к 1910 г. — непросто в биографии А. Е. Крымского, когда ему даже в суде пришлось отстаивать свои честь и достоинство. Несмотря на то, что Крымского с Константином Фрейтагом связывала не только преподавательская работа, но и давние отношения учитель–ученик, он не смог пройти мимо плагиаторства последнего. Медников поддержал Агафангела Ефимовича, подтвердив «экспроприаторство» Фрейтага своим письмом.

Доступные нам письма Сергея Федоровича Ольденбурга (1863–1934) — это напечатанная на машинке официальная переписка 1920-х гг., когда они оба трудились непремными секретарями: Сергей Федорович Российской, а Агафангел Ефимович — Украинской академий наук.

Письма А. Е. Крымского и к нему — это не только биографический источник, свидетельство основных этапов жизненного пути, но и отражение того напряженного труда — научного и общественного, которые сопровождали ученого по жизни. В них открываются мысли и чувства необыкновенного человека и в значительной степени находит свое отражение тогдашняя эпоха в целом. Поэтому публикация его обширного сохранившегося эпистолярия в Украине, начиная с середины прошлого века, является важным элементом изучения наследия выдающегося ученого. При этом в предыдущих изданиях больший упор делался на его переписку с украинскими общественными деятелями и писателями, оставляя как бы в стороне широчайший пласт писем от известных востоковедов. Восполнение этой лакуны является важной задачей для современных исследователей.

Гущян Л. С. (РЭМ, Санкт-Петербург)

К истории формирования кавказских коллекций Этнографического отдела Русского музея императора Александра III

Состав ранних кавказских коллекций Этнографического отдела (ЭО) Русского музея императора Александра III, собранных в первые десятилетия XX в., способ формирования фондов Кавказа, круг фондообразователей, участвовавших в их комплектовании, позволяют выявить тенденции, происходившие как внутри музейной исследовательской группы, так и в сообществе вокруг нее. Задачи, поставленные перед созданным в 1902 г. ЭО, предусматривали диахронное и кросскультурное исследование традиций и быта народов, проживающих

на весьма обширных территориях Российской империи и сопредельных ей территорий. Широта исследовательских и экспозиционных задач потребовала привлечения различных источников для сбора необходимых вещевых и фотоколлекций, в частности, для пополнения кавказских фондов музея. Приобретались личные собрания, предложенные музеем частными лицами, велась экспедиционная работа штатных сотрудников отдела, кроме того был образован институт внештатных сотрудников-корреспондентов, участвовавших в формировании его коллекций.

В музейной документации в числе коллекционеров и корреспондентов музея приведен ряд армянских фамилий собирателей, коллекции которых включают как вещевые и фотоматериалы, относящиеся к армянской культуре, так и экспонаты, характеризующие быт и традиции «закавказских татар, фарсов, гебров, курдов, иезидов». Среди фондообразователей первых десятилетий существования ЭО представлены чиновник МИД князь Никодим Аматауни, учитель тифлисской гимназии И. Д. Мелик-Шахназаров, а также студенты и выпускники Санкт-Петербургского университета Иосиф Орбели, Смбат Тер-Аветисян, Ашхарбек Лорис-Калантар — ученики и сотрудники Н. Я. Марра.

Широко проявляемая в армянском сообществе заинтересованность в изучении собственного прошлого, как и формировавшийся в этот период интерес к «экзотическим восточным культурам», стимулировали выдвижение из этой среды молодых людей, стремившихся получить гуманитарное востоковедческое образование. В свою очередь, квалификационные ресурсы, приобретенные благодаря среднему армянскому и высшему петербургскому образованию, позволяли молодым востоковедам, еще будучи студентами университета, находить применение своим знаниям в ряде сфер современной им науки, не ограничиваясь археологическим и филологическим изысканиям, широко известным в обществе благодаря деятельности Н. Я. Марра.

Расширению исследовательских интересов И. Орбели, С. Тер-Аветисяна, А. Лорис-Калантара способствовала также востребованность их компетенций в ряде столичных музейных и научных учреждениях. В 1903–1913 гг. ими был совершен ряд экспедиционных поездок, во время которых, по заданию ЭО были собраны орудия труда, утварь, элементы костюмов и др. этнографические памятники, относящиеся к культуре народов, населявших Кавказ и примыкающие к нему территории.

Таким образом, в начале XX в. в Санкт-Петербурге (Петрограде) работают многоплановые исследователи-востоковеды, деятельность которых включает также этнографические изыскания. Особенностью петербургской этнографии, в свою очередь, являлась ее направленность в сторону изучения традиционной культуры не только в описательном плане «народной жизни», но и в собирании и изучении памятников материальной культуры населения региона, что давало возможность исследователям становится многопрофильными экспертами реги-

она. Итак, к первому десятилетию XX в. в петербургской армянской научной среде сложилось сообщество, заинтересованное в широком изучении региона Кавказа. Это сообщество поддерживалось имперскими институциями и официальными лицами, которые не были безразличны к научным компетенциям и к владению историческими знаниями как значимым государственным ресурсам.

Пылев А. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Реформатор якутской письменности С. А. Новгородов в Петербурге-Петрограде-Ленинграде

Семен Андреевич Новгородов (1892–1924) родился 13 февраля 1892 г. во 2-м Хатылинском наслеге Ботурусского улуса (ныне Болтогинский наслег Чурапчинского улуса, Якутия). Во время обучения в частной школе, а затем в реальном училище Новгородов много читал; начал собирать якутский фольклор; принял участие в создании первого литературного и политического журнала на якутском языке *Саха саната* (1912—1913 гг.), в котором публиковал свои работы.

После того, как Новгородов окончил реальное училище, он преподавал в Еловской начальной школе и Вилнойском городском четырехклассном училище. В 1913 г. поступил на арабско-персидско-турецкий разряд Факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета. В декабре 1913 г. принял участие во Всероссийском съезде народных учителей, выступив с докладом об обучении детей из национальных меньшинств на родных языках и необходимости учебников на якутском языке.

Годом позже С. А. Новгородов переходит на монголо-манчжуро-турецкий разряд Восточного факультета. В годы обучения он слушал лекции и участвовал в семинарах таких известных профессоров, историков и филологов, как В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, В. Д. Смирнов. Турецкий, татарский, чагатайский и монгольский языки С. А. Новгородов изучал под руководством известных впоследствии востоковедов-филологов, доцентов А. Н. Самойловича, В. Л. Котвича и профессора Б. Я. Владимирцова. В 1914 г. по заданию Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии С. А. Новгородов собирает фольклорные сказания в Таттинском улусе Якутии. Летние каникулы 1915 г. проводит в Уфимской губернии, где практикуется в татарском языке и собирает фольклор волжских татар.

С. А. Новгородов считается создателем якутской письменности. Однако это не совсем верно. Еще до создания нового алфавита С. А. Новгородовым существовали два варианта письменности, применяемых на практике:

В 1851 г. академик О. Н. Бётлингк в своей грамматике «Über die Sprache der Jakuten» использовал собственный алфавит, который оказался весьма удачным и активно использовался якутской интеллигенцией до начала 1920-х гг.

В церковных изданиях параллельно использовался другой алфавит, составленный в 1858 г. Д. В. Хитровым, который ориентировался на кириллические знаки.

С. А. Новгородов, находясь в Петрограде, изучает различные системы письменности для создания новой якутской. После долгих поисков его привлек Международный фонетический алфавит. Для введения новой системы письма у С. А. Новгородова были следующие аргументы:

1. Якутская кириллица использовалась всего лишь 50 лет, а так как большая часть якутов была неграмотна, ее легко можно было бы заменить на какую-либо иную. Кроме того, кириллица не была унифицирована; параллельно использовались два ее варианта: бетлинговский (академический) и хитровский (миссионерский).

2. Главной проблемой якутской кириллицы было большое количество знаков с умляутами, а также специальных знаков для обозначения долготы и краткости звуков. С. А. Новгородов считал, что они замедляют скорость письма, а также приводят к многочисленным ошибкам — при наборе, написании и произношении.

С. А. Новгородов, родившись в отдаленном уголке, далеко от центральных городов Российской империи, обладал поистине неординарными способностями. Учась в СПбГУ, ему удавалось быть в курсе тех новых явлений, которые возникали на передовом крае лингвистической науки. Приступая к разработке новой письменности для якутского языка, он воспользовался результатами работы Международной фонетической ассоциации и той системой знаков, которую она применяла для записи транскрипции, называемой Международным фонетическим алфавитом. В конце 1923 г. на варианте алфавита Новгородова стала выходить республиканская газета «Кыым». До 1930 г., когда Якутия перешла на «Яналиф», на новгородовском алфавите было издано более 200 книг, включая 30 учебников. Новый алфавит стал большим толчком в развитии якутской культуры.

Сутягина Н. А., Кукина Д. А. (ГЭ, Санкт-Петербург)

Коллекция находок из курганов Ноин-Улы (северная Монголия) на выставке в Берлине в 1929 году¹

Раскопки богатых захоронений хунну в горах Ноин-Ула, проведенные второй Монголо-Тибетской экспедицией под руководством П. К. Козлова в 1924–1925 годах, сразу же привлекли внимание отечественных и зарубежных археологов и востоковедов. Итоги работы нашли отражение в небольшом

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 15–31–10162а(ц).

выпуске кратких отчетов о работе экспедиции и научно-популярных статьях П. К. Козлова (Краткие отчеты..., 1925; Козлов, 1926)¹. Представление о найденных вещах могли дать только некоторые опубликованные фотографии наиболее красивых предметов.

Интерес к сделанному экспедицией открытию побудил немецких специалистов из Общества Восточно-Азиатского искусства обратиться к правительству СССР с запросом о возможном участии находок из Ноин-Улы в выставке китайского искусства. Проведение этой выставки было запланировано на январь–апрель 1929 года в здании Прусской Академии Художеств в Берлине. После согласования организационных вопросов между Государственной Академией Истории Материальной Культуры (ГАИМК) и Монгольской Комиссией Академии Наук СССР последовал положительный ответ на запрос из Германии. К открытию выставки в Берлин прибыл Г. И. Боровка, участник раскопок в Монголии. В официальном докладе и в прессе он представил результаты развития востоковедения в СССР (Архив ИИМК, ф. 2, Д. 86, Yetts, 1929)².

Для участия в выставке было выбрано 100 наиболее интересных и хорошо сохранившихся находок. Шерстяные и шелковые ткани занимали основное место (более 70 предметов). На экспозиции демонстрировались предметы одежды (шаровары), детали обуви, шерстяные вышивки с изображением всадников и отдельные фрагменты вышивки с изображением мужских лиц. Разнообразие китайских шелков, найденных в захоронениях кочевников, нашло отражение в широком спектре представленных полихромных тканей, вышивок, газа.

На выставке в Берлине экспонировалась знаменитая шелковая ткань с изображением гор, птиц, дерева и грибов (MP-1330). В литературе существует устойчивое представление о том, что она происходит из знаменитого «Верхнего» кургана (№ 6) (Руденко, 1962, Меньшикова, 2011, Елихина, 2011)³. Однако учетная документация коллекции и подпись на фотографии предмета, сделанной в Берлине, свидетельствуют о том, что эта ткань происходит из

¹ Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Ленинград: АН СССР. 1925. 58 с.; Козлов П. К. Ноин-Ульские курганы // Вестник Маньчжурии (Manchuria Monitor). 1926. № 1–2. С. 51–56.

² Архив ИИМК РАН. Об отправке предметов из коллекции Монголо-Тибетской экспедиции П. Козлова на выставку в Берлин. Переписка. 1928/9 г. Ф. 2. Д. 86. 1928–1929 год. 37 л.; Yetts W. P. Chinese art in Berlin // The Burlington Magazine for Connoisseurs 1929. Vol. 54. № 312. P. 128–139.

³ Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: АН СССР. 1962. 206 с.; Меньшикова М. Л. Полихромная ткань из Ноин-Улы с композицией со скалами, деревом, грибами и птицами. Возможная интерпретация // Сообщения Государственного Эрмитажа. 2011. С. 30–35. Елихина Ю. И. Бактрийские ткани из коллекции Государственного Эрмитажа // Древние культуры Евразии. СПб: Инфо-ол. 2010. С. 153–156.

другого захоронения. Ее обнаружили в ходе раскопок кургана № 24, которыми руководил С. А. Теплоухов (Архив ИИМК РАН, ф. 2, д. 86.; фотоархив ИИМК РАН, ф. 46, кол. 226)¹.

Для показа на выставке китайского искусства были отправлены лаковые чашечки из курганов № 6 и № 23, деревянные украшения с лаковым покрытием. Ранее профессор Отто Кюммель прочитал и впервые предложил перевод иероглифической надписи на донце чашечки, найденной в кургане № 6, что позволило датировать его 2 годом до н. э. (Yetts, 1929, p. 128)². Ощущение богатства и роскоши раскопанных погребений передавали представленные здесь детали китайских колесниц (спицы зонта, покрытые темным китайским лаком, бронзовые навершия разных типов), предметы изобразительного искусства из нефрита и янтаря, серебряные украшения и бронзовые детали конской упряжи, фрагмент бронзового китайского зеркала, косы в шелковых футлярах, деревянные скульптурные изображения, фрагменты знаменитого войлочного ковра.

Выставка китайского искусства в Берлине прошла с огромным успехом. К этому событию организаторы выпустили небольшой каталог «Ausstellung Chinesischer Kunst» (1929)³. Всеобщее внимание привлекли результаты раскопок в северной Монголии. Впервые эти находки стали доступны исследователям из разных стран для изучения. Благодаря документам, сохранившимся в архиве ИИМК РАН, в настоящее время появилась возможность не только изучить процесс организации этой выставки, но восстановить состав археологических комплексов раскопанных курганов.

¹ Архив ИИМК РАН. Там же; Фотоархив ИИМК РАН. Боровка В. Г. Выставка китайского искусства в Берлине. Ф.46, д. 226.

² Yetts W. P. Ibid.

³ Ausstellung chinesischer Kunst. Veranstaltet von der Gesellschaft für Ostasiatische Kunst und der Preußischen Akademie der Künste. Berlin. 1929.

СЕКЦИЯ IX.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСЛАМА В РОССИИ
HISTORIOGRAPHY OF ISLAM IN RUSSIA

Bustanov Alfrid (EUSPb, St Petersburg; UvA, Amsterdam)

Muslim Letter-Writing in Late Imperial Russia

This paper scrutinizes horizontal communication of Russia's Muslims by means of private correspondence. This is an almost untouched terrain of history spoken by the actors of Muslim communities. I am interested in what we can discern from the many lapidary accounts that came down to us in letters of various forms. Who was supposed to write and read letters? What the Muslims of Russia were writing about to their close friends and relatives? What did they deem crucial in their everyday life and the world that they saw around them? How was a good Muslim letter to be written and how should it look like? Most importantly, what is absent from the private correspondence? Is there something that Russia's Muslims wanted to hide or simply did not care about?

It was to answer these questions that I embarked upon a journey through several hundreds of private letters dating from the 19th and early 20th centuries, which miraculously survived in two academic archives in St Petersburg and Kazan⁷. Both collections, numbering almost a thousand files from particular outstanding families, reveal stable communication of people from Kazan and the surrounding villages. These precious sources entered the archives in the aftermath of anti-religious repressions and the destruction of many private archives of Muslim scholars across the former Russian Empire in the 1930s. It is important to note that the preliminary description of these files had been conducted by the bearers of the prerevolutionary Muslim literary tradition, namely the journalist Muhammad-Karim Sagidov and the philologist Zainap Maksudova, who either knew those who figured in correspondence in person or were acquainted with them from manuscripts that the latter wrote or possessed.

This journey into the world of private correspondence has also an ambition in the field of social history: I intend to explore the cluster of learned people who often escape

scholarly attention — they did not join the ranks of the first class *'ulamā'* circles and stayed aloof from biographical dictionaries. But this is not to say that individuals in question did not enjoy the respect of their coreligionists, but to draw attention to the middle class Muslim intellectuals, their interests and ideas about their life in late Imperial Russia.

My first observation deals with the Muftiate in Ufa, established by the Tsarist government in 1788. The many letters that I have read so far keep silence about the Muftiate. It seems that in the second half of the 19th century affairs in the Muftiate were of little interest to most of the people who exchanged letters. Hence, this disinterest in the state-formed institution of governance testifies to the fact that one needs to de-emphasize the institutional history of Islam in Russia that reduces the whole variety of social activities to the state and Muslim relations. Another observation is linked with it: right up to the fall of the Russian Empire Muslims did not trust the state postal system and rather preferred to use the established network of personal contacts that guaranteed the exchange of goods and news. Such hesitation, in my opinion, tells us something about the degree of isolation that still characterized Islamic affairs in the early 20th century despite all the processes of integration.

Generally speaking, Muslim letter writing appears to be a quite conservative endeavor in terms of language use as well as the formal structuring of the text. Many letters, especially those composed by the young madrasa students, had been simply composed on the basis of given examples. In any case, the production of letters became a stable tradition with its formal rules and prescriptions, rarely avoided or violated. One of them was the role of the Qur'an and the Sunna: citations of the holy texts were seen as a normative practice that did not require much comment or translation and was regarded as part of the pious ethics and respect towards the esteemed reader.

This is not an exhaustive list of observations that I made during my journey through the manuscript letters at the Institute of Oriental Manuscripts in St Petersburg and the Institute of Language, Literature and Art in Kazan. All in all, I suggest that historians of Islam in Russia have to treat letter writing seriously and look at the ways how social relations were being represented in those short (or otherwise extensive!) narratives. In other words, the ocean of Islamic literature in Russia is ready to open its new dimensions, inviting its explorers deeper into the past of Islamicate societies of the Russian Empire and even the Soviet Union, since the letter writing tradition survived at least until the 1980s.

Гараев Д. М. (Амстердамский университет, Амстердам)

Вопросы изучения джихадистской проблематики: международный и российский контекст

Проблема джихадизма в международной науке имеет довольно большую традицию изучения. Эту тему рассматривают и как глобальное явление, и в ее

региональном срезе. Данная проблематика привлекает внимание представителей разных дисциплин: политологов, филологов, социологов, специалистов по безопасности, и, разумеется, исламоведов. Стало практически общим местом изучать джихадизм как, безусловно, глобальное явление, называя его, например, салафитским или фундаменталистским, который лишь имеет некоторые региональные особенности.

На примере Северного Кавказа аналогичным образом принято изучать и идеологию постсоветского джихадизма, описывая его как часть глобальной исламистской или джихадистской идеологии. В своем докладе я предлагаю рассмотреть корни джихадистской идеологии на Северном Кавказе в контексте тех идейных трендов, которые были характерны для постсоветского интеллектуального поля.

Красовицкая Т. Ю. (ИРИ РАН; РГГУ, Москва)

Новые документы по дискуссии православных миссионеров с исламскими модернистами в 1880–1890 годы

В отличие от индифферентности мусульман, отношение христиан к исламу всегда было эмоциональным и духовно непримиримым. Ислам нарушал стройность представлений о божественном плане истории, был своеобразным религиозно-историческим вызовом. Рос интерес мусульманских элит к русской культуре, к современным естественнонаучным знаниям. В этом ракурсе модернность выглядела многообещающе, предоставляя возможность переопределять себя как участников современной жизни. В 1872 г. профессор противомусульманского отделения Казанской духовной академии Е. А. Малов предложил обосновать приоритетность христианской религии. Готовилось наступление на ислам, создавались механизмы и каналы влияния. С 1873 г. в Казани начал выходить Миссионерский противомусульманский сборник. Организуя дискуссию, православные миссионеры рассчитывали на участие в ней исламской стороны. Выделена «целевая аудитория»: «мухаммеданские муллы и... более или менее ученые и образованные мухаммедане».

Сами миссионеры считали пореформенный период «золотым веком» миссионерства в поликонфессиональных регионах империи. I выпуск Миссионерского сборника открылся работой программного характера Е. Виноградова «Метод миссионерской полемики против татар-мухамеддан». Была заявлена идейная атака на ислам.

Это была и попытка оценить социокультурные ресурсы исламского социума и способности мусульман реализовать их в современных вызовах. Выделены наиболее важные темы. Утверждалось, что 1) ислам — не мировая религия, тем самым критиковалась возможность ее реализовывать на должном уровне

свои социальные функции. Этот тезис подкреплял другие: 2) образ Мухаммеда далек от христианского идеала, 3) современный мусульманин копирует образ Мухаммеда, 4) он враждебен русской государственности.

Очевидно внимание миссионеров к западному исламоведению. Привлеченная литература была разнообразной, но использование ее было выборочным. Главенствующий тезис о том, что ислам — не мировая религия, а религия заимствованная, был политический. А. Заборовский стремился доказать «до какой возмутительной нелепости изуродовал Мухаммед христианскую истину».

Статья А. Светлакова «История иудейства в Аравии и влияние его на учение Корана» начиналась следующим образом: «Везде и всегда последователи Мухаммеда отличались духом фанатизма и нетерпимости к исповедникам других религий». Обличая ислам, Светлаков указывает на его иудейские корни: «Мы думаем, что в этом... проявилось влияние иудеев». Коран, резюмирует Светлаков, «не более как бестолковый сборник учений, более всего иудейских».

Если Светлаков все «пороки» ислама вывел из иудаизма, то Агрономов полагал, что «против [ислама] ... восстанут святые образы еврейских пророков... Мухаммед, напротив, самозванно присвоил себе звание пророка ... для гнусной цели всеобщего истребления человечества». Агрономов считал, что «какие бы несовершенства и недостатки ни заключал в себе ислам, его нельзя признать лишенным жизненности», и поэтому он «всемирно» опасен. Агрономов обращает внимание на то, что «в среду уже самого русского населения стали проводить и распространять... мысли этого антихристианского направления западных ученых, твердящих, что лжепророк Мухаммед был „могучим, великим гением“».

Миссионерская литература конструировала образы Мухаммеда и Христа: Первого — олицетворяющего Зло, а другого — Добро. Характерологические черты Мухаммеда транслировались на рядовых мусульман. Тезис миссионеров о бездействии, бесплодности, отсутствии развития, «неподвижности» ислама не стыковался с их же констатацией социокультурных потенций этого учения как «нераздельно... политического».

Схема анализа ислама в трудах миссионеров не отличалась от подобных схем в текстах светских востоковедов. Но будучи унификаторами, они утверждали наличие непримиримо враждебных друг другу мусульманского и христианского социумов Российской империи. В стремлении противостоять нарастающему на Западе и в России потоку релятивизма, взгляду на мусульманский мир как на иную данность, миссионеры допускали методологические ошибки. Попытка, с одной стороны, использовать либерально-европейские подходы, а с другой — противоположные им русско-консервативные начала вела к дискредитации каждого из подходов. «Изгнание черта (ислама) посредством миссионерского типа критики ранило ангела (христианство)», пишет М. А. Батунский. Ни один из миссионерских трудов не стал «путеводителем для тех, кто пребывает в замешательстве».

Православные миссионеры оставались в русле традиционных подходов к исламу, исключавших установку на понимание веры *другого*. Несмотря на использование работ европейских востоковедов, миссионеры сохраняли уверенность в монополии своей конфессии на обладание абсолютной истиной. Разумеется, в религиозной сфере разработка процедур понимания инаковерия, иной религиозной традиции в терминах своей конфессии проблематична.

В целом, следует отметить позитивную роль публикаций. В них проявились различные модернизаторские устремления, которые ставили целью выработать «жизненный императив будущей России». Не смотря на идеологическую ограниченность авторов, в публикациях нашли отражение представления о полицентричной природе человеческой истории, существовании различных социокультурных форм, ментальных и психологических установок, конфессиональных ценностей.

Маточкина А. И. (Философский ф-т СПбГУ, Санкт-Петербург)

Образ мусульманского Востока в работах отечественных исследователей рубежа XIX–XX вв.

Первые шаги по формированию научного подхода в изучении ислама и мусульманского мира относятся еще ко временам Петра I. В частности, в годы его правления начинается изучение восточных языков, в том числе арабского, персидского и турецкого, а также собирание памятников материальной культуры и формирование востоковедческих книжных фондов. В правление Екатерины II интерес к Востоку становится еще более очевидным, и обуславливается, как и в правление Петра I, в первую очередь, внешнеполитическими интересами. Царствование Екатерины II — это период активной внешней политики на мусульманском Востоке и одновременное признание ислама в качестве одной из традиционных религий Российской империи. В эпоху Екатерины II продолжается изучение турецкого, арабского, персидского, а также татарского языков, носящее уже не только прикладной, но и академический характер. В это время интерес российской читающей публики к мусульманскому Востоку удовлетворяют, главным образом, переводы работ западных исследователей, посвященных исламу. Однако не меньшее значение имеют периодические издания, в которых публикуются материалы о событиях в разных регионах мусульманского мира. Наряду с переводными изданиями и периодической печатью источником информации о Востоке становятся свидетельства подданных Российской империи, побывавших на Востоке — дипломатов, переводчиков, военных, паломников. На рубеже XIX–XX вв. изучение стран мусульманского Востока становится объектом пристального внимания академического востоковедения, однако роль

российских писателей, путешественников, дипломатов, духовных лиц, паломников, посетивших страны Ближнего Востока и оставивших путевые заметки, дневники, воспоминания, остается не менее значимой. Их наблюдения также формируют определенный образ Востока, который имеет весьма противоречивый характер. В докладе осуществляется анализ ряда работ отечественных исследователей рубежа XIX–XX вв. (в частности, И. А. Слонов «На Востоке», К. М. Базили «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях», статьи Н. В. Берга о путешествиях по Сирии, Палестине и Египту, В. Л. Дедлов «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции», Е. Л. Марков «Путешествие на Восток», Н. П. Кондаков «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине», А. Е. Крымский «Письма из Ливана»), посвященных мусульманскому Востоку, на предмет того, в какой мере их взгляды отвечают образам и конструктам европейского мира, задававшего тон репрезентации Востока в указанный период. Можно ли в принципе говорить, и если да, то в какой мере, об особом восприятии Востока российскими дипломатами, путешественниками и учеными, и о формировании иного, нежели на Западе, образа Востока и его жителей. В докладе описываются и сравниваются наблюдения торговцев, писателей, дипломатов и академических исследователей с целью показать на какие именно аспекты жизни арабов, а также элементы их материальной и духовной культуры представители различных областей научного знания и практики обращали наиболее пристальное внимание.

Рагозина С. А. (РАНХиГС, Москва)

Концепт исламофобии в западной и российской историографии

Впервые термин «исламофобия» как научный концепт был употреблен британским исследовательским центром Runnymede, занимающимся изучением вопросов равенства и этничности¹. В 1997 году Комиссией по британским мусульманам и исламофобии (функционировавшей в рамках упомянутой выше организации с 1996 года) был опубликован доклад «Исламофобия: вызов для нас»². С тех пор произошел целый ряд событий, а также интенсифицировались процессы, актуализировавшие проблему негативного восприятия мусульман в немусульманских обществах. Что в свою очередь породило волну научных и околонучных исследований данного явления. Данный

¹ About us // The Runnymede Trust. URL: <http://www.runnymedetrust.org/about.html>.

² Islamophobia challenge for us all // The Runnymede Trust, 1997. URL: <http://www.runnymedetrust.org/publications/17/32.html>.

доклад посвящен анализу методологических подходов и концептуальных схем, сложившихся в западной науке, при рассмотрении феномена исламофобии; предпринята попытка их классификации. Стоит отметить, что в рамках данного исследования в первую очередь нас интересовали теоретические работы, где авторы предлагали различные модели осмысления исламофобии. В то время как работы, где термин «исламофобия» использовался как базовая предпосылка в реализации практического исследования или же понятие, не требующее дополнительного пояснения, не являлись предметом нашего рассмотрения.

Нами было выделено несколько подходов. Во-первых, это понимание исламофобии как одной из форм расизма. Сущностной характеристикой исламофобии в данном случае, по мнению авторов придерживающихся данной версии, является наличие социетального раскола на основе принадлежности/непринадлежности к мусульманской группе. Вторая группа исследователей предлагает наиболее расширительную трактовку, говоря о том, что исламофобия представляет собой специфическую идеологию. Об этом свидетельствует наличие уникальной символической системы, элементы которой транслируются в публичном пространстве носителями этой самой идеологии. В-третьих, под исламофобией следует понимать и модель легитимации соответствующих правил и норм поведения, то есть набор конкретных механизмов, за счет которых достигается закрепление негативных стереотипов об исламе на уровне общественного сознания. Наконец, ряд авторов отрицает возможность использования термина «исламофобия» как такового, потому что само его употребление уже является воспроизведением исламофобской практики.

Поднятая проблема представляется крайне актуальной ввиду того, что состояние научных исследований в этом случае, на наш взгляд, оказывается напрямую связано с политикой преодоления исламофобии, в том числе и в российском общественном дискурсе.

В рамках доклада предполагается более подробно охарактеризовать каждый из обозначенных выше подходов, привести примеры конкретных работ.

Тихонова Н. Е. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Исмаил Гаспринский — тюркофил с «протоевразийскими» взглядами

Выдающийся крымско-татарский просветитель Исмаил Гаспринский (1851–1914) еще при жизни получил титулы «дедушка тюркской нации» и «великий мастер», его авторитет в тюркском мире не оспорим. В этой связи особый интерес представляет анализ его подхода к вопросам единства тюркских народов

и взаимоотношений тюркско-мусульманского населения Российской империи с русскими.

Насколько можно судить по имеющимся материалам, И. Гаспринский не относил себя к представителям того или иного идейного течения¹. Однако его часто называют отцом-основателем пантюркизма², нередко относят также к числу панисламистов³. Некоторые исследователи, напротив, считают, что вопрос о «панисламизме» и «пантюркизме» И. Гаспринского должен быть если не снят, то, по крайней мере, поставлен в правильном ракурсе⁴. Существует также мнение, что его идеи были близки концепции классического евразийства 1920–1930-х гг.⁵

Исмаил Гаспринский не оставил после себя единой концепции. Однако о его воззрениях можно составить вполне ясное представление по регулярным общественно-политическим заметкам, публиковавшимся в газете «Переводчик-Терджиман», по нескольким программным работам, по двум его романам, а также по его политическим выступлениям.

Из программных работ И. Гаспринского «Русское мусульманство»⁶ и «Русско-восточное соглашение»⁷, а также из его общественно-политических заметок, можно заключить, что одной из основных разрабатывавшихся им тем, была концепция славяно-тюркского синтеза или, другими словами, русско-восточного соглашения. Концепция русско-восточного соглашения, сопряженная с критикой европоцентризма⁸, а также применявшийся им цивилизационный подход, проявившийся в восприятии русско-мусульманского мира

¹ См., например: *Переводчик-Терджиман*. 28.09.1904, № 78.

² См., например: *Сенюткина О. Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории российской империи 1905–1914). Нижний Новгород: Медина, 2007. 576 с.; Беннигсен А. Исмаил бей Гаспринский и происхождение джадидистского движения в России // *Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток*. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. С. 79–97.

³ *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Безбожник, 1931. 138 с.

⁴ См., например: *Ланда Р. Г.* Россия и мир российского ислама. М.: Медина, 2011. 508 с.

⁵ См., например: *Османов Ю.* Просветитель Востока Исмаил Гаспринский. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 312 с.

⁶ *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Взгляды, заметки, наблюдения мусульманина // *Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток*. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. С. 17–58.

⁷ *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания // *Исмаил-бей Гаспринский. Россия и Восток*. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. С. 59–79.

⁸ *Gasprinskii I.* Avrupa medeniyetine bir nazar-i muvazene. İstanbul: Matbaa-i Ebuzziya, 1885. 29 s.

как единой цивилизации, противопоставленной европейскому Западу и монголо-китайскому Востоку, сближает его идеи с классическим евразийством и позволяет отнести Исмаила Гаспринского к предтечам данного идейного течения, а его взгляды охарактеризовать как «протоевразийские».

В трудах мыслителя обращает на себя внимание то, с какой любовью И. Гаспринский относился ко всему тюркскому, к культуре и религии своих соплеменников-мусульман, с какой энергией ратовал за создание единого тюркского языка и просвещение тюркских народов. Этот факт, дополняемый его приверженностью идее целостности российского государства, приводит к мысли ввести применительно к идеям И. Гаспринского понятие «тюркофильство»¹ с элементами протоевразийства».

Хабибуллина З. Р. (Ин-т этнологических исследований, УНЦ РАН, Уфа)

«Святые места» мусульман в материалах Национального исторического архива Республики Башкортостан (1947–1961 гг.)

Материалы Национального исторического архива Республики Башкортостан представляют собой богатый ресурс по изучению ислама и мусульманского сообщества, как Башкортостана, так и в целом России. При изучении ислама в советский период особый интерес представляют материалы фонда Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по БАССР (Р-4732). Данный фонд содержит комплекс источников, которые могут быть использованы при изучении государственной политики в отношении конфессий, законодательной базы государственно-конфессиональных отношений, религиозной ситуации в республиках СССР, активности верующих, их религиозных практик и др. Переписка Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР с уполномоченными, записи приемов верующих и духовенства, публичные документы Духовного управления мусульман Европейской России и Сибири (ДУМЕС) дают представление о положении ислама в СССР, настроениях верующих и духовенства, содержат информацию о методах и результатах мероприятий, проводимых местными органами власти.

В докладе на основе архивных документов (1947–1961 гг.) фонда Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по БАССР с точки зрения государства, духовенства, верующих,

¹ Введение термина «тюркофильство» в противовес «пантюркизму» представляется возможным, исходя из аналогии с существующим противопоставлением между понятиями «славянофильство» и «панславизм».

рассматривается проблема «святых мест», под которыми подразумеваются особо почитаемые места мусульман, находящиеся на территории Башкортостана. Сохранение и эволюция практики посещения мест захоронений «святых» (*аулия*) среди мусульманского населения Республики Башкортостан в современный период, актуализирует научный интерес к ее изучению в историческом ракурсе и в контексте вероисповедной политики государства.

Информация о местах поклонения мусульман в отчетах уполномоченных обычно помещалась в раздел «Движение сектантов». Одной из задач контроля за «святыми местами» было не допустить «отход трудящихся в сектантские религиозные общины». На территории БАССР выделялось три основных места паломничества где были похоронены выдающиеся деятели ислама: захоронение Хусаин-бека в Чишминском районе и могила ишана Ягафара в д. Тимашево Давлекановского района, мавзолей Тура-хана (*зиарат* «Батыра»). Если в дореволюционный период паломничество к *зиарату* Хусаин-бека принимало массовый характер, то в советские годы приток паломников значительно сократился, верующие мусульмане окрестных деревень посещали их группами не более 30 человек и в одиночку в дни больших мусульманских религиозных праздников. По сведениям, предоставляемым уполномоченному из ДУМЕС, духовными деятелями регулярно организовывались посещения верующими мест захоронений за пределами республики: могилы Зайнуллы ишана в г. Троицк, могилы других «святых» на территории Татарской АССР, Ульяновской области.

Активизация борьбы со «святыми местами» приходится на конец 1950-х гг. Постановление Совета по делам религиозных культов СССР от 10 декабря 1958 года «О мерах по прекращению паломничества к так называемым святым местам» положило начало длительной работе уполномоченных по выявлению, разоблачению и прекращению паломничества к местам захоронения религиозных деятелей. Под вопросом ликвидации оказались гробницы Хусаин-бека и Тура-хана. Включение их в книгу член-корреспондента Академии строительства и архитектуры Б. Калимуллина как архитектурных памятников Башкирии повлияло на отказ от этого решения со стороны государственных органов. Духовным управлением мусульман Европейской части России и Сибири было издано несколько фетв, направленным не только на прекращение паломничества к *зиаратам*, но и по отношению различного рода бытующих среди мусульманского населения суеверий.

Развитию культа святых мест среди мусульман в советской Башкирии способствовали трудности, связанные с регистрацией общины, отсутствие молитвенных мест — мечетей, деятельность «бродячих мулл» — незарегистрированных служителей культа. Особенно высокой посещаемость святых мест была в условиях сельской местности, вне зарегистрированных мечетей и без

участия официального духовенства. Активизация борьбы с паломничеством в святые места была связана, прежде всего, с невозможностью контролировать проявления религиозности в местах их нахождения.

Хамидов Е. Н. (КФУ, Казань)

О неопубликованном автографе Зайнуллы Расулева в РНБ г. Санкт-Петербурга

Один из выдающихся мусульманских деятелей конца XIX — начала XX века в Волго-Уральском регионе — ишан Зайнулла Расулев. Родившийся в маленькой деревеньке¹ Шарипово Троицкого уезда Оренбургской области² в 1833 г. шейх Зейнулла стал одним из самых влиятельных людей своей эпохи. Согласно свидетельству современников, Расулев имел десятки тысяч последователей, которые приходили к шейху не только из Волго-Уральского региона, но и из Сибири, Казахстана и Юга России³. Расулев открывает и поддерживает успешное функционирование медресе Расулия, открывает и обеспечивает книжным фондом публичную библиотеку, использует всякие достижения прогресса в организации учебного процесса. Рост популярности Расулева привел к увеличению числа его завистников. И по целому ряду доносов и обвинений своих недоброжелателей, Расулев был помещен под стражу и вскоре отправлен в ссылку во внутренние границы Империи почти на восемь лет. Но это только увеличило популярность Расулева и помогло ему окончательно сформироваться как личности. Все известные на сегодняшний день труды Расулева были созданы после ссылки.

В 2012 г. в рукописном фонде Российской Национальной Библиотеке в Санкт-Петербурге была обнаружена рукопись под номером 3756, озаглавленная «Баб ал-муракабат» [Б. м.]. В ходе ее изучения выяснилось, что данная рукопись является неизвестным автографом Зайнуллы Расулева, и датируется 1312 годом по хиджре⁴.

Рукопись представляет собой сборник статей, состоящий из трех различных по содержанию частей. Объем рукописи — 15 листов. Содержание рукописи таково: 1–11 стр. — сочинение «Баб ал-муракабат» (Глава о «муракаба»); 12–28 стр. — сочинение «Сильсия ал-машаих ал-накшбандийа ал-муджаддидийа

¹ Согласно данным 1866 г. в деревне Шарипово проживало 269 человек населения при 40 дворах (См.: Список населенных мест Российской империи по сведениям 1866 года. СПб., 1871. Т. 28: Оренбургская губерния. С. 53).

² Ныне Республика Башкортостан, Учалинский район.

³ *Денисов Д. Н.* Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII — начало XX в.) — М. Изд. дом Марджани, 2011. С. 61.

⁴ Соответствует 1903 г. по Григорианскому календарю.

ал-халидийа тафдылан» (Подробная цепочка шейхов накшбандийа-муджаддидийа-халидийа); 29 стр. — Иджаза (Разрешение на занятие суфийской деятельностью).

Последние две части рукописи довольно легко идентифицировать. Сочинение «Сильсия ал-машаих ал-накшбандийа ал-муджаддидийа ал-халидийа тафдылан» представляет собой классический суфийский текст описывающий цепочку духовной преемственности автора, с кратким описанием выдающихся качеств некоторых, наиболее видных духовных учителей Расулева. Текст сочинения — арабский. Последняя часть рукописи — разрешение на занятие суфийской деятельностью, данное Мулле Салихджану Хаджи сыну Мухаммаджан Хаджи. Язык сочинения — арабский. Иджаза датирована 1321 годом по Хиджре (что соответствует 1903 г. по Григорианскому календарю) и имеет оттиск личной печати Расулева с его именем. Примечательным является то, что в иджазе, помимо всего прочего, упоминается разрешение на занятие медицинской практикой, как «традиционной» так и «нетрадиционной» формы. Кроме этой маленькой черты, иджаза ничем особенным не выделяется. Возможно, сильсия и иджаза составляют единое целое, поскольку зачастую вместе с иджазой ученику выдавалась и запись цепочки духовной преемственности: по сути, это самые важные два документа суфия, некое подобие «удостоверения личности».

Первая часть рукописи — сочинение «Баб ал-муракабат» — вызывает больше вопросов. Эта часть рукописи выполнена на старо-татарском языке, т. е. на татарском с широким использованием арабских и персидских слов. Сочинение представляет собой оригинальное произведение автора, посвященное особенностям суфийской практики «муракаба»¹, описывающее разные стадии на пути суфия к познанию Истины. По сути, этот отрывок посвящен классической для суфия теме, такого рода сочинения есть у Кушейри, имама ан-Навави. У Расулева есть другое сочинение схожего характера — «Макалят зайнийя», которое может служить руководством суфия, разъясняющим разные аспекты ежедневных молитвенных практик. Б. м. же разъясняет для суфия сущность одного из внутренних состояний, необходимых для развития внутреннего мира суфия. Особый интерес представляет название рукописи. Обычно, словом «баб» обозначали одну из глав произведения, что может свидетельствовать, в данном случае, о наличии неизвестного труда шейха Зайнуллы, где представленная рукопись является всего лишь небольшой частью работы. Если бы такая работа существовала, она вместе с «Макалят зайнийя» могла бы составить комплексную основу знания, необходимого начинающему суфию. Учитывая продвинутость

¹ *Муракаба* — самонаблюдение, самоконтроль. Контролирование суфием своих страстей и желаний и постоянное поминание о том, что за ним всегда наблюдает Бог. Осознание этого не позволит суфию не только совершить что-то греховное, но и находится в бездействии, не совершая благого.

Расулева, а так же его успехи на педагогическом поприще вполне вероятно, что он решил оптимизировать эти знания и, систематизировав их, выпустить в виде учебника — настольной книги суфия. Единственный способ подтвердить эту гипотезу — активный поиск других автографов Расулева в архивах России.

Шаблей П. С. (КФ ЧелГУ, Челябинск)

Между традиционализмом и рационализмом: фетвы ахуна Гумара Караша во Внутренней казахской орде (начало XX века)

Гумар Караш (1875–1921) — известный казахский общественный и религиозный деятель, автор ряда работ по различным вопросам шариата, актуальным проблемам мусульман Российской империи начала XX в. Был сторонником идей мусульманских реформатов: Мухаммада Абдо и Джемаль ад-Дина аль-Афгани. С этой точки зрения Гумар Караш выступал с позиций рационализма и стремился адаптировать некоторые религиозные традиции казахов к пониманию того, что Мухаммад Абдо называл «знание и польза».

С 1913 по 1915 гг. Гумар Караш был ахуном 1 волости Таловской части Внутренней орды. Обладая значительным влиянием на казахов, он выпустил несколько фетв. Обращаясь к источникам мусульманского права, Гумар Караш объявил обряд совершения *фидии* (выкуп) в казахском контексте и практику бедель-хаджа (*бәдел-хаж*) недозволенным новшеством (*бид'а*). Его действия встретили серьезное возмущения среди других казахских имамов и влиятельных людей. С просьбой разъяснить значение фетв на предмет их соответствия шариату, противники Караша обратились в Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС). Анализ данных фетв произвел *кади* Гинаятулла Капкаев, который выступал с позиций умеренного консерватизма и критикой исламского рационализма. Он вынес заключение, что фетва ахуна Гумара Караша на запрет бедель-хаджа не соответствует основным риваятам *ахл ас-сунны*, а ее основные положения ближе к идеям мутазилитов. Таким образом, разногласия между Г. Капкаевым и Г. Карашем фактически отразили контекст идейных дискуссий мусульманских интеллектуалов Российской империи конца XIX — начала XX вв. Используя свое влияние и петиции казахов, Г. Капкаев в 1915 г. все же добился смещения Г. Караша с должности ахуна.

С другой стороны, интерес представляет и сам язык фетв как юридического документа. Эта перспектива позволяет поставить ряд интересных вопросов: Для какой аудитории писались фетвы Г. Караша и Оренбургского магометанского духовного собрания? Каким образом фетвы использовались как инструмент идеологического противостояния? Почему некоторые казахские улемы выпускали фетвы без согласования с ОМДС?

Шихалиев Ш. Ш. (ИИАЭ, Махачкала)

Дискуссии о «ваххабизме» в дагестанских арабоязычных письменных источниках советского периода

В отечественной литературе постулируется тезис о том, что идеи ваххабизма начали широко распространяться в конце советского периода. Вместе с тем, дагестанские арабоязычные рукописи показывают, что термин «ваххабизм» впервые появляется в сочинениях дагестанских авторов во второй половине XIX века, причем описываемые события были тесно связаны с избранием Шамиля в качестве имама Дагестана и Чечни в период кавказской войны XIX века.

В дальнейшем термин «ваххабизм» широко используется и обсуждается в местных арабоязычных источниках. Это было связано с развитием идей мусульманского реформаторства на Кавказе, сторонники которого помимо прочего критиковали устоявшиеся в среде мусульман России некоторые правовые и обрядовые практики, равно как и сами подходы в теории мусульманского права. Любопытно, что вся дискуссия по поводу «ваххабитов» была больше характерна для советского периода.

Одно из первых произведений этого периода является сочинение «Ответы ал-‘Асали на ваххабитский вздор ал-Харакани», что представляет собой ответ дагестанского суфийского шейха Мухаммада ал-Асали на критику со стороны дагестанского реформатора Абд ар-Рашида ал-Харакани. О ваххабитах писала также и местная арабоязычная мусульманская пресса в 1925 году.

В дальнейшем эта дискуссия о ваххабитах развернулась в арабоязычной полемике между другими дагестанскими учеными — Назиром ад-Дургили и Йусуфом ал-Джунгутий. Первый из них выступает с критикой фанатичной приверженности дагестанцев и татар шафиитской или ханафитской традиции и призывает расширить границы иджтихада. Йусуф в ответном сочинении пишет, что призыв к иджтихаду и критика правовых школ является признаком ваххабитов. При этом он проводит последовательность «еретических» идей ваххабизма начиная с арабского ученого Ибн Таймийи и далее вплоть до Мухаммада б. Абд ал-Ваххаба, а также египетских реформаторов Джамал ад-Дина ал-Афгани, Мухаммада Абдо и Рашида Рида, которых ал-Джунгутий также считает ваххабитами. На эту критику Назир ад-Дургили вновь написал сочинение, где отмечал, что в исламе нет такого течения как «ваххабизм», и что известные события, которые произошли между жителями Неджда и египтянами в период Мухаммада-Али паша — это всего лишь политический конфликт. Эта дискуссия проходила в течение 7 месяцев в 1928 году. В дальнейшем дебаты о ваххабизме и джадидизме возобновились в послевоенный советский период. Один из сотрудников Духовного управления мусульман Северного Кавказа Абд ал-Хафиз Умаров (1914–2002) в 1949 г. Написал сочинение с критикой

ваххабизма и джадидизма. Любопытно, что в его представлении джадиды — это те, кто призывает к абсолютному иджитхаду и критикует суфизм, причем автор четко разграничивает «ваххабитов» и «джадидов».

Полемика по поводу ваххабитов продолжалась весь советский период, что нашло отражение в арабоязычных рукописных сочинениях Дагестана, некоторые из которых были переписаны в самом конце 1970-х гг. Подобные же сочинения были характерны не только для Дагестана, но и для других мусульманских регионов России.

Таким образом, понятия «ваххабизм» и «ваххабиты» являлись объектом бурной дискуссии в среде российских мусульман советского периода.

Источники:

محمد العسلى الداغستاتى. الاجوبة العسلى على الترهات الوهابى الهرکانى Рукопись, 12 лл. Частная коллекция Ш. Шихалиева.

أحوال الحجاز وغائلة الوهابية \\ بيان الحقائق. عدد 1 ربيع الأول 1344 سنة سننابر 1925 سنة ص. 1-3.
نذير الدرکلى. الاجتهاد و التقلی // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН, ФМС, Оп. 1. № 35, лл. 1а–30б.

التعلیق الحمید على القول السدی. نذیر الدرکلى // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН, ФМС, Оп. 1. № 35, лл. 67б–89б.

یوسف الجنکوتى. القول السدید فى حسم مادة الاجتهاد و وجوب التقليد // Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН, ФМС, Оп. 1. № 35, лл. 32а–66а.

عبد الحفیظ الاحلى. الجواب الصحیح للأخ المصلح // Рукопись, 26 лл. Частная коллекция Ш. Шихалиева.

X. КРУГЛЫЙ СТОЛ:
«ГОРЦЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»
ROUND TABLE DISCUSSION:
“MOUNTAIN SOCIETIES: TRADITIONS AND MODERNITY”

Абдулаева И. А. (Кизлярский филиал Даггосуниверситета, Кизляр)

Исторические свидетельства об аталычестве в Дагестане

Наиболее ранние из известных сведений об аталычестве в Дагестане в восточных источниках относятся к первой половине XIII в. и связаны с Дербентским ханством. Как сообщает арабский ученый Ибн Халдун (ум. в 1405 г.), около 1227 г. «Джемал-Эддин, Султан татарский, послал послов к государю Дербента, тогда малолетнему, и к его атабеку (опекуну) Аль-Асаду. Атабек явился к султану; который наградил его халатом и даш ему владения, так же как царю, его питомцу, с условием, что они отдадут ему Дербент»¹.

Звание «атабек» у сельджуков-огузов в Малой Азии академик В. А. Гордлевский разъясняет следующим образом: «Атабек» — воспитатель царевича, опекун его. Когда питомец возвышался, атабек приобретал большое влияние; это был первый советник, поверенное лицо султана, потому что это был прежде всего названный отец (*ama*)»².

Академик В. В. Бартольд, характеризуя этот обычай в государстве Тимура, писал: «Когда ожидалось счастливое событие, родильницу вызывали ко двору и окружали всякими заботами, но тотчас после разрешения у нее отнимали ребенка и поручали его воспитание назначенным для этого лицам, тщательно следившим за его пищей, одеждой и всем необходимым; когда наступало время,

¹ Цит. по: *Козубский Е. И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 47.

² *Гордлевский В. А.* Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960. С. 85.

ребенка поручили особому воспитателю (*атабеку*), и тот обучал его всему, что нужно было будущему государю»¹.

Самые ранние сведения об аталычестве в Дагестане в русских источниках появились в первой половине XVII в. Судя по этим данным, в феодальной среде широко применялись как термины «эмчек», «аталык», так и (особенно в русских документах) «дядька», а для обозначения молочного брата — «имельдеш»².

Из имеющихся в нашем распоряжении данных первые по времени упоминания об «аталыке» или «эмчке», «дядьке» относятся к 1625 г. Так, в отписке Терского воеводы князя Андрея Хворостинина в Посольский приказ сообщается о приезде в город Тарки с челобитной дядьки уцмья Кайтагского Рустамхана по имени Батархан (Бадир-хан?)³.

В 1637 г. от лица сыновей шамхала Ильдара переговоры в Москве вел их дядька Томулдук, бывший поверенным лицом и самого шамхала. В 1640–1650 гг. переговоры в Москве вел имельдеш эндерийского владельца Казаналипа Магомед. Примерно к этому времени относится и сообщение об одном из аталыков, который был известен под прозвищем «Седая борода» (Аксакал)⁴. В августе 1657 г. в грамоте на имя царя Алексея Федоровича эндерийский владетель Казаналип пишет, что он посылает «государю бита челом имельдяша своего Магомета сотоварищи»⁵. В отписках воеводы в Посольский приказ и в 1614 г. содержатся упоминания об аталыках ногайских мурз⁶.

Упоминания об аталыках встречаются в архивных документах XVIII в. и особенно в письмах кумыкских феодальных владетелей на имя кизлярского коменданта. В этих письмах затрагиваются самые различные вопросы, связанные с эмчекми, или дядьками. В частности, шамхал Тарковский, а также буйнакский, эндерийский, аксайский, костекский владельцы просят русского коменданта оказать содействие их эмчекми, едущим «для отыскания беглых холопей», «для приобретения потребных вещей», «для покупки баранов у туркмен», или помочь дядькам, по тем или иным причинам попавшим в затруднительное положение в Кизляре или по пути и т. д.

¹ Бартольд В. В. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1965. С. 54.

² Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881. С. 24–26.

³ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 78, 192, 194.

⁴ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 78, 192, 194.

⁵ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963. С. 52.

⁶ Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С. 71, 86.

Через аталыков нередко шла и переписка между дагестанскими владельцами и комендантами Кизляра. Аталыки при ханских дворах, как об этом пишет известный кавказовед Е. Н. Кушева, играли важную роль в торговых и политических отношениях дагестанских владельцев с русским государством¹.

Вот несколько свидетельств русских авторов об аталычестве в Дагестане. И.-Г. Гербер в начале XVIII в. сообщает: «Когда у уцмия родился сын, то несколько дней по рождению младенец посылается в некоторую из его деревень, которого тамошних жителей жены своими грудями кормят, а когда по всей деревне ряда отошла, то отвезут младенца в другую деревню, где таким же образом поступают, потом в третью, и в четвертую, пока время младенца от грудей оставить»².

Есть сообщение, что шамхал Тарковский Муртузали в 1782 г. посылал своего эмчека Очая к кизлярскому коменданту с письмом, чтобы тот содействовал благополучному прибытию его человека в Астрахань для получения назначенного для шамхала жалованья «за верную службу России»³.

Посланный в Аварию в 1828 г. командованием Кавказской линии офицер Хрисанф, описывая прием, оказанный аварской ханшей Паху-бике, сообщал, что навстречу ему и его спутникам ханша послала в числе других и «эмчека, т. е. дядьку... хана уздена Алибека»⁴. Неизвестный автор первой половины XIX в. в «Записке о сношениях с аварскими ханами с 1800 года по 1838 год» также отмечает, что правнук известного аварского хана Ума-хана — Султан-Ахмед-хан (сын Нуцал-хана) «находится в деревне Малом Джунгутае, где он воспитывается у тамошнего бека (очевидно, речь об уздене Алибеке или по другим данным Алиаскере) — под личным надзором Ахмет-хана, который ему двоюродный дядя»⁵.

В адатах бежтинцев также отмечается наличие у них аталычества, которое было известно под названием «уджира» (от арабск.: быть переданным в аренду). В качестве вознаграждения взявшему ребенка на вскармливание семья платила «по 50 коп. в месяц, 6 рублей в год»⁶. При этом продукты питания обеспечивал отец. Не совсем ясно, является ли это действительно одной из форм аталычества или связано только с отдачей ребенка на кормление грудью.

¹ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 52.

² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958 (далее — ИГЭД). С. 84.

³ Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. Сборник документов. М., 1988. С. 170.

⁴ Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 // ИГЭД. С. 267. imtw.ru/topic/2662-сарир/page__st__10.

⁵ Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 17.

⁶ Бежтинские адаты // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 71.

Последними по времени в отношении данной этнической группы являются сведения о своеобразной форме аталычества в Нагорном Дагестане А. К. Сержпутовского, совершившего поездку сюда, к дидойцам, в самом начале XX в. «Аталычество, — отмечает автор, — у дидойцев играет большую роль. До последнего времени дидойцы отдают своих сыновей на воспитание родственникам или кунакам в соседние селения. Обыкновенно отдают мальчиков 4–5 лет. Перед отправлением на воспитание мальчикам на левой руке в локтевой части делают надпись по-арабски, имя и год рождения. Надписи делают уколами иглы, затем в ранки втирают порошок и красящие вещества. Надпись сохраняется всю жизнь. На воспитании юноши остаются до возмужалости, т. е. приблизительно до 17-летнего возраста»¹.

Как известно, у детей Шамиля тоже были эмчеки. Так, по данным Е. И. Козубского, «молочным братом» дочери Шамиля Нужабат был Омар Мехриев, а сын няньки по имени Ханум из Кумуха был эмчеком Нужабат².

Следует отметить, что письменные сведения чаще всего относятся к кумыкам, и прежде всего засулакским. А. М. Буцковский, например, в 1812 г. писал о кумыках: «Они, подобно сим (т. е. другим соседним народам), сыновей своих отдают с малых лет в чужие руки на воспитание...»³

Об одном из воспитателей сыновей шамхала Тарковского упоминает и побывавший в Тарках, в гостях у шамхала, французский посол в Тифлисе Гамбо. Он, в частности, свидетельствует, что приемом, устроенным в доме шамхала в честь посла, в отсутствие хозяина руководил его шурин, одновременно аталык сыновей шамхала⁴. В 1846 г. о тех же кумыках М. Б. Лобанов-Ростовский сообщает, что «князья отдавали сыновей своих с первого детства в дом почетного салаузденя на воспитание; возросши в семье своего наставника, окруженный неусыпным попечением всех домашних, молодой князь на всю жизнь сохранял непоколебимую привязанность к семье своего воспитателя. Аталык, так зовется воспитатель, пользовался всегдашним уважением воспитанника и в случае, когда он делался сиротой, имел участие в управлении его имением и присмотре за его хозяйством. Дети аталыков (эмчеки), товарищи молодого князя, почитались последним наравне с родными братьями»⁵.

¹ *Сержпутовский А. К.* Поездка в Нагорный Дагестан // Живая старина. Т. XXV. 1916. С. 287–288.

² *Козубский Е. И.* Из прошлого Дагестанской области // Дагестанский сборник. Вып. 2. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 221.

³ *Буцковский А. М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812. // ИГЭД. С. 241.

⁴ Цит. по: *Гаджиев Т. В.* Сочинение Гамба «Путешествие в Южную Россию» как исторический источник по истории народов Северо-Восточного Кавказа. Рук. канд. дис. Махачкала, 1983. С. 96.

⁵ *Лобанов-Ростовский М. Б.* Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ. 1846. №38.

Новые свидетельства о рассматриваемом нами институте у кумыков мы встречаем у известного исследователя истории и культуры кумыкского народа Д.-М. М. Шихалиева, который отмечает что «изнеженные, избалованные... чересчур подобоострастными поступками, они (молодые князья) с ранних лет приучались не обращать внимание на собственное хозяйство и, относя это на попечение аталыков своих, безотчетно предавались развлечениям праздной жизни»¹. Кроме того, Шихалиев пишет, что «аталыки княжеские владеют землями, кутанами, горами» в числе других, «отмеченных какими-нибудь особенными почестями»².

П. Пржецлавский, служивший в середине XIX в. приставом в Мехтулинском ханстве, также отмечает наличие аталычества у кумыков, называя эмчеков и членов их семей отдельным сословием. «Есть еще, — писал он, — сословие людей, называемых баш-эмчек: это приемные братья и сестры ханов, в семействах которых ханы были вскормлены»³. Некоторые авторы свидетельствуют о наличии института аталычества и в начале нашего века. Так, например, А. Шемшединов, автор ряда этнографических работ по кумыкам, в 1908 г. констатировал бытование института воспитательства у засулакских кумыков, причем не только в феодальной среде, но и среди других слоев населения. Он, в частности, писал: «У кумыков существует обычай, в силу которого богатые и вообще состоятельные люди (очевидно, автор имел в виду сала-уэденей) отдают новорожденных детей для кормления грудью менее состоятельным, а иногда и бедным людям, которые тем самым приобретают по отношению к родным новорожденного права так называемого молочного родства и находят в них для себя в большинстве случаев материальную и нравственную поддержку. Будучи оторвано от груди и придя в 4- или 5-летний возраст, дитя препровождается обратно к родным»⁴.

А. Шемшединов приводит и легенду, где говорится, что в сел. Бораган одна молодая княжна воспитывалась в семье сельчанина, и, ввиду смерти ее родного отца, аталык сам выдавал свою воспитанницу замуж за молодого черкеса, но во время пышной свадьбы поднялась страшная буря, и невеста исчезла и т. д. Это еще раз свидетельствует о фактах пребывания эмчеков в доме аталыка в прошлом.

И наконец, следует привести высказывание дагестанского этнографа начала XX в. М. Алибекова о нравах кумыков, о воспитании ребенка вдали от отца. «У кумыков, — пишет он, имея в виду, очевидно, князей и дворян, — строго

¹ Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ. 1846. № 40.

² Там же. №40.

³ Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. 1860. Т. XII. № 4. С. 282.

⁴ Шемшединов А. Слобода Хасавюрт Терской области 10 сентября 1908 г. Легенды и сказания кумыков // Этнографическое обозрение. 1905. №2. С. 137.

придерживавшихся норм сословного этикета, отец, имевший сына или дочь, поступал так: в то время, когда сын или дочь были ребенком, то будь последний на руках яями у отца дома или же передан на молочное воспитание «эмчекам», все равно его не приносили в комнату, где был отец»¹.

В литературе отражаются обычаи аталычества и у ногайцев. Об аталычестве здесь неоспоримо свидетельствуют эпические произведения, относящиеся к «ногайскому», или, как его нередко именуют, «ногайлинскому» циклу, характеризующему внутреннюю жизнь народа в период Золотой Орды. Многие ногайские мурзы выступали в качестве аталыков детей крымских ханов, т. е. содержали и воспитывали их в своих улусах. Известно, например, что основатель Малой Ногайской Орды под Азовом Казьмурза являлся аталыком детей младших царевичей крымских ханов Гиреев, которых он принимал, содержал и воспитывал в своих улусах².

Ногайские султан, мурза, князь, иногда и именитый уздень отдавали на воспитание своих детей. Султан мог передавать детей в семьи своих вассалов, — мурз, мурзы же рядовым и первостепенным узденям, иногда даже в семьи освобожденных крестьян. В основном это были (у оседлых ногайцев) крестьяне, живущие на родовых или пожалованных правительством землях князей и именитых узденей, расположенных поблизости от барского имени». При отборе семьи воспитателя учитывались ее материальная обеспеченность и общественная репутация.

Бывали случаи, хотя и редкие, когда мурза или султан отдавали своих детей в семьи представителей соседних народов, обычно черкесов. Так, у султана Азамат Гирея Ханова (конец XIX — начало XX в.) аталыками являлись черкесы Дышековы из Докшуканского аула. Но чаще ногайцы сами брали на воспитание детей из господствующего сословия других народностей, особенно черкесов и кумыков. «Многие знатные фамилии закубанских племен, — писал в середине XIX в. наблюдатель быта ногайцев, — отдают ногайцам на воспитание своих детей»³.

И в начале XX в. аталыками княжеских и салаузенских детей кумыков Терско-Сулакской низменности нередко являлись соседние ногайцы⁴. Так, например, в 1863 г. при судебном разбирательстве земельных споров менаду князьями Эльдаровыми и Каштановыми на стороне князей Эльдаровых в числе 15 человек тусевов (свидетелей) присягал аталык (эмчек) ногаец⁵.

¹ Шемшединов А. Слобода Хасавюрт Терской области 10 сентября 1908 г. Легенды и сказания кумыков. Целебный кувшин // Этнографическое обозрение. 1905. № 1–2. С. 137.

² Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.: Л., 1948. С. 15.

³ Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. №89.

⁴ ЦГА Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф105. ОП. 2. Д. 69.

⁵ ЦГА РД. Ф. 105. ОП. 2. Д. 69, Л, 22.

Брать, на воспитание детей княжеских, — отмечается в архивных материалах о Засулакской Кумыкии, — считалось для воспитателя (аталыка) особенной честью: дети воспитателя делались воспитаннику эмчекями (молочными братьями), что также считалось особенной честью, и молочное родство уважалось и соблюдалось с обеих сторон»¹. Родство между молочными братьями, по словам Ф. И. Леонтовича, считалось «священное природного»².

Полевой этнографический материал, собранный проф. С. Ш. Гаджиевой почти во всех районах Дагестана, содержит сведения о бытовании (в пережиточной форме) аталычества в его разных проявлениях в основном лишь в конце XIX и начале XX в., преимущественно в феодальной среде, а так же среди дворян (сала- или уллу-узденей). В отдельных случаях эти полевые сведения касаются и более раннего периода. Так, например, сохранилось предание о том, что известный родоначальник князей засулакских кумыков XVI в. Султан-Мут (он же Султан-Махмуд) был отдан отцом шамхалом Тарковским Андием на воспитание сала-тавскому аварцу по имени Беге из сел. Беге-Тогай, в семье которого он жил до 10–15-летнего возраста³.

Князь, хан, бек отдавали своих детей в семью сала- или просто узденя, а сала- в семью рядового узденя и нередко (особенно в пореформенный период) даже бывшего чагара или кула. Что же касается чагаров, то они не могли «избирать аталыками узденей»⁴. Очевидно, не практиковалось и не предусматривалось адатами воспитание детей князей «княжеской же семье без особой на то причины — смерти родителей, серьезной опасности для семьи князя и т. д.»

Принимая сына (дочь) бия или дворянина, рядовой общинник обычно посылал своего ребенка грудного возраста в семью другого общинника, чаще в горы. Бывали случаи, когда женщина кормила и своего, и чужого ребенка, причем правую грудь всегда, по адату, давала эмчекю.

И.-Г. Гербер применительно к концу XVII — началу XVIII в., отмечал, что уцмий Кайтагский «обыкность имеет, чтоб своих подданных к обязанию к себе содержать. Когда у усмея родился сын, то несколько дней по рождению младенец посылается в некоторую из его деревень, которого тамошних жителей жены грудью своими кормят, а когда во всей деревне ряда отошла, то отвезут младенца в другую деревню, где таким же образом поступают, потом в третью, и в четвертую, пока время младенца от грудей отставить; отчего обитатели

¹ Феодальные отношения в Дагестане XIX — начале XX в. Архивные материалы. Сост. Хашаев Х.-М. М., 1969. С. 88.

² Леонтович Ф. И. Адааты кавказских горцев. Т. И. Одесса, 1883. С. 252.

³ Гаджиева С. Ш. III. Аталычество в феодальном Дагестане // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1980. С. 19.

⁴ Леонтович Ф. И. Адааты кавказских горцев. Т. И. Одесса, 1883. С. 252.

тех деревень обязанными считаются свой живот и тело для их терять, ибо они себя с ними в свойстве счисляют, понеже одну грудь с ними сосали»¹.

Указывая на причины возникновения обычая искусственного породнения, в том числе и аталычества, в предклассовом и раннеклассовом обществе можно отметить, что искусственное родство служило одной из форм, «с помощью которой в разлагавшемся первобытном обществе стали восполнять уже недостаточные кровнородственные связи и устанавливать тесные отношения между желавшими породниться семьями»², когда «предгосударственная или государственная защита личности оставалась недостаточной, почему и возникала необходимость в установлении отношений искусственного родства»³.

Можно сделать следующий вывод: аталычество укрепляло устои и связи феодального класса, одновременно расширяя их до рамок феодальных союзов тогда, когда аталыческие отношения устанавливались между семьями соседних народов. Обычай аталычества в XX в. сошел на нет и сейчас не существует.

Бугаев А. М. (КНИИ РАН, Грозный)

Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана как проект горской государственности

Российские революции 1917 г. положили начало коренным изменениям в жизни горцев Северного Кавказа. После Февральской революции в мае 1917 г. по инициативе горской элиты был создан «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана». В первом разделе его «Политической Платформы и Программы...» отмечалось, что Союз объединяет «все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркменов...»⁴. При этом подчеркивалось, что Союз «имеет целью, в видах обеспечения мирного сожительства всех народов Кавказа и России, сплочение горцев Кавказа для защиты и упрочения завоеван-

¹ *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 84.

² *Периц А. И., Трайде Б.* Воспитательство // Свод этнографических понятий и терминов // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 38–39.

³ *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт... С. 80; см. также: *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 79–80; *Периц А. И.* Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979. С. 38; *Кон И. С.* Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // СЭ. 1987. № 6. С. 28.

⁴ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская Республика (1918–1920 гг.). (Документы и материалы). Махачкала, 1994. С. 47

ных революцией свобод, проведения в жизнь демократических начал и защиты общих для всех горских племен, политических, социальных и культурно-национальных интересов»¹. Второй раздел гласил: «Сознавая себя нераздельной составной частью Великого Российского государства, горцы, как для общего блага их Родины России, так и для собственного их блага и счастья, в данный революционный период ставят во главе всех задач упрочение завоеванных свобод и обеспечение свободного развития освобожденного от гнета государства»².

Корректировать свои идеи и проекты национально-государственного устройства горские лидеры начали лишь после большевистского переворота. А. И. Деникин, который откровенно скептически относился к горским политическим деятелям, иронизируя, называл их «кочующим» правительством «Республики горских народов Кавказа», и отмечал, что их центробежные тенденции сформировались «... после падения российского Временного правительства...»³. Но и тогда горские лидеры не теряли надежды на позитивные перемены. Как раз в эти исторические октябрьские дни (в ночь с 20 на 21) был создан Юго-Восточный Союз Казачьих Войск, Горцев Кавказа и Вольных Народов Степей. При этом стороны «наилучшей формой государственного устройства России» очередной раз официально признавали демократическую федеративную республику, о чем они заявили в «Декларации Объединенного Правительства»⁴.

«Союз объединенных горцев...», с нашей точки зрения, можно рассматривать как проект государственного обустройства горских народов, объективно обусловленный историческими обстоятельствами и текущей ситуацией.

Эти первые опыты национально-государственного строительства горских народов стали объектами изучения еще в 20-е годы XX в.⁵. Авторы, руководствуясь принципами партийности и классового подхода к оценке исторических фактов, характеризовали «Союз объединенных горцев...» как контрреволюционное образование.

В 1994 г. в Махачкале был издан сборник документов и материалов по истории «Союза объединенных горцев...»⁶. В скором времени появился и ряд

¹ Там же. С. 48.

² Там же.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. (в 3 кн.). Кн. 3, т. 4, т. 5. Вооруженные силы Юга России. М.: Айрис-пресс, 2006.

⁴ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). (Документы и материалы). Махачкала, 1994. С. 74.

⁵ См.: Тахо-Годи А. Революция и контр-революция в Дагестане. Изд. 2-е. Дагестанский науч.-иссл. институт. Махач-Кала, 1927. Его же. «На путях к независимости». (Опыт «строительства» республики Союза Горцев Кавказа). Махач-Кала: Даггосиздат, 1930.

⁶ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.). (Документы и материалы). Махачкала, 1994. Второе исправленное и дополненное издание осуществлено в 2013 г.

монографических исследований¹. Однако этим исследовательские задачи по данной тематике далеко не исчерпываются.

Гапуров Ш. А., Магомаев В. Х. (АН Чеченской Республики, Грозный)

Вопрос о горских набегах в отечественном кавказоведении

Вопрос о горских набегах на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. был и остается одним из самых болезненных и спорных в кавказоведении. С легкой руки профессора М. М. Блиева в научный оборот были запущены термины «горская набеговая система», «горская экспансия» и т. д. Конечно, набеги горцев на Закавказье, на соседние горские районы, а с середины XVIII в. и на русские поселения по Кавказской линии — все это явления, имевшие место. Но, выдвигая убийственные, а зачастую и просто оскорбительные оценки горцам за набеги («хищники», «разбойники», «грабители», для которых набеги якобы являлись своего рода промыслом, основным средством существования), нужно помнить о нескольких моментах. Во-первых, набеги на соседние территории — это явление, присущее всем народам на определенной стадии развития. И набеги на соседние территории ради захвата добычи, пленных — явление, свойственное всем горцам Кавказа. Оно нарастает с XVI в., наибольший размах получает в XVIII в. и продолжает свое существование даже в XIX в. Набеги как социальное явление не было национальной особенностью горцев, не вытекало из их «хищнической натуры», как писали многие авторы XIX в.: оно было свойственно многим народам на определенной стадии развития. Вспомним викингов, средневековую Западную Европу, особенно Францию и Германию.

Во-вторых, набегами на горские аулы занимались и казаки: ни один горский набег на российскую сторону не оставался без ответного набега казаков и солдат. Набеги носили взаимный характер и поэтому правильнее будет говорить о горско-казачьих набегах. Ф. А. Щербина, подвергшийся немалой критике в советской историографии за свои взгляды, единственный из дореволюционных историков казачества пишет о горско-казачьих набегах (именно в этой постановке) как о страшной взаимной трагедии. Он подчеркивал, что именно бедность толкала горца на набеги за военной добычей². Взаимные набеги горцев и казаков, царских войск сопровождались, безусловно,

¹ *Дзидзоев В. Д.* От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР: Монография; Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003. Музаев Тимур Магомедович. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. 1917 — март 1918 г. М.: Патрия, 2007. Второе издание — Нальчик: ООО «Печатный двор», 2012.

² *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар: *Панорама*, 1913. В 2 т. Т. 2. С. 30–31.

жестокостями с обеих сторон. Ф. А. Щербина подчеркивал, что набеги происходили с «поразительным упорством, стойкостью и взаимным ожесточением, принесшим много зла, разорения и горя обеим сторонам»¹.

М. Н. Покровский также отмечал, что набеги были, в сущности, делом обоюдным и весьма трудно было установить, кто на кого стал «набегать» первым — горцы на казаков или казаки — на горцев². У. Лаудаев, сведения которого о набегах представляют, по мнению М. М. Блиева, «наибольшую ценность» в «дореволюционной литературе»³, пишет, что с переселением чеченцев на плоскость «русские нападали на них, грабили их имущество, жгли хутора, убивали и пленили людей, так что еще долго чеченцы не решались оседло водвориться на ней». Со своей стороны и чеченцы не менее беспокоили русских, отвечая им теми же мерами, т. е. захватывая их в плен и угоняя табуны и скот⁴. «Если кабардинцев русские власти выставляли как грабителей, то в такой же степени грабежами, несомненно, занимались и казаки», — отмечал В. Н. Кудашев⁵. Командир кабардинского кордона полковник Лихачев в докладе своему начальству отмечал, что при военных тревогах он ставится в затруднительное положение, не зная, кого преследовать: кабардинцев или же самих казаков, которые грабят не меньше горцев⁶. Практически об этом же пишет и профессор З. Б. Кипкеева, представитель армавирской школы профессора В. Б. Виноградова. Она отмечает: «В это время (имеется в виду период начала 20-х годов XIX века. — *Авт.*) расположенные в с. Солдатском казаки, истребившие абазинские аулы на Куме, стали грабить кабардинские аулы. Называлось это взятием «баранты», т. е. возмещением убытков мирного населения Кавказской линии от набегов. Однако даже расследование самих российских властей показало, что обвинения кабардинцев и абазин в набегах на русские поселения в большинстве случаев не подтверждались. ... Тем не менее обвинения кабардинцев и абазин в набегах служили привычным поводом для казаков, превративших «наказание» в откровенный грабеж»⁷.

Весьма интересна и оценка, которая давалась набегам и некоторыми представителями российского командования на Кавказе. Так, командующий Левым

¹ Щербина Ф. А. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска//Кубанское казачье войско. 1696–1896. Краснодар: Советская Кубань., 1996. С. 131.

² Покровский М. Завоевание Кавказа // Россия и Кавказ. СПб.: Звезда, 1995. С. 25.

³ Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. С. 123.

⁴ Лаудаев У. Чеченское племя //ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. 2. С. 19.

⁵ Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991. С. 78.

⁶ Потто В. А. Кавказская война. В 5 т. Т. 2. Ставрополь: Кавказская библиотека. 1994. 684 с. С. 370.

⁷ Кипкеева З. Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: Кавказская библиотека, 2008. С. 191.

флангом Кавказской линии генерал-лейтенант Розен в донесении начальству от 19 апреля 1830 г. писал: «Набеги, чинимые до сего времени нашими войсками на чеченские деревни за какие-либо шалости некоторых жителей, я не признаю полезными; ибо сим средством жители, непричастные к шалостям, но только жившие в одной деревне, подвергаются разорению, причиняемому нашими войсками (т. е. по принципу круговой поруки. — Авт.), от чего и питают к нам более ненависти и горят мщением»¹.

Дореволюционные историки казачества (Ф. Пономарев, П. П. Короленко, А. Ржевусский, Ф. А. Щербина, И. Попко и др.) отмечают, что казаки не оставляли без ответа ни один набег горцев на российскую пограничную линию². Причем, если отряды горцев были в основном небольшими (5–30 чел.), то казаки снаряжали целые военные экспедиции вместе с артиллерией. «За набег платили набегом и за разорение — разорением, — писал Ф. А. Щербина. — Наряжались военные экспедиции, казаки переходили на земли горцев, разоряли аулы, жгли хлеб и сено, уводили скот, брали в плен население...»³. А. Зиссерман отмечает то же самое: «...То горцы делали набеги к нам, ...то мы, большей частью несколькими отрядами, делали набеги к ним; обе стороны налетали, жгли, уводили в плен, угоняли скот...»⁴.

Именно с учетом всех этих факторов В. В. Дегоев и писал о природе набегов: «Если уж переводить разговор в русло «горькой правды», то следовало бы иметь в виду, что в сущности бесчисленные казачьи набеги на горцев по своей социально-экономической природе, технологии, жестокости и результатам мало чем отличались от горских... Коль скоро сторонники концепции о «внутренних» истоках Кавказской войны связывают ее происхождение именно с этим общественным институтом (не важно в данном случае — в качестве ли главной или второстепенной причины), то не стоит забывать о наличии и у противоположной стороны такого же института, способного играть не менее провоцирующую роль. Впрочем, проблема бескомпромиссного выяснения «кто прав, а кто виноват» в войне или математического распределения ответственности за нее малопродуктивна с научной точки зрения, хотя и имеет «законное» право на существование как предмет идеолого-политических спекуляций. К сожалению, даже серьезные ученые не могут избавиться от гнета этой про-

¹ ЦГИАГ. Ф. 2. Канцелярия Главнокомандующего Закавказским краем. Оп. 1. Д. 2649. Л. 2–2 об.

² *Короленко О. П.* Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Екатеринбург: Панорама, 1896. С. 25; *Ржевусский А.* Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске. — Владикавказ: Электротпечатная тип. Терского областного правления, 1888. С. 4; *Попко И.* Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. СПб., 1880. С. 247–249 и т. д.

³ *Щербина Ф. А.* Краткий исторический очерк... С. 139.

⁴ *Зиссерман А. А.* История 80-го пехотного генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. В 3 т. Т. 1. СПб., 1881. 532 с. С. 330.

блемы, зачастую понимая ее как нравственную задачу реабилитации России и решая ее довольно откровенно и прямолинейно»¹.

Мы привели все это не для того, чтобы снова открыть дискуссию о природе горских набегов. Наша цель в другом: природа набегов на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. была намного сложнее, чем это представляется на первый взгляд. «Набегавшие» горцы — только одна сторона этого явления. Если быть объективными и беспристрастными — есть и вторая сторона — «набегавшие» казаки. Поэтому, если уж писать о горских набегах, о «горской набеговой системе», то, справедливости ради, надо писать о горско-казачьих набегах. Историческое явление на Северном Кавказе, известное под названием «набеги», носило в XVIII–XIX вв. взаимный характер — «набегали» друг на друга и горцы, и казаки.

В свете острой дискуссии, существующей вокруг проблемы горско-казачьих набегов, нам кажется интересным рассмотрение взглядов декабристов и русских литераторов — участников Кавказской войны. Они, видевшие эти набеги воочию, а иногда и сами участники этих набегов (в составе солдатско-казачьих отрядов), не могли не оставить свои впечатления и оценки об этом явлении.

Одним из тех, кто по свежим впечатлениям писал о набегах, был писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский. В отличие от современных авторов, безусловно встающих на одну из сторон — горцев или казаков — Марлинский пишет о набегах в спокойном тоне, не демонизируя никого. Видимо, именно потому, что знал точно: виноваты обе стороны, набеги носят взаимный характер. «Левый берег Терека унизан богатыми станицами линейских казаков... Почти все они говорят по-татарски, водят дружбу с горцами, даже родство по похищенным взаимно женам, но в поле враги неумолимые. Как ни запрещено переезжать на горную сторону Терека, но удальцы отправляются туда вплавь, на охоту разного рода. В свою очередь горские хищники бродятся за Терек ночью или переплывают его на бурдюках..., чтобы увлечь в плен беспечного путника или захватить женщину на гребле сена»².

Российские войска и казаки при налетах на горские аулы уничтожали все — дома, сады, сено, хлеб. Горцы, как правило, этого не делали. Да, убивали сопротивляющихся, захватывали в плен не только мужчин, но и женщин с детьми, угоняли скот, «но редко зажигали сена и хлеба в поле»³. Вот как описывает А. А. Бестужев-Марлинский горский набег на русское поселение за Терек: «Кабардинцы вторгались в дома, уносили что поценнее или что второпях попадало под руку, но не жгли домов, не топтали умышленно нив, не ломали виноградников. «Зачем трогать дар божий и труд человека», — говорили они и это правило горского разбойника, не ужасающегося никаким злодейством,

¹ Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., *Русская панорама*, 444 с. 2003. С. 286.

² Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1958. С. 461.

³ Попко И. Указ. соч. С. 249.

есть доблесть, которою могли бы гордиться народы самые образованные, если бы они ее имели»¹. Вместе с тем Бестужев-Марлинский вовсе не идеализирует горцев, совершавших набеги на русские поселения и казачьи станицы. Он показывает, сколько горя и страданий приносили эти набеги жителям этих поселений. Рассказывая об одном из таких набегов, он пишет:

Набег был совершен очень удачно, то есть совершенно неожиданно. Все крестьяне, которые успели вооружиться, были перебиты после отчаянного сопротивления; другие спрятались или разбежались.

Занялась заря, расступились туманы и открыли картину вместе пышную и ужасную. Главная толпа наездников влчила с собою пленных, кого при стремени, кого за седлом, со связанными руками. Плач и стон и вопль отчаяния заглушались угрозами и неистовым криком победной радости. Отягощенные добычей, замедляемые в ходу стадами рогатого скота, они медленно подвигались к Тереку².

В горском обществе XVIII–XIX вв. набеги, даже чисто грабительские, считались проявлением доблести и храбрости джигитов. Об известных «набегантах» складывались песни-илли. При этом следует учесть и другое: если кабардинские, дагестанские и прочие феодалы, возглавлявшие набеги, оставляли себе львиную долю награбленного, то чеченские «набеганты» (феодалов здесь не было) всегда раздавали малоимущим угнанный скот. Понятно, были при этом героями в глазах населения. Если судить хотя бы по произведениям Л. Н. Толстого, набеги на горскую сторону одобрялись и в казачьей среде. А. Бестужев-Марлинский, прекрасный знаток кавказской этнографии, отразил в своих произведениях вот эту героизацию участников набегов у горцев. «В краю, где война есть не что иное, как разбой, а торговля – воровство, разбойник в общем мнении гораздо почтеннее купца, потому что добыча первого куплена удалством, трудами и опасностями, а добыча второго одной ловкостью в обмане и в обмене. ... Разбойник — самое занимательное лицо азиатских сказок и поэм, неизбежное лицо напутных анекдотов, и вообще весь быт его так плотно вкраплен в характер народа, его слава так заманчива, а неприступность гор и покровительство жителей, даже ханов, даст столько способов удачно и безнаказанно им быть, что разбой в подвластном нам Закавказье, несмотря на все старания правительства, очень нередки. Непокорные горцы хищничают, вкрадываясь под личиною мирных, мирные делают то же самое под именем непокорных, ... не дивитесь же, меряя Азию европейским аршином...»³

А. Бестужев-Марлинский почти во всех своих произведениях высоко отзывается о русском солдате, его выносливости и храбрости. С. Голубов

¹ *Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. Т. 1. С. 466.*

² Там же. С. 467.

³ *Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. Т. 1. С. 391.*

отмечает: «В «Письмах из Дагестана», где описаны осада Кази-Мулло крепости Бурной и дальнейшие происшествия войны в Дагестане, единственным героем выступает именно солдат, показанный с удивительной правдивостью... От рекрутства до могилы проходит солдат Марлинского, безвестный, темный, героическая жертва великого исторического обмана. Он показан без риторической приторности, в простых словах рассказана его страшная жизнь, но образ солдата и лицо солдатской толпы вышли из рук художника в наиболее законченных и верных типах»¹. Но в то же время Бестужев-Марлинский показывает, как ведут себя солдаты в захваченных горских селениях. Война есть война, и грабежами (видимо, это неизбежные издержки войны) занимались во время набегов/походов и горцы, и российские солдаты. Так, в «Письмах из Дагестана» Марлинский описывает ситуацию после набега российского отряда на дагестанское селение Эрпели в 1831 г.: «Еще перепалка играла по лесу, прилежащему к деревне, а дело грабежа и разрушения уже началось. Добыча в вещах, в деньгах, в рогатом скоте была огромна. Солдаты, татары, турки вытаскивали ковры, паласы (тонкий, особый вид ковров), вонзали штыки в землю и в стены, ища кладов, рыли, добывали, находили их, выносили серебро, украшения, богатые кольчуги, бросали одно для другого, ловили скот, били, кололи засевших в саклях мятежников. ... Более десяти тысяч голов рогатого скота досталось победителям. Медом и маслом хоть пруд пруди... Ветер взвывает муку вместо пыли»².

Следует учесть и другое: зачастую военные экспедиции российских войск против горцев осуществлялись в форме набегов — внезапный рейд ночью, уничтожение того или иного аула, захват пленных и скота и быстрое возвращение в крепость. По такой форме осуществлялось большинство набегов печально знаменитого генерала Засса против западных адыгов, в Закубанье. Генерал был уверен, что тем самым нагоняет страх на горцев и ускоряет их покорение Россией. Большинство декабристов с осуждением относилось к подобным методам. Так, Н. И. Лорер писал в своих воспоминаниях: «В разговоре с Зассом я заметил ему, что мне не нравится его система войны, и он мне тогда же отвечал: «Россия хочет покорить Кавказ во что бы то ни стало. С народами, нашими неприятелями, чем взять, как не страхом и угрозой? Тут не годится филантропия, и А. П. Ермолов, вешая беспощадно, грабя и сжигая аулы, только этим и успевал более нашего. Еще до сих пор имя его с трепетом произносится в горах, и им пугают маленьких детей.

В поддержание проповедуемой идеи страха на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа при Зассе постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались на ветру. Грустно было смотреть на

¹ Голубов С. Бестужев-Марлинский. М., 1960. С. 309.

² Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. Т. 2. С. 33.

это отвратительное зрелище»¹. Лорер был уверен, что подобными методами еще долго не удастся покорить горцев, для этого нужно использовать совсем иные, мирные, средства. «Мне показался страшным генерал Засс, — отмечает Лорер, — и я невольно сравнил его с анапским комендантом Ротом, который придерживается совершенно противной системы и старается привязать к себе горцев ласковым, человеческим обращением и соблазняет их выгодами и барышами торговли как вернейшим средством указать дикарям выгоду сближения с более образованным народом — русскими. М. С. Воронцов (кавказский наместник. — *Авт.*), вполне европейский человек и даже англоман, в более обширных размерах придерживался, в свое управление Кавказским краем, той же системы. В то время, по крайней мере, Засс не достиг своей цели, и горцы его так ненавидели или, лучше сказать, боялись...»².

Подобную же точку зрения на методы покорения горцев высказывал и декабрист Е. Лачинов. Рассуждая об экспедиции российских войск в Чечню летом 1832 г. под командованием генерала Розена, он пишет: «Набеги быстрые, хорошо рассчитанные, следовательно, всегда внезапные и потому редко неудачные, могут, без сомнения, устрашать и тем смиряют буйство хищников; но для этого нужны совершенно другие фокусы, а не вялые пародии на правильные европейские войны...», во время которых наблюдаются «ужасы войны» — «пожары, грабежи, убийства»³. Подобные набеги, уверяет Е. Лачинов, не скоро приведут к желанной цели — к миру на Кавказе и прочному присоединению его к России. «...Нет никакой причины думать, — отмечает он, — что набеги когда-нибудь приведут к ожидаемому концу, если не изменится система и, конечно, не подобные экспедиции послужат к полному усмирению горцев»⁴.

Как мы уже отмечали впереди, ни один горский набег на русские поселения не оставался без ответного набега казаков и солдат. При этом далеко не всегда наказывалось именно селение участников набега. Очень часто страдали и совершенно невинные аулы и невинные люди. Е. Лачинов описывает уничтожение одного из таких аулов: «Но вот деревня в виду, — ура! И рассыпались по избам: мужчины и женщины захвачены, весь скот, все имущество в руках победителей. Какое торжество! Как удачно все кончилось! Одно только плохо... — деревня, в которую попали и разграбили, была мирная и покойно оставалась в домах...»⁵.

Набеги горцев и казаков друг на друга представляли из себя страшный порочный круг. С конца XVIII в. набеги горцев на Кавказскую линию были

¹ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 258.

² Там же. С. 259.

³ Лачинов Е. Исповедь // Кавказский сборник. Т. 2. 1877. С. 82.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 85.

продиктованы не только грабительскими мотивами, они выражали и протест против установления в крае российской власти военными, силовыми методами, против военных экспедиций в горские районы. Это хорошо отразил в своем стихотворении «Чеченец Берсан» поэт Константин Белевич, воевавший в Чечне:

Берсан, при вести сообщенной
 Речами гостя восхищенный
 Намаз Аллаху стал творить,
 Моля его благословить
 На путь в набег, на пир кровавый.
 Чтоб пасть за родину со славой
 Иль русского добыть коня.
 Как бурные весною воды
 Из снеговых и черных гор,
 Стеклись, поклявшись смыть позор,
 притоков сунженских народы:
 На берегах их матери-реки
 Уже селились казаки
 И, не давая им покою,
 Аулы ближние пожгли.
 Весь правый берег за рекою
 Опустошив, с мечом прошли»¹.

В ответ на горский набег снаряжалась целая военная экспедиция: казаки и солдаты с артиллерией. Они уничтожали взятые наугад горские аулы вместе с садами, скотом, заготовленным на зиму сеном, продовольственными припасами. В результате семьи горцев, особенно в осенне-зимний период, оказывались обреченными на голодную смерть. Чтобы не допустить этого, горцы вынуждены были идти в набег на русские поселения. В ответ — новые набеги казаков/солдат на горские аулы. Страшный, смертельный замкнутый круг. Об этом с горечью писали и Н. И. Лорер, и Е. Лачинов, и А. Бестужев-Марлинский. Наблюдая за картиной уничтожения крупного чеченского селения Урус-Мартан в июле 1832 г., Е. Лачинов писал: «В деревне все предано огню; истреблены и нивы ее непокорных обитателей, и они, поневоле, должны будут у нас, на линии, искать себе пропитание воровством и грабежом»². Практически в этом же духе размышлял и Бестужев-Марлинский. В письме к Полевому он очень четко выразил свое мнение о горских набегах: «...Горцев бранят за разбой, но

¹ Белевич К. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. СПб., 1891. С. 12.

² Лачинов Е. Указ. соч. С. 77.

разве они могут бросить это ремесло именно теперь, когда русские, как удав, с каждым днем уже и тесней стягивают кольца свои и отнимают у них поле за полем, утес за утесом? Их укоряют в неблагодарности, но ... скажите, за что им быть благодарными? Или в самом деле наши картечи и штыки такое благодеяние, что век не оплатить за него поклонами?»¹. Подобные взгляды на природу горских набегов высказывал и А. С. Пушкин. Он считал, что лишение горцев земли (для строительства казачьих станиц, военных укреплений) и прочие лишения ведут к росту горских набегов в русские пределы. В своем произведении «Путешествие в Арзрум», написанном по следам своего путешествия на Кавказ в 1829 году, поэт пишет: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги»².

Практически вся военная администрация (а гражданской и не было) Кавказа, да и подавляющая часть российского офицерства были уверены, что единственное средство прекратить горские набеги — это жесткое наказание, использование военных методов. А вот А. Бестужев-Марлинский был уверен, что только силовыми методами нельзя искоренить горские набеги. «Будьте уверены, — писал он, — что покада просвещение не откроет новых средств к довольству, и торговля не разольет его поровну во всех ущельях Кавказа, горцев не отучат от разбоев даже трехгранными доказательствами (т. е. штыками. — *Авт.*)»³. По мнению А. Бестужева, прекратить набеги горцев, их вооруженное сопротивление можно будет только путем использования экономических, культурных средств, которые только и способны показать горцам преимущества мирной жизни в рамках Российского государства. И действительно, по-настоящему сближение русских и горцев, инкорпорация горцев в Российское государство началось в последней трети XIX века, когда на Северном Кавказе были проведены серьезные российские реформы, оказавшие огромное влияние на горское общество.

Разумеется, набеги горцев на соседние территории существовали и до появления России на Северном Кавказе. И набеги эти носили, безусловно, чисто грабительский характер. Но горские набеги конца XVIII — начала XIX вв., которые якобы, по мнению некоторых историков, стали одной из основных причин Кавказской войны, по нашему мнению, несколько отличаются от этих ранних набегов. Здесь в набегах воедино слились разные мотивы — и стремление к добыче, и борьба против установления российской власти в крае жестокими силовыми методами, и ответная месть за военные экспедиции

¹ Русское обозрение. 1894, окт. С. 831–832.

² Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум // А. С. Пушкин. Полное собрание соч. В 6 т. Т. 4. М., 1936. С. 565.

³ Бестужев-Марлинский А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 300.

российских войск против горцев, в результате которых уничтожались аулы горцев, гибли люди, в том числе — женщины и дети. Полагаем, что природа горских набегов конца XVIII-начала XIX вв. несколько глубже, чем простой поход «за зипунами».

Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)
**Горцы Атласа в политической истории
 мусульманского Магриба**

Горы района занимают до половины площади исторического Магриба — «Джазират ал-Магриб», если не считать сахарских территорий, присоединенных к странам региона (Алжир, Тунис, Марокко) в колониальный период.

Уже первые походы арабов-мусульман в Магриб на рубеже VII–VIII вв. (I–II вв. х.) показали решимость местных племен (араб. «кабаил») отстаивать свою самостоятельность. В итоге, исламизация и арабизация региона растянулись почти на полтысячелетия.

Занимая наиболее благоприятные уголья и пастбища в прибрежных долинах, арабы оттесняли коренных жителей в горные и предсахарские районы, ставшие со временем основной зоной обитания автохтонов, известных европейцам как «берберы».

Систематическим изучением образа жизни и социальных структур племен Магриба, пожалуй, первым обратился выдающийся историк Ибн Халдун (1332–1406), оставивший сравнительное описание народов Северной Африки и Передней Азии в своем сочинении «*Китаб ал-'ибар...*» («*Книга назидательных примеров и собрание известий о днях арабов, персов, берберов...*»). Опираясь на труды предшественников, Ибн Халдун дал общую классификацию коренного населения Магриба, разделив «берберские народы» на три большие этнокультурные группы: 1) *санхаджа* — преимущественно кочевники и полукочевники (в т. ч. туареги Сахары, горцы Восточного Атласа — «кабаил», давшие историческое название области Кабилия на севере Алжира); 2) *масмуда* — древнейшая ветвь автохтонов, населявшая высокогорные и предгорные районы Большого Атласа на юге Марокко, и 3) *зената* — видимо, относительно поздно пришедшая с востока группа афразийских племен, расселившихся, в основном, в присредиземноморских землях: от Триполитании на востоке, до марокканского горного Рифа — на западе.

Присоединение Магриба к владениям Халифата сопровождалось сопротивлением местных племен, часто лишь поверхностно принимавших религию и язык завоевателей, но остававшихся в оппозиции к центральной власти. Со временем за этими независимыми, преимущественно горными племенами, закрепилось название «сиба'» — т. е. «львы», «хищники». «*Край львов*» («*билад*

ас-сиба '») — надолго стал в политической истории Магриба синонимом «зоны непокорных», в противовес «*билад ал-махзен*» («край *махзена*»), объединявший население, покорное правительству («*махзен*»).

История Магриба переполнена примерами вооруженных движений горцев. Религиозно-политические амбиции берберов *санхаджа* привели в XI–XII вв. к образованию первой трансконтинентальной империи мусульманского Запада на севере Африки и на Иберийском п-ове. Мощную державу Альморавидов в XII–XIII вв. здесь сменила династия Альмохадов, основанная горцами-*масмуда*.

С формированием новых центров исламской государственности, часто во главе с шерифами — благородными потомками Пророка, горцы Атласа составили основу религиозно-политической оппозиции. Не стали исключением Восточный и Средний Магриб (Алжир, Тунис, Триполитания), перешедшие с XVI в. под власть османов

В ходе французского завоевания и колонизации Алжира (с 1830), Туниса (с 1881) и Марокко (с 1912), горные племена Магриба заняли особое место в ассимиляционистской политике метрополии. Стремясь столкнуть арабов и берберов — два основных социокультурных блока «туземного общества», французы активно привлекали берберов к своему «колониальному» проекту. На основе изысканий антропологов, социологов и пр., было объявлено, что по своему происхождению «берберский народ» принадлежит к той же «великой средиземноморской расе», что и сами французы, и все латиняне.

Своего апогея политические игры в «берберском вопросе» достигли в период подготовки к 100-летию «французского Магриба», т. е. начала завоевания Алжира. В 1930 г., вскоре после подавления французо-испанскими войсками Рифской республики в горах Северного Марокко, политики-«ассимиляторы» подготовили «берберский *дахир*» — указ, подписанный султаном Мухаммедом б. Йусуфом (1927–1961) и имевший целью расколоть мусульманское сообщество Дальнего Магриба на носителей арабо-исламских и, с другой стороны, исконно берберских ценностей.

Бурные протесты мусульманского населения Марокко в известной мере стали сюрпризом для Парижа. Под давлением национально-патриотических движений, с новой силой развернувшихся после 2-й мировой войны, пал режим протектората в Марокко и Тунисе (1956). После долгой войны (1954–1962), независимость получил и Алжир — старейшая колония, некогда ставшая фундаментом французской империи в Африке.

Прошедшие после обретения независимости десятилетия не ослабили, в целом, роль «берберского фактора» в политической жизни Магриба. Наиболее остро вопрос о возрождении «берберской идентичности» стоял, пожалуй, в последнее время в Алжире, где главными приверженцами его решения стали кабилы — представители племен горной и приморской Кабилии, земли которой почти 14 веков назад стали первым оплотом сопротивления арабским завоеваниям.

Месхидзе Дж. И. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Горная Чечня: эпизоды истории, легендарные герои и культурное наследие Майстинского общества

Высокогорная Майста, древняя историческая область Чечни, была расположена в ущелье р. Майстойн-эрк (приток р. Чанты-Аргун) и граничила с территорией Грузии (через вершины Бокового хребта) на юге и с чеченскими обществами — Кей и Терла (вдоль русла р. Чанты-Аргун) на севере, Малхиста (через горные хребты) на северо-западе и западе, Хилдехара (через Тебулосский хребет) на востоке. Ее некогда густонаселенная территория ныне являет собою безлюдный комплекс археологических и средневековых архитектурных памятников и входит в состав Итум-Калинского муниципального района, потомки же ее обитателей проживают преимущественно в равнинных районах Чеченской Республики (Урус-Мартановский, Сунженский и др.) и в Ахметском муниципалитете Грузии (Тушети и Панкисское ущелье Кахети). Лингвистами был выделен майстинский говор галанчоужского диалекта чеченского языка¹.

Согласно преданиям, название общества произошло от имени легендарного Майсто, — внука этноарха чеченцев Турпала Нохчо, — родившегося со сгустком крови в руке, что считалось знаком воинского духа и мужественности. Объединявшая четыре селения – Васар-кхелли, Пуога, Туга, Це-кхелли — и географически изолированная от основного массива чеченских обществ, Майста была самостоятельной политической единицей, где властные полномочия принадлежали старшим представителям семейств и старейшинам фамилий². Ритмы жизнедеятельности и стратегии жизнеобеспечения майстинцев — от способов использования ресурсов и хозяйственного уклада, базировавшегося на охоте и скотоводстве (главным образом, овцеводстве) до социальных структур, нормативных аспектов и внешних контактов (тесные общественно-экономические и культурные взаимосвязи с хевсурами и тушинами) — были обусловлены характером ландшафта. Через селение Васар-кхелли проходил торговый путь из Дагестана в Аргунское ущелье, являвшееся с давних времен важнейшей магистралью Чечни, а оттуда — к верховьям Алазани³, в Грузию. Особенности физического пространства повлияли и на формирование архитектурно-эстетического облика Майсты и мировоззрения ее жителей, сохранявших еще в XIX в. древнейшую систему культового служения. Мифологические и рели-

¹ Алироев И. Ю. Чеченский язык. М.: Academia, 1999. С. 22.

² История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4 т. Т. II. История Чечни. XVI–XVIII вв. / Отв. ред. Я. З. Ахмадов. Грозный: АО ИПК «Грозненский рабочий», 2016. С. 91.

³ Шавхелишвили А. Тушины (историко-этнографическое исследование цова-тушин). Тбилиси: Мецниереба, 2001. С. 60.

гиозные верования, имея общечеченскую природу, отражали и специфические местные представления: особая роль отводилась почитанию гор, вершин и их властелинов — горных духов¹. Высочайшим почтением был окутан Тулой Лам / Тебулос Мта (4512 м) — наивысший пик Восточного Кавказа; с ним же связаны эпизоды многолетней борьбы с монголо-татарами. Майстинцы оберегали свои традиции и славились как мастера башенного строительства и искусные врачеватели, как авторитетные знатоки обычного права: *Майстон кхелл* (Суд майстинцев) — после утверждения ислама *Дайн кхелл* (Суд отцов) — существовал вплоть до 1944 г., его решения признавались справедливыми и исполнялись непреложно. В период Кавказской войны (1817–1864) Майста оказывала сопротивление как присоединению к Имамату Шамиля, так и подчинению российским властям; заметный след в тех исторических событиях оставил знаменитый Джозоло. При депортации чеченцев войсками НКВД в 1944 г. майстинские селения были разрушены, древние башни — взорваны и сожжены; права вернуться в родные дома после ссылки майстинцы были лишены.

В ходе военных действий 1990–2000-х гг. многие историко-архитектурные памятники в Майстинском ущелье превратились в руины. Программе восстановления и охране объектов культурного наследия в Чеченской Республике уделяется в настоящее время пристальное внимание. Подтверждением этому служит организованная в 2016 г. Национальным музеем ЧР и Центром археологических исследований АН ЧР экспедиция, участники которой (М. А. Тангиев, Р. Ижаев, М.-Э. Лабозанов) — впервые за последние тридцать лет — смогли посетить и провести мониторинг памятников на территории находящихся под контролем пограничников ФСБ РФ селений Васар-кхелли и Це-кхелли.

¹ *Далгат Б. К.* Первобытная религия чеченцев и ингушей / Отв. ред. С. А. Арутюнов. М.: Наука, 2004. 240 с.; *Ильясов Л.* Петроглифы Чечни. М.: ДС ХАУС; Грозный: Изд-во Чеченского государственного университета, 2014. С. 88–107.

ХІ. КРУГЛЫЙ СТОЛ:
«ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ВОСТОК»

ROUND TABLE DISCUSSION:
“TRADITIONALISM AND ORIENT”

Ogut Eker Refia Gulin (Hacettepe University, Ankara, Turkey)

**Are traditions and modernity the conflicting value systems?
Traditions of Re-Contextualized Modern Life**

Are traditions sacred while modern science and philosophical movements are profane and objective? In the 21st century modernity is considered the dominant power and the only one being valid, while tradition is often perceived as archaic and anachronistic. Starting from this idea emerged in social sciences, the article discusses the place of tradition in the perception of modernity and questioning its mission to make sense of the person's life.

In the discussions based on the dichotomy of tradition and modernity, the idea of tradition's inability to meet human needs and expectations is a common prejudice, especially popular when it comes to the Eastern and Islamic societies. On the other hand, purely traditional practices are being kept alive in the Western societies, and in this respect the example of the Queen's Day Festival in the Netherlands is very telling.

In the present paper, from the point of the role based on needs of “believing“ and “attributing meaning“ that myth plays in culture, the American Rodeo Festival will be considered as a “Modern Age myth“ in which people want to live, thus the chief actor of the rodeo, “cowboy“, will be viewed as a mythological hero. The paper will show that the Netherlands' Queen's Day Festival and Rodeo Festival, which will be analyzed through the Functional Folklore Theory, shape the modern world by transforming “tradition“ into a cultural product that serves the need of ontological security.

In conclusion, an argument will be made that the Western mentality considers that basing its past and future on tradition contributes to their richness and value, and

by no means prevents to equate European and American cultures with Modernity, while Eastern societies perceive their traditions as obscurantism and a source of embarrassment.

Алимджанов Б. А. (Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Неотрадиционализм как маркер идентичности в современном Узбекистане

В академических кругах Узбекистана уже долгое время идет спор о форме и содержании идентичности в Узбекистане. Столичные (ташкентские) ученые (историки, этнологи) делают упор на примордиалистскую версию национальной идентичности, настаивая на том, что узбекский народ (а не нация) сформировался в IX–XII вв., а история узбекской государственности насчитывает более 2700 лет своего развития.

Первым «национальным» государством (не царством и не ханством — Б. А.) на территории Центральной / Средней Азии, по мнению узбекистанских историков, является Караханидское государство (X в.), основу которого составляли тюркоязычные племена. Появление «централизованных» государств, по мнению среднеазиатских историков, совпадает с формированием узбекского и таджикского народов. «В период господства Караханидов (IX–XI вв.), пишут узбекистанские историки (ссылаясь на труды известного историка К. Шаниязова), в связи с переходом политической власти в Мавераннахре и Хорезме в руки тюркских династий, начался завершающий период этногенеза узбекского народа. В государстве западных Караханидов сформировался тюркский этнос, составивший этническую базу современных узбеков. В этот период сложилось единство таких ведущих этнических характеристик, как единство территории, языка, культуры, исторической судьбы, этнического самосознания, государственной принадлежности, религии и т. д.».

По историческим схемам Ташкентских историков можно сделать вывод, что государственные структуры в Средней Азии возникли намного раньше, чем сама нация или народ(?!). Опережающее развитие институтов власти по сравнению с социальным, религиозным и этническим развитием создает «теоретическую базу» для обоснования того, что политическая власть является основнымдемиургом идентичности/идентичностей в регионе.

Региональные («периферийные») историки и этнографы Узбекистана пишут интересные работы, которые делают упор больше на локальных идентичностях, чем на общереспубликанских или общенациональных. В региональных исследованиях в первую очередь изучается история племен и выдающихся исторических личностей, сыгравших значительную роль в локальной культуре.

Неоднозначность и разноправленность целей академических и околонучных кругов в Узбекистане порождает усиление больше локальных, чем общерегиональных идентичностей.

Так, один из региональных историков М. Ш. Усмонов пишет о племени кунгратов, что они являются «одним из крупных субэтнических компонентов в составе узбекского народа». Также он выделяет кунгратов из состава узбекского народа и ссылается на общетюркскую идентичность, когда пишет, что «кунграты, будучи неотъемлемой частью узбекского, каракалпакского и казахского и др. народов, занимают особое место в общетюркской культуре». Также исследователь отмечает, что кунграты сохранили свой язык и самобытность и живут по традициям своего племени, а не по «общенациональной идее», сконструированной ташкентскими историками и идеологами нациестроительства.

Это свидетельствует о том, что жители южных районов Узбекистана (Сурхандарья, Кашкадарья, Бухара), которые по-прежнему являются в основном скотоводами и земледельцами, сохранили свою идентичность и этничность, несмотря на все старания республиканских элит. «Идеологический» плюрализм усиливает разницу между областями в Узбекистане и мешает созданию единой идентичности для построения национального демократического государства.

Борисова А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Система *измото* в современной Японии

Система *измото* является организационной системой школ традиционных японских искусств, а сам термин «*измото*» можно перевести как «Глава дома». Это не случайно: своей структурой данная система напоминает традиционную семью, где *измото* исполняет функции главы рода, обладая при этом исключительными правами, такими как обладание всеми секретными знаниями школы, внесение изменений в правила, наделение выдающихся учеников правом на преподавание и т. д. Благодаря строгой иерархической структуре и жестким правилам, следовать которым был обязан каждый обучающийся, даже самые крупные школы успешно контролировали большие массы учеников, и это было замечено властями в период Эдо (1603–1867). Система *измото* стала одним из элементов контроля над населением, а крупные школы пользовались благосклонностью и поддержкой властей.

В период Мэйдзи (1868–1912), когда в Японии стремительными темпами шла модернизация по европейскому образцу, интерес к традиционным искусствам был потерян, и многие *измото* были вынуждены буквально бороться за выживание своих школ. Однако в начале XX века японцы вновь обратились к своим исконным ценностям, что поспособствовало восстановлению пре-

стижа школ традиционных искусств и увеличению числа обучающихся (теперь в школах могли обучаться и женщины).

Период после Второй мировой войны тоже был очень сложным для традиционной культуры Японии. Многие искусства были ограничены в ходе американской оккупации Японии, а некоторые, например, боевые, вообще запрещены, как пропагандирующие национализм и милитаризм. Однако впоследствии произошел новый подъем популярности традиционных искусств, и в настоящее время многие из них являются своего рода «визитной карточкой» Японии.

В наши дни *измото* по-прежнему выполняют свои функции руководителей школ. Однако теперь школы стали гораздо более открытыми, появилось множество филиалов, в том числе и за рубежом, а сами *измото* стали публичными фигурами: регулярно выходят интервью с главами известных школ, *измото* проводят мастер-классы перед широкой публикой, пишут книги.

Однако роль системы *измото* не ограничивается только школами традиционных японских искусств. За долгие годы своего существования система *измото* настолько прочно вошла в жизнь японского общества, что японцы бессознательно привносят ее основные черты и в искусства, не являющиеся исконно японскими. Например, обучающиеся гавайским танцам японцы гордятся, когда преподаватель-гаваец наделяет их гавайским «артистическим» именем, а обучающиеся искусству создания лоскутных одеял требуют выдавать лицензии на преподавание самым лучшим ученикам. Даже если школа пытается вырваться из-под влияния *измото* и объявляет себя свободной от этой системы, все равно рано или поздно традиционные черты проступают и там, как случилось, например, в школе игры на кото Саваи.

Некоторые особенности системы *измото* проникли и в сферы жизни, не имеющие отношения к искусствам вообще: соседские общины, клубы по интересам. Несмотря на то, что руководителя таких организаций выбирают состоящие в них, зачастую однажды избранный руководитель остается на своем посту долгое время, а его дети, если и не займут это место, будут известны как «дети руководителя». Руководитель же часто сам назначает преемника, и его решению подчиняются. Это похоже на передачу титула по наследству, что характерно для системы *измото*. Для того, чтобы стать признанными членами общины либо клуба, новичкам приходится пройти долгий путь, каждый этап которого знаменуется негласной церемонией: сначала новичка приглашают на общие мероприятия, потом на более значимые и т. д. Это очень напоминает профессиональный рост обучающегося в школе искусств, где каждый этап обучения отмечается сертификатом.

Таким образом, в настоящее время система *измото* не только остается основной организационной структурой школ традиционных искусств, но и вышла за их пределы, прочно заняв место одной из основополагающих структур японского общества.

Бочаров В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О «традиционализме» Востока и стратегиях его изучения (к теоретическому наследию Д. А. Ольдерогге и Н. М. Гиренко)

Актуальность. Проблема традиции/традиционализма попала в центр внимания науки в 60-х — начале 70-х гг. XX в. в рамках неоэволюционистской теории модернизации, представлявшей движение государств Востока к «цивилизации» через борьбу «традиции» и «модерна». Поначалу победа «модерна» не подвергалась сомнению, но, уже в 1980-х, исходя из сложившейся в данных странах общественно-политической практики, заговорили о необходимости «сочетания традиции и модерна», о «модернизации традиционализацией» и т.п. Развал «социалистической системы» вроде бы подтвердил истинность эволюционистских воззрений, однако, как выяснилось, «конец истории» не состоялся. Вновь обрели силу «архаические» социальные и идейные формы бытия (клановые, племенные, кастовые образования, религии), что сегодня связывается с неотрадиционализмом. С закатом моды на постмодернизм с его скептицизмом к *прогрессу, эволюции, развитию*, налицо потребность в осмыслении эволюции Востока.

Восток и «колониальное общество». Д. А. Ольдерогге в начале 70-х выдвинул положение о «колониальном обществе как особом типе развития»¹. Доказывалось, что социальные реалии государств Востока (на примере Африки) нельзя отождествлять с «традицией», т.к. традиционные (доколониальные) формы существования были кардинально преобразованы европейцами в колониальное время. Даже, если политика европейцев (англичан) была направлена на сохранение прежних форм, на самом деле, она представляла собой «конструирование традиции», т. е. привлечением этнокультурных символов для обозначения новаций в интересах управляющих. Первоначальный успех «косвенного управления», объясняется нечувствительностью архаического создания к различению содержания и формы. Однако, впоследствии конфликт культуры с ее общественным содержанием стал очевидным для населения, в результате первоочередным актом правительств по обретению английскими колониями независимости была, например, отмена института «традиционного вождя».

Н. М. Гиренко, в свою очередь, справедливо подверг критике использование антропологами/социологами понятия «традиция», отождествляющих с ней «старое, архаичное, примитивное». Традиция обретает конкретно-научный смысл только в рамках дихотомии «традиция-новация», их соотношения

¹ *Ольдерогге Д. А.* Колониальное общество — этап в этническом развитии Тропической Африки. Постановка проблемы // Д. А. Ольдерогге. Эпигамия. М.: Наука, 1983. С. 181–190.

в определенный временной период, так как не бывает явления «традиционного вообще»¹.

«Культура/общество» и эволюция Востока. Важным для понимания исторической колониального общества является разработанное Н. М. Гиренко понятие «культуры», которое он соотнес не с «природой», как это приятно, а с «обществом». Принятая в науке дихотомия «природа-культура» была заменена триадой «природа-общество-культура», где культура является «конкретной формой реализацией общественного бытия»². Разведение *культуры* и *общества* дает возможность по-новому трактовать эволюционный процесс как социокультурный феномен, т. е. как результат их взаимодействия. Развитие Запада соотносится с *обществом-абстракцией*, породившим за счет фундаментальных трансформаций внутри себя, новый тип социальной материи, состоящую из «эгоистических личностей», враждебных к традиционным ценностям, ограничивающим их «свободу» (Маркс). Запад породил и адекватную обществу культуру: экономическую, основанную на частной собственности, политическую — на разделении властей и правовую — на правах человека.

Заемствованные инновации, разрушая традиционное общество Востока, также порождают «эгоистические личности», которые, однако, вследствие консервативности *культуры*, продолжают в той или иной мере сохранять в «умах и сердцах» традиционные ценности. В результате воспринятые демократические институты в чужом общественном контексте носят имитативный характер, т.к. их деятельность подчинена императивам собственных культур. Однако, в связи с тенденцией в мировой политике, связанной с «традиционализацией Запада», можно ожидать в будущем превращения политических режимов Востока в монархии, оформленных в символах собственных культур.

Гейбуллаева Р. М. (Бакинский славянский университет, Баку)

Социальная коммуникации как вид культуры в зеркале средневекового эпоса

Одним из источников для понимания культуры народов являются литературные памятники — художественные произведения. Социальная культура и ее паттерны-образцы отражались в мифах, религиозных книгах, а также в литературных текстах, которые в той или иной форме отражали и отражают

¹ *Гиренко Н. М.* Динамика биосоциальной системы в естественноисторическом процессе // Африканский этнографический сборник. XV. Л.: Наука, 1991. С. 4–61.

² *Гиренко Н. М.* Взаимодействие культуры и общества. // Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб.: Carrilon, 2004. С. 475–495.

правила социального этикета. В этом плане эпос является переходным звеном между мифом и собственно литературой в современном понимании.

Каким правилам нужно следовать в повседневной жизни? Это вопрос культурной и социальной антропологии, который можно изучать через литературный текст. На примере художественных текстов можно установить поведенческие модели народа. Как правила и модели поведения того или общества соотносятся с прошлым народа? Как соотносятся социальная этика и «культурный геном» современных наций? В какой степени духовное и культурное наследие проходит естественный отбор? Насколько применима теория «литературного дарвинизма» на примере литературного наследия последних веков?

Средневековые тексты в этом плане можно анализировать с точки зрения *истоков правил* поведения, изучаемых современной социальной и культурной антропологией и когнитивной социологией. Какими были социальные и культурные модели, поведенческие модели современных народов в эпоху Средневековья? Подвержены ли они как духовное и культурное наследие социальному дарвинизму или относятся к *dual inheritance* (двойному наследию — биологическому и культурологическому)? Насколько поведенческие модели современных народов созвучны с описанными в средневековых текстах образцами, иными словами, в какой форме сохранились или видоизменились средневековые нормы? Например, как спроецированы на современность покрытие головы, положение женщины в обществе, совершение молитвы или питье вина несколько столетий назад?

В предложенном исследовании мы анализируем корни социальных моделей поведения и традиций коммуникации двух современных народов — азербайджанцев и немцев — через сопоставление текстов их главных средневековых эпосов: «Книга Деда моего Коркуда» и «Песнь о Нибелунгах».

Малашевская М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Традиционные механизмы в японской дипломатической практике на примере российско-японских переговоров в 1990-е гг.

Можно выделить несколько традиционных подходов японской деловой практики, которые широко применяются и в дипломатии. Как правило переговоры делятся на несколько этапов: 1) установление личных контактов и установление доверительных отношений; 2) проведение предварительных переговоров и тщательная проработка итогового решения, что позволяет нивелировать риски от переговоров; 3) проведение официального раунда переговоров, на котором артикулируется решение сторон.

На материале воспоминаний японских дипломатов, работавших в Москве в 1990-е гг. (Эдамура Сумио, Сато Масару, Того Кадзухико и др.), можно говорить о том, что с конца 1980-х гг. они стремились установить первые личные контакты с советским истеблишментом. Эти связи налаживались как через официальные инстанции, так и неформальным образом. Развитие диалога с российским правительством в 1990-е гг. проходило под лозунгом развития «доверительных отношений» и по средствам «дипломатии лицом к лицу». Традиционно доверие между деловыми партнерами рассматривается в японской бизнес-этике в качестве базовой ценности. Широко известно, что на протяжении нескольких веков японские предприниматели руководствовались устными договоренностями. Эти договоренности основывались на взаимном доверии и перспективах долгосрочных отношений. Подобные принципы переносились японской стороной и на дипломатические переговоры с российскими представителями. Важным механизмом в реализации данного принципа является создание сети контактов («каналы связи») с российским истеблишментом.

После наработки «каналов связи», японские переговорщики переходят увязыванию мнений сторон — предварительным переговорам, основанным на принципе «нэмаваси» (окапывание корней). Данный этап является основным в деловой практике Японии. Японская сторона прибегала к «нэмаваси» 1996–1998 гг. в переговорах с Россией.

Особенную важность приобрел формат неформальных переговоров, на которых, по замечанию японского политика Судзуки Мунэо, возможен обмен истинными мнениями по спорным вопросам. Данный подход японском деловом лексиконе называется «хоннэ» (истинные намерения). Обмен мнениями в Японии традиционно проводится в закрытом формате, в неформальной обстановке. Японские участники стремились применить аналогичную схему в переговорах с российской стороной в преддверии официального визита премьер-министра Обути Кэйдзо в Москву (ноябрь 1998 г.). При подготовке этого визита в 1997–1998 гг. были проведены неофициальные переговоры между лидерами России и Японии — т. н. «встречи без галстуков» Б. Н. Ельцина — Хасимото Рютаро. Эти переговоры стали яркой иллюстрацией применения принципов «хоннэ» и «нэмаваси». Однако японская сторона внесла инновацию — проведение такого рода встреч на уровне лидеров не принято в Японии. Этим занимаются управленцы более низкого уровня. В случае переговоров с российской стороной, учитывая особенности российской политической культуры, для которой характерна ведущая роль лидера в процессе принятия решений, японские переговорщики комбинировали традиционные для Японии механизмы ведения переговоров и эффективный подход в случае переговоров с Россией.

На финальном этапе, во время визита премьер-министра Обути в Москву были представлены договоренности, которых удалось достичь сторонам в ходе

предварительных переговоров на разных уровнях. Соответственно, в ходе ведения переговоров в 1990-е гг. японской стороной применялись традиционные для японской политической культуры механизмы, которые в то же время, были модернизированы с учетом особенностей российской политической культуры.

Маяцкий Д. И. (ВФ, СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу о влиянии традиционной культуры Китая на классическую китайскую драму *цзацзюй* и *наньси* XIII–XIV вв.

В докладе затрагивается проблема, общая для китайского культурного наследия. Традиционализм всегда был одним из постоянных спутников культурного развития Китая и, в какой-то мере, продолжает оставаться им до сих пор, несмотря на глобализацию. В какую эпоху ни появлялись новые для Китая культурные явления, в них обязательно просачивались многочисленные приметы традиционной культуры и эти приметы делали новые явления органической частью общего культурного наследия Китая.

Сходная ситуация складывалась и с первыми законченными жанрами классической китайской драматургии — *цзацзюй* и *наньси*, сложившимися в XIII–XIV вв. Один из жанров возник на севере Китая (*цзацзюй*), другой — на юге (*наньси*). Оба они появились неожиданно и спонтанно. Мы подчеркнем, что в XIII–XIV вв. *цзацзюй* и *наньси* появились в китайской литературе, как явления абсолютно новые, но буквально сразу же обнаружили в себе следы старой культуры. В настоящем докладе хотелось бы поделиться некоторыми наблюдениями на этот счет. При этом речь будет идти о текстовой форме существования драм.

Влияние старой культуры на *цзацзюй* и *наньси* можно увидеть на нескольких уровнях. Прежде всего, оно выразилось в том, что для произведений обоих жанров драматурги часто брали популярные сюжеты, известные китайцам по историческим и литературным сочинениям, а также по устным преданиям о людях прошлого, реально существовавших или вымышленных. При этом они либо обрабатывали уже известный в литературе или истории сюжет, либо создавали новый с участием знакомых китайцам исторических или литературных персонажей. Особо стоит отметить, что в новых сюжетах с вымышленными героями, действие привязывалось к конкретным историческим периодам с отсылкой на реальные географические названия. Всего до нас дошли 162¹ *цзацзюй* XIII–XIV вв. Из них примерно в 80 действие происходит в разные периоды истории Китая. Причем, 9 пьес связаны с событиями эпохи Трех Царств, 7 посвящены танскому даосу Люй Дунбиню, 6 — сунскому восстанию Сун

¹ *Сорокин В. Ф.* Китайская классическая драма XIII–XIV вв., М., 1979. С. 15.

Цзяна, 6 — сунскому судье Бао Чжэну, 4 — сунскому министру Фань Чжунъюню, 3 — сунскому поэту Су Ши, 3 — основателю сунской династии Чжао Куанъиню, 2 — основателю танской династии Ли Шиминю и т. д. Минимум, в трех пьесах используются сюжеты танских новелл («Западный флигель», «Пока варилась каша» и «Душа расстается с телом»).

Что касается *наньси*, то их до нас дошло 17¹. Из них шесть связаны с историческими персонажами прошлого — ханьским сановником Цай Боцзе («Лютня»), императором династии Поздняя Хань Лю Чжиюанем («Белый заяц»), знаменитым осиротевшим сыном сановника эпохи Чжоу («Сирота Чжао»), сунским генералом Юэ Фэем («Восточное окно»), ханьским сановником Су У («Пасущий коз») и стратегом эпохи Чжоу — Су Цинем («Су Цинь в парче вернулся домой»). Сюжеты пяти пьес — «Восточное окно», «Убить собаку», «Сирота Чжао», «Белый заяц» и «Беседка поклонения луне» — пересекаются с одноименными *цзацзюй*. Это означает, что они либо имели общий первоисточник, либо заимствовались друг у друга — практика вполне распространенная в китайской литературе.

Скорее всего, под влиянием классической поэзии *ши* организовывалось композиционное построение *цзацзюй* и *наньси*. Эту особенность применительно к *цзацзюй* подметил В. Ф. Сорокин, утверждавший, что четырехчастное деление этих пьес сильно напоминает деление строк уставных стихов на зачин, подхват, поворот и завершение². Эта формула, очевидно, актуальна и для произведений других жанров китайской литературы — в том числе *наньси*. Например, «Лютня» Гао Мина, несмотря на то, что содержит 42 картины, также распадается на четыре большие части³.

В *цзацзюй* и *наньси* авторы активно пользуются пятисловными и семисловными стихами *ши*, выполняющими разные функции. Чаще всего они вводятся для подведения итогов сцен, а также как характерная примета речевого поведения литературных героев, происходящих из образованных сословий. Ведь стихотворные занятия были неотъемлемой частью культурного воспитания образованных людей. О возможной степени массовости употребления *ши* в пьесах можно судить по таким данным — по самым беглым подсчетам, в *цзацзюй* «Западный флигель» Ван Шифу стихи *ши* встречаются свыше 30 раз. В *наньси* «Лютня» — свыше 50 раз.

Часто в пьесах можно встретить литературные приемы, универсальные для различных жанров классической китайской литературы — намеки, сравнения, реминисценции, интерполяции, параллелизмы, фигуры речи и т. д.

Проделанные наблюдения указывают на то, что китайские литераторы, занимаясь драматургическим творчеством и создавая произведения в новых

¹ Цянь Наньян. Наньси гайлунь. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2009. 335 с.

² Сорокин В. Ф. Ук.соч. С. 86.

³ Маяцкий Д. И. Гао Цзэчэн и его пьеса «Пипа-цзи». СПб., 2015. С. 102.

жанрах, воспринимали их как неотъемлемую часть китайской культуры и посему стремились привнести в них то, что было им известно об историческом и культурном прошлом своей страны.

Писчурникова Е. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Традиционный жанр газели в современной афганской литературе на пашто (на примере поэтических сборников Пир Мохаммада Карвана)

Пир Мохаммад Карван (род. 1959 г.) — один из ведущих представителей современной литературы Афганистана, чье творчество на сегодняшний день представлено четырьмя поэтическими сборниками («От вечера до вечера», «Чинара говорит», «Ладони феи», «Золотые крылья»), двумя сборниками коротких рассказов («От нарцисса к нарциссу», «Человек, идущий к горе») и книгой воспоминаний («Карван говорит»). Стихотворные сборники Карвана включают произведения в традиционных жанровых формах, среди которых преобладают газели, а также свободные стихотворения без рифмы, получившие распространение в афганской поэзии XX в. Газели Карвана сохранили все формальные признаки данного жанра: традиционную рифмовку (aa ba ca da и т. д.), редиф и маркировку последнего бейта (*макта*) с помощью имени автора (*тахаллус*). Для большинства газелей также характерны традиционная любовная тематика и поэтические средства, выработанные мастерами афганской классической литературы. Среди газелей Пир Мохаммада Карвана встречаются произведения, которые посвящены острым вопросам современного афганского общества («Крик беженца», «Пороховой ад», «Руки мигранта» и др.). Однако и в газелях любовной тематики Карван наполняет традиционные формы новым содержанием, отражающим мысли и чувства его современников. Поэт органично сочетает современную и традиционную лексику, использует устойчивые метафоры и сравнения классической афганской поэзии, которые создают дополнительный смысловой контекст поэтического высказывания.

Почти все произведения в жанре газели четырех стихотворных сборников поэта имеют названия, что не характерно для классической литературы, чаще всего это ключевое слово или словосочетание из первого бейта (*матла*), в некоторых случаях из последнего (*макта*), иногда название совпадает с редифом. Возможно, это связано с тем, что в структурном отношении большинство газелей Карвана монотематичны, все бейты произведения служат раскрытию заданной темы, тогда как для классической газели на пашто характерна дезинтегрированность бейтов.

Поэзию Пир Мохаммада Карвана отличает особая музыкальность и лиричность, что выделяет ее на фоне произведений других современных афганских

авторов. Популярность и литературные достоинства газелей Карвана служат подтверждением жизнеспособности традиционных жанров в рамках современной афганской поэзии.

Саврилова Н. С. (СПбГУПТД, Санкт-Петербург)

Межкультурная коммуникация как способ освоения чужой культуры

Сложность вступления в диалог с представителем иной культуры, боязнь быть неправильно понятым и другие подобные трудности коммуникативного взаимодействия являются барьерами, с которыми сталкивался каждый человек при погружении в другую культуру. Причем подобные барьеры возникают как на неформальном уровне, так и в деловой сфере, являясь, порой, серьезным препятствием при проведении деловых встреч и переговоров на международном уровне.

Поскольку современный этап развития общества характеризуется расширением контактов между различными странами, их народами и культурами, вопрос о культурной самобытности и культурных различиях становится особенно актуальным, также как и умение проникать в межкультурный коммуникативный дискурс. При отсутствии таких компетенций люди чаще всего общаются с носителями иной культуры и оценивают их на основе собственных национальных норм, что особенно затрудняет коммуникацию между представителями разных культурных сфер. Психологам известно, что поводом для межгрупповых противоречий и конфликтов является ингрупповой фаворитизм, т. е. благосклонное отношение к своей группе в ущерб другой. В этой связи партнерам важно осознать не сходство между собой, а различия, потому что все трудности межкультурной коммуникации проистекают именно из-за неприятия межкультурной разницы.

Один из крупнейших специалистов по межкультурной коммуникации Милтон Беннет предложил модель освоения чужой культуры, которая включает в себя этноцентристские этапы (отрицание, защита, умаление) и этнорелятивистские этапы (признание, адаптация, интеграция)¹. Переход от этноцентризма к этнорелятивизму идет через смену парадигмы, от абсолютизма к релятивизму. В основе этнорелятивизма находится предположение, что поведение человека можно понять только исходя из конкретной культурной ситуации, что у культурного поведения нет стандарта правильности. Другими словами, культурные различия — это и не хорошо, и не плохо, они просто есть, а разные типы

¹ *Bennett M. J.* (1986). A developmental approach to training intercultural sensitivity. in J. Martin (Guest Ed.), Special Issue on Intercultural Training, *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 10. No. 2. 179–186.

поведения бывают приемлемыми или неприемлемыми только в конкретных социокультурных условиях.

По нашему мнению, этноцентризм как свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы как главной по отношению к другим и является одним из основных препятствий для понимания партнеров по бизнесу и общению, что резко снижает договороспособность обеих сторон.

Почему же именно через межкультурную коммуникацию можно преодолеть этноцентризм и выйти на этнорелятивистский этап освоения культуры? Как говорил Конфуций, знаки и символы правят миром, а не правила и законы. Межкультурная коммуникация предполагает знание инокультурного коммуникативного кода, т. е. прежде всего языка, норм и правил поведения (поведенческого кода), психологии и менталитета (психоментального кода) и пр. Наиболее эффективным методом овладения навыками новой культуры могут быть специально организованные коммуникативные тренинги. Их назначение заключается в том, чтобы снять, прежде всего, психологические трудности приспособления к иной культуре. В основе тренинговых методик лежат наблюдения, по результатам которых можно сделать вывод, что существует связь между освоением культуры и личностным ростом. Поэтому предполагается, что люди, ощущающие себя комфортно более чем в одной культуре, интеллектуально и эмоционально более удовлетворены жизнью, чем монокультурные личности. Исходя из вышеизложенного, делается вывод о возможности принятия практических мер для снижения этноцентризма в целом и об эффективности подобных тренингов для подготовки человека к межкультурным контактам в частности.

Сергеева А. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Политическое преемничество в странах Африки южнее Сахары

Феномен политического преемничества последнее время все более привлекает внимание исследователей. В работах, посвященных данному вопросу, преемничество определяется по-разному. Как правило, это особая модель воспроизводства власти, которая по своей природе связана с неопатримониализмом (типом господства, при котором формальная рационализация политических практик сосуществует с политическими практиками традиционного типа господства).

Преемничество часто обнаруживается в авторитарных и тоталитарных режимах (в основном как власть семьи, клана или партии), в государствах

с высокой степенью политического персонализма или сильной президентской властью.

Некоторые авторы противопоставляют преемничество выборности власти, в то время как другие утверждают, что действующая власть лишь предлагает свою кандидатуру, а победа или поражение данной кандидатуры всецело зависит от решения народа (в этом, по мнению исследователей, заключается отличие преемничества от наследования власти). Поэтому здесь основная задача «поставщиков преемника» сводится к минимизации непредсказуемости результатов выборов.

Что касается обязанностей преемника, то в первую очередь это сохранение и продолжение политического курса, а также гарантия безопасности семье уходящего лидера (при отсутствии установленных процедур обеспечения безопасности), защита дистрибутивных интересов правящей группы. При неисполнении перечисленных негласных обязанностей высока вероятность конфликта между преемником и предшествующим лидером и/или правящей элитой. Другой причиной конфликта может стать крайняя самостоятельность преемника в принятии политических решений, отсутствие лояльности предшественнику и его политическому курсу.

Ряд примеров преемничества можно проследить на африканском материале. Большое число африканских лидеров не следовало и не следует установленным законом правилам пребывания у власти. Одни в обход конституционных установлений сохраняют власть в своих руках на протяжении десятилетий; другие прибегают к реформированию конституции, в результате чего открывают себе дорогу к неограниченному числу переизбраний; третьи создают видимость формального соблюдения конституции (не претендуя на не положенный по закону п-й срок), назначают себе преемника, после которого могли бы вновь занять прежний пост.

В постколониальный период на африканском континенте имели место по крайней мере 27 случаев смены власти путем передачи властных полномочий «назначенному» преемнику. К их числу относятся как смена власти по факту кончины лидера страны, который успел назначить себе преемника, так и мирный переход власти от уходящего в отставку лидера к его политическому преемнику, чьим продвижением сменяемый лидер занимался в последние годы своего правления.

Отдельные элементы в процедуре преемничества могут быть объяснены конкретным политическим контекстом, другие определяются традиционной политической культурой. В данном контексте задача антрополога состоит в том, чтобы объяснить, каким образом власти удается обеспечить победу своего преемника на выборах, как в умах избирателей складывается идея о безальтернативности кандидатуры преемника, почему одни преемники находят широкую поддержку в народе, в то время как другие ненадолго удерживаются на своем посту.

Тропникова А. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Республика Кения: «Демократический» процесс сквозь призму антропологического подхода

Традиционализм — одна из характерных особенностей восточных обществ — это обращение к традиции, регламентирующей жизнь социума и каждого отдельного индивида на основе принципа «жить так, как завещали предки». Наиболее заметны черты традиционализма в новых «демократиях» Востока, в том числе в странах Африки. Это связано с тем, что, в отличие от Запада, общественное развитие которого порождало адекватную ему культуру (политическую, правовую, экономическую и т. д.), упомянутые выше страны Азии и Африки, не имея соответствующей почвы, *заимствовали* западную культуру, в надежде, что она «подгонит под себя» общественнополитический контекст.

Здесь речь идет о соотношении понятий Культура и Общество, о котором говорил Н. М. Гиренко. В своих работах он выделил триаду *природа — общество — культура*. Общество у него мыслится как некая абстракция, рассматриваемая в качестве универсалии и развивающаяся в историческом процессе от простого к сложному. Культура, в свою очередь, предстает как реализация конкретного общественно-исторического бытия, она всегда индивидуальна, так как ее характеризуют не только социально-экономические факторы, но и ряд других: демографический, климатический, географический. Однако культура менее динамична чем общество, она изменяется намного медленнее. Поэтому даже в социально-экономически развитых обществах можно найти следы архаики. Таким образом, при анализе «периферийного (парадигма «Культура») развития», внимание исследователя направлено на изучение особенностей взаимодействия между традиционным обществом и западной культурой¹.

Проявления традиции можно обнаружить во всех сферах жизнедеятельности общества от политического управления и властных отношений до культурных реалий и духовной жизни. Во многих регионах Востока наблюдается возрождение прежних форм духовной культуры: вновь набирают силу религии, в т. ч. в своих архаических формах, таких как культ предков, шаманизм, анимизм. В социально-политических практиках видим больший крен в сторону клановой или племенной идентичности (в частности в Африке), трайбализм и непотизм (кумство), являющиеся одним из проявлений неотрадиционализма, характерного для современных восточных обществ и т. д.²

¹ Бочаров В. В. «Революция» в общественно-политическом развитии Востока // Журнал социологии и социальной антропологии «Цивилизационная динамика современных обществ». Т. 15. № 6 (65). 2012. С. 213–221.

² Бочаров В. В. Родство в политико-правовых отношениях современных государств // Алгебра Родства. Вып. 14. СПб., 2013. С. 84–103.

В основе данной работы лежит анализ демократических институтов (в особенности института выборов) Республики Кения исходя из методологических посылок, приведенных выше и тезиса о том, что заимствованные демократические «на бумаге» политические институты Кении не соответствуют реальному положению дел в стране и демонстрируют свою неэффективность.

В преддверии всеобщих выборов в Кении, которые пройдут 8 августа 2017 г., исследование в значительной степени посвящено выборам в Кении, прошедшим в 2013 году. По результатам выборов у власти оказался У. Кениатта, сын первого президента независимой Кении Джомо Кениатты, набравший 50,07% голосов избирателей, что в абсолютных цифрах равняется 6,173 млн человек. В поисках элементов традиционализма автор изучил предвыборные кампании и риторику кандидатов, состав и особенности политических партий, разработанные ими программы и т. д. Работа была проделана с привлечением данных средств массовой информации, в том числе упоминаний выборов, характеристик кандидатов и т.п. пользователями социальных сетей (Facebook, Twitter).

Целищева В. Г. (ВШТЭ, СПбГУПТД, Санкт-Петербург)

Традиционная культура в социальных практиках, научных теориях и политических идеологиях (на примере деятельности музеев российского Дальнего Востока)

В представляемом докладе предлагается анализ изменений содержательного наполнения понятия «традиция» как элемента классификационной шкалы социального времени. В конкурентной борьбе за право классифицировать и структурировать темпоральные представления участвуют множество социальных групп, в частности группы «экспертов по прошлому». В докладе мы остановимся на музейном сообществе российского Дальнего Востока, поскольку организация музейного пространства, принципы отбора музейных предметов не только отражают научные и политические дискурсы о народах и этнических группах, но и закрепляют их на уровне визуальных образов, способствуя легитимации таких политических конструктов как право на историю, культуру, пространство и время.

В создании на рубеже XIX–XX вв. первых дальневосточных музеев прослеживаются несколько мотивов, характерных для того времени: во-первых, потребность в осознании и очерчивании происходящих перемен актуализировавшая понятие «традиционное общество», как антитезу модерна; во-вторых, потребности в оформлении многонационального государства отвечали этнографические экспозиции, в которых народность обретала историчность и объективность. Еще одним мотивом была потребность легитимации управления, опирающегося на научное знание, как механизма власти, в противоположность традиционному владению. Музеи становились своеобразными

витринами идей просвещения. Помимо отмеченных явных мотивов, музеи с первых дней своего существования стали коммуникационными пространствами, связывавшими периферию и центр: на Всемирную выставку 1900 г. в Париже были отправлены фотографии и предметы быта народов Приамурья; или обеспечивающими взаимодействие власти с оппозицией: губернаторы — Н. Л. Гондатти и Н. И. Гродеков, офицер В. К. Арсеньев, ссыльные народовольцы Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, и др., были едины в отношении к науке, ратуя за улучшение жизни коренного населения.

Если дореволюционные музеи были центрами научной деятельности и аккумуляции интеллектуальных сил, то советская власть превратила их в инструмент пропаганды. Экспозиции культур коренных народов играли роль иллюстрации мрачного доиндустриального, несоциалистического прошлого. Новая власть, заменив просвещение образованием (по образу и подобию своему), определялась в своем отношении к музеям, начав с обвинений в буржуазности, что привело к разбазариванию коллекций и к реорганизации экспозиций, например, в хабаровском музее этнографическая коллекция была поделена между экспозицией, отражавшей быт, природопользование, виды хозяйствования, выставкой о эволюции социальных отношений и отделом туземного искусства, оказавшимся не только самым популярным, но и соответствующим официальной идеологии. К 30-м годам власть определилась и в отношении музеев, и в отношении коренных народов. Важнейшее значение приобрела национальная специфика, которая должна была сохраняться. Культурная революция, декларировалась в идеологических программах и осуществлялась в конкретных мероприятиях по созданию и развитию новых культур — «национальных по форме и социалистических по содержанию», превращая традиционную культуру в движущую часть социального лифта. Окончательное превращение отдельных элементов традиционной культуры в источник заработка и символического капитала — престижа и званий, — произошло в 80-х годах прошлого века, благодаря расширению мероприятий, направленных на популяризацию народного творчества.

В 90-х гг. аудитория, заинтересованная в изделиях национальных мастеров, расширилась. К привычным «заказчикам» — музеям, выставочным комитетам и др., а также жителям и гостям региона прибавились зарубежные туристы и исследователи. Изменение аудитории повлияло и на смещение акцентов с «национальной» специфики на «традиционную». Многозначность понятия «традиция» отражается в дискуссии вокруг «качественности», «подлинности», «художественности» изделий, которые ведутся в рыночных условиях между исполнителями, экспертами и покупателями. Негативная оценка эксплуатации «этничности» в коммерческих целях озвучивается экспертами — работниками музеев и сферы образования. Сложное отношение проявляется и у самих носителей культуры. Эксперты и исполнители сходятся во мнении о том, что

к традиции более близки жители сел, в отличие от горожан, оторванных от «корней». Последние используют стилизованные «традиционные» мотивы в картинах, книжных иллюстрациях, ювелирных украшениях и других произведениях, принадлежащих к более «технологичным» и, что не менее важно, к авторским видам искусства. Противопоставление «традиционного» и «авторского» встречается достаточно часто.

Сегодня экономически активными потребителями «традиционной» специфики являются туристы. Если в начале XX века горожане потребляли экзотику «с доставкой на дом», обеспечивая популярность выставкам и музеям, то современные «кочевники», перемещаясь в поисках увлекательных впечатлений, получаемых от взаимодействий с «иным», предпочитают ее «в естественной среде». Фольклорные коллективы, народные мастера и другие участники рынка туристических услуг удовлетворяют потребность в новых формах досуга. Под этот запрос происходит визуально-предметное оформление локальности и происходит расширение музейной сети.

Современные музеи, коллекции и отдельные предметы становятся предметом споров, дискуссий, столкновений разнонаправленных интересов между носителями культуры, национальными активистами, органами власти и музейным сообществом. Анализ кодов, используемых в этих столкновениях, представляется продуктивным для понимания реакции конкретной социальной среды на такие актуальные процессы, как ускорение социального времени, с непредсказуемым будущим и, соответственно, с неопределенным и сверхзначимым прошлым, или на демократизацию общества и эмансипацию социальных меньшинств, способствующих замене моноидеологии государства конкурирующими интерпретациями исторических фактов. Несмотря на прикладную ориентацию исследования, полученные данные позволяют уточнить ряд значимых фундаментальных вопросов, например о соотношении устойчивости и динамики в социальных взаимодействиях, о ресурсной составляющей истории, традиции, прошлого для управления и власти.

Шереметьева Екатерина (СПбГКУТ, Санкт-Петербург)

Дилемма между традицией употребления *раки* (алкогольного напитка) и верой в турецком обществе

Факт широкого использования опьяняющих веществ в традиционных культурах известен¹. Однако, в ходе исторического развития власть или религия зачастую ограничивали их употребление населением. Такой религией, как известно, является ислам, который запрещает употребление алкоголя.

¹ *Бочаров В. В.* Русская празднично-питейная культура и власть (антропологический аспект) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 4. С. 178–192.

Хотя турецкое общество является мусульманским, а ислам рассматривает алкоголь как тяжкий грех, употребление *ракы* населением, широко представлено в современной Турции. Это можно объяснить тем, что *ракы* является важной составляющей турецкой традиционной культуры. Традиция его употребления удерживается в ней и после принятия турками ислама.

Турки еще до принятия ислама, проживая в Средней Азии, которую они считают своей родиной, использовали в качестве алкогольного напитка *кымыз* (или кумыс), изготавливаемый путем ферментации молока кобылиц, которых они специально разводили для этой цели. Кымыз до сих пор производится и употребляется в Средней Азии и России среди таких мусульманских народов с кочевническим прошлым, как татары, башкиры, киргизы, казахи и др. Прежде, в период язычества, *кымыз* использовался в качестве согревающего напитка в холодную погоду (изначальное место происхождения традиции — район Алтая), а когда были обнаружены одурманивающие свойства данного напитка, его начали использовать в ритуалах, позднее — по праздникам и значимым событиям; со временем кымыз стал неотъемлемой частью жизни общества.

Турки после заимствования ислама от арабов с Ближнего Востока, тем не менее продолжили «традицию кымыза». Так как в соответствии с Кораном мусульманам запрещается «вино», они начали искать альтернативу, создавая другие одурманивающие напитки путем переработки разных фруктов (хотя, в основном все-таки винограда), перерабатывая их в различные напитки, формально не похожие на вино. Одним из таких напитков и является *ракы*, который в отличие от вина имеет крепость 45% и прозрачный цвет; при разбавлении водой напиток становится молочного цвета.

В традиции *ракы* можно увидеть древнюю традицию кымыза, который Кораном не запрещается (если трактовать слово «вино» буквально). Более того в период Османской Империи, существовавшей по исламским законам, было создано множество мэйханэ (питейных заведений), что, в свою очередь, превратилось в особую «культуру мэйханэ».

Традиция употребления *ракы* в Турецкой республике во многом была продолжена, вероятно, благодаря ее основателю М. Кемалю, который был почитателем данного напитка, а поведенческие модели лидера имеют большое значение для формирования социальных норм на Востоке.

Известно, что даже наиболее консервативная часть турецкого населения, с ее привязанностью к исламу, употребляет *ракы* у себя дома. Например, Кония, население которой особо отличается особым консерватизмом находится на первом месте по годовому употреблению *ракы*.

В докладе анализируются питейные практики разных социальных групп населения, которые свидетельствуют о силе традиции употребления *ракы*, которая успешно конкурирует с исламом.

Эйдемиллер К. Ю. (СПбПУ, Санкт-Петербург)

«Исламский мир»: экзистенциальный приговор или трансформация ради будущего?

Происходящие сегодня в «Исламском мире», так и за его пределами, с мусульманской *уммой* сложно назвать явлением заурядным, а тем более предсказуемым. Еще четверть века назад «Исламский мир» в том или ином виде, пускай несколько упрощенно и утрированно, мыслит категориями общепринятого политического реализма нации и государства — всем тем, о чем сегодня можно смело забыть. Что произошло, что имеет место быть в настоящем, что толкает массы людей в прошлое и каково будет будущее Исламского мира, за которое он так отчаянно борется — именно ответам на эти вопросы мы и посвящаем настоящую статью.

Сайт «Научная Россия» в материале от 6 июня 2016 г. публикует статью профессора РАН О. Е. Баксанского, ведущего научного сотрудника академического Института философии «Когнитивные технологии и наука XXI века», в которой он выражает свое мнение о том, что XXI век станет веком когнитивных технологий. Из статьи также следует, что прогресс этих технологий коснется всех без исключения сфер человеческой жизни, внутреннего и окружающего его внешнего мира: *«CKTS¹ расширяется на взаимосвязях и границах технологий, и в конечном счете вводит их в общечеловеческие, общепланетарные и общесоциальные основы. Оно объединяет в соответствующих сферах человеческие, технические, социальные, природные ресурсы и возможности, чтобы попытаться ответить на вопросы и решить проблемы, которые узкодисциплинарными возможностями решены быть не могут, а также создает и распространяет новые знания, технологии, промышленности, продукты и решения для улучшения благосостояния людей»*. Однако, что происходит и что мы можем видеть на Ближнем Востоке? Эти самые когнитивные технологии уже используются почти всеми вовлеченными в конфликт акторами в качестве инструмента борьбы и разрушения. Как ни прискорбно это отмечать, но Ближний Восток вошел в XXI век в качестве полигона для испытаний нового, высокотехнологичного инструментария. Это необходимо признать, как данность. Почему это произошло и по каким причинам такое стало возможно — эти безусловно интересные моменты мы оставляем за пределами настоящей статьи. Процесс, запущенный там, невозможно воротить вспять, как сказанное слово или выпущенного на волю джинна, важно осознать другое: что нас всех ждет впереди, когда страшное прошлое становится нашим реальным будущим, а когнитивные технологии XXI века действительно войдут в каждый дом.

¹ CKTS (Convergence of knowledge and technology for the benefit of society) — Конвергенция (коэволюция) знаний и технологий в интересах общества.

Картина Нового мира с точки зрения естественнонаучной и экзистенциальной — необратима. Отчасти сегодня это уже можно проследить по тенденции обращения к отходу человеческого сообщества от биологической составляющей в некую виртуальную реальность к Вселенной, которой достигла таких размеров, что невольно возникает вопрос: реально ли то, что находится вне ее пределов, т. е. что уже на самом деле виртуально в настоящем? Мы могли наблюдать это все на примере того, как иракские или сирийские лоялистские силы в Сирии закрашивали в свой цвет куски карт, представляя миру «великие» победы, которые при сколько-либо серьезном и внимательном рассмотрении не стоят закрашенных наспех карт и потраченного грифеля. Взгляд с другой стороны представлял совершенно иные образы. Движение обращения к архаике и местами стремительное возвращение к ней, как составная часть альтернативного мира постмодернизма и постпозитивизма, породила совершенно новую альтер-реальность, которая ни коим образом не коррелируется с реальностью, если это только не взгляд на полотна С. Дали с его феерической и нарочито сюрреалистичной метафоричностью.

О. Шпенглер, С. Хантингтон и Ф. Фукуяма предупреждали нас вместе с сомном ученых менее именитых, но от этого не менее значимых, что Мир Будущего, Мир Всеобщего Блага, в который нас на всех парах вносят достижения современных технологий будет совершенно иным и разительно отличим от наших иллюзий и представлений о нем, путь к нему будет бесконечно далек от идеалов философов древности, великих французских просветителей и великих русских мечтателей, которые утопично мечтали о нем все прошлое время как о Рае на земле. Мир, переходящий к реперной точки новой бифуркации, рождающий новые возможности — наш сегодняшний, скорее похож на «сон разума, рождающий чудовищ»¹.

Наш сегодняшний мир крайне беспокоен, нельзя сказать, что когда-то что-то было иначе, просто. Возможно, за всю известную его историю человечеству, он никогда так не был близок к своему исчезновению. Эсхатология всех трех мировых авраамических религий единогласно определяет Ближний Восток как место Апокалипсиса, катарсиса, который сейчас (как и в прошлом) представляет из себя самое настоящее поле битвы как людей между собою, так и олицетворяет собственную борьбу человека за выживание у природы. Режимы в этом регионе, которые пришли на смену эпохи колониализма, несменяемо властвовали десятки лет, безусловно представляли собой вчерашний день современного мира в борьбе за свое наилучшее место под солнцем. Однако то, что приходит им на смену через цепи социальных катаклизмов, затмевает собою любое солнце. «Арабская весна», которая не оставила без потрясений ни одну

¹ The Sleep of Reason Produces Monsters (El sueño de la razón produce monstruos) // Wikipedia. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Sleep_of_Reason_Produces_Monsters (Дата обращения 11.1.2017).

арабскую семью, где бы та не находилась, помимо тех 22 арабских государств, что есть на политической карте мира, пронеслась опустошительным ветром сквозь континенты, вызвав спустя 3 года после своего начала Европейский миграционный кризис.

Для Исламского мира Арабским мир значим. И комментарии здесь излишни. На его территории находится Хиджаз — область с двумя священными для всех без исключения мусульман городами Меккой и Мединой. Здесь же Иерусалим — третий по значимости город Исламского мира, да и само место действо Апокалипсиса. Это территория между двумя историческими областями Арабского Халифата — Палестиной и Сирией. Арабский язык для Исламского мира, как латынь для Католического. Диалектический вопрос возникает сам собой: оглядываясь на то, что сейчас в нем [в Арабском мире] происходит, не повторит ли арабский язык — сакральный язык Священного Корана — судьбу латинского [языка], которым все образованные люди будут владеть на уровне и выше, отчасти понимать его и изъясняться, но уже более не использовать его в повседневной речи. Чтобы ответить на этот вопрос и хоть как-то приблизится к осмысленному и верному ответу на него, необходимо учитывать все совокупности значений уравнения, заложенного в сути этого не простого вопроса — природу, общество и человека.

Для гуманитарной географии эти понятия взаимозависимы и тождественны друг другу в своем научном значении. Именно гуманитарная география, включающая в себя экономический, социальный, культурно-исторический¹, а также политические аспекты способна наиболее полно и точно осветить будущие Исламского мира, его положение и перспективы в будущем — мире когнитивных конвергенций. Основываясь на базовых принципах регионализма², опираясь на статистические данные и выкладки метаданных, согласуясь с ними, а также руководствуясь принципами реализма и объективности, Исламский мир географически возможно поделить на три условные части — Западную, Центральную и Восточную. Данное зонирование, помимо географического принципа, взятого за основу, оправдано и символической логикой: две [преимущественно] суннитские части разделены между собой относительно сформированной шиитской осью. С погрешностью на формальное, политическое административно-территориальное деление данный граничный раздел отвечает всем основным принципам теоретического регионализма³ с включением спец-

¹ *Гладкий Ю. Н.* Гуманитарная география: научная экспликация. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 29.

² *Соколова А. А.* Лексико-информационное пространство: географическая сущность и этнокультурная специфика // Известия Русского географического общества. 2007. Т. 139. Вып. 6. С. 17.

³ *Соколова А. А.* Гуманитарная география: к вопросу о делимитации границ предметной области / А. А. Соколова // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 5. С. 109.

ифики региона. Как это ни печально, здесь также фиксируется фрагментация сознания исламского мира, где религиозным и духовным центром Западноисламского мира, его цивилизационным ориентиром является египетский Университет аль-Азхар в Каире, у Центральноисламского мира, преимущественно Шиитского мира, является город Кум, Иран, а ориентиром Восточноисламского мира является Университет Дар уль-Улюм Деобанд («Обитель знания»), он же Деобанд, Девабанд, штат Прадеш, Индия.

Сегодня, столь категорическое разделение стало возможным лишь с возникновением все более усугубляющегося кризиса межконфессиональной и межрелигиозной вражды, точкой отсчета которой можно назвать Гражданскую войну в Ливане (1975–1990 гг.), случившуюся по причине стремительной трансформации региона, вызванной развалом Османской империи, образованием Израиля, усугубленной провалом программы «Черного сентября» в результате Гражданской войны в Иордании (1970–1971 гг.); а также более позднего события, определившего ход истории ближневосточного региона на до и после — рубежной Революции 1357 года в шахском Иране, а также ввод советских войск в Афганистан. Позднее насильственное свержения диктатуры С. Хусейна в Ираке в 2003 г. и процесс насильственной люстрации баасистов, а по сути — десуннитизации Ирака привел к деградации номенклатуры и, как следствие, потере в качестве управляемости единого Ирака — после Ирана и Египта, самой многочисленной по количеству населения страны Ближнего Востока, зафиксировав необратимость процесса и запрограммировав его на путь поиска нового консенсуса. Деклассированные технократы уничтоженного режима в тандеме с представителями силовых структур, возглавляемых Иззатом Ибрагимом ад-Дури, вторым человеком в иерархии Саддамовского Ирака после самого С. Хусейна, составили костяк подпольной организации, сумевшей создать то, что впоследствии стало квазигосударственной сетечентричной структурой с принятием на себя названия «Исламского государства». Основная ставка в его возвышении и существовании делалась на экзистенциальную ненависть к всему тому, что считалось его идеалам чуждым, когда неподчинение диктатуре очень быстро ликвидировалось вместе с сомневающимися. В одном из последних своих интервью итальянский философ и семиотик У. Эко, сформулировавший свое обозначение и характеристику фашизму (чего к слову не было сделано в ходе Нюрнбергского процесса), приравнивал идеологию ИГ или ДАИШ к фашизму, назвав его «современной формой нацизма времен Второй мировой»¹.

Относительно быстрое насильственное свержения диктатуры М. Каддафи в Ливии в 2011 г. смогло высвободить и обеспечить оружием африканские

¹ Умберто Эко: ИГ — современная форма нацизма времен Второй мировой // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20150108/1041828238.html> (Дата обращения 11.1.2017).

территории, а также поддержать интенсивность Гражданской войны в Сирии, что продолжается с марта 2011 г. и идет по сей день. Этот многосторонний вооруженный конфликт с многосторонним и многовекторным иностранным вмешательством на территории Сирии де-факто расчленил ее территорию на куски между участниками конфликта. А. Ф. Х. ас-Сиси, совершивший в 2013 г. военный переворот в надежде спасти свою страну от судьбы соседней Ливии и Сирии, полностью утративших свою субъектность, и свою страту, то есть вооруженные силы, от зачистки, а, по сути, аннигиляции ее исламистами, вышел в 2015 г. с предложением реформировать ислам. Ас-Сиси обратился к преподавателям крупнейшего в стране исламского университета Аль-Азхар с призывом содействовать радикальным преобразованиям в вере с такими слова: *«Я говорю и повторяю: нам нужна революция в вере, вы, имамы, ответственны перед Аллахом. Весь мир, я повторяю это, весь мир ждет шагов с вашей стороны. Разве это возможно, что полтора миллиарда мусульман, живущих на планете, выступали бы за то, чтобы убить всех остальных людей на Земле, чтобы жить самим? Нет, подобное истолкование религии недопустимо»*¹.

Считается, что провести реформы в жизнь не получилось в основном из-за отсутствия проработанности вопроса и по причине той обстановки, которую смогло создать консервативное клерикальное сообщество и конформисты от духовенства. Скорее всего, реализация декларативной программы провалилась по причине общего кризиса арабского мира и арабской мысли как таковой. С одной стороны, этой инициативой под удар был поставлен моральный авторитет первого и старейшего университета мира, с другой — после провала почин на примат исламского знания ушел к голословным пропагандистам, циничным идеологам и откровенным террористам. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что если совокупно оценивать события последних 25 лет, а, в особенности, последних пяти, то можно констатировать, что Западноисламская цивилизация, вошедшая в зону социальной турбулентности, переживает возможно самую серьезную трансформацию за всю свою историю.

Вызов, с которым столкнулся Западноисламский мир имеет характер бедствия библейско-коранического масштаба: социальная инфраструктура целых регионов от Судано-Сахеля на юге до Балкан на север разрушена в щебень. Война своим ТВД поразила территории с запада на восток от Туниса до границ Ирана. Согласно цифрам опубликованной статистики, только в Сирии, количество безвозвратных потерь с начала гражданской войны приблизилось к 500 тыс. чел, 7600 тыс. перемещенных лиц, 4800 тыс. чел. покинули пределы бывшего государства. Армия САР, которая в 1981 г. оккупировала Ливан и представляла собой серьезную силу в регионе, к 2015 году фактически

¹ В Египте готовят революцию в исламе // НГ. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2015-04-01/6_egypt.html (Дата обращения 11.1.2017).

прекратила свое существование как нечто цельное и, главное, управляемое. Регион уничтожен и отброшен в своем развитии на десятилетия назад. Даже по самым базовым критериям Сирийская Арабская Республика перестала быть или считаться «страной», а территория, которая все еще отмечена за ней на политической карте мира, более скорее является исторической областью. Разрушение социальной и технологической инфраструктуры с последующем ее восстановлением только в одной Сирии оценивается по минимальным критериям с приблизительной и предельно обобщенной оценкой в 200 млрд. долл.¹ По сути, чтобы вернуть регион обратно к жизни, для него потребуется свой «План Маршалла».

Однако этого не даст сделать фактически институализированная религиозная война в регионе, которая все более плотным слоем ложится на этно-конфессиональные противоречия и политические разногласия противоборствующих сторон, приобретая все более выразительный оттенок бесконечного противостояния. Олицетворением этого кризиса в массах стал образ «Ближневосточного Сталинграда» — Алеппо (Халеба), некогда процветающего торгового города, превратившегося за годы войны в город-призрак. Ни одна идея о причинении фундаментальной справедливости и всеобщего благо не может служить оправданием в убийстве женщин и детей самыми изуверскими способами. Доведенные до отчаяния люди, безусловно, являются укором мировому сообществу в его неспособности нести ответственность перед ними. И это, не считая проклятия «Плотины Саддама» в Ираке², которая в любой момент может обрушить 11 миллиардов кубометров воды, которые уничтожат в считанные часы Мосул, Багдад и Басру³.

В 2006 г. в ежемесячном американском журнале «Armed Forces» полковником военной разведки США в отставке Ральфом Петерсом была опубликована статья «Кровавые границы: карта «Нового Ближнего Востока»⁴. Позже более детально рассматривать поднятую им проблему он предложил в своей монографии «Никогда не прекращайте сражение». Считается, что именно эти работы послужили прологом к «Арабской весне». Есть много совершенно противоположных друг другу оценок этой работы, однако необходимо отметить,

¹ *Gobat J., Kostial K.* Syria's Conflict Economy // ИГ. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp16123.pdf> (Дата обращения 11.1.2017).

² *Pipes D.* Saddam's Damn Dam [i. e., The Mosul Dam] // Jerusalem Post. Режим доступа: <http://www.danielpipes.org/5107/saddams-damn-dam-ie-the-mosul-dam> (Дата обращения 11.1.2017).

³ *Filkins D.* A bigger problem than ISIS? // New Yorker. Режим доступа: <http://www.newyorker.com/magazine/2017/01/02/a-bigger-problem-than-isis> (Дата обращения 11.1.2017).

⁴ *Peters R.* Blood borders // Armed Forces Journal. Режим доступа: <http://larsanderson.org/files/2011/10/armed-forces-journal-blood-borders-june-2006.pdf> (Дата обращения 11.1.2017).

что в ней так или иначе с одной стороны отражались вполне реалистичные представление американского истеблишмента о ситуации и положении дел в регионе, с другой — предпосылки и ориентиры к дальнейшим действиям в нем¹. Однако один из лучших полководцев истории человечества, Наполеон Бонапарт, сказал следующие: «Революция — должна научить ничего не планировать», и, с другой, стороны: «Искусство войны — это наука, в которой ничто не удается, кроме того, что тщательно просчитано и тщательно продумано». Таким образом, сначала необходимо было создать, как минимум, предпосылки для трех-пяти альтернативных путей развития событий или даже, в широком смысле, «мира» в перспективном постреволюционном регионе, прежде чем запускать необратимые процессы социально-контркультурной и политической трансформации региона.

На наш взгляд, все это достойно рассмотрения, но все эти прожекторные мысли не умоляют и не решают множества иных вопросов, к примеру, таких как «Курдский», о котором вполне бодро рассуждает сам Р. Петерс. Курды, наравне с белуджами, являются самым большим разделенным народом, не имеющим своей собственной официально признанной государственности. Современный Курдистан (на картах Р. Петерса) расположен в самом центре западно-азиатского (ближневосточного) региона примерно между 34 и 40° северной широты и 38 и 48° восточной долготы. Он занимает приблизительно всю центральную часть воображаемого четырехугольника, на северо-западе и юго-западе, ограниченного Черным и Средиземным морями, а на северо-востоке и юго-востоке — Каспийским морем и Персидским заливом. С запада на восток территория Курдистана простирается приблизительно на 1 тыс. км., а с севера на юг — от 300 до 500 км. Его общая площадь составляет примерно 450 тыс. км². Свыше 200 тыс. км². входит в состав современной Турции (Северный и Западный Курдистан), свыше 160 тыс. км². — Ирана (Восточный Курдистан), до 75 тыс. км². — Ирака (Южный Курдистан) и 15 тыс. км². — Сирии (Юго-Западный Курдистан). В настоящее время для всех без исключения стран региона — это территория больших проблем. Огромное черное озеро, поверхностная гладь которого скрыта черными лебедями.

Среди курдов есть как сунниты, так и шииты и даже язычники, к которым «исламизированные» курды вне зависимости от их конфессиональной принадлежности относятся по-братски, не ожидая взаимности. Но курды при этом, в силу своей специфики не способны стать миротворцами в регионе, а скорее, наоборот, будут его перманентными раздражителями. Согласно Севрскому мирному договору, одному из основополагающих договоров Версальско-Вашингтонской системы, но так и не реализованному, предполагалось

¹ «Кровавые границы»: карта «Нового Ближнего Востока» — до и после // ИА REGNUM. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/776025.html> (Дата обращения 11.1.2017).

создание независимого Курдистана, границы которого должны были определить совместно Англия, Франция и Турция. В прошлом, по итогам окончания Первой мировой войны, это оказалось невозможно. Однако в настоящее время Турция несет большее бремя по противодействию курдским сепаратистам теперь уже не только на территории собственной страны, но еще и в развалившейся САР. Турецкая армия, почти полностью обезглавленная по результатам репрессий, произошедших после мятежа 15–16 июля 2016 года с 6 ноября 2016 г. по настоящее время (9.1. 2017.), не может взять город Эль-Баб у ИГ. Вызывает серьезные сомнения способность Турции в настоящем удержать прошлый status quo.

В настоящее время мы можем констатировать почти полную потерю контроля над процессом «управляемого хаоса» и честно в этом признаться, что была бы уже половина пути к преодолению кризиса, который по-настоящему еще даже не начался. Хаос в регионе обрел форму обыденности и неизбежности, перейдя из физическо-математической теории в философскую дефиницию. В перспективе секвестр бюджетов углеводородных держав Ближнего Востока помноженный на будущий кризис в правящей номенклатурной вертикали Саудовской Аравии неизбежно запустит по-новому моховик войны с возможным разделом последней. Конфронтация неизбежно выйдет на совершенно иной уровень. Доказательство тому является Иран, который почти все высвободившиеся средства после снятия с него части санкций и нефтяного эмбарго, вынужден тратить на финансирование войны в Сирии и Ираке. Специальный посланник ООН по Сирии Стаффан де Мистура считает, что Иран тратит на поддержку режима Асада около 6 млрд долларов в год. Альтернативные источники полагают, что если говорить о поддержке Ираном движения Хезболла, которое поставляет Асаду бойцов, то речь может идти скорее о 15–20 млрд долларов в год. Анализ движения танкеров, сделанный Bloomberg, показывает, что Иран в Сирию составляет приблизительно 60 тыс. барел. в сутки¹ — это колоссальные суммы, если представить их в пересчете на 6-й год войны.

Вместо накачивания средствами собственной экономики, на ее совершенствование и эргономичность, Центральноисламский мир вынужден тратить драгоценные ресурсы на борьбу с Западноисламской его частью и ее интересами. Как показывает исторический опыт, эта война окончится плачевно для обеих сторон конфликта и, прежде всего, бескомпромиссностью цивилизационного характера. Есть серьезные основания полагать, что, не выдержав марафона мобилизационно-управленческих структур, экономика обеих сторон конфликта просто не осилит возложенного на нее гнета, что тем самым спровоцирует центробежные тенденции, которыми смогут воспользоваться как внешние, так и внутренние силы. Если говорить об общих факторах — это, конечно,

¹ Как Иран спонсирует войну // Isider.pro. Режим доступа: <https://insider.pro/ru/analytics/2015-06-26/kak-iran-sponsiruet-voynu/> (Дата обращения 11.1.2017).

в перспективе создание федеративного курдского государства на обломках 4-х государств, и даже, возможно, в Армении объединение арабов-шиитов Нижнего Ирака (Месопотамии), Хузестана и Бахрейна, а также Восточной провинции КСА на тех же федеративных основах, расширение и укрепление Израиля, распад Египта и создание плодородной почвы для сценариев с появлением черных лебедей.

Отвечая на вопрос поставленный в заглавии статьи: «Исламский мир»: экзистенциальный приговор или трансформация ради будущего — сам вопрос надо ставить иначе, а есть ли будущее? Фактически уже сегодня Саудовская Аравия, как один из главных акторов ближневосточной политики, локомотивов Исламского мира, и чуть ли ни единственная из крупных арабских стран, не пострадавших в результате Арабской весны, в глазах обывателей, а также значительной части интеллектуальной элиты из самых густонаселенных мусульманских государств Востока, потеряла свою легитимность в праве быть и занимать должность лидера. В том числе это связано и с неподобающим для большинства мусульман образом жизни элиты. Однако это то небольшое, что собственно и понятно, в чем в принципе нет уникальности и чего-то сверхестественного и даже более страшного, в сравнении с порождением этой элитой смуты в умме в угоду своим сиюминутным, меркантильным интересам¹.

Сублимировано, квинтэссенция критики выражается в следующем: Саудовская Аравия потеряла моральное право единолично владеть Хиджазом, узурпировав территорию и установив в нем свой принципат. В связи с этим возникает осторожное предположение, что часть прогрессивных умов Востока видят выход из кризиса и спасение Западноисламской цивилизации в отказе КСА от ее агрессивной внешней политики и протектората над Хиджазом, возвращении ему суверенитета с последующим созданием в границах его территории Священного Исламского государства, управление которым бы строилось по принципам справедливости и равноправия, а также все тому же переходу к демократическим преобразованиям с зависимостью от конфессиональной принадлежности территории. Своеобразный Аугсбургский религиозный мир в “исламском” его варианте. Предпочтительное, но отнюдь не положительное развитие данного сценария подтверждается также и тем, что КСА после событий Арабской весны оказалась втянута сразу в несколько военных кампаний и откровенных авантюр в регионе, начиная с военной

¹ Why Pakistan Will Fight Saudi's Wars but Not Its Own // The Huffington Post. Режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/farheen-rizvi/pakistan-saudi-yemen-war_b_6980542.html (Дата обращения 11.1.2017).

Pakistan's Military-Industrial Complex: Providing Nuclear Warheads to Saudi Arabia? // Global research. Режим доступа: <http://www.globalresearch.ca/pakistans-military-industrial-complex-providing-nuclear-warheads-to-saudi-arabia/5534855> (Дата обращения 11.1.2017).

оккупации Бахрейна и заканчивая участием в гражданской в Йемене, которая уже давно перешла государственную границу этих двух стран, став единым ТВД. Неутихающие шиитские мятежи в нефтеносной Восточной провинции в один прекрасный день могут сыграть свою роль в кончине и дезинтеграции 3-го проекта Саудовского королевства. Создание «Исламского Ватикана», даже по мнению Ральфа Петерса, был бы единственным возможным и приемлемым для всех вариантом началом строительства «Нового Исламского проекта». Гипотетически турецкому и малайско-пакистанскому военному контингенту в рамках миссии ООН вполне по силе обеспечить военный суверенитет и безопасность того, что кажется уже настоящим и неизбежным.

Мусульманская умма Европы составляет только лишь 2,7% от всего остального мусульманского народонаселения мира и 6% от всего населения континентальной Европы. Цифры не значительные и не столь пугающие, какими их можно себе представить, хоть и выглядят они в числовом исчислении значительными. Если это перевести из процентного соотношения в буквальное, то мусульман в Европе проживает на 2013 г. 44 млн 138 тыс. человек, а все население Европы это 742 млн 452 тыс. человек¹. В мире же проживает на 2013 г. 7 млрд 179 млн человек, из которых 1 млрд 619 млн 314 тыс. являются мусульманами. Согласно последним на 2016 г. статистическим данным доля мусульманского населения Восточноисламского мира в демографическом соотношении со всеми остальными группами в Южной Азии составляет 1/3 (33%), в Юго-Восточной 1/4 (23%), в то время как его доля от общемирового мусульманского населения составляет приблизительно 65,5% (1 млрд 5 млн 807 тыс. чел. против 321 млн 869 тыс. мусульман проживающих на Ближнем Востоке и Северной Африке, что к слову составляет 91,2% от всего регионов), т. е. если данная динамика сохраниться и далее, то через 10–15 лет 3/4 мусульман будут проживать в Южной и Юго-Восточной Азии². Помимо демографического почти все страны вышеуказанных регионов показали значительный экономический рост за последний год, в том числе Малайзия — 6%, Индонезия — 5,3% ВВП, при том необходимо отметить, что значительная часть от этого показателя (1/4) — третичный и четвертичный (высокотехнологичный) сектор. В контексте всего вышесказанного необходимо в качестве итога отметить, что Западноисламской цивилизация на настоящей момент времени фактически утратила свое лидерство и многие ведущие позиции в мусульманском мире, таким образом, пальма первенства с надеждой на возрождение Исламской цивилизации остается за и на Восточноисламской

¹ *Эйдемиллер К. Ю.* Трансформация религиозной карты Евросоюза: исламский фактор // География в школе. 2014. № 4. С. 10.

² *Эйдемиллер К. Ю.* Роль мусульманских общин в процессе трансформации социокультурного и политического пространства стран Северной Европы. СПб.: Фалкон Принт, 2015. 20 с.

частью мира, в которой мусульманская умма видит выход из кризиса и с которым связывает свое спасание.

Однако, несмотря на все эти безусловно положительные моменты, мы видим необходимым отметить тот факт, что Исламский мир в целом имеет риск превратиться в огромную «Черную дыру». И мы не можем быть уверены в положительном исходе той ситуации, которая сейчас складывается в нем. Единственный вывод, который мы можем сделать в настоящее время — прошлого мира, которого мы знали после событий Арабской весны, более не существуют, базисные конструкции нового пока еще не сформированы. С философской точки зрения, описанное выше, — бифуркационный момент в рамках общего процесса трансформации региона, с экзистенциальной — это скорее всего начало конца Западноисламского мира и построение на его месте Нового Исламского проекта. Что это будет и чем окончится процесс трансформации — вопрос вероятности. Путь Европы от распада Западно-Римской Империи до Ренессанса занял всего 1000 лет, скорость современных процессов такова, что возможно уже к концу настоящего века на месте руин этого мира будет процветать высокотехнологичная цивилизация победивших когнитивных технологий, а темные века дизельпанка превратятся в сознании будущих 3–4-х поколений в забытые или потерянные «Темные десятилетия».

Джихангур Эрол (Doğru Araştırmaları Merkezi, İstanbul)

Истоки традиций и проблема традиционализма на Востоке.

Традиции и традиционализм являются основной особенностью Востока, которая исследуется социологами и политологами прежде всего в рамках дихотомии Восток-Запад. Запад противопоставляет себя остальному мировому сообществу, что принято как норма современным мировоззрением. Запад изначально, особенно со времен Географических открытий, использовал для обозначения «других» социумов этнические и географические понятия, которые впоследствии превратились в инструмент политической и экономической эксплуатации.

Обычно при описании восточных и южных народов делается акцент на понятиях «традиции» и «традиционализм», отождествляемых с «первобытностью и варварством» Востока. В рамках однолинейного эволюционизма, сформировавшегося в эпоху Просвещения, по мере научно-технического прогресса в Европе «традиции» и «традиционализм» неизменно использовались западными учеными при описании восточных народов. Под экономическим и политическим давлением Запада, народы Востока были вынуждены принять данное положение.

В противовес подобному навязываемому Западом описанию Востока есть и понимание себя самим Востоком с позиции традиций и традиционализма.

Этот Восток имеет многотысячелетнюю историю, с мудрыми писаниями, стихами, наставлениями и афоризмами, которые помогают людям достичь духовной зрелости, воспринять особый восточный мир со своим пониманием природы и человека, который основывается на принципе продолжения и поддержания жизни. Традиции естественным образом связаны с религией, образом жизни, климатом и географией Востока.

Несмотря на то, что основной причиной отсталости Востока называют традиционализм, с начала третьего тысячелетия Восток начинает жестко противостоять модернизму, а традиционализм становится главным оружием в этой борьбе. По этой проблеме ведутся многочисленные дискуссии. Споры разворачиваются в двух направлениях: первое — роль традиций и традиционализма в современном мире, а второе — анализ данного феномена на Востоке. В предлагаемом докладе рассматривается позиция Востока по отношению к модернизму, а также анализируются истоки традиционализма на Востоке.

ХИИ. КРУГЛЫЙ СТОЛ:
«БЛИЖНИЙ ВОСТОК КАК ВАЖНЕЙШИЙ УЗЕЛ
«ЕВРАЗИЙСКОЙ ДУГИ НЕСТАБИЛЬНОСТИ»

ROUND TABLE DISCUSSION:
“MIDDLE EAST AS A MAJOR CENTRE OF “THE ARCH OF
INSTABILITY ON THE RIM OF EURASIA AND NORTH AFRICA”

Javed Zafar (Centre for Study and Research, Hyderabad)

Contemporary Afghan Crisis: A Regional Perspective

The Afghan crisis is the result of a continued political mismanagement and foreign power interventions for more than 100 years. In the 19th century Russian and British Empires competed to control Afghanistan, but eventually both powers retreated from there. The contemporary Afghan crisis is basically a result of US invasion after 9/11. US military campaign has been the longest military campaign in US military history, but the crisis in Afghanistan is being deepened as the US military campaign continues. Thus, the first objection of the proposed paper is analysing the historical background and reasons behind US failure to solve the Afghan crises.

As the US and NATO failed to stabilize Afghanistan, Russia and China, in connection with regional countries such as Pakistan and Iran, are taking some steps to resolve the crises. Russia is not an outside player like US and European countries, but a neighbour, thus the security of Russia and its Central Asian “backyard” is directly affected by the situation in Afghanistan. Therefore Russia is trying to form some new alliances with Afghan neighbours and major regional stakeholders, and a recent Russian-led conference in Moscow for Afghan crises solution can be seen in this light. The proposed paper will also highlight the emerging Russian role in the contemporary Afghan crises solution. Afghan neighbours, such as Pakistan, Central Asian Countries (CAC) and Iran also play an important role in the crises management. Their role will also be discussed in the present paper – as well as their strategy and approaches to the Afghan issue.

Беренкова Н. А. (ИМОМИ, ННГУ, Нижний Новгород)

Место ливанской «Хизбуллы» в концепции «оси сопротивления»

Со времени своего основания ливанская партия «Хизбулла» в основном привлекала религиозных шиитов, которые начинали свою деятельность в палестинских группировках на юге Ливана и продолжили ее в более эффективной собственной партии. Несмотря на существенный религиозный компонент в идеологии и милитаризм организации, определяющее влияние на решения движения оказывают ее интересы на национальном (ливанском) уровне. Однако она активно участвует в международных процессах на Ближнем Востоке и ее интересы в рамках арабо-израильского конфликта выходят за пределы ливанских государственных границ. Общность идеологических установок и политических интересов привела к формированию после 2006 г. неформального блока из государств и негосударственных акторов (Иран — Сирия — «Хизбулла» — ХАМАС), объединенных идеями освобождения Палестины и противостояния американской гегемонии.

Полагая, что некорректно рассматривать «Хизбуллу» как результат иранской политики, автор считает, что на определенном этапе мобилизации шиитской общины Ливана произошло совпадение шиитских общинных интересов с приоритетами внешней политики Ирана. «Ось сопротивления» не имеет под собой идеи преобладания одной конфессии над другими. События «арабской весны» значительно изменили расклад сил на Ближнем Востоке, но привели к укреплению взаимодействия в рамках оси, только акцент с антисионизма сместился в сторону противостояния радикальным такфиритским группировкам. Открытое участие «Хизбуллы» в сирийском конфликте указывает на кардинальный поворот в ее стратегии: впервые организация была вынуждена вести военные действия на территории другого государства, и уже можно говорить об изменении дискурса организации. Тем не менее, защита ливанской территории все же остается главным приоритетом «Хизбуллы», партия берет на себя роль основного патриота Ливана, стоящего в авангарде борьбы с радикальным пуританским исламом.

Нахождение «Хизбуллы» в «оси сопротивления» в целом удовлетворяет ее интересам на национальном и международном уровнях и определяется близостью целей и идеологических установок.

Беркович Н. А. (ГЭУ, Санкт-Петербург)

Стратегия становления палестинского единства

Становление палестинского единства — это процесс консолидации разобщенных политических сил: партий, массовых объединений, отдельных группировок в целях преодоления как текущих, ситуационных разногласий,

ангажированных политических манипуляций, но главным образом устранения идеологической и политической конфронтации. Отсутствие палестинского консолидированного единства — это доминанта семидесятилетнего существования трагически безысходной палестинской проблемы. Ее радикальное решение взаимосвязано с тремя хроническими проблемами, сохраняющими свою зловещую напряженность: беженцы, территориальные переделы и статус Иерусалима.

Каковой должна быть стратегия достижения палестинского единства вот в чем вопрос. В этой связи напомним, что результативность известных международных проектов окончательного решения палестинской проблемы таких как «Процесс Осло», «Дорожная карта», «Арабская инициатива» и др., оставляет желать гораздо большего. Эпатирующие громогласные заявления так называемого квартета (ООН, Евросоюз, Россия и США), утверждающие, что государство Палестина появиться на политической карте мира в 2012 г. в результате как прямых, так и опосредованных переговоров, в действительности остались никого и ничем не обязывающими.

В противоположность внешнеполитической декларативной риторике, учитывая при этом, что сложившийся статус-кво по Палестине, ее разделенность на фактически противостоящие Западный берег, ФАТХ и сектор Газа, Хамас в перспективе принципиально не приемлемо. Ключевая конструктивная роль принадлежит стратегии внутripалестинского диалога. Знаковым в палестинской истории последних лет именно в этом востребованном направлении явились неформальные переговоры по преодолению внутripалестинской разобщенности, прошедшие 15–17 января 2017 г. по инициативе и под эгидой МИД России на базе Института востоковедения Российской академии наук. Внутripалестинский диалог в Москве внушает оптимизм, предварительно появившийся после прошедшей ранее в Бейруте 10–11 января того же 2017 г. конференции политических сил Палестины по подготовке всеобщих выборов и созыву национальной конференции — высшего законодательного органа Палестины, не собиравшегося более двадцати лет.

Внутripалестинский диалог в Бейруте и Москве безусловно способствует обеспечению единства всех палестинцев, включая сближение позиций движений ФАТХ и Хамас как ведущих политических игроков в решении палестинской проблемы.

Добронравин Н. А. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Новые «племена с флагами» против постколониальных государств: этнополитика, война и религия в Магрибе, Сахаре и Сахеле

После «арабской весны» общим местом в публикациях, посвященных ситуации на Ближнем Востоке, стали рассуждения о племенах. О роли племен в регионе

писали и раньше, достаточно вспомнить характеристику всех арабских стран, кроме Египта, как «племен с флагами». Автором этого выражения, вероятно, был египетский дипломат Тахсин Башир (по воспоминаниям израильского писателя и журналиста Амоса Элона, в часто цитируемом английском переводе: “You see, my dear Amos, when the chips are down, there is only one real place in this entire area. Egypt. All the rest — forgive me — are tribes with flags”¹), но особенно известным оно стало благодаря С. Хантингтону: «Племена стоят в центре политики арабских государств, многие из которых, как выразился Та[х]син Башир, сами являются просто “племенами с флагами” (“Tribes have been central to politics in Arab states, many of which, as Tahsin Bashir put it, are simply “tribes with flags”»².

В современных политологических публикациях, и тем более в СМИ, ближневосточное и североафриканское племя обычно рассматривается как некая постоянная категория. Между тем, большинство стран от Атлантического океана до Персидского залива в XIX–XX вв. прошли через эпоху прямой или косвенной зависимости от европейских держав. Колониальные власти исходили из того, что все кочевники и значительная часть оседлого населения разделены на племена, которые необходимо поставить под контроль. Каждое племя и его подразделения должны были иметь собственное название, этническую и религиозную аффилиацию, администрацию (вожди, шейхи и т. п.) и границы. На практике созданием новых и реформированием старых племен в большинстве случаев занимались военные. В итоге, «туземцы» добровольно-принудительно приняли правила игры, установленные в Париже, Лондоне, Риме и Мадриде.

После деколонизации новые независимые государства в большинстве случаев унаследовали прежние границы и отношение к племенам, а также военный стиль управления. Попытки сломать постколониальную систему предпринимались под панарабскими, а в последние десятилетия — в основном под панисламскими («халифатскими») лозунгами. Панарабизм вызвал к жизни целый ряд политических движений, выступавших от имени народов и племен, не отнесенных к арабам в колониальный период. Эти движения боролись за культурную и языковую автономию и первоначально не стремились к политической независимости. Современный панисламизм вызвал у неарабов не меньшее отторжение, чем прежний светский панарабизм.

В Магрибе, Сахаре и Сахеле итогом «арабской весны» стало появление новых движений, провозгласивших автономию, независимость или усиливших борьбу за равноправие с арабами, например, в Ливии. Национально-освободительные фронты и самопровозглашенные правительства наделяют себя всеми атрибутами государства, включая флаг. Ни одно из таких «племен с флагами» не

¹ *Elon A.* Flight into Egypt. Garden City, N. Y.: Doubleday & Co., 1980. P. 250.

² *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 2011. P. 189; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 270–271.

смогло разрушить постколониальную государственность, но все они успешно освоили инструменты «племенного» лоббирования. В результате, в Алжире и Марокко получили официальное признание берберские языки, в новой ливийской конституции не только арабский, но и другие языки («ал-амазигийя, ат-тарикийя, ат-тибавийя») рассматриваются как «культурное и языковое наследие и общее достояние всех ливийцев»¹.

Новые «племена с флагами» располагают собственными вооруженными формированиями и финансовой поддержкой диаспоры в Европе и Северной Америке. Не отрицая значения ислама, эти движение уделяют главное внимание собственным национальным устремлениям и локальным интересам.

Исаев Л. М. (НИУ ВШЭ, Москва), Юрьев С. Е. (РГГУ, Москва)

Проблема христиан в Леванте и ее значение для России

Как известно, российско-сирийское сотрудничество до начала «арабской весны» как в политическом и военном, так и в экономическом отношении оставалось на весьма низком уровне. Сирия искала партнеров преимущественно на Западе, поддерживая тесные отношения с Турцией и странами Залива, равно как и для Москвы Дамаск не играл первостепенного значения. Позиция Кремля по Сирии заметно изменилась на фоне ливийского сценария, когда Москва посчитала себя очередной раз обманутой, а внутри российского общества еще активнее стали муссироваться идеи относительно неспособности современной России защищать своих «исторических» союзников, оказавшихся перед лицом западной угрозы, будь то Слободан Милошевич в Югославии, Саддам Хусейн в Ираке или Мауммар Каддафи в Ливии. На это же время пришлось и смена руководства в Кремле, когда Владимир Путин сменил на президентском посту Дмитрия Медведева. С этого времени в российском информационном пространстве ливийский сюжет стал активно противопоставляться сирийскому, а защита режима Башара Асада стала делом не только принципа, но и репутации главы российского государства.

Схожая политика стала проводиться и в отношении ближневосточных христиан. Как известно, Россия на протяжении многих веков проявляла особый интерес к двум историческим зонам расселения православных за ее пределами — Балканам и Ближнему Востоку. На сегодняшний день можно говорить о том, что Балканский полуостров оказался для Москвы практически потерянным. Три ключевые православные страны в регионе — Болгария, Сербия и Черногория — все более отдаляются от России, даже несмотря на тесные исторические связи, формировавшиеся на протяжении столетий, в том числе и по православной

¹ Mashrū' al-dustūr al-lībī. 2016. <http://www.constitutionnet.org>.

линии. Болгария с 2004 года — член Европейского Союза, а с 2007 года — НАТО и, как показал инцидент со строительством «Южного потока», расставляет приоритеты во внешней политике далеко не в пользу России.

Черногория также взяла курс на сближение с Западом: с 2010 года она приобрела статус кандидата в члены ЕС, а в 2016 году ратифицировала соглашение о вступлении в НАТО, которое запланировано на весну 2017 года. Политику Подгорицы в Москве расценили не иначе, как предательскую по отношению к России, где явно рассчитывали на православное лобби, которое позволило бы проводить в Черногории пророссийскую политику, что в конечном счете не оправдалось.

Единственной страной, которая до сих пор пребывает за рамками западных интеграционных институтов, является Сербия. Однако есть все основания полагать, что это лишь вопрос времени и рано или поздно окончательный разворот Белграда в сторону Запада все же произойдет. Во многом это связано с репутацией России в глазах сербов, которые до сих пор не могут простить Москве ее безучастность в 1999 году, когда НАТО начало операцию «Союзная сила» против Югославии.

Все это заметно подорвало позиции России в одном из ключевых для нее регионов, не оставив для нее иной возможности, кроме активного участия в сирийском конфликте с целью сохранения своего присутствия на Ближнем Востоке и сохранения своей репутации в глазах ближневосточных христиан. Потеря поддержки со стороны православных христиан Ближнего Востока способна существенно подорвать позиции Русской православной церкви, поставив крест на ее «державных» амбициях, а также негативно сказаться на позициях России в ближневосточном регионе.

Колотов В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Ближневосточный сегмент в контексте системы дуг нестабильности в Евразии

Система дуг нестабильности — геополитический инструмент глубокого переформатирования геокультурных пространств в ключевых регионах Евразии. В настоящее время наиболее напряженная ситуация в области безопасности сложилась в районе ближневосточного сегмента евразийской дуги нестабильности. Не будет преувеличением отметить, что в настоящее время он играет центральную роль в ближневосточной системе региональной безопасности и является самым слабым звеном этой системы. Это самый горячий и наиболее технологичный сегмент, в котором видны передовые технологии управляемой региональной дестабилизации.

Особое место на Ближнем Востоке занимает проект, получивший название ИГИЛ, который символизирует собой новый качественный этап ведения

«Большой игры» чужими руками на Ближнем Востоке. Многие игроки имеют свои уполномоченные силы или т.н. *прокси*. Прочие вынуждены воевать сами, а наиболее продвинутые игроки ведут более сложную игру, используя как свои вооруженные силы, так и прокси, которые периодически могут даже воевать друг с другом. Из этого центра геополитических противоречий дестабилизация проецируется не только в соседние регионы Средиземного, Черного и Азовского морей, но и происходит экспорт нестабильности в более далекие области преимущественного воздействия североафриканского, восточноевропейского, кавказского, центральноазиатского, а также южной части восточноазиатского сегментов евразийской дуги нестабильности.

Именно это и было продемонстрировано в ходе визита президента Филиппин Родриго Дутерте в Москву в мае 2017 г., который пришлось досрочно прервать по причине захвата аффилированными с ИГИЛ боевиками целого города в провинции Минданао. Филиппинский президент обратился за поддержкой к своему российскому коллеге по поводу поставки правительственным войскам необходимых вооружений, в предоставлении которых США своему ближайшему партнеру в ЮВА накануне отказали. Религиозные экстремисты в ЮВА в настоящее время ведут активную подрывную деятельность во многих странах от Филиппин, Малайзии и Индонезии, до Таиланда и Бирмы. Все это красноречиво свидетельствует том, что суть подлинной политики США в этом и других регионах мира состоит в продолжении управляемой региональной дестабилизации руками подконтрольных террористических образований, которая проводится под прикрытием «борьбы с терроризмом».

Похожая ситуация складывается и на Ближнем Востоке. Прямо или косвенно втянутые в конфликт страны региона ведут себя вполне предсказуемо в полном соответствии с известным парадоксом, названным «дилеммой заключенного», суть которого заключается в том, что вместо взаимовыгодного сотрудничества они предпочитают действовать преимущественно в эгоистичных целях, игнорируя интересы партнеров таким образом, что в итоге все они терпят ущерб. Этот парадокс был описан в советской лагерной среде в виде следующей модели поведения: «умри ты сегодня, а я завтра» — задолго до постановки этой проблемы М. Фладом и М. Дрешером в 1950 г. Подобное поведение ближневосточных игроков, которые ведут себя как «заключенные» из известного парадокса, развязывает внерегиональным игрокам свободу рук в регионе.

Многие региональные игроки (Турция, Израиль, Катар, Кувейт, Саудовская Аравия) активно поддерживают нестабильность в эпицентре ближневосточной дестабилизации (Сирия, Ирак, Йемен), рассчитывая путем ослабления конкурентов повысить свой статус в регионе. В результате нестабильность начинает постепенно проникать в Турцию и Саудовскую Аравию. Получается клубок жестких антагонистических противоречий, который затягивается все туже, постепенно вовлекая в зону своего воздействия соседние страны.

Основные параметры нового баланса сил, который сложится в результате очередного раунда «Большой игры», окажут важное влияние на новый порядок Евразии.

Кондорский Б. М. (НПФ «Синбиас», Донецк, Украина)

Исторические предпосылки революционных событий на Ближнем Востоке

Революции и контрреволюции в одной стране составляют революционный период (РП) как целостную систему, имеющую свои законы. Конкретные революции — лишь проявление этих процессов.

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основных группы. К странам первой генерации относятся Нидерланды, Англия, Франция, США. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции — Третьей республикой, в США — гражданской войной. В каждой из этих стран РП имел свою специфику и развивался независимо от внешнего влияния. В большинстве европейских государств (в частности, Германии, Италии, Венгрии, Австрии) и Японии — странах второй генерации, РП начался в середине XIX в. и закончился с окончанием Второй мировой войны. В странах третьей генерации — России, балканских странах, Китае, Турции, Иране, латиноамериканских странах и других крупных государствах третьего мира РП ограничился рамками XX в.

Анализ показывает, что характер РП и сроки его наступления, в первую очередь, зависели от характера феодальных революций. Если в Европе феодальная революция происходила «с чистого листа», то в Китае и России наблюдалась заметная преемственность с предыдущим периодом, что обусловило формирование более низкого потенциала дальнейшего развития. То же самое относится к Византии. Здесь Турцию следует рассматривать как естественную преемницу империи.

В арабских странах РП начался после окончания Второй мировой войны. Столь поздние сроки наступления РП были связаны с тем, что если в Европе феодализм формировался на основе общин, начисто лишенных племенного сознания, то в Аравии подобного рода тип сознания был характерен не только для бедуинов, но и торгово-ремесленной прослойки в городах. Это же касается и правящей элиты. Омейяды имели в основе своего сознания традиционный, племенной и, как не покажется странным, в значительной степени языческий базис. Что касается Аббасидов, то при них стремительно пошли процессы отчуждения и деградации социально-политического пространства. Произошел отрыв, отчуждение города от основной массы населения, живущей в сельской

местности и имеющей традиционный тип сознания. Низкий уровень потенциала развития, сформировавшийся феодальной революцией, способствовал тому, что уже на рубеже первого тысячелетия социумы здесь перешли в инерционный период с сохранением племенной структуры в сельской местности.

Все это предопределило выраженную зависимость арабских стран в РП от внешнеполитических и внешнеэкономических факторов, а с другой стороны — формирование иллюзорного пространства, где действие объективных политических и экономических законов было сведено к минимуму.

Арабская весна явилась закономерным проявлением революционных процессов. Основной движущей силой здесь выступила образованная молодежь, восприимчивая к внешнему манипулированию посредством сетевых технологий. Ее ожидания носили иллюзорный характер, что нашло свое выражение в популярном лозунге: «Запад нам поможет». Следует учесть и тот факт, что Арабской весне предшествовал массовый переток населения из деревни в город.

В большинстве арабских стран произошла резкая активизация племенного сознания, что привело к сегментации Сомали, Ливии, Йемена, Сирии. Сохранение глубинной языческой основы, принявшей внешнюю форму строгого монотеизма, способствовало появлению радикального исламизма. Следует учесть, что доминирующая идея «халифата» по степени своего влияния сейчас сопоставима с христианством и исламом в начале их зарождения. Особенно это касается молодежи.

Если появляется какое-либо явление, угрожающее безопасности политической (экономической) системы и на его не обращают должного внимания, оно рано или поздно проходит «точку невозврата», увеличиваясь в объеме, автономизируясь и структурируясь. Появляется система, которая развивается уже по своим внутренним законам и главное — имеет значительный регенерационный потенциал. Если вначале данную проблему можно решить «малой кровью», то после перехода — уже «большой кровью». Однако имеет место еще вторая «точка невозврата», после которой появившуюся угрозу нельзя устранить даже «большой кровью». Обычно это заканчивается разрушением существующей системы. Для Ближнего Востока и мусульманского мира в целом сейчас наиболее актуальным является вопрос — пройдена ли вторая «точка невозврата».

Матвеев А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)
«Сирийский капкан»

Доклад посвящен оценке ситуации в Ближневосточном сегменте «Евразийской дуги нестабильности» и перспектив ее развития с учетом воздействия на регион внешних глобальных акторов. Попытка понять смысл и цели происходящего в Сирии и сопредельных областях базируется на представлении о том, что наряду

с целым рядом объективных внутренних проблем и текущих социально-политических, экономических и др. процессов, ситуация как в отдельных странах ближневосточного региона, так и на Большом Ближнем Востоке в целом (как и вообще в мире), определяется в том числе и не менее объективными политическими и экономическими интересами различных «внешних игроков» (как государств, так и наднациональных структур), в той или иной мере использующих существующие «объективные процессы» в своих целях. Степень влияния разных стран региона и внешних игроков на текущие процессы различна и зависит от многих факторов: степень заинтересованности, наличие ресурсов, возможность влияния на других игроков, горизонты и уровень планирования и др.

В период после Второй мировой войны наряду с крупными региональными державами, такими как Египет, Турция, Саудовская Аравия, Иран, Ирак и Сирия, ситуация на Ближнем Востоке во многом определялась двумя «глобальными игроками» — СССР и США, имевшими соотносимые ресурсы и возможности. Однако после победы США в «Холодной войне» и уничтожения Советского Союза, в мире осталась лишь одна сверхдержава и один глобальный игрок, способный существенно влиять (а иногда и определять) на ситуацию в интересующем нас регионе — как, впрочем, и на ситуацию в мире в целом. С точки зрения «мирового лидера», все прочие участники процесса не обладают в полной мере субъектностью, но являются лишь объектами внешнего воздействия. Если признать очевидный факт, что мировой лидер делает и будет делать все возможное для сохранения своего мирового лидерства, дающего в том числе и колоссальные практические и экономические преимущества, позволяющие поддерживать неэквивалентный обмен с остальным миром (в частности, ключевой для американской экономики экспорт долларов подкреплен не только и уже даже не столько реальной экономической мощью США, сколько военной силой, сочетающейся с политическим давлением и идеологическим воздействием проамериканских мировых СМИ), то необходимо признать и то, что США должны осуществлять средне- и долгосрочное планирование своей политики и своих действий в различных регионах мира. И в первую очередь — на Ближнем Востоке, традиционно рассматриваемом как ключевой регион ввиду его важнейшего, «срединного», геостратегического положения и сосредоточенных там колоссальных нефтяных ресурсов. Причем эти долгосрочные планы не имеют прямого отношения к президентским выборным циклам, как это обычно подается мировыми СМИ.

При этом нужно принимать во внимание, что подобные планы по определению не являются публичным достоянием и гриф секретности с них если и будет снят, то не при нашей жизни, поэтому никаких официально признанных *доказательств* участия США в процессах, происходящих на Ближнем Востоке, мы, скорее всего, никогда не получим. Так что об американских

планах и реальных целях мы можем судить лишь исходя из анализа происходящих в регионе процессов и соотнесения их с очевидными действиями США и их объективными интересами. Тем не менее, важным дополнением к подобному анализу могут служить различные теоретические разработки американских военных и политических аналитиков, хотя и предназначенные для ограниченного круга «потребителей», но все же находящиеся в открытом доступе. Это, например, публикации возглавляемого Джорджем Фридманом разведывательно-аналитического агентства Стратфор, одного из американских *think-tanks* (его иногда даже поэтически именуют «теневым ЦРУ»¹, что все же является некоторым преувеличением), которое публикует прогнозы и сценарии развития событий в различных регионах мира. Разумеется, нужно учитывать, что в задачу агентства входит и «*формирование парадигмы*», так что далеко не все в этих прогнозах следует принимать за чистую монету: пропагандистский аспект для воздействия на мировое общественное мнение нужно обязательно учитывать (что, впрочем, является стандартной операцией, осуществляемой любым «академическим источниковедом» при работе с историческим источником).

Важным дополнением могут служить также открытые публикации и воспоминания участников «процессов». Так, например, недавно была опубликована книга одного из американских генералов, участвовавших в военных кампаниях 2000-х гг. в Ираке и Афганистане, рассказавшего, в частности, зачем, как и кем — а именно командующим Многонациональных сил в Ираке в 2007–2008 гг. и будущим директором ЦРУ генералом Дэвидом Петреусом, — были заложены основы ИГИЛ². Другое дело, что сам автор книги генерал Дэниел Болджер полагает, что, как и в случае с созданием ЦРУ *аль-Каиды* для борьбы с СССР в Афганистане, здесь тоже «хотели как лучше, но получилось как всегда». В этом смысле весьма характерна характеристика деятельности Петреуса, приведенная в рецензии Дэвида Голдмана на книгу Болджера: «Вооружив все стороны конфликта и удерживая их порознь угрозой применения оружия, — писал я в 2010 году в статье «Тридцатилетняя война генерала Петреуса» в «Asian Times», — Соединенные Штаты сейчас готовятся уйти, оставив на месте правительство национального примирения, которое будет убеждать хорошо вооруженных и организованных боевиков играть по правилам. Наверное, это самое глупое из того, что когда-либо делали империи. Британцы играли на разделении и завоевании, в то время как американцы предлагают

¹ *Laing J. R.* The Shadow CIA. Oct. 15, 2001. [URL]: <http://www.barrons.com/articles/SB1002927557434087960> (дата обращения: 01.10.2015).

² *Болджер Д.* Почему мы проиграли: *Daniel P. Bolger. Why We Lost: A General's Inside Account of the Iraq and Afghanistan Wars.* Boston — New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2014. См. также рецензию на эту книгу в он-лайн журнале *Asian Times*: [URL]: <http://www.atimes.com/atimes/World/WOR-01-211114.html> (дата обращения: 01.10.2015).

разделить и исчезнуть. В какой-то момент вся эта жалкая конструкция рухнет, и никому это не известно лучше, чем Петреусу»¹. Но, разумеется, здесь нужно учитывать, что все элементы своих спецопераций ЦРУ не обязано доводить до сотрудников прочих ведомств. Так что разумнее считать подобные действия не глупостью или ошибкой (на самом деле, самой серьезной ошибкой является недооценка интеллектуальных способностей противника), но сознательной и дальновидной политикой создания «управляемого хаоса», теория которого была разработана в конце прошлого века в США².

Для понимания текущей ситуации на Ближнем Востоке, пожалуй, наиболее важным открытым документом, получившим широкую известность в русскоязычном сегменте интернета в 2011 г. в связи с событиями «Арабской весны», является опубликованная в американском военном издании *Armed Forces Journal* статья американского военного аналитика подполковника Ральфа Петерса «Кровавые границы»³, которая приоткрывает стратегические планы США на Ближнем Востоке. Эти вроде бы сугубо теоретические построения на тему, «как мог бы выглядеть «лучший» Ближний Восток», сегодня уже начали воплощаться в жизнь, что убедительно доказывает причастность единственного сегодня «глобального игрока» к этим «объективным процессам». То, что заявленный проект разделения ближневосточных государств и создание на их месте новых этнических и конфессиональных «конструкций» хорошо

¹ <http://www.atimes.com/atimes/World/WOR-01-211114.html>.

² См. программную статью основоположника этой теории Стивена Манна, подготовившего ее в рамках обучения в Национальном военном колледже (аналог военной академии, где, однако, проходят подготовку не только высшие военные чины, но и сотрудники спецслужб и гражданские чиновники, поскольку главная задача этого вуза — подготовка «стратегических лидеров»), «Теория хаоса и стратегическая мысль», которая была напечатана в крупнейшем американском военном журнале и получила широкий резонанс: Steven R. Mann. Chaos Theory and Strategic Thought // *Parameters* (US Army War College Quarterly). Vol. XXII, Autumn 1992. P. 54–68.

³ Петерс Р. Кровавые границы. Насколько лучше мог бы выглядеть Ближний Восток // ИноФорум. 28.02.2011 // [URL]: http://www.inoforum.ru/inostrannaya_pressa/krovavye_granicy_naskolko_luchshe_mog_by_vyglyadet_blizhnij_vostok (дата обращения: 28.02.2011). Оригинал: Ralph Peters. Blood borders: How a better Middle East would look // *Armed Forces Journal*. June 2006 // [URL]: <http://www.armedforcesjournal.com/blood-borders> (дата обращения: 01.10.2011).

«Последняя должность Петерса — сотрудник офиса заместителя Начальника штаба по разведке в Департаменте обороны США. Он является одним из самых известных пентагоновских авторов, опубликовавшим многочисленные работы, посвященные стратегии, в военных и внешнеполитических журналах США. Хотя данная карта не отражает официальную точку зрения Пентагона, она использовалась в обучающих программах для высших военных офицеров Оборонного колледжа НАТО. Она, также как и другие карты, вполне могла быть использована Национальной военной академией и военными специалистами по планированию» ([URL]: <https://regnum.ru/news/776025.html> (дата обращения: 01.10.2011)).

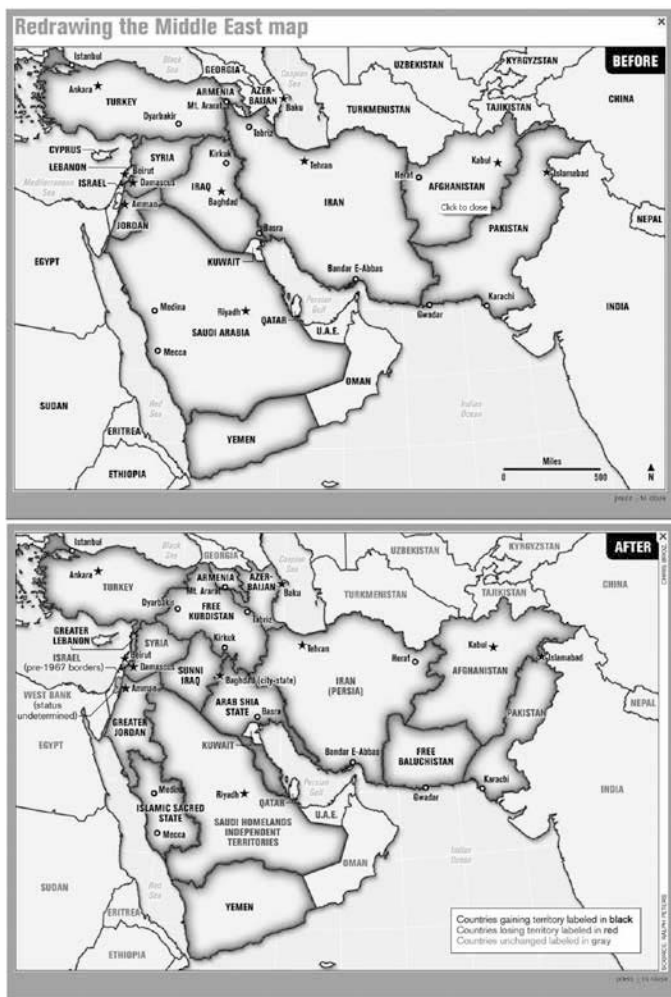

Рис. 1. Проект реформатирования Ближнего Востока. Ральф Петерс, 2006 г.

ложится на реальные этнические и религиозные «тектонические разломы» в регионе (см. рис. 2), говорит лишь о высоком уровне планирования, учитывающего — и использующего в своих интересах — объективные предпосылки. «Предпосылки», замечу, хорошо известные любому ближневосточнику. Предполагать же, по аналогии с Россией, что в США с их давними традициями практического востоковедения специалисты по Ближнему Востоку не участвуют в выработке американской политики в регионе — по меньшей мере, наивно.

Рис.2. Культурно-исторические зоны Ближнего Востока

Еще весной 2011 г. в рамках постоянного теоретического семинара на Восточном факультете СПбГУ (в дальнейшем продолженного в форме ежегодных научных конференций, посвященных анализу «Евразийской дуги нестабильности»), опираясь на имеющиеся открытые источники, нами была предложена непротиворечивая концепция, объясняющая механизм и основные этапы операции «Арабская весна», в рамках которой, согласно «принципу домино», следующим после Ливии выбывающим звеном должна была стать Сирия, а конечной целью — ключевой антиамериканский региональный лидер — Иран. Однако неожиданно долгое сопротивление Каддафи и его народа дало Асаду время перегруппироваться и организовать жесткое сопротивление, следствием чего и стал отказ от прямой военной агрессии США против Сирии в 2013 г.¹ Невозможность быстрой ликвидации Асада внесла

¹ Подробнее см.: *Матвеев А. С.* Обзор текущей ситуации в ближневосточном секторе «Евразийской дуги нестабильности» и безопасность России // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Северной Африки до Восточной Азии. (Отв.ред. В. Н. Колотов). СПб., 2013. С. 481–507. Своего рода итог

коррективы в первоначальный американский план «ликвидации», вынудив США *договариваться* с Ираном, а в самой Сирии и сопредельном регионе перейти от «штурма» к «осаде» — к организации *длительного управляемого конфликта*. После чего на международную сцену в начале 2014 г. и вышел как бы спонтанно возникший ИГИЛ.

В этой связи нельзя недооценивать важности карты, опубликованной 10 лет назад подполковником Петерсом, поскольку она показывает *стратегическую* задачу США по расчленению ключевых государств Ближнего Востока — задачу, которая сегодня последовательно осуществляется, вовлекая всех региональных игроков в борьбу за составные части бывшей Сирии. Таким образом, сложившееся сегодня военно-политическое положение в сирийском регионе не следствие неких безликих «объективных процессов» и «противоречий» (существование которых, как уже указывалось, никто не отрицает), но вполне рукотворная ситуация, *использующая* эти объективные процессы и проблемы региона. Анализ объективных *предпосылок* для раздела Сирии по американскому сценарию и «субъективных» колоссальных *возможностей* глобального лидера (не столько даже военных, сколько политических) позволил ряду участников конференции по «Евразийской дуге нестабильности»¹ еще в 2015 г. сделать вывод о том, что прежних единых государств на Ближнем Востоке — в первую очередь, речь шла о Сирии и Ираке, — уже фактически не существует, а их восстановление в настоящее время практически *невозможно*.

За прошедшие полтора года ситуация лишь усугубилась. Вопрос сегодня стоит уже лишь о том, какие куски бывшей Сирии и Ирака достанутся новым «государственным образованиями», которые появятся на этой территории в результате междоусобной борьбы. Если следовать логике плана Петерса, то сейчас решаются вопросы о том, *какие именно* территории войдут в состав Курдистана, шиитской Западной Сирии (по варианту Петерса — это «Большой Ливан», включающий Латакию и Дамаск с примыкающими областями и территорию современного Ливана), «суннитского государства» на территории иракского «суннитского треугольника» и суннитской Восточной Сирии, и ряд других локальных территориальных вопросов. Будущие «суннитские»

изучения «Арабской весны» был подведен на круглом столе по проблемам «восточных революций», организованном на ВФ СПбГУ в рамках XXVII Международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. См.: Секция XVI. «Куда идет Восток?»: круглый стол по проблеме «восточных революций» и перспективам развития современного Востока // XXVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 24–26 апреля 2013 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ, 2013. С. 353–372.

¹ Международная научная конференция «Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: предварительные итоги 2015 г.». ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург, 16–17 октября 2015 г.

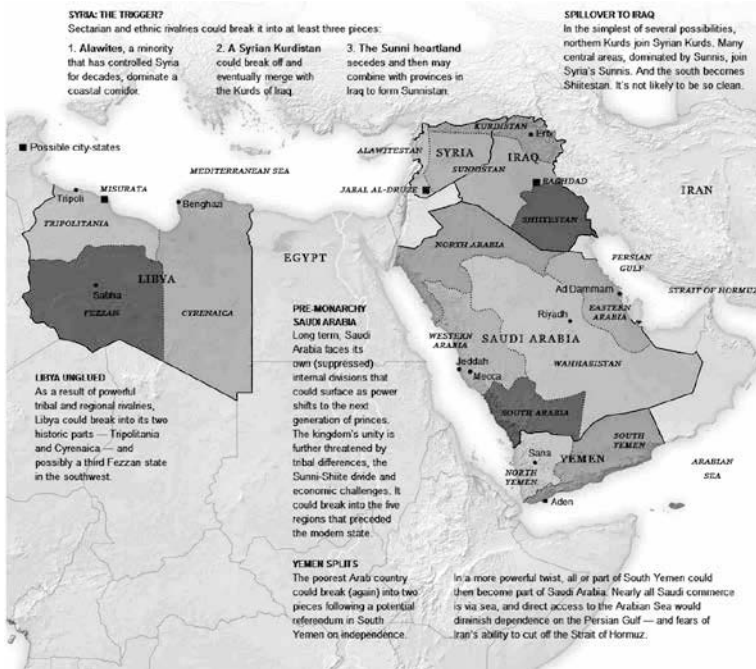

Рис. 3. «Уточненная» американская карта реформатирования Ближнего Востока, сентябрь 2013 г.¹ (NB. Карта появляется в печати на следующий день после принятия решения о сохранении режима Асада в обмен на сдачу им химического оружия)

земли еще недавно были почти все заняты ИГИЛ, и хотя сегодня территория последнего заметно сократилась, однако сама база суннитского сопротивления никуда не делась, и контроль над этими областями со стороны, например, Багдада и в дальнейшем будет весьма проблематичен.

Другой аспект текущего конфликта — это то, ради чего сегодня воюют региональные игроки, такие как Турция, Иран, Саудовская Аравия и Катар: кто будет иметь преобладающее влияние в новых государственных и квази-государственных образованиях на территории бывших Сирии и Ирака, какую часть раздираемой на куски Сирии они будут контролировать? В целом, нужно понимать, что карта Петерса — «это не догма, а руководство к действию», конкретные решения и конфигурация региона будут зависеть от многих факторов, в том числе и от успешных локальных военных операций региональных игроков и той территории, которую им удастся взять под прямой контроль.

¹ Wright R. Imagining a Remapped Middle East // The New York Times. September 28, 2013. ([URL]: http://www.nytimes.com/2013/09/29/opinion/sunday/imagining-a-remapped-middle-east.html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 01.10.2015)).

После неудачи первоначального плана полной ликвидации сирийского государства по образцу Ливии в 2012–2013 гг., планы США были скорректированы и реформатирование Ближнего Востока перешло в новую фазу — затяжной гражданской войны с вовлечением в него всех региональных игроков. За последние 5 лет все они постепенно втянулись в сирийский конфликт, причем если сначала речь шла просто о приеме беженцев и помощи разным группам «оппозиции», то сегодня мы наблюдаем уже прямое военное вмешательство таких стран, как Турция, Иран, Ливан, отчасти даже Иордания. Но главное это то, что ни один из региональных игроков уже ничего не может сделать, чтобы остановить бессмысленную войну: выход из игры влечет за собой еще более серьезные потери, чем ее продолжение. Самый яркий пример тому, разумеется, Турция, которая увязала в сирийском болоте постепенно, всячески сопротивляясь втягиванию в военное противостояние, но в конечном итоге и она была вынуждена от военной помощи боевикам и «прокси-войны» с Асадом перейти к прямому военному вторжению.

Все игроки поставлены в ситуацию, когда приходится выбирать между плохим и очень плохим ходом. Подобная ситуация типична для шахматиста, который играет черными: он может лишь парировать удары, но не навязать свою игру. Поэтому в данной партии все играющие черными игроки оказываются в проигрышной ситуации, так как они лишь отвечают на вызовы, брошенные США. И даже успешное отражение атаки не ведет к победе (как это было в случае с локальным успехом российской дипломатии и временным отступлением США в Сирии в 2013 г.): «белые» лишь начинают новую атаку на другом фланге.

В результате, искусственно созданная на территории «Благодатного полумесяца» зона «управляемый хаоса» уже затянула в себя практически все страны региона, позволяя США успешно и с минимальными затратами контролировать ситуацию на всем Ближнем Востоке. Сегодня к этому «клубу» игроков «черными» присоединилась и Россия. Если понимать, что целью организатора процесса является не мифическая «борьба с международным терроризмом» или «победа над ИГИЛ», а запуск процесса распада региональных государств и поддержание равновесия сил между участниками конфликта, чтобы ни один из них не мог ни победить, ни проиграть, то становится ясным, что вероятность урегулирования конфликта и сохранения Сирии как единого государства является ничтожно малой. В лучшем случае, речь может идти о том, какие именно куски Сирии, кроме Дамаска и Латакии, останутся в конечном итоге под контролем Асада и стоящей за ним алавитской элиты и их союзников (скажем, удастся ли Асаду сохранить за собой анклав в Дейр эз-Зоре с его богатыми нефтяными ресурсами, или он перейдет под американский контроль?).

Понимание, пускай и самое общее, планов противника позволяет понять и масштаб ресурсов, необходимых для изменения ситуации в регионе. Ни один из

главных региональных игроков — ни Иран, ни Турция, ни Саудовская Аравия (уже выбывшая из игры в «первой лиге»), увязнув в более важном для нее конфликте в Йемене), не способен выделить достаточные для победы военные и прочие ресурсы. Россия, ввиду территориальной удаленности, имеющимися у нее ограниченными силами на Сирийском ТВД также не способна переломить ситуацию. В результате, конфликт не имеет перспективы решения в обозримом будущем и будет продолжаться с переменным успехом неопределенное количество времени.

Парадокс ситуации состоит в том, что все региональные игроки, включая самого Асада, вроде бы и воюют за свои интересы, и даже иногда достигают ощутимых результатов, однако в конечном итоге все их потуги все равно вписываются в американскую стратегию: все участники конфликта, сколь бы ни были успешны их действия, ослабляют себя, сжигают свои ресурсы, отвлекаются от более насущных задач. Так, Турция сумела в конце 2016 — начале 2017 г. взять под контроль часть Северной Сирии и даже купировать угрозу создания сплошного курдского анклава вдоль сирийско-турецкой границы. Однако это «пиррова победа»: негативные последствия для внутренней ситуации (в Турции далеко не все поддерживают сирийскую политику Эрдогана, в т. ч. среди военных, происходит резкое обострение конфликта с многочисленным курдским меньшинством и т. д.) и внешней политики (в частности, создание потенциально конфликтной ситуации в отношениях с традиционными партнерами — Россией и Ираном) все равно перевешивают все приобретения, полученные в результате сирийской авантюры.

Таким образом, Сирия вместе с примыкающими к ней культурно близкими суннитскими районами Ирака остается перманентным очагом нестабильности, тщательно поддерживаемым «организатором процесса» как для конкретных задач дробления и ослабления *региональных* государств Ближнего Востока — вплоть до полной утраты их субъектности, так и для более глобальных целей — ослабления своих потенциальных *геополитических противников*, таких как Иран и Россия.

Муратшина К. Г., Гаева Ю. Д. (Уральский ФУ, Екатеринбург)

Основные направления исследований специалистами стран Латинской Америки вопроса о соперничестве на континенте КНР и США на современном этапе

В условиях растущей конкуренции за ресурсы и сферы влияния в мире Латинская Америка на современном этапе является одной из основных площадок, где разворачивается соперничество США и Китая. История взаимодействия США со странами континента насчитывает несколько веков, в то время как КНР стала здесь активным игроком лишь в начале XXI в. Модели их сотрудничества

и конкуренции во многом типичны и для других регионов — Восточной Азии, Африки, постсоветского пространства. В этих условиях представляет интерес изучение взглядов на данный вопрос научной общественности стран Латинской Америки в первых полутора десятилетиях XXI в.

Первое, что следует отметить, — уверенность в том, что Китай — единственная страна, которая может бросить вызов гегемонии США в мире¹, вторая экономика мира, присутствие которой на континенте и соперничество с США нельзя игнорировать². С другой стороны, принципиально стратегическое равновесие на континенте это не меняет, так как после «холодной войны», в ходе которой США вмешивались во внутренние дела региона больше чем где-либо, и так постепенно во многих странах начали формироваться антиимпериалистические режимы³. В условиях роста новых угроз своей безопасности США поменяли внешнеполитические приоритеты. Китай же выбрал Латинскую Америку вместе с Африкой как объект для сотрудничества, призванного обеспечить ресурсами рост его экономики, что сказалось на развитии конкуренции в его пользу⁴. Новый этап в отношениях начался с латиноамериканского турне председателя КНР Ху Цзиньтао в 2004 г. Взаимозависимость КНР и США, однако, сохраняется⁵.

Основной сферой конкуренции двух держав на континенте является торгово-экономическая. Китай стал главным торговым партнером Чили, Бразилии, Уругвая, Перу и вторым партнером Аргентины и Венесуэлы⁶. В контексте конкуренции рассматривается также Транстихоокеанское партнерство — интеграционный проект, к которому присоединился ряд латиноамериканских стран⁷.

¹ *Bernal-Meza R.* China and Latin America relations: The Win-Win Rhetoric // Journal of China and International Relations. 2016. Special Issue. P. 27–43.

² *Lagos Escobar R.* América Latina, China y Estados Unidos. Perspectivas latinoamericanas de las relaciones internacionales en el siglo XXI. Santiago: FCE Chile, 2015. 326 p.

³ *Leon de la Rosa L. I. et al.* Política Exterior China: relaciones regionales y cooperación. México: PISO 15 Edotorial, 2015. 400 p.

⁴ *Ruvalcaba M. D. et al.* El proceso de integración de América Latina en el siglo XXI. La competencia-cooperación entre México y Brasil con la presencia de Estados Unidos y China. Guadalajara: Universidad de Guadalajara, 2016. 335 p.

⁵ China y América Latina. Nuevos enfoques sobre cooperación y desarrollo. ¿Una segunda Ruta de la Seda? / Cesarin S. M., Moneta C. (compiladores). Buenos Aires: BID-INTAL, 2005. 314 p.

⁶ *Sevares J.* China. Un socio imperial para Argentina y América Latina. Buenos Aires: Editorial Edhasa, 2015. 208 p., Observatorio América Latina Asia Pacífico. Boletín estadístico América Latina — Asia-Pacífico. 2015. № 7. URL: <http://www.observatorioasiapacifico.com/data/OBSERVATORIO. Images/Bulletin/temp/20151117121525BoletnAL-AsiaNmero07.pdf> (дата обращения: 20.12.2016); *Rosales O., Barcena A. et al.* América Latina y el Caribe y China. Hacia una nueva era de cooperación económica. Santiago: Naciones Unidas, 2015. 82 p.

⁷ *Moneta C.* TPP: China y Argentina/Mercosur ¿Desafíos compartidos? // China en 2016. reforma política, programas de desarrollo e incerción económica internacional. Documentos de trabajo. 2016. № 98. P. 111–136.

Наибольшее развитие получила тема результатов изменения вектора внешних связей с американского на китайский: так, например, выделяются проблемы отрицательного сальдо в торговле¹ и проводимого Пекином демпинга экспортных цен². Высказывается точка зрения, что Китай «заменяет США в роли доминирующей державы, которая держит регион в положении подчиненной периферии»³ и серьезная озабоченность будущим промышленности латиноамериканских стран в случае продолжения сотрудничества в том же ключе⁴. В перспективе, как отмечается, странам континента надо работать над диверсификацией торговли и инвестиционного взаимодействия с КНР, чтобы избавиться от сырьевого дисбаланса. Кроме того, есть мнение, что латиноамериканским странам, особенно расположенным ближе к США, лучше было бы пользоваться своим положением и, грамотно проанализировав рынок, производить товары для экспорта в Штаты, а не в Китай, чтобы получать прибыль самим, а не отдавать большую ее часть транспортным компаниям⁵. В то же время отмечается категоричная позиция по необходимости продолжать сотрудничество с КНР руководства стран, особенно развивающих экономики по социалистическому пути⁶.

Таким образом, признавая наличие активного соперничества КНР и США в Латинской Америке, исследователи из стран региона отмечают более интенсивное развитие связей со стороны Пекина, главным образом торгово-экономических. Но результаты такого поворота соперничества оцениваются скорее отрицательно, поскольку консервируют сырьевую структуру латиноамериканского экспорта и сохраняют зависимость стран, только уже не от американской экономики, а от КНР. Разумеется, в нынешних условиях многое будет зависеть от того, какую политику в Латинской Америке начнет проводить администрация Д. Трампа, однако понимание

¹ *García E. et al.* What a growing China means for Latin America's economies // China, Latina America and the United States: the new triangle. Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2011. P. 7–16.

² *Sevares J.* Por qué y cómo China ingresó en la OMC. Contexto, condiciones y consecuencias. China en 2016 reforma política, programas de desarrollo e inserción económica internacional // China en 2016. reforma política, programas de desarrollo e inserción económica internacional. Documentos de trabajo. 2016. № 98. P. 61–79.

³ *Bernal-Meza R.* China and Latin America relations: The Win-Win Rhetoric. P. 33.

⁴ *Rosales O.* Trade Competition from China // Americas Quarterly. 2012. URL: <http://www.americasquarterly.org/node/3222> (дата обращения: 20.12.2016).

⁵ *García E. et al.* What a growing China means for Latin America's economies // China, Latina America and the United States: the new triangle. Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2011. P. 7–16.

⁶ *Flores F. P., Jatobá D.* Domestic Reactions to China's Presence in Three Latin American Countries: Brazil, Nicaragua and Venezuela // Journal of China and International Relations. 2016. Special Issue. P. 128–150.

обществом проблем однобокого взаимодействия с любой страной указывает на возможный рост многовекторности во внешнеэкономических связях континента в перспективе.

Панцеров К. А. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Информационно-психологические операции ИГИЛ: некоторые практические аспекты

В современном мире, когда знание и информация становятся неотъемлемым компонентом жизнедеятельности человека, главным инструментом, обеспечивающим устойчивое социально-экономическое развитие нации, представляется очевидным, что информационные технологии при определенном стечении обстоятельств могут играть и деструктивную роль.

Принимая во внимание данное обстоятельство, сегодня никто не может себе представить проведение эффективных операций без четко определенной и хорошо продуманной стратегической коммуникации. При этом примечательно, что это осознают не только развитые информационные державы, но и террористические организации, прежде всего запрещенное в России Исламское государство (ИГИЛ).

ИГИЛ на протяжении нескольких лет проводит хорошо продуманные информационно-психологические операции и обладает достаточно развитым аппаратом массовой пропаганды своих радикальных взглядов и воззрений. Анализ указанных кампаний дает нам возможности выявить три основных цели, которые преследует данная террористическая организация: устрашение, информирование, вербовка новых сторонников.

1. Устрашение. На реализацию данной стратегии направлено большое количество распространяемых в сети видеороликов, связанных с казнями заложников и публичными обещаниями боевиков уничтожать всех врагов Исламского государства.

2. Информационная пропаганда. Реализации этой цели способствует как производство высокопрофессиональных видеороликов, которые распространяются в сети Интернет, так и большое количество он-лайн журналов, которые призваны разъяснять цели ИГИЛ и предоставляют подробный отчет о деятельности данной организации.

3. Вербовка новых сторонников. Для достижения этой цели вербовщики ИГИЛ активно используют социальные сети, а также видеоролики соответствующего содержания, задача которых — сделать привлекательными идеи организации. Оценивая эффективность работы вербовщиков, следует отметить, что сегодня большое количество выходцев из России и достаточно благополучных стран Европы, которые ранее вели добропорядочный образ жизни, присягнули на верность ИГИЛ.

Согласно официальным данным сегодня на стороне ИГИЛ воюет около 30 000 наемников из 100 стран, из которых 4 700 человек — выходцы с постсоветского пространства.

Что касается конкретных методов вербовки новых сторонников, то для этих целей используются, прежде всего социальные сети Facebook, Twitter, ВКонтакте, а также видео ресурс Youtube.

В сложившихся условиях резонно возникает вопрос о том, что можно предпринять для того, чтобы нивелировать воздействие информационной продукции, распространенной ИГИЛ. Конечно, грамотная реализация антитеррористического законодательства позволяет блокировать доступ к запрещенному контенту экстремистского содержания. Однако вместо заблокированного сайта, как правило, тут же возникает новый. К тому же фильтровать содержание всевозможных чатов и социальных сетей представляется крайне затруднительным. Это связано, прежде всего, с существенным различием в национальных законодательствах разных стран и тем фактом, что западные социальные сети подчиняются исключительно юрисдикции стран, на территории которых находится их штаб-квартира.

В результате, можно сделать вывод о том, что необходимы слаженные скоординированные действия всех стран мира, направленные на борьбу с мировым терроризмом, в том числе и сетевым. И указанное сотрудничество не должно ставиться в зависимость от того проводит ли то или иное государство политику, созвучную с центральной политической линией стран западной цивилизации, или нет.

При этом основной акцент должен быть сделан на гармонизацию национального законодательства разных стран в сфере противодействия кибертерроризму и распространения экстремистских идей, а также выработке эффективных наднациональных рычагов управления интернет-контентом вне зависимости от физического местонахождения того или иного сайта или владельца социальной сети. На наш взгляд, только в этом случае станет возможным оказать реальное противодействие распространению информационно-пропагандистских материалов ИГИЛ, которые сегодня представляют серьезную угрозу стабильности мирового порядка.

*Рыжов И. В., Бородина М. Ю. (ИМОМИ,
Нижегородский ГУ, Нижний Новгород)*

Современная российская историография политики России на Ближнем Востоке в XXI в.

В последние годы на Ближнем Востоке происходят события, которые делают этот регион ключевым звеном мировой политики. Россия не может оставаться в стороне от решения региональных проблем в силу своего традиционного

влияния на международные процессы, особенно на Ближнем Востоке. Ближневосточный регион является традиционным регионом, где Россия имеет свои интересы. В силу активных внешнеполитических действий России в ближневосточном регионе в российской научной литературе сформировался интерес к ее политике в данном регионе. Существует большое количество работ, которые рассматривают общие вопросы внешней политики РФ и дают возможность разобраться в особенностях внешнеполитической концепции РФ в тот или иной временной период, приоритетах ее политики в различных конфликтных регионах мира, и проч. К таким работам следует отнести исследование С. Г. Лузянина *Восточная политика Владимира Путина: возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.)*¹. В книге анализируются различные аспекты внешней политики России в отношении всех восточных регионов мира — от Северо-Восточной Азии до Ближнего Востока и арабских стран Магриба, ее сильные стороны, оцениваются перспективы сотрудничества с различными государствами, а также прорабатываются различные сценарии развития внешней политики РФ в среднесрочной перспективе.

Особо можно отметить исследование И. Д. Звягельской «Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России»², в котором рассматривается роль РФ в урегулировании различных арабских кризисов, в том числе в отношении событий вокруг Ирака. Детально рассмотрена позиция России на события «арабской весны» и ее участие в урегулировании арабо-израильского конфликта, где у РФ сохраняются особые обязательства.

Существенный вклад в понимание специфики, предпосылок и характера повстанческих движений на Арабском Востоке, а также восприятия феномена «арабской весны» в России вносит плод совместной работы ученых «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?» под редакцией директора института востоковедения РАН В. В. Наумкина³.

Очень важное значение имеют научные статьи, подготовленные российскими исследователями совместно с Институтом Ближнего Востока, среди которых особенно можно отметить П. Н. Мамедзаде, А. Б. Подцероба, Э. О. Касаева, В. П. Юрченко, М. А. Сапронову и др. Авторы рассматривают самый широкий круг вопросов, касающихся актуальных ближневосточных проблем, а также различных сфер российско-арабского сотрудничества.

Анализ рассмотренного историографического материала дает основание утверждать, что в российской научной среде сформировался огромный пласт

¹ Лузянин С. Г. *Восточная политика Владимира Путина: Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.)*. М.: Восток-Запад; АСТ, 2007. 448 с.

² Звягельская И. *Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России*. М.: Аспект Пресс, 2014. 208 с.

³ *Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше?* / Сборник статей. Отв. ред.: В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. 593 с.

трудов, изучающих современную политику России на Ближнем Востоке, что говорит о том, что этот регион по-прежнему входит в число приоритетных направлений российской внешней политики, а сама Россия является важным участником в региональных событиях.

Христофоров В. С. (ИРИ РАН; РГУ, Москва)

К вопросу о характере военно-политического присутствия в Афганистане советских и американских контингентов

В 1970-е гг. перманентный политический кризис в Афганистане привел к неоднократной смене власти. В Москве, руководствуясь принципом невмешательства во внутренние дела других государств, признали афганский режим, установившийся после Саурской (апрельской) революции 1978 г. Но взявшая власть в свои руки НДПА оказалась не способна управлять страной, поэтому уже 8 мая 1978 г. обратилась к советскому руководству с настоятельной просьбой срочно направить в Афганистан партийных, военных, хозяйственных советников, а также сотрудников КГБ СССР для оказания помощи в организации работы государственного аппарата. Институт советников был порожден совпадением интересов советского руководства и афганской политической элиты. Так было положено начало советскому военно-политическому присутствию в Афганистане, которое продолжалось до конца 1991 г. и условно делилось на пять этапов: май 1978 г. — февраль 1980 г.; март 1980 г. — апрель 1985 г.; апрель 1985 г. — январь 1987 г.; январь 1987 г. — февраль 1989 г.; 1989–1991 гг.

Первый этап начался с направления в Афганистан советских советников для оказания помощи в организации работы государственного аппарата, министерств, ведомств, образовательных и медицинских учреждений, национальной армии, разведки и контрразведки и последующего ввода советских войск. Начались поставки боевой техники, вооружения, боеприпасов, материально-технического имущества. Советские советники, оказывая влияние на афганских партнеров, формировали просоветскую политическую элиту.

В 1979 г. в НДПА обострилась борьба между фракциями «Хальк» и «Парчам», вооруженная оппозиция в разных районах страны предпринимала попытки захвата власти, некоторые части афганской армии переходили на их сторону. Афганское руководство неоднократно обращалось с просьбой ввести в страну советские войска. Кремль существенно увеличил военно-техническую помощь и число военных советников и сотрудников разведки. После трагических событий сентября 1979 г. власть перешла к Х. Амину, который на словах высказывался за продолжение сотрудничества с СССР и соглашался с рекомендациями советских советников, на практике же налаживал контакты

с США, развернул репрессии, в том числе в партии. Тем не менее советское руководство указывало советским советникам на необходимость продолжения сотрудничества с Амином.

Активизация контактов Амина с американскими представителями, а также неуверенность в его лояльности подтолкнули советское политическое руководство к решению о смене афганского правительства и вводе войск. В ходе спецоперации, одобренной Политбюро ЦК КПСС, к власти был приведен просоветский лидер Б. Кармаль. Советские войска разместились гарнизонами, взяли под охрану основные транспортные магистрали и объекты промышленности. Но уже в первые месяцы 1980 г. ситуация вновь резко обострилась, в Кабуле прошли акции протеста. Кармаль стал настойчиво просить привлечь советские войска к боевым действиям, поскольку не надеялся на афганскую армию. Вскоре из Москвы стали поступать указания начать боевые операции совместно с афганскими частями. Считалось, что основную задачу в разгроме вооруженных отрядов оппозиции будет решать афганская армия, а советские войска — способствовать им. Тогда же советник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский назвал вторжение СССР в Афганистан «советским Вьетнамом», считая, что русские попали в «афганскую ловушку»¹.

С марта 1980 г. советские войска вместе с афганскими частями и соединениями вели активные бои. Вооруженные формирования оппозиции, поддерживаемые США, Пакистаном, Ираном, Саудовской Аравией, Китаем и другими странами, перешли к тактике партизанской войны, основные группировки переместились в труднодоступные горные районы. Интенсивность боевых действий постепенно возрастала и достигла своего пика в 1984–1985 гг.

Афганское политическое руководство, государственные и партийные органы работали неэффективно. Партийный аппарат, чиновники в министерствах и ведомствах находились под большим влиянием советских советников². На принятие решений оказывали влияние советские партийные советники, руководитель оперативной группы Генштаба, главный военный советник, руководители внешней разведки и представительства КГБ. Кармаль согласовывал с ними практически все основные вопросы внешней и внутренней политики, получал рекомендации Комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану.

В 1985 г. в СССР началась перестройка. Новое советское руководство во главе с М. С. Горбачевым взяло курс на мирное решение афганской проблемы.

¹ Чхеидзе А. Афганская ловушка для двух сверхдержав // Известия. 2004. 27 декабря.

² Спустя несколько лет после отстранения от власти Б. Кармаль в беседе с журналистами говорил, что он не был руководителем суверенного государства, Афганистан был «оккупированным государством», где реально правили советские представители. См.: Слинкин М. Ф. Афганистан. Страницы истории (80–90-е гг. XX в.) // Культура народов Причерноморья. Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2003. № 14. С. 24.

Еще в 1982 г. при содействии Кремля в Женеве начались афганско-пакистанские переговоры по урегулированию ситуации в Афганистане.

Третий этап советского военно-политического присутствия характеризовался переходом от активных боевых действий к поддержке афганских войск советской авиацией и артиллерией. Общая численность советских войск в Афганистане достигла 108,8 тыс. человек, в том числе в боевых частях — 73 тыс. Советские войска решали две основные задачи: оказывали содействие афганской армии в разгроме крупных вооруженных формирований оппозиции в базовых районах и поддерживали афганское правительство в укреплении органов государственной власти на местах. Советские подразделения спецназначения перехватывали караваны, доставлявшие оружие и боеприпасы с территории Пакистана и Ирана. Внешняя разведка устанавливала контакты с лидерами оппозиции в поиске политического урегулирования.

То, что советские специалисты готовили основные политические решения, привело к тому, что афганские партийные, государственные и военные деятели во всем стали полагаться на советских советников, они не умели (или не хотели) действовать самостоятельно и нести за это ответственность. К весне 1986 г. в Москве пришли к убеждению, что работа афганского партийного и государственного аппарата неэффективна, а меры по стабилизации обстановки явно недостаточны. В 1986 г. правительственные силы Афганистана контролировали чуть более 20% территории, в основном административные центры провинций. Оппозиция стремилась максимально сохранить контроль над территорией, расширить зоны своего влияния, захватывая новые районы.

По инициативе Кремля Б. Кармаль в мае 1986 г. был освобожден от должности Генерального секретаря ЦК НДПА, его место, опять-таки по рекомендации ЦК КПСС, занял бывший руководитель афганской разведки и контрразведки Наджибулла. Присутствие в Афганистане советских войск обеспечило смену власти без каких-либо осложнений. Наджибулла, как и Кармаль, не был самостоятельной политической фигурой. Все решения по вопросам афганской внешней политики, в том числе о переговорах в Женеве, принимались на основе рекомендаций советских представителей. В конце 1986 г. на Чрезвычайном Пленуме ЦК НДПА под влиянием советских советников был провозглашен курс на национальное примирение, прекращение братоубийственной войны, решение спорных вопросов политическими методами.

На четвертом этапе были завершены афганско-пакистанские переговоры в Женеве, осуществлен вывод советских войск из Афганистана. В этот период советские войска участвовали в проведении политики национального примирения, содействуя укреплению режима Наджибуллы. Вооруженные силы Афганистана в одностороннем порядке с 15 января 1987 г. прекратили огонь. В условиях национального примирения пер-

востепенное значение придавалось укреплению афганских вооруженных сил, развитию экономического потенциала страны, обеспечению населения предметами первой необходимости, оказания помощи возвращающимся беженцам. Однако курс на примирение осуществить не удалось. Вопреки рекомендациям Москвы уступки НДПА были незначительны, она оставляла себе ключевые позиции в коалиционном кабинете. Внутри самой НДПА продолжались разногласия по кадровым и организационным вопросам. Наджибулла постоянно нуждался в рекомендациях советских представителей, он хотел быть уверен, что СССР и после вывода войск будет поддерживать Афганистан. В свою очередь, советские советники старались активизировать работу афганского государственного аппарата, повысить роль Наджибуллы, укрепить его позиции и авторитет. 30 ноября — 1 декабря 1987 г. была проведена Лойя Джирга, утвердившая Конституцию Афганистана и новое наименование страны — Республика Афганистан. Лойя Джирга избрала президентом страны Наджибуллу.

В апреле 1988 г. благодаря усилиям, предпринятым М. С. Горбачевым и Наджибуллой, Кабул и Исламабад подписали в Женеве соглашения, гарантиями которых выступили Москва и Вашингтон. В период с 15 мая 1988 г. по 15 февраля 1989 г. советские войска были выведены из Афганистана, страну покинула и значительная часть советских советников. В это же время Москва расширила масштабы военно-технической и экономической помощи Кабулу и продолжала подготовку афганских вооруженных сил, что и стало основным содержанием деятельности на пятом этапе советского военно-политического присутствия в Афганистане.

18 февраля 1989 г. в Афганистане было введено чрезвычайное положение, централизовано политическое и военное руководство, усилен контроль над деятельностью партийных, государственных и общественных организаций. По рекомендации советских советников афганское руководство сосредоточило свои усилия на трех основных направлениях: борьбе с вооруженной оппозицией, мирном урегулировании конфликта, поддержании экономики на минимальном уровне. II съезд партии принял решение о переименовании НДПА в Партию Отечества («Ватан»), принял новый устав, в котором содержался отказ от руководящей роли партии, марксизма-ленинизма и социализма в пользу ислама, демократии и рыночной экономики. Наджибулла провел радикальные преобразования правящей партии и заявил, что ввод советских войск не отвечал национальным интересам Афганистана¹. Однако все это уже не могло убедить оппозицию в политической самостоятельности Наджибуллы и его независимости от Москвы.

Ни вывод советских войск из Афганистана, ни падение прокоммунистического режима не привели к прекращению вооруженной борьбы. Наджибулла

¹ См.: *Гареев М. А.* Афганская страда (с советскими войсками и без них). М., 1999. С. 112.

в течение 1990–1991 гг. сохранял власть благодаря масштабной военной и экономической помощи СССР. Августовские события 1991 г. в Москве, а также подписание в сентябре 1991 г. государственным секретарем США Дж. Бейкером и министром иностранных дел СССР Б. Д. Панкиным соглашения о прекращении с 1 января 1992 г. поставок оружия конфликтующим сторонам в Афганистане предопределили крах режима Наджибуллы.

Прекращение поставок оружия, а затем и продовольствия привело к глубочайшему кризису и развалу афганского государственного аппарата. В апреле 1992 г. отряды афганской оппозиции заняли Кабул. Страна оказалась раздробленной на четыре части: центральная часть Афганистана (под контролем Б. Раббани); Север (провинции Балх, Джузджан, Фарьяб, Кундуз с населением около 2,5 млн человек — под контролем генерала А. Р. Дустума); Хазаразджат (население около 3 млн хазарейцев под контролем шиитской Партии исламского единства Афганистана); Пуштунистан (провинции, граничащие с Пакистаном, населенные в основном пуштунами — под контролем отрядов Г. Хекматяра).

Увлечшись междоусобной борьбой, лидеры оппозиции не заметили появления в середине 1990-х гг. на афганской политической сцене новой силы — Исламского движения «Талибан», состоявшего в основном из этнических пуштунов. Талибы заявили о намерении взять власть в Афганистане, прекратить кровопролитные разборки, положить конец гражданской войне и установить «подлинно исламское» правление. В сентябре 1996 г. талибы провозгласили образование Исламского Эмирата Афганистана (ИЭА). На территории ИЭА нашла прибежище «Аль-Каида» и ее основатель Усама бен Ладен.

11 сентября 2001 г. прошли террористические атаки в США, повлекшие многочисленные жертвы. Вашингтон, заявив, что организатором атак с использованием пассажирских самолетов был бен Ладен, а исполнителями — члены «Аль-Каиды», выдвинул талибам ультиматум — выдать американскому правосудию бен Ладена, укрывавшегося в Афганистане, а также все руководство «Аль-Каиды». Талибы отказались, заявив, что США не предоставили достаточных доказательств. Вашингтон расценил такой ответ как причастность Кабула к террористическим актам и принял решение ликвидировать движение «Талибан» и организацию «Аль-Каида» путем военной интервенции. 7 октября 2001 г. США начали в Афганистане контртеррористическую операцию.

Пятнадцать лет военно-политического присутствия США в Афганистане можно условно разделить на пять этапов: 2001–2005 гг.; 2006–2008 гг.; 2009–2011 гг.; 2011–2014 гг.; 2015–2016 гг.

Начало первому этапу положила контртеррористическая операция «Несокрушимая свобода». В декабре 2001 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1386 о проведении миротворческой операции Международными силами

содействия безопасности в Афганистане (МССБ) при участии вооруженных контингентов США, Великобритании, стран-членов НАТО и других стран. В 2001–2002 гг. американцам удалось захватить или уничтожить некоторых руководителей «Аль-Каиды», освободить Кабул, крупные города и центры провинций и создать там органы власти. Уцелевшие боевики из «Талибана» и «Аль-Каиды» уходили в Пакистан в зону свободных пуштунских племен.

По инициативе США в Афганистане началось государственное строительство и формирование афганских сил безопасности. На конференции, проходившей в конце 2001 г. в Бонне, была сформирована Временная (на шесть месяцев) администрация во главе с Х. Карзаем, придавшая легитимность новому политическому устройству. В июне 2002 г. на чрезвычайной Лойя Джирге Х. Карзай был избран главой правительства. В 2003 г. американцы стимулировали появление программы «Разоружение, демобилизация, реинтеграция», направленной на разоружение отрядов многочисленных полевых командиров и возвращение государству монополии на применение силы. В 2004 г. была принята новая конституция, проведены выборы президента. Х. Карзай получил поддержку 55,4% избирателей. В 2005 г. прошли выборы в афганский парламент.

В это же время, в 2003–2005 гг., талибы, восстановив силы, возобновили боевые действия в южных районах Афганистана, более того, назначили своих «теневых» губернаторов в афганских провинциях Пактика, Пактия, Нангархар и Кунар.

В 2006–2008 гг. основное внимание США в регионе было переключено с Афганистана на Ирак. В Афганистане одной из важных проблем стала борьба с производством наркотиков. Афганистан превратился в наркогосударство, производство опиатов в 2008 г. по сравнению с 2001 г. увеличилось в 44 раза. В культивировании и переработке мака-сырца было занято около 3 млн афганских крестьян¹.

Происходило увеличение численности американских войск и сил МССБ, расширение географии их размещения. Однако общая ситуация в Афганистане ухудшилась. Талибы вели атаки на маршрутах снабжения войск НАТО. Они пополнили и перегруппировали свои вооруженные отряды, используя малые и средние вооруженные группы и террористов-смертников, добивались свержения правительства Х. Карза и вывода иностранных военных контингентов. Расширение масштабов американского военно-политического присутствия в Афганистане, использование военно-воздушных сил приводило к жертвам среди мирного населения. Активизация деятельности талибов привела к тому, что некоторые союзники США, тот же Х. Карзай, стали открыто говорить об ошибках контртеррористической операции и невозможности выиграть войну против терроризма лишь с помощью авианалетов.

¹ *Борисов Т.* Героин и капуста // Российская газета. 2008. 10 декабря.

Новый президент США Б. Обама на третьем этапе американского присутствия в Афганистане объявил эту страну ключевым пунктом внешнеполитического курса. Наряду с увеличением американского воинского контингента провозглашалась необходимость продолжения государственного строительства Афганистана. Несомненным успехом этого периода стало уничтожение в 2011 г. бен Ладена в ходе операции, проведенной американским спецназом на территории Пакистана. Активные боевые действия против талибов не улучшили военно-политическую обстановку, а ошибки при нанесении американцами авиаударов приводили к гибели мирных жителей. Талибы, используя тактику «малой и минной войны», нападали на небольшие американские заставы и базы МССБ, колонны снабжения НАТО, уничтожали бензовозы с топливом, сбивали вертолеты и минировали дороги.

В 2011–2014 гг. осуществлялся поэтапный вывод из Афганистана основных сил американских войск и МССБ и передача ответственности за обеспечение безопасности афганской армии и силам правопорядка. Вывод из Афганистана контингентов, численность которых составляла более 130 тыс. человек, начался летом 2011 г. В конце 2012 г. численность иностранных войск составляла 113 тыс. военнослужащих (в том числе более 74 тыс. американских)¹, в начале 2013 г. — около 66 тыс. американских военных, в начале 2014 г. — около 34 тыс., в конце 2014 г. — около 12 тыс.

В мае 2012 г. Вашингтон и Кабул подписали соглашение о стратегическом партнерстве, Афганистан был наделен статусом «главного, не входящего в НАТО союзника». Это соглашение стало основой обеспечения региональной и глобальной безопасности². В 2012–2013 гг. обстановка в Афганистане оставалась противоречивой. С одной стороны, был замечен определенный успех в антитеррористической деятельности международных сил безопасности и афганских правительственных войск, с другой — талибы проводили террористические атаки, подогревая противоречия между таджиками и национальными меньшинствами севера и пуштунами³. Летом 2013 г. США и силы западной коалиции передали всю ответственность за безопасность в стране афганской национальной армии.

30 сентября 2014 г. Вашингтон и Кабул подписали двустороннее соглашение о стратегическом партнерстве. До конца 2016 г. для оказания помощи афганской армии и полиции в борьбе с антиправительственными группировками в Афганистане оставалось около 13 тыс. солдат стран НАТО, в том числе 10,8 тыс. — аме-

¹ Куликов А. Афганский конфликт — источник актуальных угроз. // Военно-промышленный курьер. 2012. 5–11 декабря. С. 2.

² Волков К. США сохраняют присутствие в Афганистане до 2024 года // Известия. 2012. 25 апреля.

³ Коргун В. Г. Вывод войск из Афганистана: проблемы и вызовы. Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития. М., 2012. С. 22.

риканский контингент. Таким образом, США сохраняют контроль над регионом, а Афганистан, разрешив присутствие на своей территории иностранных войск, получает финансовую и военную помощь. Американским военным разрешено принимать участие в боевых действиях против «Талибана» и других группировок, а также использовать ВВС для оказания поддержки афганской армии. 12 декабря 2014 г. Совет Безопасности ООН единогласно проголосовал за резолюцию № 2189, согласно которой новая миссия НАТО «Решительная поддержка» получила мандат на один год с возможностью продления.

Ухудшение обстановки в Афганистане в 2015–2016 гг. характеризовалось сохранением угрозы терроризма и экстремизма для стран Центральной Азии и ростом производства наркотиков, тормозящего развитие страны. Талибы в этот период захватывали крупные города, но не пытались их удержать, что свидетельствовало о пропагандистском характере их действий. Так, в августе 2015 г. талибы захватили стратегически важный город Муса-Кала в провинции Гильменд, в сентябре — город Кундуз. В октябре они напали на город Газни, а в декабре — на аэропорт Кандагара, совершили несколько взрывов в Кабуле, в 2016 г. атаковали консульство Индии в Мазари-Шериф, организовали теракты в Джелалабаде, Кабуле, Кандагаре. Силы безопасности Афганистана при поддержке ВВС США освободили города Муса-Кала и Кундуз, отразили атаки на Газни и Кандагар. Американские эксперты отмечали, что афганцы успешно решали задачи в тех случаях, когда имели возможность хорошо подготовиться, но в кризисных ситуациях нуждались в помощи извне. Продление военного присутствия США в Афганистане связано, во-первых, с ростом угроз безопасности, во-вторых, с необходимостью укрепления афганской армии. В начале 2015 г. в Афганистане находилось около 12 тыс. американских и натовских военнослужащих, в 2016 г. — 9,8 тыс., в 2017 г. — 5,5 тыс. Широко разрекламированный вывод американских войск и МССБ в конце 2014 г. был лишь трансформацией военного присутствия США, которое в том или ином виде сохранится в обозримой перспективе и будет использоваться для оказания давления на Россию, Китай, Иран, Пакистан и Индию.

Исторический опыт показывает, что никто не смог навязать афганцам свои традиции, режим и порядки и улучшить социально-политическую обстановку в стране. Экс-президент Афганистана Х. Карзай неоднократно в 2015–2016 гг. говорил о том, что присутствие иностранного военного контингента лишь усугубляет ситуацию в стране. Афганский народ в 2001 г. согласился на умеренное присутствие иностранных войск, надеясь на искоренение терроризма и поддержание мира в регионе. Однако присутствие иностранных войск не привело к желаемому результату. Афганская проблема нуждается в глубоком исследовании и выводах, которые учитывали бы реалии сегодняшнего мира и интересы всех сторон, в той или иной мере участвовавших в афганских делах на различных этапах истории Афганистана последних десятилетий.

Шишкина А. Р. (НИУ ВШЭ, Москва)

Культурные факторы социально-политической нестабильности в современном мире: опыт качественного сравнительного анализа

Отталкиваясь от представления Л. Уайта, согласно которому культура является не материальной, а представляет собой класс предметов и явлений, имеющих символическое значение, т. е. те или иные предметы могут выступать в качестве знаков и текстов, несущих социальную информацию, рассмотрим в качестве потенциально дестабилизирующих применительно к событиям Арабской весны следующие индикаторы: субъективное ощущение счастья, активное участие женщин в протестных действиях, наличие радикально настроенных футбольных болельщиков в политическом пространстве страны, а также наличие внутриэлитного конфликта.

Что касается первого из них, то этот индикатор был использован для операционализации концепции относительной депривации Т. Гарра, феномена несчастливого развития для арабских стран, а также кривой Дэвиса, отражающих разрыв между темпами экономического развития стран и удовлетворенностью уровнем жизни среди населения. Восприятие счастья зависит как от объективных условий, так и от субъективных факторов. Если к первым относятся пол, возраст, семейное положение и уровень образования, то вторые связаны с ожиданиями относительно семейных отношений, работы, общественных институтов и т.д. Таким образом, восстаниям Арабской весны предшествовало снижение удовлетворенности жизни и ощущения счастья, несмотря на прогресс в экономическом развитии в последние несколько десятилетий

Участие женщин в демонстрациях может служить ярким примером включения в протестную активность, основывающимся на растущем уровне национальной идентификации: люди выступали не только в защиту своих собственных интересов, но готовы были взять на себя ответственность за социально уязвимые слои общества. Изучение именно женского восприятия политической обстановки в условиях кризиса и их видения революционной активности помогает лучше понять трансформации протестных настроений и степень фрустрации, присущую постреволюционному периоду после свержения прежнего режима.

События Арабской весны показали, что наличие конфликта внутри политической элиты в некоторых случаях может служить одним из наиболее дестабилизирующих факторов. В качестве примера здесь можно привести Египет, где отмечался конфликт между армейской верхушкой и группировкой влиятельных бизнесменов во главе с сыном президента Мубарака Гамалем; Тунис, где наблюдалось противостояние между армией и спецслужбами, численность которых была в несколько раз выше, чем военных; а также Йемен и Ливия, где

ключевую роль в процессах социально-политической дестабилизации сыграл конфликт внутри племенных элит этих стран.

Еще одной заметной чертой выступлений Арабской весны стала роль, которую в них сыграли радикально настроенные футбольные фанаты. Футбол и футболисты также нередко воспринимаются в качестве агентов социальных изменений, бросающих вызов власти. На протяжении многих десятилетий футбол формировал альтернативное публичное пространство в странах Ближнего Востока, предоставляя место для выражения накопившегося гнева и разочарования в отношении авторитарных режимов. Радикально настроенные ближневосточные фанаты футбольных клубов известны фанатичной поддержкой своих команд.

В ходе исследования вышеуказанных индикаторов был использован метод качественного сравнительного анализа, позволяющий выявить как дестабилизационный потенциал различных комбинаций факторов, так и их роль в сохранении политической стабильности в той или иной стране.

Так, полученные результаты дают нам основания заключить, что из выбранных нами факторов три — отсутствие субъективного ощущения счастья, активное участие женщин в протестных движениях и наличие внутриэлитного конфликта — способны играть важную роль в процессах возникновения социально-политической дестабилизации и, как следствие, приводить к смене политического режима в той или иной стране. В то же время такие факторы, как наличие повышенного числа футбольных болельщиков в политическом поле государства и активное участие женщин в протестных движениях способны катализировать протестные настроения и сыграть заметную роль в развитии процессов дестабилизации, однако только в том случае, если революционный механизм уже был запущен — результаты качественного сравнительного анализа показали, что эти факторы в состоянии покоя не приводят к смене политического режима.

СОДЕРЖАНИЕ

Касевич В. Б. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Восток и Запад, гуру и реформаторы 5

СЕКЦИЯ I.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ПАМЯТИ ПРОФ. АННЫ АРКАДЬЕВНЫ ДОЛИНИНОЙ (1923–2017)

HISTORIOGRAPHY OF THE MIDDLE EAST IN MEMORIAM OF PROFESSOR ANNA A. DOLININA (1923–2017)

<i>Çetin Aykurt (Bozok University, Yozgat, Turkey). The Official Chroniclers in the Ottoman Historiography</i>	12
<i>Christides V. (Institute for Graeco-Oriental and African Studies, Kryoneri Attikis, Greece). Hagiographical Works as Historical Sources in the Arab-Byzantine Relations</i>	13
<i>Vera Costantini (University of Venice, Venezia). Venetian Sources on the Ponto-Caspian Area (XV–XVII centuries)</i>	21
<i>Amal M. Elsboki (Banha University, Egypt). Economic and Social Policy of Ibrahim Pasha in Syria</i>	23
<i>Serkan Gul (Bozok University, Yozgat, Turkey). History of Cevdet Pasha as a Source for the History of Ottoman-Russian Relations between 1774 and 1826</i>	24
<i>Taha N. Karaca (Bozok University, Yozgat, Turkey). Ibrahim Effendi of Pecuy and the significance of his work in terms of ottoman historiography</i>	24
<i>Donna Landry (University of Kent, UK). ‘The Fellowship of the Horse’ and Historiography: Seventeenth-Century Ottoman and Nineteenth-Century British Examples</i>	25
<i>Tibor Linke (University of Erlangen-Nuremberg, Germany). Un-Islamic charges in Islamic Law: Tributes and protection racket in Moorish legal literature</i>	26

<i>Gerald MacLean (University of Exeter, UK). Kurds and Kurdistan: Earliest British Travellers Accounts in Light of Sharaf al-Din Bidlisi's Sharafname (1597)</i>	27
<i>Melanie Wood (Zayed University, Dubai, UAE). Emirates Collection of Zayed University Library, United Arab Emirates</i>	28
<i>Аверьянов Ю. А. (Институт востоковедения РАН, Москва). Еретические движения в Османской Турции XVI века на примере суфийского братства байрамииа (маламатийа)</i>	29
<i>Алексеев И. Л. (РГГУ, Фонд Марджани). Социально-политическая теория Ибн Халдуна в контексте исторической динамики раннего ислама</i>	31
<i>Алиева Таира (Институт рукописей НАНА, Баку). О рукописях произведений Ибн Сины, хранящихся в Институте рукописей НАНА</i>	33
<i>Алонцев М. А. (РГГУ, РАНХиГС, Москва). Источники антологии «Поминание друзей Божиих» Фарид ад-дина 'Аттара и методы авторской работы с ними</i>	34
<i>Абделла Ф. Эльсаадани (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Из истории российско-египетских контактов в 1830–1840-е гг.</i>	35
<i>Атнашев В. Р. (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург). Создание Палестинского государства: международно-правовой аспект</i>	36
<i>Баконина М. С. (Санкт-Петербург). Эпоха «постистины». Шиафобия в пропаганде ИГ: манипулирование фактами и образами (по материалам глянцевого журнала DABIQ)</i>	38
<i>Баширин П. В. (РГГУ, Москва). Альтернативная Ка'ба в средневековой мусульманской культуре: от исторического нарратива к мистическому символизму</i>	40
<i>Блондин В. Н. (ВФ, СПбГУ, Санкт-Петербург). Позднесредневековый йеменский историк Йахйя ибн ал-Хусейн (XVII в.) как предтеча арабской публицистики XIX в.</i>	41
<i>Болдина Юлия (ВФ СПбГУ; Université Paris IV-Sorbonne). Исторические и социологические аспекты исследования культуры потомков морисков на территории Средиземноморья</i>	45
<i>Васильева О. В. (РНБ, Санкт-Петербург). Турки — первые читатели Императорской Публичной библиотеки</i>	47
<i>Возчиков Д. В. (УрФУ, Екатеринбург). Образ империи мамлюков Египта в трактате венецианского дипломата первой половины XIV века</i>	48
<i>Гулькин П. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Средневековая арабская «алкогольная энциклопедия» «Прояснение умов об именах матери величайших грехов» Омара ибн ал-Хасана ибн Дихйя ал-Кальби</i>	50
<i>Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). В. Р. Бахерахт (1851–1916) — первый генконсул России в Танжере (к 120-летию установления официальных российско-марокканских отношений)</i>	51
<i>Елистратова Т. А. (Представительство Издательства Кембриджского университета в Москве). Кембриджские издания архивов как важнейший источник по истории становления государств Ближнего и Среднего Востока и развития международных отношений и конфликтов в регионе</i>	53

<i>Жантиев Д. Р. (ИСАА МГУ, Москва).</i> Арабские источники по истории консервативной исламской мысли в Османской империи в период правления Абдул-Хамида II (1876–1909)	54
<i>Жерлицына Н. А. (ИнАфр РАН, Москва).</i> Война в Рифе (1921–1926) и Советский Союз.....	55
<i>Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Об авторстве книги «Живописное путешествие...». Соч. Литль-Бой.....	56
<i>Зайцева Д. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург).</i> Уникальный трактат по военному делу С 686 из коллекции Института восточных рукописей РАН: заказчик и владельцы рукописи	58
<i>Илюшина М. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург).</i> Эмир <i>атāбак</i> в мамлюкской политической иерархии.....	59
<i>Куделин А. Б. (ИМЛИ РАН, Москва).</i> К проблеме становления связного повествования в средневековой арабской историографии	61
<i>Кумекоев Б. Е. (ЕНУ, Астана), Кумекоева Р. Б. (КазНУ, Алма-Ата).</i> К атрибуции авторства сочинения « <i>Зикр ал-масафат ва сувар ал-акалим</i> »	62
<i>Кункова В. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Формирование основ исламской экономики при первых Аббасидах	64
<i>Лукьянов Г. В. (НИУ ВШЭ, Москва).</i> Советская и российская историография об исламе и его влиянии на социально-политическое развитие государства в Ливии	64
<i>Матвеев А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Аравийская торговля в VI — нач. VII вв. и ее роль в истории Аравии	66
<i>Мещерская Е. Н. (Филологический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Сирийские монастыри как центры книжно-письменной культуры.....	69
<i>Петрова Ю. И. (ИВ им. А. Е. Крымского, НАН Украины, Киев).</i> К вопросу о русском переводе «Путешествия патриарха Макария Антиохийского» (на основе критического издания оригинала).....	71
<i>Притула А. Д. (ГЭ, Санкт-Петербург).</i> Халдейские рукописные коллекции. ‘Авдишо’ Газартский: патриарх, поэт, писец и заказчик.....	72
<i>Прудников В. В. (ИВ РАН, Москва).</i> Участие норманнов в Первом крестовом походе в итальянской историографии XX в.	73
<i>Пумпян Г. З. (БАН, Санкт-Петербург).</i> Церковь и общество в Русском государстве XVII в. в «Путешествии патриарха Макария Антиохийского» (рукопись ИВР РАН).....	75
<i>Рифаат Г. аш-Шейх (Египет).</i> Река Нил и сельское хозяйство Египта в эпоху правления Мухаммеда Али	84
<i>Родионов М. А. (ВФ СПбГУ; МАЭ РАН).</i> Источник к характеристике сайида ‘Али б. Хасана ал-Атгаса (XII/XVIII в.).....	85
<i>Розов В. А. (В. Ф. СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> «Путешествие ученого в страны Востока»: путевые записки шведского ориенталиста Маггиаса Норберга.....	86
<i>Рыженкова Т. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Положение египетских мамлюков в первое столетие после османского завоевания 1517 г.	88

<i>Сатаров А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Суакин как форпост Османской империи в Красном море в XVI — начале XIX вв.</i>	89
<i>Соколов О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Арабская историография Крестовых походов в XX–XXI вв.: классификация работ</i>	91
<i>Сулаймонова Х. М. (ТашиГИВ, Ташкент). Антология «Канз ал-куттаб» ас-Саалиби как источник по арабоязычной поэзии Мавераннахра</i>	92
<i>Туманян Т. Г. (Институт философии, СПбГУ, Санкт-Петербург). К вопросу об атрибуции трактата <i>ал-Ахкам ас-султанийя</i></i>	94
<i>Туманян Т. Г. (Институт философии, СПбГУ, Санкт-Петербург). Армянский квартал Иерусалима: религиозная жизнь и культурные традиции</i>	94
<i>Царегородцева И. А. (НИУ ВШЭ, Москва). Троцкизм на Ближнем Востоке (на примере «Революционных социалистов» в Египте)</i>	96
<i>Цибенко В. В. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону). Османские очаги: история и истоки возникновения</i>	97
<i>Чепильченко Е. И. (ИСАА, МГУ, Москва). Везират Кёпрюлю (1656–1718) в истории Османской империи</i>	99
<i>Юлгушева А. Х. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Война в Альпухаррах (1568–1571 гг.) как реакция на политику католических монархов</i>	100
<i>Ястребова О. М. (ВФ СПбГУ; РНБ, Санкт-Петербург). Свиток-амулет 1404 г. из собрания П. П. Дубровского</i>	102
<i>Яфия Юсиф Джамиль (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Список рукописи «Сборник пословиц» Хамзы ал-Исфахани</i>	104

СЕКЦИЯ II.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ АФГАНИСТАНА И ИРАНА

HISTORIOGRAPHY OF IRAN AND AFGHANISTAN:

<i>Cancian Alessandro (The Institute of Ismaili Studies, London). The Ni‘matullāhī Writings as a Source for the Intellectual History of Early Modern Iran</i>	106
<i>Ioannesyan Yu. A. (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St Petersburg). Some Peculiar Traits Common to Certain Persian and Other Western Iranian Dialects Reflected in the Language of the “<i>Tabaqat as-sufiyya</i>” by A. Ansari</i>	107
<i>Melville Firuza (University of Cambridge, UK). Contemporary visual interpretation of Persian literary classics: case study of Firdawsi’s Shahnama</i>	108
<i>Алексеев А. К. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). «Шарх-и зиндагани-йи ман» Абдаллаха Мустауфи как источник по истории Ирана в период Второй мировой войны и послевоенные годы</i>	108
<i>Амбарцумян А. А. (Санкт-Петербург). О возможном среднеиранском названии горы Сабалан</i>	110

<i>Багиров А., Гезалова Н. Р. (Институт Истории НАНА, Баку). Бахман-Мирза Каджар и его наследие (об азербайджанской коллекции рукописей)</i>	112
<i>Базиленко И. В. (ВФ СПбГУ; ИВР РАН, Санкт-Петербург). Дело английского капитана Джона Эльтона (John Elton) в истории отношений России и Ирана XVIII в.</i>	114
<i>Васильева Д. О. (ГЭ, Санкт-Петербург). О фрагментах сефевидского бархата на переплете «Хамсе» Низами из собрания Российской национальной библиотеки</i>	122
<i>Васильцов К. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Мухаммад Бакир ал-Маджлиси (ум. 1110/1699) и его сочинения в жанре <i>ихтийарат</i></i>	132
<i>Гезалова Н. Р. (Институт истории НАНА, Баку). Политика Великобритании в каджарском Иране в ходе Второй русско-иранской войны.</i>	134
<i>Григорьев С. Е. (ВФ, СПбГУ, Санкт-Петербург). Афганские историки о миссии О. Нидермайера–Хентинга (1915–1916)</i>	136
<i>Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Герат «на стыке»: разные аспекты особого политического положения области в первой половине XIX в.</i> ... 139	
<i>Зуб (Руденко) Н. Н. (ИВ НАНУ, Киев). Русский консул в Персии Д. Ф. Кодинец и его записки в собрании Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского</i>	141
<i>Моисеева А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). К вопросу о выделении типов личных глагольных окончаний в гилянском языке</i>	142
<i>Моисеенко Н. С. (Санкт-Петербург). История изготовления персидских монет в России по документам петербургских архивов</i>	144
<i>Пелевин М. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Живая история афганцев: военные рассказы хатакских вождей</i>	146
<i>Мехмет Тезкан (Mehmet Tezcan) (Uludagh University, Bursa, Turkey). Сасанидская концепция отношений между религией и государством и ее влияние на мусульманские концепции государства</i>	148
<i>Чунакова О. М. (ИВР РАН; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Неопубликованный согдийский фрагмент из ИВР РАН</i>	149

СЕКЦИЯ III.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА

HISTORIOGRAPHY OF THE CAUCASUS

<i>Алибекова П. М. (ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала). Персидские литографированные книги в дагестанских книгохранилищах</i>	151
<i>Гасанзаде Т. Д. (ИР НАН Азербайджана, Баку). Произведения Льва Николаевича Толстого в Азербайджане в конце XIX — начале XX века в коллекции Института Рукописей НАНА</i>	152

<i>Зельницкая (Шларба) Р. Ш. (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург). Махаджирство второй пол XIX в. Абхазии и его отражение в российской периодике.....</i>	154
<i>Ибрагимова З. Б. (ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала). Богословская полемика советского периода в Дагестане как продолжение исламского дискурса начала XX в.</i>	155
<i>Магамадов С. С. (Чеченский ГУ; Институт гуманитарных исследований АН ЧР, Грозный). Историография истории народов Северного Кавказа 20–30-х гг. XX в.: достижения и спорные вопросы.....</i>	157
<i>Фидана Мусаева (МГУ, Бакинское отделение, Баку). Художественное произведение как исторический источник (по роману «Али и Нино» Курбан Саида).....</i>	158
<i>Овсянников Д. В. (Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург). Аслан-хан Кюринский и Казикумухский и его роль в военно-политических событиях на Северо-Восточном Кавказе в первой трети XIX в.</i>	159
<i>Османова М. Н. (ФГБУН ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала). Торговые каталоги типографии «ал-Матба ‘а ал-исламия» как источник по истории культуры Дагестана начала XX века.....</i>	161
<i>Сулаев И. Х. (ДГУ, Махачкала). Официальное мусульманское духовенство города Дербента и власть (со времени присоединения к Российской империи до 1917 г.).....</i>	162
<i>Тимохин Д. М. (ИВ РАН, Москва). Южный Кавказ в годы монгольского нашествия в зарубежной историографии: на примере исследования Д. Байарсайхан «Монголы и Армяне (1220–1335)».....</i>	164
<i>Фарзалиев А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Источники по административно-территориальному делению Азербайджана в составе Османской империи в конце XVI в.</i>	166

СЕКЦИЯ IV.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

HISTORIOGRAPHY OF CENTRAL ASIA

<i>Detlev Quintern (Fuat Sezgin Foundation, Istanbul). Alexander von Humboldt and his Arabic Sources</i>	169
<i>Gözde Sazak (Institute of Turcology, Istanbul University). From the First Gender Studies Archive in Central Asia: Pendant on the Hun Khatun’s Temple</i>	169
<i>Аманжолова Д. А. (ИРИ РАН, Москва). Некоторые проблемы изучения истории восстания 1916 года в Степном крае и Туркестане</i>	172

<i>Аминов Б. Б. (МВССО РУз, Ташкент). Надгробные надписи саййидов-мусавийя</i>	173
<i>Болашенкова Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Отсылки к эпохе Саманидов (IX–X вв.) в текстах современных таджикских поэтов</i>	178
<i>Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Каркаринское (Албанское) восстание 1916 года и его последствия</i>	179
<i>Дробышев Ю. И. (ИВ РАН, Москва). К вопросу об изображении птицы на головном уборе Кюль-тегина и на плите из Ихе-Асхете</i>	181
<i>Кукина Д. А. (НИМК, Санкт-Петербург), Сулягина Н. А. (ГЭ, Санкт-Петербург). Коллекция находок из курганов Ноин-Улы (северная Монголия) на выставке в Берлине в 1929 году</i>	182
<i>Лундышева О. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Роль рукописных материалов в изучении распространения буддизма в Центральной Азии</i>	184
<i>Мукатаева Л. К., Султангазы Г. Ж. (Университет КАЗГЮУ, Астана). Документы личного фонда Г. Е. Катанаева — важная источниковая база по изучению истории Казахстана</i>	186
<i>Нурбаев Ж. Е. (Университет КАЗГЮУ, Астана). Особенности конфессиональной истории Казахстана конца XIX — начала XX вв. в источниках личного происхождения</i>	187
<i>Нургельдыева А. Ю. (Институт археологии и этнографии АН Туркменистана, Ашхабад). Туркменские ковровые изделия: их значение и роль в жизни туркмен</i>	189
<i>Почакаев Р. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Политика Российской империи в Бухарском эмирате глазами местных авторов второй половины XIX — начала XX вв.</i>	190
<i>Соболев В. Г. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург). «Влияние ишанов носит несомненно отрицательный с русской точки зрения характер»: русская администрация в поисках внешних и внутренних врагов в Средней Азии в начале XX в.</i>	192
<i>Султанов Т. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Возрастные категории людей в средневековой литературе Средней Азии</i>	193
<i>Сулягина Н. А. (ГЭ, Санкт-Петербург). «Столики» в элитных захоронениях хунну (по материалам Ноин-Улы, северная Монголия)</i>	194
<i>Таниева Г. М. (Институт истории АН РУз, Ташкент). Документы о паломничестве мусульман Центральной Азии в Мекку (по архивным материалам Российской Федерации)</i>	196
<i>Тишин В. В. (ИВ РАН, Москва). Тӧлӧс у енисейских племен VIII–IX вв.: от административно-территориальной к родоплеменной единице</i>	197
<i>Умурзаков Б. С. (Институт востоковедения АН РУз, Ташкент). Фахр ад-Дин Али Сафи Херави и его научное и литературное наследие</i>	199
<i>Хамидова М. С. (НУУз, Ташкент). Изучение архитектурных памятников Узбекистана государственными учреждениями в 20–90 гг. XX в.</i>	200
<i>Шорохов В. А. (Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург). «Арийский миф» и его роль в конструировании идентичности населения Таджикистана</i> ...	202

СЕКЦИЯ V.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

HISTORIOGRAPHY OF THE ANCIENT ORIENT

<i>Беликов А. М. (Ленинградский областной филиал СПбУ МВД РФ). Торговля опиумом в позднем бронзовом веке? К вопросу о содержимом кипрских кувшинчиков с круглым основанием</i>	203
<i>Емельянов В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Неопубликованные и незавершенные работы В. К. Шилейко из архива РАН</i>	204
<i>Козырева Н. В. (ВФ СПбГУ; ИВР РАН, Санкт-Петербург). Вавилон и Вавилония при последних царях династии Хаммурапи</i>	206
<i>Корниенко Т. В. (ВГПУ, Воронеж). Концепция революций В. Г. Чайлда и два этапа в становлении традиции храмового строительства на территории Месопотамии</i>	207
<i>Москалёва А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Вавилонская кампания Тукульти-Нинурты I</i>	208
<i>Немировская А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Писцовые приемы записи иноязычных слов в египетских и ханаанских источниках XIV–XIII вв. до н. э.</i>	209
<i>Николаев А. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Две дощечки с упоминанием бога Тота из собрания Эрмитажа</i>	210
<i>Попова О. В. (ИЯз РАН, Москва; Université Paris I). Функциональная нагруженность нововавилонских семейных архивов (на примере документов семьи Галлабу из Ура)</i>	211
<i>Сафронов А. В. (ИВ РАН, Москва). К вопросу о происхождении фараона Сиптаха</i>	212
<i>Чехович Н. О. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Передача полномочий в хозяйстве храма Эанна (Урук) и окрестных храмов. Южная Вавилония, VI в. до н. э.</i>	213
<i>Шелестин В. Ю. (ИВ РАН, Москва). Древнехеттские историко-политические тексты в новейшей историографии</i>	215

СЕКЦИЯ VI.

ЛИТЕРАТУРА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

LITERATURES OF ASIA AND AFRICA

<i>Breslavets T. I. (Far Eastern Federal University, Vladivostok). Okamoto Kanoko's Creative Work</i>	216
---	-----

<i>Азаркина М. А. (Восточный отдел НБ им. Горького СПбГУ, Санкт-Петербург). Межкультурная коммуникация как базовый принцип формирования востоковедного книжного фонда Научной библиотеки СПбГУ</i>	217
<i>Али-заде Э. А. (ИВ РАН, Москва). Л. Н. Толстой — мыслитель и писатель в оценке египетского литератора Саямы Мусы</i>	219
<i>Аникеева Т. А. (ИВ РАН, Москва). Сказание о Бейреке в турецком фольклоре и литературе</i>	221
<i>Антоненко Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Особенности авторского стиля Сурьякантя Трипатхи Ниралы</i>	221
<i>Ахмедова Ш. (ТашГИВ, Ташкент). Современная новеллистика Катара</i>	223
<i>Банит С. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Эволюция женских образов в современной женской прозе Индонезии (на примере романа Айю Утами «Саман»)</i>	225
<i>Бросалина Е. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Сказание о царице Ратне» и «Сказка о Царе Салтане» (к вопросу роли чудесного)</i>	226
<i>Букатая А. М. (Белорусский ГУ, Минск). Национальная специфика оппозиции «свой — чужой» в современной китайской прозе</i>	228
<i>Грунина Н. С. (ИМЛИ РАН, Москва). Мотив чудесного рождения героя из ствола бамбука в малайской классической литературе и мифологии народов Нусантары</i>	234
<i>Зидан Ж. Р. (ИСАА МГУ, Москва). Европа глазами египтян: на примере «Воспоминаний об изгнании» Б. ат-Туниси и «Воспоминаний студента за границей» Л. Аввада</i>	236
<i>Козинцев М. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Творческое наследие Пеями Сафа: турецкие и отечественные исследования</i>	238
<i>Кокова Ю. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Гимн в пуранах и религиозно-философских санскритских сочинениях</i>	239
<i>Мелконян Р. О.; Погосян Н. А. (Ф-т Востоковедения, ЕГУ, Ереван). Турецкая литература Германии конца XX — начала XXI веков: основные тенденции развития</i>	240
<i>Мокрушина А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Реальность и вымысел в романе Мухаммада Рабии «Меркурий»</i>	242
<i>Образцов А. В. (ВФ СПбГУ; НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург); Сулейманова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Факторы формирования культа в турецкой литературе (талант, популярность, телесность)</i>	244
<i>Посохова Е. В. (КФУ, Симферополь). Автоинтертекстуальность в романистике Орхана Памука</i>	245
<i>Соколовский А. Я. (ВИ — ШРМИ, ДВФУ, Владивосток). Самодетельный театр вьетнамского искусства во Владивостоке</i>	247
<i>Сотиболдиева С. Р. (ТГУУЯЛ, Ташкент). Проблема хронотопа в романе Мохаммед-Казима Мазинани «Шохи би шин»</i>	249
<i>Суворов М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Повествовательная манера как основная сфера эксперимента в современной арабской прозе</i>	251

<i>Сулейманова А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Концепт «телесности» в турецкой политизированной прозе 1970-х гг.</i>	252
<i>Улангина А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Особенности современной арабской исторической прозы на примере романа Мухаммада Хасана 'Альвана «Маленькая смерть»</i>	254
<i>Успенская Н. А. (МГИМО(У) МИД РФ, Москва). Роль символа в формировании художественного образа у современных египетских прозаиков</i>	255
<i>Фролова М. В. (ИСАА МГУ, Москва). Архаический образ острова Ниас в романе «Люди Неба» (2010 г.) индонезийского писателя Дж. А. Сонджайи.....</i>	257
<i>Халлиева Г. И. (Узбекский ГУ мировых языков, Ташкент). Микрокомпаративистика и сравнительные этюды российских востоковедов XX века</i>	258
<i>Ходжаназарова О. (Мин-во культуры Туркменистана, Ашхабад). «Искусство Дестана Гёроглы» в системе литературного и культурного наследия.....</i>	260
<i>Хронопуло Л. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Цикл новелл «Десять ночей грёз» Нацумэ Сосэки</i>	261
<i>Цветкова С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Фольклорная формула в религиозной лирике Миры Бай</i>	263
<i>Челнокова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Новое литературное направление хинди «Литература нью-эйдж» и его герой.....</i>	265
<i>Шуйская Н. М. (МГИМО(У) МИД РФ, Москва). Два романа — два документа эпохи (роман Синана Антуна «О Мария» и роман Ахмада Саадави «Франкенштейн в Багдаде»).....</i>	266

СЕКЦИЯ VII.

ЯЗЫКИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

LANGUAGES OF ASIA AND AFRICA

<i>Süer Eker (Baskent University, Ankara, Turkey). Turkic Languages with few speakers in the process of globalization</i>	269
<i>Аврutiна А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Динамика интеграции иноязычной лексики в систему староанатолийско-тюркского языка в XIII–XV вв.</i>	269
<i>Авчян А. В. (Ереванский ГУ, Ереван). Сравнительный анализ глагольных систем ленкоранского и анбаранского диалектов талышского языка</i>	270
<i>Айрапетян Д. А. (Ереванский ГУ, Ереван). Парные словосочетания с синонимичными компонентами в современном турецком языке</i>	272
<i>Алексеева М. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Особенности употребления аккузативных конструкций в современном разговорном иврите</i>	273

<i>Аликберова А. Р., Урывская Т. А. (К(П)ФУ, Казань). Опыт преподавания китайской иероглифики в Казанском (Приволжском) федеральном университете</i>	275
<i>Тагандурды Бекджаев (Туркменский ГУ, Ашхабад). Фразеологизмы и животноводческая лексика туркменского языка</i>	276
<i>Берникова О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Арабский язык в программах подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама</i> ...	278
<i>Бобков Д. В. (ИМОИВ КФУ), Мратхузин Д. А. (ИМОИВ КФУ). Проблема заимствований в хинди: аспекты и подходы</i>	280
<i>Бурыкин А. А. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург). Гомогенные субстраты как источник сравнительно-исторического изучения отдельных групп алтайских языков и как средство верификации общеалтайской реконструкции</i> ...	282
<i>Гаджиева А. А. (НАН Азербайджана, Баку). Падежи в языке «Дивана» Рухи Багдади</i>	283
<i>Гузев В. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). О диатезе</i>	284
<i>Дубровина М. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Отсутствие придаточных предложений как типологическая черта тюркских языков</i>	285
<i>Костина Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Нарушение правил согласования глагола с местоимением в текстах хинди</i>	287
<i>Крамарова С. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Балийский язык в современном мире</i>	289
<i>Кутафьева Н. В. (НГУ, Новосибирск). Способы выражения единичности в японском языке</i>	290
<i>Лебедев Э. Е. (ЧГИГН, Чебоксары). О составе глагольных форм с модальными значениями в чувашском языке</i>	292
<i>Микульский Д. В. (ИВ РАН, Москва). Жанр публичной речи в арабо-мусульманских династийных хрониках IX–X вв.</i>	293
<i>Сафарян Александр (Ереванский ГУ, Ереван), Саргсян Ани (Ереванский ГУ; Институт древних рукописей Матенадарана, Ереван). Об изучении армянографических тюркоязычных литературных памятников</i>	295
<i>Sahatova Gulshen (Hochschule Bremen, Bremen). Кипрско-турецкий язык в сравнительном освещении</i>	296
<i>Стрижак У. П. (НИУ ВШЭ, Москва). Японский поэтический текст: вариативность когнитивной интерпретации (на материале сборника «Сто стихотворений ста поэтов»)</i>	297
<i>Тавастшерна С. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Синтаксическая конструкция с -bhāva в языке пали</i>	298
<i>Таганова М. А. (НИР АНТ, Ашхабад). Особенности аффикса -rak/-rāk в туркменском языке</i>	300
<i>Турапова Н. А. (Ташкентский ГИ Востоковедения, Ташкент). Семантика соматического фразеологизма с компонентом «као» в японском языке в сравнении с узбекским фразеологизмом «юз»</i>	301

<i>Фаткулин Б. Г. (ВПО, Челябинск). Применение методов прикладной лингвистики для сбора информации на специализированную тематику (феномен «Исламской революции» в Иране в источниках на китайском языке)</i>	303
<i>Худяков Д. А. (НИУ ВШЭ; ИСАА МГУ, Москва). Некоторые грамматические особенности тангутских переводов буддийских текстов</i>	304
<i>Шатравка А. В. (Амурский ГУ, Благовещенск). О значимости грамматического критерия при разграничении слов по частям речи в современном китайском языке</i>	305
<i>Янсон Р. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). О полифункциональности отглагольных имен со структурой а-V в бирманском языке</i>	307

VIII. КРУГЛЫЙ СТОЛ:

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ:
К 200-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ»

ROUND TABLE DISCUSSION:

“HISTORY OF THE ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA:
THE 200TH ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT
OF ASIATIC MUSEUM IN ST PETERSBURG”

<i>Беккин Р. А. (ИнАфр РАН, Москва). А. Э. Шмидт и российская школа исламоведения</i>	311
<i>Валеев Р. М. (ИМОИВ КФУ, Казань). Казанскому университетскому востоковедению — 210 лет: Традиции и наследие (XIX — нач. XX вв.)</i>	312
<i>Валеев Рафаэль М. (КГИК, Казань), Валеев Рамиль М. (ИМОИВ, ИТЭР, Казань), Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Вклад немецких ученых-ориенталистов в отечественные арабо-мусульманские исследования: Санкт-Петербург — Казань (XVIII–XIX вв.)</i>	324
<i>Васильева Н. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Абдурахман Тагирович Тагирджанов — 110 лет со дня рождения (07.02.1907–18.12.1983)</i>	326
<i>Василюк О. Д. (ИВ НАНУ, Киев), Валеев Р. М. (ИМОИВ КФУ, ИТЭР, Казань). Неизвестные письма петербургских востоковедов Агафангелу Крымскому в фондах Института рукописи НБУВ</i>	327
<i>Гуцян Л. С. (РЭМ, Санкт-Петербург). К истории формирования кавказских коллекций Этнографического отдела Русского музея императора Александра III</i>	329
<i>Пылев А. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Реформатор якутской письменности С. А. Новгородов в Петербурге-Петрограде-Ленинграде</i>	331
<i>Сутягина Н. А., Кукина Д. А. (ГЭ, Санкт-Петербург). Коллекция находок из курганов Ноин-Улы (северная Монголия) на выставке в Берлине в 1929 году</i>	332

СЕКЦИЯ IX.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСЛАМА В РОССИИ

HISTORIOGRAPHY OF ISLAM IN RUSSIA

<i>Bustanov Alfrid (EUSPb, St Petersburg; UvA, Amsterdam). Muslim Letter-Writing in Late Imperial Russia</i>	335
<i>Гараев Д. М. (Амстердамский университет, Амстердам). Вопросы изучения джихадистской проблематики: международный и российский контекст</i>	336
<i>Красовицкая Т. Ю. (ИРИ РАН; РГГУ, Москва). Новые документы по дискуссии православных миссионеров с исламскими модернистами в 1880–1890 годы</i> ...	337
<i>Маточкина А. И. (Философский ф-т СПбГУ, Санкт-Петербург). Образ мусульманского Востока в работах отечественных исследователей рубежа XIX–XX вв.</i>	339
<i>Рагозина С. А. (РАНХиГС, Москва). Концепт исламофобии в западной и российской историографии</i>	340
<i>Тихонова Н. Е. (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону). Исмаил Гаспринский — тюркофил с «протоевразийскими» взглядами</i>	341
<i>Хабibuллина З. Р. (Ин-т этнологических исследований, УНЦ РАН, Уфа). «Святые места» мусульман в материалах Национального исторического архива Республики Башкортостан (1947–1961 гг.)</i>	343
<i>Хамидов Е. Н. (КФУ, Казань). О неопубликованном автографе Зайнуллы Расулева в РНБ г. Санкт-Петербурга</i>	345
<i>Шаблей П. С. (КФ ЧелГУ, Челябинск). Между традиционализмом и рационализмом: фетвы ахуна Гумара Караша во Внутренней казахской орде (начало XX века)</i>	347
<i>Шихалиев Ш. Ш. (ИИАЭ, Махачкала). Дискуссии о «ваххабизме» в дагестанских арабоязычных письменных источниках советского периода</i>	348

X. КРУГЛЫЙ СТОЛ:

«ГОРЦЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

ROUND TABLE DISCUSSION:

“MOUNTAIN SOCIETIES: TRADITIONS AND MODERNITY”

<i>Абдулаева И. А. (Кизлярский филиал Даггосуниверситета, Кизляр). Исторические свидетельства об атальчестве в Дагестане</i>	350
<i>Бугаев А. М. (КНИИ РАН, Грозный). Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана как проект горской государственности</i>	357

<i>Гануров Ш. А., Магомаев В. Х. (АН Чеченской Республики, Грозный).</i> Вопрос о горских набегах в отечественном кавказоведении	359
<i>Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Горцы Атласа в политической истории мусульманского Магриба	368
<i>Месхидзе Дж. И. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург).</i> Горная Чечня: эпизоды истории, легендарные герои и культурное наследие Майстинского общества ...	370

XI. КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ВОСТОК»

ROUND TABLE DISCUSSION: "TRADITIONALISM AND ORIENT"

<i>Ogut Eker Refia Gulin (Hacettepe University, Ankara, Turkey).</i> Are traditions and modernity the conflicting value systems? Traditions of Re-Contextualized Modern Life	372
<i>Алимджанов Б. А. (Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Неотрадиционализм как маркер идентичности в современном Узбекистане....	373
<i>Борисова А. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Система <i>измото</i> в современной Японии	374
<i>Бочаров В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> О «традиционализме» Востока и стратегиях его изучения (к теоретическому наследию Д. А. Ольдерогге и Н. М. Гиренко)	376
<i>Гейбуллаева Р. М. (Бакинский славянский университет, Баку).</i> Социальная коммуникации как вид культуры в зеркале средневекового эпоса	377
<i>Малашевская М. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Традиционные механизмы в японской дипломатической практике на примере российско-японских переговоров в 1990-е гг.	378
<i>Маяцкий Д. И. (ВФ, СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> К вопросу о влиянии традиционной культуры Китая на классическую китайскую драму <i>цзацзюй</i> и <i>наньси</i> XIII–XIV вв.	380
<i>Писчурникова Е. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Традиционный жанр газели в современной афганской литературе на пашто (на примере поэтических сборников Пир Мохаммада Карвана)	382
<i>Саврилова Н. С. (СПбГУПТД, Санкт-Петербург).</i> Межкультурная коммуникация как способ освоения чужой культуры	383
<i>Сергеева А. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Политическое преемничество в странах Африки южнее Сахары	384
<i>Тропникова А. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Республика Кения: «Демократический» процесс сквозь призму антропологического подхода.....	386

<i>Целищева В. Г. (ВШТЭ, СПбГУПТД, Санкт-Петербург).</i> Традиционная культура в социальных практиках, научных теориях и политических идеологиях (на примере деятельности музеев российского Дальнего Востока) ...	387
<i>Шереметьева Екатерина (СПбГКиТ, Санкт-Петербург).</i> Дилемма между традицией употребления <i>ракы</i> (алкогольного напитка) и верой в турецком обществе	389
<i>Эйдемиллер К. Ю. (СПбПУ, Санкт-Петербург).</i> «Исламский мир»: экзистенциальный приговор или трансформация ради будущего?	391
<i>Джыхангур Эрол (Doğu Araştırmaları Merkezi, İstanbul).</i> Истоки традиций и проблема традиционализма на Востоке.	401

ХII. КРУГЛЫЙ СТОЛ:

«БЛИЖНИЙ ВОСТОК КАК ВАЖНЕЙШИЙ УЗЕЛ «ЕВРАЗИЙСКОЙ ДУГИ НЕСТАБИЛЬНОСТИ»

ROUND TABLE DISCUSSION:

“MIDDLE EAST AS A MAJOR CENTRE OF “THE ARCH OF INSTABILITY ON THE RIM OF EURASIA AND NORTH AFRICA”

<i>Javed Zafar (Centre for Study and Research, Hyderabad).</i> Contemporary Afghan Crisis: A Regional Perspective	403
<i>Беренкова Н. А. (ИМОМИ, ННГУ, Нижний Новгород).</i> Место ливанской «Хизбуллы» в концепции «оси сопротивления».....	404
<i>Беркович Н. А. (ГЭУ, Санкт-Петербург).</i> Стратегия становления палестинского единства	404
<i>Добронравин Н. А. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Новые «племена с флагами» против постколониальных государств: этнополитика, война и религия в Магрибе, Сахаре и Сахеле.....	405
<i>Исаев Л. М. (НИУ ВШЭ, Москва), Юрьев С. Е. (РГГУ, Москва).</i> Проблема христиан в Леванте и ее значение для России	407
<i>Колотов В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Ближневосточный сегмент в контексте системы дуг нестабильности в Евразии.....	408
<i>Кондорский Б. М. (НПФ «Синбиас», Донецк, Украина).</i> Исторические предпосылки революционных событий на Ближнем Востоке.....	410
<i>Матвеев А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> «Сирийский капкан»	411
<i>Муратишина К. Г., Гаева Ю. Д. (Уральский ФУ, Екатеринбург).</i> Основные направления исследований специалистами стран Латинской Америки вопроса о соперничестве на континенте КНР и США на современном этапе ..	420
<i>Панцерев К. А. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Информационно-психологические операции ИГИЛ: некоторые практические аспекты	423

<i>Рыжов И. В., Бородин М. Ю. (ИМОИ, Нижегородский ГУ, Нижний Новгород). Современная российская историография политики России на Ближнем Востоке в XXI в.</i>	<i>424</i>
<i>Христофоров В. С. (ИРИ РАН; РГГУ, Москва). К вопросу о характере военно-политического присутствия в Афганистане советских и американских контингентов</i>	<i>426</i>
<i>Шишкина А. Р. (НИУ ВШЭ, Москва). Культурные факторы социально-политической нестабильности в современном мире: опыт качественного сравнительного анализа</i>	<i>434</i>

Научное издание

XXIX International Congress on Historiography
and Source Studies of Asia and Africa
“Asia and Africa: their Heritage and Modernity”

Proceedings

Vol. 1

XXIX Международный конгресс
по источниковедению и историографии стран Азии и Африки
«Азия и Африка: Наследие и современность»

Материалы конгресса

Том 1

Редактор А. С. Матвеев
Верстка и дизайн Е. В. Владимировой

Подписано в печать с авторского оригинал-макета
Формат 60 × 84/16. Печать офсетная
Печ. л. 28,25. Тираж 600 экз.
Заказ № 31862

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «НП-Принт»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала дом 199-201
Тел./факс: (812) 611-11-07

Санкт-Петербургский
государственный университет

Saint Petersburg State University

Санкт-Петербург
St. Petersburg

2017